

Гитлер

Биография

Иоахим ФЕСТ

directed them to the
the battle of destruction
The new ship will be
given to four targets, and

Иоахим ФЕСТ
Гитлер. Биография
ТРИУМФ И ПАДЕНИЕ В БЕЗДНУ

**ТРИУМФ
И ПАДЕНИЕ
В БЕЗДНУ**

Иоахим ФЕСТ

Гитлер

Биография

ТРИУМФ И ПАДЕНИЕ В БЕЗДНУ

Москва
«Вече»
2006

ББК 63.3(0)6
Ф44

Перевод с немецкого
А.А. Федорова, Н.С. Летневой, А.М. Андропова

Иоахим Фест

Ф44 Гитлер. Биография. Триумф и падение в бездну / Фест Иоахим ; Пер. с нем. А.А. Федорова, Н.С. Летневой, А.М. Андропова. — М. : Вече, 2006. — 640 с., ил.

ISBN 5-9533-1179-6

Книга «Гитлер. Биография» Иоахима Феста — известного немецкого историка Третьего рейха, многие годы являвшегося редактором авторитетной газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг», по праву считается одной из лучших биографий Гитлера. В свое время она стала сенсацией. Несмотря на внушительный объем и высокую цену, первое издание разошлось почти мгновенно. За первым последовал ряд других изданий, книга была переведена на многие языки и даже экранизирована. Центральной фигурой талантливо и увлекательно написанной книги является Адольф Гитлер. По мнению Феста, чудовищная по своим масштабам воля к власти Гитлера обусловила установление нацистской диктатуры и продемонстрировала «поразительную силу влияния личности на исторический процесс».

В книге — «Триумф и падение в бездну», посвящен двенадцатилетнему правлению Гитлера, ставшему для Германии величайшей трагедией за всю ее историю.

ББК 63.3(0)6

ISBN 5-9533-1179-6

**Joachim Fest. Hitler. Eine Biographie. —
Ullstein Buchverlage GmbH, 2003**

© А.А. Федоров, Н.С. Летнева, А.М. Андропов, перевод на русский язык, 2006
© ООО «Издательский дом «Вече», 2006

КНИГА ПЯТАЯ

ЗАХВАТ ВЛАСТИ

Глава I

ЛЕГАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Это не было победой, ибо отсутствовали противники.

Освальд Шпенглер, 1933 год

В ходе продолжавшегося всего лишь несколько месяцев бурного процесса Гитлер не только завоевал власть, но и добился осуществления части своих далеко идущих революционных планов. Комментарии, касающиеся его прихода к власти, носили сплошь пренебрежительный характер. Гитлера если и не называли «пленником» Гугенберга — по своеобразному совпадению такие иллюзии разделял целый спектр сил от «Центра» до СДПГ и коммунистов, — то оценивали его шансы невысоко, полагая, что продержится он недолго¹. Однако все скептические прогнозы, которые предрекали крушение Гитлера в силу мощи консервативных партнеров по коалиции, Гинденбурга и рейхсвера, сопротивления масс, в особенности левых партий и профсоюзов, многочисленности и тяжести экономических проблем, вмешательства иностранных государств или же, наконец, его собственного, ставшего очевидным дилетантства — все они были опровергнуты впечатляющим процессом захвата власти, который вряд ли имеет аналоги в истории. Да, ход событий отнюдь не был так тонко рассчитан в деталях, как это порой представляется в исто-

---

¹ «Пусть перебесится», — сказал фон Нейрат, который сам был членом кабинета Гитлера; см.: *Rauschning H. Gespräche*. S. 141.

рической ретроспективе, но тем не менее каждый момент Гитлер имел перед глазами одну цель: взять всю власть в свои руки до ожидавшейся смерти 85-летнего президента страны. Он знал, какая тактика необходима для этого: модифицированная страхом и чувством неуверенности практика легальных действий, которую он так успешно опробовал в предшествующие годы. Средством ему служил атакующий динамизм, который удар за ударом прорывал одну за другой позиции противника, не давая возможности обескураженным силам последнего, пытавшимся оказать сопротивление, сформироваться. На руку ему играли случайности, появлявшиеся возможности и всякий раз краешек плаща Провидения, орудием которого он себя провозглашал, и этот уголок плаща он учился схватывать все более уверенно.

Уже 2 февраля Гитлер посвятил заседание кабинета главным образом подготовке новых выборов, согласие на которые он выжал незадолго до приведения к присяге 30 января из сопротивлявшегося Гугенберга и необходимость которых он затем лицемерно оправдывал быстрым провалом проводившихся для видимости переговоров с партией «Центра». Доступ ко всем государственным средствам давал не только возможность выправить положение, сложившееся после поражения в ноябре 1932 года, но и с первых же шагов выйти из-под контроля партнера — Немецкой национальной народной партии. Хотя предложение Фрика предоставить правительству миллион марок на предвыборную борьбу было отклонено после возражения министра финансов Шверина фон Крозигка², чтобы совершить тот «шедевр агитации», который предсказывал Геббельс в одной из своих дневниковых записей, без таких подпорок можно было и обойтись, имея за спиной государственную власть³.

Как это и отвечало склонности Гитлера фиксировать внимание на одном вопросе, с этого момента все мысли, каждый тактический ход были поставлены на службу широкой кампании подготовки к назначенным 5 марта выборам. Он сам дал сигнал ее начала «Воззванием к немецкому народу», с которым

---

² Граф Лютц (Людвиг) Иоганн Шверин фон Крозигк (22.8.1887—4.3.1977) с 1921 года служил в Имперском министерстве финансов, а 2 июня 1932 года был назначен министром финансов и занимал этот пост до крушения Третьего рейха. После окончания войны приговорен к 10 годам тюремного заключения. — *Прим. науч. ред.*

³ *Goebbels J. Kaiserhof. S. 256.*

выступил по радио поздно вечером 1 февраля. Гитлер как нельзя быстро вжился в свою новую роль и ту манеру поведения, которой она требовала. Хотя присутствовавший при зачитании воззвания Ялмар Шахт мог наблюдать возбуждение Гитлера и то, как он в отдельные моменты «дрожал и дергался всем телом»⁴, сам документ, предварительно представленный на одобрение всем членам кабинета, был выдержан в ровном тоне заявления государственного мужа. Он соединял в себе критику прошлого и разрыв с ним с патетическими заверениями в преданности национальным, консервативным и христианским ценностям. Гитлер начал выступление с дней предательства в ноябре 1918 года: «Всевышний лишил наш народ своего благословения». Грызня между кучей партий, ненависть и хаос подменили единство нации «клубком политико-эгоистических противоречий», Германия являет собой «картину разобщенности, при виде которой сердце обливается кровью». Вынося обобщающие вердикты прошлому, он клеймил внутренний разлад, а также нищету, голод, утрату собственного достоинства и катастрофы последних лет и рисовал страшную картину конца двухтысячелетней культуры под широким натиском штурма опирающегося на «волю и насилие» коммунизма:

«Эта способная лишь на отрицание, всеразрушающая идея не пощадила ничего — начиная с семьи и всех понятий чести и верности, народа и Отечества, культуры и хозяйства вплоть до вечных основ нашей морали и нашей веры. 14 лет марксизма разорили Германию. Один год большевизма Германию бы уничтожил. Районы, относящиеся сегодня к самым богатым и прекрасным культурным областям мира, были бы повергнуты в хаос и превратились бы в руины. Даже страдания последних полутора десятилетий нельзя было бы сравнить с бедствиями Европы, в центре которой взвился бы красный флаг уничтожения».

В качестве задачи нового правительства Гитлер назвал восстановление «единства духа и воли нашего народа», он обещал взять под защиту «христианство как основу всей нашей морали, семью как основную ячейку нашего народного и государственного организма», преодолеть классовую борьбу и вернуть традициям подобающее им почетное место. Восстановление экономики должно было быть обеспечено при

---

⁴ *Schacht H. Abrechnung mit Hitler. S. 31*; само «Воззвание» опубликовано в кн.: *Domarus M. Op. cit. S. 191 ff.*

помощи двух широкомасштабных четырехлетних планов, принцип которых он вновь заимствовал у своих противников — марксистов, иностранным государствам было твердо указано на жизненные права Германии, но в то же время ее успокаивали смягчающими тон фразами о наличии воли к примирению. За четыре года, — завершал Гитлер свое обращение, — его правительство постарается «загладить вину 14 лет». Правда, при этом, прежде чем благоговейно просить благословения у Бога, он ясно дал понять, что правительство отбросит в сторону все конституционные контрольные механизмы. «Оно не может просить одобрения на восстановительный труд у тех, кто виновен в развале. У партий, приверженных марксизму, и их попутчиков было 14 лет, чтобы доказать, на что они способны. Результат налицо — гряда развалин».

Тактическую сдержанность, которую, несмотря на все угрожающие революционные нотки, все-таки в целом сохраняло это воззвание, Гитлер отбросил, когда он всего лишь двумя днями позже имел беседу в служебной квартире командующего сухопутными войсками генерала фон Хаммерштейна с верхушкой рейхсвера. Примечательная быстрота, с которой он стремился провести эту встречу, несмотря на множество требовавших его неотложного участия дел, была связана не только с ключевой позицией военных в его концепции завоевания власти — в упоении и на волне подъема тех дней ему, несмотря на всю скрытность, не терпелось посвятить в свои грандиозные планы новых людей. Вряд ли что-либо так ясно подчеркивает это нетерпение, как тот факт, что Гитлер раскрыл перед командующими свою самую сокровенную, центральную идею⁵.

Полный текст этого выступления не сохранился, однако имеется несколько подробных и взаимодополняющих свидетельств участников встречи. См., например, записи Хорста фон Меллентина, бывшего в то время 2-м адъютантом фон Хаммерштейна: Mellenthin H. Zeugenschrifttum des IfZ München. Nr. 105. S. 1 ff.; ему же принадлежит и цитируемое в следующем абзаце описание этой встречи; см., кроме того, сле-

---

⁵ См. в этой связи: Kluge P. Nationalsozialistische Europaideologie. In: VJHfZ. H. 3. S. 244. П. Клуке придерживается той точки зрения, что поведение Гитлера «объяснялось лишь чувством триумфа непосредственно в час окончательного захвата власти»; см. затем также: Gisevius H. B. Adolf Hitler. S. 175.

ланные во время выступления записи генерала Либмана среди документов, собранных Тило Фогельзангом: *Vogelsang Th. VJHfZ*, 1954. Н. 2. S. 434 f., а также показания Редера в Нюрнберге: *IMT. Bd. XIV. S. 28*; правда, Редер утверждает, что «ни о каких военных намерениях, воинственных намерениях и речи не было». Однако другие свидетельства противоречат этому. И утверждение Редера, будто высказывания Гитлера «были с удовлетворением» восприняты всеми слушателями, также оспаривается многими, например генералом фон дем Буше. См. также: *Hammerstein K. v. Späthrupp. S. 64*. Гитлер сам якобы заявил Бломбергу, что это выступление было «одной из его самых трудных речей, поскольку он все время говорил, словно обращаясь к стене»; см.: *Foertsch H. Schuld und Verhaengnis. S. 33*.

Хаммерштейн, как описывает один из участников встречи, «несколько покровительственно», свысока, представил «господин рейхсканцлера», фаланга генералов с холодной вежливостью поприветствовала его, Гитлер скромно, угловато со всеми раскланялся и пребывал в состоянии смущения до тех пор, пока после трапезы он не получил за столом возможность для продолжительного выступления. Гитлер обещал рейхсверу, как единственному носителю оружия в стране, приоритетное развитие, а в начале своей почти двухчасовой речи он, как и в дюссельдорфском клубе промышленников, коснулся мысли о примате внутренней политики. «Самая первоочередная цель нового правительства, — сказал он, — вновь сосредоточить власть в своих руках посредством “полного преобразования нынешних внутриполитических условий”, не останавливаясь ни перед чем в искоренении марксизма и пацифизма, а также создать всеобщую готовность к борьбе и обороне за счет “жесткого авторитарного государственного руководства”». Только последнее дает возможность сперва начать борьбу против условий Версаля при помощи осторожной внешней политики, чтобы затем, собрав силы, перейти к «завоеванию нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадной германизации». Непреложную необходимость экспансии, он между тем обосновывал не только геостратегическими аргументами и требованием обеспечить страну продовольствием, но и ссылкой на экономический кризис: и его причина, и его решение заключаются-де в «жизненном пространстве». При анализе положения ему представляются проблематичными только годы

скрытого военно-политического восстановления, в этот период станет видно, имеются ли во Франции государственные деятели: «Если да, она не даст нам времени, а нападет на нас, вероятно, с восточными сателлитами», — записал один из участников встречи.

В этом выступлении примечательно не только то, что оно с новой стороны высветило построенную на идее насилия структуру мышления Гитлера. Буквально каждое явление он воспринимал лишь как дополнительное подтверждение уже давно закрепившихся в уме идей, хотя и при этом настолько неверно оценивал сущность явлений — как в случае с экономическим кризисом, что это напоминало прямо-таки гротеск; и, по-прежнему, единственным решением, вообще понятным ему, было насилие. Рассуждения в этой речи одновременно свидетельствуют о преемственности мира идей Гитлера и опровергают все теории, согласно которым влияние возложения на его плечи ответственности сделало его более умеренным, а позже (обычно называют 1938 г.), когда он впал в старые агрессивные комплексы ненависти или же, как утверждает другая версия, оказался под воздействием новой системы маниакальных идей, его сущность изменилась.

Гитлеровская концепция завоевания власти, которая, несмотря на все заимствования из апробированной практики большевистских и прежде всего фашистских государственных переворотов относится к числу действительно оригинальных элементов его взлета, все еще остается по своему сценарию классической моделью тоталитарного преодоления демократических институтов изнутри — при помощи государственной власти, а не в схватке с ней. Он с незаурядной находчивостью, не стесненной в выборе средств, пускал в ход методы последних месяцев, приспособливая их к новому положению. В продуманном взаимодействии с коричневыми вспомогательными формированиями все новые дерзкие революционные акции так сочетались с юридически санкционированными актами, что возникала, если брать каждый отдельный случай, хотя часто сомнительная, но в целом убедительная кулиса легальности, прикрывавшая противозаконность режима. В ту же линию вписывалось и то, что во многом сохранялись старые институциональные фасады: тем беспрепятственнее можно было в их тени осуществлять глубинное преобразование всех отношений. Пока люди безнадежно запутывались в своих оценках законности системы, необходимости лояльности или сопротивле-

ния, парадоксальное понятие легальной революции — это было нечто гораздо «большим, чем пропагандистский прием», его значение для успеха процесса захвата власти невозможно переоценить⁶. Гитлер сам объяснял позже, что Германия в то время хотела порядка, в силу чего ему пришлось отказаться от открытого применения силы. В один из последних дней своей жизни, когда его охватывали настроения отчаяния, он, подводя итог ошибкам и упущениям прошлого, возлагал ответственность за всю половинчатость, компромиссы и роковой отказ от внезапной кровавой расправы на любовь немцев к порядку, их манию законопослушания и глубокое неприятие хаоса, которые придали нерешительный характер уже революции 1918 года, сорвали и его акцию у Фельдхеррnhалле. «Иначе тогда были бы ликвидированы тысячи... Только потом начинаешь жалеть, что был таким добрым»⁷.

В тот же момент тактика лавинообразно развертываемой революции, прикрытой атрибутами легальности, представлялась, однако, чрезвычайно успешной. По сути дела, все было predeterminedено уже в течение февраля тремя декретами, законность которых, как казалось, в равной степени обеспечивали буржуазные авторитеты, находившиеся рядом с Гитлером, подпись Гинденбурга и сопровождавший все это туман национальных лозунгов. Уже 4 февраля вышел декрет «О защите германского народа», который предоставлял правительству права запрещать политические мероприятия, газеты и печатные издания конкурирующих партий на самых неопределенных основаниях. Тут же последовали draconические меры, направленные против отличающихся политических воззрений любого направления, был прерван даже вскоре после его начала конгресс левых интеллектуалов и деятелей искусств в опере Кролля из-за якобы атеистических высказываний. Двумя днями позже, следующим чрезвычайным декретом, своего рода вторым государственным переворотом, был распущен прусский ландтаг, после того, как соответствующая попытка добиться этого парла-

---

⁶ Так считает К. Д. Брахер; см.: *Bracher K.D. Diktatur*. S. 210.

⁷ См. последнее застенографированное обсуждение обстановки 27 апреля 1945 года: *Der Spiegel*, 10.1.1966. Геббельс добавил — и это весьма примечательно, что и в 1938 году, в ходе аншлюса Австрии, «было бы лучше, если бы Вена оказала сопротивление и мы смогли бы все разделить под орех», а также: *Hitlers Tischgespräche*. S. 364, 366.

ментским путем потерпела провал. Спустя еще два дня Гитлер обосновал перед ведущими немецкими журналистами чрезвычайный декрет от 4 февраля, обратив при этом их внимание на ошибочные суждения газет о Рихарде Вагнере и заявив, что «хочет уберечь нынешнюю печать от подобных промахов». Одновременно он пригрозил самыми решительными мерами тем, «кто сознательно хочет вредить Германии»⁸. В комплексе маловразумительных сообщений, эффективно скомпонованных с угрозами и актами насилия, скупно поступали сведения о Гитлере как о человеке. 5 февраля бюро НСДАП по связям с печатью известило, что Адольф Гитлер, «который очень привязан к Мюнхену», сохраняет там свою квартиру и что он, между прочим, отказался от оклада рейхсканцлера.

Тем временем национал-социалисты глубоко проникают в управленческий аппарат. При распределении ролей актеров легальной революции Герингу, чья дородность придавала его деятельности столь жизнелюбивый оттенок, досталась задача неистового преобразователя. Хотя новый чрезвычайный декрет передавал все правительственные полномочия в Пруссии фон Папену, реальная власть была у Геринга. Пока вице-канцлер надеялся на свою «воспитательную работу внутри кабинета»⁹, соратник Гитлера направил в прусское МВД несколько так называемых почетных комиссаров, таких, как оберфюрер СС Курт Далюге¹⁰, которые тут же закрепились в крупнейшем бюрократическом ведомстве Германии и стали, проводя основательную перетряску кадров, отдавать распоряжения об увольнениях и назначениях новых людей. Как вспоминал современник «чинуши старой системы вылетали шта-

---

⁸ Domarus M. Op. cit. S. 202 f. S. 200.

⁹ Papen F. v. Op. cit. S. 294.

¹⁰ Оставной вице-фельдфебель и ветеран корпуса Россбаха Курт Далюге (15.9.1897—23.10.1946) с 1930 года руководил частями СС в Берлине и пользовался благоволением Гитлера. В сентябре 1933 года он возглавил земельную полицию Пруссии, а в мае 1934-го — 3-й отдел (полиция) Имперского министерства внутренних дел. С июня 1936 года — шеф полиции порядка. В июне 1942 — августе 1943 года — также уполномоченный по управлению делами имперского протектора Богемии и Моравии. После второго инфаркта в августе 1943 года фактически отошел от дел; обергруппенфюрер СС и генерал-полковник полиции. Повешен по приговору Народного суда Чехословакии. — *Прим. науч. ред.*

белями. Эта беспощадная чистка затронула всех — от обер-президента до вахмистра»¹¹.

Особое внимание Геринга было направлено на местные управления полиции, руководство которыми он в короткое время укомплектовал командирами СА высокого ранга. 17 февраля он обязал полицию своим приказом «установить отношения наилучшего взаимодействия с национальными формированиями» (СА, СС, «Стальной шлем»), а в отношении же левых «применять в случае необходимости оружие без малейших колебаний». «Каждая пуля, — так предельно откровенно он подтвердил это распоряжение в произнесенной позже речи, — которая будет выпущена полицейским, выпущена мной. Если это называть убийством, то считайте, что это убийство совершил я. Я отдал приказ, и ответственность я беру на себя». Из невзрачного второразрядного ведомства в берлинской полицей-дирекции, которое занималось надзором за антиконституционными действиями, начало формироваться гестапо (государственная тайная полиция)¹², аппарат которого уже четырьмя годами позже имел бюджет в сорок раз больше прежнего и располагал только в Берлине 4000 чиновников¹³. 22 февраля «для разгрузки линейных подразделений полиции при особых ситуациях» Геринг отдал распоряжение об образовании насчитывающей около 50 тысяч человек вспомогательной полиции, прежде всего за счет личного состава СА и СС, открыто покончив с фикцией нейтральной полиции и превратив ее в аппарат террора, действующий в интересах одной партии. Белая повязка на рукаве, резиновая дубинка и пистолет отныне делали законными дикие аресты и произвол партийной армии, возводя их в ранг

---

¹¹ *Gritzbach E.* Herman Göring. Werk und Mensch. S. 31; см. также: *Horkenbach C.* Op. cit. S. 66. Некоторое представление о размахе этих мер дает тот факт, что, например, из 32 полковников полиции порядка были уволены 22. «Сотни офицеров и тысячи вахмистров разделили ту же участь в последующие месяцы. Привлекались новые силы, и повсюду эти силы черпались из огромного резервуара СА и СС», — так писал Геринг; см.: *Aufbau einer Nation*. S. 84.

¹² Гестапо (Gestapo) — аббревиатура от *Geheime Staatspolizei* (тайная государственная полиция). Создано декретом Геринга от 26 апреля 1933 года. — *Прим. науч. ред.*

¹³ *Bracher K.D.* Machtergreifung. S. 73; а также: *Crankshaw E.* Die Gestapo. S. 35 ff., где дается картина этого роста. Высказывание Геринга см.: *Aufbau einer Nation*. S. 86 f.

правомочных действий на службе государству. «Мои меры, — заверял Геринг в одном из своих заявлений тех дней, в которых витает дух упоения насилием, — не будут страдать боязнью нарушить в чем-то юридические нормы. Мои меры не будут страдать болезнью какой-либо бюрократии. Мое дело здесь — не блюсти справедливость, а уничтожать и истреблять — и баста»¹⁴.

Тем самым объявлялась война прежде всего коммунистам, которые были не только принципиальными противниками, но и их голоса определяли формирование большинства в будущем Рейхстаге. Уже спустя три дня после создания правительства Геринг, после того как КППГ призвала к всеобщей забастовке и демонстрациям, запретил в Пруссии все митинги коммунистов. Тихая гражданская война тем не менее продолжалась, только в первые дни февраля в результате столкновений 15 человек погибли и примерно в десять раз больше были ранены. 24 февраля полиция в ходе рассчитанной на внешний эффект акции захватила здание ЦК КППГ — «Дом Карла Либкнехта» на Бюловплац в Берлине, — которое, правда, руководство Компартии давно покинуло. Уже на следующий день печать и радио сообщали о сенсационной находке «многих сотен центнеров материала, свидетельствовавшего о замышлявшейся государственной измене», что позволило снабдить национал-социалистических агитаторов написанными леденящими душу красками жуткими картинами коммунистической революции. Сам материал, правда, никогда не был опубликован: «террористические акты против отдельных вождей народа и руководителей государства, выведение из строя жизненно важных предприятий и публичных зданий, отравление целых групп лиц, которых они особенно боялись, захват заложников, жен и детей выдающихся деятелей должны были запугать народ, приведя его в ужас», — говорилось в докладе полиции. Тем не менее КППГ не запретила, чтобы не толкнуть ее избирателей в объятия СДПГ.

Тем временем национал-социалисты взвинтили свои пропагандистские мероприятия до самой шумной и безудержной предвыборной борьбы тех лет. Гитлер, который опять был самым мощным фактором воздействия на избирателей, лично открыл кампанию большой речью в берлинском Дворце

---

¹⁴ Из выступления на митинге НСДАП во Франкфурте-на-Майне 3.3.1933 г.: *Göring H. Reden und Aufsätze. München, 1930. S. 27.*

спорта. Он повторил старые проклятья 14 годам позора и нищеты, старые идеи непримиримости к ноябрьским преступникам и партиям прежней системы, равно как и старые формулы спасения страны, и закончил пламенной парафразой из «Отче наш». Он, — кричал Гитлер, — «непоколебимо убежден в том, что настанет час, когда миллионы тех, кто нас ненавидит, встанут за нами и вместе с нами будут приветствовать сообща созданный, завоеванный в тяжелейшей борьбе, выстраданный нами новый Германский рейх Величия и Чести, Мощи, Великолепия и Справедливости. Аминь!»¹⁵ Опять в ход были пущены все технические средства, на этот раз уже с опорой на престиж и поддержку государства. Страну охватил пароксизм воззваний, опять Гитлер летал по всей Германии. Разработанный Геббельсом план предусматривал как можно более широкое использование радио, «которое наши противники не умели применить с толком, — писал шеф пропаганды. — Тем лучше должны освоить работу с ним мы». Выступления Гитлера во всех городах должны были транслироваться передвижными радиостанциями: «Мы будем осуществлять трансляцию непосредственно из толщи народа, давая слушателю яркую картину происходящего на наших собраниях. Я сам буду предвирать каждую речь фюрера вступлением, в котором я постараюсь донести до слушателя магию и атмосферу наших массовых митингов»¹⁶.

Значительная часть средств для предвыборной кампании была собрана благодаря мероприятию, на которое Геринг пригласил 20 февраля в Президентский дворец ведущих промышленников. Среди участников встречи — их было около двадцати пяти — находились Ялмар Шахт, Густав Крупп фон Болен унд Гальбах, Альберт Фёглер из «Ферайнигте Штальверке», Георг фон Шницлер из концерна «ИГ Фарбениндустри», Курт фон Шрёдер, представители тяжелой и горной промышленности, банкиры. В своей речи Гитлер опять подробно проанализировал антагонизм между авторитарной предпринимательской идеологией и тем демократическим строем, который он с издевкой назвал политической организацией слабости и упадка. Он превозносил жестко организованное идеологизированное государство как единственную возможность устоять перед лицом коммунистической угрозы и превозносил право на власть

---

¹⁵ Domarus M. Op. cit. S. 208.

¹⁶ Goebbels J. Kaiserhof. S. 256 f.

отдельной великой личности. Он более не желает, продолжал Гитлер, зависеть от терпимости партии «Центра», от поддержки Гугенберга и немецких националистов, и он должен сперва завоевать всю власть, чтобы окончательно раздавить противника. Словами, в которых не было и тени стремления оставаться в рамках легальности, он призвал своих слушателей к финансовым жертвованиям: «Сейчас мы стоим накануне последних выборов. Каким бы ни был их итог, назад пути больше нет... Так или иначе, если положение не разрешится при помощи выборов, то развязка произойдет другим путем». В заключение Геринг заявил, что запрашиваемые финансовые жертвования «будут даны промышленностью тем легче, чем скорее она осознает, что выборы 5 марта наверняка будут последними в ближайшие десять лет, а возможно и на ближайшее столетие». Затем Шахт обратился к собравшимся с возгласом «А теперь, господа, пора раскошеливаться!» и предложил создать «предвыборную кассу», в которую он за короткое время собрал среди ведущих промышленных компаний по меньшей мере три миллиона марок, а может быть и больше¹⁷.

Гитлер в значительной степени отошел от прежней сдержанности и в предвыборных речах. «Время интернационалистской болтовни и обещаний примирения народов кончилось, на смену ему пришло время немецкого народного сообщества», — воскликнул он в Касселе; в Штутгарте он обещал «выжечь каленым железом явления разложения и обезвредить яд». Он преисполнен решимости «ни в коем случае не допустить возврата Германии к прежним порядкам». Он тщательно избегает изложения каких бы то ни было программных позиций («мы не хотим лгать и мы не хотим жульничать... раздавая дешевые обещания»). Конкретно он сформулировал только одно намерение — «никогда, никогда... не отступать от задачи истребить в Германии марксизм и сопутствующие ему явления»; «первый пункт» его программы — призыв к противникам «Похороните все иллюзии!» Через четыре года он будет держать ответ перед немецким народом, а не перед партиями, развалившими страну. Вот тогда пусть будет судьей народ — и никто иной, воскликнул он с надрывом, на который

---

¹⁷ О проведении и значении этого мероприятия стало известно лишь во время Нюрнбергского процесса; конкретные детали см.: IMT. Bd. XXXV, S. 42 ff, а также: IMT. Bd. V. S. 497 ff.; затем: Bd. XXXVI. S. 520 ff.

его в те дни часто толкала самооценка себя как мессии, «по мне, пусть народ меня распнет, если он решит, что я не выполнил своего долга»¹⁸.

Концепция легальной революции предусматривала расправу с противником не посредством открытого террора и мер запрета, а постоянным провоцированием его на акты применения насилия, чтобы он сам создал предлоги для законных мер подавления и их оправдания. Геббельс описал этот тактический метод уже в дневниковой записи от 31 января: «Пока мы хотим не прибегать к прямым контрмерам (против коммунистов). Пусть сперва вспыхнет пламя большевистской попытки осуществить революцию. А потом мы в подходящий момент нанесем удар»¹⁹. Это была старая гитлеровская идеальная революционная схема расстановки сил: его призывают на помощь как последнюю кандидатуру спасителя, к которой люди отчаянно рвутся всей душой, в кульминационный момент попытки коммунистического переворота, чтобы в драматической схватке уничтожить мощного врага, покончить с хаосом и обрести легитимность и уважение среди масс в качестве вызывающей ликование силы порядка. Поэтому уже на первом заседании кабинета 30 января он отклонил требование Гугенберга: недолго думая, запретить Компартию, забрать себе ее депутатские мандаты и обеспечить таким образом себе большинство в Рейхстаге, в силу чего новые выборы стали бы излишними.

Однако его мучило опасение, что коммунисты вообще не способны на широкомасштабную, энергичную акцию. Он уже и до того порой высказывал сомнения в их революционной силе, такой же позиции, кстати, придерживался и Геббельс, который в начале 1932 года не видел в них опасности²⁰. Дей-

---

¹⁸ См.: *Domarus M.* Op. cit. S. 214, 207, 209, 211; а также: *Baynes N.* Op. cit. Vol. I. P. 252, 238.

¹⁹ *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 254.

²⁰ *Ebd.* S. 86. По поводу сомнений Гитлера в революционной силе марксизма см. его выступление на совещании объединения партийных руководителей Тюрингии в начале 1927 года: *Jacobsen H.-A., Jochmann W.* Op. cit. «1927» S. 2. На фоне этих и подобных высказываний по разным поводам следует особое внимание обратить на бытующий еще и поныне, особенно рьяно пропагандировавшийся именно Гитлером и Геббельсом аргумент, будто бы перед Германией стояла тогда неизбежная альтернатива: коммунизм или национал-социализм. Об упоминаемых выше слухах насчет покушения см.: *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 294.

ствительно, потребовались известные пропагандистские усилия, чтобы стилизовать их образ под тот призрак, как это им самим хотелось бы в соответствии с их «свидетельством о рождении»²¹. Намеки на найденные в здании ЦК центнеры компромата служили этой установке, так же как и ходившие с середины февраля многочисленные, явно инспирированные самими национал-социалистами слухи о предстоящем покушении на Гитлера. Повисший в воздухе в 1918 году вопрос Розы Люксембург «Германский пролетариат — ну где же ты?» — остался и на этот раз без ответа. Хотя в первые недели февраля дело в ряде случаев доходило до уличных побоищ, они все же носили характер стычек явно местного характера, а никаких хотя бы самых призрачных свидетельств крупномасштабной, централизованно управляемой попытки восстания, благодаря которой можно было бы насаждать стимулирующие комплексы страха, не было. Причиной тому были не только депрессия и истощение энергии рабочих вообще, что, естественно, сильнее всего сказалось на коммунистах, но и доходившее прямо-таки до гротеска заблуждение их руководства в оценке исторической ситуации. Не обращая никакого внимания на преследования и мучения, на бегство многочисленных товарищей и массовый отток своих сторонников, коммунисты продолжали считать, что их основной противник — социал-демократия, что нет разницы между фашизмом и парламентской демократией, что Гитлер всего-навсего марионетка, что если он придет к власти, то тем самым только приблизит власть коммунизма, а на нынешней стадии высшая революционная добродетель — терпение.

Эти тактические просчеты были, очевидно, отражением глубинного процесса смещения центров власти. Один из необычных моментов захвата власти состоял в том, что враг, существование которого было так долго в психологическом плане стимулом жизни национал-социализма, в решающей степени вдохновляло его и позволило вырасти в могучую силу, в момент решающей схватки не вышел на арену. Еще недавно представлявший собой мощно действующую угрозу, наводивший ужас на буржуазию многомиллионный отряд сторонников коммунистов вдруг испарился — без какого-либо признака сопротивления, действия, сигнала. Если верно, что о фашизме нельзя го-

---

²¹ Имеется в виду «Манифест Коммунистической партии». — *Прим. пер.*

ворить, не рассуждая как о капитализме, так и о коммунизме²², то теперь после окончания одной связи исторически перестала существовать и другая: с этого момента фашизм уже не был ни инструментом, ни отрицанием, ни зеркальным отражением. В дни захвата власти он пережил как бы вступление во власть на основании своих собственных прав. В Германии коммунизм так больше и не появился на сцене в качестве провоцирующей контрсилы до самого краха фашизма.

На этом фоне надо рассматривать драматический, по сути дела уже закрепивший захват власти Гитлером пожар Рейхстага 27 февраля 1933 года. Этот фон определяет и многолетнюю дискуссию об ответственности за него. Коммунисты постоянно горячо отрицали какую-либо причастность к поджогу, и действительно, у них для этого не было никакого мотива. К тому же партия со сломленной волей к самоутверждению не могла подать такой грандиозный сигнал к переходу в наступление. Ответственность национал-социалистов можно было убедительно обосновать как раз потому, что пожар так превосходно вписывался в картину революционного нетерпения Гитлера. Долго считался потом бесспорным тезис об их виновности, хотя отдельные вопросы оставались невыясненными, и было видно, что спор ведется с подставными свидетелями и сфабрикованными документами. Сопровождавшие эти события криминальные обстоятельства также давали благодатную почву для воображения честолюбивых летописцев, так что происшедшее оказалось покрытым мощным слоем отчасти поверхностной, отчасти дерзкой сознательной лжи и стало представляться искаженным даже в его самоочевидных аспектах.

Значение и заслуга известного исследования, опубликованного Фрицем Тобиасом в начале 60-х годов, заключались прежде всего в том, что оно детально и предметно вскрывало многочисленные грубые измышления, продиктованные партийными интересами или же только живой фантазией авторов легенд. Выходящий за рамки упоминавшихся предположений тезис, что не национал-социалисты, а схваченный в горящем Рейхстаге потный, полуголый и восклицавший заплетающимся языком «Протест! Протест!» голландец Маринус ван дер Люббе был ни с кем не связанным преступни-

---

²² См. в этой связи: *Nolte E. Kapitalismus — Marxismus — Faschismus*. In: *Merkur*, 1973. Н. 2. S. 111 ff.

ком-одиночкой, обоснован точнее и убедительнее, чем какая-либо другая версия события, но все же оставались немалые сомнения, которые поддерживали огонь горячо шедших много лет споров²³. Приводившиеся при этом доводы «за» и «против», весомость аргументов в нашем контексте к делу отношения не имеет, ибо вопрос о том, кто устроил поджог, — это вопрос криминалистики и имеет для исторического понимания процесса захвата власти второстепенное значение. Мгновенно использовав данное событие для реализации планов установления своей диктатуры, национал-социалисты так или иначе взяли это преступление на свою совесть, обнаружили свое соучастие в том смысле, который не в силах затронуть споры о признаках состава преступления и вопрос о виновном в нем. В Нюрнберге Геринг признался, что аресты и преследования были бы проведены в любом случае, пожар Рейхстага их только ускорил²⁴.

Решения о первых шагах в сложившейся обстановке были приняты уже на месте события. Гитлер проводил вечер на квар-

---

²³ Tobias F. Der Reichstagsbrand. Если верить многочисленным сообщениям, которые, правда, на момент окончания работы над рукописью еще не были как следует проверены, Эдуард Чалич и возглавляемый им «Европейский комитет по научному изучению причин и последствий второй мировой войны» придерживаются противоположной точки зрения. См. в этой связи, например, также: *Mommsen H.* Der Reichstagsbrand und seine politischen Folgen. In: *VJHfZ.* 1964. Н. 4 и статьёю того же автора в: *Die Zeit*, 26.2.1971. S. 11. И на самом деле кажется сомнительным, что ван дер Люббе смог в одиночку и в течение всего лишь нескольких минут создать столько крупных очагов возгорания. И, опять же, — как увязать смелость и расчетливую осмотрительность этого поступка с тремя другими явно неумело организованными поджогами, которые ван дер Люббе устроил в тот же день.

²⁴ См.: *IMT. Bd. IX.* S. 481 f., а также документ PS-3593. Геринг, кстати, до самого конца решительно отрицал какое-либо свое участие в поджоге и — что вполне убедительно — заметил, что ему не нужно было никаких особых поводов для расправы над коммунистами. «На их счету было столько вины, а их преступление столь огромно, что я без какого-либо дополнительного предлога был полон решимости и желания начать беспощадную войну по искоренению этой чумы всеми находившимися в моем распоряжении средствами власти. Напротив, как я уже заявлял на процессе о поджоге Рейхстага, этот пожар, вынудивший меня к срочному принятию мер, был для меня крайне нежелателен, поскольку он заставил меня действовать раньше запланированного срока и еще до того, как я закончил все необходимые приготовления». См.: *Aufbau einer Nation.* S. 93 f.

тире Геббельса на Рейхсканцлерплац, когда позвонил Ганфштенгль и доложил, что Рейхстаг охвачен пламенем. Полагая, что эта информация является «несуразным плодом чьей-то буйной фантазии», Геббельс сперва не стал информировать об этом Гитлера. И только когда вскоре поступило подтверждение известия, он передал его. Спонтанное восклицание Гитлера «Теперь они у меня не выкрутятся!» уже предвещало, как он собирался использовать случившееся в тактическом и агитационном плане. Оба тут же «помчались на скорости 100 км в час по Шарлоттенбургскому шоссе к Рейхстагу» и добрались, перешагивая через толстые пожарные рукава, до большой крытой галереи. Здесь они встретили Геринга, который прибыл туда первым и «в сильном возбуждении» уже объявил происшедшее организованной политической акцией коммунистов. С этого момента подобная установка и предопределяла формирование политического, журналистского и криминалистического мнения. Один из тогдашних сотрудников Геринга, который позже стал первым руководителем гестапо, Рудольф Дильс²⁵, рассказывает, что происходило на месте преступления:

«Когда я вошел, ко мне приблизился Геринг. В его голосе звучал весь судьбоносный пафос этого драматического часа: “Это начало коммунистического восстания, они пошли в бой! Нельзя терять ни минуты!” Геринг не смог продолжить дальше. К собравшимся повернулся Гитлер. Тут я увидел, что его лицо было багрово-красным от возбуждения и от жара в зале под куполом. Он закричал с такой неистовостью, какой я у него до того никогда не наблюдал, казалось, он вот-вот лопнет от натуги: “Теперь не будет никакой пощады! Раздавим всякого, кто встанет у нас на пути! Немецкий народ не поймет мягкотелости. Каждого коммунистического функционера расстреливать на месте. Депутатов-коммунистов повесить этой же ночью. Социал-демократам и Рейхсбаннеру теперь тоже никакой милости не будет!”» (*Diels R. Lucifer ante portas. S. 194.*)

Тем временем Геринг приказал привести всю полицию в состояние наивысшей готовности. Уже этой ночью было аре-

---

²⁵ Доктор права, и профессиональный полицейский Рудольф Дильс (16.12.1900—18.11.1957) был ближайшим советником Г. Геринга по вопросам прусской полиции. Фактически он руководил созданием гестапо и стал первым его начальником. После того как гестапо перешло под контроль Гиммлера, Йост был уволен и в дальнейшем какой-либо заметной роли не играл. — *Прим. науч. ред.*

стовано четыре тысячи партийных функционеров, прежде всего КППГ, и заодно некоторые неугодные режиму писатели, врачи и адвокаты, в том числе Карл фон Осецкий, Людвиг Ренн, Эрих Мюзам и Эгон Эрвин Киш. Были заняты штаб-квартиры парторганизаций и редакции газет социал-демократов, «если будут сопротивляться, — грозил Геббельс, — пускайте в дело штурмовиков»²⁶. И хотя большинство арестованных пришлось брать в постели, а лидер парламентской фракции КППГ Эрнст Торглер, которого поначалу обвинили в причастности к поджогу, сам явился в полицию, чтобы продемонстрировать несостоятельность обвинений, первое официальное сообщение, датированное еще 27 февраля (!), гласило:

«Пожар Рейхстага должен был стать грандиозным сигналом к кровавому бунту и гражданской войне. Уже на вторник, на 4 часа утра, в Берлине намечались широкомасштабные грабежи. Установлено, что с сегодняшнего дня по всей Германии должны были начаться террористические акты против отдельных деятелей, против частной собственности, против мирного населения, и должна была быть развязана всеобщая гражданская война...

Подписаны ордера на арест двух виднейших коммунистических депутатов Рейхстага ввиду наличия весомых оснований подозревать их в причастности к совершенному преступлению. Остальные депутаты и функционеры компартии взяты под арест. Коммунистические газеты, журналы, листовки и плакаты на четыре недели были запрещены по всей Пруссии. На четырнадцать дней запрещались все газеты, журналы, листовки и плакаты социал-демократической партии»²⁷.

Уже в первой половине следующего дня Гитлер вместе с Папенем явился к рейхспрезиденту. После выдержанного в драматических красках рассказа о происшедших событиях он представил Гинденбургу проект чрезвычайного декрета. Последний поистине максимально использовал представившийся случай, отменяя все основные права, значительно расширяя сферу применения смертной казни и, кроме того, создавая многочисленные механизмы давления на земли. «Люди были как оглушены», — вспоминает один из очевидцев, — никогда серьезность

---

²⁶ *Goebbels J. Kaiserhof. S. 194. О волне арестов см.: Horkenbach C. Op. cit. S. 74.*

²⁷ Из «Официального сообщения пресс-службы Пруссии», опубликованного в: *Horkenbach C. Op. cit. S. 72.*

коммунистической угрозы не была столь осязаемой, жильцы домов организовывали дежурства из страха перед предстоящими грабежами, крестьяне выставляли охрану у колодцев и родников, боясь, что их отравят. Мгновенно сыграв при помощи всех пропагандистских средств на страхе людей, Гитлер получил возможность на короткий, искусно использованный период делать почти все, что угодно. Да, это было так, как бы непостижимо ни было для нас одобрение декрета со стороны Папена и его консервативных «соконтролеров» — он выбивал у них из рук любое средство реального влияния и сносил преграды на пути потока национал-социалистической революции. Решающим моментом, однако, было то, что отсутствовало упоминание прав, обеспечивающих неприкосновенность личности. Эта «страшная недомолвка» привела к тому, что с этого момента снимались все пределы государственного произвола. Полиция могла произвольно «арестовывать и без каких-либо ограничений продлевать срок задержания. Она могла держать родственников в полном неведении о причинах ареста и дальнейшей судьбе арестованного. Она могла не давать адвокату или другим лицам посетить его или же ознакомиться с материалами дела... изнурять заключенного непосильной работой, кормить и размещать его в камере кое-как, заставлять повторять ненавистные ему лозунги или петь песни, пытать его... Никакой суд не получил бы материалы дела. Ни один суд не был правомочен вмешаться, даже если бы какой-нибудь судья неофициально узнал бы об обстоятельствах дела»²⁸.

Чрезвычайный декрет «О защите народа и рейха», который в тот же день был дополнен и еще одним — «Против измены германскому народу и действий, представляющих собой государственную измену», — был главной правовой основой системы господства национал-социалистов и, вне всяких сомнений, важнейшим законом Третьего рейха, он заменял правовое государство перманентным чрезвычайным положением.

---

²⁸ Brecht A. Vorspiel zum Schweigen. S. 125 f. Чрезвычайный декрет от 28.2.1933 гласил: «Статьи 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153 Конституции Германского рейха отменяются вплоть до особого распоряжения. Поэтому, помимо предусмотренных в законном порядке, допускаются также и дополнительные ограничения личной свободы граждан, права на свободное выражение мнения — включая свободу печати, права на образование союзов и проведение собраний, вмешательство в тайную переписки, почтовых и телеграфных отправок и телефонных разговоров, выдача ордеров на домашний обыск и конфискацию, а также ограничения собственности».

Справедливо указывалось на то, что именно в нем, а не в принятом несколькими неделями позже законе о чрезвычайных полномочиях, следует искать главную правовую основу режима. Вплоть до 1945 года декрет действовал без каких-либо изменений, обеспечивая псевдоправовое прикрытие преследованиям, тоталитарному террору, подавлению немецкого Сопротивления вплоть до 20 июля 1944 года²⁹. Одновременно чрезвычайный декрет имел и тот эффект, что национал-социалисты больше не могли отступить от тезиса о поджоге Рейхстага коммунистами и восприняли состоявшийся позже процесс, который мог доказать вину только ван дер Люббе, как тяжкое поражение. В этих аспектах, а не в криминалистических деталях, надо видеть решающее историческое значение пожара Рейхстага. Когда Сефтон Делмер, корреспондент «Дейли экспресс», спросил в то время Гитлера, верны ли слухи о предстоящей резне внутри политической оппозиции, Гитлер мог насмешливо ответить ему: «Мой дорогой Делмер, я не нуждаюсь в Варфоломеевской ночи. Чрезвычайным декретом «О защите народа и государства» мы создали особые суды, которые законным путем выдвинут обвинения против всех врагов государства и осудят их». Число арестованных до середины марта только в Пруссии на основании декрета от 28 февраля оценивали в более чем десять тысяч. Геббельс с чувством необыкновенного счастья комментировал успехи захвата власти: «Жизнь опять упоительна!»³⁰

На этом запугивающем фоне в последнюю неделю перед выборами снова форсировали свою работу, постоянно наращивая обороты, все средства национал-социалистической агитации. Геббельс объявил 5 марта «Днем пробуждения нации», и на проведение этого дня были направлены теперь все массовые митинги и шумные парады, все акции вывешивания флагов,

---

²⁹ *Bracher K.D. Machtergreifung. S. 82 ff.* Брахер, в частности, справедливо заметил, что слишком поспешное обоснование принятия чрезвычайного декрета «угрожающими государству актами насилия со стороны коммунистов» стало несостоятельным, как минимум, уже после решения Имперского суда. Тот факт, что чрезвычайный декрет тем не менее так и не был отменен, позволяет «определить национал-социалистическое государство и с формальной точки зрения как неправовое государство». *Ebd. S. 85.*

³⁰ *Goebbels J. Kaiserhof. S. 271*, а также: *Daily Express, 3.3.1933*; см. в этой связи, кроме того: *Delmer S. Die Deutschen und ich. S. 196.* Об арестах см.: *Broszat M. Op. cit. S. 101 f.*

акты насилия, сцены ликования и гитлеровские «шедевры ораторского искусства». Безудержный ошеломляющий пыл этих мероприятий почти полностью вытеснил со сцены партнеров, прежде всего ДНФП, в то время как другим партиям чинились многочисленные помехи, на которые полиция взирала молча и безучастно. До дня выборов среди противников национал-социалистов был убит 51 человек и несколько сотен ранено, а среди национал-социалистов погибло 18 человек. «Фёлькишер Beobachter» не без основания сравнивала агитацию НСДАП с «сокрушительными ударами молота»³¹. День накануне выборов был отмечен помпезным спектаклем в Кёнигсберге. Когда Гитлер закончил речь экзальтированным призывом к немецкому народу: «Теперь опять высоко и гордо держи свою голову! Больше ты не порабощен и не закабален, теперь ты опять волен... милостивой помощью Божией», зазвучала «Нидерландская благодарственная молитва», последняя строфа которой была перекрыта колокольным звоном Кёнигсбергского собора. Все радиостанции получили указание передавать митинг в прямой трансляции, согласно партийной директиве каждый, «у кого есть для этого возможность, должен сделать все, чтобы на улице был слышен голос канцлера». После окончания передачи повсюду начался марш колонн СА, в то время как на горах и вдоль границы были зажжены так называемые костры свободы. «Нас ждет великая победа», — ликовали организаторы³².

Тем больше было их разочарование, когда вечером 5 марта стали известны результаты. В выборах приняло участие примерно 89 % избирателей, НСДАП получила 288 мест, а ее партнер по коалиции — Черно-бело-красный боевой фронт — 52 мандата. Партия «Центра» удержала свои позиции, набрав 73 места, равно как и СДПГ — 120 депутатов, и даже коммунисты потеряли из прежних 100 мандатов только 19. Настоящего успеха национал-социалистам удалось добиться только в южногерманских землях Вюртемберге и Баварии, где до этого их показатели были ниже средних. Но желанного большинства они все же не получили: они набрали 43,9 % голосов, и для большинства им не хватало около 40 мест. Вследствие этого Гитлер по меньшей мере формально продолжал зависеть от поддержки со стороны Папена и Гугенберга, вме-

---

³¹ VB, 6.3.1933; *Goebbels J. Kaiserhof*. S. 273 f. Относительно потерь см.: *Heiden K. Geburt*. S. 116.

³² *Goebbels J. Kaiserhof*. S. 271.

сте с мандатами их партии у Гитлера получалось весьма хрупкое большинство — 51,9 %. На квартире у Геринга, где стало известно о результатах выборов, он раздраженно заявил, что пока жив Гинденбург, от «шайки» — он имел в виду партнера по коалиции, ДНФП, — не избавиться³³. Геббельс возразил: «Да что значат теперь все эти цифры? Мы хозяева в рейхе и Пруссии». В своем листке «Ангриф» он обратился к Рейхстагу с поразительным требованием «не создавать трудностей правительству... и дать событиям пойти своим ходом».

Одной из черт не дающего людям прийти в себя стиля захвата власти и национал-социалистической психологии вообще является мышление исключительно торжествующими категориями и манера превозносить как победы даже тяжелейшие поражения — вопреки всей очевидности. Поэтому и результаты выборов национал-социалисты, несмотря на свое разочарование, выдали за грандиозный успех и вывели из него свою историческую задачу «привести в исполнение приговор, вынесенный народом марксизму». Когда партия «Центра» запротестовала непосредственно после выборов против вывешивания флагов со свастикой на общественных зданиях, Геринг высокомерно ответил, что 5 марта «подавляющее большинство немецкого населения» выразило свою поддержку флагу со свастикой: «Я отвечаю за то, чтобы выполнялась воля большинства немецкого народа, а не желания группы людей, которые, похоже, еще не поняли смысла происходящего ныне». На заседании кабинета 7 марта Гитлер без обиняков охарактеризовал результаты выборов как «революцию»³⁴.

При помощи акций, напоминающих скорее путч, нацисты уже в первые четыре дня после выборов захватили власть в землях. СА повсюду сыграли давно известную в истории проходную роль уже не владеющего собой народного гнева, проводя демонстрации на улицах, окружая административные здания и требуя смещения бургомистров, полицей-пре-

---

³³ *Sommerfeld M.* Ich war dabei. S. 42; по поводу приводимого ниже возражения Геббельса; см.: *Goebbels J.* Revolutionstagebuch. S. 275, а также: *Horkenbach C.* Op. cit. S. 98.

³⁴ Из материалов заседания кабинета 7.3.1933, опубликованных в: *Akten zur deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945, Serie D* (далее — ADAP), S. 114; затем сообщение пресс-службы НСДАП от 5.3.1933, *Schulthess*, 1933. S. 54 f. По поводу обмена телеграммами между депутатом от партии «Центра» Йоосом и Герингом см.: *Ursachen und Folgen*, Bd. IX. S. 80.

зидентов и, в конечном счете, правительств. В Гамбурге, Бремене, Любеке, Гессене, Бадене, Вюртемберге или, скажем, в Саксонии каждый раз по одной и той же схеме правительство земли заставляли уходить в отставку, расчищая тем самым дорогу для прихода «национального» кабинета. Порой, правда, тщательно сооруженные фасады законности рушились и становились очевидными незаконные, революционные притязания на власть: «Правительство со всей жесткостью раздавит всякого, кто выступит против него», — заявил вюртембергский гаулейтер Вильгельм Мурр после того, как его при помощи подтасовок избрали новым президентом земли³⁵. «Мы не говорим: око за око, зуб за зуб — нет, тому, кто выбьет нам глаз, мы оторвем голову, а тому, кто выбьет нам зуб, разможем всю челюсть»³⁶. В Баварии гаулейтер Адольф Вагнер вместе с Эрнстом Рёмом и Генрихом Гиммлером вынудил премьер-министра Хельда уйти в отставку 9 марта и приказал затем своим подчиненным занять здание правительства. За несколько дней до того в Мюнхене размышляли, не восстановить ли для отражения угрозы унификации монархию, призвав на трон кронпринца Рупрехта, и грозили арестовать на границе любого рейхскомиссара, который попытается пересечь линию Майна. Теперь выяснилось, что рейхскомиссар давно находился в пределах земли Бавария и по части близости к народу превзошел всех ее министров: вечером 9 марта правительственные полномочия были переданы тому самому генералу фон Эппу, который в 1919 году разгромил власть Советов в Баварии. Всего тремя днями позже в Мюнхен направились Гитлер. В первой половине дня в выступлении по радио по случаю общенационального дня скорби он объявил, что черно-красно-желтые государственные цвета Веймарской республики отменяются и отныне государственным флагом являются стяги черно-бело-красного цвета и полотнища со свастикой. Одновременно он дал указание вывесить «в знак празднования победы» на три дня флаги. Он объявил «первый

---

³⁵ Гаулейтер Вюртемберга Вильгельм Мурр (16.12.1888—13.5.1945) 15 марта 1933 года стал государственным президентом, министром экономики и внутренних дел Вюртемберга. — *Прим. науч. ред.*

³⁶ *Miller M. Eugen Bolz, Staatsmann und Bekenner. Stuttgart, 1951. S. 440.* Некоторые малые земли, в которых национал-социалисты входили в состав правительства, оказались в их власти в середине февраля, например Тюрингия, Ангальт, Брауншвейг, Мекленбург, Шверин и Нойстрелиц.

этап» борьбы завершённым и добавил: «Унификация политической воли земель и воли нации свершилась»³⁷.

На самом же деле унификация была той своеобразной формой, в которой осуществлялась национал-социалистическая революция. В предшествующие годы Гитлер постоянно выступал против старомодных и сентиментальных революционеров, которые видели в революции «спектакль для масс», заявляя: «Мы не балаганные революционеры, рассчитывающие на люмпен-пролетариат»³⁸. Революция, по его представлениям, была не бунтом, а управляемым беспорядком, не произволом и не незаконной анархией, а триумфом упорядоченного насилия. Поэтому он с явным неудовольствием воспринимал террористические акции СА, развернувшиеся непосредственно после выборов, дополнительно подогретые шумными лозунгами победы, — не потому, что это было насилие, а потому, что они были неорганизованными. Противники, ренегаты или посвященные в сокровенные тайны становились жертвами безудержной жажды мести. В округе Хемниц в течение двух дней было убито пять коммунистов и застрелен издатель социал-демократической газеты, в Глейвице депутату от партии «Центра» бросили в окно ручную гранату, вооруженные штурмовики ворвались в кабинет обербургомистра Дюссельдорфа доктора Лера и избили кожаной плеткой одного из присутствующих. В Дрездене СА сорвали концерт дирижера Фрица Буша, в Киле убили адвоката, который был членом СДПГ. СА бойкотировали еврейские магазины и освобождали из тюрем своих товарищей по партии, занимали банки и заставляли увольнять политических негодных им чиновников. Параллельно с этим шла волна взламывания квартир, грабежей и разбоя. В отдельных случаях штурмовики занимались дикой торговлей людьми, отпуская политических противников на свободу за высокий выкуп. Учитывая все подобные обстоятельства, число убитых в течение первых месяцев оценивали в 500—600, а количество отправленных в лагеря, о которых Фрик говорил уже 8 марта, — в 50 тысяч и более. Как всегда, при анализе комплексных моделей поведения национал-социалистов обнаруживается почти не распутываемый клубок политических мотивов,

---

³⁷ *Domarus M.* Op. cit. S. 222.

³⁸ *Calic E.* Op. cit. S. 59. По поводу приведенных выше слов Гитлера см.: *Rauschning H.* Gespräche. S. 164.

удовлетворения личных инстинктов и холодного расчета. О таком положении вещей свидетельствует перечень имен некоторых жертв этого периода: наряду с поэтом-анархистом Эрихом Мюзамом среди убитых были директор театра Роттер и его жена, бывший национал-социалистический депутат Шефер, передавший властям «Боксхеймские документы», ясновидец Хануссен и баварский майор полиции Хунглингер, который 9 ноября 1923 года умирал Гитлера в пивной «Бюргербройкеллер». Далее — бывший рейхсфюрер СС Эрхард Хейден и, наконец, убивший Хорста Весселя «Али» Хёлер. Все жалобы своих буржуазных партнеров на растущее господство улицы Гитлер резко и оскорбленно отметал. Папену он заявил, что просто восхищен «небывалой дисциплиной» своих штурмовиков и эсэсовцев, и он опасается, что «история однажды упрекнет нас, что мы, может быть, сами уже заразились слабостью и трусостью нашего буржуазного мирка, в исторический час действовали в белых перчатках вместо того, чтобы пустить в ход стальные кулаки». Он заявил, что никому не позволит увести себя в сторону от выполнения своей миссии истребления марксизма и «поэтому самым настоящим образом просит в будущем не обращаться к нему с подобными жалобами». Тем не менее уже 10 марта он предупредил СА и СС о необходимости «вести себя так, чтобы в истории нельзя было сравнивать национальную революцию 1933 года с революцией спартаковского сброда в 1918 году»³⁹.

Естественно, СА были глубоко разочарованы такими предупреждениями. Они всегда понимали под захватом власти открытое применение насилия, за которое ни перед кем отвечать не приходится, они гонялись за людьми, пытали и убивали их не в последнюю очередь ради того, чтобы придать революции ее подлинный темперамент. И они не хотели, чтобы многолетние обещания, согласно которым Германия

---

³⁹ Из обращения Гитлера 10 марта 1933 года; цит. по: *Domarus M.* Op. cit. S. 219. Сравни, с другой стороны, негодование Гитлера по поводу жалобы заместителя председателя ДНФП фон Винтерфельда от 10.3.1933: ВАР R 43. Bd. II. S. 1263. Относительно послания Гитлера Папену, копии которого были отправлены Гинденбургу и министру рейхсвера, см.: *Broszat M.* Op. cit. S. 111. В немецких газетах, в частности, сообщалось, что с 31 января по 23 августа 1933 года насильственной смертью умерли 196 противников национал-социалистов и 24 сторонника Гитлера, а в период до мартовских выборов — 51 противник и 18 национал-социалистов.

после победы будет принадлежать им, теперь вдруг обернулись ни к чему не обязывающими метафорами. Они связывали с былыми посулами совершенно конкретные притязания на офицерские патенты, должности руководителей окружных управлений, «тепленькие местечки», социальную обеспеченность. А гитлеровская концепция захвата власти предусматривала, по крайней мере на первом этапе, замену лиц лишь на ключевых постах в процессе хорошо дозированного нажима. Массу специалистов второго эшелона надо было заставить сотрудничать при помощи обманных маневров и угроз. Поэтому Гитлер старался успокоить своих штурмовиков обтекаемыми заявлениями: «Час разгрома коммунизма придет!» — заклинал он их уже в начале февраля⁴⁰.

Разочарования СА были, однако, надеждами бюргерства. Оно ожидало восстановления порядка, а не произвола, убийств или создания диких концлагерей коричневыми преторианцами. Тем с большим удовлетворением взирало оно теперь, как СА призывались к порядку, как их революционный порыв к действию все больше глушили заданиями собирать пожертвования, расхаживая с кружкой по улицам, или даже посещением церкви по воскресеньям, куда их вели строем. Сбивающее с толку, но работающее на повышение престижа представление о Гитлере как умеренном деятеле, который, блюдя законность, постоянно ведет изматывающие схватки со своими радикально настроенными соратниками, порождено впечатлениями этого времени.

Но по-настоящему целостной и высокоэффективной тактика «легальной революции» становилась благодаря второму «волшебному слову»⁴¹, которым оперировал Гитлер — «национальное возрождение». Оно служило революционным оправданием не только многочисленным, отчасти неконтролируемым, а отчасти управляемым актам насилия, но и давало все еще оскорбленной в своем национальном самосознании стране заволаживающий лозунг, за мишурой которого можно было спрятать все далеко идущие властные цели режима. Начиная от консервативных «укротителей» Гитлера в кабинете вплоть до широких кругов буржуазной общественности, на всех их сочетание запугивающего насилия и националистической

---

⁴⁰ Broszat M. Op. cit. S. 215.

⁴¹ Bracher K.D. Der Technik der nationalsozialistischen Machtergreifung. In: Deutschland zwischen Demokratie und Diktatur. S. 168.

фразеологии, которая сопровождала все акты произвола потоками патетических словоизлияний, придавая им некое возвышенное значение, оказывало исключительно сильное парализующее действие. Оно приводило к тому, что беззастенчивое утверждение национал-социалистов у власти не только не встречало никакого сопротивления, но еще и горячо приветствовалось как надпартийный «национальный подъем».

Такова была схема мыслей и чувств, которая теперь единообразно вбивалась в голову нации, ориентируя ее в нужном направлении. В центре ее в бесчисленных и порой доходящих до гротеска вариантах стояла фигура «народного канцлера», который, высоко вознесшись над спором партий и групповыми интересами, радеет только о законности и благе нации. Теперь Геббельс сам взялся за разработку этого образа во все более оглушительной пропаганде, используя все возможности государственной власти. 13 марта Гинденбург подписал декрет о назначении Геббельса главой Имперского министерства народного просвещения и пропаганды, создание которого планировалось с самого начала, но откладывалось из-за противодействия партнеров по коалиции. Тем самым Гитлер впервые нарушил все прежние обещания сохранять состав кабинета неизменным. Новый министр урвал себе из сферы компетенции своих коллег обширные полномочия, но вел себя, однако, с непринужденной корректностью, которая выгодно отличалась от разухабистых манер большинства упивавшихся победой коричневых вождей. В своей первой программной речи перед представителями печати он заявил: «Создавая новое министерство, правительство преследует цель не предоставлять народ самому себе. Нынешнее правительство — это народное правительство... Новое министерство будет информировать народ о намерениях правительства, чтобы достичь политического единства народа и правительства»⁴².

Создание нового министерства Гитлер не без иронии обосновал на заседании кабинета перечнем предельно общих задач, выделив при этом, например, необходимость подготовить население к решению вопроса о растительном масле и жирах. Но никто из министров не задавал уточняющих вопросов и не требовал объяснений, за считанные недели вся решимость консерваторов не дать ему развернуться испарилась, что свидетельствует не только о тонко продуманной

---

⁴² *Horkenbach C. Op. cit. S. 114.*

сдержанности в использовании директивных компетенций, но и о гипнотической энергии. Папен услужливо поддакивал, Бломберг был полностью очарован Гитлером, Гугенберг позволял себе от случая к случаю пробормотать под нос выражения недовольства, а остальные были фактически не в счет. Задача, за которую на самом деле без промедления взялся Геббельс, заключалась в подготовке первого мероприятия, которым новое государство должно было заявить о своем характере и одновременно расчистить путь в психологическом плане для запланированного Закона о чрезвычайных полномочиях. Для принятия этого закона, задуманного как «смертельный удар» по системе парламентаризма, Гитлер мог, ссылаясь на принятые после пожара Рейхстага декреты, опять прибегнуть к силе и арестовать столько депутатов от левых партий, сколько было бы нужно для достижения необходимого конституционного большинства. Такой вариант со всеми расчетами действительно был доложен кабинету Фриком и обсуждался участниками заседания⁴³, но Гитлер имел возможность избрать и формально корректный путь: попытаться заручиться поддержкой центристских партий. Гитлер пошел одновременно и по первому, и по второму пути, что было отнюдь не случайным моментом, а характерной чертой тактического стиля захвата власти в целом.

В то время как депутаты КПП и СДПГ подвергались массированным запугиваниям, а часть их была просто арестована, Гитлер откровенно обхаживал буржуазные партии, напоминая, впрочем, и им в виде угрозы о неограниченных полномочиях, которыми он располагал согласно принятому после пожара Рейхстага декрету от 28 февраля. Этим стремлением были продиктованы в тот период и выпячивание своей верности интересам нации, обращение к христианской морали, торжественное преклонение перед традициями, да и вообще стиль сугубо гражданского, солидного государственного деятеля. Обхаживание Гитлера буржуазии достигло своей кульминации, полной помпезности и беспримерного магического воздействия на настроения людей в День Потсдама.

Это было одновременно первой, мастерски удавшейся пробой сил нового министра пропаганды. Если 5 марта Геб-

---

⁴³ См.: *Bracher K.D. Machtergreifung*. S. 158. В «Фёлькишер Беобахтер» 17.3.1933 с ликованием было подсчитано, что достаточно не допустить 81 депутата-коммуниста, и НСДАП будет иметь в Рейхстаге на 10 мест больше, чем это необходимо для абсолютного большинства.

бельс провозгласил «Днем пробуждения нации», то 21 марта, дату первого заседания Рейхстага Третьего рейха — «Днем национального возрождения». Открывать его должна была торжественная государственная церемония в гарнизонной церкви Потсдама, у могилы Фридриха Великого. Резиденция прусских королей с ее строгой красотой вызывала разнообразные ассоциации, созвучные потребности в национальном возрождении, равно как и дата торжества — 21 марта было не только началом весны, но и тем днем, когда Бисмарк в 1871 году открыл первый германский Рейхстаг — окончательно закрепили исторический поворот в развитии страны. Каждая фаза, каждое действие церемонии были расписаны Геббельсом в «сценарии», который был утвержден Гитлером. То, что так впечатляло и трогало душу: ровные шеренги марширующих колонн, ребенок у дороги, протягивающий букет цветов, выстрелы из легких мортир, седые ветераны войн 1864, 1866 и 1871 годов, парад и звуки органа — вся эта впечатляющая комбинация точного ритма и захватывающей эмоциональности была плодом холодного и уверенно распределяющего эффектные акценты планирования. «На таких крупных государственных торжествах, — сделал себе пометку Геббельс после предварительной инспекции «прямо на местности», — важна мельчайшая деталь»⁴⁴.

День открыли — весьма примечательный момент! — праздничные богослужения. Вскоре после десяти часов из Берлина стали прибывать первые вереницы лимузинов, прокладывая себе дорогу через запруженные народом улицы: Гинденбург, Геринг, Папен, Фрик, депутаты Рейхстага, руководство СА, генералы — старая и новая Германия. На фасадах домов висели гирлянды и яркие транспаранты, множество перемежающихся черно-бело-красных флажков и флажков со свастикой, приветствующих пышный праздник примирения. В старом фельдмаршальском мундире, который он все чаще предпочитал гражданскому черному сюртуку, демонстрируя примечательный возврат к своему прошлому, Гинденбург вошел в протестантскую церковь Св. Николая, а затем совершил поездку по улицам города. На католическое богослужение в храме Св. Петра и Павла депутатов партии «Центра», проявив иронию, пустили через боковой вход. Гитлер и Геббельс ввиду «враждебной позиции католического епископата» на службе не

---

⁴⁴ *Goebbels J. Kaiserhof. S. 284.*

присутствовали... На этом «народном празднике национального единения» отсутствовали также не приглашенные на него коммунисты и социал-демократы, части которых, как публично заявил Фрик 14 марта, помешала сделать это «неотложная и более полезная работа... в концлагерях»⁴⁵. Незадолго до полудня Гинденбург и Гитлер встретились на ступенях гарнизонной церкви и обменялись рукопожатием, которое было увековечено на миллионах почтовых открыток и плакатов, символизируя всю тягу нации к внутреннему примирению. «Старик», без которого Гитлер, по собственным его словам, не смог бы прийти к власти, дал свое благословение⁴⁶. Хоры и галерея церкви были заполнены генералами кайзеровской армии и рейхсвера, дипломатами и высокопоставленными чиновниками, за ними — национал-социалистические депутаты в коричневых рубашках, по бокам — парламентарии центристских партий. Традиционное место кайзера осталось незанятым, но за ним сидел в парадном мундире кронпринц⁴⁷. Шагая негнушными ногами к своему месту во внутреннем помещении церкви, Гинденбург на мгновение замер у ложи кайзера и поднял в приветствии фельдмаршальский жезл. Исполненный респектабельности, в черной визитке, со скованностью новичка Гитлер следовал за величественным старцем. За ними — колыхание мундиров, затем — органная музыка и лейтенантский хорал «Восславим дружно Бога».

Выступление Гинденбурга было кратким. Президент отметил то доверие, которое он, а теперь и народ оказывают новому правительству, благодаря чему имеется «конституционная основа для его работы», а затем призвал депутатов поддержать правительство в решении его тяжелых задач и заклинал «древним духом этого места» преодолеть «эгоизм и партийные дразги... ради блага сплоченной, свободной, гордой Германии». На ту же свободную от резких выпадов волну торжественных чувств была настроена и речь Гитлера. Обрисовав периоды величия и упадка нации, он заявил о своей приверженности «вечным основам» ее жизни, традициям ее истории и культуры.

---

⁴⁵ *Horkenbach C.* Op. cit. S. 106.

⁴⁶ *Hitlers Tischgespräche.* S. 366.

⁴⁷ Имеется в виду старший сын последнего кайзера — принц Вильгельм Фридрих Виктор Август Эрнст фон Гогенцоллерн (6.5.1882—20.7.1951). После свержения монархии он уехал в Нидерланды, но в ноябре 1923 года получил разрешение жить в Германии и поселился в своем имении близ Потсдама. — *Прим. науч. ред.*

После проникновенных слов благодарности Гинденбургу, «великодушное решение» которого позволило заключить союз «между символами величия прошлого и молодыми силами», он просил Провидение укрепить «то мужество и упорство, которыми веет в этом святом для каждого немца храме на нас — людей, борющихся за свободу и величие нашего народа, здесь, у могилы его величайшего из королей».

«К концу все потрясены до глубины души, — отмечает Геббельс. — Я сижу близко от Гинденбурга и вижу, как к его глазам подступают слезы. Все встают с мест, славя престарелого фельдмаршала, который протягивает руку молодому канцлеру. Исторический момент. Щит немецкой чести вновь очищен от скверны. Вверх взлетают штандарты с нашими орлами. Гинденбург возлагает лавровые венки на могилы великих прусских королей. Гремят орудия. Звучат трубы, рейхспрезидент стоит на трибуне с фельдмаршальским жезлом в руке и приветствует рейхсвер, СА, СС и «Стальной шлем», проходящие церемониальным парадом у трибуны. Стоит и приветствует»⁴⁸.

Эти картины оказали необыкновенное воздействие на депутатов, военных, дипломатов, иностранных наблюдателей, а также вообще на широкую общественность, и сделали День Потсдама действительно историческим. Хотя заносчивые слова фон Папена о том, что он в несколько месяцев так зажмет Гитлера в угол, что «тот запищит»⁴⁹, были уже давно и однозначно опровергнуты жизнью, «душещипательная потсдамская комедия», казалось, продемонстрировала, что своенравный нацистский фюрер наконец все же попал в сети того национального консерватизма, который имел в резиденции прусских королей свой идейный, вызывавший к возвращению былого величия центр, а в Гинденбурге — своего верного хранителя. Казалось, что молодой, преисполненный веры и благоговения Гитлер подчинился этой традиции. Лишь незначительное меньшинство было в состоянии не поддаться гипнотическому воздействию этого спектакля, и многие из тех, кто еще 5 марта голосовал против Гитлера, теперь явно колебались в своих суждениях. До сих пор еще горько осознавать, что многие чиновники, офицеры, юристы из преданного национальным инте-

---

⁴⁸ *Goebbels J. Kaiserhof. S. 285. f.*

⁴⁹ Слова, сказанные Эвальду фон Клейсту-Шменцину. *Politische Studien*, 1959. Н. 106. S. 92. «Потсдамской душещипательной комедией» назвал это представление Ф. Мейнеке: *Meinecke F. Op. cit. S. 25.*

ресам бюргерства, которые, пока они руководствовались рациональными аргументами, вели себя весьма сдержанно, распрощались с недоверием в тот момент, когда режим привел их в состояние экстаза, сыграв на их национальных чувствах. «Шквал чувств национального восторга, — писала одна из газет правой буржуазии, — пронесся вчера над Германией», «снеся, как хотелось бы нам надеяться (!), завалы, которыми от них отгораживались некоторые партии, и распахнув двери, которые им до того упорно не хотели открывать»⁵⁰. Огромные факельные шествия по улицам Берлина и обставленное с особой торжественностью представление «Мейстерзингеров»⁵¹ завершили программу празднества.

Двумя днями позже режим и сам Гитлер предстали в иной ипостаси. 23 марта, примерно в 14 часов, во временно переоборудованном здании оперы Кролля собрался Рейхстаг на заседание, театральным прологом которого был День Потсдама. Уже во внешнем оформлении однозначно господствовали цвета и символы НСДАП. Оцепление здания было поручено частям СС, которые в этот день впервые предстали столь массово, а внутри здания длинными угрожающими шеренгами стояли штурмовики в коричневой форме. Сзади на сцене, где заняли место члены правительства и Президиума Рейхстага, висело огромное знамя со свастикой. В открывшей заседание речи Геринга грубо игнорировался надпартийный характер парламента — обращаясь к «камрадам», он без всякого основания посвятил ее памяти Дитриха Эккарта.

Затем, чтобы произнести свою первую речь в Рейхстаге, на трибуну вышел тоже одетый в коричневую рубашку Гитлер. Примечательно, что перед этим он несколько недель подряд во время выступлений носил обычный гражданский костюм. По своей неизменной риторической схеме он опять начал с мрачной панорамы происшедшего с ноября 1918 года, бед и угроз гибели, нависших над рейхом, а затем нарисовал заманчивую картину намерений и задач правительства, используя преимущественно обтекаемые формулировки, более или менее совпадавшие с высказываниями последних недель. Потом он заявил:

---

⁵⁰ Berliner Börsenzeitung, 22.3.1933; цит. по: *Horkenbach C.* Op. cit. S. 127.

⁵¹ Имеется в виду опера Рихарда Вагнера «Нюрнбергские мастер-зингеры». — *Прим. науч. ред.*

«Чтобы получить возможность выполнить задачи в пределах обрисованных выше общих планов, правительство выносит на рассмотрение Рейхстага от имени двух партий — Национал-социалистической и Немецкой национальной — проект Закона о чрезвычайных полномочиях⁵²... Духу национального возрождения и поставленной цели не отвечал бы порядок, при котором правительство каждый раз просило бы одобрения своим мерам у Рейхстага, торгуясь и выпрашивая. У правительства нет намерения упразднить Рейхстаг как таковой. Напротив, оно и в будущем будет время от времени информировать его о своих мероприятиях... Правительство собирается использовать этот закон лишь настолько, насколько это необходимо для осуществления жизненно необходимых мер. Никакой угрозы существованию Рейхстага и Рейхсрата⁵³ не возникает. Позиция

---

⁵² Официальное название — Закон о ликвидации бедственного положения народа и рейха (Gesetz zur Erhebung der Not von Volk und Reich).

«Рейхстаг принимает решение по следующему закону, представленному на рассмотрение Национального собрания, которым провозглашаются необходимые законодательные изменения в действующей Конституции:

Статья 1. Государственные законы могут быть введены в действие национальным правительством в соответствии с процедурой, заложенной в Конституции. Это касается также законов, относящихся к статье 85, параграф 2, и к статье 87 Конституции.

Статья 2. Государственные законы, вводимые в действие национальным правительством, готовятся канцлером и публикуются в «Рейхсгазетцблатт». Они вступают в силу, за исключением оговоренных особо, на следующий день после их опубликования. Статьи 68 и 77 Конституции не имеют отношения к законам, введенным в действие национальным правительством...

Статья 4. Договоры рейха с иностранными государствами, подпадающие под действие национального законодательства, не требуют согласия юридических лиц, участвующих в заключении этих договоров. Национальное правительство является уполномоченным издавать необходимые постановления для исполнения этих договоров.

Статья 5. Данный закон вступает в действие со дня его опубликования. Он прекращает свое действие 1 апреля 1937 года. Кроме того, он утрачивает свою силу, если происходит смена ныне действующего национального правительства». — *Прим. науч. ред.*

⁵³ Рейхсрат (Имперский совет) — верхняя палата высшего законодательного органа Германии. Комплектовался членами правительств германских земель. Располагал лишь правом содействия процессу законотворчества и имел право «отсрочивающего вето»

и права господина рейхспрезидента остаются неприкосновенными... Самостоятельность земель не упраздняется».

Вопреки этим успокаивающим заверениям, каждая из пяти статей закона разбивала один за другим «основополагающие положения немецкой Конституции»⁵⁴. Согласно 1-й статье законодательная функция переходила от Рейхстага к Имперскому правительству; 2-я статья расширяла полномочия правительства до возможности изменения Конституции; 3-я статья передавала право рейхспрезидента готовить законы рейхсканцлеру; 4-я — распространяла сферу применения закона на определенные договоры с иностранными государствами, в то время как заключительная статья ограничивала срок действия этого закона четырьмя годами и связывала его с существованием нынешнего правительства⁵⁵. С опять же характерным для него изменением тона Гитлер завершил речь вызовом своим противникам:

«Поскольку правительство располагает явным большинством, число случаев, когда в силу внутренней необходимости потребуется использовать закон, будет само по себе ограниченным. Ввиду этого правительство национального возрождения тем более настаивает на принятии закона. Оно предпочитает в любом случае четкое решение. Оно предоставляет партиям Рейхстага возможность спокойного развития Германии и намечающегося на этой основе в будущем взаимопонимания, но оно столь же исполнено решимости и готово ответить на выражение неприятия и тем самым на предупреждение о сопротивлении. Теперь решайте сами, господа депутаты, быть миру или войне»⁵⁶.

Овации, зал стоя поет «Германия, Германия превыше всего» — на этой ноте оканчивается речь Гитлера, что символически предвещает, какими станут будущие функции парламента. В атмосфере, которая благодаря расставленным повсюду караулам СА и СС напоминала скорее осадное положение, фракции удалились на трехчасовой перерыв совещаться. Перед зданием молодчики Гитлера в форме начали скандировать

(*suspensives veto*), мог опротестовать законы, принятые Рейхстагом, которые в этом случае поступали на вторичное рассмотрение и для их принятия было необходимо уже квалифицированное большинство. — *Прим. науч. ред.*

⁵⁴ *Heiden K. Geburt. S. 147.*

⁵⁵ *Ebd.*

⁵⁶ Речь опубликована в кн.: *Domarus M. Op. cit. S. 229.*

хором: «Мы требуем Закона о чрезвычайных полномочиях — иначе ключья полетят!»⁵⁷

Теперь все зависело от поведения партии «Центра», ее согласие должно было обеспечить правительству необходимое для изменения конституции большинство. На состоявшихся несколько ранее переговорах Гитлер заверил лидера партии доктора Кааса⁵⁸, что примет меры к заключению конкордата с Ватиканом и в конце концов «в качестве благодарности за благоприятное голосование партии «Центра»» подготовит письмо, «касающееся отмены тех частей принятого после пожара Рейхстага декрета, которые нарушают гражданские и политические свободы граждан». Это письмо должно было также содержать заявление о том, что закон будет применяться только в чрезвычайных случаях. Кроме того, Гугенберг и Брюнинг во время беседы вечером 21 марта договорились о том, что согласие партии «Центра» будет зависеть от принятия статьи, гарантирующей гражданские и политические свободы. Было условлено, что фракция ДНФП должна будет внести сформулированное Брюнингом предложение.

Во время перерыва в совещании Брюнингу, однако, сообщили, что в рядах фракции Немецкой национальной народной партии возникло серьезное сопротивление плану внесения дополнительной резолюции и теперь это станет просто невозможным. Фракция «Центра» заколебалась и стала вновь обсуждать свою позицию. В то время как большинство выступало за одобрение предложения правительства, часть членов фракции, прежде всего Брюнинг, страстно выступала против всякой уступчивости. Лучше, — крикнул он, — погибнуть со славой, чем прозябать в позоре. В конце концов договорились всей фракцией последовать за мнением большинства. Решающую роль сыграли при этом не только традиционное приспособленчество партии и разлагающее воздействие Дня Потсдама, но и отражавшее настрой павших духом людей мнение, что партия не в состоянии воспрепятствовать принятию закона и даже что он,

---

⁵⁷ *Severing C. Op. cit. Bd. II. S. 385.* О рассказанной ниже, в действительности же более запутанной истории с письмом см.: *Brüning H. Op. cit. S. 655 ff.*, а также: его же. *Ein Brief. In: Deutsche Rundschau, 1948. S. 15.*

⁵⁸ Доктор теологии Людвиг Каас (23.5.1881—15.4.1952) был в 1920 году избран депутатом Рейхстага от католической партии «Центра», а в 1929 году стал председателем партии. В 1933 году эмигрировал в Рим. — *Прим. науч. ред.*

в сочетании с обещанным письмом, заставит Гитлера соблюдать законность, в большей степени чем существующие ныне положения.

Правда, письмо Гитлера к концу перерыва так еще и не поступило. По настоянию Брюнинга Каас отправился к Гитлеру и вернулся с заявлением, что письмо якобы уже подписано и направлено министру внутренних дел для принятия дальнейших шагов и поступит во время голосования. Каас добавил: «Если бы я когда-либо поверил Гитлеру, то именно в этот раз — судя по его убедительному тону».

Тем временем на трибуну при гробовом молчании, которое нарушали доносившиеся издали угрожающие крики СА и СС, поднялся председатель СДПГ Отто Вельс⁵⁹. В своем последнем публичном выступлении он высказал верность принципам демократии и обосновал отрицательную позицию своей фракции. Социал-демократия постоянно выступала за внешнеполитическое равноправие Германии и против любой попытки противников задеть ее честь. Быть беззащитным, заявил он, не значит быть бесчестным. Это справедливо в отношении как внешней, так и внутренней политики. Выборы дали правительственным партиям большинство и тем самым возможность управлять в соответствии с Конституцией. Когда такая возможность существует, то именно так и следует поступать. Критика, говорил он, обладает целительной силой, ее преследование ничего не дает. Он завершил свою речь обращением к правовому сознанию народа и приветствием преследуемым и друзьям.

Этот соблюдающий чувство меры, по форме вполне достойный отказ привел Гитлера в состояние крайнего раздражения. Резко оттолкнув в сторону Папена, который напрасно пытался удержать его, он во второй раз поднялся на трибуну. Показывая рукой на только что выступившего оратора, он начал: «Поздно вы спохватились! Прекрасные теории, которые вы, господин депутат, только что изложили здесь, сообщены мировой истории немного позже, чем надо». С нарастающим возбуждением он отрицал какое-либо право социал-демократии считать себя частью единого национального

---

⁵⁹ Отто Вельс (15.9.1873—16.9.1939) был депутатом Рейхстага в 1912—1918 и 1920—1933 годах. В 1931 году он стал председателем СДПГ. Вскоре после своего выступления Вельс эмигрировал в Чехословакию, а в 1938 году — во Францию; оставался председателем СДПГ в изгнании. — *Прим. науч. ред.*

целого в вопросах внешней политики, существование у нее чувства национальной чести, чувства законности и продолжил свою тираду, накал которой возрастал с каждой волной бурных аплодисментов:

«Вы говорите о преследованиях. Я думаю, лишь немногие из наших представителей здесь не испытали на себе преследований с вашей стороны, не побывав в тюрьме... Вы, кажется, совсем забыли, как с нас годами срывали рубашки, потому что вам не подходил их цвет... Мы выросли на ваших преследованиях!

Вы говорите далее, что критика оказывает целительное воздействие. Конечно, кто любит Германию, пусть критикует нас, но тот, кто поклоняется Интернационалу, нас критиковать не вправе! И в этих вещах истина доходит до вас, господин депутат, с изрядным опозданием. Целительность критики вам следовало бы осознать в то время, когда мы были в оппозиции... Тогда запреты нашей печати шли один за другим, годами запрещались наши собрания! А теперь вы говорите: критика исцеляет!»

Когда в этом месте зазвучали громкие протесты социал-демократов, зазвенел колокольчик председателя, и Геринг прокричал через стихающий гам: «Нечего шуметь — слушайте, что вам говорят!» Гитлер продолжил:

«Вы говорите: “Вы хотите теперь лишить Рейхстаг реального влияния, чтобы продолжить революцию”. Господа, в таком случае нам незачем было бы вносить здесь наш законопроект. У нас, видит Бог, хватило бы мужества схватиться с вами и по-другому!

Вы говорите, что и мы не можем не считаться с социал-демократией, потому что она первой завоевала места здесь для народа, людей труда, а не только для баронов и графов. Во всем вы, господин депутат, опоздали! Что же вы не растолковали эти ваши убеждения своему другу Гжезинскому и другим вашим приятелям — Брауну и Зеверингу, которые годами попрекали меня тем, что я подмастерье маляра! Вы годами утверждали это на своих плакатах. (Реплика Геринга: “Ну, теперь канцлер даст жару!”) И, наконец, меня грозили выгнать из Германии плеткой для собак.

Отныне мы, национал-социалисты, откроем немецкому рабочему дорогу к тому, что он вправе требовать. Мы, национал-социалисты, будем выразителями его интересов. Вы, мои господа, больше не нужны... И не путайте нас с буржуазным

миром. Вы считаете, что ваша звезда опять может взойти! Взойдет, господа, звезда Германии, а ваша закатится... Прогнившее, старое и дряхлое в народной жизни исчезнет и больше никогда не вернется».

Раскрывая свои подлинные мысли, он заметил, что только ради «соблюдения законности» и по психологическим соображениям призывает «германский Рейхстаг дать нам разрешение на то, что мы могли бы взять и так», его выступление подходило к концу, обращаясь к социал-демократам, он прокричал:

«Я думаю, что вы не голосуете за этот закон потому, что вам в силу вашего склада ума не понять стремления, которое воодушевляет нас... Могу сказать вам только одно: да я совсем и не хочу, чтобы вы голосовали за него! Германия должна стать свободной, но только не благодаря вам!»

В протоколе после этих слов записано: «Длительные бурные крики “Хайль!” и выражения одобрения среди национал-социалистов и на трибунах. Аплодисменты представителей ДНФП. Все вновь и вновь вспыхивающие овации и крики “Хайль!”»⁶⁰ Действительно, эти слова считаются самым ярким примером находчивости Гитлера как оратора, но надо, однако, напомнить, что прозвучавшая перед этим речь Отто Вельса уже накануне попала в руки прессы и, очевидно, стала известна Гитлеру. Геббельс считал, что от противника «только ключья летят», и ликовал: «Никогда еще так не разбивали в пух и прах и не растаптывали, как здесь». По бесшабашной грубости, по упоению чувством расправы эта речь Гитлера напоминает то выступление сентября 1919 года, когда профессиональный оратор-полемист впервые так открыл шлюзы гитлеровского красноречия, что простодушный Антон Дрекслер был поражен и восхищен. Теперь же на заседании правительства, состоявшемся на следующий день, Гугенберг поблагодарил «от имени остальных членов кабинета за блестящий разгром марксистского лидера Вельса»⁶¹.

---

⁶⁰ Domarus M. Op. cit. S. 242 ff. По поводу предположения о том, что Гитлер заранее знал содержание речи Вельса, см.: Stampfer F. Erfahrungen und Erkenntnisse. Köln, 1957. S. 268.

⁶¹ ВАР, протоколы заседаний кабинета, R 43, Bd. 1; затем: Goebbels J. Kaiserhof. S. 287. В другом месте Геббельс так отозвался о словах Гитлера: «Создавалось впечатление, будто здесь играли в “кошки-мышки”. Марксиста гоняли из угла в угол. И там, где он надеялся на пошадку, его ждал разгром». См.: Der Führer als Redner. In: Adolf Hitler. S. 33 (издано рекламной конторой «Реемтсма»).

После того как улеглась буря оваций, на трибуну стали выходить представители других партий. Один за другим они обосновывали свое одобрение законопроекта. Каас, правда, не без смущения и только после того, как Фрик в ответ на повторный запрос «торжественно заверил его, что курьер уже доставил письмо Гитлера в его бюро в опере Кролля»⁶². Три чтения закона прошли в течение нескольких минут. Результат голосования: 441 — «за», 94 — «против». На своей позиции неприятия законопроекта остались только социал-демократы. 441 — это было гораздо больше необходимого большинства в две трети, этих голосов было бы достаточно даже в том случае, если бы проголосовали «против» 81 депутат от коммунистов и 26 депутатов СДПГ, которые в силу ареста, бегства или болезни отсутствовали. Едва только Геринг сообщил результат, как национал-социалисты ринулись вперед и, выстроившись у того ряда, где сидело правительство, с поднятыми в партийном приветствии руками стали петь «Хорст Вессель». В тот же вечер закон единогласно прошел через унифицированный Рейхсрат. Обещанное письмо Гитлера так и не попало в руки партии «Центра»⁶³.

Принятием «Закона об устранении бедственного положения народа и рейха» — так официально назывался Закон о чрезвычайных полномочиях — Рейхстаг был исключен из политики, а правительству была предоставлена неограниченная свобода действий. Воспоминания о том дне столь тягостны не потому, что центристские партии капитулировали перед более сильным противником и отбросившей в сторону все ограничители волей, а потому, что они сами малодушно подыгрывали своему собственному устранению из политики. Хотя буржуазные политики не без оснований указывали на то, что уже принятый после пожара Рейхстага декрет от 28 февраля фактически уже открыл дорогу диктатуре, в то время как Закон о чрезвычайных полномочиях имел в процессе захвата власти лишь формальное значение. Но как раз в этом случае голосование давало им возможность выразить свое сопротив-

---

⁶² *Brüning H. Ein Brief. S. 19.*

⁶³ На неоднократно делавшийся впоследствии запрос относительно обещанного письма Гитлер утверждал, будто против его передачи, а публикации (что было согласовано) выступили немецкие националисты, однако те опровергали утверждение Гитлера, на самом деле, напротив, они как раз приветствовали бы публикацию этого письма; см.: *Brüning H. Op. cit. S. 660.*

ление актом, который бы запомнился людям, вместо того чтобы прикрывать революционные события тех недель вдобавок ко всему еще и видимостью преемственности в законодательной сфере. Если декрет от 28 февраля означал фактическую ликвидацию Веймарской многопартийной республики, то Закон о чрезвычайных полномочиях был ее моральным финалом: он подвел черту под процессом саморазрушения партий, истоки чего восходят еще к 1930 году, когда распалась «большая коалиция».

Закон о чрезвычайных полномочиях завершил первую фазу захвата власти. Он сделал Гитлера независимым не только от президентских декретов, но и от союза с консервативным партнером. Уже одним этим устранялась всякая возможность организованной борьбы против нового режима. «Фёлкишер Беобахтер» не без оснований писала: «Исторический день. Парламентская система капитулирует перед новой Германией. На протяжении четырех лет Гитлер сможет делать все, что сочтет нужным: в плане отрицания — истреблять все пагубные силы марксизма, а в плане созидания — создавать новую народную общность. Начинается великое дело! Настал день Третьего рейха!»

Действительно, Гитлеру потребовалось менее трех месяцев для того, чтобы обвести вокруг пальца своих союзников и поставить мат почти всем противостоявшим ему силам. Чтобы верно представить себе быстроту этого процесса, надо вспомнить, что Муссолини в Италии для завоевания власти в примерно таком же объеме потребовалось семь лет. Целеустремленность Гитлера и его умение подать себя как серьезного государственного деятеля с самого начала подействовали на Гинденбурга и быстро заставили президента забыть о былых предубеждениях. Теперь однозначная победа правительства при голосовании укрепила его в новых чувствах. Преследования, которым не в последнюю очередь подвергались его бывшие избиратели, холодный, эгоистичный старик игнорировал, наконец он опять осознавал себя в верном строю, а то, что Гитлер покончил с отвратительным, неуправляемым бесчинством партий, «он скорее ставил ему в заслугу»⁶⁴. Уже спустя два дня после назначения Гитлера рейхсканцлером Людендорф написал Гинденбургу письмо, в котором упрекнул его что он «отдал страну во власть самого большого

---

⁶⁴ Görlitz W., Quint H.A. Op. cit. S. 372.

демагога всех времен». «Я торжественно предрекаю Вам, что этот человек столкнет наш рейх в пропасть и принесет нашей нации невообразимое горе. Будущие поколения проклянут Вас за этот поступок в Вашей могиле»⁶⁵. Но, несмотря на это, Гинденбург был доволен, что «разрубил узел и теперь надолго обретет покой». Самоустраняясь от дел, он поручил статс-секретарю Мейснеру заявить на заседании кабинета, касающемся Закона о чрезвычайных полномочиях, что в участии президента в подготовке принимаемых на его основе законов «нет необходимости». Гинденбург был счастлив, что освободился от давно давившей на него ответственности. Вскоре и Папен перестал претендовать на участие во всех встречах президента с Гитлером. Гинденбург сам попросил его, как он выразился, «не обижать Гитлера»⁶⁶, а когда премьер-министр Баварии Хельд прибыл в Президентский дворец жаловаться на террор и нарушения Конституции со стороны национал-социалистов, впадающий в маразм старик попросил его обратиться к самому Гитлеру⁶⁷.

И в кабинете, как отмечал Геббельс, «авторитет фюрера теперь полностью утвердился. Никаких голосований больше не бывает. Решает фюрер. Все идет гораздо быстрее, чем мы смели надеяться». Лозунги и открытое объявление войны национал-социалисты направляли почти исключительно против марксистов, но удар в равной мере был нацелен и против партнера — ДНФП. Хитроумная политика этой партии по сдерживанию и укрощению нацистов была не более чем паутиной, в которую, как говорится в народе, надеются поймать орла. В своем близоруком пылу борьбы с левыми Папен, Гу-

---

⁶⁵ Цит. по: *Fabry Ph. W.* Op. cit. S. 91; по поводу приводимого ниже замечания, которое, несомненно, передает суть высказываний из окружения президента, см.: *Brüning H.* Op. cit. S. 650.

⁶⁶ *Papen F. v.* Op. cit. S. 295. Гитлер, напротив, рассказывал позднее, будто Гинденбург однажды спросил его, почему это Папен всегда присутствует при их беседах: «Я же хочу говорить только с Вами!», см.: *Hitlers Tischgespräche*. S. 410. Насчет упомянутого высказывания Мейснера на заседании кабинета 15 марта см.: *IMT*. Bd. XXXI. S. 407; правда, Мейснер возразил, что «может быть, есть смысл все же подключить и авторитет господина рейхспрезидента при обсуждении некоторых законов особой важности».

⁶⁷ Так сообщил Мейснер Хельду в телеграмме от 10.3.1933; см.: *Bracher K. D.* Diktatur. S. 223. Приведенные ниже слова Геббельса см.: *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 285 (22 апреля 1933 г.).

генберг и их сторонники полностью упустили из виду, что устранение левых должно было создать Гитлеру тот инструментарий, при помощи которого он ликвидирует и их самих. Казалось, они были просто неспособны понять опасность этого союза, они даже не догадывались, что, садясь за один стол с Гитлером, надо было хорошо следить за бумажником. Карл Гёрделер⁶⁸ с ничего не подозревающей заносчивостью консерватора заверил, что Гитлера они зажмут и дадут ему заниматься только архитектурными выкрутасами, а политику будут делать беспрепятственно сами. Гитлер же в одном из высказываний того времени, вновь отразившем старую неприязнь, назвал своих буржуазных партнеров по коалиции «призраками», заявив: «Реакция считает, что посадила меня на цепь. Они будут ставить мне максимум ловушек. Но мы не будем дожидаться их действий... Мы не будем миндальничать. Я не знаю буржуазных предрассудков! Они считают меня необразованным, варваром. Да! Мы варвары. Мы хотим ими быть. Это почетный титул. Мы, и никто другой, хотим омолодить мир. Старому миру конец»⁶⁹.

Но инструментарий против левых и правых — это был еще не весь выигрыш Гитлера, который принес ему Закон о чрезвычайных полномочиях. Тактика захвата неограниченной власти не в качестве революционного узурпатора, а в тоге законодателя, какой бы дырявый и залатанный вид у нее ни был, одновременно не дала возникнуть вакууму законности, который обычно бывает следствием насильственных переворотов. Благодаря Закону о чрезвычайных полномочиях в распоряжении Гитлера оказался аппарат государственной бюрократии, включая юстицию, без которой он не мог обойтись при осуществлении своих далеко идущих планов. Закон предоставлял основу, которая удовлетворяла как совесть, так и потребности жить в ладу с властью. Не без удовлетворения большинство чиновников констатировало законный характер данной революции, которая тем самым, несмотря на все отдельные эксцессы, столь

---

⁶⁸ Карл Фридрих Гёрделер (31.7.1884—2.2.1945) с 1930 года являлся обер-бургомистром Лейпцига, а в 1931—1935 годах — имперским комиссаром по вопросам цен. Был одним из руководителей заговора против Гитлера. После неудачного покушения на Гитлера в июле 1944 года был арестован. Повешен по приговору Народной судебной палаты. — *Прим. науч. ред.*

⁶⁹ *Rauschning H. Gespräche.* S. 78 f. О высказывании Гёрделера см.: *Calic E. Op. cit.* S. 171.

выгодно отличалась от «вакханалии» 1918 года: это еще сильнее, чем антидемократические традиции сословия, пробуждало готовность к сотрудничеству. А тот, кто все еще противился, испытал лично на себе не только преследования в соответствии с принятым специальным законом — против него была и видимость законности.

Конечно, это была всего лишь видимость. Вопреки по-прежнему муссируемому тезису о неразрывном, плавном переходе от парламентской республики к тоталитарному унифицированному государству, надо признать, учитывая все обстоятельства, что в процессе легальной революции революционные элементы явно перевешивали легальные. Ничто не ввело общественность в заблуждение относительно подлинной природы происходящего больше, чем блестящая «находка» провести смену декораций прямо при открытом занавесе. То, что закрепил Закон о чрезвычайных полномочиях, было актом революционного захвата власти. Хотя он и продлевался в 1937-м, 1941-м и затем вновь в 1943 годах, как того требовали его положения, он все равно оставался Законом о чрезвычайном положении, принятым в своего рода чрезвычайных обстоятельствах.

Строго соблюдавшийся лексикон режима также подчеркивал революционный характер процесса захвата власти. Конечно, поначалу неукоснительно следили за тем, чтобы происшедшее именовалось «национальным возрождением», и действительно, этим понятием была дана богатая пища разнообразным иллюзиям, реставрационным чаяниям, желанию отдать себя, возникшим у наивных попутчиков. Но уже в своей речи, посвященной закону о чрезвычайных полномочиях, Гитлер говорил не о «национальном возрождении», а о «национальной революции», а еще двумя неделями позже Геринг демонстративно заменил эту формулу на понятие «национал-социалистической революции»⁷⁰.

То, что произошло дальше, было всего лишь делом техники, укреплением уже завоеванных властных позиций. В течение немногих недель была доведена до конца унификация земель и параллельно с этим произведен полный разгром всех

---

⁷⁰ *Horkenbach C.* Op. cit. S. 168 f. О роли бюрократии в этот период, а также вообще о политике режима в отношении чиновничества см.: *Mommsen H.* Beamtentum im Dritten Reich. In: Schriftenreihe der VJHfZ. Nr. 13.

политических групп и союзов. Разделавшись с коммунистами, крушение которых происходило при полном молчании населения, в атмосфере беззвучного террора, ухода в подполье и перехода приспособленцев на сторону победителей, национал-социалисты взялись за профсоюзы, которые уже в первые мартовские дни колебаниями, имевшими фатальные последствия, обнажили свою растерянность и слабость. Их роковой ошибкой было предположение, что им удастся откупиться и сохранить себя рядом примирительных жестов. Хотя по всему рейху множились аресты и притеснения профсоюзных руководителей, а СА провели ряд налетов на их местные отделения, федеральное правление направило 20 марта Гитлеру своего рода адрес с выражением лояльности, в котором указывалось на чисто социальные задачи профсоюзов «независимо от характера государственного режима» (!)⁷¹. Когда Гитлер взял на вооружение старое требование рабочего движения, которое оставалось невыполненным и во времена республики, и объявил 1 мая национальным праздником, руководство профсоюзов призвало рабочих к участию в демонстрациях. Повсюду организованные в профсоюзах рабочие и служащие маршировали под чужими знаменами в гигантских праздничных колоннах, с горечью выслушивали речи национал-социалистических функционеров, но все же аплодировали им (ситуация вынуждала), оказавшись внезапно в том лагере, которому они еще только что противостояли как противники. Ничто не парализовало волю к сопротивлению многомиллионного движения в такой степени, как этот приведший его в замешательство опыт. В то время как профсоюзная газета «Геверкшафтсцайтунг» в соответствии с приспособленческой тактикой руководства превозносила 1 мая как «День победы», СА и СС уже 2 мая захватили по всей Германии здания профсоюзных объединений, их хозяйственных предприятий и рабочих банков, руководители профсоюзов были арестованы, часть отправлена в концлагеря. Это был бесславный закат германского профсоюзного движения⁷².

---

⁷¹ См.: *Matthias E.* Der Untergang der alten Sozialdemokratie 1933. In: *VJHfZ*, 1956. Н. 3. S. 272. Относительно приводимых ниже фактов см.: *Hoegner W.* Die verratene Republik. S. 360.

⁷² 10 мая 1933 года был официально учрежден Германский трудовой фронт, который Законом от 24 октября 1934 года был объявлен единственной профсоюзной организацией Германии. — *Прим. науч. ред.*

В таком же недраматическом ключе пришел конец и Социал-демократической партии Германии. Отдельные призывы к сопротивлению некоторых руководителей вызывали в большинстве случаев лишь парализующие опровержения других и обнажили бессилие застывшей в своих традиционных формах массовой партии. С 30 января СДПГ — что было характерно, — все время ссылалась на ту Конституцию, которую безудержно демонтировали изголодавшиеся по власти национал-социалисты, — ограничилась совершенно невыразительным тезисом, что партия не покинет первой почву законности. Все еще верующие в букву своего учения марксистами, считая национал-социализм «последней картой реакции», которая по законам исторического детерминизма никогда не сможет выиграть, представители социал-демократической верхушки оправдывали свое бездействие тактическим девизом: «Быть наготове — это сейчас все!»⁷³, их пассивность оказывала глубокое деморализующее влияние на низовые организации, которые часто рвались к действиям. Уже 10 мая без какого-либо сопротивления были конфискованы по указанию Геринга все партийные здания, газеты, а также имущество СДПГ и «Рейхсбаннера». После острых споров в руководстве верх в конце концов взяли представители курса на умиротворение, хотевшие заставить режим вести себя сдержанно, идя в тактическом плане ему навстречу. Те же самые соображения лежали и в основе решения фракции в Рейхстаге при определенных обстоятельствах одобрить большое внешнеполитическое заявление Гитлера от 17 мая. Намерения фракции выразить одобрение особым заявлением были слишком тонкой вязью для обуха гитлеровской воли к уничтожению. Когда Фрик пригрозил расправиться с заключенными в концлагерях сторонниками СДПГ, партия решила проголосовать в Рейхстаге за заявление правительства. Не без издевательского взгляда в левую сторону Геринг мог заявить в конце заседания Рейхстага, что «мир увидел, как один немецкий народ, когда решается его судьба»⁷⁴. От измотанной, униженной партии никто больше, собственно говоря, и не ожи-

---

⁷³ Такое красноречивое название имел доклад Р. Бретшейда, сделанный им 31 января 1933 года. В нем он попытался идеологически оправдать пассивность партийного руководства как акт уверенного в будущем благоразумия; см., впрочем: *Matthias E. Op. cit. S. 263.*

⁷⁴ *Verhandlungen des Reichstages. Bd. 457, 17. Mai 1933. S. 69.*

дал жеста сопротивления, когда ее наконец 22 июня запретили, а ее места в парламенте присвоили себе другие.

В водовороте унификации исчезали теперь и все остальные политические группировки. Газеты почти ежедневно сообщали об их ликвидации или самороспуске: начало этому положили Немецкие национальные боевые союзы и «Стальной шлем» (21 июня), за ними настал черед всех еще оставшихся организаций наемных рабочих и работодателей (22 июня), а потом и Немецкой национальной народной партии, которая как соратница по делу национального возрождения напрасно кричала о своем праве на жизнь. Она так и не смогла понять, почему это она должна теперь бежать среди зайцев, после того как она долго была в стае гонимых псов. Затем наступил конец Государственной партии (28 июня), Немецкого национального фронта (28 июня), объединений «Центра» (1 июля), Младогерманского ордена (3 июля), Баварской народной партии (4 июля), Немецкой народной партии (4 июля), и, наконец, самой партии «Центра», которая была тактически парализована одновременными переговорами по конкордату⁷⁵ и была вынуждена прервать их (5 июля). Параллельно с этим шла унификация союзов, представляющих интересы промышленности, торговли, ремесел и сельского хозяйства, и нигде ни одного акта сопротивления, почти ни одного инцидента, выходившего за локальные рамки. 27 июня Гугенберга, который фигурировал на жаргоне нацистов под кличкой «старая корыстная свинья», заставили уйти в отставку — и никто из его консервативных друзей и пальцем не пошевелил. Только накануне этого он еще раз попытался превзойти в демагогии национал-социалистов, предъявляя на Всемирной экономической конференции в Лондоне безудержные требования создания колониального рейха и немецкой экономической экспансии вплоть до Украины. На самом же деле он предоставил Гитлеру легкую возможность защитить разум и мир между народами от пангерманского возмутителя спокойствия. На четыре министерских поста, кото-

---

⁷⁵ Конкордат между Ватиканом и Германией был подписан в Риме 20 июля 1933 года фон Папеном и государственным секретарем курии, кардиналом Эудженио Пачелли. Конкордат гарантировал свободу католической веры на территории Германии, а также право церкви самостоятельно «регулировать свои внутренние дела». Уже 17 марта 1937 года папа Пий XI издал энциклику «С глубокой скорбью», в которой обвинил нацистов в «отклонении» от положений конкордата. — *Прим. науч. ред.*

рые освободились после этого в рейхе и в Пруссии, Гитлер назначил двумя днями позже генерального директора крупнейшего страхового общества Курта Шмитта (Министерство экономики) и Вальтера Дарре (Министерство продовольствия и сельского хозяйства). Одновременно он распорядился, чтобы в заседаниях кабинета постоянно участвовал «заместитель фюрера» Рудольф Гесс⁷⁶. После того как уже в апреле в НСДАП перешел Франц Зельдте, соотношение между национал-социалистами и ДНФП в кабинете стало почти противоположным, по сравнению с прежним (восемь к пяти), поскольку за спиной у министров от ДНФП не было больше опоры в виде своей партии, они деградировали в не имеющих какого-либо веса специалистов. Пакетом законов, важнейший из которых объявлял НСДАП монополистом, режим обеспечил 14 июля 1933 года закрепление достигнутого⁷⁷.

Этот прошедший без сопротивления быстрый распад всех политических сил — от левых до правых — ярко характеризует процесс захвата власти национал-социалистами. Нет более наглядного свидетельства истощения жизненных сил Веймарской республики, чем та легкость, с какой формировавшие ее фундамент институты позволили разрушить себя. Даже Гитлер был поражен: «Такое жалкое крушение никто не считал возможным», — заявил он в начале июля в Дортмунде⁷⁸. Акты произвола и запреты, которые еще недавно бесспорно могли бы развязать гражданскую войну, люди теперь покорно сносили,

---

⁷⁶ Заместителем фюрера Рудольф Гесс был назначен декретом от 21 апреля 1933 года. По декрету он имел право принимать решения от имени фюрера по всем вопросам, касающимся партийного руководства, его задачей было руководить основными политическими мероприятиями, давать директивы и заботиться о том, чтобы вся работа партии проводилась согласно принципам национал-социализма. Кроме того, в обязанности Гесса входило утверждение кандидатов на посты руководителей официальных учреждений и Германского трудового фронта. Имперским министром без портфеля Гесс стал только 1 декабря 1933 года. — *Прим. науч. ред.*

⁷⁷ Законом против создания новых партий от 14.7.1933 НСДАП объявлялась единственной легальной политической партией Германии. Кроме того, объявлялось, что любая попытка «организационно сплотить» другие партии или создать новую будет наказываться арестом или тюремным заключением сроком на 3 года. Второй закон предусматривал изъятие имущества «враждебных народу и рейху» организаций. — *Прим. науч. ред.*

⁷⁸ Цит. по: *Fransois-Poncet A. Op. cit. P. 136.*

пожимая плечами. Капитуляцию тех месяцев в таких огромных масштабах нельзя понять, если принимать во внимание причины только политические, оставляя вне поля зрения духовные и психологические. Вопреки всем нарушениям закона и актам насилия тех недель, из этого следует известное историческое оправдание Гитлера. В ощущении Брюнинга, шагавшего в группе депутатов в День Потсдама к гарнизонной церкви, что его ведут «на плаху»⁷⁹, было, пожалуй, больше истины, чем он сам думал. Один из пронизательных свидетелей эпохи отмечал в то же время в обстановке постоянных безответных ударов «в лицо правде, свободе», устранения партий и парламентского строя растущее чувство, «что все упразднявшиеся здесь вещи людей уже особо не волновали».

И на самом деле, Закон о чрезвычайных полномочиях, предшествующий ему День Потсдама и последовавший за ними бесславный конец старой государственно-политической системы ознаменовали наступление новой эпохи: нация внутренне окончательно распрощалась с Веймарской республикой. С этого момента политический строй прошлого перестал быть альтернативой, под знаком которой могла бы зародиться надежда или тем более воля к сопротивлению. Ощущение, что происходит смена времен, которое в расплывчатом виде, в виде эйфорического ожидания возникло уже в момент прихода Гитлера к власти, охватывало теперь все более широкие круги. Понятие «мартовских павших»⁸⁰ уничижительно характеризует массовый переход на сторону победителей. Какие бы сомнительные моменты не отыскивал более острый взгляд в законности перемены власти, Гитлер быстро завоевал легитимность, авторитет вызывающего к себе уважение, управляющего страной на законных основаниях государственного деятеля, который заслуживает большего, чем пренебрежительного определения «демагог». На глазах таявшее меньшинство тех, кто сопротивлялся распространявшемуся наподобие массового психоза соблазну влиться в общую массу, оказывалось в очевидной изоляции и прятало свою горечь, свое одинокое омерзение перед лицом поражения, которое явно было нанесено

---

⁷⁹ Brünig H. Op. cit. S. 657; последующее замечание взято из дневников Роберта Музиля (Hamburg, 1955), ср: *Berghahn W.*, Robert Musil in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Hamburg, 1963. S. 123.

⁸⁰ Так насмешливо именовали тех, кто вступил в НСДАП после выборов 5 марта 1933 года, иронически используя понятие, возникшее после мартовской революции 1848 года в Берлине. — *Прим. пер.*

«самой историей». Прошлое умерло. Будущее, как казалось, принадлежало режиму, который приобретал все больше сторонников, ликующей поддержки и откуда ни возьмись и доводов в пользу своего существования. «Впечатление решительного неприятия, хотя они и молчат, производят одни только домработницы», — иронично отмечал в марте 1933 года Роберт Музиль. Но он же признавал, что ему не хватает альтернативы, чтобы сопротивляться, он не может представить себе, чтобы возникающий революционный порядок можно было заменить возвращением старого или еще более старого состояния. «Это чувство следует истолковывать, вероятно, именно так: у национал-социализма есть свое предназначение и час, это не сотрясение воздуха, а ступень истории». То же самое имел в виду представитель левых Курт Тухольский со свойственным ему чувством парадокса: «Не освистывать же океан»⁸¹.

Такие настроения фатализма и культурного отчаяния форсировали успех национал-социализма. Триумф дела новых хозяев жизни оказывал притягательное воздействие, устоять перед которым могли лишь очень немногие. Террор и акты беззакония не оставались незамеченными, но, испытывая старую европейскую раздвоенность «быть не в ладах с совестью или с требованиями века», все больше людей переходило на сторону тех, кто, казалось, имел за собой историю. В этой благоприятной обстановке режим приступил к завоеванию населения Германии.

Глава II

НА ПУТИ К ФЮРЕРСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

Я стал рейхсканцлером не для того, чтобы
идти вразрез с тем, что я проповедовал 14 лет.

Адольф Гитлер, 1 ноября 1933 года

Переход от первой фазы процесса завоевания власти ко второй прошел без каких-либо заминок, без колебаний и без проявлений тактической нерешительности. Едва только ле-

---

⁸¹ *Musil R.* Op. cit. S. 125; высказывание Тухольского взято из его письма поэту Вальтеру Хазенклеверу от 11.4.1933, см.: *Tucholsky K.* GW. Bd. III. S. 399.

том 1933 года завершилось разрушение демократического правового государства, как началась переплавка его осколков в управляемое единство тоталитарного фюрерского государства. «Власть у нас. Сегодня никто не может оказать нам сопротивление. Но мы должны воспитать немца для этого государства. Предстоит гигантская работа», — заявил Гитлер 9 июля на встрече с СА, характеризуя задачи на будущее¹.

Дело в том, что Гитлер никогда не хотел утверждения одного только господства насилия. Суть и мотивы его феномена нельзя объяснить только одной жадой власти, да и как объект изучения современных форм тирании его трудно постичь. Конечно, власть, ее почти неограниченное, неподотчетное использование значили для него много, но он никогда не довольствовался этим. Ни на миг не ослабевавшее упорство, с которым он завоевывал ее, расширял, использовал и в конце концов израсходовал, — весомое свидетельство того, что он был рожден быть не просто тираном. Он был зациклен на своей миссии отразить смертельную угрозу Европе и арийской расе и хотел создать с этой целью «непобедимую мировую империю». Анализ истории, в особенности современной эпохи, показал ему, что для этого требуются не только материальные средства власти — лишь великая «революция, сопоставимая с русской» может развить огромную динамику, отвечающую этой цели.

Как всегда, он и эту задачу осмысливал прежде всего в категориях психологии и пропаганды. Только в этот период — позже мы с такой ситуацией никогда не встретимся — он чувствовал свою зависимость от толпы и следил за каждой ее реакцией с прямо-таки боязливой озабоченностью. Он боялся непостоянства настроений не только как сын и выразитель демократической эпохи, но и в силу своей индивидуальной потребности в восторженном одобрении. «Я не диктатор и никогда не буду диктатором», — сказал он как-то, пренебрежительно добавив, что «став диктатором, может править любой фигляр». Хотя он отменил принцип голосования, но от этого отнюдь не стал свободным; если внимательно вдуматься, то господства по произволу лидера вообще нет, а есть лишь различные способы формирования «общей воли»: «Национал-социализм всерьез реализует демократию, которая выродилась в условиях парламентаризма, — заявил он. — Мы выбросили

---

¹ Domarus M. Op. cit. S. 288.

на помойку устаревшие институты именно потому, что они больше не служили поддержанию плодотворных отношений с нацией в ее совокупности, а приводили к болтовне, к наглому обману». То же самое имел в виду и Геббельс, который заметил, что в век политизации масс народами нельзя править, «вводя чрезвычайное положение и комендантский час с девяти часов вечера»: или даешь им идеал, предмет для их фантазии и привязанности, или они пойдут своей дорогой². Наука того времени говорила о «демократическом цезаризме».

Этой политической практике соответствовала установка на то, чтобы не оставлять психологическую обработку и мобилизацию нации на волю случая или каприза и уж тем более не ставить в зависимость от суждений критически настроенных людей. Ее необходимо было превратить в результат последовательного, тоталитарного пронизывания всех общественных структур плотной системой надзора, регламентации и управления, которая, с одной стороны, нацелена на то, чтобы «обрабатывать людей до тех пор, пока они не окажутся в полной нашей власти», а с другой — охватывать каждую социальную область, проникая и в частную сферу. «Необходимо создать структуры, в которых будет проходить вся жизнь индивида. Любая деятельность и потребность каждого отдельного человека будет регулироваться партией, представляющей всю общность. Не будет больше никакой «самостоятельности», не будет никаких свободных пространств, где индивидуум принадлежал бы сам себе... Время личного счастья кончилось»³.

---

² Цит. по: *Heiber H. Joseph Goebbels. S. 149*; см. также: *Rauschning H. Gespräche. S. 185 ff.* Перед гостями из демократического зарубежья Гитлер охотнее всего козырял тем фактом, что, как известно, он проводит голосования не только по поводу продления срока полномочий законодательных органов, но и по поводу каких-то своих конкретных мер, и является посему куда большим демократом, чем кто бы то ни было; он в любую минуту готов также вынести на референдум вопрос о доверии к нему нации. См.: *Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Aussenpolitik. S. 327.*

³ *Rauschning H. Gespräche. S. 179 ff.* Ср.: *Heiber H. Joseph Goebbels. S. 137.* За всем этим стояла, соблазнительно поблескивая, идея общности народа, которая на протяжении поколений была одной из первостепеннейших тем неизбывных чаяний немцев. Воплощаемой в народе общности как высшей, мистически воспринимавшейся форме социального существования посвящалась масса литературы о преображении. Эти представления подхватил национал-социализм и с агрессивной остротой противопоставил их не только марксистским тезисам

Правда, свои представления о тотальном господстве Гитлер осуществил не «в один заход». Его тактическое умение состояло не в последнюю очередь в уверенном чувстве необходимого темпа. В первую бурную половину 1933 года он не раз опасался, что контроль за развитием событий выскользнет у него из рук. «Довольно многие революции удавались на первых этапах, в момент первого натиска, но было не меньше и таких, которые, удачно начавшись, не позволяли себя заглушить и остановить», — заявил он в одной из речей тех дней, сдерживая нетерпение своих приверженцев⁴. В отличие от своих сторонников он не поддавался головокружению от успехов и не утрачивал ни на мгновение способности подчинять сиюминутные аффекты далеко идущим целям власти. Он энергично сопротивлялся попыткам продолжить революционный захват госаппарата после фактического завоевания власти. Его сильно развитое чувство успеха подсказывало ему проявить сдержанность.

Поэтому руководители ведомств «теневого государства», которое создала партия в годы ожидания власти, не сразу получили высокие государственные посты. На первом этапе это удалось только Геббельсу, Дарре и отчасти Гимmlеру, в то время как Розенберг, например, уже считавший себя министром иностранных дел, и Эрнст Рём потерпели неудачу.

Отказ Гитлера отдать государство на растерзание партии был обоснован двумя основными причинами. С одной стороны, только такой отказ мог пробудить то чувство примирения внутри нации, которое имело решающее значение для построения полностью сплоченного государства. Летом 1933 года Гитлер вновь и вновь предупреждал своих сторон-

---

классовой борьбы, но и либеральным теориям плюрализма. Над образом растерзанной нации, ее общественными антагонизмами и конфликтами возвышался противоположный ему светлый образ государства, основанного на верности, дисциплине, чести, организованности и преданности и воплощающего не только извечную мечту о гармоничном единстве, но и не менее привлекательную идею могущественного и внушающего страх сообщества. На место метушейся, оглушенной массы придет, как заявлял Гитлер, «вырастающая из ее недр общность народа, упорядоченная, обретшая чувство собственного достоинства нация». На воплощение этого в жизнь и направлены теперь важнейшие инициативы второго этапа борьбы за власть.

⁴ В выступлении перед имперскими наместниками 6 июля см.: VB, 8.8.1933.

ников о необходимости «настроиться на работу в течение многих лет и оперировать большими отрезками времени»; не будет никакого толка, если по-доктринерски суетливо «искать, что бы еще революционизировать», теории ничего не значат — надо быть «умным и осторожным»⁵.

С другой стороны, он был достаточно осмотрителен, чтобы расценивать государство как инструмент для удержания в повиновении своей партии. Точно так же, как он постоянно создавал конкурирующие институты и подогревал соперничество в НСДАП, чтобы, стоя над спорами и ссорами, еще надежнее утвердить свое всемогущество. Он использовал теперь государственные инстанции, чтобы сделать еще более запутанной и многообразной макиавеллистскую игру обеспечения господства, со временем увеличив число этих звеньев.

Например, только в его личном распоряжении находились две, а после смерти Гинденбурга даже три канцелярии: Имперская канцелярия во главе с доктором Ламмерсом, Канцелярия фюрера и, наконец, Президентская канцелярия во главе со статс-секретарем Мейснером, работавшим там еще со времен Эберта. Внешняя политика, воспитание, печать, искусство, экономика — все было полем битвы за влияние трех или четырех конкурирующих инстанций. Эта малая война за полномочия, отзвуки которой были слышны еще в последние дни режима, распространялась вплоть до самых нижних уровней: один руководитель жаловался как-то на бои за дележ полномочий даже при организации праздника солнцестояния⁶. В 1942 году в рейхе существовало целых 58 высших властных инстанций, которые постоянно вырывали друг у друга власть, дрались за права и лидерство, предъявляли свои полномочия. Есть некоторые основания для того, чтобы охарактеризовать Третий рейх как авторитарно управляемую анархию. Министры, комиссары, чрезвычайные уполномоченные, руководители администраций, заместители, губернаторы и т.д. с зача-

---

⁵ *Le Testament politique de Hitler*. P. 76 f. Насколько сознательно Гитлер искал примирения в целом, видно из его более позднего упрека в адрес Франко, что тот обращался со своими бывшими противниками «как с бандитами»: «Объявить половину страны вне закона, — продолжал он, — это далеко не лучшее решение», а затем добавил, что был тогда неверно проинформирован на этот счет, иначе никогда бы не допустил этого.

⁶ Письмо руководителя пропаганды крайза Трир от 19.1.1939; см.: *Heyen F.J.* Op. cit. S. 326 f.

стую сознательно неясно сформулированными задачами создавали клубок полномочий, распутать который было невозможно. Единственно только сам Гитлер с как бы габсбургским искусством управления разбирался в нем, поддерживал баланс и управлял им.

В этом ведомственном хаосе следует также искать причину того, что режим столь экстремально был «завязан» на персоне Гитлера и до конца войны знал схватки не по идеологическим вопросам, а только борьбу за проявления благосклонности фюрера, которая, правда, по своей ожесточенности и разрушительности была похлеще споров ортодоксов. Вступая самым резким образом в противоречие с популярным воззрением, согласно которому авторитарные системы выгодно отличаются решительностью и энергичностью в реализации принятых решений, надо отметить, что от других форм государственной организации их отличает как раз большая предрасположенность к хаосу; все рассуждения о строжайшем порядке представляли собой не в последнюю очередь попытку скрыть за грандиозными фасадами путаницу, мотивированную соображениями техники господства. Когда один из руководителей СС Вальтер Шелленберг⁷ во время войны пожаловался на практику дублирующих друг друга приказов и бессмысленное соперничество ведомств, Гитлер одернул его, напомнив о теории борьбы за жизнь: «Надо сделать так, чтобы люди терлись друг о друга, от трения возникает тепло, а тепло — это энергия». Гитлер, однако, умолчал о том, что та энергия, о которой он говорил, тратилась впустую, что она была, с точки зрения господства нейтрализующей силой, не представлявшей собой угрозы. Начиная с 1933 года он перестал проводить заседания кабинета, в том числе по той причине, что их коллегиальный дух противоречил принципу противоборства. Когда Ламмерс захотел время от времени приглашать коллег-министров к себе по вечерам — выпить пива, Гитлер запретил ему это. Не без оснований этот стиль руководства характеризовали как «институциональный дарвинизм», а распространенное представление о его более высо-

---

⁷Называть Вальтера Шелленберга «один из руководителей СС» вряд ли корректно — он занимал пост начальника VI управления (политическая разведка) Главного управления имперской безопасности и носил лишь звание бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС. — *Прим. науч. ред.*

кой эффективности — жизненно необходимой для их существования «ложью во спасение» всех авторитарных систем⁸.

Тот факт, что Гитлер не отдал государство партии «на поток», вызвал большое недовольство среди его сторонников. Несмотря на наличие всех идеологических стимулов, нельзя упускать из виду ту элементарную ударную материальную силу, которая лежала в основе захвата власти. Свыше шести миллионов безработных создавали источник огромной социальной энергии — неудовлетворенной тяги к работе, к добыче и ожидания карьеры. Революционная волна вынесла в парламенты и ратуши, а затем и за чиновничьи столы слой функционеров. Теперь те, кому ничего не досталось, рвались под воздействием антикапиталистических настроений прошлых лет в более обширную и богатую сферу торговли и промышленности, «старые борцы» хотели стать директорами, президентами палат, членами Наблюдательных советов или просто — при помощи насилия и шантажа — совладельцами.

Их мощная воля к завоеванию придавала событиям, в которых все остальное заглушалось воплями об единении, однозначно революционные черты. Курт В. Людеке рассказывает о тех временах, как один из таких изголодавшихся по власти и начальственному креслу партийных функционеров приветствовал его в только что занятом служебном кабинете: «Привет, Людеке! Ух, как здорово! Я — начальник!». На другом конце этого социального спектра описанный Германом Раушнингом взрыв отчаяния одного партийца, который в страхе от того, что его опять обойдут, кричал ему: «Я не хочу назад на дно! Это вы, наверное, можете ждать. Над вами не капает! А я без работы! Пока появится новая такая возможность выбиться, я стану преступником. Я выйду в люди, чего бы это ни стоило. Другого такого случая у нас не будет!»⁹

Но предпосылкой для второй стадии захвата власти было укрощение этой радикальной, неконтролируемой энергии. В трех больших речах-предупреждениях, с которыми он выступил в начале июля, Гитлер, как уже в марте, во время «восстания СА», продемонстрировал стремление притормозить революционный порыв, теперь-де все зависит от того, удастся ли «перевести вырвавшийся на свободу поток революции в

---

⁸ *Bracher K.D.* Diktatur. S. 258; *Schoenbaum D.* Op. cit. S. 336 f., *Scnellenberg W.* Memoiren. S. 98.

⁹ *Rauschning H.* Gespräche. S. 96; *Luedecke K.G.W.* Op. cit. S. 518.

надежное русло эволюции»¹⁰. В то же время он старался придавать ему все новые и новые поступательные импульсы. Ибо столь же опасным, как авантюристическая безудержность, было превращение сложившихся отношений в неподвижную массу, будь то по причине преувеличенной боязни революции, или из-за естественной малоподвижности многомиллионной партии, задыхающейся под наплывом все новых толп вступающих в нее. Призывая своих сторонников к дисциплине, Гитлер в то же время был озабочен тенденцией к «обуржуазиванию» партии. Он дал указание приостановить с 1 мая 1933 года прием новых членов после того, как более полутора миллионов влившихся в партию за три месяца оттеснили 850 тысяч старых партийцев на позицию меньшинства. Считаясь с внешним окружением, он приказывал с треском выгонять из партии и отправлять в концлагеря партийцев, позволявших себе неправомерное вмешательство в торговых палатах и на промышленных предприятиях¹¹. Но в тесном кругу своих приближенных он оправдывал рвачество как революционный стимул и говорил о «преднамеренной коррупции». Буржуазные круги упрекали-де его в том, что он устраивает сфабрикованные процессы против прежних властителей, обвиняя их в коррупции, в то время как его собственные люди набивают карманы. «Я отвечал этим простакам, — возмущался он по свидетельству очевидца, — не могут ли они сказать мне, как мне еще выполнить оправданные желания моих товарищей по партии получить возмещение за нечеловеческие годы их борьбы. Я спросил их, будет ли им приятнее, если я выпущу на улицу моих штурмовиков. Я еще могу сделать это. Меня бы это устроило. Да и для всего народа было бы здоровее, если бы пару недель подряд была по-настоящему кровавая революция. Жалея и их буржуазное спокойствие, я отказался от такого варианта. Но я еще могу это наверстать!.. Когда мы делаем Германию великой, у нас есть право подумывать и о себе».

---

¹⁰ Слова из уже упоминавшегося выступления 6 июля перед имперскими наместниками.

¹¹ См. перепечатанное М. Домарусом Сообщение имперской службы печати НСДАП от 29.6.1933: *Domarus M.* Op. cit. S. 285, а также, например: *Heyen F.J.* Op. cit. S. 115. Озабоченность по поводу «обуржуазивания партии» выражается, например, в полемическом пассаже одной из статей ежемесячника «НС-Монатсхефте» в феврале 1933 года: *NS-Monatshefte*, Februar, 1933. S. 85. К последующей цитате см.: *Rauschning H.* Op. cit. S. 89 ff.

Преследуя эту двойную тактическую цель: сохранить динамизм революции и стабилизировать ее, обуздать и продвигнуть вперед, Гитлер придерживался и на этой фазе своих испытанных максим психологии власти. Только взбудораженное, находящееся в постоянном волнении сознание можно было подчинить себе, взять под свой контроль: «Я могу вести массу, только вырвав ее из состояния апатии. Управлению поддается только фанатизированная масса. Апатичная, тупая масса — величайшая опасность для всякого общества», — заявил он¹².

Это стремление пробудить массы, чтобы «получить возможность превратить их в свое орудие», теперь вышло на первый план. Уже нагнетание страха, марши, митинги и сбор средств, формулы пробуждения и воскрешения, культ фюрера, короче говоря, изобретательно скомпонованное сочетание обманных трюков и террора были началом обработки нации в духе единой схемы мыслей и чувств. Характерно, что вместе с успехом опять стали проявляться давно отгесненные на задний план основные идеологические постулаты; с яростью, напоминавшей ранние годы борьбы, вновь набросились на долгое время почти забытую фигуру еврея, как воплощение зла и демагогическое средство отвлечения внимания, ощущений недовольства.

Уже в марте имели место первые антисемитские бесчинства отрядов СА. Но они вызвали за границей столь резкий протест, что Геббельс и Юлиус Штрейхер настойчиво просили Гитлера открыто усилить давление и заставить критику замолчать. Гитлер не принял первоначальное предложение выпустить своих сторонников на карнавал террора против всех еврейских предприятий, предпринимателей, адвокатов и чиновников, но его удалось уговорить дать добро на однодневный бойкот.

В субботу 1 апреля у дверей еврейских магазинов и контор стояли группы вооруженных штурмовиков и призывали посетителей или клиентов не входить в них. На витрины были приклеены плакаты с призывами к бойкоту и антисемитскими лозунгами: «Немцы, не покупайте у евреев!» или «Евреев вон!» Но тут осуждаемая любовь нации к порядку единственный раз обратилась против режима. Акция, продемонстрировавшая

---

¹² *Rauschning H.* Op. cit. S. 198; там же приводится и последующее замечание.

столько произвола и противозаконного самоуправства, не дала ожидаемого эффекта: население, как говорилось в более позднем докладе о его настроениях на западе Германии, «часто проявляет склонность к тому, чтобы жалеть евреев... оборот еврейских магазинов, особенно в сельской местности, несколько не сократился»¹³. Вопреки угрозам, бойкот больше не возобновлялся. В своей отразившей чувства разочарования речи Штрейхер дал понять, что режим отступил перед мировым еврейством, в то время как Геббельс приоткрыл на миг дверь в будущее, предвещая новый удар, причем такой, «что он уничтожит немецкое еврейство... Пусть никто не сомневается в нашей решимости»¹⁴.

Законодательные меры, первые из которых были приняты уже несколько дней спустя, без особого шума вытеснили евреев из общественной жизни, с их социальных, а вскоре и деловых позиций. Уже примерно годом позже были удалены со своих прежних мест несколько сотен евреев — преподавателей вузов, около 10 тысяч врачей, адвокатов, чиновников и почти 2 тысячи музыкантов и работников театра. Примерно 60 тысяч человек искали под воздействием первой волны притеснений убежище в странах Европы, большинство из этих стран совсем не стремилось принимать их.

То, что на самовосхваляющем жаргоне режима превозносилось как «чудо немецкого единения», означало не только постоянное размежевание между подлинной нацией и как бы нежелательной нацией марксистов и евреев, но «в гораздо большей степени непрерывную тягу к аплодирующей нации». Как раз неудача с бойкотом показала Гитлеру, как еще далека общественность от его взглядов на то, в ком надо видеть корень зла. Если 1 апреля должно было сплотить весь народ в порыве отрицания, то 1 мая, когда чествовали рабочих, или 1 октября, когда славили крестьян, должны были быть днями сплочения на позитивной основе:

«Когда стало темнеть, — так описывает один из почетных гостей, французский посол Андре Франсуа-Понсе вечернее завершающее мероприятие 1 мая на Темпельхоферфельд в

---

¹³ *Heyen F.J.* Op. cit. S. 134, доклад земельного советника из Бад-Кройцнаха.

¹⁴ Из выступления Геббельса по радио 1.4.1933, направленного «против распространения измышлений о зверствах в отношении евреев», опубликовано в: *Dokumente der deutsche Politik*. Bd. 1. S. 166 ff.

столице, — по улицам Берлина потянулись шагающие в ногу плотные колонны, красивым строем с транспарантами впереди, играют дудочки, оркестры, так колонны идут к месту общего сбора; ну просто выход на сцену корпораций в “Мейстерзингерах”! Все занимают отведенные им места на огромном поле... Отливающее красным море знамен завершает второй план картины. Словно нос корабля впереди возвышается трибуна, на которой установлено множество микрофонов, внизу ее колыхается людское море: шеренги частей рейхсвера, за ними миллион мужчин СА и СС наблюдают за строгим порядком на этом огромном мероприятии. Один за другим появляются нацистские вожди, которых толпа живо приветствует. На трибуну поднимаются баварские крестьяне, горняки, рыбаки в своем профессиональном одеянии, австрийские делегации, делегации из Саара и Данцига. Они — почетные гости рейха. Все дышит хорошим, веселым настроением, всеобщей радостью, ничто не напоминает о принуждении...

В восемь часов оживление: приехал Гитлер, он стоит в своей машине с вытянутой вверх рукой, лицо застывшее, несколько судорожно напряженное.

Его приветствуют продолжительными криками, вырывающимися из тысяч глоток. Тем временем опустилась ночь. Вспыхивают прожекторы, расставленные с большим интервалом, так что между их голубоватыми лучами лежит темнота. Море людей, из которого луч прожектора то тут, то там выхватывает движущиеся группы; своеобразная картина — эта движущаяся толпа, которую видишь в свете прожекторов и угадываешь в темноте.

После нескольких вступительных слов Геббельса на трибуну поднимается Гитлер. Прожекторы гаснут — за исключением тех, которые высвечивают фюрера, кажется, что он стоит над колыханием масс как в сказочном корабле. Воцаряется тишина, как в церкви. Говорит Гитлер»¹⁵.

Гениальность режима по части массовых мероприятий, ночная феерия мундиров, игры света и музыкальных ритмов, знамен и разноцветных рассыпающихся фейерверков производили впечатление «действительно прекрасного, чудесного праздника» не только на иностранных гостей на трибуне, которые ощущали «дуновение примирения и единения над Тре-

---

¹⁵ *Fransois-Poncet A. Op. cit. P. 218 ff.*

тым рейхом». Гораздо сильнее такие картины потрясали, естественно, самих немцев. Уже в первой половине дня в Берлине прошли манифестации, на которых в одних рядах шло до полтора миллиона человек: рабочих, чиновников, ремесленников, профессоров, звезд кино, служащих. На эту картину ссылался Гитлер, провозглашая вечером программный тезис о конце всяческих классовых различий и возникновении народной общности всех «людей умственного и физического труда». Закончил он опять, как это часто бывало в то время, на выпренно-набожной ноте: «Мы хотим трудиться, по-братски ладить друг с другом, сообща бороться, чтобы настал час, когда мы сможем предстать перед ним и попросить: Господи, ты видишь, мы изменились, немецкий народ перестал быть народом бесчестия, позора, самобичевания, малодушия и маловерия. Нет, Господи, немецкий народ опять окреп духом, стал силен волей, упорством, умением приносить все жертвы, Господи, мы не свернем с твоей стези, благослови теперь нашу борьбу»¹⁶.

Эти религиозные фразы и призывы к единству, вообще литургическое волшебство празднеств не могли не оказать своего воздействия и вернули многим утраченное чувство сплочения и коллективного товарищества. Сочетание церковной службы и народного увеселения было как раз в силу казалось бы неполитического характера достаточно обширным «общим знаменателем» для большинства. Тот, кто делит людей весны 1933-го на победителей и побежденных, совершает бесспорно ошибку интеллектуального упрощения, к которому толкают более поздние чудовищные черты режима. Во многих, как верно заметил Голо Манн, чувство победы и поражения, триумфа, неуверенности, страха и стыда жили друг рядом с другом и боролись между собой¹⁷. В такие дни, как этот, в состоянии грандиозного опьянения массовых праздников люди чувствовали, что на их глазах вершится история, их охватывали воспоминания о далеком, но незабытом чувстве единства в августовские дни 1914 года: люди словно преобразились под воздействием внезапного чувства — галлюцинации братства. Позднее в памяти нации этим месяцам суждено жить как трудноуловимой смеси ощущений возбуждения, реющих знамен, весны, преображения и начала взле-

---

¹⁶ *Horkenbach C.* Op. cit. S. 196.

¹⁷ *Mann G.* Deutsche Geschichte. S. 804.

та к новому величию, однозначного мотива которого никто бы назвать тогда не смог. Скорее всего, тут еще трудно под-дающаяся анализу способность Гитлера создавать приподня-тое историческое настроение заставила многих отречься от своих прежних убеждений. Его выступление по случаю 1 мая не содержало ни конкретной программы создания рабочих мест, ни ожидавшихся принципиальных заявлений о нацио-нальном социализме или экономическом восстановлении, и все же оно внушало сознание величия и исторической значи-мости. В этом контексте свое место было и у сопутствующих актов террора; они придавали событиям характер исключи-тельной, судьбоносной серьезности, и многие воспринимали свои укоры совести как нечто мелочное, не подобающее ран-гу происходящего.

Поэтому когда один из представителей интеллектуаль-ной элиты страны писал, вспоминая майский праздник, что труд стал, наконец, освободившись от печати пролетарских страданий, основой нового восприятия себя как части общ-ности и что была «заново провозглашена часть прав челове-ка», то это было не единичным проявлением восторга, а вполне определенным выражением преобладавшего тогда ощущения судьбоносности момента¹⁸. Днем позже, правда, вероломная акция против профсоюзов опять продемонстри-ровала обратную сторону двойной тактики Гитлера. Ана-логичным образом 10 мая, в то время, как возглавляемый «человеком искусства — политиком» Адольфом Гитлером режим подогревал надежды на «золотой век» искусств, был сделан грубый жест открытой вражды к духовности. Под зву-ки «патриотических мелодий», исполняемых оркестрами СА и СС, на площадях университетских городов было со-жжено около 20 тысяч «ненемецких книг». Обрамлением этой акции служили факельные шествия и так называемые заклинания огня¹⁹.

---

¹⁸ *Benn G.* Antwort an die literarische Emigration, GW. Bd. IV. S. 245.

¹⁹ Выступавший во время сожжения книг Геббельс призывал: «Немцы! Сограждане, мужчины и женщины! Век извращенного ев-рейского интеллектуализма пришел к своему бесславному концу, немецкий дух торжествует! Предавая огню эти зловердные измыш-ления, вы совершаете правое дело! Это великое, славное и символи-ческое событие! Прошлое сгорает в пламени, будущее нарождается в наших сердцах!». Цит. по: *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Йозеф Геббельс. Ростов-на-Дону, 2000. С. 119. — *Прим. науч. ред.*

По части тактики захват власти неизменно проводился с почти механически бездушной, но тем не менее безотказно действовавшей последовательностью средств одурманивания и нажима. Именно эта комбинация расчистила после 12 лет парламентского «междоусобия» путь ощущению, что в Германии наконец появилось руководство и праздники. Это был хорошо знакомый политический стиль государства с всевластными правителями наверху и исполнителями внизу, его традициями смог воспользоваться новый режим.

Поначалу часто случайные мероприятия по психологической обработке нации в нужном направлении были скоро приведены в систему, произошло твердое разграничение компетенции.

Наибольшее влияние в подковерной борьбе завоевал в этот период Йозеф Геббельс, министерство которого с семью управлениями (пропаганда, радио, печать, кино, театр, музыка и изобразительное искусство)²⁰ наиболее действенно осуществляло притязания режима на тотальную регламентацию духовной и культурной сферы. Структуре министерства соответствовала структура незамедлительно начавшегося формирования Имперской палаты культуры²¹, которая в свою очередь семью отдельными палатами охватывала всех занятых в сфере искусства и публицистики — архитекторов и торговцев предметами искусства, художников, театральных декораторов, а также и осветителей, и продавцов газет. Всех их, открыто заявил Геббельс, новое государство хочет избавить от «чув-

---

²⁰ Хотя созданное в 1933 году Имперское министерство народного просвещения и пропаганды действительно первоначально состояло из семи управлений, они, однако, именовались по-другому: I — Центральное (хозяйство, кадры, право), II — «Пропаганда», III — «Радио», IV — «Пресса», V — «Кинематография», VI — «Театр», VII — «Заграница». В 1934 году были созданы управления «Литература» и «Музыка и искусство» (в 1937 г. разделено на два самостоятельных), а затем «Народное творчество», «Зарубежный туризм» — всего 12 управлений. — *Прим. науч. ред.*

²¹ Имперская палата культуры (Reichskulturkammer; RKK) была создана только 22 сентября 1933 года. В состав RKK входило 7 палат, объединявших творческих работников в различных отраслях: Имперская палата кинематографии, Имперская палата печати, Имперская палата радиовещания, Имперская палата театра, Имперская палата литературы, Имперская палата музыки, Имперская палата изобразительного искусства. — *Прим. науч. ред.*

ства безутешной пустоты». Отказ в приеме или исключение из Имперской палаты культуры был равнозначен запрету заниматься своей профессией. Очень скоро полиции пришлось разбирать многочисленные доносы, выслеживать работы запрещенных деятелей искусства и контролировать соблюдение вынесенных постановлений о запрете на работу. В декабре 1933 года свыше тысячи книг или произведений искусства вообще подверглось запрету, не менее чем двадцать одной, отчасти конкурирующих инстанций. Годом позже эта судьба постигла уже свыше 4 тысяч работ. Революция нигде не останавливается, заявил Геббельс в одной из своих «основополагающих речей», посвященных культуре, главное — чтобы «на место отдельного человека и его обожествления теперь встал народ и его обожествление. В центре всего стоит народ... У работника искусства есть, пожалуй, право считать себя вне политики в то время, когда политика сводится лишь к крикливым схваткам диадохов²² между парламентскими партиями. Но в тот момент, когда политика пишет народную драму, когда крушат прежний мир, когда исчезают старые ценности и возникают новые — в этот момент деятель искусства не может сказать: «Меня это не касается». Это его еще как касается»²³. Будучи имперским руководителем пропаганды НСДАП, Геббельс одновременно покрыл страну плотной сетью управлений пропаганды, число которых было в конце концов доведено до 41 (несколькими годами позже они получили статус имперских ведомств).

Уже весной 1933 года была в основном завершена унификация радио как в кадровом, так и организационном отношении. Из насчитывавшихся в Германии примерно 3000 газет большая часть (прежде всего местных изданий) была ликвидирована с помощью экономических мер и в ходе борьбы за подписчиков, в которой были использованы все средства государства. Другие газеты были конфискованы, и лишь некоторые из крупных периодических изданий ради поддержания международного престижа продолжали выходить и продержались, как например, «Франкфуртер Цайтунг», до войны. Но рамки, в пределах которых журналистам позволялось писать,

---

²² Полководцы Александра Македонского, боровшиеся за власть после его смерти. — *Прим. пер.*

²³ *Horkenbach C.* Op. cit. S. 207; см. затем: *Brenner H.* Die Kunstpolitik des Nationalsozialismus. S. 50.

были резко сужены уже в начальной фазе захвата власти. Железный принцип жестких указаний свыше навязывания официальных формулировок, которые, как правило, устанавливались на ежедневной имперской пресс-конференции, обеспечивал полный политический контроль и сводил свободу печати к намекам между строк. Вместе с тем Геббельс одновременно поощрял любое тематическое и стилистические разнообразие и вообще старался смягчить и завуалировать государственную монополию на мнения. Печать, как и вообще культура, в соответствии с навязанным ей девизом, должна была быть «единая в воле и многообразна по выражениям воли»²⁴.

В целом можно отметить, что и в культурной сфере унификация проходила без протестов и каких-либо признаков активного сопротивления. Только протестантская церковь смогла, хотя и ценой раскола²⁵, дать отпор открытому захвату власти, в то время как воля к отпору у католической церкви, епископы которой поначалу нападали на национал-социализм с резкими заявлениями и осуждением, потеряла почву под ногами в результате начатых Гитлером переговоров о конкордате со всеми их обещаниями и мнимыми уступками. Когда же она нашла в себе силы выступить с запоздалыми протестами, которые тормозились слишком большими тактическими ограничениями, время было уже упущено. При этом псевдохристианское кликушество режима оказало воздействие на представителей обеих конфессий. Сам же Гитлер умел, постоянно взывая к Всевышнему или «провидению», создать впечатление богобоязненного человека.

Воля к сопротивлению ослаблялась еще и тем, что часть национал-социалистических постулатов — начиная от борьбы с «безбожным марксизмом», «вольнодумством» и «упадком нравов» и вплоть до вердикта «искусству вырождения» — была

---

²⁴ См.: *Hagemann W.* Publizistik im Dritten Reich. S. 35. По поводу политики национал-социализма в области печати в целом, особенно во время насаждения его идеологии, см. содержательное и основанное на обширном материале исследование *Hale O.J.* Presse in der Zwangsjacke.

²⁵ Имеется в виду создание 21 сентября 1933 года оппозиционного режиму протестантского Чрезвычайного союза пасторов — так называемой Исповедальной церкви, инициаторами которого выступили Мартин Нимёллер, Герхард Якоби и Эйтель Фридрих фон Рабенау. — *Прим. науч. ред.*

вполне близка многим верующим. Пестрая национал-социалистическая идеология в известном плане была «сама производным христианских убеждений и частью настроений и идеологий, которые сформировались в христианской общинной жизни в противостоянии с непонятным или вызывающим неприятие окружающим миром и современным развитием»²⁶.

В университетах также проявилась лишь тенденция к самоутверждению, которая вскоре и вовсе погасла в результате апробированного взаимодействия «спонтанных» выражений воли низов с последующим административным давлением сверху. В целом режим так быстро и легко подчинил себе интеллектуалов, профессоров, деятелей искусства и писателей, что возникают сомнения в справедливости распространенного тезиса, согласно которому самыми слабыми звеньями перед лицом натиска национал-социализма оказались высший офицерский корпус или крупная промышленность. В течение нескольких месяцев на добившийся всеобщего признания и обхаживающий обладателей звучных имен режим изливался непрерывный дождь заверений в лояльности, причем без всяких на то усилий с его стороны.

Уже в начале марта и затем в мае несколько сотен вузовских преподавателей всех специальностей публично заявили о поддержке Гитлера и нового правительства. Под «клятвой верности немецких поэтов народному канцлеру Адольфу Гитлеру» стояли такие имена, как Биндинг, Хальбе, фон Мало, Понтен и фон Шольц, другое обращение было подписано такими авторитетнейшими учеными, как Пиндер, Зауэрбрух и Хайдеггер.

Индивидуальных же выражений одобрения было еще больше. Герхард Гауптман²⁷, которого Геббельс целые годы издевательски титуловал «профсоюзным Гёте», выступил со статьей, заголовок которой был придуман редакцией, но тем не менее отражал его позицию: «Я говорю „Да!“» Ганс Фридрих Блунк²⁸ свел ожидания, связанные с началом новой эры,

---

²⁶ Broszat M. Op. cit. S. 286.

²⁷ Герхард Гауптман (15.11.1862—6.6.1946) — всемирно известный писатель, поэт, драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе (за 1912 год). — *Прим. науч. ред.*

²⁸ Романы писателя Ганса Фридриха Блунка (30.9.1888—25.4.1961) «Хейн Хойер», «Народный рубеж» и «Король Гейзерих» были провозглашены лучшими произведениями нацистской литературы. В 1934—1935 годах Блунк занимал пост президента Имперской палаты литературы. — *Прим. науч. ред.*

к формуле: «Смирение перед богом, честь рейху, расцвет искусств», в то время как историк литературы Эрнст Бертрам²⁹ сочинил «заклинание огня» для того самого акта сожжения книг, где нашли свой конец произведения его друга Томаса Манна:

Отбросьте, что вас смущает
Прокляните, что вас соблазняет,
Что возникло без чистой воли!
В огонь то, что вам угрожает!

Даже Теодор В. Адорно³⁰ находил в положенном на музыку цикле стихов Бальдура фон Шираха «сильнейшее воздействие», провозглашенного Геббельсом «романтического реализма»³¹.

А тем временем только за первые недели новой власти страну покинули 250 известных ученых, другие подвергались притеснениям, запретам на профессию или издевательствам

---

²⁹ Историк литературы и германист Эрнст Бертрам (27.7.1884—3.5.1957) с 1922 по 1946 год заведовал кафедрой германской филологии в Кёльнском университете. Его книга «Ницше. Опыт мифотворчества» стала основой культа философа в Германии. Лирика Бертрама выдержана в духе «чисто германских традиций», тяготея к монументально-героическим формам. — *Прим науч. ред*

³⁰ Теодор Адорно (фамилия отца Визенгрунд) (11.9.1903—6.8.1969) — философ, социолог и музыковед. В 1931—1933 годах — доцент Франкфуртского университета. В 1933 году эмигрировал в Великобританию, с 1938-м — в США. Особое внимание уделял критическому анализу изменений в характере человека в так называемом управляемом обществе. — *Прим. науч. ред.*

³¹ См.: Der Diskus, 1963. Nr. 1, «Открытое письмо». Там представлена и точка зрения Адорно, выражающаяся, в частности, в следующих словах: «Вся ошибка заключалась в моей неверной оценке ситуации; если хотите, в недомыслии человека, которому было бесконечно трудно решиться на эмиграцию. Я думал, что Третий рейх просуществует недолго, что нужно остаться, чтобы спасти все то, что еще можно было спасти. Именно это и побудило меня произнести из тактических соображений те неумные фразы. Этим фразам противостоит все, что я написал в своей жизни до и после Гитлера». Но как раз эти аргументы делают его высказывание еще более непонятным. Упомянутая в тексте статья Адорно была опубликована в июле 1934 года в журнале «Ди Музик». Относительно «заклинания огня» Эрнста Бертрама см.: Brenner H. Op. cit. S. 188 f. См. затем: Deutsche Kultur im Dritten Reich, Hrsg. Dreyer E.A. Berlin, 1934. S. 79.

административным придиркам. Представителям питавшего амбиции в области культуры режима скоро пришлось признать, что первое «лето искусств» в Германии являет собой скорее картину поля битвы, чем созревающего урожая³².

Начиная с августа 1933 года в серии публикаций сообщалось, что имперский министр внутренних дел лишил гражданства многих деятелей искусств, писателей и ученых, в том числе Лиона Фейхтвангера, Альфреда Керра, Генриха и Томаса Маннов, Анну Зегерс, Теодора Пливье и Альберта Эйнштейна. Но оставшиеся, несколько «не ломаясь», заняли освободившиеся места в академиях и на праздничных банкетах, стыдливо делая вид, что не знают о трагедии эмигрантов и изгоев. К кому бы режим ни обращался, все шли служить ему: Рихард Штраус, Вильгельм Фюртвенглер, Вернер Краус, Густав Грюндгенс. Конечно, не все из слабости или конформизма. Одних увлекли за собой порыв захвата власти, чувство национального подъема, которое пробуждало почти непреодолимую потребность встать в строй рядом с другими, самому «унифицировать» себя. Другими руководило намерение укрепить позитивные силы в «великом народном движении, устремленном к возвышенным идеалам» национал-социализма, взять под свою мудрую опеку честных, но примитивных нацистских драчунов, сублимировать их первобытную энергию, придать утонченность «преследующим самые добрые намерения, но еще сырым идеалам «человека из народа» Адольфа Гитлера» и таким способом «показать впервые самим национал-социалистам», что действительно кроется в их темном порыве, и тем самым создать возможность возникновения «более совершенного» национал-социализма»³³. Часто встречающаяся в революционную эпоху надежда, что удастся предотвратить худший вариант, причудливо сочеталась с представлением о том, что великая сцена национального братания дает неповторимый шанс внести духовность в «грязную политику». Гораздо вероятнее, что именно в таких интеллектуальных иллюзиях, а не в трусости и конформизме, которые тоже были распространены, заключается специфическая поддержка немцами национал-социализма.

---

³² *Feistel-Rohmeder B.* Im Terror des Kunstbolschewismus. Karlsruhe, 1938. S. 187.

³³ *Bracher K.D.* Diktatur. S. 271.

Но понимание происшедшего будет не полным, если мы не примем во внимание доминирующее ощущение эпохального поворота. Никогда не закрывавшийся вопрос о корнях успеха откровенно антидуховного гитлеровского движения находит ответ в среде писателей, профессоров и интеллектуалов не в последнюю очередь в антидуховной тенденции самой эпохи.

Над временем властвовало мощное антирационалистическое настроение, которое противопоставляло духу как «самой неплодотворной из всех иллюзий» «исконные силы жизни» и предвещало конец господства разума. В Германии его прежде всего порождала реальная действительность республики, которая своей трезвостью и эмоциональной скудостью, с предельной ясностью подтверждала несостоятельность рациональных принципов. Даже Макс Шелер истолковал в докладе 20-х годов иррациональные движения времени как процесс «оздоровления», «систематичный бунт инстинктов в человеке нового века против утриванной интеллектуальности наших отцов», отмежевавшись, правда, от тех, кто пренебрежительно относится к духу³⁴. Как политический прорыв в ходе этого процесса и понимали в основном победу гитлеровского движения — как самое последовательное осуществление в политическом пространстве склонностей к бегству в псевдо-религию, ненависти к цивилизации и «отвращения к мудрствованиям познания». Именно этим национал-социализм оказывал соблазнительное воздействие на многих интеллектуалов, живших в своем книжном мире и жаждавших братания с массами, приобщения к их жизненной силе, целостности и исторической действенности.

Слабостью было также антипросвещенческое настроение времени, а склонность к нему — общеевропейским явлением. В то время как обладавший сильным национальным чувством консервативный писатель Эдгар Юнг заявил о своем «уважении к примитивности народного движения, к боевой силе победивших гаулейтеров и штурмфюреров», не кто иной, как Поль Валери, находил «очаровательным, что на-

---

³⁴ *Scheler M. Der Mensch im Weltalter des Ausgleichs. Berlin, 1929. S. 45.* Симптомами антирационалистической эпохи Шелер называл большевизм, фашизм, молодежное движение, повальное увлечение танцами, психоанализ, новое отношение к детям, а также страсть к примитивизму, к мифам.

цисты так беспредельно презирают духовность»³⁵. В наиболее впечатляющем виде весь набор мотивов — заблуждений, надежд, самоискушений — предстает в знаменитом письме поэта Готфрида Бенна, адресованном эмигрировавшему Клаусу Манну:

«Я по сокровенно личным мотивам за новое государство, ибо это мой народ прокладывает здесь себе путь вперед. Да кто я такой, чтобы держаться особняком, разве я знаю, как можно было бы сделать лучше? — Нет! Я могу попытаться направить его в меру своих сил туда, куда бы мне хотелось, чтобы он шел, но если мне это не удастся — он останется моим народом. Народ — это так много! Моим духовным и экономическим существованием, моим языком, моей жизнью, моими человеческими связями, всей суммой отложившегося в моем мозгу я обязан в первую очередь этому народу. Этому народу принадлежали предки, в этот народ волеются дети. Поскольку я вырос в деревне, среди стад, я еще знаю, что такое Родина.

Большой город, индустриализм, интеллектуализм, все тени, которые бросает век на мои мысли, все силы столетия, которым я даю отпор моим творчеством — бывают моменты, когда вся эта мучительная жизнь исчезает и остаются только равнина, простор, времена года, земля, простое слово — народ»³⁶.

Такие высказывания показывают, сколь слабо отражает суть национал-социализма и его специфической и соблазнительной силы критика его идеологической бедности. Тот факт, что по сравнению с абстрактными системами левых он мог не слишком много — лишь чувство единства: толпы народа, разгоряченные лица, крики одобрения, поднятые в приветствии руки³⁷ — делал национал-социализм привлекательным для интеллектуалов. Они давно были в отчаянии от себя самих и из всех теоретических споров эпохи вынесли убеждение, что при помощи «мыслей уже больше не приблизиться к пониманию вещей». Именно потребность в бегстве от идей, понятий и систем к какой-нибудь простой, несложной «принадлежности» дала национал-социализму так много перебежчиков.

---

³⁵ Jung E.J. Neubelebung von Weimar? In: Deutsche Rundschau, Juni 1932. По поводу замечания Поля Валери см.: Mann Th. Nachlese. Prosa 1951—1955. S. 196.

³⁶ См. упомянутое письмо Г. Бенна. Benn G. Op. cit. S. 245 f.

³⁷ См. Milosz C. Verführtes Denken. S. 20.

Эту потребность национал-социализм стремился удовлетворить при помощи множества новых и новых социальных форм общения. Одна из основных идей Гитлера, усвоенных им в годы социального кризиса его молодости, состояла в том, что человек хочет быть частицей чего-то целого. Было бы заблуждением видеть только элемент принуждения в многочисленных партийных структурах, в политизированных профессиональных объединениях, палатах, ведомствах, союзах, которые теперь заполонили всю страну.

Практика, при которой каждый отдельный человек в любом возрасте, при любом занятии, даже в часы досуга и развлечения был «охвачен», и его личным делом оставался только сон, как это порой заявлял Роберт Лей, отвечала распространенной тяге к социальному участию. Когда Гитлер регулярно заверял, что он всегда требовал от своих сторонников только жертв, он не преувеличивал. Он действительно открыл забытую истину, что люди испытывают потребность быть встроенными в общую систему, что есть желание «слиться» и что возможность самопожертвования для сознания широкой массы часто больше значит, чем интеллектуальное пространство свободы.

Одно из самых примечательных свершений Гитлера — это то, что он сумел преобразовать в целенаправленную общественную энергию все пробужденные той весной смутные порывы. Тон, который он избрал: «Бросим вызов самим себе!», вызывал энтузиазм народа, замученного безработицей, нуждой и голодом, и почти идеалистическое стремление отдать себя общему делу. Никто не смог бы так убедительно сказать народу: «Замечательно жить в такое время, которое ставит перед людьми великие задачи». Его ненасытная жажда контакта с общественностью вылилась в непрерывную вереницу поездок и речей, и хотя по сути дела ничего не происходило, все тем не менее преображалось. «Слова, — сказал Эрнст Рём, неверяще и удивленно глядя на Гитлера, — ничего кроме слов, и все же миллионы сердец за него — просто фантастика»³⁸.

Бесконечными церемониями заложения «Первого камня» и «Первой лопаты» вырытой земли на развернувшихся стройках он создал своего рода сознание мобилизации, сот-

---

³⁸ Lüdecke K. G. W. Op. cit. S. 443; процитированные слова Гитлера см.: Domarus M. Op. cit. S. 315.

нями речей, призывающих взяться за дело, он открывал работы по строительству объектов, которые вскоре, используя военный жаргон режима, разрослись до целых трудовых битв, с триумфом завершаясь победами у конвейера или прорывами на полях.

Поддерживаемый такими штампами как бы военный настрой подхлестывал волю к жертвам, которая еще больше подогревалась стимулирующими, порой, правда, доходившими до гротеска лозунгами: вроде такого, например, как «Немецкая женщина опять вяжет!»³⁹.

Равно как государственные праздники, торжества и парады, эти стилизованные средства были нацелены на то, чтобы сделать новый режим популярным за счет наглядности.

Артистический темперамент редко где еще проявлялся с такой ясностью, как в способности переводить абстрактный характер современных политических и общественных взаимосвязей на язык простых образов. Конечно, массы были в политическом отношении в положении младенцев, которых водят на помочах, их права были урезаны или ликвидированы. Но их былая зрелость мало что дала им, они вспоминали о ней с пренебрежением, в то время как непрерывная само-реклама Гитлера, его страсть к выпячиванию своего «я» вызывали явное чувство причастности к делам государства. После годов спада многим казалось, что их деятельность опять обретает смысл; труд, каким бы он ни был скромным, возвышался до уровня доблести; и даже можно сказать, что Гитлер, действительно, в какой-то степени распространил то сознание, которого он добивался, говоря о «честь быть гражданином этого рейха, будучи хоть подметальщиком улиц»⁴⁰.

Эта способность пробуждать инициативу и веру в свои силы была тем более удивительна, что Гитлер не располагал никакой конкретной программой. На заседании кабинета 15 марта он впервые признал дилемму, заявив, что надо привлечь внимание народа митингами, пышными зрелищами, акциями «к чисто политическим делам, потому что с экономическими решениями надо пока подождать». Уже в сентябре на открытии работ по строительству участка автостреды Франкфурт—Гейдельберг в его речь вкралась обмолвка: теперь необходимо

---

³⁹ См. иллюстрацию, опубликованную в кн.: *Nolte E. Faschismus*, S. 294.

⁴⁰ *Hitler A. Mein Kampf*. S. 491.

«сперва запустить где-нибудь (!) маховик немецкой экономики большими, монументальными работами»⁴¹.

Вся концепция, — заверял Герман Раушнинг, — «с которой Гитлер взял власть, состояла в безграничной вере в свою способность уж как-нибудь справиться с делами по примитивному, но действенному принципу: надо приказать — и дело пойдет. Может быть, не очень блестяще, но какое-то время все же продержимся, а там увидим, как быть дальше».

При данных обстоятельствах эта концепция оказалась своего рода волшебной формулой, поскольку она годилась для преодоления господствующего чувства безысходности. И хотя улучшение материального положения стало ощущаться только с 1934 года, концепция производила почти с первых же дней огромное «суггестивное консолидирующее воздействие».

Одновременно она обеспечила Гитлеру значительное поле маневра, что позволяло ему приспособливать свои намерения к меняющимся требованиям. Стиль его правления по праву характеризовали как «перманентную импровизацию»⁴².

Сколь решительно он настаивал на неизменности партийной программы, столь же велика была его постоянная боязнь «привязать» себя к какой бы то ни было линии. Чтобы полностью развязать себе руки, он сразу же в первые месяцы запретил печати без разрешения цитировать «Майн Кампф». Обосновывалось это тем, что мысли вождя оппозиционной партии могут не совпадать с соображениями главы правительства. Даже воспроизведение одного из 25 пунктов партийной программы запрещалось по той причине, что в будущем дело не за программами, а за практической работой. «Новый рейхсканцлер пока отказывается дать развернутую программу, — отмечалось в одной публикации, отражавшей позицию национал-социалистов, — что вполне понятно с его точки зрения (как говорится в одном берлинском анекдоте: «Партайгеноссе номер один не отвечает»)⁴³. Один из бывших партийных

---

⁴¹ *Domarus M.* Op. cit. S. 302. По поводу приводимого ниже замечания Г. Раушнинга см.: *Rauschning H. Gespräche.* S. 27 f.

⁴² *Bracher K.D.* Diktatur. S. 253, *Heiden K.* Geburt. S. 257.

⁴³ *Wendt H.* Hitler regiert. S. 23 f.; а также: *Springer H.* Es sprach Hans Fritzsche. S. 159. Во время выступления в берлинском Дворце спорта 10 февраля Гитлер сказал в этой связи: «Если они говорят: “Представьте нам вашу детальную программу”, то на это я могу дать им только такой ответ: “Наверное, в любое время у правительства должна была бы быть программа с несколькими совершенно конкретными

функционеров сделал, опираясь на эти наблюдения, вывод о том, что у Гитлера никогда не было точно определенной цели и тем более стратегического плана, и действительно, кажется, что у него были только видения и необычайная способность ориентироваться в изменяющихся ситуациях, и, благодаря быстрой мощной хватке использовать возникающие из них возможности⁴⁴.

Грандиозные фантазмагии, расплывшиеся в эсхатологическом тумане гибели мира и заката рас были в такой же степени его стихией, как упорно, хитроумно, хладнокровно инсценируемые действия в конкретной сиюминутной обстановке — выходило странное сочетание ясновидца и тактика. Промежуточная область всесторонне спланированной и терпеливо проводимой в жизнь политики, пространство истории, оставались ему чужды.

И действительно не в программах было дело. Он вытеснил «реакционного» Гугенберга из кабинета и одновременно заставил Готфрида Федера, который стал тем временем его статс-секретарем Министерства экономики, смягчить свою «великую идею об уничтожении процентного рабства», сведя ее на нет. От идеи, которая в свое время в миг озарения осенила его в бытность агентом командования рейхсвера, он теперь отмахивался как от «одобренных прежним партаппаратом фантазий»⁴⁵. Мелкие лавочники, первоначально составлявшие основу партии, уже ходили по универсальным магазинам, присматривая себе места, где они согласно пункту 16 программы партии вскоре откроют свою торговлю⁴⁶. Еще

пунктами. Но после вашего хозяйствования, после вашей деятельности, после вашего погрома нужно заново создавать немецкий народ, точно так же, как вы разрушили его до самого основания! Это и есть наша программа!»; см.: *Domarus M.* Op. cit. S. 204.

⁴⁴ См.: Krebs. Op. cit. S. 148 ff.

⁴⁵ *Hitler A.* Mein Kampf. S. 228 ff., а также: Rauschning H. Gespräche. S. 26. По поводу фиаско Федера см. VB, 28.07.1933. Подробную картину политики по отношению к среднему сословию на том этапе см.: *Heiden K.* Geburt. S. 172 ff., а также: *Broszat M.* Op. cit. S. 213.

⁴⁶ 16-й пункт программы НСДАП гласил: «Мы требуем создания здорового среднего сословия и его сохранения, немедленного изъятия из частной собственности крупных магазинов и сдачи их в наем по дешевым ценам мелким производителям, самого строгого учета за тем, чтобы мелкие производители получали бы общественную поддержку всюду — на государственном уровне, в землях или общинах». — *Прим. науч. ред.*

в начале июля Гитлер устами Рудольфа Гесса заявил, что позиция партии в том, что касается универмагов, остается «в принципиальных вопросах неизменной» — в действительности же он уже окончательно отбросил этот пункт программы, ибо его стремлением было сделать Германию сильной, а не обогатить маленьких людей.

Подобная участь постигла и других многочисленных старых соратников, которые, оказавшись в идеологическом одиночестве, все более открыто становились предметом насмешек и вытеснялись в политическое небытие. В период своего восхождения НСДАП как партия недовольных и обделенных впитала в себя большое количество мелких утопистов, людей, одержимых своей концепцией порядка, полагавших, что активнее всего их волю к реформированию выражает динамичная гитлеровская партия. Теперь же, в двух шагах от осуществления их мечты, проявилась иррациональность и зачастую гротескная ограниченность их проектов, в то время как другие схемы не давали возможности укрепить власть и поэтому не привлекали интереса Гитлера. «Сословная структура» и планы реформы Конституции и рейха, идея германского права, национализации трестов, земельной реформы или идея ленного права государства в отношении средств производства не пошли дальше отдельных шагов, не имевших никакого резонанса. Эти взгляды часто противоречили друг другу, вследствие чего их авторы с пылом выступали друг против друга, в то время как Гитлер мог оставлять все в подвешенном состоянии. Жалобы на «неотрегулированность состояния» его не волновали⁴⁷; напротив, именно благодаря этому его воля становилась ничем не ограниченной и, по сути дела, — основным законом режима.

Однако, хотя те силы, которые национал-социализм пробудил или направил, были неспособны установить новый порядок и ограничивались только робкими попытками. Вместе с тем они все же были достаточно сильны, чтобы подорвать или же низвергнуть старые отношения. Уже на этой фазе проявилась своеобразная слабость конструкции режима, который прежде со столь необыкновенной уверенностью изобличал анахронические структуры и неоправданные претензии. Он никогда не мог легитимировать свой разрушительный дар посредством созидательной силы, по большому историческо-

---

⁴⁷ Из письма попечителя труда в Вестфалии доктора Клейна статс-секретарю Граудеру; см.: Ursachen und Folgen. Bd. IX. S. 681.

му счету он выполнил только функции расчистки. По сути, он не смог даже разработать для своей политики силы рациональных, целесообразных форм, и даже в построении тоталитарного государства он не пошел дальше первых набросков. Получился в гораздо большей степени Бегемот, чем Левиафан⁴⁸, как это сформулировал Франц Нойман, не-государство, манипулируемый хаос, а не террористическое государство насилия, которое все же остается государством.

Все импровизировалось ради быстрого достижения цели — великого завоевательного похода, который владел фантазией Гитлера с такой исключаяющей все остальное силой, что рядом с ним ничего другого в расчет не принималось. Как упорядочить социальные и политические структуры и обеспечить устойчивость после своего ухода со сцены — это его не интересовало; он размышлял расплывчато и полилитераторски, только категориями тысячелетий. Вследствие этого Третий рейх пришел к своеобразному незавершенному, временному состоянию, груде развалин по вкривь и вкось набросанным наметкам, где фасады прошлого скрывали вновь заложенные фундаменты, в свою очередь включившие в себя кое-что из начатой кладки, разрушенных и незавершенных элементов, приобретающих смысл и последовательность только под одним-единственным углом зрения: чудовищной воли Гитлера к власти и действию.

Склонность Гитлера ориентировать каждое решение на укрепление своей власти наиболее ярко проявилось на примере планов социализации, которые были все еще живы в виде «одиночных настроений» — реликтовой штрассеровской фазы.

Как вождь движения, которое возникло на основе страхов буржуазии перед революцией и панических настроений, он должен был избегать любых шагов, напоминающих традиционные представления о революции, в особенности стремления к огосударствлению или открыто плановому хозяйству. Но, поскольку он, по сути дела, намеревался добиться именно этого, он провозгласил под лозунгом «национального социализма» безусловное сотрудничество с государством всех и на всех

---

⁴⁸ Персонажи библейской мифологии. Бегемот — чудовищный зверь, король млекопитающих; Левиафан — огромное морское чудовище. По воле небес Бегемот и Левиафан, перед тем как произвести потомство, должны сразиться насмерть, иначе им просто не хватит места на Земле. — *Прим. науч. ред.*

уровнях. А так как любая компетенция в какой-то момент замыкалась на нем, это означало не что иное, как отмену всякого частного экономического права при поддержании фикции его существования. В виде компенсации неограниченного права государства на вмешательство в их дела предприниматели получали установленный в приказном порядке мир в трудовых отношениях, гарантии производства и сбыта, а позже и некоторые неопределенные надежды на насильственную экспансию. Гитлер не без цинизма и проницательности обосновал в кругу приближенных эту продиктованную краткосрочными целями концепцию, при помощи которой он обеспечил себе поддержку знающих себе цену пособников. Он совсем не собирается, заявил он, истребить, как в Советской России, слой собственников — он заставит их всеми мыслимыми средствами отдать свои способности строительству экономики.

Предприниматели, бесспорно, будут рады, что щадят их жизнь и собственность, и окажутся тем самым в подлинной зависимости. Так что ему делать — менять этот выгодный расклад, только чтобы иметь возможность отбиваться от «старых борцов» и сверхгорячих товарищей по партии, которые непрерывно напоминают о своих заслугах? Формальное обладание средствами производства всего лишь второстепенное дело:

«Да что это значит, если я твердо охватил людей дисциплиной, из которой они не могут вырваться? Пусть владеют землей и фабриками сколько им угодно. Решающий момент — то, что государство через партию распоряжается ими независимо от того, собственники они или рабочие. Понимаете, все это уже ничего не значит. Наш социализм затрагивает гораздо более глубокий уровень. Он изменяет не внешний порядок вещей, а регулирует только отношение человека к государству. Собственность и доходы — экая важность, очень нужна нам социализация банков и фабрик. Мы социализируем людей»⁴⁹.

Не в последнюю очередь благодаря неидеологизированному прагматизму Гитлера была с поразительной быстротой преодолена безработица. Он не сомневался в том, что как судьба режима, так и его личный престиж в высокой степени зависят от того, удастся ли улучшить положение бедствующего населения: решение этой проблемы имеет «просто кардинальное значение для успеха нашей революции», заявил он⁵⁰.

---

⁴⁹ *Rauschning H.* Gespräche. S. 151, 179 f.

⁵⁰ Schulthess, 1933. S. 168

В пропагандистском плане его положение напоминало действия акробата на высоко подвешенном канате: свои обещания он мог выполнить не иначе, как преодолев кризис. Только таким способом можно было приглушить недовольство «старых борцов» многочисленными компромиссами и оппортунистическими действиями, их обиду перед лицом «предательства революции».

Решающее значение имел тот факт, что Гитлер, как ни один другой политик Веймарской республики, уловил психологическую сторону кризиса. Конечно, ему помог медленно начавшийся подъем мировой экономической конъюнктуры, но еще важнее для темпа преобразований было понимание того, что депрессия, угнетенность и апатия обусловлены глубоко сидящими в сознании пессимистическими сомнениями в устройстве мира и что массы, как и экономика, требуют прежде всего импульсов, которые возвращают смысл происходящему. Многочисленные успокоительные высказывания в адрес предпринимателей и неизменное стремление оградить экономику от революционных потрясений начальной фазы были нацелены на то, чтобы создать сперва настроение всеобщего доверия. Большинство инициатив развертывалось в первые месяцы не столько в силу их экономической разумности, сколько потому, что это позволяло сделать энергичный жест.

Во многих случаях Гитлер брал и разработанные другими планы. Примером может служить принятая еще правительством Шлейхера программа «неотложных мер» по созданию рабочих мест. С помпой множество проектов было вытаскано из дальних ящиков, где они пылились при Веймарской республике — им тогда не дали осуществиться неповоротливая демократическая процедура прохождения через инстанции, боязнь серьезных решений и упадок духа тех лет. Так, например, проект строительства автострад, столь престижных для режима, уже обсуждался, но его никак не могли начать осуществлять⁵¹.

---

⁵¹ IfZ/München MA, 151/16. Мелочная суета по поводу вынесенного во второй половине 1932 года на обсуждение проекта строительства автобанов наглядно свидетельствует прежде всего о характерном недостатке у них психологического чутья — они явно не брали в расчет перемену настроения у подавленных безработицей и социальными нуждами людей, которую должно было повлечь за собой начало реализации такого большого проекта. Гитлер же, напротив, сразу разглядел этот шанс, и, вероятно, в тот момент он для него значил больше, чем та экономическая, технологическая или даже стратегическая целесообразность, которая также была присуща этому проекту.

Когда президент рейхсбанка Ганс Лютер⁵² стал настаивать на дефляционистской политике эмиссионного банка и отказался предоставить крупные средства на создание рабочих мест, Гитлер заставил его уйти в отставку. На его место рейхсканцлер, к недовольству многочисленных сторонников, поставил «капиталиста» и «масона высокого градуса» Ялмара Шахта, который обеспечил ему при помощи так называемых векселей МЕФО⁵³ финансирование общественных работ, а позже — программы вооружений без ощутимой инфляции.

Более беззастенчивый и решительный, чем его предшественники, Гитлер множеством крупномасштабных мер раскрутил маховик производства. Уже в речи по случаю 1 мая он, обращаясь ко «всему немецкому народу», заявлял, что «каждый в отдельности... каждый предприниматель, каждый владелец дома, каждый деловой человек, каждое частное лицо обязаны в рамках постоянных усилий всего сообщества заботиться об обеспечении занятости». Государство включается в это дело при помощи программы, которую Гитлер охарактеризовал своим любимым словом — «гигантская». «Мы сломим все сопротивление и широким фронтом возьмемся за эту задачу», — заверил он⁵⁴. Государственные заказы в связи с планом строительства поселений и дорог, система стимулирования государственных и частных инвестиций, кредиты, налоговые льготы и субсидии способствовали подъему

---

⁵² Ганс Лютер (10.3.1879—11.5.1962 в январе 1925 — мае 1926 года был рейхсканцлером, а в 1930—1933 годах президентом банка. В 1933—1937 годах — посол Германии в США. — *Прим. науч. ред.*

⁵³ МЕФО — «Металлургическое исследовательское общество» (MEFO; Metallurgische Forschungsgesellschaft), организация, созданная по инициативе Я. Шахта концернами «Фридрих Крупп», «Сименс», «Рейнметалл» и «Гуттхоффнунгсхютте» с капиталом в 1 млн рейхсмарок. Имперский банк взял на себя все обязательства по ценным бумагам МЕФО, неограниченно принимая его векселя, которым правительство расплачивалось за поставки. В 1934—1938 годах государство приняло векселей на 12 млрд рейхсмарок. Первые бумаги МЕФО были предъявлены банком к оплате в начале 1938 года, однако Гитлер отказался возвращать деньги, обосновывая это необходимостью продолжения мероприятий по милитаризации экономики. После увольнения Шахта векселя МЕФО были заменены распоряжениями казначейства и налоговыми талонами. — *Прим. науч. ред.*

⁵⁴ Цит. по: Ursachen und Folgen. Bd. IX. S. 664. Там же приводятся другие документы, касающиеся политики режима в области создания рабочих мест. Последующую цитату см.: Adolf Hitler in Franken. S. 151.

конъюнктуры. И вместе с тем — непрерывный поток слов, лозунгов. Они были одной из основ успеха, придавая поразительный смысл иронической формуле Гитлера: «Великие лгуны — это также и великие волшебники».

Компонентом психологии стимулов, разработанной Гитлером в те недели, было также расширение поначалу добровольной трудовой службы. Последняя была не только резервуаром для трудоустройства молодых безработных, но и наглядным выражением созидательного оптимизма режима. В освоении заболоченных и заливных участков, лесопосадках, строительстве автобанов или же регулировании потока рек проявлялась заразительная воля к созиданию и будущему. Одновременно эта организация, прежде всего после ее превращения в систему обязательной трудовой повинности в 1935 году, служила преодолению классовых барьеров и предармейской военной подготовке. Все эти инициативы и элементы взаимодействовали друг с другом, и уже в 1934 году еще при наличии трех миллионов безработных отмечалась нехватка квалифицированных рабочих. Двумя годами позже была достигнута полная занятость.

Начавшийся подъем позволил развернуть значительную активность в социально-политической области, которая дала немалый эффект. Чтобы не прослыть реакционным, режим старался уравновесить реализацию своих строгих представлений о порядке, которые выразились, например, в отмене права на забастовку или создании единых государственных профсоюзов — Германского трудового фронта, примирительными проявлениями своего хорошего отношения к рабочим. Были созданы многочисленные учреждения, которые организовывали турпоездки, спортивные праздники, художественные выставки, дни народных танцев, различные курсы, объединяя людей, и наряду со своими очевидными задачами давать «силу через радость»⁵⁵ или утверждать «красоту труда»⁵⁶, выполняя также функции контроля и успокоения. Из найденных разроз-

---

⁵⁵ Национал-социалистическое общество «Сила через радость» (Nationalsozialistische Gemeinschaft Kraft durch Freude; KdF) — социальная организация, действовавшая в рамках Германского трудового фронта и занимавшаяся вопросами организации досуга и отдыха рабочих. — *Прим. науч. ред.*

⁵⁶ Входившее в состав «Силы через радость» управление «красоты труда» (Schönheit der Arbeit) занималось благоустройством производственных помещений. — *Прим. науч. ред.*

ненных сводок о результатах выборов в апреле 1935 года следует, что на отдельных заводах в то время за единый национал-социалистический список и тем самым за новый порядок часто голосовало не более 30—40 % работавших, но в 1932 году национал-социалистические производственные организации набирали в среднем лишь 4 % голосов, и даже такой марксистский историк, как Артур Розенберг должен был признать, что национал-социализм претворил в жизнь некоторые невыполненные постулаты демократической революции. В любом случае, со временем упорная, разноплановая обработка рабочих со стороны режима дала эффект, тем более что многие из них видели отличие от прошлого «не столько в утрате прав, сколько во вновь обретенной работе»⁵⁷.

Это же было решающей предпосылкой успеха жесткой социальной политики Третьего рейха. Утрата свободы и социальной самостоятельности, мелочный контроль, заметное сокращение приходящейся на них доли в растущем валовом национальном продукте — все это мало волновало рабочих, а идеологическими лозунгами их можно было завоевать еще меньше, чем буржуазию. Главным было чувство восстановленной социальной уверенности после лет страха и депрессии. Это чувство перекрывало все: оно заглушало распространенную поначалу весьма широко склонность к сопротивлению, мобилизовало волю трудиться с высокой отдачей и существенным образом создавало ту картину социального умиротворения, на которую с окрепшей самоуверенностью ссылались новые властители. Классовая борьба была не только под запретом, от нее в значительной мере отказались сами ее участники. Вместе с тем режим умел продемонстрировать, что он не был господством одного социального слоя над всеми остальными. В тех шансах для роста, которые он давал каждому, он на самом деле проявлял внесклассовый характер. А то, что все же оставалось от сознания социальной дистанции, сглаживалось политическим давлением, которому подвергались все: предприниматели, рабочие, служащие, крестьяне.

Во всех этих мерах, которые не только взламывали старые, окостеневшие социальные структуры, но в действительности ощутимо улучшали и материальное положение широких сло-

---

⁵⁷ Schoenbaum D. Op. cit. S. 150; см.: Eschenburg Th. Documentation. In: VJHfZ, 1955. Н. 3. S. 314 ff.; кроме того: Historikus. Der Faschismus als Massenbewegung. Karlsbad, 1934. S. 7.

ев, не было, однако, видно подлинно нового общественно-политического «проекта». Характерно, что Гитлер обладал только концепциями завоевания власти — как внутри страны, так и за ее пределами, но не завораживающим проектом нового общества. По сути дела, он и не хотел изменять общество — он хотел только получить его в свои руки. Уже в 1925 году один из его собеседников отметил «его идеал — Германия, где народ организован примерно так, как армия», а позже, ближе к концу процесса захвата власти, он сам сказал, что строй Германии — «отныне — это порядок в укрепленном полевом лагере».

Как партия послужила Гитлеру орудием завоевания власти, так и Германия должна была стать теперь инструментом для того, чтобы «открыть дверь к прочному господству над миром»⁵⁸. Внутреннюю политику Гитлера следует безусловно рассматривать в теснейшей взаимосвязи с его внешней политикой.

Для мобилизации масс он использовал не только имевшуюся социальную энергию, но и динамику национального мотива. Хотя бывшие державы-победительницы тем временем в принципе признали равноправие Германии, в действительности она все еще оставалась парией международного сообщества. В первую очередь Франция, очень обеспокоенная приходом Гитлера к власти, сопротивлялась фактическому равноправию, в то время как Англия чувствовала известный дискомфорт из-за ситуации, в которую ее поставили бывшие союзники. Гитлер использовал страхи Франции, щепетильность Англии и обиды Германии в первые полтора года своего правления для тактического шедевра — перекройки всей европейской системы союзов, еще большего сплочения нации, подготовки стартовой «площадки» для своей политики завоевания «жизненного пространства».

Исходное положение было для его честолюбивых намерений отнюдь не благоприятным. Террористические эксцессы, сопровождавшие захват власти, бесчинства и случаи безобразного обращения с людьми, прежде всего преследование людей исключительно на основании их расовой принадлежности, противоречили всем цивилизованным представлениям о политической борьбе и создавали раздраженное, неприязненное настроение. Оно нашло самое яркое отражение в знаме-

---

⁵⁸ *Rauschning H. Gespräche.* S. 126 u. S. 165; по поводу предыдущей цитаты см. донесение австрийского генерального консула в Мюнхене от 27.3.1925; цит. по: *Deuerlein E. Aufstieg.* S. 252.

нитых дебатах в нижней палате английского парламента в страстный четверг, когда бывший министр иностранных дел сэра Остин Чемберлен заявил, что события в Германии делают чрезвычайно неуместными размышления о пересмотре Версальского договора. Он говорил о грубости, о расовом высокомерии в политике, решающей проблемы пинком сапога, и только теперь лозунг «Гитлер — это война!»⁵⁹, к которому так долго относились со снисходительной улыбкой как выражению дикой эмигрантской истерии, казалось, начинал приобретать известное оправдание. Дело неоднократно доходило до антигерманских выступлений, польское правительство даже запросило Париж: не готова ли Франция пойти на превентивную войну для устранения гитлеровского режима. Летом 1933 года Германия оказалась почти полностью изолированной на международной арене.

В этих условиях Гитлер совершил несколько успокоительных жестов и подчинил все задаче подчеркнуть преемственность с веймарской политикой ревизии. Хотя он презирал сотрудников Министерства иностранных дел и порой говорил о «Дедах Морозах с Вильгельмштрассе», он оставил почти в неприкосновенности корпус чиновников в центральном аппарате и в зарубежных дипломатических миссиях. Минимум шесть лет, сказал он в разговоре с одним из своих сторонников, придется поддерживать состояние своего рода «гражданского мира» с европейскими державами, все бряцание оружием националистических кругов сейчас неуместно⁶⁰. Кульминацией его политики добросердечных предложений была большая «речь мира» 17 мая 1933 года. В ней он, впрочем, протестовал против бессрочного деления стран на победителей и побежденных и даже пригрозил уйти с конферен-

---

⁵⁹ Так писала, например, выпускавшаяся Отто Штрассером газета «Ди Шварце фронт»; см.: *Görlitz W. Quint H. A. Op. cit. S. 367*. О дебатах в Палате общин см.: *Heiden K. Geburt. S. 209*.

⁶⁰ В беседе с бургомистром Гамбурга Кругманом 15 марта 1933 года, см.: *Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Aussenpolitik. S. 395*; там же (S. 25) приводятся и интересные данные о смене личного состава в ходе захвата власти. По этим данным в Министерстве иностранных дел, например, было «заменено по политическим мотивам не более 6 % служащих», и лишь один-единственный дипломат — посол Германии в Вашингтоне фон Приттвиц унд Гаффрон, сам подал в отставку по политическим соображениям. О данной Гитлером характеристике министерства иностранных дел см.: *Rauschning H. Gespräche. S. 250*.

ции по разоружению и вообще из Лиги Наций, если Германии будут и далее фактически отказывать в равноправии.

Но перед лицом явного стремления отодвинуть Германию на второй план он все же почти без особых усилий взял на себя роль поборника разумной политики и взаимопонимания между народами, ловя на слове европейские державы, оперировавшие лозунгами о «самоопределении» и «справедливом мире». Всеобщее удовлетворение умеренностью речью Гитлера было столь велико, что никто не заметил содержащихся в ней предостережений. Как и лондонская «Таймс», многочисленные голоса во всем мире поддерживали требования Гитлера о предоставлении равноправия, а американский президент Рузвельт был даже «в восторге» от выступления Гитлера⁶¹.

Самым наглядным успехом этой политики был пакт четырех держав — Англии, Франции, Германии и Италии, который хотя и никогда не был ратифицирован, но в моральном плане означал прием новой Германии в сообщество великих держав.

Правда, на международной арене первым режим Гитлера был признан Советским Союзом, который теперь нашел в себе наконец готовность пролонгировать истекший уже в 1931 году Берлинский договор. Вскоре за СССР последовал Ватикан, завершивший в июле переговоры с правительством рейха по конкордату. Но несмотря на все эти успехи, осенью Гитлер резким движением, как будто в состоянии аффекта, повернул руль и несколькими ударами, вызвавшими замешательство его партнеров, добился решающего улучшения позиций.

Полею для маневра стала заседавшая в Женеве с начала 1932 года конференция по разоружению, на которой рейх ввиду своей военной слабости имел особенно сильную позицию. Принцип равноправия требовал от мировых держав либо разоружаться самим, либо терпеть рост вооружений Германии. Гитлер мог в многочисленных речах и заявлениях вновь и вновь подчеркивать готовность Германии к разоружению и при этом аргументировать ее тем простодушнее, чем все явственнее становилась озабоченность других — прежде всего Франции. Последняя с глубокой обеспокоенностью следила за событиями в Германии и считала, что есть серьезные причины придавать большой вес им, а не шитым белыми нитками заверениям Гитлера, хотя это ставило ее в силу постоянной, блокирующей все переговоры недоверчивости в трудное

---

⁶¹ О реакции за рубежом см.: *Shirer W.L. Op. cit. S. 207.*

положение. Но благодаря напоминаниям о нарушениях в соседней стране законности, росте милитаризации, постоянных маршах, знаменах, униформах и парадах, лексиконе организации со всеми его «штурмовыми отрядами», «бригадами», «штабными караулами» или о боевых песнях, предвещавших, что весь род человеческий содрогнется или что мир будет принадлежать Германии, ей все же в конце концов удалось переубедить другие державы⁶². Признанное в принципе за Германией равноправие теперь ставилось еще в зависимость от четырехлетнего испытательного срока, который должен был показать, готова ли она искренне к взаимопониманию и действительно отказалась от всех реваншистских намерений.

Гитлер отреагировал на это взрывом возмущения. 14 октября, вскоре после того как британский министр иностранных дел сэр Джон Саймон изложил новые позиции союзников и стала очевидной их решимость в случае необходимости навязать Германии испытательный срок за столом конференции, Гитлер объявил о своем намерении покинуть конференцию по разоружению. Одновременно он сообщил о выходе Германии из Лиги Наций. О его решимости свидетельствует ставшее известным лишь в Нюрнберге указание рейхсверу оказать вооруженное сопротивление в случае применения военных санкций⁶³.

Потрясение от этого первого удара, которым Гитлер брал в собственные руки всю внешнюю политику режима, было огромным. Это решение он принял, вопреки распространенному мнению, не единолично — его поддерживали и другие, прежде всего министр иностранных дел фон Нейрат, который, что было характерно, ратовал за обострение внешнеполитического курса, выражавшего рост самосознания. Но пафос жеста, тот тон бурного негодования, с которым обосновывался данный шаг, — тут авторство однозначно принадлежит Гитлеру. Именно он свел альтернативу к резкой формуле «разрыв или бесчестье». В речи по радио вечером этого дня он впервые направил свою апробированную во внутренней политике двойную тактику на границу. Он смягчал и маскировал свой афронт потоком вербальных уступок и даже выражений сердечной симпатии, назвал Францию «нашим старым, но славным

---

⁶² См. в этой связи: *Meinck G.* Hitler und die deutsche Aufrüstung. S. 33 f.

⁶³ IMT. Bd. XXXIV. Dok. C-140.

противником» и заклеил как «сумасшедших» тех, кто может представить войну между нашими двумя странами».

Эта тактика окончательно парализовала и без того незначительную склонность европейских держав к созданию единого фронта противодействия: никто из лидеров не знал, как быть.

То презрение, с которым Гитлер бросил к их ногам ту честь, которую долго и упорно выпрашивала Веймарская республика, прямо-таки опрокидывала их образ мира. Одни — таких были единицы — скрывали свое смущение, поздравляя друг друга с избавлением от неудобного партнера, другие требовали военной интервенции. В женевских кулуарах раздавались взбешенные, хотя и не воспринимавшиеся всерьез восклицания «C'est la guerre!»⁶⁴. Но сквозь этот шум впервые до сознания стало доходить, что Гитлер заставит старую Европу заявить о своей четкой позиции, а это ей не по силам, и что он уже нанес смертельный удар по хлипкому, подорванному страхом, недоверием и эгоизмом принципу Лиги Наций. Правда, одновременно умерла и идея разоружения, и если завоевание власти Гитлером действительно, как отмечали, было своего рода объявлением войны Версальской мирной системе⁶⁵, то оно было сформулировано в тот день 14 октября; но его никто не принял. Распространенное раздражение бесконечной женевской говорильней, парадоксами и актами лицемерия проявилось прежде всего в английской печати; консервативная «Морнинг пост» заявила, что она не прольет «ни одной слезы из-за кончины Лиги Наций и конференции по разоружению», скорее следует испытывать чувство облегчения от того, что «подобный балаган» подошел к концу. Когда в одном лондонском кинотеатре в киножурнале хроники недели на экране появился Гитлер, посетители зааплодировали⁶⁶.

Опасаясь, что полный успех тактики ошеломляющих акций укрепит манеру Гитлера идти напролом, прибывший из Женевы Герман Раушнинг посетил его в берлинской Имперской канцелярии. Он нашел его «в блестящем настроении, все в нем было заряжено энергией и жадой действий». От пре-

---

⁶⁴ «Это — война!» (франц.). — *Прим. пер.*

⁶⁵ Nolte E. Krise. S. 138.

⁶⁶ Так заявил английский журналист Уорд Прайс в ходе интервью с Гитлером 18 октября 1933 года; см.: VB. 20.10.1933, а также: Horkenbach C. Op. cit. S. 479.

дупреждений относительно царящего в Женеве возмущения и требования военных демаршей он отмахнулся пренебрежительным жестом руки: «Эти деятели хотят войны? — спросил он. — Да они о ней и не думают... Там собралась всякая шваль. Они не действуют. Они только протестуют. Они всегда будут опаздывать... Эти люди не остановят возвышения Германии».

Какое-то время, говорится далее в воспоминаниях Раушнинга, Гитлер молча рассказывал. Похоже, он осознавал, что впервые после 30 января вступил в зону риска, через которую ему теперь придется пройти, что его силовая акция может неожиданно загнать страну в изоляцию. Не поднимая глаз, рассказывает очевидец, Гитлер стал оправдывать решение, как бы ведя разговор с самим собой, что открывало примечательный вид на структуру мотивов его решения:

«Я должен был, это сделать. Было необходимо великое, общепонятное освободительное действие. Я должен был вырвать немецкий народ из всей этой плотной сети зависимости, фраз и ложных идей и вернуть нам свободу действий. Для меня это не вопрос сиюминутной политики. Ну и пусть трудности в данный момент возросли, это уравнивается тем доверием, которое я приобретаю благодаря этому шагу среди немецкого народа. Никто бы не понял, если бы мы продолжали, пустившись в дебаты, то, что десять лет делали веймарские партии... Народ увидит, что что-то делается, что не продолжается прежнее жульничество. Нужно не то, что считает целесообразным рефлексирующий интеллект, а увлекающее за собой действие... выражающее решительную волю по-новому взяться за дело. Умно мы поступили или нет — во всяком случае, народ понимает только такие действия, а не бесплодные торги и переговоры, из которых никогда и ничего не выйдет. Народ сыт по горло тем, что его водят за нос»⁶⁷.

Жизнь скоро показала, насколько верны были эти сообщения. Гитлер, что было характерно, тут же связал выход из Лиги Наций с другим шагом, который далеко выходил за рамки первоначального повода. Он вынес свое решение на первый плебисцит, который подготавливался с огромным привлечением средств пропаганды, соединив с ним новые выборы в Рейхстаг. Старый состав Рейхстага, избранный 5 марта, определившийся еще отчасти многопартийным

---

⁶⁷ *Rauschning H. Gespräche. S. 101 ff.*

спектром политических сил Веймарской республики, был уже анахронизмом. В исходе плебисцита можно было не сомневаться.

Накапливавшееся годами чувство унижения, глубокой обиды за бесчисленные притеснения, с помощью которых Германию дискриминировали и держали в положении побежденной страны, вырвалось теперь на свободу, и даже критически настроенные люди, которые скоро перешли к активному сопротивлению, превозносили исполненный самосознания жест Гитлера. Их объединила потребность, как докладывал британский посол в Лондон, отомстить Лиге Наций за никчемность, которую она так часто демонстрировала. Поскольку Гитлер увязал голосование по вопросу выхода из Лиги Наций с оценкой своей политики в целом, соединив эти два элемента в один, сформулированный в общем виде вопрос, люди лишены были возможности одобрить решение о выходе, но осудить внутреннюю политику нацистов. Вследствие этого плебисцит стал одним из самых эффективных шахматных ходов в процессе внутреннего укрепления власти.

24 октября Гитлер сам открыл кампанию большой речью в берлинском Дворце спорта, плебисцит был назначен на 12 ноября, на следующий день после 15-й годовщины перемирия в 1918 году. Поставленный перед вызовом плебисцита, Гитлер взвинтился до пароксизма транса: «Я заявляю, — кричал он, — что я в любой момент лучше умру, чем подпишу какой-нибудь документ, который, по моему глубочайшему убеждению, ничего не дает немецкому народу». Он также просил нацию, «если я когда-либо допущу такую ошибку или если народ сочтет мои действия не заслуживающим его поддержки, казнить меня: я твердо приму заслуженное!» И как всегда, в тех случаях, когда он чувствовал себя обиженным или задетым, он демагогически упивался стенаниями из-за совершенной по отношению к нему несправедливости. Рабочим заводов «Сименс-Шукерт-Верке» он — в сапогах, бриджах и темном цивильном пиджаке — кричал с гигантской сборочной установки: «Мы готовы с удовольствием принять участие в работе над любым международным договором — но только как равноправные партнеры. В своей личной жизни я никогда не навязывал себя благородному обществу, которое не хотело моего присутствия или не считало ровней себе. Мне оно не нужно, и у немецкого народа столько же характера. Мы нигде не играем роль чистильщика сапог, людей второго сор-

та. Нет, или дайте нам равные права, или мир больше не увидит нас ни на одной конференции».

Опять, как в прошлые годы была развязана «плакатная война»: «Мы хотим чести и равноправия!» В Берлине, в Мюнхене и Франкфурте по улицам ездили в своих инвалидных колясках искалеченные фронтовики с плакатами «Павшие за Германию требуют твоего голоса!» Примечательно, что часто использовались и цитаты из выступлений британского премьер-министра периода войны Ллойд Джорджа: «Справедливость на стороне Германии!» «А стала бы Англия долго терпеть такое унижение?»⁶⁸ Опять по стране прокатилась волна гигантских маршей, акций протеста и массовых манифестаций. За несколько дней до принятия решения страна замерла в полном молчании на две минуты в память о героях, настраиваясь на соответствующий лад. Гитлер с обезоруживающим простодушием заверял, что жизнь в Германии не потому налажена столь похоже на армейский образец, чтобы проводить демонстрации против Франции, «а чтобы выразить формирование своей политической воли, необходимой для ликвидации коммунизма. Весь остальной мир, окопавшийся в неприступных крепостях, создающий огромные авианосцы, конструирующий гигантские танки и отливающий исполинские пушки, не может говорить об угрозе в связи с тем, что немецкие национал-социалисты маршируют без оружия в колоннах по четыре и тем самым наглядно выражают сплоченность немецкого народа, действительно защищая ее... Германия имеет не меньше прав на безопасность, чем другие нации»⁶⁹. На результатах голосования отразились не только все обиды народа, который долго ощу-

---

⁶⁸ См. донесение британского посла от 15 ноября 1933 года. *Ursachen und Folgen*. Bd. X. S. 56 f.; см. в этой связи телеграмму, которую направили по этому случаю Гитлеру Мартин Нимёллер и другие священники: «В этот решающий для народа и Отечества час мы приветствуем нашего фюрера. Мы благодарим за мужественный поступок и ясное слово, которые блюдут честь Германии. От имени более чем 2500 евангелических священников, не принадлежащих к религиозному движению «Немецкие христиане», обещаем быть верными последователями и возносим свои молитвы». Цит. по: *Fabry Ph.W.* Op. cit. S. 123.

⁶⁹ К процитированным выступлениям см.: *Domarus M.* Op. cit. S. 312 ff. S. 324, а также: *Horkenbach C.* Op. cit. S. 536 f. Наглядная картина сложившейся ситуации дается также в упомянутом донесении британского посла.

щал себя в положении деклассированного, но и усилившееся запугивание: 95 % принявших участие в плебисците одобрили решение правительства. Хотя этот результат был подтасован и получен в результате террористического принуждения, он тем не менее отражал тенденцию в настроениях общественности. На одновременных выборах в Рейхстаг из 45 миллионов, имевших право голоса, свыше 39 миллионов отдали свои голоса кандидатам единого списка национал-социалистов. Этот день восторженно праздновался как «чудо воскрешения немецкого народа»⁷⁰. Британский посол сэр Эрик Фиппс докладывал своему правительству: «Одно бесспорно — позиция господина Гитлера неуязвима. Даже в кругах, которые совершенно не одобряют национал-социализм, он резко усилил свой авторитет выборами или, скорее, речами в ходе предвыборной борьбы... Во всех прежних предвыборных кампаниях он, естественно, сражался за свою партию и поносил врагов. В ходе нынешней... немцы увидели нового канцлера, человека из крови и железа, и его выступления звучали совсем не так, как речи бушевавшего на трибуне оратора двенадцать месяцев тому назад, речи нациста, расправляющегося с марксистами».

Теперь Гитлер решил применить на международной арене ту агрессивную тактику, которая столь успешно зарекомендовала себя при завоевании власти внутри страны. Еще не прошло замешательство из-за разрыва с женевским форумом и еще ощущалось раздражение его вызывающим шагом — обратить демократический принцип плебисцита против самих демократий, — как Гитлер уже опять захватил инициативу, чтобы вступить в диалог с только что оскорбленными партнерами на новых, более благоприятных позициях. В середине декабря он отверг в своем меморандуме идею разоружения, но заявил о готовности ограничиться оборонительными видами оружия, если Германия получит право создать трехсоттысячную армию, строящуюся на всеобщей воинской повинности. Это было первым из тех сбалансированных с паразитическим чутьем предложений, которые целые годы до начала войны создавали основу для его внешнеполитических успехов. Они еще были приемлемы в качестве основы переговоров и рассчитаны всякий раз таким образом, чтобы на них не пошли французы. Пока обе стороны в ходе выматывающих, мучительно затягивающихся из-за французской недоверчи-

---

⁷⁰ *Horkenbach C. Op. cit. S. 554.*

ности дискуссий пытались договориться о своей степени готовности к уступкам, Гитлер мог без помех использовать спор представителей и создавшийся вакуум для реализации своих намерений.

Примерно месяц спустя, 26 января 1934 года, Гитлер сделал новый ход, резко изменивший расклад на международной арене: он заключил пакт о ненападении с Польшей сроком на 10 лет. Чтобы понять поразительный эффект этого поворота, надо вспомнить традиционно напряженные отношения между этими странами, явно безнадежно разрушенные разнообразными обидами. Если не считать морального унижения, пожалуй, ни одно другое положение Версальского договора не воспринималось в Германии с такой горечью, как утрата областей, перешедших к новому польскому государству, создание коридора, который отделил Восточную Пруссию от остальной страны, и возникновение свободного города Данцига. Все это являлось причиной постоянной конфронтации между обоими народами и очагом постоянной опасности. Мало что оскорбляло немцев так, как акты самоуправства Польши на границе и нарушения с ее стороны в самом начале существования Веймарской республики — это не только показывало рейху его слабость, но и задевало традиционное сознание немцев как господ над вассальными славянскими народами. Поэтому каждый предполагал, что стремление Гитлера к политике ревизий обратится первым делом против Польши, которая, будучи союзником Франции, к тому же подпитывала немецкий комплекс «враждебного окружения». Руководители внешнеполитического ведомства Веймарской республики, включая Густава Штретземана, всякий раз упорно сопротивлялись любым намерениям закрепить гарантиями польские территориальные владения.

Теперь Гитлер без долгих раздумий отбросил в сторону эти чувства, которые владели прежде всего дружественно настроенными к России дипломатическими, военными, а также традиционными прусскими кругами. Такую же решимость продемонстрировал по другую сторону границы маршал Пилсудский, который ввиду нервозной и половинчатой политики Франции отринул прежнюю концепцию союзов Польши и, что примечательно, связывал свои надежды с тем, что Гитлер как южный немец, католик и «габсбуржец», далек от той политической традиции, которой опасалась Польша. Широко распространенное неверное представление о Гитлере как об

эмоциональном политике, который был марионеткой своих капризов и маний, с редкой силой опровергается как раз этим примером. Конечно, он разделял национальную ненависть к Польше, но его политику это не затрагивало. Хотя в концепции великой экспансии на Восток вопрос о роли соседней страны странным образом оказался открытым, можно все же предположить, что в оперировавших целыми континентами видениях Гитлера для независимого маленького польского государства места не было. Уже в апреле 1933 года Гитлер дал понять Франсуа-Понсе, что никто не может ожидать от Германии сохранения нынешнего состояния на восточной границе. Примерно в то же время министр иностранных дел фон Нейрат назвал взаимопонимание с Польшей «невозможным и нежелательным», чтобы «не исчезла заинтересованность мира к ревизии германо-польской границы». Но пока Польша была самостоятельной, сильной в военном плане и защищенной союзами, Гитлер исходил из ситуации, которую он не мог изменить, и пытался, не поддаваясь эмоциям, повернуть ее в свою пользу. «Немцы и поляки — заявил он в своем отчетном докладе Рейхстагу 30 января 1934 года, — должны будут обоюдно смириться с фактом их существования. Поэтому целесообразно так оформить то состояние, которое невозможно было устранить на протяжении прошедшей тысячи лет и которое не будет устранено тысячу лет спустя, чтобы обе нации могли извлечь из него максимальную пользу»⁷¹.

Выгода, которую получил Гитлер от этого договора, была действительно огромной. Хотя пакт в самой Германии был и оставался непопулярным, Гитлер мог предъявить его миру как убедительное свидетельство своей воли к взаимопониманию даже с извечными противниками. И на самом деле, как сэр Эрик Фиппс отмечал в своем докладе в Лондон вскоре после этого события, германский канцлер доказал, что он настоящий государственный деятель, принесший известную

---

⁷¹ *Domarus M.* Op. cit. S. 357. О намеках Гитлера в беседе с французским послом см.: *Jacobsen H.A.* Nationalsozialistische Aussenpolitik. S. 331; по поводу высказывания фон Нейрата см.: *Ingrim R.* Hitlers glücklichster Tag. S. 87. В «Фелькишер Беобахтер» от 31.10.1928 приводится безапелляционное заявление некоего австрийского националиста, что, ввиду намерений Германии расширить свои владения на Востоке, поляки должны будут исчезнуть с занимаемых ныне территорий, а вслед за поляками следует согнать и чехов или же переселить их в Южную Америку.

долю своей популярности в жертву внешнеполитическому здравому смыслу⁷². Одновременно Гитлеру удалось дискредитировать систему Лиги Наций, которой все прошлые годы не посчастливилось решить опасную и таившую в себе большой заряд напряженности германо-польскую проблему, в результате чего, как убедительно жаловался Гитлер, раздражение, казалось, приняло «характер обоюдного наследственного политического порока». Без видимых усилий, в ходе нескольких двусторонних переговоров он теперь решил этот вопрос.

Наконец, договор доказывал также и хрупкость барьеров, возведенных вокруг Германии. «В лице Польши падет один из сильнейших столпов Версальского мира», — сформулировал генерал фон Сект в свое время одну из внешнеполитических максим Веймарской республики, явно при этом имея в виду устранение соседнего государства при помощи военной акции⁷³. Теперь Гитлер продемонстрировал, что при наличии воображения политическими средствами можно добиться гораздо большего эффекта. Союз освобождал Германию не только от угрозы войны на два фронта — со стороны Польши и Франции, но и безвозвратно выламывал крупный блок из системы коллективного обеспечения мира. Женевский эксперимент, по сути дела, уже в тот момент потерпел крушение. Гитлер перечеркнул его «с первого же захода». Прежде всего надо отметить, что он заставил играть роль нарушителя спокойствия Францию, о чью мощь и неуступчивость набила себе шишки веймарская внешняя политика. Отныне он мог пустить в ход ту политику двусторонних переговоров, союзов и интриг, без которой не могло быть его внешнеполитической стратегии. Его шанс на успех состоял в том, что ему противостоял не сплоченный фронт, а всего лишь изолированные друг от друга противники. Вновь началась игра, которую он так виртуозно инсценировал и довел до успешного финала на внутриполитической сцене. Игроки противоположной стороны уже поджимали. Первым был, уже в феврале 1934 года, британский лорд — хранитель печати Энтони Иден.

К числу наиболее эффективных приемов воздействия на ход переговоров относилось то чувство изумления, которое вызывал сам Гитлер своим поведением. Он вступил на пост

---

⁷² Documents on British Foreign Policy, 2nd ser. vol. IV, донесение от 30.1.1934.

⁷³ Epstein J. Der Seeckt-Plan. In: Der Monat, 1948. H. 2. S. 42 ff.

без какого-либо опыта ведения правительственных дел, не был депутатом, не знал ни дипломатического этикета, ни официального протокола и, очевидно, не имел никаких представлений о мире. Как в свое время Гугенберг, Шлейхер, Папен и масса других деятелей, Иден, Саймон, Франсуа-Понсе или Муссолини также полагали, что имеют дело с капризным, ограниченным партийным вождем, обладающим, правда, некоторым демагогическим талантом. Человек заурядной внешности, который явно должен был создавать запоминающийся образ при помощи усов, косой челки и мундира и производил в гражданской одежде впечатление скорее имитации того деятеля, за которого он себя выдавал, был некоторое время излюбленным предметом насмешек в Европе. Там он фигурировал как своего рода «Ганди в прусских сапогах» или слабоумный Чарли Чаплин на слишком высоком для него канцлерском троне, и уж во всяком случае, как в высшей степени «экзотическое» явление — так иронично писал один британский наблюдатель, как один из тех «чокнутых мулл», которые в своей полной причудливой частной жизни не курят, не пьют, придерживаются вегетарианства, не ездят на лошадях и осуждают охоту»⁷⁴.

Тем больше бывали поражены партнеры Гитлера по переговорам и посетители при личной встрече с ним. В течение многих лет он всякий раз приводил их в замешательство рассчитанным до тонкостей поведением государственного деятеля — это амплу давалось ему легко — и добивался тем самым часто решающего психологического перевеса на переговорах. Иден был удивлен «светскими, почти элегантными» манерами Гитлера, он был изумлен, встретив владеющего собой и приветливого человека, «который с пониманием прислушивался ко всем возражениям и отнюдь не был мелодраматическим актером на проходных ролях», каким его представляли. Гитлер разбирался в том, что говорил, вспоминает Идеи, его тогдашнее безграничное удивление еще чувствуется в замечании, что немецкий канцлер полностью владел предметом переговоров и ни разу, даже по частным вопросам,

---

⁷⁴ Высказывание Арнольда Тойнби, сделанное им в 1937 году, цит. по: *Gilbert M., Gott R. Der gescheiterte Frieden. S. 54*; см., кроме того: *Lange K. Hitlers unbeachtete Maximen. S. 113 f.* Самнер Уэллс также отмечал, что американцев привлекают прежде всего причуды Гитлера, а также сходство его усов с усиками Чарли Чаплина; *Ebd. S. 125 f.*

не был вынужден советоваться со своими экспертами. Сэр Джон Саймон сказал как-то позже фон Нейрату, что Гитлер был в беседе «превосходен и очень убедителен», что его предыдущее представление о нем было совершенно неверным. Гитлер поражал своей находчивостью. На многозначительный намек британского министра иностранных дел, что англичанам нравится, когда договоры соблюдаются, он изобразил полное иронии удивление и ответил: «Так было не всегда. В 1813 году договоры запрещали немцам иметь армию. Но я что-то не припомню, чтобы Веллингтон сказал при Ватерлоо Блюхеру: “Ваша армия незаконна, извольте удалиться с поля битвы!”» Когда он встречался в июне 1934 года с Муссолини, он умело сочетал, по свидетельству одного из дипломатов, «достоинство с приветливостью и открытостью» и произвел «сильное впечатление» на поначалу скептически настроенных итальянцев. Арнольда Тойнби поразил экскурс относительно роли Германии как «стража на востоке Европы», который, по его воспоминаниям, отличался необыкновенной логикой и ясностью. Гитлер неизменно демонстрировал собранность, подготовленность, нередко — любезность и умел, как отметил после одной встречи Франсуа-Пенсе, создать видимость «самой полной откровенности»⁷⁵.

Большое число иностранных посетителей в свою очередь значительно отразилось на престиже Гитлера. Подобно немцам, которые приходили посмотреть и подивиться на него как на цирковой номер, они теснились растущей толпой, расширяя ауру величия и восхищения, которая окружала его.

Они с жадностью ловили его слова о том, как жаждет народ порядка и работы, о его воле к миру, которую он любил связывать со своим личным опытом фронтовика, слова, которые демонстрировали понимание его повышенного чувства чести. Уже в то время стало обычным делом не в последнюю очередь в самой Германии проводить различие между фанатичным партийным политиком прошлого и осознавшим свою ответственность реалистом настоящего. Впервые с кайзеровских времен у большинства опять было чувство, что оно мо-

---

⁷⁵ См.: *Eden A.* Angesichts der Diktatoren. S. 87 ff.; *François-Poncet A.* Op. cit. P. 164. Множество других примеров, аналогичных частично приведенным здесь, см. также в кн.: *Jacobsen H.-A.* Nationalsozialistische Aussenpolitik. S. 368 ff. Эпизод с сэром Джоном Саймоном сообщает А. Киркпатрик: *Kirkpatrick I.* Im Inneren Kreis.

жет идентифицировать себя с собственным государством, не испытывая сожаления, озабоченности и тем более стыда.

С этими успехами фигура вождя и спасителя стала беспрецедентной силой оглушительной, пронизанной метафизическими тонами пропаганды. На утренней манифестации 1 мая Геббельс затягивал свою речь до тех пор, пока борющееся с облаками солнце не пробилось сквозь них лучами — и тут в сияющем свете перед массами появился Гитлер. Только такая тщательно обдуманная символика придавала образу вождя ранг сверхъестественного принципа. Вплоть до уровня мельчайших ячеек общества все социальные отношения группировались вокруг этого типа: ректор считался «вождем университета», предприниматель — «вождем предприятия». Наряду с этим существовало огромное количество партийных вождей: в 1935 году — около 300 тысяч, в 1937 году — уже свыше 700 тысяч, а во время войны со всеми побочными подразделениями и подчиненными организациями — почти два миллиона. В Гитлере все эти всеохватывающие отношения «вождь—ведомые», в которые был встроен каждый человек, находили свое псевдорелигиозное и возвышенное над всем земным завершение. Один экзальтированный член церковного совета из Тюрингии заверил даже: «В образе Адольфа Гитлера к нам пришел Христос»⁷⁶. Личность и судьба великого, одинокого, избранного мужа, который поборол беду и взял ее тяготы на себя, стали предметом многочисленных стихов или драм о вожде. В пьесе Рихарда Ойрингера «Немецкие страсти Господни», которая была с большим успехом поставлена летом 1935 года и превозносилась как образец национал-социалистической драматургии, он явился как воскресший Неизвестный солдат, с терновым венком из колючей проволоки на голове, в мир спекулянтов, акционеров, интеллектуалов и пролетариев, представителей «ноябрьского государства», потому что ему, как было там сказано на фоне постоянных ассоциаций с христианскими мотивами, стало «жалко народ». Когда бешеная толпа хочет исхлестать и распять его, он останавливает ее, явив чудо, и ведет нацию к «винтовке и станку», примиряет живых с павшими на войне в народном сообществе Третьего рейха, а затем его раны «засияли лучезарным светом», и он вознесся на небо со словами: «Свершилось!» В указании режиссуре говорится: «С небес звучит, как

---

⁷⁶ Цит. по: *Fabry Ph. W. Op. cit. S. 115.*

в храме, орган, выражающий печаль расставания. По ритму и гармоническому ладу созвучие с маршевой песней»⁷⁷.

В близком родстве с подобными литературными «шедеврами» возникла обширная культура китча, которая надеялась поживиться на благоприятной конъюнктуре: предлагались подставки для метелочек под названием «Добрый Адольф», копилки принимали форму кепи штурмовиков, изображения Гитлера появились на галстуках, а свастика — на пепельницах и круглых картонках под пивные кружки. Национал-социалисты предостерегающе указывали на то, что изображение фюрера используется и профанируется толпой «дельцов от искусства»⁷⁸.

Такое безудержное восхваление явно подействовало, несмотря на такие возражения, и на самого Гитлера. Хотя он рассматривал искусно созданный вокруг него вихрь преклонения не в последнюю очередь как средство психологической тактики:

«Массе нужен идол», — заявил он, в нем все яснее стали проступать гибридные черты «вождя — Папы Римского», которые в начале захвата власти отошли на задний план. Уже 25 февраля 1934 года Рудольф Гесс на Кёнигсплац в Мюнхене под грохот оружейной канонады привел к присяге примерно миллион политических руководителей, командиров Гитлерюгенда и руководителей Национал-социалистической рабочей службы, по радио звучала клятва: «Адольф Гитлер — это Германия, а Германия — это Адольф Гитлер. Кто присягает Гитлеру, присягает и Германии»⁷⁹.

Получая соответствующий настрой от своего фанатичного окружения, он все больше вживался в эту формулу, которая была к тому времени теоретически обоснована обширной литературой по государству и праву. «Новый и решительный момент в фюрерском государстве состоит в том, что оно преодолевает присущее демократии деление на правителей и управляемых в единстве, в котором сливаются фюрер и его приверженцы». Все интересы и общественные антагонизмы в его особе устранились, фюрер обладал властью обязывать и

---

⁷⁷ См.: *Brenner H.* Op. cit. S. 100 ff.

⁷⁸ Ebd. S. 40; а также: *Trotha Th.* Das NS-Schlichtheitsideal. In: NS-Monatshefte, 4. Jhg, 1933. H. 35. S. 90.

⁷⁹ *Hess R.* Reden. München, 1938. S. 14, замечание Гитлера о том, что массе нужен идол, см.: *Hitlers Tischgespräche.* S. 478.

освобождать от обязательств, он знал путь, миссию, закон истории⁸⁰. Полностью в духе этого представления Гитлер в своих речах демонстративно вел счет на столетия и порой намекал на свое особое отношение к Провидению. Он дезавуировал ожидание реализации программы со стороны многочисленных «старых борцов», таким же образом он, например, заставил своих данцигских сторонников, как слепое дисциплинированное орудие, резко развернувшись, выполнить столь же резкий поворот в политике по отношению к Польше, не считаясь с местными интересами. «Все с Германии начинается с этого человека и замыкается на нем!», — писал его адъютант Вильгельм Брюкнер⁸¹.

Чем увереннее и неуязвимей чувствовал себя Гитлер, тем явственнее проступали старые черты человека богемы, состояния апатии и перепады настроения.

Пока он еще придерживался распорядка работы, ровно в десять часов утра входил в свой рабочий кабинет и не без удовлетворения показывал вечерним посетителям на горы отработанных бумаг. Но все же он всегда ненавидел дисциплинирующий груз регулярной работы, «одна-единственная гениальная идея, — имел он обыкновение уверять, — ценнее целой жизни добросовестного бюрократического труда»⁸².

Поэтому как только прошло первое увлечение работой канцлера, то окрыляющее вдохновение, которое исходило от исторической обстановки, письменного стола и рабочих принадлежностей Бисмарка, он стал забрасывать и эти дела — как в годы юности игру на пианино, школу, рисование и, собственно говоря, рано или поздно все, в конце и саму политическую игру — но только не основные установки, определявшиеся в равной степени страхом и честолюбием.

Примечательно, что его образ жизни вскоре снова приобрел нечто от швабингского кондотьерского стиля 20-х годов. Всегда в пестрой компании сомнительных деятелей искусства, драчунов и адъютантов, тянувшихся за ним наподобие

---

⁸⁰ «Власть фюрера — ...свободна, независима, исключительна и неограниченна», — говорил Эрнст Рудольф Хубер: *Huber E. R. Verfassungsrecht*. S. 230. Предыдущую цитату см.: *Porsthoff E. Der totale Staat*. S. 37.

⁸¹ *Brückner W. Der Führer in seinem Privatleben*. In: Adolf Hitler. S. 36.

⁸² *Dietrich O. Zwölf Jahre*. S. 150. В «Застольных беседах» он высказывал мнение, что для великого человека «достаточно двух часов напряженной работы в день»: *Hitlers Tischgespräche*. S. 322.

караван-сарая, Гитлер начал череду непрерывных поездок по стране, он как будто метался между Имперской канцелярией, «Коричневым домом», Оберзальцбергом, Байройтом, митингующими площадями и залами собраний, может быть, тут был еще и замысел распространять чувство своей вседуальности. Например, 26 июля 1933 года он выступил с речью перед делегацией 470 молодых итальянских фашистов, в 14 часов принимал участие в похоронах адмирала фон Шредера, а в 17 часов был уже в вагнеровском театре в Байройте. 29 июля, все еще в Байройте, он был почетным гостем на приеме у Винифред Вагнер⁸³, а на следующий день возложил венок на могилу композитора. Во второй половине дня он выступил на Германском спортивном празднике в Штутгарте, затем направился в Берлин, потом — на встречу с рейхслейтерами и гаулейтерами в Оберзальцберг, а 12 августа участвовал в торжестве памяти Рихарда Вагнера, в Нойшванштайне, где он назвал себя в речи человеком, завершившим планы Людвига II.

Отсюда он на одну неделю вернулся в Оберзальцберг, 18 августа выехал на подготовку предстоящего партийного съезда в Нюрнберг, а днем позже — на совещание с командованием СА и СС в Бад-Годесберг. По единодушным свидетельствам очевидцев, уже теперь, когда появилась уверенность в прочности успеха, стали проявляться наблюдавшиеся в ранние годы резкие изменения в поведении в течение дня. Часто он как бы долго плыл по течению, не принимая решений, чтобы внезапно развить взрывную энергию, прежде всего в вопросах, касающихся власти. Он скоро стал, не скрывая этого, уклоняться от выполнения многочисленных обременительных, рутинных, связанных с постом рейхсканцлера обязанностей и ходить вместо этого в оперу и кино. В те месяцы он перечитал все тома Карла Мая (примерно 70 книг), о которых он позже, в кульминационный момент войны, сказал, что они открыли ему глаза на мир. Именно этот стиль открытой праздности вызвал саркастическое замечание Освальда Шпенглера, что Третий рейх представлял собой «организацию безработных посредством уклонения от

---

⁸³Винифрид Вагнер, урожденная Вильямс (23.6.1897—5.3.1980) вдова сына Рихарда Вагнера — Зигфрида. С 1930 по 1945 год она была руководительницей Байройтского фестиваля и главой семьи Вагнеров. — *Прим. науч. ред.*

работы»⁸⁴. Розенберг, например, тоже расстроился, когда Гитлер предпочел устроенному им митингу балет на льду. Уже в прежние годы Готфрид Федер хотел приставить к Гитлеру офицера, который следил бы за порядком и выполнением программы дня, теперь же Геббельс заверял с характерной для него любовью к выпендрившим формулировкам: «То, что мы постоянно стремимся... осуществить, стало у него в мировых масштабах системой. Его способ творчества — способ подлинного деятеля искусства, независимо от того, в какой бы области он ни действовал»⁸⁵.

В исторической ретроспективе можно сказать, что за первый год канцлерства Гитлер добился удивительно многого: ликвидировал Веймарскую республику, осуществил важнейшие шаги по созданию замкнутого на него лично фюрерского государства, централизовал, политически унифицировал нацию и довел ее до первых стадий превращения в послушное орудие, в качестве которого он ее рассматривал. Он положил начало взлету в экономике, освободился от пут Лиги Наций и завоевал уважение иностранных держав. За короткое время многообразное свободное общество с его множеством центров власти и влияния превратилось в «чистую, ровную, послушную золу»: как формулировал он сам, «был устранен целый мир воззрений и институтов и на его место поставлен другой»⁸⁶. Все сопротивление было распылено по лишенным руководства, дезорганизованным группам и не имело политического веса.

Правда, то, что Геббельс называл «процессом переплавки народа», происходило не без применения насилия. Тем не менее роль грубых средств в захвате власти была невелика, гитлеровская формула о «самой бескровной революции мировой истории», которая скоро вошла в основной риторический лексикон режима, имела вполне реальную основу. Хотя строительство концентрационных лагерей, рост числа политических заключенных (по официальным данным на 31 июля

---

⁸⁴ См.: *Koktanek A. M. Oswald Spengler in seiner Zeit. S. 458*; относительно чтения книг Карла Мая см.: *Libres propos. S. 306*, а также: *Dietrich O. Zwölf Jahre. S. 164*.

⁸⁵ *Goebbels J. Wer hat die Initiative? In: Das eherne Herz. S. 380*. По поводу идеи Г. Федера насчет офицера с обязанностями секретаря см.: *Tyrell A. Op. cit. S. 60*.

⁸⁶ *Domarus M. Op. cit. S. 352; Heiden K. Geburt. S. 260*.

1933 года их было 27 тысяч) или даже вышедший 22 июня 1933 года указ о «борьбе с очернительством», который объявлял наказуемым простое выражение недовольства как «продолжение марксистского подстрекательства», наглядно демонстрировали, какими средствами поддерживали температуру в ковше переплавки.

Изучая «чудо» народного сообщества, нельзя также не обратить внимания на то, что на место партий прошлого пришла всего-навсего однопартийная система особого рода и произошла лишь замена одних соперничающих групп другими. За влияние дрались функционеры — выразители тоталитарного интереса, главари банд со своими сторонниками, партийные сатрапы, демократическую борьбу за власть они заменили скрытой войной в джунглях без каких-либо правил игры и вне контроля общественности. В действительности, унификация и вся пропаганда никогда не могли заставить забыть иллюзорный, фиктивный характер народного сообщества. Последнее было эффектным фасадом, оно не устраняло, а в основном камуфлировало общественные конфликты. Один эпизод, относящийся к первым дням режима, демонстрирует осуществленное принуждением и обманом примирение нации с самой собой столь же гротескно, сколь и образно. По приказу Гитлера имевшему дурную репутацию командиру так называемого 33-го штурмового истребительного отряда Гансу Майковскому («Красному петуху»), который был убит, возвращаясь 30 января 1933 года с исторического факельного шествия, были возданы почести вместе с погибшим в ту же ночь сотрудником полиции Цаурицем — их похороны стали государственным актом. От имени народного сообщества гробы с телами полицейского, который был католиком и левым, и штурмфюрера, нарушителя закона и безбожника, бесцеремонно были установлены вопреки протестам церковного руководства в Лютеровском соборе, а не кто иной, как бывший кронпринц — в принудительном примирении недоставало его фигуры, — возложил к гробам венки⁸⁷.

Но несмотря на все накладки, и вторая фаза захвата власти прошла быстрее и с меньшими трудностями, чем ожидалось. При помощи игры в законность, которая всякий раз

---

⁸⁷ См.: *Meissner H.O., Wilde H.* Op cit. S. 195; а также сообщение сэра Горация Рамбольда от 22.2.1933: *Ursachen und Folgen.* Bd. IX. S. 41.

санкционировала уже осуществленные меры и одновременно подготавливала новые, были осуществлены необходимые шаги к фюрерскому государству теперь также и в организации государства и партии. В землях давно уже правили назначенные Гитлером из числа высших партийцев имперские наместники, они смещали министров, назначали чиновников, участвовали в заседаниях кабинета и осуществляли почти неограниченную власть над нижестоящими структурами. После того как верховная власть земель законодательно перешла к рейху и Рейхсрат был устранен⁸⁸, рейх забрал себе и юридические компетенции земель. Новая схема организации партии делила страну на 32 гау (области), гау — на бецирки (районы), ортсгруппы, целле (ячейки) и блоки. Хотя закон от 1 декабря 1933 года провозглашал единство партии и государства, фактически же Гитлер проводил курс на их разделение. Не без тактических задних мыслей он оставил имперское руководство НСДАП в Мюнхене и вообще явно демонстрировал свое намерение держать партию в стороне от воздействия на правительственные дела. В том же направлении должно было сработать назначение заместителем фюрера слабого, преданного и не имевшего собственной опоры в партии Рудольфа Гесса. Во всяком случае, НСДАП не обладала политическим приматом перед государством; единство реализовалось лишь в личности Гитлера, который и далее в значительной степени удерживал в своих руках нити зачастую раздробленных компетенций и позволял партии лишь в отдельных случаях завоевывать государственные функции и реализовать ее тоталитарные притязания.

Почти все институты власти были покорены. Гинденбург был больше не в счет, он, по меткому замечанию его друга и соседа по поместью фон Ольденбурга-Янушау, был рейхс-президентом, «которого, собственно говоря, уже больше нет»⁸⁹. Примечательно, что руководящий состав партии во время массовой присяги 25 февраля клялся в верности Гитлеру, а не президенту, как того бы требовал закон о единстве партии и государства. Хотя в некоторых концепциях с престарелым президентом связывались надежды на законность и традиции, он тем временем не только сдался Гитлеру, но и

---

⁸⁸ Он был распущен в соответствии с Законом о ликвидации Рейхсрата от 14 февраля 1934 года. — *Прим. науч. ред.*

⁸⁹ *Görlitz W. Hindenburg. Bonn, 1953. S. 412.*

позволил коррумпировать себя. Его готовность поддерживать национал-социалистический курс на захват власти своим моральным авторитетом находилась во всяком случае в примечательном контрасте с ворчливой холодностью, с которой он предоставил своей участи республику. В годовщину битвы под Танненбергом⁸⁹ он принял в подарок от новых властей соседние с поместьем Нойдек земельный участок Лангенау и выкупленный из-под залога Пройсенвальд, отблагодарив за эту щедрость весьма необычным в немецкой военной истории жестом: он присвоил отставному капитану Герману Герингу «в знак признания его выдающихся заслуг на войне и в мирное время» звание генерала пехоты.

Единственным институтом, избегавшим унификации, оставался рейхсвер. Именно на него направлялось с явно растущим нетерпением революционное честолюбие СА. «Коричневый поток должен залить серую⁹⁰ скалу», — любил говорить Эрнст Рём⁹¹, и его опасение, что Гитлер может отказаться от революции по тактическим причинам и из-за оппортунизма, было решающим мотивом надвигающегося конфликта. С точки зрения Гитлера, рейхсвер и СА были единственными еще независимыми факторами власти с несломленным самосознанием. То, как он сломал хребет одному из них руками другого, а другому — руками первого, решило проблему существования любого революционного вождя: бросить на съедение революции как раз самых верных ее сынов, чтобы опять-таки акт предательства зашелся как историческая заслуга — в этом вновь проявилась его тактическая виртуозность.

Пока он, как это постоянно бывало в критических ситуациях его жизни, еще колебался и отбивался от наседавших на него контрагентов тем, что «делу надо дать вызреть», с весны 1934 года в игру вступили силы, ускорившие развитие ситуации. 30 июня 1934 года многочисленные интересы и мотивы собрались воедино и встретились перед дулами расстрельных команд.

---

⁸⁹ Во время битвы при Танненберге (26—30 августа 1914 года) немецкие войска под командованием Гинденбурга разбили 2-ю русскую армию генерала А.В. Самсонова. — *Прим. пер.*

⁹⁰ Имеется в виду цвет армейских мундиров. — *Прим. пер.*

⁹¹ См.: Krausnick H. Beilage «Das Parlament» vom 30 Juni, 1954. S. 319.

Глава III

«АФЕРА РЁМА»

После революции всегда встает вопрос о революционерах.

Из письма Муссолини к Мосли

Никто не охраняет свою революцию бдительнее, чем фюрер.

Рудольф Гесс, 25 июня 1935 года

Разработанная Гитлером тактика легальной революции обеспечивала захват власти с относительно незначительным применением насилия и пролитием крови, а также позволяла избежать того глубокого раскола, который поражает каждую нацию после революционных времен. Однако она имела тот недостаток, что старые элитарные слои, приспособившись к революции, остались целыми и невредимыми и по меньшей мере гипотетически в любой момент могли поставить под вопрос существование нового режима. Они были ошеломлены, временами увлечены общим потоком событий, но отнюдь не устранены и не лишены дееспособности. Одновременно тактика Гитлера неизбежно должна была посеять семена гнева в боевом авангарде СА, который с боями проложил движению путь к власти и чувствовал себя теперь обманутым.

С кривой усмешкой и не без горечи коричневые преторианцы наблюдали, как «реакция» — капиталисты, генералы, юнкеры, консервативные политики и прочие «трусливые обыватели» — поднимались в дни праздников победы Национальной революции на почетные трибуны, и черные фраки торопились занять места рядом с коричневыми мундирами. Революция без разбора вербовала своих приверженцев, что лишало ее противника.

Недовольство старомодного честного «рубачи» Рёма ходом захвата власти стало довольно скоро выражаться в неоднократных публичных выступлениях. Уже в мае 1933 года он счел необходимым предостеречь СА в своем распоряжении насчет всех фальшивых друзей и ложных праздников, а также напомнить своим Штурмовым отрядам о не достигнутых пока целях: «Хватит праздников. Я хочу, чтобы СА и СС теперь явно отошли в сторону от вереницы торжеств... Перед нами еще стоит

задача завершить национал-социалистическую революцию и создать национал-социалистическое государство»¹.

В то время как Гитлер, более хитрый и изощренный, чем простоватый Рём, видел в революции псевдолегальный процесс выхолащивания захваченных структур, при котором на первый план выдвигались средства демагогии, изматывания противника или обмана, а насилие использовалось лишь как вспомогательное средство для запугивания, Рём, исходя из самого понятия революции, связывал с ней фазу восстания с громом битв, клубами порохового дыма и штурмом цитаделей старой власти. Он считал что, когда дело дойдет до кровавой кульминации революции, вместе с ненавистными представителями этой власти падет и отживший свое мир и восторжествует новый порядок. Но ничего подобного не произошло, и Рём был глубоко разочарован.

После короткого периода неуверенности он попытался оградить Штурмовые отряды от процесса великой национальной переплавки. Рём подчеркивал противоречия со всеми другими и восхвалял особое сознание СА: «Только они добьются чистого, неискаженного национализма и социализма и сохраняют их»². Своих командиров он предостерегал от занятия постов и почетных должностей в новом государстве.

Если его соперники Геринг, Геббельс, Гиммлер, Лей и многочисленные представители третьего эшелона свиты Гитлера расширяли свое влияние, завоевывая руководящее положение, Рём пытался идти противоположным путем. Он при помощи последовательного роста своих формирований, которые вскоре увеличились до 3,5—4 миллионов человек, готовил создание государства СА, которое в один прекрасный день должно было сменить существующий строй.

Естественно, что при таких обстоятельствах вновь дали о себе знать старые противоречия с политической организацией — неприязнь воинствующих революционеров к толстошеим эгоистам из среднего сословия, заполнявшим ПО, которые, пытаясь в тесных вицмундирах, в большинстве случаев однозначно превосходили их в мелкотравчатой борьбе за «теплые местечки». Недовольство еще больше выросло, когда Гитлер со все большим нажимом стал требовать прекращения революционного разгула. Уже в июне 1933 года началась лик-

---

¹ IfZ MA-1236 (распоряжение от 30.5.1933).

² Ebd.

видация многочисленных «диких» лагерей СА, вскоре после этого были распущены первые части вспомогательной полиции. Сторонники Рёма напрасно напоминали о жертвах, которые они принесли, о боях, которые они выдержали, они чувствовали себя обделенными как забытые революционеры упущенной революции: Рём уже в июне 1933 года резко выступил против все чаще звучащего заявления, что захват власти закончен и задача СА выполнена. Тот, кто требует усмирить революцию, предает ее, — заявил он, — рабочие, крестьяне и солдаты, которые маршировали под его стягами СА, завершат свою задачу, не обращая внимания на приспособившихся «обывателей и нытиков». «Устраивает это вас или нет, — мы продолжим нашу борьбу. Если вы наконец-то поймете, о чем идет речь, — вместе с вами! Если вы не хотите — без вас! А если надо будет — против вас!»³

В этом состояло значение лозунга «Второй революции», который с того момента муссировался в казармах и штабах СА. Она должна была помочь подняться на ноги погрязшему в тысячах жалких компромиссов или даже преданному захвату власти весной 1933 года и привести к настоящей революции, к завоеванию всего государства. Этот клич часто расценивался как доказательство существования среди коричневых соединений хотя бы расплывчатого проекта нового общественно-го устройства. Но из тумана фраз о «священной социалистической воле» никогда не вырисовывалась поддающаяся определению концепция, и никто не был в состоянии описать, каким все же будет государство СА.

Этот социализм никогда не выходил за рамки грубого, не прошедшего стадии рефлексии милитаризованного коммунизма. У самого Рёма и его ближайшего окружения он принимал еще более резкие формы под воздействием социального сознания кучки гомосексуалистов, окруженной враждебным внешним миром. Государство СА, если характеризовать его некой формулой, было не чем иным, как государством, которое должно было решить действительно отчаянную социальную проблему многочисленных безработных штурмовиков. Наряду с этим речь шла и об обманутых устремлениях политического авантюризма, прятавшего свой нигилизм под политической маской идеологии национал-социалистическо-

---

³ Röhm E. SA und deutsche Revolution. In: NS-Monatshefte, 4. Jhg. S. 251 ff.

го движения и не желавшего понять, почему это он после одержанной наконец победы должен распрощаться с приключениями, борьбой и «живым делом».

Как раз бесцельность революционного аффекта СА стала тем временем вызывать озабоченность широкой общественности. Никто не знал, против кого двинет Рём ту могучую силу, о которой он угрожающе напоминал нервной чередой парадов, инспекций и помпезных митингов по всей Германии. Он демонстративно взялся за возрождение в СА старых боевых устремлений. Вместе с тем он искал связей и финансовой поддержки промышленников, создал в лице полевой полиции СА собственный исполнительный орган и одновременно приступил к формированию собственной судебной системы СА, которая вводила жесточайшие наказания за бесчинства, грабеж, кражу или разграбление со стороны СА, но в то же время предусматривала, что «соответствующий командир СА имеет право осудить за убийство члена СА до 12 человек вражеской организации, подготовившей убийство»⁴. Одновременно Рём старался закрепиться в администрации земель, в академической и журналистской сферах, а также продемонстрировать всесторонний характер особых притязаний СА. Его недовольство выплескивалось в многочисленных критических суждениях об антисемитизме, внешней политике, устранении профсоюзов или подавлении свободы мнений.

Он ожесточенно выступал против Геббельса, Геринга, Гимmlера и Гесса и, кроме того, своими планами включить массовую коричневую рать в гораздо меньший по численности рейхсвер и создать национал-социалистическую милицию спровоцировал враждебность ревниво защищавшего свои традиции и привилегии генералитета. Глубоко оскорбленный многочисленными тактическими соображениями Гитлера, он откровенно выражал свое раздражение среди друзей:

«Адольф — подлец, — ругался он. — Он предаёт всех нас. Только с реакционерами и якшается. Старые товарищи ему слишком плохи. Набрал себе генералов из Восточной Пруссии. Они теперь его доверенные люди... Адольф точно знает, чего я хочу. Я это ему достаточно часто говорил. Не надо копии кайзеровской армии. Сделали мы революцию или нет?..

---

⁴ Из распоряжения Ch Nr. 1415/33 от 31.7.1933; см.: Doc. Centre, 43/1.

Нужно что-то новое, понимаете меня? Новая дисциплина. Новый принцип организации. Генералы — старые рутинеры. У них никогда новой идеи не появится.

А Адольф остается штафиркой, «художником», витает в облаках. Думает о том, чтоб его оставили в покое. Будь его воля, сидел бы себе в горах и разыгрывал Всевышнего. А мы стой без дела, хотя руки чешутся... Сейчас у нас есть уникальная возможность совершить новое, великое, перевернуть весь мир. А Гитлер меня кормит обещаниями. Хочет, чтобы все шло своим чередом. Надеется, что потом произойдет чудо небесное. Это подлинное «я» Адольфа. Хочет унаследовать готовую армию, чтоб ему ее сформировали «спецы». Когда я слышу это слово, хочется рвать и метать. А потом, говорит он, сделает ее национал-социалистической. Но сперва отдаст ее под начало прусским генералам. Откуда там потом взяться революционному духу? На своих местах остаются старые козлы, которым новую войну не выиграть. Как вы все ни старайтесь, очки вы мне не вотрете. Тут вы губите душу нашего движения»⁵.

Судя по всему, Гитлер никогда не думал всерьез о том, чтобы следовать идеям Рёма. В давнем споре о задачах СА он и после завоевания власти считал, что коричневые соединения должны выполнять не военную, а политическую функцию, что они составляют «ударную команду Гитлера», а не кадры революционной армии. Тем не менее внешне он вел себя поначалу нерешительно, явно надеясь найти среднюю линию, объединяющую амбиции Рёма и притязания рейхсвера. Бесспорно, он испытывал глубокую, подкрепленную опытом 1923 года неприязнь к заносчивым, негнувшимся «старым рутинерам» с моноклями, Гиммлер как-то слышал, как он сказал о генералах: «Они будут еще раз стрелять в меня!»⁶ Но без их поддержки было немыслимо завершить захват власти. Старые чувства обиды не могли вычеркнуть из памяти основные уроки ноябрьского путча: никогда больше не всту-

---

⁵ *Rauschning H. Gespräche.* S. 143 f. Существуют, правда, две различные версии о намерениях Рёма. Согласно одной из них, он собирался сделать из СА своего рода милицию наряду с рейхсвером, согласно же второй — объявить СА основной вооруженной силой и включить в нее рейхсвер. Документы и различные свидетельства позволяют предположить, что Рем разделял обе эти позиции, в зависимости от того, кому он их высказывал, и понимал при этом первый вариант как переходный этап ко второму.

⁶ *Görlitz. W., Quint H.A. Op. cit.* S. 440.

пать в открытый конфликт с вооруженными силами. Свое тогдашнее поражение он объяснял враждебностью армии, как и успех 1933 года — поддержкой или благосклонным нейтралитетом руководства рейхсвера. Кроме того, их профессиональные знания представлялись ему безусловно необходимыми для начавшегося уже ранним летом 1933 года перевооружения, от которого в свою очередь зависело своевременное осуществление его планов экспансии.

Далее, только регулярная армия располагала той наступательной мощью, которая отвечала его намерениям, в то время как милиция в том общем виде, в каком ее представлял себе Рём, была в строгом смысле инструментом обороны.

Кроме того, первый опыт личного общения с верхушкой рейхсвера явно ослабил недоверие Гитлера. Как в министре фон Бломберге, так и в новом руководителе Министерского управления Военного министерства полковнике фон Рейхенау он нашел двух партнеров, которые почти безоговорочно следовали его курсу, правда по разным мотивам. Первый в силу своего темперамента, которому нечего было противопоставить целеустремленному искусству Гитлера подчинять себе других, кроме мечтательной податливости. Бломберг, что характерно, был поочередно сторонником демократических убеждений, антропософии, идеи прусского социализма, после поездки в Россию — «почти коммунизма», и, наконец, все большим поклонником авторитарных идей, пока не стал со всем энтузиазмом поклоняться новому идолу — Гитлеру. В 1933 году в одно мгновение, заверял позже Бломберг, он неожиданно обрел то, чего больше никогда не ожидал: веру, преклонение перед одним человеком и полную преданность одной идее. От одного дружеского слова Гитлера у него к глазам, по свидетельству современника, подступали слезы, порой он даже говорил, что сердечное рукопожатие фюрера иногда излечивало его от простуды⁷. Другой же, Рейхенау, человек трезвого макиавеллистского склада ума, который в своих честолюбивых устремлениях не поддавался эмоциям и видел в национал-социализме не предмет убеждений или увлечений, а идеологию массового движения, революционный порыв которого он хотел использовать как для личной карье-

---

⁷ *Diels R.* Op. cit. S. 278. О личностях фон Бломберга, и Райхенау см. также: *Foertsch H.* Op. cit. S. 30 ff.; а также *Hossbach F.* Zwischen Wehrmacht und Hitler. S. 76, VJHfZ, 1959. Н. 4. S. 429 ff.

ры, так и для укрепления позиций армии в структурах власти. В данный же момент он хотел приручить национал-социализм. Холодный и интеллигентный, волевой в принятии решений, хотя и не без признаков легкомыслия, он почти в совершенстве воплощал тип современного, получившего хорошую техническую подготовку и непредвзятого в социальном отношении офицера. Правда, отсутствие предрассудков у него распространилось и на моральные категории. На совещании командующих в феврале 1933 года он заявил, что прогнившие порядки в государстве можно устранить только при помощи террора, рейхсвер не должен вмешиваться в эти дела, но быть в «полной готовности».

Этот девиз так отвечал тактическим установкам Гитлера, что он, наверно, спрашивал себя, с какой стати ему отвергать предложенную лояльность военных специалистов и вставать на сторону путающего все карты Рёма. В тесном кругу приближенных он с издевкой говорил о «колченогих штурмовиках», вообразивших себя «материалом для военной элиты»⁸.

Вопреки своей обычной манере сбивать противников с толку при помощи двойной игры, натравливать их друг против друга и заставлять пожирать друг друга, Гитлер на этот раз недолго скрывал от внешнего мира свои намерения. Правда, он все время подогревал воинственную активность СА и, например, обращался к ним с такими словами: «Вся ваша жизнь будет борьбой. Вы родились в горниле схваток, не надейтесь сегодня или завтра на мир»⁹. Включение Рёма в состав кабинета 1 декабря¹⁰ или сердечнейшее письмо начальнику штаба СА по случаю Нового года расценивалось в СА зачастую как подтверждение их амбиций. Несмотря на это, Гитлер неоднократно заверял рейхсвер, что тот был и остается единственной вооруженной силой нации. Принятое уже в конце года решение вве-

---

⁸ *Rauschnig H. Gespräche.* S. 147, По поводу заявления Рейхенау на упомянутом совещании высшего командного состава см.: *IfZ Zeugnisschrifttum* Nr. 279. Bd. 1. S. 19. Относительно той роли, которую, с точки зрения Гитлера, должен был играть рейхсвер в деле успешного осуществления операции по захвату власти, см. его выступление 23.9.1933: *Horkenbach C.* Op. cit. S. 413.

⁹ Из выступления перед штурмовиками Киля 7.5.1933; см.: *Schulthess.* Op. cit. S. 124. И даже 19 мая 1934 года он заявил в Мюнхене «старым борцам»: «Революция обязательно будет продолжаться!» См.: *Domarus M.* Op. cit. S. 371.

¹⁰ В качестве имперского министра без портфеля. — *Прим. науч. ред.*

сти всеобщую воинскую повинность разбивало все далеко идущие планы Рёма по созданию народной милиции.

Все еще веря в то, что Гитлер как всегда ведет тактическую игру и втайне по-прежнему разделяет его взгляды, Рём самое большое предполагал наличие своих врагов среди ближайшего окружения фюрера. Привыкнув преодолевать все трудности лобовой атакой, Рём реагировал на происходившее крикливыми выпадами и демонстративным изложением своих требований. Он назвал Гитлера «слабаком», который находится в руках «глупых и опасных субъектов», но он, Рём, освободит его «от этих пут»¹¹. В то время как СА начали выставлять вооруженную охрану штабов, он направил в Министерство рейхсвера записку, в которой оборона страны объявлялась «сферой СА», а на армию возлагалась задача военной подготовки. Непрерывными речами и шумными акциями он постепенно сам подготовил ту сцену, на которой суждено было решиться его судьбе. Уже в начале января, несколько дней спустя после благодарственного письма начальнику штаба СА и другу, с которым он был на «ты», Гитлер дал задание руководителю тайной государственной полиции Рудольфу Дильсу собирать компромат на «госпоина Рёма и его дружеских связей», а также о террористических действиях СА. «Это самая важная задача из всех, которые когда-либо ставились перед вами», — объяснял он Дильсу¹².

Тем временем и рейхсвер не оставался в бездействии. Памятная записка Рёма ясно показала, что все усилия по объединению потерпели крах и теперь решение должен принять Гитлер. Демонстративно идя ему навстречу, Бломберг в начале февраля распорядился о применении «критериев арийского происхождения» к офицерскому корпусу и возвел так называемый символ НСДАП, свастику, в официальный символ вооруженных сил. Командующий сухопутными войсками генерал фон Фрич¹³ обосновал та-

---

¹¹ См. *Roszbach G. Mein Weg durch die Zeit*. S. 150. Затем донесение французского военного атташе в Берлине генерала Ренондо от 23.4.1934: *Ursachen und Folgen*. Bd. X. S. 153. О других подстрекательских высказываниях Рёма свидетельствует, например, Р. Дильс: *Diels R. Op. cit.* S. 124.

¹² *Diels R. Op. cit.* S. 275.

¹³ Генерал артиллерии барон Вернер фон Фрич (4.8.1880—22.9.1939) сменил генерала фон Хаммерштейн-Экворда на посту командующего сухопутными войсками 1 февраля 1934 года. — *Прим. науч. ред.*

кое решение, заметив, что это придаст «канцлеру необходимую силу удара по СА»¹⁴.

Гитлер на самом деле теперь чувствовал, что жизнь заставляет занять недвусмысленную позицию. 2 февраля он выступил перед собравшимися в Берлине гаулейтерами с речью, которая отражала его тогдашние тревоги и, кроме того, носила характер примечательного принципиального заявления. В протоколе встречи говорилось:

«Фюрер подчеркнул... те, кто утверждает, что революция не окончена Schulthess — дураки, далее он сказал, что у нас в движении есть люди, которые понимают под революцией не что иное, как постоянное состояние хаоса...

Как острейшую главную задачу фюрер охарактеризовал подбор людей, с одной стороны, способных, а с другой — со слепым повиновением претворяющих в жизнь меры правительства. Партия, являясь своего рода орденом, должна обеспечить необходимую стабильность всего немецкого будущего... Первый фюрер был избран судьбой; второй должен с самого начала иметь за собой верное, скрепленное клятвой сообщество. Нельзя избирать такого, кто обладает опорой в виде обособленной силы!

Фюрер может быть всегда только один... Подобная организация с такой внутренней жесткостью и силой будет держаться вечно, ее ничто не сможет свергнуть. Сплоченность внутри движения должна быть небывало крепкой. Мы не имеем права вести борьбу между собой; никогда посторонние не должны узнавать о наличии разных мнений! Народ не может нам слепо верить, если мы сами будем разрушать это доверие. Даже последствия неверных решений должны сглаживаться безусловной сплоченностью. Никогда один авторитет не должен использоваться против другого...

Поэтому никаких ненужных дискуссий! Проблемы, относительно которых в отдельных руководящих органах еще нет ясности, ни в коем случае не должны обсуждаться публично,

---

¹⁴ Из выступления на совещании высшего командного состава, состоявшемся 2—3.2.1934; цит. по записи генерала Либмана: *IfZ München*. В. 1. 76 ff. Упомянутый выше «критерий арийского происхождения» вытекает из статьи принятого 7.4.1933 Закона о восстановлении профессионального чиновничества, согласно которой все евреи, не служившие чиновниками еще до Первой мировой войны или не могущие документально подтвердить, что сражались на фронте, увольнялись со службы.

ибо в противном случае решение ложится на народные массы. В этом было безумие демократии, это сводит к нулю ценность всякого руководства...

Мы имеем право в каждый определенный момент вести только одну битву, одну схватку за другой. Собственно говоря, верна не поговорка “много врагов — много чести”, а “много врагов — много глупости”. Кроме того, народ не может одновременно вести и понимать двенадцать битв. Соответственно мы можем давать народу на один период только одну идею, сосредоточивая его на ней. Как раз во внешнеполитических вопросах необходимо иметь за собой весь народ как загипнотизированный, вся нация в этой борьбе должна быть прямо-таки по-спортивному охвачена страстью игрока; это необходимо. Если в борьбе участвует вся нация, то она вся в проигравших. Если она не проявляет интереса, то в проигравших только руководство. В первом случае возникает гнев народа по отношению к врагу, во втором — к вождю»¹⁵.

Практические выводы из этих высказываний, программная суть которых оставалась в силе вплоть до военных лет, не заставили долго ждать. Уже 21 февраля Гитлер доверительно сообщил своему гостю Энтони Идену, что он сократит СА на две трети и поставит дело так, чтобы оставшиеся соединения не имели оружия и не получали военной подготовки. Восемью днями позже он вызвал командование рейхсвера, а также руководство СА и СС во главе с Рёмом и Гиммлером в здание Военного министерства на Бендлерштрассе. В речи, которая была воспринята офицерами с удовлетворением, а командирами СА — с ужасом, он обрисовал основные черты соглашения между рейхсвером и СА. Оно ограничивало компетенцию коричневых отрядов некоторыми второстепенными военными функциями, а в остальном возлагало на них в качестве главной задачи политическое воспитание нации. Он при этом заклинал руководство СА не оказывать ему сопротивления в столь серьезное время и грозил раздавить всякого, кто будет ему мешать.

Однако Рём не внял этим предостережениям. Поначалу он сохранял самообладание и даже пригласил присутствующих на «завтрак примирения». Но едва только генералы ушли, он излил свое недовольство. По рассказам, он назвал Гитлера «невежественным ефрейтором» и без обиняков заявил, «что

---

¹⁵ Материалы Главного архива НСДАП, Hoover Institute, Reel 54, Polder 1290; см. также: *Jacobsen H.-A., Jochmann W.* Op. cit. 2.2.1934.

и не думает соблюдать соглашение. Гитлер вероломный человек, его надо как минимум отправить в отпуск»¹⁶.

Бульварный сюжет, по которому развивались теперь события, требовал появления предателя. И он не заставил себя ждать. Обергруппенфюрер СА Лютце¹⁷ посетил Гитлера в Оберзальцберге и сообщил ему в ходе многочасового разговора об этих выпадах и мрачном бахвальстве Рёма.

Однако Рёмом руководило не только упрямство и не только высокомерие человека, который самоуверенно заявлял, что под его началом стоит тридцать дивизий¹⁸. Скорее, дело было в другом: он прекрасно понимал, что Гитлер поставил его перед неприемлемой альтернативой. Предложение или заняться воспитанием нации, или сойти со сцены уже было само по себе падением в небытие, хотя и облеченным в формулировку выбора. Никто не мог всерьез предположить, что штурмовики, которых Гитлер называл «колченогими», были подходящим преподавательским составом для осуществления его педагогической утопии воспитания арийского человека-господина. Будучи убежденным в безысходности своего положения, Рём посетил Гитлера в начале марта и предложил ему «малое решение»: включение нескольких тысяч командиров штурмовых отрядов в рейхсвер, благодаря чему он надеялся выполнить по меньшей мере самые неотложные социальные обязательства перед своими сторонниками. Но ввиду опасности проникновения СА в армию Гинденбург и руководство рейхсвера воспротивились этому, и Рём почувствовал, что опять придется встать на путь бунта — под натиском разгневанных сторонников, нетерпение которых явно росло, и под воздействием собственного честолюбия.

Действительно, с весны 1934 года вновь стали курсировать лозунги «Второй революции», но хотя при этом речь шла и о путче и о восстании, свидетельств существования конкретных планов действий нет. Как это и соответствовало натуре этой

---

¹⁶ *Krausnick H. Juden-Verfolgung. S. 319.*

¹⁷ Отставной капитан, депутат Рейхстага и обергруппенфюрер СА Виктор Лютце (28.12.1890—2.5.1943) с февраля 1933 года возглавлял VI обергруппу СА со штаб-квартирой в Ганновере, одновременно с марта 1933 года он занимал пост обер-президента Ганновера. — *Прим. науч. ред.*

¹⁸ См. свидетельство Дильса: *Bracher K.D. Machtergreifung. S. 942, Anm.*

дикой, хваставшейся своей силой своры, она довольствовалась кровожадными фразами, в то время как сам Рём страдал приступами упадка духа, порой прикидывая, не стоит ли ему вернуться в Боливию, а при встрече с французским послом сказал, что нездоров¹⁹. Тем не менее он старался прорвать смыкавшееся все плотнее кольцо изоляции и установить контакты с Шлейхером и, вероятно, также с другими оппозиционными кругами. Он организовал новую мощную волну маршей и вообще старался демонстрировать несломленную силу СА непрерывными триумфальными парадами. Одновременно он достал, отчасти путем закупок за границей, крупные партии оружия и распорядился усилить программу военной подготовки своих подразделений²⁰. Конечно, нельзя исключить, что тем самым он действительно только хотел занять разочарованных и раздраженных, шатающихся без дела штурмовиков. Но эти шаги должны были подействовать на Гитлера и руководство рейхсвера как вызов, а бунтовщицкое бахвальство — придавать этому тревожный тон.

Похоже, что самое позднее к этому времени Гитлер прекратил свои старания уладить дело с Рёмом по-хорошему и взял курс на силовое решение проблемы. 17 апреля, на весеннем концерте СС в берлинском Дворце спорта, они в последний раз показали вместе на публике. В дополнение к данному ранее Дильсу заданию он, согласно своим более поздним утверждениям, поручил отдельным партийным инстанциям разобраться со слухами о «Второй революции» и найти их источники. Напрашивается предположение, что с этим было связано создание службы безопасности (СД) и назначение Генриха Гиммлера руководителем прусского гестапо²¹. С этим явно свя-

---

¹⁹ См.: *Krausnick H.* Op. cit. S. 320; затем информацию Кеслера о беседе с Рёмом 23.3.1934: ADAP Bd. III. S. 263.

²⁰ См.: *Sauer W.* In: *Bracher K.D.* *Machtergreifung*. S. 946. Согласно Зауэру, при разоружении Штурмовых отрядов летом 1934 года было изъято 177 000 винтовок, 651 станковый и 1250 ручных пулеметов, что соответствовало оснащению десяти пехотных дивизий рейхсвера, установленному Версальским договором.

²¹ На самом деле разведывательный отдел СС был сформирован в 1931 году. 9 июня 1934 года вышел приказ, включавший в СД все остальные разведывательные органы НСДАП. Гиммлер стал начальником прусского гестапо (фактически Гейдрих) 1 апреля 1934 года, но надо учитывать, что его назначение напрямую зависело не от Гитлера, а от Геринга, которому на тот момент гестапо подчинялось. В связи с этим ряд исследователей приписывают этот факт объединению Геринга и Гиммлера в их борьбе против Рёма и СА. — *Прим. науч. ред.*

зано и то обстоятельство, что впервые органы юстиции смогли добиться некоторого успеха в плане преследования членов СА, совершивших преступления. Комендант концлагеря Дахау Теодор Эйке также в апреле получил, по слухам, задание составить «общеимперский список нежелательных лиц»²².

Тем самым в нервной атмосфере слухов и интриг началась настоящая охота, которая не оставила Рёму никаких сомнений относительно того, что почти последовательно дело идет к его свержению.

Главными действующими лицами при этом были функционеры ПО, и прежде всего Геринг и Гесс, все они недолюбливали начальника штаба СА за то, что у него мощная частная армия и он поэтому занимал позицию человека номер два. К ним скоро присоединился и Геббельс, который в силу своего радикализма поначалу был на стороне Рема, а также Генрих Гиммлер, который как руководитель СС подчинялся СА и надеялся подняться за счет падения Рёма. Оставаясь в тени, стало все ощутимее заявлять о себе и руководство рейхсвера, которое умело подброшенной информацией о Рёме и частичным отказом от собственной независимости надеялось перетянуть Гитлера на свою сторону.

Уже в феврале 1934 года оно добровольно устранило один из традиционных столпов офицерского корпуса — принцип социальной замкнутости, и дало указание, что впредь решающим критерием в военной карьере должно быть не происхождение, а «понимание сути нового государства»²³. Вскоре после этого рейхсвер ввел политическую учебу в войсках, а Бломберг опубликовал ко дню рождения Гитлера, 20 апреля, изобилующую славословием статью и одновременно переименовал мюнхенские казармы известного своими традициями полка Листа в «казармы имени Адольфа Гитлера». Действия Бломберга и Рейхенау были направлены на постепенное обострение противоречий между Рёмом и Гитлером до открытого столкновения, из которого они сами собирались выйти победителями. Недостаток проницательности внушал им надежду, что Гитлер не осознает, что, лишая власти Рёма, он лишается власти сам и отдает себя на милость рейхсвера.

---

²² *Sauer W. In: Bracher K.D. Machtergreifung. S. 949.* Было обнаружено несколько подобных списков, однако главные принадлежали не Эйке, который был лишь исполнителем, а Гейдриху и Герингу. — *Прим. науч. ред.*

²³ См.: *Liebmann-Aufzeichnungen. Op. cit. Bl. 70.*

Растущая напряженность передавалась и немецкому обществу. Страной овладело беспокойство, от которого голова шла кругом, оно соединялось со своеобразным чувством парализованности и подавленности. В течение года Гитлеру удавалось фейерверком речей, призывов, переворотов и театральных эффектов-«находок» держать население в каком-то угаре — теперь и публика и режиссер казались в равной степени измотанными. Возникла пауза, которая дала первую возможность задуматься над своим подлинным состоянием. Еще не полностью раздавленное гнетом пропаганды население отмечало принуждение и регламентацию, преследование меньшинств, которые были сделаны беззащитными, существование концлагерей, конфликты с церквями, призрак надвигающейся из-за безудержных расходов инфляции, террор и угрозы СА и, наконец, растущее недоверие во всем мире. Осознание этих фактов порождало перелом в настроениях, с которым не смог справиться инсценированный Геббельсом шумный «поход против очернителей и критиканов». Подавленное настроение весной 1934 года не было массовым и бесспорно не пробуждало сколько-нибудь широкой воли к отпору, но явно распространялись чувство скепсиса, недовольство, угнетенность и при всем этом ощущение того, что со страной творится что-то неладное, и от этого чувства было не уйти.

Распространяющееся отрезвление наводило на мысль еще раз обратить взоры на консервативных организаторов давно минувшего января 1933 года. И действительно, они, хотя и исключенные из реального процесса и низведенные до роли бессловесных статистов, казалось, почувствовали призыв, который обращала к ним ситуация. Слишком долго Папен и его единомышленники стояли на коленях перед Гитлером и жили былыми мечтами обмануть дьявола, сыграв роль Вельзевула. Когда Гинденбург уезжал в начале июня на отдых в Нойдек, он высказался в разговоре с вице-канцлером пессимистически: «Положение скверное, Папен. Попробуйте привести дела в порядок»²⁴. Поскольку сам президент вследствие явно прогрессирующего упадка сил не мог совершить действенных контрходов, разочаровавшиеся консерваторы с растущим интересом обдумывали идею реставрации монархии. Хотя Гитлер однозначно отверг эту мысль, в последний раз в речи перед Рейхстагом 30 января 1934 года, теперь Гин-

---

²⁴ *Papen F. v. Op. cit. S. 344.*

денбург, по настоянию Папена, изъявлял готовность включить в свое завещание рекомендацию восстановить монархию. В остальном поборники реставрации надеялись, что Гитлер под давлением обстоятельств рано или поздно вынужден будет пойти на некоторые уступки.

Участившиеся сообщения о близкой кончине Гинденбурга все острее требовали от Гитлера быстрого принятия решения — не сопряженный с какими бы то ни было осложнениями переход поста президента к нему одновременно обеспечивал ему командование рейхсвером и представлял в его тактической концепции заключительный акт захвата власти. Поэтому 4 июня он еще раз встретился с Рёмом, чтобы, как это было сказано позднее в его оправдательной речи, «уберечь движение и мои СА от позора столкновения и устранить негативные моменты без тяжелых стычек». В ходе пятичасовой беседы он заклинал его «добровольно выступить против этого сумасшествия Второй революции». Но от недовольного Рёма, который не мог и не хотел соглашаться с полной утратой всех своих позиций, он, очевидно, получил всего-навсего ставшие обычными бессодержательные заверения. В то время как развернутая пропагандистская кампания против господствовавших комплексов недовольства была еще усилена и направлена не только против СА, но и против консервативных позиций буржуазии, дворянства, церкви и прежде всего монархии, явно ничего не подозревающий Рём отправился в отпуск. В приказе он уведомил своих последователей, что должен для лечения ревматизма выехать в Бад-Висзее и отправил, чтобы несколько снять напряженность положения, основную массу штурмовиков в отпуск на весь июль. Однако послание предостерегало «врагов СА» питать «обманчивые надежды», что Штурмовые отряды из отпуска не вернутся или возвратятся в сокращенном составе, и грозило им со злобещей многозначительностью дать «должный ответ». Примечательно, что имя Гитлера в приказе не упоминалось.

Вопреки всем позднейшим заверениям, Гитлер, похоже, не расставался с Рёмом в убеждении, что начальник штаба СА и его соратники провели подготовку к тому, чтобы занять столицу, захватить правительственную власть и после «многодневных боев самого кровавого характера» устранить его самого. За это говорит тот факт, что девятью днями позже он отправился в свою первую поездку в Венецию. Правда, шагая в светлом дождевике навстречу украшенному орденами

итальянскому диктатору, который, как утверждал политический анекдот, ходивший тогда в Германии, пробормотал ему «Аве, имитатор!», он производил впечатление нервного, несобранного человека в плохом настроении. Начало этих странных отношений, исполненных взаимного восхищения и, пожалуй, слепоты, в которых Гитлер стал однозначно доминировать и подчинил их своему жесткому пониманию дружбы, было исключительно неблагоприятным²⁵. То, что он в условиях якобы непосредственной угрозы путча, который мог предотвратить только он с его престижем, демагогической и политической ловкостью, отбыл за пределы страны, можно расценивать как дополнительное доказательство того, что он по меньшей мере не верил в мятеж Рёма.

Зато теперь взялись за дело другие. Опасаясь, что явно приближающаяся смерть Гинденбурга уничтожит последний шанс направить режим по более умеренному пути, закулисные консервативные круги нажали на Франца фон Папена, чтобы он немедленно дал знак к выступлению. 17 июня, когда Гитлер был в Гере на встрече с руководством партии, вице-канцлер произнес в Марбургском университете речь, подготовленную для него консервативным писателем Эдгаром Юнгом и имевшую эффект разорвавшейся бомбы. Он критиковал режим насилия и необузданный радикализм национал-социалистической революции, резко выступил против недостойного пресмыкательства и практики нивелирующей унификации, «противоестественного притязания на тоталитарность», а также плебейского неуважения к духовному труду. Далее он продолжал:

«Ни один народ не может себе позволить вечное восстание снизу, если он хочет устоять перед судом истории. В какой-то момент движение должно подойти к концу, однажды должна возникнуть прочная социальная структура, удерживаемая воедино скрепами не подвластного посторонним влияниям правосудия и пользующейся бесспорным авторитетом государственной власти. Из вечной динамики ничего не построить. Германия не должна лететь вверх ногами в неизвестность...

---

²⁵ «Жестокая дружба» — название одного описания отношений Гитлера и Муссолини, которое в свою очередь восходит к замечанию Гитлера, сделанному в апреле 1945 года. Имеется в виду книга британского историка Ф. У. Дикина: *Deakin W.F. The Brutal Friendship: Mussolini, Hitler and Fall of Fascism. Lnd., 1962.*

Правительство хорошо знает, сколько корысти, бесхарактерности, нечестности, нерыцарственности и дутых притязаний хотело бы развернуться под прикрытием немецкой революции. Оно не закрывает глаза на то, что богатое сокровище доверия, которым одарил его немецкий народ, находится под угрозой. Если хочешь быть близким к народу и связанным с ним, то нельзя недооценивать народный ум, надо отвечать на его доверие, а не обращаться с ним как с неразумным ребенком... Уверенность и желание отдать силы общему делу можно укрепить не подстрекательством людей, в особенности молодежи, не угрозами беспомощным группам народа, а только доверительным диалогом с народом... если каждое критическое высказывание не будет тут же истолковываться как злонамеренность, а на приходящих в отчаяние патриотов не будут вешать ярлык врагов государства»²⁶.

Речь произвела чрезвычайный эффект, хотя точный текст ее был почти неизвестен, так как Геббельс в последнюю минуту отменил намеченную на вечер ее трансляцию и запретил публикацию информации о ней в печати. Сам Гитлер явно воспринял выступление Папена как брошенный ему лично вызов и разразился перед своими партийными руководителями яростными угрозами. Он возбужденно клеймил «всех этих карликов» и грозил, что мощь «нашей общей идеи сметет их с дороги... Раньше у них были силы предотвратить возвышение национал-социализма; пробудившийся народ отправит их в усыпальницу... Пока они брюзжат, они нам безразличны. Но, если они когда-нибудь попытаются перейти от критики к делу и совершить хоть малейший шаг вероломства, они могут быть уверены, что будут иметь сегодня дело не с трусливой и коррумпированной буржуазией 1918 года, а с кулаком всего народа»²⁷. Когда после этого Папен потребовал своей отставки, Гитлер уклонился от прямого ответа, предложив вице-канцлеру вместе с ним посетить Гинденбурга в Нойдеке.

Действительно, складывается впечатление, что на какой-то момент Гитлер утратил ориентацию и не понимал ситуацию. Бесспорно, до него доходили выражения недовольства со стороны президента, он также знал и об озабоченности верхушки рейхсвера. Он мог не без основания подозревать, что неосмот-

---

²⁶ Фрагменты этой речи опубликованы в: *Ursachen und Folgen*, Bd. X. S. 157 ff.

²⁷ *Domarus M. Op. cit. S. 390 f.*

рительный, вечно лезущий на передний план господин фон Папен раскрыл в Марбурге тайно установленные связи и что за ним стоит вся мощь и нетерпение армейского руководства, президента и все еще сохранявших влияние консервативных кругов. 21 июня Гитлер отправился в Нойдек и вновь спровоцировал Папена, не пригласив его туда, как это было условлено двумя днями раньше. Но ведь целью визита и было подорвать опасную связь между Гинденбургом и Папеном, а также проверить настроение и решимость президента, а в этих делах вице-канцлер был бы лишь помехой. Еще до визита к президенту находящийся в Нойдеке пресс-секретарь Имперского правительства Вальтер Функ проинформировал его о типично солдатской реакции фельдмаршала: «Если Папен не может соблюдать дисциплину, то пусть делает выводы».

И сам Гинденбург, похоже, успокоил Гитлера, но инцидент в целом показал ему, что время терять нельзя²⁸. Сразу после возвращения он уехал на три дня в Оберзальцберг, чтобы обдумать ситуацию, и, судя по всему, принял решение перейти в наступление и также наметил срок начала акции. 26 июня, вернувшись в Берлин, Гитлер тут же приказал арестовать Эдгара Юнга, а когда Папен снова захотел пожаловаться, он, недолго думая, велел сказать, что его нет на месте. Погрозив соседнему зданию, где работал вице-канцлер, он сказал Альфреду Розенбергу, который был как раз в саду Имперской канцелярии: «Да, вон откуда все идет, дайте только время и я разнесу всю эту контору»²⁹.

До и во время этих событий произошли инциденты, которые еще больше повысили напряженность. Уже в начале июня СС и СД получили указание пристально наблюдать за

---

²⁸ Другие исследователи несколько иначе описывают эту встречу Гитлера с Гинденбургом. Вот, например, рассказ У. Ширера: «Прием, который ему был там оказан, лишь усилил его тревогу. Взглянув на встретившего его генерала фон Бломберга, фюрер сразу заметил, что с лица министра обороны исчезло обычное выражение подобострастия. Бломберг, преобразившийся вдруг в сурового прусского генерала, резким тоном информировал Гитлера, что фельдмаршал поручил ему заявить: если нынешняя напряженная обстановка в стране не будет в ближайшее время ликвидирована, то президент объявит военное положение и передаст власть армии. Гитлеру разрешили пройти к Гинденбургу на несколько минут. В присутствии Бломберга президент повторил свой ультиматум». См. *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1. М., 1991. С. 257. — *Прим. науч. ред.*

²⁹ *Rosenberg A.* Das politische Tagebuch. S. 32 (запись от 28.7.1934).

СА и стали готовиться к операции. Комендант лагеря Дахау эсэсовец Эйке провел со своими командирами штабные учения по планируемой операции в районе Мюнхена, Лехвельда и Бад-Висзее. Ходили слухи о связях Рёма с Шлейхером. Бывшему канцлеру Брюнингу тайно намекнули, что его жизнь в опасности, и он тайно покинул Германию. Шлейхер, который получил многочисленные аналогичные сигналы, хотя и удалился на некоторое время из Берлина, однако скоро вернулся и отказался от приглашения своего друга полковника Отта съездить в Японию, он не хотел стать «беглым»³⁰. Между Гиммлером, его явно рвущимся на передний план помощником Рейнгардом Гейдрихом³¹, Герингом и Бломбергом циркулировал так называемый общеимперский список с именами людей, которых в известный момент намечалось арестовать или ликвидировать. Гейдрих и один из руководителей СД Вернер Бест³² не смогли при этом договориться, как быть с мюнхенским обергруппенфюрером СА Шнейдхубером, которого один считал «приличным и верным», а другой — «таким же опасным», как и остальные. В то время как Лютце обсуждал с Гитлером, ликвидировать ли самую верхушку или же более широкий круг «главных виновников», и позже жаловался на гнусность СС, которые первоначальный список из семи жертв по субъективным причинам и соображениям мести расширили до 17, а в конце концов и до более чем 80 человек³³. 23 июня на стол отдела контрразведки Военного министерства при таинственных обстоятельствах попал сфабрикованный секретный приказ Рёма, который призывал Штурмовые отряды братья за оружие. Этот документ был разоблачен как фальшивка уже по той причине, что в перечне его рассылки были указаны заклятые враги Рёма — Гиммлер и Гейдрих. Примерно в тот же день руководитель СА в Силезии Эдмунд Хейнес получил сообщение, что рейхс-

---

³⁰ См. ссылку у В. Зауэра. In: *Bracher K.D. Machtergreifung*. S. 923.

³¹ Бригадефюрер СС Рейнгард Тристан Ойген Гейдрих (7.3.1904—4.6.1942) к этому времени возглавлял Управление СД и одновременно руководил как баварской, так и прусской тайной государственной полицией. — *Прим. науч. ред.*

³² Штурмбаннфюрер СС Вернер Бест (10.7.1903—23.6.1989) с апреля 1934 года руководил СД на Юге Германии. Позже — один из создателей Главного управления имперской безопасности. — *Прим. науч. ред.*

³³ Ebd. S. 954.

вер готовится к действиям против СА, в то время как до командующего военного округа в Бреслау генерала фон Клейста³⁴ дошли известия, из которых складывалась «картина лихорадочных приготовлений СА»³⁵. Почти каждый день в речах по радио или на митингах звучали предупреждения в адрес поборников «Второй революции» и консервативной оппозиции. 21 июня Геббельс заявил на празднике солнцестояния на Берлинском стадионе: «Этому сорту людей импонирует только сила, самоуверенность и сила. Они это увидят!.. Им не остановить поступь века. Мы перешагнем через них». Четырьмя днями позже Гесс обратился по радио к «играющим в революцию», которые не доверяют «великому стратегу революции» Адольфу Гитлеру: «горе нарушающим долг верности!» 26 июня на собрании в Гамбурге Геринг отверг все планы восстановления монархии: «У нас, живых, есть Адольф Гитлер!», он пригрозил «реакционной своре»: «Когда чаша терпения переполнится, я нанесу удар! Мы работали, как никто еще не работал, потому что за нами стоит народ, который доверяет нам... Кто согрешит против этого доверия, лишит себя головы». Еще одно высказывание, на этот раз Гесса, в пророческом ключе: «уход национал-социализма с политической сцены немецкого народа» вызовет «европейский хаос»³⁶.

Будто управляемые уверенной рукой, события с этого момента устремились к кульминационной точке. Пока СА, где никто ничего не подозревал, готовились к своему отпуску, Рём

---

³⁴ Имеется в виду генерал-лейтенант Эвальд фон Клейст (8.8.1881—15.10.1954). Однако автор ошибается — на тот момент Клейст командовал 2-й кавалерийской дивизией, дислоцированной в Бреслау. 1 мая 1935 года дивизия была расформирована, а на базе ее штаба создано командование VIII военного округа и VIII армейского корпуса во главе с тем же Клейстом. — *Прим. науч. ред.*

³⁵ См.: *Krausnick H.* Op. cit. S. 321. Однако на этот раз у закулисных режиссеров случился прокол, что позволило заглянуть за кулисы событий; фон Клейст и Хайнес встретились для откровенного разговора, в ходе которого у них обоих, как заметил позднее Клейст, зарчалось подозрение, «что нас... натравливает друг на друга... какая-то третья сторона — я подумал о Гиммлере — и что многие сведения исходят от него»; фон Клейст дал эти показания на Нюрнбергском процессе; здесь цит. по: *Bennecke H.* Die Reichswentg und der «Röhm-Putsch». Wien, 1964. S. 85.

³⁶ См.: *Das Archiv*, 1934, Juni. S. 316 ff.; там приводятся и другие высказывания подобного рода.

и его ближайшее окружение разместились в пансионе вдовы Хансльбауэр в Бад-Висзее. 25 июня Имперский союз немецких офицеров исключил Рёма из своих рядов и тем самым, если смотреть строго с точки зрения чести союза, как бы дал добро на его ликвидацию. На следующий день Гиммлер уведомил всех руководителей оберабшнитов СС и СД о «предстоящем бунте СА во главе с Рёмом», в котором, по его словам, примут участие и другие оппозиционные группы³⁷. Днем позже группенфюрер СС Зепп Дитрих, командир охранного батальона СС в Берлине³⁸, обратился к начальнику организационного отдела сухопутных войск с просьбой о выделении дополнительного вооружения для выполнения секретного задания фюрера. Чтобы придать заявке большую убедительность, Дитрих представил составленный СА список подлежащих ликвидации, в котором было имя самого начальника отдела. Чтобы устранить все возникающие сомнения, Рейхенау, точно так же как Гиммлер, вводил людей в заблуждение, обманывал и прибегал к многочисленным запугивающим выдумкам. Скоро стали ходить слухи, что СА грозили «прикончить» всех старших офицеров³⁹.

Тем временем о якобы предстоящем путче СА были уведомлены и более широкие круги командования рейхсвера, которому было сообщено, что СС находится на стороне армии и поэтому им в случае необходимости следует выдать оружие. Согласно приказу генерал-лейтенанта Бека⁴⁰ от 29 июня все офицеры на Беендлерштрассе должны были иметь при себе пистолеты. В тот же день «Фёлькишер Беобахтер» опубликовала статью Бломберга, в которой он заверил Гитлера о безусловной поддержке рейхсвера одновременно и просил Гитлера выступить против СА.

Теперь было готово все: СА оставались в неведении, СС и СД с рейхсвером за спиной готовы начать действовать, консерваторы запуганы, а больной, с признаками старческо-

---

³⁷ *Krausnick H.* Op. cit. S. 321.

³⁸ К тому времени на основе штабной охраны СС под руководством Зеппа Дитриха был уже сформирован «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер».

³⁹ *Sauer W.* In: *Bracher K.D.* *Machtergreifung.* S. 958.

⁴⁰ Генерал-лейтенант Людвиг Бек на тот момент занимал пост начальника Войскового управления Министерства рейхсвера — под этим названием скрывался Генеральный штаб, который Германии было запрещено иметь по условиям Версальского мира. — *Прим. науч. ред.*

го слабоумия президент отдыхает в далеком Нойдеке. Последняя попытка некоторых сотрудников Папена проникнуть к Гинденбургу и добиться введения чрезвычайного положения сорвалась из-за трусости и глупости Оскара фон Гинденбурга. Сам Гитлер покинул Берлин ранним утром 28 июня, чтобы, как он заявил позже, «создать полное впечатление (sic!) абсолютного спокойствия и не встревожить предателей»⁴¹. Несколько часов позже он был свидетелем на свадьбе гаулейтера Тербовена⁴², но теперь вокруг него разворачивалась бурная активность, в то время как он сам вновь и вновь впадал в угрюмую задумчивость, как бы абстрагировавшись от происходящего. Вечером он позвонил Рёму и приказал собрать всех старших командиров в субботу, 30 июня, для откровенного разговора. Телефонный разговор проходил явно в примирительном духе, ибо Рём вернулся к своим собравшимся в Виссее соратникам, по рассказам, с «весьма довольным» видом.

Закулисным режиссерам не хватало лишь одного — мятежа, против которого якобы были направлены все их обширные приготовления. В действительности СА по-прежнему вели себя спокойно, тем более что их значительная часть уже ушла в отпуск. Продолжавшаяся неделями слежка СД не дала никаких результатов, которые могли бы оправдать кровавую расправу. 29 июня Гитлер поехал в Бад-Годесберг, а Геринг приказал своим берлинским подразделениям находиться в боевой готовности, Гиммлер сам разыграл предусмотренный сценарием, но так пока и не состоявшийся «мятеж» СА⁴³. Получив написанные от руки анонимные записки, на улицы внезапно вышли части мюнхенских СА и стали бесцельно маршировать, и хотя вскоре вызванные, сбитые с толку ко-

---

⁴¹ Цит. по: Das Archiv, 1934, Juni. S. 327. Там же содержатся и все цитируемые ниже официальные заявления, касающиеся этих событий.

⁴² Йозеф Антон Генрих Тербовен (23.5.1898—8.5.1945) с августа 1928 года и до мая 1945 года являлся гаулейтером Эссена. В 1940—1945 — также имперский комиссар Норвегии. Покончил жизнь самоубийством. — *Прим. науч. ред.*

⁴³ Вопрос о личности того, кто был организатором мюнхенского «мятежа», до сих пор до конца не выяснен. Помимо Гиммлера некоторые улики говорят против мюнхенского гаулейтера Вагнера, который, однако, опять-таки не мог бы действовать без наущения со стороны Гиммлера.

мандиры вернули своих людей в казармы, мюнхенский гаулейтер Вагнер⁴⁴ теперь имел возможность доложить в Бад-Годесберг о выступлении якобы начавших путч СА. Когда ему (вскоре после полуночи) передали это известие, Гитлер присутствовал при построении членов Национал-социалистической рабочей службы на обращенной к Рейну площади перед гостиницей «Дрезден» и наблюдал, как на противоположном склоне горы 600 мобилизованных с факелами в руках образуют пылающую свастику. Одновременно поступило сообщение от Гиммлера, что берлинские СА запланировали захватить в ходе налета во второй половине дня правительственный квартал. «При таких обстоятельствах я мог принять только одно решение, — заявил Гитлер, — только беспощадная и кровавая акция была еще способна подавить распространение бунта».

Правда, можно себе представить, что оба сообщения действительно пробудили опасения Гитлера, что Рём раскусил его игру и готовит контрудар. До сегодняшнего дня не ясно, до какой степени его держали в заблуждении и неверно ориентировали другие, в особенности Гиммлер, который упорно и беззастенчиво плел интриги против руководства СА, подготавливая свое собственное возвышение. Во всяком случае, Гитлер изменил свои планы: вместо того чтобы лететь в Мюнхен утром, он отправился туда немедленно. Примерно в четыре часа, когда уже стало светать, он прибыл в город в сопровождении Геббельса, Отто Дитриха и Виктора Лютце. Операция началась. В здании баварского Министерства внутренних дел он в приступе истерики набросился на приведенных туда, якобы бунтовавших прошлым вечером обергруппенфюрера СА Шнейдхубера и группенфюрера СА Шмида⁴⁵, сорвал с них знаки различия и приказал отправить в Штадельгеймскую тюрьму.

---

⁴⁴ Адольф Вагнер (1.10.1890—12.4.1944) был «старым бойцом» и участником «Пивного путча». С 1929 года — гаулейтер Мюнхена, с 1930 года — Мюнхена — Верхней Баварии. В середине июля 1942 года Вагнера разбил паралич и он фактически отошел от дел, хотя и продолжал считаться гаулейтером до своей смерти. Погиб в автокатастрофе. — *Прим. науч. ред.*

⁴⁵ Группенфюрер СА Вильгельм Шмид (3.6.1889—30.6.1934) был начальником отдела личного состава Верховного командования СА и одновременно руководителем группы СА «Хохланд». — *Прим. науч. ред.*

Сразу после этого в сопровождении длинной вереницы автомашин он отправился в Бад-Висзее. «С плеткой в руке, — как описывал этот эпизод его водитель Эрих Кемпка, — Гитлер вошел в спальню Рёма, за ним два инспектора уголовной полиции с пистолетами, снятыми с предохранителя. Он выдал из себя слова: «Рём, ты арестован!» Рём заспанно выглянул из подушек своей постели и пробормотал: «Хайль, мой фюрер!» «Ты арестован!» — проревел Гитлер второй раз, повернулся и вышел из комнаты»⁴⁶. То же самое произошло и с другими находившимися здесь руководителями СА. Только один-единственный руководитель силезских СА Эдмунд Хейнес, которого застали в постели с молодым человеком, оказал сопротивление. Прибывших Гитлер перехватывал на обратном пути и тоже отправлял в Штадельхейм, всего набралось около двухсот старших командиров СА со всех частей страны. Примерно в десять часов Геббельс позвонил в Берлин и передал пароль «Колибри». После этого Геринг, Гимлер и Гейдрих пустили в дело свои отряды. Указанных в «общейимперском списке» командиров СА хватали, доставляли в кадетский корпус в Берлине-Лихтерфельде и там — в отличие от мюнхенских камрадов, без церемоний — шеренгами расстреливали у стены.

Тем временем Гитлер прибыл в «Коричневый дом» и после короткой речи перед наспех собранными партийными бонзами тут же начал пропагандистское управление процессом. Он несколько часов подряд диктовал в окруженном сильными отрядами здании распоряжения, приказы, а также официальные заявления, в которых он сам фигурировал в третьем лице, как «фюрер». В спешке он допустил примечательную оплошность: вопреки более поздней, официальной версии событий, которая до сих пор имеет широкое хождение, ни в одном из многочисленных заявлений 30 июня не идет речь о путче или попытке путча Рёма. Вместо этого упоминаются «тяжелейшие оплошности», «противоречия», «болезненные предрасположения», и хотя порой появляется формулировка «заговор», преобладает все-таки впечатление, что акция имела в своей основе скорее моральные мотивы. «Фюрер дал приказ беспощадно удалить эту чумную язву, — описывал Гитлер свои действия при помощи неудачного образа, — он не потер-

---

⁴⁶ Сообщение Эриха Кемпки, опубликовано в: Ursachen und Folgen. Bd. X. S. 168 ff.

пит больше в будущем, чтобы репутация миллионов приличных людей страдала и компрометировалась отдельными лицами с болезненными наклонностями»⁴⁷.

Многие руководители СА до последнего момента не могли понять, что происходит, — они не планировали ни путча, ни заговора, а их мораль никогда не была предметом обсуждения и тем более критики со стороны Гитлера. Например, берлинский группенфюрер СА Эрнст⁴⁸, который, согласно донесениям Гиммлера, планировал на вторую половину дня нападение на правительственный квартал, на самом деле находился в Бремене и собирался в свадебное путешествие. Незадолго до отплытия судна его арестовали, и он, полагая, что это грубая шутка его товарищей, смеялся над ней от всей души. Самолетом его доставили в Берлин, после посадки он, смеясь, показывая наручники и перебрасываясь шутками с командой эсэсовцев, сел в подкатившую полицейскую машину. Специальные номера газет, которые продавались перед зданием аэропорта, уже сообщали о его смерти, но Эрнст все еще ничего не подозревал. Через полчаса он упал мертвым у стены в Лихтерфельде, не веря до последнего мгновения в случившееся, с недоуменным «Хайль Гитлер!» на устах.

Вечером Гитлер вылетел назад в Берлин. Предварительно он поручил Зеппу Дитриху потребовать в Штадельхейме выдачи лиц, чьи имена были помечены на сопроводительном списке крестом, и немедленно казнить их. Благодаря вмешательству баварского министра юстиции Ганса Франка удалось, если верить его свидетельствам, сократить число жертв⁴⁹, в то время как имперский наместник фон Эпп, в штабе которого Рём вырос в заметную фигуру в качестве друга рвущегося наверх демагога Гитлера, безуспешно пытался отговорить Гитлера от кровавого решения. Вероятно, его заступничеством объясняется тот факт, что Гитлер опять засомневался и отложил решение судьбы Рёма.

В Берлине Гитлера в перекрытом аэропорту Темпельхоф встречала большая делегация. Один из участников событий записал по свежим следам свои впечатления от прибытия:

---

⁴⁷ *Domarus M.* Op. cit. S. 399.

⁴⁸ Группенфюрер СА Карл Эрнст (1.9.1904—30.6.1934) с 1931 года являлся руководителем группы СА «Берлин», а в 1933—1934 годах одновременно возглавлял III обергруппу СА (со штаб-квартирой в Берлине). — *Прим. науч. ред.*

⁴⁹ *Frank H.* Op. cit. S. 142 f.

«Звучат команды. Рота почетного караула берет винтовки “на караул”. Геринг, Гиммлер, Кернер, Фрик, Далюге и около двадцати офицеров полиции идут к самолету. И вот уже открывается дверь и первым выходит Адольф Гитлер. Он является собой “уникальное” зрелище. Коричневая рубашка, черный галстук, темно-коричневое кожаное пальто, высокие черные армейские сапоги, все в темных тонах. Непокрытая голова, бледное, как мел, лицо, по которому видно, что эти ночи он не спал, небритый, лицо кажется одновременно и осунувшимся и опухшим... Гитлер молча подает руку каждому стоящему поблизости. В полной тишине — кажется, все затаили дыхание — слышно только шелканье каблук»⁵⁰.

Полный нетерпения и возмущения, Гитлер прямо в аэропорту затребовал список ликвидированных. «Раз уж подвернулась такая “уникальная возможность”», как показал позже один из участников событий⁵¹, Геринг и Гиммлер расширили круг убийств далеко за пределы «рёмовских путчистов». Папен спасся только благодаря своим личным связям с Гинденбургом, тем не менее он был взят под домашний арест, невзирая на его пост вице-канцлера и все протесты. Два его ближайших сотрудника — личный секретарь фон Бозе и Эдгар Юнг — были застрелены. За своим рабочим столом в Министерстве транспорта был убит министериальдиректор Эрих Клаузенер, руководитель объединения «Католическое действие», другая группа отыскала Грегора Штрассера на фармацевтической фабрике, препроводила его в центральное здание гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе и убила в подвале дома. В обед группа убийц проникла на виллу Шлейхера в Ной-Бабельсберге, спросила сидящего за письменным столом, не он ли генерал фон Шлейхер, и сразу, не дожидаясь ответа, открыла огонь, была застрелена и фрау фон Шлейхер. В списке убитых были далее сотрудник экс-канцлера генерал фон Бредов, бывший генеральный государственный комиссар Баварии фон Кар, о «предательстве» которого 9 ноября 1923 года Гитлер никогда не забывал, и патер Штемпфле, который был одним из редакторов «Майн Кампф», но потом отошел от партии. Затем — инженер Отто Баллершtedт, ко-

---

⁵⁰ *Gisevius H.B.* Bis zum bitteren Ende, цит. по: *ero* же. Adolf Hitler. S. 291.

⁵¹ Показания Германа Вильда от 4.7.1949; цит. по: *Mau H.* Die «zweite Revolution» — der 30. Juni 1934. In: *VJHfZ*, 1953. Н. 1. S. 134.

торый перешел дорогу партии Гитлера в период его восхождения, и, наконец, не имевший ровным счетом никакого отношения к этим делам музыкальный критик доктор Вилли Шмид, которого спутали с группенфюрером СА Вильгельмом Шмидом. Свирепее всего волна убийств бесчинствовала, похоже, в Силезии, где руководитель СС Удо фон Войрш⁵² потерял контроль над своими частями. Примечательно, что людей часто убивали прямо на месте, в конторах, частных квартирах, на улице, со звериной небрежностью, многие трупы обнаруживались лишь спустя несколько недель в лесах или водоемах. 30 июня сторонникам Рёма были поставлены в вину даже антисемитские выходки: три штурмовика, которые случайно как раз в этот день осквернили еврейское кладбище, были исключены из партийной армии и приговорены к одному году тюрьмы⁵³.

До сегодняшнего дня неясно, был ли согласен Гитлер в каждом отдельном случае с самоуправством, которым похвалялся Геринг уже на пресс-конференции в тот же день. По сути дела, эта акция по убийству противников означала нарушение его тактического императива строгой законности, и каждая дополнительная жертва делала его еще более чувствительным. Целые годы он изощрялся во всех способах перевоплощения, отучился от старых диких манер и с терпеливой тщательностью создал бутафорский антураж, на фоне которого он выступал в роли хотя бы и властного, но знающего меру политика. Теперь, когда до тотальной полноты власти и постов остался лишь один небольшой шаг, он рисковал лишиться с таким трудом приобретенного кредита одним актом саморазоблачения, показав себя вместе с другими актерами

---

⁵² Удо фон Войрш (24.7.1895—14.1.1983) был одним из первых членов СС и в марте 1932 года возглавил оберабшнит СС «Юго-Восток». В сентябре — ноябре 1939 года — высший начальник полицейских отрядов и эйнзатцгруппы, которые действовали в Польше. В 1940—1944 годах — высший руководитель СС и полиции и командир оберабшнита СС «Эльба» (Дрезден); обергруппенфюрер СС и генерал полиции. — *Прим. науч. ред.*

⁵³ *Heyen F.* Op. cit. S. 129. Общее количество жертв этих двух дней до сих пор не установлено. В официальных данных говорилось о 77 жертвах, однако реальная цифра была, видимо, раза в два больше. Те оценки, согласно которым погибли 400 или даже 1000 человек, явно завышены. См. в этой связи: *Amtliche Totenliste vom 30. Juni 1934, IfZ München. Sign. MA-134. Bl. 103458-64.*

легальной революции без какой-либо маскировки, во всей непреклонности своих притязаний на власть. Не в последнюю очередь в этих соображениях следует, вероятно, искать прежде всего причину того, что Гитлер, согласно некоторым намекам, пытался внести скорее умеренность, и число жертв, если принять во внимание продиктованную техникой власти цель 30 июня, осталось, во всяком случае, относительно низким⁵⁴.

Тем не менее Гитлер без каких-либо серьезных возражений одобрял расширение масштабов расправы, и наверняка линия на то, чтобы стрелять всех подряд, отвечала его замыслу, чтобы ни одна сторона не надеялась выиграть от этого кризиса. Это объясняет варварскую неразборчивость убийств, манеру оставлять трупы на месте расправы, демонстративное наличие следов убийц, ровно как полный отказ от всякой видимости законности. Не было никаких процессов, никакого определения вины, никакого приговора, а было только атавистическое бешенство, неразборчивость которого Рудольф Гесс пытался позже оправдать следующим образом: «В часы, когда речь идет о том, быть или не быть немецкому народу, нельзя было определить вину отдельного человека судом. При всей жестокости был глубокий смысл в том, что до сих пор за мятежи среди солдат казнили каждого десятого, не спрашивая, виноват он или нет»⁵⁵.

Стало быть, и здесь Гитлер ориентировался полностью на укрепление своей власти. Безусловно, не правы были современники, считавшие его кровожадным садистом, который придавал своей одержимости убийствами некий эстетический привкус ссылками на не знавших никаких ограничителей государей эпохи Возрождения⁵⁶. Явно ошибаются и те,

---

⁵⁴ См., например, упомянутое выше свидетельство Виктора Лутце. В других показаниях и сообщениях участников тоже говорится о том, что Геринг, Гиммлер и Гейдрих были подлинной движущей и приумножающей число жертв силой. А. Розенберг утверждал в этой связи, что, например, насчет убийства Грегора Штрассера «не было никакого приказа» Гитлера и тот в конечном счете начал следствие, «чтобы привлечь виновных к ответу». См.: *Rosenberg A. Das politische Tagebuch*. S. 36.

⁵⁵ Цит. по: *Heiden K. Hitler*, Bd. I. S. 456 f.

⁵⁶ См., например: *Strasser O. Mein Kampf*. S. 98. По словам О. Штрассера, Гитлер восторгался Чезаре Борджиа и как-то раз со смаком пересказывал, как тот пригласил своих кондотьеров на званый обед, чтобы помириться с ними, «как все они явились, эти господа из знатнейших

кто видят его духовно безучастным, с холодностью эмоционального импотента устраняющим долголетних товарищей, приверженцев и друзей, с которыми был на «ты». На самом деле первая характеристика скорее подходит Герингу, а вторая — Гиммлеру, они оба выполняли свое кровавое дело в едином ключе полного отсутствия этики. В отличие от них Гитлер испытывал значительное внутреннее давление. Все, кто встречался с ним в эти дни, отмечали его исключительную возбужденность, сквозившую в каждом движении взвинченность. Он сам в оправдательной речи перед Рейхстагом говорил о «тяжелейших решениях» своей жизни, и, судя по всему, еще и спустя несколько месяцев, например, на овеванной таинственностью конференции 3 января 1935 года, призывая в драматическом выступлении срочно собранную верхушку партии и вермахта к единству, видел перед собой призраки убитых друзей и сторонников. Здесь, как и во многих других случаях, стало заметно, что его нервы не столь холодны, как моральное сознание. Соответственно его часто провозглашавшемуся девизу — всегда бить быстрее и жестче, чем противник, — прошедшая без единого сбоя акция 30 июня также основывалась на принципе серии наступательных ударов и его неизменной механике; тем примечательнее колебания Гитлера, прежде чем он отдал приказ о первой казни семи руководителей СА, и его вновь проявившиеся колебания перед убийством Рёма. И в том и другом случае его поведение можно удовлетворительно объяснить только эмоциональными мотивами, проявлениями эмоциональной привязанности, которые по меньшей мере на несколько часов оказались сильнее требований укрепления власти.

В воскресенье, 1 июля, Гитлер, однако, преодолел неуверенность предшествующего дня и опять овладел собой. Он все вновь и вновь появлялся около полудня в историчес-

---

дворянских родов, как их усадили за стол, праздновать примирение, — а в двенадцать часов Чезаре Борджиа встал и объявил, что отныне все распри позади, и тут-то к каждому из гостей подошли сзади двое в черном и привязали главарей-кондотьеров к стульям. И тогда Борджиа, переходя от одного связанного к другому поубивал их всех по очереди», — так заканчивает этот рассказ Штрассер; это свидетельство не заслуживает большого доверия, в крайнем случае можно допустить, что Гитлер рассказал эту историю под настроение. Но тогда она лишается той характеристики, которую вкладывает в нее Штрассер.

ком окне Имперской канцелярии перед собранной Геббельсом толпой и даже дал во второй половине дня прием в саду для партийной верхушки и членов кабинета, на который он пригласил их с женами и детьми. Не трудно предположить, что он хотел продемонстрировать подобным образом не только вновь обретенную уверенность и возвращение в будничную колею, но и сам хотел укрыться за кулисы самой непринужденной нормальности от реальности убийств. В то время как в Лихтерфельде, в нескольких километрах от Имперской канцелярии, все еще трудились команды палачей, он расхаживал в приподнятом настроении среди своих гостей, болтал о том о сем, пил чай, ласкал детишек, но при всем этом он словно затаил дыхание, убегая от реальности. В этой сцене — момент глубинной психологии, в памяти без труда всплывает лик кого-нибудь из отрицательных шекспировских героев, которым не по силам вызванное ими к жизни зло. В этом искусственном, иллюзорном мире, который он наспех создал, он, очевидно, и отдал приказ убить Эрнста Рема, все еще ожидавшего своей участи в Штадельхеймской камере. Незадолго до 18 часов в камеру вошли Теодор Эйке и гауптштурмфюрер СС Михаэль Липперт, это было после того, как Рудольф Гесс безуспешно пытался получить это задание на ликвидацию⁵⁷. Вместе с самым свежим номером «Фёлькишер Беобахтер», которая в самом броском оформлении сообщала о событиях прошлого дня, они положили Рёму на стол пистолет и дали десять минут времени. Поскольку все оставалось спокойно, тюремному надзирателю приказали вынести оружие из камеры. Когда, наконец, Эйке и Липперт шагнули в камеру, Рём стоял посередине ее с патетически разорванной на груди рубашкой.

Как бы отвратительны ни были обстоятельства, определяющие характер этого убийства друга, надо все же задаться вопросом, а был ли у Гитлера другой выбор? Как бы далеко ни хотел пойти Рём в построении государства СА, его подлинной целью, вне всякой идеологической мишуры, был примат солдата определенного мировоззрения. Со своим несокрушимым сознанием теснившейся за ним многомилли-

---

⁵⁷ Свидетельство А. Розенберга: *Rosenberg A. Das politische Tagebuch*. S. 34; если верить Розенбергу, Гитлер не собирался расстреливать и Рёма, однако Рудольф Гесс и Макс Аманн переубедили его («Нужно покончить с этой самой грязной свиньей»).

онной армии приверженцев он был не в состоянии понять, что его честолюбие метило слишком высоко, он должен был наткнуться на ожесточенное сопротивление как партийных организаций, так и рейхсвера и вызвать по меньшей мере пассивное сопротивление широкой общественности. Хотя он считал себя еще лояльным Гитлеру, превращение объективного противоречия в личное было лишь вопросом времени. Своим проницательным умом тактика Гитлер мгновенно уловил, что намерения Рёма угрожают его собственной позиции. После ухода Грегора Штрассера начальник штаба СА был единственным человеком, который сохранил свою личную независимость от него и не поддавался магии его воли. Он был единственным серьезным противником Гитлера, и было бы нарушением всех принципов тактики дать ему столько власти, сколько он требовал. Конечно, Рём никакого путча не планировал. Но со своим особым самосознанием и огромной силой за спиной он воплощал в глазах недоверчивого Гитлера постоянную потенциальную угрозу путча.

С другой стороны, Рёма нельзя было просто сместить или отстранить от дел. Он был не каким-нибудь младшим командиром, и тот мятеж, которым Гитлер позднее оправдывал проведенную акцию, был бы, вероятно, на самом деле вызван попыткой лишить начальника штаба СА власти. И даже если бы удалось убрать Рёма из реальной политики, он все равно представлял бы постоянную угрозу: он располагал связями и влиятельными друзьями. Судебный процесс тоже мало подходил как вариант — не только потому, что Гитлер после исхода процесса, связанного с пожаром Рейхстага, не особенно доверял юстиции, но в связи с тем, что для него была нестерпима мысль предоставить близкому и наверняка решившемуся не останавливаться ни перед чем другу возможность публичной самозащиты. Именно долголетняя дружба придавала Рёму такую силу, но и не оставляла Гитлеру другого выхода. Уже примерно тремя годами позже он заявил, что ему пришлось «с большою уничтожить этого человека и его сторонников», а по другому случаю, в кругу высокопоставленных партийных руководителей, он отметил несомненный вклад этого высокоодаренного организатора в восхождение НСДАП и завоевание ею власти: если когда-нибудь будет написана история национал-социалистического движения, надо будет

постоянно вспоминать о Рёме как о человеке номер два рядом с ним⁵⁸.

Следовательно, по законам этой партии оставалась только «широкомасштабная расправа по приговору тайного судилища»⁵⁹. Тот, кто примет в расчет, что Рём не мог просто так оставить свои позиции — должен был принимать во внимание динамику и жажду миллионов своих сторонников получить положенное им. Тот, кто учитывает объективно необходимые факторы, которым были подчинены оба контрагента, не может не увидеть налета трагизма в кровавом деле лета 1934 года, — кстати, единственный раз в жизни Гитлера, к которой это определение не подходит по отнюдь не случайным причинам.

Внутренние и внешние последствия превратили 30 июня 1934 года в решающую веху захвата власти национал-социалистами после 30 января, хотя Гитлер стал немедленно камуфлировать значение события картинками восстановленной нормальной жизни. Уже 2 июля Геринг приказал всем полицейским управлениям «сжечь... все дела, связанные с акциями двух последних дней»⁶⁰. Распоряжением Министерства пропаганды в прессе запрещалось публиковать объявления о смерти убитых или «застреленных при попытке к бегству». На заседании 3 июля Гитлер как бы между делом добился санкционирования преступления, внеся на рассмотрение среди более чем двадцати законов скорее второстепенного свойства один, состоявший из одного единственного параграфа: «Меры, принятые для подавления нападений 30 июня, 1 и 2 июля 1934 года, представлявших собой государственную измену и измену Родине, считать законными как принятые для необходимой обороны государства».

Однако Гитлер, похоже, быстро уловил, что все рвение по камуфлированию было напрасным. Некоторое время он про-

---

⁵⁸ См.: Mau H. Die «Zweite Revolution» — der 30. Juni 1934. In: VJNFZ, 1953. Н. 1. S. 126, а также: Domarus M. Op. cit. S. 424. Примечательно, что и в более поздние годы Гитлер никогда не объяснял убийство Рёма его моральными проступками или намерениями СА устроить путч, а называл в качестве причины строптивость Рёма и военно-политические разногласия с ним.

⁵⁹ Sauer W. In: Bracher K.D. Machtergreifung. S. 934 f. Зауэр тоже придерживается той точки зрения, что у Гитлера, исходя из создавшейся ситуации, не было иного выбора, кроме как убийства Рёма.

⁶⁰ Gisevius H.B. Bis zum bitteren Ende. S. 270; см. также: Meissner O. Op. cit. S. 370.

изводил растерянное впечатление, ему, наверное, стоило немалых усилий забыть убийство Рёма и Штрассера. Иначе вряд ли объяснить его десятидневное молчание, которое противоречило всем правилам психологии и пропаганды. Многочасовая оправдательная речь, с которой он, наконец, выступил 13 июля перед Рейхстагом, также обращала на себя внимание прежде всего многочисленными несуразностями, пропусками звеньев в цепочке объяснений, а также властной жестикуляцией; она принадлежала к числу наиболее слабых достижений его риторики. После пространного вступления, в котором резюмировались его заботы и заслуги, Гитлер снова прибег к самому надежному средству своей риторики, заклипаниям насчет коммунистической опасности, не преминув объявить ей столетнюю войну на истребление. Он свалил всю вину на Рёма, который постоянно ставил его перед неприемлемыми альтернативами, а также допускал и поощрял в своем окружении коррупцию, гомосексуализм и извращения. Он говорил о деструктивных, лишенных корней элементах, которые «утратили всякую внутреннюю связь с упорядоченным человеческим обществом», и «стали революционерами, которые хотели революции ради революции, видя в ней хроническое состояние». Но революция, продолжал Гитлер, «не является для нас перманентным состоянием. Если естественному развитию народа насильно создается смертельно опасное препятствие, то искусственно прерванная эволюция может актом насилия опять открыть себе русло свободного естественного развития. Не может быть... благоприятного развития при помощи периодически повторяющихся бунтов». Он еще раз осудил рёмовскую концепцию национал-социалистической армии и заверил рейхсвер, ссылаясь на данное рейхспрезиденту обещание: «В государстве есть только один носитель оружия — рейхсвер, и только один носитель политической воли — это Национал-социалистическая партия».

Лишь приближаясь к концу речи, Гитлер после пространных оправданий начал переходить в наступление: «Бунты подавляются по извечно одинаковым железным законам. Если кто-нибудь упрекнет меня в том, что мы не провели эти дела через обычные суды, то я могу сказать ему только одно: в этот час я нес ответственность за судьбу немецкой нации и был в силу этого высшим судьей немецкого народа!.. Я приказал расстрелять главных виновников этого предательства, и я приказал выжечь язвы... внутренней заразы до здоровой

ткани... Нация должна знать, что никто не смеет безнаказанно угрожать ее существованию, а оно гарантируется ее внутренним порядком и безопасностью! И каждый должен навсегда запомнить, что, если он поднимет руку на государство, его неминуемой участью будет смерть».

Необычная неуверенность Гитлера, которая все еще ощущается даже в таких пассажах, отражала не в последнюю очередь кое-что от глубокого ужаса общественности, вызванного событиями 30 июня. Казалось, что она инстинктивно уловила, что с этого дня началась новая фаза и что ей предстоит сомнительные авантюры, опасности и тревоги. До сих пор заблуждения относительно природы режима были вполне понятны; разнообразные иллюзии, исходившие из того, что беззаконие и террор представляли собой лишь неизбежные и ограниченные временем сопутствовавшие обстоятельства революции, которая в целом была однозначно нацелена на установление порядка, могли опираться на многочисленные причины. И только теперь было развеяно право на политическую ошибку: убийство как средство государственной политики разрушало возможность безоглядной веры, тем более что и Гитлер в своей речи не делал секрета из своих злодеяний и заявил о своей претензии на роль «верховного судьи», беспрепятственно распоряжающегося жизнью и смертью. С этого момента не существовало ни правовых, ни моральных механизмов защиты от радикализирующейся воли Гитлера и режима. Явным подтверждением этих тенденций стало то, что все сообщники от Гиммлера и Зеппа Дитриха до эсэсовских палачей низшего звена получили вознаграждения или поощрения, а 4 июля были награждены в Берлине на специальной церемонии «почетным кинжалом»⁶¹. Констатация непосредственной взаимосвязи между убийствами 30 июня и более поздней практикой массовых убийств в лагерях на Востоке не надуманная искусственная схема — Гиммлер сам в своей знаменитой речи в Позене 4 октября 1943 года связал эти два

---

⁶¹ Так, например, Зепп Дитрих был произведен в обергруппенфюреры, а давние приятели Гитлера Кристиан Вебер и Эмиль Морис — соответственно один в оберфюреры, а другой — в штандартенфюреры; см.: *Das Archiv*, 1934, Juli. S. 470. Сам же Гиммлер получил в награду самостоятельность СС и одновременно полномочия на создание войск СС; см. совещания высшего командного состава, состоявшиеся 5 июля 1934 года и 9 октября 1934 года, *Liebmann-Aufzeichnungen*, Bl. 101 и 110.

процесса и тем самым подтвердил «преимущество преступления», которое не допускает никаких различий между конструктивной, определявшейся идеалистической страстью начальной фазой национал-социалистического господства и более поздним периодом саморазрушительного вырождения⁶².

Распространенное среди общественности чувство обеспокоенности сменилось, правда, уже скоро известным облегчением в связи с тем, что революционным проискам СА, которые вновь оживили столько опасений перед беспорядками, произволом и властью черни, в конце концов все же был положен конец. Хотя в стране отнюдь не царило «небывалое восхищение», которое пыталась изобразить пропаганда режима, и часто звучащий упрек Гитлера в адрес буржуазии, что она одержима своим правовым государством и всегда поднимает громкий вой, «когда государство обезвреживает явного вредителя, например убивает его», становится понятным в контексте отсутствия восторга от его беззастенчивых действий⁶³. Однако общественность истолковала два дня убийств в духе своей традиционной антиреволюционной аффектации как преодоление «переходного возраста» движения и триумф умеренных, осознающих важность порядка сил, сгруппированных вокруг Гитлера, над хаотической энергией национал-социализма. Это представление подкрепляло то обстоятельство, что среди ликвидированных были не в последнюю очередь широко известные убийцы и головорезы. Акция против Рёма как раз моделировала трюк Гитлера, заключавшийся в том, чтобы наносить каждый раз удар, раздваивая сознание, так что возмущенные свершившимся вроде бы имели основание еще и благодарить его: он любил совершать свои преступления, выступая в роли спасителя. В том же успокоительном направлении действовала и телеграмма, в которой опять введенный в заблуждение рейхспрезидент выразил свою «глу-

---

⁶² См.: *Bracher K.D. Diktatur*. S. 263. В этой связи Гиммлер заявил в выступлении в Позене: «Вменяемая приказом обязанность ставить к стенке и расстреливать своих провинившихся товарищей по службе... ужасна для каждого, и все же каждому было абсолютно ясно, что в следующий раз он снова поступит так же, если ему прикажут и если в этом будет необходимость. Сейчас же я имею в виду выселение евреев, истребление еврейского народа». Цит. по: *IMT. Dok. 1919-PS. Bd. XXIX*. S. 145.

⁶³ *Hitlers Tischgespräche*. S. 348; затем заявление для прессы от 2.7.1934 г., см.: *Domarus M. Op. cit.* S. 405.

бокую признательность». «Вы, — писал он Гитлеру, — спасли немецкий народ от серьезной опасности». Гинденбург был также автором той оправдательной формулы, которая бросала на решение Гитлера, продиктованное тактикой борьбы за власть, свет грандиозной мифологической значимости: «Тот, кто хочет делать историю, должен уметь и проливать кровь»⁶⁴.

Еще более важной для преодоления сомнения и тяжелых предчувствий была, может быть, реакция рейхсвера. Чувствуя себя главным победителем этих дней, он, не скрываясь, выражал свое удовлетворение устранением «коричневого дерьма»⁶⁵. 1 июля, когда убийства еще продолжались с прежним размахом, берлинская комендантская рота, под звуки особо любимого Гитлером «Баденвейлеровского марша», промаршировала парадным строем по Вильгельмштрассе, мимо Имперской канцелярии, и именно Бломберг поздравил Гитлера двумя днями позднее от имени кабинета с успешным завершением очистительной акции. В отличие от прежних лет, когда Гитлер часто упивался своими успехами и тем самым ставил их под угрозу, на этот раз он прямо-таки укрепил рейхсвер в его ощущении триумфа. В речи перед Рейхстагом он со всей решимостью не только подтвердил его статус единственного носителя оружия в государстве, но даже объявил, что сохранит «армию как неполитический инструмент». Он не может требовать от офицеров и солдат, «чтобы они каждый в отдельности определили свою позицию по отношению к нашему движению».

Такой необычной, больше никогда не повторяющейся уступкой Гитлер отблагодарил руководство армии за то, что оно в истекшие критические часы, когда его судьба была в их руках, осталось лояльным. Вновь, теперь уже в последний раз, все висело на волоске, когда эсэсовцы убили генерала фон Шлейхера, его жену и генерала фон Бредова. Если бы рейхсвер стал настаивать на судебном расследовании, то теория «заговора» рухнула бы как карточный домик и тем самым действия против консерваторов были бы названы убийством,

---

⁶⁴ То обстоятельство, что при этом пролилась кровь фон Шлейхера, который много лет был ему близок и одно время был канцлером, не показалось ему — и это весьма примечательно — достаточно весомым для каких-либо оговорок; см. свидетельство Функа Г. Пикеру: *Hitlers Tischgespräche*. S. 405; а также: *Frank H.* Op. cit. S. 144.

⁶⁵ Слова будущего генерал-фельдмаршала фон Рундштедта см.: *Liddell Hart B. H.* Jetzt dürfen sie reden. Stuttgart, Hamburg, 1950. S. 124.

обусловленным тактическими соображениями укрепления власти, чем они и были в действительности. Буржуазное правое крыло не было бы навсегда парализовано, а, возможно, вышло бы из испытаний с окрепшим самосознанием, и сколь бы незначительными ни были они для хода событий в целом, в истории были бы акты самоутверждения и моральной верности. Во всяком случае, не произошло бы того, что Геринг без возражений смог завершить заседание Рейхстага 13 июля заявлением, что весь немецкий народ «каждый мужчина и каждая женщина» соединяются в одном-единственном возгласе: «Все мы всегда одобряем то, что делает наш фюрер»⁶⁶.

Гитлер своим невероятным чутьем уловил соотношение сил: если рейхсвер позволил безнаказанно убивать своих людей, то он добился прорыва к неограниченному господству — институт, который молча снес такие удары, никогда больше не сможет эффективно противодействовать ему, хотя руководство армии еще ликовало, а Рейхенау самодовольно считал, что было совсем нелегко представить дело чисто партийным конфликтом⁶⁷. Но тактическая концепция Гитлера как раз в том и состояла, чтобы открыто не вовлекать рейхсвер в устранение Рёма и не быть ему потом за это обязанным, но вместе с тем втянуть его в такой степени, чтобы у него не было бы уже возможности отступить. Играющие в политику дилетанты в мундирах, честь которых, по незабываемому высказыванию Бломберга, отныне была в «изворотливости», заключили с Гитлером «неравный союз». Справедливо отмечалось⁶⁸, что ими руководила не «Немезида власти», как утверждал английский историк Джон У. Уилер-Беннетт, а политическая бездарность и неполитическое высокомерие. Если общественному порядку, как позже утверждал фон Бломберг, действительно угрожали бунтовщики и заговорщики, то долгом рейхсвера, было, наверное, вмешаться; если это было не так, то он должен был пресечь продолжавшиеся несколько дней убийства. Вместо этого он оставался в бездейтельном ожидании, выдавал оружие и в конце поздравлял себя с проницательностью, которая позволила сохранить руки чистыми и все же оказаться

⁶⁶ *Domarus M.* Op. cit. S. 425.

⁶⁷ *Mau H.* Die «zweite Revolution» — der 30. Juni 1934. S. 133.

⁶⁸ *Bracher K.D.* Diktatur. S. 268. Это фатальное высказывание фон Бломберга звучало так: честью прусского офицера была его корректность, честью же немецкого офицера станет его изворотливость; см.: *Görlitz W.* Der Deutsche Generalstab. S. 348.

в победителях, не подозревая, сколь недолговечной может быть эта победа.

Когда в кульминационный момент убийств бывший статс-секретарь Планк требовал от генерала фон Фрича вмешаться в события, командующий сухопутными войсками сослался на отсутствие приказа. Планк предостерег: «Если вы, господин генерал, будете бездейственно наблюдать, то вас рано или поздно постигнет та же судьба». Тремя с половиной годами позже фон Фрич вместе с фон Бломбергом был отправлен в отставку при задевающих их честь обстоятельствах. Обвинение основывалось, как и в случае фон Шлейхера и фон Бредова, на сфабрикованных документах, и в рядах СА пошли злорадные разговоры о «мести за 30 июня»⁶⁹: *Les institutions perissent par leurs victoires*⁷⁰.

Развитие дел точь-в-точь подтвердило это правило. Да, 30 июня нанесло смертельный удар по СА. Их былой бунтарский, самоуверенный характер заметно оброс мелкобуржуазными чертами, и на смену кастету, «пушке» и дубинке пришли кружки для сбора пожертвований. Но рейхсвер не встал на место СА. Проявившуюся очевидную слабость армейского руководства Гитлер использовал спустя уже три недели. 20 июля 1934 года он вывел СС из подчинения СА «ввиду больших заслуг... особенно в связи с событиями 30 июня», повысил их до статуса самостоятельной, ответственной непосредственно перед ним организации, которая наряду с вермахтом получила разрешение создать вооруженные силы, сначала численностью в одну дивизию⁷¹. Мало что так откры-

---

⁶⁹ *Bor P. Gespräche mit Halder*. S. 116 f. В пору запрета СА Гренер писал в одном из писем, что «дело генералов позаботиться, чтобы военные в конце концов не стали целовать ручки г-ну Шикльгруберу, как истеричные дамочки»; однако именно эта картина в целом метко характеризует манеру поведения фон Бломберга по отношению к Гитлеру. См. письмо Грёнера фон Глейху, опубликованное в кн.: *Groener-Geyer D. Op. cit.* S. 326.

⁷⁰ Учреждения погибают в результате своих побед (франц.). — *Прим. пер.*

⁷¹ Дословно в приказе Гитлера значилось следующее: «Принимая во внимание большие заслуги СС, особенно в связи с событиями 30 июня 1934 года, я возвожу СС в статус самостоятельной организации в системе НСДАП; таким образом, рейхсфюрер СС, подобно начальнику штаба, подчиняется непосредственно Высшему фюреру СА. Как начальник штаба, так и рейхсфюрер СС имеют в системе партии чин рейхслейтера».

вает сокровенную суть тактического темперамента Гитлера, как решение поощрить сразу после устранения СА создание новой равнозначной фигуры, чтобы без потерь продолжить игру за упрочение своей власти. Все так или иначе причастные к этим событиям наивно исходили из того, что 30 июня разрешился вопрос о власти. Однако Гитлер как раз тем и утверждал собственную власть, что никогда не решал конфликты в своем окружении. Он просто перемещал их на другие уровни и продолжал разыгрывать их с новыми фигурами уже в новой ситуации.

Однако СС взяли на себя не только тактические, но и многие политические функции СА. Они отказались только от притязаний на самостоятельность, которые так шумно подчеркивали сторонники Рёма. СА никогда полностью не подчинялись принципу слепого повиновения и в своем самосознании всегда демонстрировали также и намерение дистанцироваться от презируемого ими партийного корпуса. В противоположность им СС воспринимали себя как полностью лояльную элиту, служившую стражей, авангардом и пионером национал-социалистической идеи и дисциплинированно выполнявшую чисто инструментальную роль придатка воли фюрера. В этом ключе они начали с 30 июня неудержимый, развертывающийся по всем направлениям процесс расширения своего влияния. В их мощной тени вскоре после СА исчезла и партия, так что больше не было пути к власти, который проходил бы мимо них.

Восхождение СС, которое весьма существенно определило историю и лицо Третьего рейха и далеко не завершилось с гибелью режима, продемонстрировало, кстати, небезосновательность убеждения Рёма, что его воззрения в конечном счете совпадают со взглядами Гитлера. Созданный Генрихом Гиммлером огромный и разветвленный аппарат Имперского руководства СС — в этом деле его подпитывал новыми импульсами и подталкивал вперед неустанно действовавший за кулисами Рейнгард Гейдрих — превратился в настоящее параллельное государство. Оно проникло во все существенные общественные институты, выхолостило их в политико-силовом отношении и в конце концов стало заменять их. Фактически СС воплотили не что иное, как расплывчатую цель Рёма, которой он так нетерпеливо добивался. Если его тщеславные младшие командиры мечтали о государстве СА, то теперь, по меньшей мере в начальной стадии, стало реальностью государство СС. Рёма ликвидировали за то, что он непосредственной акцией

хотел осуществить то, что Гитлер стремился реализовать, как он объяснил в тесном кругу приближенных, «медленно и целенаправленно», «малюсенькими шагами»⁷².

В этом смысле 30 июня означает устранение того типа деятеля, без которого история восхождения Гитлера почти не могла обойтись: грубого рубаки, как правило, из числа уволенных офицеров, который сперва как боец Добровольческих корпусов, а потом гитлеровский герой улицы, пытался сохранить в гражданской действительности военные переживания и неожиданно, когда цель была достигнута, не получил какой-либо задачи. По знаменитому высказыванию Макиавелли, власть утверждают не с теми сторонниками, с которыми ее завоевали, — по слухам Муссолини на встрече с Гитлером в Венеции сделал аналогичное замечание. Устранением руководящей верхушки СА была одновременно также остановлена допущенная в ходе завоевания власти в ограниченных масштабах революция снизу, и в том, и в другом пришел конец анахронизму: «афера Рёма» завершила так называемое «время борьбы». Она ознаменовала точку поворота от неопределенной, утопической фазы движения к трезвой, свободной от мечтаний реальности государства порядка. Тем самым романтических баррикадных бойцов XIX века, в которых Рём и его окружение охотно узнавали самих себя, сменил тип современного революционера, порожденного СС: те бесстрастные сотрудники Главных управлений и ведомств, ниспровергатели, которые в качестве менеджеров тоталитарного режима и чиновников-исполнителей осуществляли беспрецедентную революцию и закладывали свои детонаторы глубже, чем, пожалуй, когда-либо революционеры до них, ибо мыслили категориями не улицы, а структур.

Но вряд ли Рёму суждено было погибнуть из-за своего нетерпения, если бы Гитлер не преследовал более далеко идущие намерения, чем напрямую связанные с его ликвидацией. Мы еще и сегодня поддаемся воздействию вводящих в заблуждение языковых клише режима, когда рассматриваем события 30 июня исключительно как столкновение с Рёмом и устранение СА. Как давала понять пропагандистская кампания в последние недели перед акцией, удар был нацелен против всякой оппозиционности или независимости вообще. И действительно, опыт этих дней содействовал тому, что с

---

⁷² *Rauschning H. Gespräche.* S. 148.

этого времени на многие годы больше не было никакого более или менее серьезно организованного сопротивления. Двойная направленность операции четко выразилась в одном высказывании Гитлера того времени. Упрекая вождей СА только в торопливости и глупости, он излил безграничную, подпитываемую старыми обидами ненависть к тем консерваторам, которые мнили, что «заарканили» и перехитрили его.

«Все они ошибаются. Они недооценивают меня, потому что я вышел из низов, из «гуши народной», потому что у меня нет образования, потому что я не умею вести себя так, как их воробьиные мозги считают правильным. Если бы я был одним из них, то я был бы в их глазах великим деятелем — уже сегодня. Но мне не нужно подтверждения моего исторического величия с их стороны. Строптивость СА лишила меня многих козырей, но у меня в руке еще есть другие. Я недолго ишу выход, если у меня что-то срывается...

Я спутал им карты. Они думали, у меня не хватит для этого смелости, что я трус. Они уже видели, как я бьюсь на их аркане. Они уже считали меня своим орудием, шутили за моей спиной, что у меня больше нет власти. Моя партия-де закончена. Я уже давно раскусил все это. Я так им врезал по пальцам, что они еще долго будут чувствовать удар. То, что я утратил из-за суда над штурмовиками, мне возместил суд над этими поместными игроками и профессиональными авантюристами, Шлейхером и его присными.

Если я сегодня обращаюсь с призывом к народу, он идет за мной. Когда я обращаюсь к партии, то она стоит на своем месте, сплоченная как никогда. Выходите, господа Папен и Гугенберг, я готов начать следующий раунд»⁷³.

На самом деле он знал, что никакого следующего раунда с этими противниками не будет.

Если свести все воедино, то та тактическая задача, перед которой стоял Гитлер накануне 30 июня, требовала в целом одновременного решения пяти проблем. Он должен был раз и навсегда лишить власти Рёма и гвардию строптивых буйных революционеров СА, удовлетворить претензии рейхсвера, устранить недовольство населения, вызванное господством улицы и явным террором, а также расстроить планы консервативных противников. И сделать это так, чтобы не попасть в зависимость от той или иной стороны. И он действительно

---

⁷³ *Rauschning H. Gespräche.* S. 161 f.

достиг всех этих целей за счет одной-единственной непродолжительной акции с относительно небольшим числом жертв. Благодаря этому ничего больше не мешало реализации его основного замысла, который должен был завершить захват власти — стать преемником Гинденбурга.

С середины июня состояние президента стало заметно ухудшаться, и посвященные скоро стали считаться с тем, что его кончина может произойти в любой день. 31 июля правительство впервые издало официальный бюллетень о состоянии его здоровья, и хотя днем позже тон известий был гораздо более обнадеживающий, Гитлер, отбросив в сторону всякий пиетет, заранее представил кабинету закон о преемственности, который должен был вступить в силу после смерти Гинденбурга и объединить пост рейхспрезидента с постом «фюрера и рейхсканцлера». Формальным основанием для этой меры служил закон от 30 января 1934 года, который наделял Имперское правительство полномочиями изменять Конституцию. Но поскольку эти полномочия проистекали из Закона о чрезвычайных полномочиях, каждый основанный на них правовой акт должен был бы исходить из четко установленных в этом законе гарантий, одной из которых было существование поста рейхспрезидента. Однако Закон о главе государства беззастенчиво пренебрег этим положением, вновь нарушая принцип законности, и устранил тем самым последнее ограничение на пути исключительного господства Гитлера. Сколь бесцеремонно и нетерпеливо действовал Гитлер, видно из того, что он поставил под законом подпись Папена, которого вообще не было на этом заседании.

В тот же день Гитлер отправился к смертному одру рейхспрезидента в Нойдек. Гинденбург пришел в сознание только на мгновения и назвал Гитлера «Ваше Императорское Величество»⁷⁴. Несмотря на всю свою внушительность, словно созданную для того, чтобы притягивать к себе взоры и порождать легенды, он всегда чувствовал себя зависимым существом. Когда на следующий день, утром 2 августа, он умер, сообщение Имперского правительства в последний раз заставило его сыграть роль могучего, словно высеченного из камня колосса — этому амплуа он обязан и своей славой, и упреками в том, что не справился с возложенными задачами. Куча эпитетов славилась его «как верного слугу немецкого народа»,

---

⁷⁴ *Sauerbruch F.* Das war mein Leben. München, 1960. S. 520.

«монументальную фигуру из далекого прошлого», его высшей заслугой стало то, что 30 января 1933 года он открыл юному «национал-социалистическому движению ворота государства», достиг «глубокого примирения» между Германией вчерашней и завтрашней, став в мирное время тем, кем он был на войне: «национальной легендой немецкого народа»⁷⁵.

Смерть Гинденбурга не вызвала каких-либо заметных перемен. Растаяли лишь некоторые надежды, некоторые иллюзии. В потоке некрологов и выражений скорби остались почти незамеченными законодательные меры, которые, будучи тщательно подготовленными, юридически закрепляли новую ситуацию. Декрет Имперского правительства поручал Министерству внутренних дел подготовить плебисцит, который был призван «однозначно санкционировать со стороны немецкого народа» уже закрепленное конституционным правом объединение постов рейхсканцлера и рейхспрезидента, ибо, как заявил уверенный в успехе Гитлер, он «проникнут твердым убеждением, что всякая государственная власть исходит от народа и должна подтверждаться им при помощи свободного и тайного выбора». Для камуфлирования теперь объединенной в его лице абсолютной институциональной власти он заверил, что «величие скончавшегося» не позволяет ему претендовать на титул президента; поэтому он выражает желание, чтобы в «официальном и неофициальном обращении к нему обращались только как к фюреру и рейхсканцлеру»⁷⁶.

Уже в день смерти Гинденбурга руководство рейхсвера продемонстрировало безусловную лояльность Гитлеру, превосходившую привязанность к скончавшемуся фельдмаршалу. В приспособленческом сверхусердии, одним только приказом, законная основа для которого была создана лишь тремя неделями позже, министр рейхсвера фон Бломберг распорядился привести к присяге на верность новому главнокомандующему во всех гарнизонах офицеров и рядовых. Отменялся старый текст присяги, в котором говорилось о верности «народу и Отечеству». Теперь присягающие клялись именем Господа в безусловном повиновении лично Гитлеру. Позднее, когда ожидания и самоочевидные иллюзии лета 1934 года улетучились, эта присяга сыграла свою историческую роль. Во-пер-

---

⁷⁵ Цит. по: *Dokumente der deutschen Politik*. Bd. II. S. 32 ff.

⁷⁶ Из письма Гитлера Фрику от 2 августа относительно исполнения закона о главе государства; см.: *Ebd.* S. 34 f.

вых, она укрепила тоталитарное фюрерское государство Гитлера, которое, безусловно, не могло быть построено без постоянно гарантированной поддержки вооруженных сил. Вскоре после этого личной клятвы верности стали требовать и от чиновников, включая имперских министров, реставрировав тем самым «фрагмент монархии»⁷⁷.

Воздававшиеся со всей мыслимой помпой в течение нескольких дней почести скончавшемуся рейхспрезиденту дали Гитлеру не только возможность для грандиозного театрализованного представления почитания смерти, в которых режим так охотно черпал эмоциональную поддержку, но и позволили ему также продемонстрировать возросшую уверенность в своей власти. После траурного заседания Рейхстага 6 августа, в центре внимания которого была речь Гитлера, славословившего покойного, и музыка из вагнеровской «Гибели богов», рейхсвер впервые прошел торжественным маршем у оперы Кролля перед новым главнокомандующим. А за «единственным носителем оружия нации» прошли тем же парадным шагом, в таких же стальных касках и частично с примкнутыми штыками «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», группа земельной полиции «Генерал Геринг», почетный отряд СА и другие не входившие в рейхсвер партийные военизированные формирования. На следующий день тело Гинденбурга было погребено на месте его победы 1914 года — в пантеоне Танненбергского мемориала в Восточной Пруссии. Гитлер произнес речь в честь усопшего, заявив что его имя останется бессмертным, пусть даже «исчезнет самая последняя частичка этого тела». В заключение он воззвал: «Покойный полководец, войди теперь в Валхаллу»⁷⁸.

Тем же целям, что и затянувшаяся церемония похорон, служил и назначенный на 19 августа плебисцит. Хотя в эти дни Гитлер заявил в интервью британскому журналисту Уорду Прайсу, что общественность получит таким образом возможность поддержать или отвергнуть политику своего руководства страны, он не без злобной иронии добавил: «Мы, дикие немцы, лучшие демократы, чем другие нации»⁷⁹. В действительности шумно инсценированный референдум опять таки послужил мобилизации неapolитических чувств для политических целей.

---

⁷⁷ Выражение Мартина Бросцата, см.: *Broszat M. Op. cit. S. 273.*

⁷⁸ *Domarus M. Op. cit. S. 447 f.*

⁷⁹ *Ebd. S. 433.*

Массированная череда агитационных мероприятий должна была вытеснить из памяти ошутимое беспокойство решением «аферы Рёма» по восточному образцу, укрепить заметно ослабевшие симпатии к режиму. Уже в траурной речи перед Рейхстагом Гитлер заклинал общественность оставить случившееся в прошлом и «теперь смотреть в будущее, не замыкаясь на переходящем мгновении»⁸⁰. Однако необыкновенно высокое число голосов «против» продемонстрировало все трудности привития такого подхода и серьезно пострадавший престиж новых властителей. Далекий от стопроцентных показателей тоталитарных режимов, показатель референдума ограничился 84,6 %, а в отдельных районах Берлина, а также в Ахене и Везермюнде он не дошел даже до 70 %, в Гамбурге, Билефельде, Любеке, Лейпциге и Бреслау почти треть населения проголосовала «против». В последний раз проявилась воля к сопротивлению прежде всего социалистического и католического электората.

Разочарование Гитлера результатом референдума явно отразилось в появившемся на следующий день заявлении. Оно провозглашало завершение пятнадцатилетней борьбы за власть, поскольку, «начиная от высшего государственного уровня, все управление Германского рейха вплоть до администрации самого малого населенного пункта... находится в руках национал-социалистической партии». Но борьба за «наш дорогой народ» продолжается с неослабевающей силой, пока «и последний немец не будет носить в своем сердце как выражение своей приверженности символ рейха». В схожем тоне, хотя теперь еще и с угрозой всем недовольным, позиция Гитлера была выражена двумя неделями позже торжественным заявлением, которым открылся VI партийный съезд в нюрнбергском Дворце съездов. Мюнхенский гаулейтер Вагнер, как голос Гитлера, по его указке заявил: «Мы все знаем, кому нация поручила руководство! Горе тому, кто этого не знает или забыл это! У немецкого народа революция всегда была редкостью. Наш нервный XIX век завершился. В следующую тысячу лет — больше никаких революций не будет!»⁸¹.

В тот же момент в Германии и началась, собственно говоря, революция, хотя добившиеся насильственного переворота силы движения были отброшены на обочину и их динамичное беспокойство отныне преимущественно направлялось на зада-

---

⁸⁰ *Domarus M.* Op. cit. S. 436.

⁸¹ *Ebd.* S. 448.

чи пропаганды и надзора. Поскольку Гитлер «приручил» их, считаясь с Гинденбургом и рейхсвером, в этом можно увидеть последний поздний триумф «концепции укрощения» весны 1933 года, хотя консервативные укротители в конце концов сами были брошены под нож. Вместе с тем, смелое заверение Гитлера в Нюрнберге, что он теперь «обладает в Германии властью над всем», сопровождалось его решимостью и желанием получить все. Варварские стороны режима постоянно приковывали внимание к скрывавшимся за ним идеологическим и политическим движущим силам — антисемитизму, неудовлетворенным немецким гегемонистским интересам или сознанию особой национальной миссии. Но не менее или даже более сильными были социальные импульсы, которые питали национал-социализм и на которых он держался. Как раз широкие обывательские слои связывали с его приходом к власти расчеты на то, что он путем упорядоченного преобразования взломает косные структуры государства с жестким социальным делением и устраним социальные авторитарные путы, из-за которых не в последнюю очередь потерпела крушение еще революция 1918 года. Для них Гитлер означал прежде всего шанс довести до конца немецкую революцию, они уже не верили в способность демократических сил выполнить эту задачу, потому что так многие их попытки окончились неудачей, а коммунистам они никогда не хотели доверить это дело.

Новые разнообразные заявления о конце революции были, совершенно очевидно, нацелены прежде всего на успокоение по-прежнему встревоженной общественности. Действительно, осенью 1934 года стали появляться первые признаки возврата к упорядоченным отношениям, правда дальние цели, курс на которые оставался неизменным для Гитлера, не изменились. Наряду со всеми успокоительными лозунговыми формулами он напрямую предупреждал в заключительной речи в Нюрнберге не питать иллюзий, что партия утратила свою революционную ударную силу и отказалась от своей радикальной программы: «неизменная в своем учении, крепкая как сталь в своей организации, гибкая и умело перестраивающаяся в своей тактике, но выступающая в целом как орден», партия обращена в будущее. Аналогичное высказывание было сделано в кругу приближенных: он завершает революцию лишь внешне и переносит ее отныне вовнутрь⁸².

---

⁸² *Rauschning H. Gespräche.* S. 165; а также: VB, 11.9.1934.

Этими, глубоко заложенными в сущности Гитлера приемами объясняется то обстоятельство, что революционная природа режима так трудно уловима. Осуществленный режимом переворот происходил в необычных формах, и среди наиболее примечательных свершений Гитлера, обеспечивающих ему место в истории великих государственных переворотов, — понимание безвозвратного конца революции в виде восстания. Из сформулированного уже в 1895 году Фридрихом Энгельсом положения о том, что революционер старого типа неизбежно проиграет в противостоянии с утвердившейся властью, он извлек выводы гораздо решительнее Муссолини и в современном ключе осмыслил понятие революции. В классическом представлении господствовали картины восставшей силы, как их любил Рём, а идеологический и социальный аспекты процесса, изменения в правящей элите или в отношениях собственности из-за склонности к детским книжкам с картинками отодвигались на задний план: революция всегда была бунтом и осуществлялась на улице. Напротив, современная революция, как знал Гитлер, не завоевывает власть, а прибирает ее к рукам и пользуется не столько силовыми, сколько бюрократическими средствами. Она была тихим процессом, а выстрелы — здесь можно было бы распространить слова Малапарте и на Гитлера — вызывали у него резь в ушах.

В связи с этим воздействие революции было не менее глубоким, и оно не оставило без внимания ни одну сферу. Революция охватила и изменила политические институты, разбила классовые структуры в армии, бюрократии и отчасти в экономике, разлагала, коррумпировала и лишала власти все еще задававшее тон дворянство и старые высшие слои общества и установила в Германии, которая была обязана и своим очарованием и косностью все тому же запоздалому развитию, ту степень социальной мобильности и равенства, без которых невозможно современное индустриальное общество. Нельзя сказать, что эта модернизация была лишь попутным процессом или тем более шла вразрез с декларируемой волей коричневых революционеров. Восхищение Гитлера техникой, его зачарованность цивилизаторскими процессами были очевидны, и в том, что касается средств, он мыслил весьма современно, тем более что ему для достижения далеко идущих целей его господства было нужно рациональное, отлаженно работающее индустриальное государство.

Структурная революция, которую предпринял режим, была, однако, закамуфлирована декорациями, подчеркнутым почитанием старинного фольклора и наследия предков: немецкое небо оставалось романтически-затемненным. В этом плане национал-социализм лишь возвел в высшую степень проявившуюся уже в XIX веке склонность маскировать напористую и чуждую традициям практику прогресса романтическими идеями ухода в духовность. В то время как, например, крестьянство было предметом мечтательного поклонения, его экономическое положение на глазах ухудшалось, и бегство деревенских жителей в город достигло, согласно статистики, новой кульминации в период между 1933 и 1938 годом. Аналогично режим содействовал программам индустриализации (прежде всего в Центральной Германии с ее важными в военном плане химическими предприятиями), урбанизации, которую он одновременно полемически проклинал. Он впервые вовлек женщин в производственный процесс в качестве рабочей силы, многословно выступая при этом против всех либеральных и марксистских тенденций «омужичивания» женщины. В противоположность исповедуемому культу традиций «Доверительный доклад», относившийся к началу 1936 года, формулировал: «Надо полностью разрушить взаимосвязь с происхождением. Новые, полностью небывалые формы. Никакого права личности»⁸³.

Чтобы охватить обе ипостаси явления, говорили о «двойной революции»⁸⁴: одной революции во имя буржуазных норм против буржуазного порядка, другой — во имя традиции против традиции. «Греющие патриотические души» романтические декоративные атрибуты были не только цинично используемыми призраками и мишурой, но и нередко попыткой удержать в мысли или символе то, что в действительности было безвозвратно утрачено. Во всяком случае, масса попутчиков именно так

---

⁸³ Из «Доверительного доклада» одного из руководителей выпускников школ, направляющихся на обязательные сельхозработы; там же раскрываются и многочисленные другие тоталитарные устремления режима; цит. по: *Heyen F.J.* Op. cit. S. 171 f.

⁸⁴ Выражение Д. Шёнбаума, собравшего обширный материал по этой теме: *Schönbäum D.* Op. cit.; см., в частности, S. 196 ff. и S. 226 ff. О революционном характере национал-социализма и Третьего рейха в целом см. также: *Dahrendorf R.* Op. cit. S. 431 ff., затем: *Turner H.A.* Faschismus und Antimodernismus in Deutschland. In: *Faschismus und Kapitalismus in Deutschland.* S. 157 ff.

принимала идиллическое обрамление идеологии национал-социализма. Суровые экономические и социальные реалии, которые все дальше уносили страну от доиндустриального рая, не в последнюю очередь укрепляли самого Гитлера в намерении вновь обрести утраченное на незатронутых восточных равнинах. В своей секретной речи перед высшими офицерами в январе 1939 года он говорил о муках, о вызывающих боль конфликтах, порождаемых политическим и общественным прогрессом, как только он сталкивается с теми «святыми традициями», которые имели право на верность и привязанность людей: «это всегда были катастрофы, ...людям всегда приходилось мучиться... Всегда приходилось отказываться от дорогих воспоминаний, всегда просто отбрасывалось в сторону наследие. Уже прошлый век причинил многим сильную боль. Говорят так легко о мирах, говорят так легко, скажем мы, о других немцах, которых тогда изгнали. Это было необходимо! Без этого нельзя было обойтись... А потом пришел восемнадцатый год и причинил новую сильную боль, и это было необходимо, наконец наступила наша революция, они сделали все выводы до конца, и это было необходимо. Иначе не бывает»⁸⁵.

Двойственная суть, характеризовавшая национал-социалистическую революцию, в высокой степени определяла облик режима в целом, придавая ему своеобразную внешность двуликого Януса. Иностранные гости, прибывавшие во все большем числе, привлеченные «фашистским экспериментом», обнаружили мирную Германию, в которой поезда ходили, как и прежде, точно по расписанию, страну буржуазной нормальности, законопослушания и административной справедливости. И они были в такой же мере правы, как и эмигранты, которые горько жаловались на несчастья собственные и беды их преследуемых и притесняемых друзей.

Насильственное удаление СА со сцены бесспорно установило предел незаконному применению силы и положило начало фазе стабилизации, при которой силы авторитарные, воплощающие государство порядка, стали тормозить динамику тоталитарной революции. Некоторое время положение казалось таким, как будто вернулась почти упорядоченная жизнь,

---

⁸⁵ *Jacobsen H.-A., Jochmann W.* Op. cit. 25.1.1939 г. См. также выступление Гитлера 27.6.1937 в Вюрцбурге, где он говорил, что в истории никогда еще «этот болезненный процесс не осуществлялся более умно, трезво, осторожно и чутко», чем в Германии; см.: *Domarus M.* Op. cit. S. 703.

норма как бы опять вытеснила чрезвычайное положение, во всяком случае, пока кончилось то время, когда, как говорилось в одном докладе баварскому премьер-министру от 1 июля 1933 года, все подряд арестовывали друг друга и угрожали друг другу Дахау⁸⁶. Мало что так точно характеризует Германию с 1934 по 1938 год, как наблюдение, что внутри государства беззакония можно было встретить идиллию — ее действительно искали и культивировали, как никогда прежде. И в то время как эмиграция за пределы страны заметно сократилась и даже выезд еврейских граждан последовательно уменьшался⁸⁷, многие уходили во внутреннюю эмиграцию, в *sachettes du coeur*⁸⁸. Старая немецкая подозрительность в отношении политики, отвращение к ее притязаниям и навязчивости редко так ярко подтверждались и ощущали свою правоту, как в те годы.

«Двойному государству»⁸⁹ соответствовало двойное сознание — однако лишь в той мере, в которой политическая апатия сочеталась со взрывами ликующего одобрения. Гитлер все вновь и вновь создавал поводы для разжигания энтузиазма нации: внешнеполитическими демаршами и сенсациями, магией митингов, монументальными строительными программами, каких еще не видел мир, или даже социальными мерами. Все это предназначалось для того, чтобы занять фантазию, укрепить самосознание или успокоить бездумные интересы. Суть его искусства управления в значительной степени основывалась на знании двойственных стимулов настроения. Они порождали странно невротическую, весьма искусственную диаграмму популярности, на которой резкие взлеты перемежались фазами дискомфорта и отчуждения. Базой психологической власти Гитлера была, однако, его харизма и уважение, обусловленное тем, что ему удалось восстановить порядок. И на самом деле: кто сравнивал ужасы минувших лет, беспорядки, бесчинства, безработицу, произвол СА и унижения во внешней политике с впечатляющей контрастирующей картиной уверенно-

---

⁸⁶ Из архива Эппа, IZ MA-1236; см.: Broszat M. Op. cit. S. 258 и S. 271 f.

⁸⁷ Выезд евреев из Германии составил в 1933 году 63 400 человек, в 1934 — 45 000, в 1935 — 35 500, в 1936 — 34 000, в 1937 — 25 000, в 1938 — 49 000, в 1939 — 68 000 человек. См. документы, Объединения евреев Германского рейха, Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Rep. 97.

⁸⁸ Тайные уголки сердца (франц.). — *Прим. пер.*

⁸⁹ Эта знаменитая формула была дана Эрнстом Фрэнкелем в его одноименной книге (*Fraenkel E. The Dual State*).

го в своей мощи порядка, которая развертывалась теперь на парадах или партийных съездах, лишь с большим трудом обнаруживал свои заблуждения. К тому же режим поначалу стремился подчеркнуть авторитарно-консервативные черты и представить себя как своего рода более жестко организованное правление воинственных немецких националистов. Папеновская концепция «Нового государства» была, вероятно, задумана аналогичным образом. Наряду с этим он при всей строгости и полицейской «стерильности» предоставлял разнообразные романтические шансы и в высокой степени удовлетворял склонности к приключениям, героической самоотдаче, а также отмеченному Гитлером азарту игрока, которому современные социальные государства дают так мало простора.

За этой оболочкой порядка действовала, однако, радикальная энергия, которую вряд ли кто из современников адекватно представлял себе. Гитлер взял верх над Рёмом не как консервативная, антиреволюционная сила, — так внушала себе испуганная буржуазия, — а как более радикальный революционер над просто радикальным революционером — в соответствии с законом революции. «Готовилась вторая революция, — верно заявил Геринг уже во второй половине дня 30 июня, — но она была нами осуществлена против тех, кто вызвал ее»⁹⁰. От более пристального взгляда тогда не укрылось бы, что государство порядка, полной занятости, международного равноправия никогда не могло удовлетворить тщеславия Гитлера. Хотя он в ноябре 1934 года и заверял одного французского гостя, что думает не о завоеваниях, а о построении нового социального строя, благодаря которому надеется завоевать благодарность своего народа и, следовательно, поставить себе более прочный памятник, чем получал когда-нибудь славный полководец после многочисленных побед⁹¹. Но это были только жесты. Свою внутреннюю динамику, свои импульсы он никогда не черпал из идеальной картины тоталитарного государства благосостояния со всем его презренным счастьем мелкого обывателя, а из фантастически утрированного, мегаломанического видения, уходящего далеко за горизонт и длящегося по меньшей мере тысячу лет.

---

⁹⁰ Das Archiv, 1934, Juni. S. 359.

⁹¹ Из беседы с председателем Союза фронтовиков Франции Жаном Гуа; см. *Domarus M.* Op. cit. S. 460 f. См. в этой связи также: *Nolte E.* Faschismus. S. 170.

КНИГА ШЕСТАЯ

ГОДЫ ПОДГОТОВКИ

Глава I

ОТВОЕВАННАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Недостаточно сказать, по примеру французов, что их нация была застигнута врасплох. Нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие. Подобные фразы не разрешают загадки, а только иначе ее формулируют.

Карл Маркс

Горе тому, кто слаб!

Адольф Гитлер

Историки не без замешательства обращаются к середине 30-х годов, когда Гитлеру удалось в той же манере игрока и с не меньшим успехом повторить во внешней политике апробированные внутри страны приемы обезвреживания противников. В соответствии со своим правилом, согласно которому, «прежде чем побеждать внешних врагов, надо сперва уничтожить противника внутри своей страны»¹, он в предшествующие годы вел себя в отношении внешнего окружения скорее пассивно и только выходом из Лиги Наций и заключением договора с Польшей на короткое время озарил международную сцену светом драматических перемен. Тем временем Гитлер начал втайне наращивать военный потенциал, так как прекрасно понимал, что поле маневра бессильной в военном отноше-

---

¹ *Hitler A. Mein Kampf. S. 775; аналогичные высказывания см.: Ebd. S. 365 f.*

нии страны ограничено узкими рамками. На переходный период, который нельзя было миновать без нарушений договоров и провокаций в отношении могучих соседей, он поставил на карту все. Опять, как в начале захвата власти, прогнозы не сулили ничего хорошего, опять многочисленные наблюдатели предрекали конец его магической силы и предстоящее крушение. Однако серией внешнеполитических ходов ему удалось в течение немногих месяцев устранить все ограничения Версальского договора и выйти на исходные позиции для задуманной экспансии.

Поведение европейских наций перед лицом вызова, брошенного им Гитлером, понять тем труднее, что процесс захвата власти с кровавым финалом «аферы Рёма» дал определенное представление о политике этого деятеля. Но как и в том, что касается самих немцев, их поведение не определялось моральной слабостью, раболепием или злокозненностью заговорщиков. В то же время их уступчивость нельзя объяснить тем вызванным кризисом помутнением сознания, которое привело многих немцев на сторону Гитлера. Хотя было, конечно, немало причин, делавших их податливыми к его обманным маневрам. «Моей программой, — заявил Гитлер в речи в январе 1941 года раздраженно, но совершенно справедливо, — было устранение Версаля. Пусть сегодня в других странах не изображают из себя недотеп, как будто бы эту программу я разработал только в 1933, 1935 или 1937 году. Господам надо было лишь прочитать написанное мной, причем тысячу раз. Нет другого человека, который бы так часто заявлял и писал о своих замыслах, как я, а писал я всегда одно — устранить Версаль!»²

Действительно, по меньшей мере относительно этой цели с первого же мгновения никто не мог заблуждаться, она проступала под толстым слоем словесного камуфляжа в каждой речи, ей служила каждая акция. Поскольку она противоречила непосредственным интересам почти всех европейских наций, должны были иметься более сильные, хотя, может быть, не лежащие прямо на поверхности мотивы, ломавшие волю к сопротивлению и позволявшие Гитлеру, наряду с другими факторами, добиваться триумфа с такой легкостью.

Решающее значение тут явно имел опять-таки тот элемент двойственности, который был частью сокровенной сущности Гитлера и накладывал на его линию поведения, тактические,

---

² Из речи 30 января 1941 г.; см.: *Domarus M. Op. cit. S. 1659.*

политические и идеологические концепции ни с чем не сравнимый отпечаток. Справедливо отмечали, что если бы он был лишь ярким националистом — поборником немецкого равноправия, пангерманистом вроде Гугенберга, антикоммунистом или тем более бешеным антисемитом типа Штрейхера, то он наткнулся бы на дружное сопротивление европейских наций и вообще цивилизованного мира. Но поскольку в нем смешивались все эти элементы и он обладал способностью противопоставлять каждому пробуждаемому им опасению надежду на благополучный исход, «акцентируя или затушевывая в зависимости от ситуации один или другой момент, разделял противников, не отказываясь от своего «я»... это был гениальный рецепт»³.

Основным средством, позволявшим успокаивать подозрения в отношении его личности и политики, ему служил глубокий антикоммунистический настрой либерально-консервативной буржуазной Европы. Хотя весной 1933 года французский писатель Шарль Дю Бо заверял одного своего немецкого друга, что между Германией и Западной Европой разверзлась пропасть⁴, но это, видимо, было верно лишь в моральном, но отнюдь не в психологическом плане. Несмотря на всю противоположность интересов, проявлявшуюся по всем направлениям враждебность, Европа сохраняла свои общие установки — прежде всего вековой страх перед революцией, произволом и общественным беспорядком — тогда как в Германии образ их победителя Гитлер столь успешно создал себе при помощи самовосхваления. Конечно, в 30-е годы коммунистическая мессианская идея и обещания светлого будущего в значительной степени утратили свою силу и наступательную мощь. Но эксперимент с Народным фронтом во Франции, Гражданская война в Испании или, скажем, московские процессы⁵ вновь напомнили о призраке, который когда-то бродил по Европе, и хотя они терпели полный провал, но вместе с тем развили энергию, дос-

---

³ Nolte E. Faschismus. S. 189 f.

⁴ Graf Kessler H. Op. cit. S. 716.

⁵ Народный фронт во Франции был образован в 1935 году, в него вошли Французская коммунистическая партия, Социалистическая партия, Партия радикалов и радикал-социалистов и еще 45 организаций. В 1936—1938 годах у власти во Франции находилось правительство Народного фронта.

Под московскими процессами подразумеваются сфальсифицированные политические процессы над руководителями ВКП(б) и советского правительства, проходившие в Москве в 1936—1938 годах. — *Прим. науч. ред.*

таточную для оживления старых страхов. Интуитивно чувствуя настроения и тайные мотивы контрагентов, Гитлер использовал этот страх, на все лады расписывая в многочисленных речах «подрывную работу большевистских заправил», их «тысячи каналов переброски денег и развертывания агитации», «революционизацию континента», постоянно нагнетая тот психоз страха, о котором он порой говорил: «загорелись бы города, деревни обратились бы кучами развалин, люди бы перестали узнавать друг друга. Класс боролся бы с классом, сословие с сословием, брат с братом. Но мы избрали иной путь». Свою собственную миссию он описал в беседе с Арнольдом Дж. Тойнби так: «он появился на свет для того, чтобы решающим образом продвинуть вперед человечество в этой неизбежной борьбе с большевизмом»⁶.

Сколько глубоких чувств тревоги пробуждала эта своеобразно отчужденная, впавшая в атавизм гитлеровская Германия повсюду в Европе, столько же ожиданий, в которых не хотели признаться самим себе, связывалось с тем, что она вновь возьмет на себя старую роль рейха быть «сдерживателем зла», бастионом или волнорезом, как говорил сам Гитлер, в то время, когда казалось, что «по земле опять несясь волк Фенрир»⁷. В рамках таких общих соображений, прежде всего западных соседей Германии, презрение Гитлера к праву, его экстремизм или же его многочисленные проявления зверства, несмотря на все кратковременные вспышки негодования, не имели особого веса — пусть сами немцы с ними разбираются. Наоборот, как раз жуткие, дикие черты в облике этого человека, который при всей своей отчужденности, странности, правда, по-прежнему, казался более понятным, чем Сталин, по представлениям консервативной Европы, шли к лицу защитнику и коменданту крепости, однако его роль, как полагали благоразумные головы, не должна быть более значительной и властной.

Это была, вплоть до второстепенных мелочей, та же самая смесь наивности, расчетливости и обусловленного историей самомнения, которую с давних времен демонстрировали

---

⁶ Из выступления 9.9.1936; см.: *Domarus M.* Op. cit. S. 638; далее из выступления 10.9.1936: Ebd. S. 640; а также: *Frank H.* Op. cit. S. 209.

⁷ Из выступления, посвященного вопросам культуры, на партсъезде в 1934 г.; см.: VB, 6.9.1934.

Фенрир — в скандинавской мифологии — гигантский волк, созданный на погибель богам. Вырвавшись из пут, в последней битве чудовищ и великанов с богами он проглатывает верховного бога — Одина — и гибнет от руки его сына Видара. — *Прим. пер.*

консервативные политики от Кара до Папена в игре с Гитлером. Конечно, под спудом таились многие мрачные опасения и нередко искреннее отвращение к «гангстеру» Гитлеру, но в политике эти чувства в расчет не принимались. Когда Чемберлен услышал рассказ Раушнинга о целях Гитлера, он, долго думая, отказался верить этому. «Мы не можем рассматривать Гитлера просто как автора “Майн Кампф”, — так сформулировал британский посол в Берлине сэр Эрик Фиппс концепцию европейских держав по укрощению Гитлера, — и мы не можем позволить себе делать вид, что его не существует. Не целесообразнее ли связать этого страшно динамичного человека? Связать соглашением, под которым была бы его подпись, которую он поставил бы сам, свободно и в условиях, не задевающих его гордости? Может быть, он какой-нибудь неисповедимой извилиной мозга почувствовал бы себя обязанным соблюдать его... Своей подписью он, как ни один другой немец на протяжении всего германского прошлого, связал бы всю Германию. Потом прошли бы годы, и даже Гитлер смог бы остепениться и благоразумие изгнало бы его страх». Гитлер любил называть консервативных «умиротворителей» в Лондоне и Париже иронично, не без чувства гротескного, повторяющегося вплоть до физиогномического подобия характера событий «мои Гугенберги»⁸.

На Гитлера работала, разлагая противостоящий ему фронт по обе стороны границ, и притягательная сила авторитарной модели. Он сам охарактеризовал «кризис демократии» как доминирующее явление времени, и некоторым его современникам «идея диктатуры представлялась столь же заразной, как и в прошлом веке идея свободы»⁹. Несмотря на все вызывавшие страх сопровождающие моменты, жестко управляемая

---

⁸ *Rauschning H. Gespräche.* S. 255; о нежелании Чемберлена поведать Раушнингу см.: *Churchill W. Der Zweite Weltkrieg.* Bd. 1. S. 419. Приведенное высказывание сэра Эрика Фиппса содержится в его донесении о германо-польском договоре, цит. по: *Ingrim R.* Op. cit. S. 70.

⁹ Высказывание П. Валери, цит. по: *Silone I.* Op. cit. S. 36. О рассуждениях Гитлера насчет «кризиса демократии» см. его примечательное и в других отношениях выступление в орденсбурге Фогельзанг 29 апреля 1937 года, опубликованное в кн.: *Kotze H.v., Krausnick H.* Op. cit. S. 111 ff.

Об упомянутом ниже восхищении польского министра иностранных дел Бека Гитлером и Муссолини см.: *Burckhardt C.J.* Op. cit. S. 298 f., затем: *Broszat M. Faschismus und Kollaboration in Ostmitteleuropa.* In: *VJHfZ*, 1966. H. 3. S. 225 ff.

Германия стала притягательной силой, противодействовавшей прежде всего влиянию Франции, которое до тех пор доминировало в Восточной и Южной Европе. Не случайно в рабочем кабинете польского министра иностранных дел Бека¹⁰ были фотографии Гитлера и Муссолини с их автографами; они, а не их противники в Париже или Лондоне с тонким изяществом анахронического бессилия казались подлинными «чревоушателями духа времени». Эпоха была убеждена в том, что разум в свободной игре общественных и политических интересов всегда проигрывает и что основой нового порядка является насилие. Главным представителем этого порядка, успех которого в короткий срок и с большей силой воздействия преобразовал политическую атмосферу Европы, был Адольф Гитлер.

В той смеси, в которой он соединял тенденции или направления, они работали на него. Немалую выгоду он извлекал из европейского антисемитизма, у которого было много сторонников, прежде всего в Польше, Венгрии, Румынии или, скажем, в Прибалтийских государствах, но он был распространен и во Франции, и даже в Англии в 1935 году он вдохновил руководителя одной фашистской группы на предложение — радикально и гигиенично решить еврейскую проблему при помощи «камер смерти»¹¹. Кроме того, Гитлер извлекал выгоды из противоречий существующей системы поддержания мира. Версальский договор впервые ввел в межгосударственные отношения моральные соображения. Мотивы вины, чести, равенства, самоопределения — именно этими формулами оперировал Гитлер, все больше акцентируя их. Какое-то время он, как верно отметил Эрнст Нольте, парадоксальным образом казался последним верным приверженцем давно померкнувших принципов Вудро Вильсона. В этой роли крупного кредитора держав-победительниц, с пачкой их невыполненных обязательств в руке, он добился значительно-го эффекта прежде всего в Англии, где его призывы задевали не только большую совесть нации, но и отвечали традиционной английской политике равновесия сил, которая уже давно с беспокойством отмечала возросшее влияние Франции на

---

¹⁰ Один из соратников Ю. Пилсудского, полковник Юзеф Бек (4.10.1894—5.6.1944) в ноябре 1932 года был назначен министром иностранных дел Польши. — *Прим. науч. ред.*

¹¹ Выражение Арнольда Спенсера Лиза; цит. по: *Nolte E. Krise. S. 332.*

континенте. Прежде всего именно англичане каждый раз ободряли Гитлера, «Таймс» называла всякий порядок, который не отводил рейху сильнейшие позиции на континенте, «искусственным». Один руководящий сотрудник британского Министерства авиации заявил в начале 1935 года немецкому собеседнику, что «в Англии не стали бы возмущаться», если бы Германия объявила о создании военно-воздушного флота вопреки положениям Версаля¹². И те и другие — как англичане, так и континентальные европейцы, как победители, так и побежденные, как сторонники авторитаризма, так и демократы — были исполнены предчувствия предстоящего наступления новой эпохи, Гитлер использовал это в своих интересах. «Мы и все народы чувствуем приближение поворотной точки века, — заявлял он порой, — не только мы, когда-то побежденные, но и победители внутренне убеждены, что кое-что не в порядке, что разум, похоже, оставил людей... Люди чувствуют, пожалуй, повсюду: в особенности на этом континенте, где народы живут в столь тесном контакте, должен быть установлен новый порядок. Его лозунгами должны быть: разум и логика, взаимопонимание и учет интересов партнера! Те, кто полагает, что над входом этого нового порядка может быть слово «Версаль», заблуждаются. Это было бы не краеугольным камнем нового порядка, а его надгробием»¹³.

Поэтому, если свести все воедино, можно сказать, что Европа имела почти столько же слабых мест, которыми воспользовался Гитлер, сколько и Германия. Одно из заблуждений оказанного с запозданием сопротивления состоит в том, что отмечают только противоречия между Гитлером и Европой, в то время как имелся целый ряд совпадающих чувств и интересов. Не без горечи Томас Манн говорил от имени меньшинства единомышленников о «мучительно медленном, каждый раз почти полностью отрицаемом осознании того факта, что той Европы, о приверженности к которой мы, немцы внутренней и внешней эмиграции, заявляли и которую мы

---

¹² Высказывание У. К. А. Бойля в беседе с капитан-лейтенантом Обермюллером; см. письмо Розенберга Гитлеру от 15.3.1935: *Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Aussenpolitik*. S. 78. Предыдущая цитата из газеты «Таймс» взята из изложения выступления лорда Лотиана в Палате лордов; см.: *Ingrim R. Von Talleyrand zu Molotov*. Stuttgart, 1951. S. 153.

¹³ Из выступления 22.3.1936; цит. по: *Domarus M. Op. cit.* S. 610.

считали нашей моральной опорой, в действительности за нами не было»¹⁴.

Многообразные ободряющие знаки со стороны Англии оправдывали самые смелые ожидания Гитлера. Он неизменно придерживался разработанной в начале 1923 года концепции союза с Англией, идея раздела мира была центральной мыслью его внешней политики вообще. Согласно ей, Англия как доминирующая морская держава должна была владеть морями и заморскими территориями, а Германия как неоспоримая континентальная держава — огромным евразийским континентом. В центре всех внешнеполитических соображений первых лет была поэтому Англия — ничто не укрепляло так уверенность Гитлера в правильном выборе пути, как отклик, который находили его акции как раз по ту сторону Ла-Манша. Хотя досадный прием, оказанный Розенбергу в мае 1933 года во время визита в Лондон, способствовал этим намерениям так же мало, как и нашумевший выход из Лиги Наций, убийство австрийского федерального канцлера Энгельберта Дольфуса¹⁵ австрийскими национал-социалистами также заметно отбросило Гитлера назад, хотя, как кажется теперь, он не был посвящен в планы покушения. Но интересы, как всегда, оказались сильнее всякого морального возмущения, тем более что сам Гитлер без колебаний принес причастных к покушению в жертву. Бежавших в Германию участников покушения он выдал австрийскому правительству, тут же сместил курировавшего Австрию инспектора НСДАП Тео Хабихта¹⁶ и отозвал в Берлин замешанного в эти дела немецкого посланника доктора Курта Рита. Место Рита занял Франц фон Папен, который все еще фигурировал в своего рода роли бывшего вице-канцлера, католик, консерватор и со времени марбургской речи вновь гарант прав граждан.

Единодушные реакции заграницы относительно покушения на Дольфуса продемонстрировало Гитлеру, что ему следует

---

¹⁴ *Mann Th. Dieser Friede*, GW. Bd. 12. S. 783.

¹⁵ Канцлер и министр иностранных дел Австрии Энгельберт Дольфус установил в стране авторитарный режим. Он был убит 25 июля 1934 года во время мятежа австрийских нацистов, требовавших объединения Австрии с Германией. — *Прим. науч. ред.*

¹⁶ Тео Хабиخت (4.4.1898—31.1.1944) был с 1932 года земельным инспектором НСДАП в Австрии. В 1937—1939 годах — обер-бургомистр Виттенберга, с 1939 года — младший статс-секретарь Имперского министерства иностранных дел. — *Прим. науч. ред.*

действовать осмотрительнее, разделять врагов и прежде всего не давать морали легко брать верх над его целями; что хладнокровие, терпение и дисциплина необходимы в большей степени, чем это было проявлено в скороспешно подготовленной и плохо скоординированной попытке переворота в Вене. Кроме того, он понял, что его позиция была еще недостаточно сильной для больших схваток и что ему было лучше ждать провоцирующих поводов или так незаметно загонять противника в цугцванг, чтобы собственные, давно задуманные акции можно было камуфлировать под ответные действия.

Обстоятельства сложились таким образом, что Гитлер добился ожидавшегося укрепления престижа уже вскоре после этого благодаря проведенному 13 января 1935 года плебисциту в Саарской области, когда отделенная по Версальскому договору от рейха земля подавляющим большинством проголосовала за воссоединение с Германией: 445 000 голосам «за» противостояло лишь 2000 голосов «против», требовавших присоединения к Франции, в то время как около 46 000 человек высказалось за статус-кво — сохранение управления Лиги Наций. Этот результат в целом никогда не подвергался сомнению, Гитлеру было не очень-то трудно выдать итоги плебисцита за личный успех: наконец-то устранен один из версальских актов несправедливости, заявил он тремя днями позже в интервью, которое дал в Оберзальцберге американскому журналисту Пьеру Хассу¹⁷. Уже спустя немного недель западные державы предоставили ему предлог для одного из тех контрударов, которыми он с этого момента главным образом и оперировал.

Тактическая слабость ведущих европейских держав перед Гитлером была обусловлена прежде всего их безусловным желанием вести переговоры: они со всех сторон устремились с предложениями, которые должны были связать этого неистового деятеля или загнать его в угол. В начале 1935 года имелись, в частности, предложения Англии и Франции расширить Локкарнский пакт соглашением о защите от нападений с воздуха, а также предложения относительно заключения аналогичных пактов с государствами Восточной и Центральной Европы.

Гитлер отнюдь не собирался серьезно рассматривать их, но они были ему к стати как поле для его тактических маневров; они позволяли ему распространять настрдания неуверенности, добиваться нужного эффекта лживыми деклара-

---

¹⁷ См.: *Domarus M. Op. cit. S. 473 ff.*

циями и скрывать неуклонно претворявшиеся в жизнь намерения.

Уже в течение 1934 года он предпринял шаги для заключения соглашения с Англией о воздушных вооружениях. За этим крылся тактический расчет уже самым вступлением в переговоры подвести Лондон к тому, чтобы рассматривать направленный против Германии запрет на данные вооружения, содержащийся в Версальском договоре, как несуществующий. Одновременно он исходил из того, что переговоры и аура интимности, которую они должны были распространять, служили прекрасным средством подогревать недоверие между Англией и Францией, по этой причине он был готов ободрить английскую сторону на широкие усилия по наращиванию вооружений. После того как переговоры были прерваны в обстановке возбуждения после убийства Дольфуса, Гитлер обратился к британскому правительству с новым предложением. Характерно, что он при этом, как это всегда бывало после поражений, повысил требования. Если до сих пор он настаивал на том, чтобы мощь ВВС Германии составляла лишь половину от английской, то теперь он в сделанном вскользь замечании назвал «само собой разумеющимся» их равенство; однако этот вопрос как предмет переговоров уже его не занимал, в центре внимания было предложение о морском договоре с Англией.

Несколько преувеличивая, идею этого предложения называли «королевской»¹⁸, и она бесспорно содержала остроумный дипломатический ход. Переговоры, касающиеся соглашения о воздушных вооружениях, сорвались не только из-за венских событий, но прежде всего по той причине, что англичане хотя и проявляли интерес, но не были действительно готовы к заключению двустороннего договора. Предложение же о подписании морского пакта задевало их более уязвимую сторону. Правда, в тот момент уже шли переговоры об общем морском договоре, так что англичане и теперь поначалу заколебались. Но, несмотря на препятствия и срывы, идея Гитлера привлекала. Он облегчил первые контакты щепетильным партнерам, говоря поначалу, что речь-де идет о ни к чему не обязывающих обменах мнениями. Сами переговоры дали ему достаточные возможности польстить британским притязаниям на господство на море, к которым примешивались и сен-

---

¹⁸ *Ingrim R. Op. cit. S. 107.*

тиментальные мотивы, и довести заинтересованность своих противников в решении проблемы почти до измены собственным принципам, поскольку для них представление о Британии, правящей на мировом океане, было несравненно доходчивее проблематичного принципа коллективных пактов. В конце концов, он ошеломил их внезапным демаршем, которому они и поддались не без признаков растерянности.

Первые намеки поступили от специального уполномоченного Гитлера — Риббентропа, когда последний встретился в середине ноября 1934 года в Лондоне с лордом — хранителем печати Иденом и британским министром иностранных дел сэром Джоном Саймоном. В начале 1935 года контакты были продолжены. 25 января Гитлер «неофициально» принял лорда Аллена Хэртвуда, а четырьмя днями позже, опять «неофициально», либерального политика лорда Лотиана. Германский канцлер жаловался на медленный ход переговоров по разоружению, подчеркивал совпадение обоюдных интересов, констатировал бесспорность позиции владычества Британии на море, а затем впервые внес конкретное предложение. Он заявил о своей готовности заключить договор, согласно которому мощь флотов Германии и Англии устанавливалась в соотношении 35 к 100, однако Германия должна была получить в соответствии со своей национальной традицией более сильную сухопутную армию. Такова была схема предложенной общей концепции, которой Гитлер в заключение беседы с лордом Лотианом еще придал оригинальный поворот: если ему можно высказаться не в роли рейхсканцлера, а как бы «человека, осмысливающего уроки истории», сказал он, то самую надежную гарантию мира он видел бы в совместном германо-английском заявлении, согласно которому обе страны в будущем привлекут к ответственности и накажут каждого, кто нарушит мир¹⁹.

Более близким по срокам и конкретным шагом стала достигнутая позже договоренность о визите британского министра иностранных дел в Берлин, который был назначен на 7 марта. Та дискуссия, которую вызвало предложение Гитлера, еще и сегодня показывает, как точно он оценил интересы и психологию другой стороны. Она прямо-таки в идеальной модели выявляет те приемы самоуспокоения англичан, которые, несмотря на все разочарования, определяли политику в последу-

---

¹⁹ Kuhn A. Op. cit. S. 159.

ющие годы. Их основное предположение заключалось в том, что Гитлер остро нуждается в договоре, который придаст бы законный характер наращиванию его военного потенциала и наконец придаст бы Германии статус равного союзника — этот шанс ни в коем случае нельзя упустить. Это предоставляло возможность покончить с гонкой вооружений, держать вооружение Германии в контролируемых границах и в конечном счете все-таки посадить Гитлера на цепь. Ставка самой Англии в этой игре относительно невелика; по сути дела, речь идет лишь об и так устаревшем пятом разделе Версальского договора, который содержал положение о разоружении Германии. Хотя Франция и будет опасаться германо-английского договора, ей придется осознать, «что у Англии нет постоянных друзей, а есть лишь постоянные интересы», как писал «Невел ревю» — орган британских ВМС²⁰. Именно этим интересам, как полагали, отвечало бы признание британских претензий на господство на морях со стороны такой великой державы, как Германия, тем более на столь умеренных условиях, которые выдвинул Гитлер. Эра Версаля, которая значила так много для Франции, отошла в любом случае в прошлое и, как говорилось в докладной записке Форин оффис от 21 марта 1934 года, «если уж проводить похороны, то лучше сейчас, пока Гитлер настроен оплатить услуги похоронной конторы»²¹.

Основное значение всех этих соображений — отказ от солидарности, возникшей в ходе мировой войны и подкрепленной в Версале. Приходится, не без смешанного с замешательством уважения, констатировать вновь продемонстрированную способность Гитлера разбивать единый фронт противников и настраивать их друг против друга. Однако еще более удивительна его способность добиться того, что по примеру побежденных теперь и среди победителей стало распространяться растущее чувство невыносимости того мирового порядка, который они сами всего лишь за 15 лет до того тор-

---

²⁰ См.: *Ingrim R. Op. cit.* S. 140, 139; относительно мотивов политики «умиротворения» см. также: *Bullock A. Op. cit.* S. 336, равно как и (в качестве примеров из большого количества литературы на эту тему): *Gilbert M., Gott R. Op. cit.* *Haffner S.* Der Selbstmord des Deutschen Reiches. Кроме того: *Niedhart G.* Grossbritannien und die Sowjetunion 1934—1939. Studien zur britischen Politik der Friedenssicherung zwischen den beiden Weltkriegen, а также: *Wendt B.-J.* Appeasement, 1938. Wirtschaftliche Rezession und Mitteleuropa

²¹ *Ingrim R. Op. cit.* S. 143.

жественно провозгласили. Впервые его талант, проявившийся уже в предвыборных боях агонизирующей республики, подать проблематичную ситуацию как абсурдную и цинично несправедливую успешно сработал и во внешней политике. Правда, какое-то время казалось, что его противники все же хотят сформировать единый фронт сопротивления. В реальности же получилась только имитация отпора, которая слишком явно должна была прикрыть их робость, — Гитлера она не смогла обмануть. А затем они тем более беспрепятственно уступили ему поле битвы.

Словно для того, чтобы прикрыть своего министра иностранных дел, британское правительство опубликовало 4 марта «Белую книгу», которая осуждала открыто нарушавший Версальский договор широкомасштабный рост вооружений в Германии, возлагала на нее вину за усиливающееся чувство неуверенности в связи с официально поощряемым духом воинственной агрессивности и тем самым обосновывала необходимость программы увеличения воздушных вооружений. Но Гитлер не дал себя запугать этим и выразил свое недовольство тем, что со ссылкой на внезапную «простуду» был отменен визит сэра Джона Саймона. Одновременно он использовал якобы совершенную в его отношении несправедливость для контратаки и 9 марта официально уведомил иностранные правительства, что в Германии уже создана своя военная авиация. Когда после этого французское правительство все-таки объявило об увеличении срока службы солдат тех годов рождения, когда была низкая рождаемость, а британский министр иностранных дел лишь невозмутимо заявил в Палате общин, что он и мистер Иден по-прежнему собираются предпринять поездку в Берлин, Гитлер в конце следующей недели сделал еще один провоцирующий шаг. Ссылаясь на меры соседей, которым Германия со дней Вудро Вильсона все вновь и вновь — и каждый раз напрасно — оказывала доверие, пока не оказалась в окружении сильно вооруженных государств в «недостойном и в конечном счете опасном состоянии бессильной беззащитности», он объявил о том, что 16 марта вновь вводится всеобщая воинская повинность, и о создании нового вермахта мирного времени в составе 36 дивизий общей численностью 550 тысяч человек²².

Гитлер увязал это заявление с блестящим военным праздником. 17 марта, в «День памяти героев», как теперь имено-

---

²² *Domarus M.* Op. cit. S. 491 ff.

вали всенародный день траура по павшим, он после патетического пышного заседания в Государственной опере организовал большой парад, в котором уже участвовали подразделения новых люфтваффе. Рядом с престарелым Августом фон Макензеном, единственным еще живым генерал-фельдмаршалом кайзеровской армии, он прошел в сопровождении высшего генералитета по Унтер-ден-Линден к террасе берлинского замка, чтобы прикрепить к знаменам и штандартам армии почетные кресты. Затем он под аплодисменты десятков тысяч собравшихся принял парад. И хотя восстановление всеобщей воинской повинности было в Германии популярно как демонстративное выражение антиверсальского самосознания, Гитлер все же не решился, как это сопутствовало всем прежним аналогичным акциям, провести по этому вопросу плебисцит.

В этот момент гораздо важнее была реакция на откровенное нарушение условий Версальского мира со стороны стран, его подписавших²³. Однако уже через несколько часов неопределенности Гитлер увидел, что его рискованный шаг полностью оправдал себя. Хотя британское правительство выступило с серьезным протестом, оно уже в ноте запрашивало, не хочет ли еще Гитлер принять министра иностранных дел. Для немецкой стороны это было «сенсацией в нужном направлении»²⁴, как заметил один из участников событий. Франция и Италия были опять готовы применить более решительные меры и собрали в середине апреля конференцию трех держав в Стрезе на берегу озера Лаго-Маджоре. Муссолини настаивал на том, чтобы остановить дальнейшие поползновения Германии, но представители Великобритании с самого начала дали понять, что их страна не собирается применять санкции. Дело обернулось простым обменом мнениями. Консультации — последнее прибежище нерешительности перед лицом реальности, — записал Муссолини, имея в виду данную конференцию²⁵.

---

²³ Кроме так называемых мировых держав — США, Великобритании и Франции со стороны Антанты Версальский договор подписали также Италия, Япония, Бельгия, Боливия, Бразилия, Куба, Эквадор, Греция, Гватемала, Гаити, Хиджаз, Гондурас, Либерия, Никарагуа, Панама, Перу, Польша, Португалия, Румыния, Сербо-Хорватско-Словенское государство, Сиама, Чехословакия, Уругвай. — *Прим. науч. ред.*

²⁴ Schmidt P. Statist auf diplomatischer Bühne. S. 292.

²⁵ См.: Feiling K. Life of Neville Chamberlain. P. 256.

Вследствие этого Саймону и Идену, когда они прибыли в конце марта в Берлин, пришлось иметь дело с самоуверенным Гитлером, с терпеливой вежливостью выслушивающим предложения собеседников, но уклоняющимся от каких бы то ни было конкретных договоренностей. После долгих заклиний по поводу большевистской угрозы он вновь, ссылаясь на нехватку у немецкого народа «жизненного пространства», предложил глобальный союз, первой ступенью которого должен был стать морской договор. Когда же другая сторона сухо отказалась рассматривать вопрос об установлении особых германо-английских отношений и принести им в жертву договоренности с Францией, Гитлер оказался в более трудном положении.

В какой-то момент показалось, что вся его великая концепция потерпела крах. Но Гитлер оставался непреклонным. На следующий день переговоры предоставили ему новый шанс, и он использовал его для смелого блефа. На вопрос о нынешней силе немецких люфтваффе, который сэр Джон Саймон задал в ответ на требование немецкой стороны установить паритет в военной авиации, Гитлер после короткой паузы, вроде бы колебавшись, ответил, что Германия уже достигла паритета с Англией. Это сообщение вызвало шок, Саймон лишился дара речи и какое-то время никто не мог произнести ни слова. Как вспоминает один из участников, лица англичан выражали озадаченность, удивление и сомнение. Теперь было понятно, почему Гитлер оттягивал переговоры до сообщения о создании люфтваффе и введении всеобщей воинской повинности: простыми уговорами склонить Англию на свою сторону было невозможно, он мог придать вес своим предложениям только при помощи давления и угроз. Когда Гитлер непосредственно после этого раунда переговоров вместе с Герингом, Риббентропом и некоторыми членами кабинета приехал на завтрак в британское посольство, «хозяин дома» сэр Эрик Фиппс выстроил в салоне приемов своих детей, которые приветствовали Гитлера вытянутыми в фашистском приветствии ручонками и смущенным «Хайль!»²⁶.

---

²⁶ Schmidt P. Op. cit. S. 301. Правда, за время работы в Берлине Фиппс изменил свой взгляд на Гитлера. Уже вскоре после этого он говорил американскому послу в Париже, что «считает Гитлера фанатиком, который успокоится, разве что добившись господства над Европой». Своему американскому коллеге в Берлине он заявил, что Германия не начнет войну ранее 1938 года, но что «война — это ее цель»; см.: Gilbert M., Gott R. Op. cit. S. 26 f.

В любом случае англичане были под сильным впечатлением от услышанного. Хотя вскоре еще раз представилась возможность изолировать Гитлера (когда Совет Лиги Наций 17 апреля осудил нарушение Версальского договора Германией и Франция вскоре после этого заключила договор о союзе с СССР²⁷), они соблюдали оговоренные в Берлине сроки переговоров о военно-морском флоте. Судя по всему, Гитлер уже в этом разглядел кардинальное признание слабости, которое он собирался теперь использовать. Он дал указание своему специальному уполномоченному Риббентропу начать беседу в Форин оффис 4 июня ультимативным требованием принять соотношение сил на море как 35:100. Это было не просто предложение немецкой стороны, а непоколебимое решение фюрера, принятие которого является непреложной предпосылкой начала переговоров. Побажровев от гнева, Саймон одернул главу немецкой делегации и покинул затем помещение, но Риббентроп упорно настаивал на своем условии. Претенциозный и ограниченный, он явно не чувствовал, каким афронтом для другой стороны были выдвинутые им сразу в начале переговоров требования согласиться с тем, что она совсем недавно осудила в «Белой книге», потом в ноте протеста в связи с восстановлением всеобщей воинской повинности, затем в Стрезе и только что в Совете Лиги Наций. Все возражения Риббентроп, пользуясь любимым словом его заключительного доклада, «категорически» отметал. Он говорил об «историческом немецком предложении», назвал срок союза просто-напросто «вечным», а на соответствующее возражение ответил, что все равно, когда обсуждать трудные вопросы — в начале или в конце²⁸. Кончилось дело тем, что участники бесед безрезультатно разошлись.

Тем сильнее было удивление, когда двумя днями позже англичане попросили о новой встрече, которую они начали заявлением, что британское правительство решило принять требования рейхсканцлера за основу дальнейших перегово-

---

²⁷ Имеется в виду советско-французский Договор о взаимопомощи, подписанный в Париже 2 мая 1935 года (сроком на 5 лет). Договор предусматривал лишь оказание помощи в случае нападения на одну из сторон. — *Прим. науч. ред.*

²⁸ См. описание в книге Р. Ингрима: *Ingrim R. Op. cit. S. 129 ff.*, а также: *Schmidt P. Op. cit. S. 315*, а также дневниковые записи Крюгмана цит. в кн.: *Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Aussenpolitik. S. 415, Anm.*

ров между двумя странами о флотах. Как будто те особые доверительные отношения с Англией, которых добивался Гитлер, уже стали налаживаться. Саймон сдержанным тоном собеседника сказал, что надо всего лишь переждать несколько дней, «считаясь особенно с положением во Франции, где позиции правительства, к сожалению, не столь стабильны, как в Германии и Англии»²⁹. Когда несколькими днями позже переговоры по согласованию текста договора, который не представлял больше проблем, были завершены, днем подписания избрали — не без патетики — 18 июня, день, когда 120 лет тому назад англичане и пруссаки разбили французов у Ватерлоо. Риббентроп вернулся в Германию великим государственным деятелем, «еще более великим, чем Бисмарк», как заметил позже Гитлер. Сам Гитлер назвал этот день «самым счастливым в своей жизни»³⁰.

Это был действительно необыкновенный успех, он давал Гитлеру все, на что он мог надеяться в данный момент. Британские апологеты постоянно ссылались на потребности Великобритании в безопасности и на шанс укротить Гитлера при помощи уступок. Но все же остается вопрос, могли бы эти потребности и расплывчатые ожидания оправдать действия, в силу которых санкционировалась политика дерзких нарушений договоров, окончательно взрывалась изнутри западная солидарность и политическая ситуация Европы пришла в движение, о котором никто не мог знать, когда и где оно остановится. Морской договор по праву называли «событием века», «симптоматическое значение которого несравненно больше его конкретного содержания»³¹. Прежде всего оно укрепило Гитлера в представлении, что средствами шантажа можно добиться прямо-таки всего, и подпитывало его надеж-

---

²⁹ Цит. по.: *Ingrim R.* Op. cit. S. 133; затем в этой связи также: *Raeder E.* Mein Leben. Bd. 1. S. 298 ff.

³⁰ *Ribbentrop J.* v. Op. cit. S. 64.

³¹ *Bracher K.D.* Diktatur. S. 323; цитируемое ниже высказывание Гитлера см.: *Kordt E.* Nicht aus den Akten. S. 109.

По поводу оправдания политики «умиротворения» со стороны Британии см., например, выступление сэра Сэмьюэла Хора в Палате общин 11.7.1935: *Churchill W.* Op. cit. S. 178, а также: *Hoare S.* Neun bewegte Jahre. Düsseldorf, 1955. S. 127 ff. Хотя Черчилль и высказывался тогда против правительственной политики, однако при голосовании, закончившемся с результатом 247 голосов «за» и 44 «против», поддержал ее.

ду на великий союз по разделу мира: этот договор, восторженно говорил он, представляет собой «начало нового времени... Он твердо верит в то, что британцы добивались взаимопонимания с нами в этой области лишь в качестве начала сотрудничества, которое идет гораздо дальше. Германо-британская комбинация будет сильнее всех остальных держав, вместе взятых». Ввиду серьезности его исторических претензий вручение Гитлеру точной копии меча Карла Великого в начале сентября в Нюрнберге было, пожалуй, чем-то более значительным, чем просто пустым торжественным жестом.

Заключение англо-германского морского договора привело к еще одному результату: — именно он по-настоящему закрепил поворот в межгосударственных отношениях в Европе. В течение двух с половиной лет после назначения Гитлера рейхсканцлером Муссолини, несмотря на все идеологическое родство режимов, придерживался в отношении нацистов политики критической сдержанности, «более ясно ощущая экстраординарное и угрожающее в национал-социализме, чем большинство западных государственных деятелей»³². Личное удовлетворение победой фашистов в Германии не могло заглушить глубокое беспокойство по поводу существования на севере соседа, который в полной мере обладал той динамикой, жизненной силой и дисциплиной, которые он упорно и не без трудностей Муссолини старался привить собственному народу. Встреча в Венеции скорее подтвердила его скепсис в отношении Гитлера, но и, вероятно, впервые пробудила тот комплекс «второсортности», который он все больше и больше стремился компенсировать гримасами гордости, имперскими акциями и ссылками на прошлое, но который, в конечном счете, все глубже затягивал его в роковое партнерство с Гитлером. Три тысячелетия истории позволяют итальянцам, сказал он в одной из речей вскоре после встречи, имея в виду расовые теории Гитлера, «с величественным равнодушием взирая на известные доктрины, существующие по ту сторону Альп, разработанные потомками тех людей, которые в дни Цезаря, Вергилия и Августа еще не знали грамоты». По свидетельству из другого источника, он назвал Гитлера «фиглярком», заклеил расовое учение как «еврейскую выдумку» и саркастически выразил сомнение, удастся ли превратить немцев в «расово чистое стадо»: «При самом благоприятном

---

³² *Nolte E. Faschismus in seiner Epoche. S. 288.*

раскладе... для этого потребуется шесть столетий»³³. В отличие от руководителей Франции или тем более Англии он временами был готов ответить на наглые внешнеполитические вылазки Гитлера демонстрациями военной силы. «Самый лучший способ затормозить немцев — призвать в армию родившихся в 1911 году». После убийства Дольфуса он перебросил на северную границу несколько итальянских дивизий, обещал по телеграфу австрийскому правительству всяческую поддержку в защите независимости страны и в конце концов разрешил итальянской прессе популярные в стране выпады против Гитлера и немцев.

Теперь он ожидал награду за столь долгое образцовое поведение. Его взоры обратились при этом на Эфиопию, которая была предметом империалистических фантазий Италии уже с конца XIX века, когда попытка расширить колонии Эритрею и Сомали позорно провалилась³⁴. Он ожидал, что нуждающиеся в Италии для организации отпора Гитлеру Англия и Франция не станут чинить препятствий захвату этой страны. Расположенная на своего рода «ничейной земле», Аддис-Абеба для них в реальности не могла быть важнее Берлина. Туманные выражения согласия, высказанные Лавалем во время его январского визита в Рим, и молчание британцев в Стрезе он истолковал как знак осторожного одобрения. Кроме того, он отдавал себе отчет в том, что морской договор еще более повысил ценность Италии для западных держав, прежде всего для Франции.

При помощи спровоцированных пограничных инцидентов и конфликтов в районах оазисов он нагнетал настроения в пользу колониальной войны, которая скорее создавала впечатление странного анахронизма. Опасавшаяся лишиться еще одной опоры в своей системе союзов, Франция заверила Муссолини в своей пассивной поддержке, а все предложения о посредничестве дуче отметал с высокомерием Цезаря. И тут, как ни удивитель-

---

³³ Nolte E. Faschismus in seiner Epoche. S. 288, а также: *Mussolini B. Opera omnia*. Vol. XXVI. Firenze, 1951. P. 319, а также: *Kirkpatrick I. Mussolini*. S. 268; там же (S. 275) содержится и приводимая ниже цитата Муссолини.

³⁴ Имеется в виду итало-эфиопская война 1895—1896 годов, завершившаяся поражением итальянцев и подписанием в Аддис-Абебе мирного договора 1896 года, по которому Италия признала «полную и безоговорочную независимость Эфиопской империи как суверенного и независимого государства». — *Прим. науч. ред.*

но, в дело вмешалась Англия. После того как она еще в апреле отказалась применить санкции в ответ на подрывающие мир действия Гитлера, она потребовала их в отношении Муссолини и в знак своей решимости демонстративно усилила свой Средиземноморский флот. Но здесь стала возражать Франция, которая не собиралась рисковать добрыми отношениями с Италией ради Англии, которая только что в сговоре с Гитлером показала себя весьма ненадежной союзницей. Это, в свою очередь, вызвало раздражение Англии, в то время как в Италии лихорадочное возбуждение дошло до того, что стали хвастливо говорить о превентивной войне против Великобритании (ее насмешливо называли «Операция “Безумие”»). Короче говоря, все договоренности и долголетние дружественные связи теперь совершенно явно распадались. Во Франции влиятельные сторонники Муссолини, прежде всего многочисленные интеллектуалы, открыто поддерживали экспансионистские устремления Италии. Видный представитель французских правых Шарль Моррас публично угрожал смертью всем парламентариям, требовавшим санкции против Италии; пораженческая ирония забавлялась вопросом: «Чего ради умирать за негуса³⁵?». Вскоре такой же вопрос зададут и о Данциге³⁶.

Жест Англии мог иметь оправдание, тем более если принять во внимание то, каков был Гитлер, и только в том случае, если бы британское правительство было готово со всей решительностью выступить против агрессии Муссолини и при этом не побоялось бы риска войны. Но Англия явно не собиралась идти так далеко в реализации своего решения, и поэтому последнее должно было лишь ускорить роковую развязку. Теперь Муссолини мог в любом случае считать гордость и честь Италии задетыми прозвучавшими угрозами в такой степени, что можно было начинать военные действия. 2 октября 1935 года он заявил на массовом митинге, трансляцию которого слышало более 20 миллионов человек на улицах и площадях во всех частях страны, что Италия по собственному решению объявляет войну Эфиопии. «Пробил великий час в истории нашего Отечества... Сорок миллионов итальянцев как скрепленное общей клятвой сообщество не позволят лишиться себя места под солн-

---

³⁵ В данном случае имеется в виду император Эфиопии (Абиссинии). На самом деле титул негуса был лишь высшим, после императора, титулом в Эфиопии, а титул императора звучит как «нгусэ нэ-гэст», то есть «царь царей». — *Прим. науч. ред.*

³⁶ См. в этой связи: *Nolte E. Krise. S. 162.*

цем!» Достаточно было перекрыть Суэцкий канал или ввести эмбарго на поставки нефти, чтобы тут же сделать небоеспособной насыщенную военной техникой итальянскую экспедиционную армию и нанести Италии такое же сокрушительное поражение, какое ей 40 лет тому назад на той же территории приготовил император Менелик. Муссолини позже заверял, что это было бы для него «невообразимой по своим последствиям катастрофой»³⁷. Но Англия и Франция, равно как и остальные нации, на это не отважились. Дело ограничилось половинчатыми мерами, неэффективность которых лишь снизила тот престиж, которым еще обладали демократии и Лига Наций. Конечно, за этой осторожностью скрывались многие причины. Например, чехословацкий премьер-министр Бенеш, который отличился в роли особо энергичного поборника экономических санкций, благоразумно не распространял их на экспорт собственной страны в Италию.

Внутренние противоречия Европы предоставили Муссолини почти неограниченную свободу маневра. Итальянская армия, оснащенная современным вооружением, стала громить и уничтожать неподготовленного, почти безоружного противника с небывалой жестокостью, утверждая новый стиль бесчеловечного ведения войны, применяя даже отравляющие газы. Столь же беспрецедентным моментом было то, что некоторые офицеры, в том числе сыновья Муссолини Бруно и Витторио, с гнусным высокомерием хвастались, что они устраивали веселую охоту на целые толпы, сотни и тысячи людей и истребляли их зажигательными бомбами и бортовым оружием своих самолетов³⁸. 9 мая 1936 года итальянский диктатор мог наконец объявить с балкона палаццо Венеция перед восторженной толпой о «своем триумфе над пятьюдесятью нациями» и о «воскрешении империи на судьбоносных холмах Рима»³⁹.

Гитлер поначалу придерживался в абиссинском конфликте строгого нейтралитета. Причем не столько потому, что у него было достаточно причин обижаться на Муссолини. Скорее дело было в том, что эфиопская авантюра дуче создавала помехи осуществлению его главной внешнеполитической

---

³⁷ См.: *Schmidt P.* Op. cit. S. 342.

³⁸ *Nolte E.* Krisc. S. 160.

³⁹ 5 мая 1936 года итальянские войска вступили в столицу Эфиопии Аддис-Абебу, а 1 июня итальянское правительство объявило о создании на территории Эфиопии, Эритреи и Сомали единой Итальянской Восточной Африки. — *Прим. науч. ред.*

концепции, в основе которой с момента ее возникновения постоянно была идея партнерства с Англией и Италией. Начавшаяся схватка приводила к противостоянию двух важнейших будущих партнеров и ставила Гитлера перед непредусмотренной альтернативой⁴⁰.

Как это ни удивительно, он после продолжительных колебаний решил поддерживать итальянскую сторону и стал поставлять ей сырье, прежде всего уголь, хотя он за несколько месяцев до того приветствовал англо-германский договор как начало новой эпохи. Так он поступил не из идеологических соображений и явно не по экономическим причинам, сколь бы весомы они ни были при принятии данного решения. Гораздо важнее было то обстоятельство, что он видел в конфликте шанс взломать устоявшийся порядок в Европе. Логика наращивания кризиса требовала помогать слабой стороне против более сильной. Так, уже летом 1935 года Гитлер направил негусу в ходе двух транзакций, проводившихся в обстановке высочайшей секретности, военной техники на 4 млн марок, в том числе 30 противотанковых пушек, которые явно предназначались для боев с итальянским агрессором. Точно так же он поддерживал теперь Муссолини в противостоянии западным державам⁴¹. Принять такое решение ему было тем более легко, поскольку он, как показывает его секретное выступление в апреле 1937 года, не принимал всерьез обязательства, взятого на себя Англией, ибо те принципы, за которые она выступала — неприкосновенность малых наций, защита мира, право на самоопределение, для него ничего не значили. В то время как империалистическая акция Италии была в его глазах реализацией закона и логики политики. Это была та же серьезнейшая ошибка, которую он повторил в августе и сентябре 1939 года, она была связана с его рационалистической неспособностью принимать в расчет какие-либо иные интересы, кроме голых мотивов борьбы за власть. Кроме того, вдохновленный своими быстрыми успехами, он чувствовал себя уже достаточно уверенно, чтобы в известной степени

---

⁴⁰ На этот конфликт впервые указал, приводя многочисленные подробности, А. Кун в уже упоминавшейся монографии о внешнеполитической программе Гитлера. Он же обнаружил и взаимосвязь этих событий с цитируемым ниже секретным выступлением Гитлера 29 апреля 1937 года.

⁴¹ См. исследование Манфреда Функе: *Funke M. Sanktionen und Kanonen. Hitler, Mussolini und der Abessinienkonflikt*. Düsseldorf, 1971.

испытать на прочность только что заключенный союз с Англией ради завоевания на свою сторону и другого союзника, который пока, несмотря на все усилия, почти враждебно отворачивался от него.

Однако Гитлер использовал войну в Абиссинии не только для прорыва изоляции на юге. Еще важнее было для него воспользоваться ставшей очевидной нерешительностью западных держав, а также параличом Лиги Наций для нового ошеломляющего внешнеполитического демарша: 7 марта 1936 года немецкие войска заняли Рейнскую область, которая являлась демилитаризованной зоной со времени заключения Локарнского договора⁴². По логике событий это было неизбежным следующим шагом, но, по всей видимости, он даже для Гитлера произошел неожиданно быстро. Судя по документам, фюрер стал в середине февраля размышлять, не целесообразнее ли, ввиду сложившегося международного положения, перенести эту акцию, которая первоначально намечалась на весну 1937 года, на более ранний срок⁴³. И, очевидно, уже несколькими днями позже он решился провести эту операцию, поскольку Муссолини два раза подряд с небольшим интервалом заверял его, что дух Стрезы мертв, и Италия ни в каких акциях против Германии участвовать не будет. Правда, Гитлер и на этот раз ожидал повода, который позволил бы ему выступить перед миром в великой роли обиженного и сослаться, выдвигая контробвинения, на совершенную в его отношении несправедливость.

Предлогом ему послужил на этот раз франко-советский договор о взаимопомощи, переговоры о заключении которого

---

⁴²Версальский договор создавал демилитаризованную зону на территории Германии на левом берегу Рейна и 50-километровой полосе на его правом берегу. В этой зоне Германии запрещалось размещать войска, возводить фортификационные сооружения и т.д. — *Прим. науч. ред.*

⁴³См.: *Hossbach P.* Op. cit. S. 97. Автор пишет, что мысль о проведении операции в более ранние сроки пришла Гитлеру впервые 12 февраля, а это доказывает, что, несмотря на свойственную ему боязнь перед принятием решений, Гитлер при сложившихся обстоятельствах мог и очень быстро пойти на решительные шаги. По поводу приводимого ниже заверения Муссолини см.: *Jacobsen H.-A.* Nationalsozialistische Aussenpolitik. S. 418. Замечание о том, что дух Стрезы мертв, относилось к достигнутой в свое время договоренности держав всеми подходящими средствами препятствовать любому одностороннему расторжению договоров.

шли уже долгое время⁴⁴, но он еще не был ратифицирован. Договор тем более подходил в качестве предложения для ответного хода Гитлера, что был предметом долгих споров внутри Франции и вызвал значительную озабоченность далеко за ее пределами, прежде всего в Англии. Для маскировки своих намерений Гитлер дал 21 февраля интервью Бертрану де Жувенелю, в котором выразил свое желание обоюдного сближения и в особенности дистанцировался от резко антифранцузской тональности книги «Майн Кампф». Тогда, заявил он, Франция и Германия были врагами, но со временем все основания для конфликтов исчезли. На вопрос де Жувенеля, почему книга, которая повсеместно считается своего рода библией нацизма, переиздается вновь и вновь в неизменном виде, Гитлер ответил так, что он не писатель, который перерабатывает свои произведения, а политик. «Мои исправления я провожу в своей внешней политике, которая сориентирована на взаимопонимание с Францией... Мои исправления я вношу в великую книгу истории!»⁴⁵. Когда интервью было опубликовано в «Пари-Миди» лишь неделей позже и как раз на следующий день после ратификации франко-советского пакта Палатой депутатов, Гитлер счел себя обманутым. С послом Франсуа-Понсе⁴⁶, который посетил его 2 марта, он говорил в раздраженном тоне, разгневанно заявив, что его хотели обвести вокруг пальца, что своевременная публикация интервью была сорвана из-за интриг политических кругов, все его заявления с того момента устарели и теперь он выдвинет новые предложения.

Тем же 2 марта датирована директива фон Бломберга, касающаяся занятия Рейнской области. Гитлер осознавал большой риск своего шага, позже он назвал первые двое суток после утра 7 марта 1936 года, когда его части под аплодисменты населения, засыпаемые букетами цветов, переходили Рейн, «самым волнующим моментом» своей жизни. В ближайшие десять лет он не хочет брать на свои плечи подобно-

---

⁴⁴ Начиная с 1933 года СССР вел переговоры с Францией о заключении более широкого Восточного пакта, идея которого под влиянием целого ряда объективных и субъективных факторов международного развития сузилась до двустороннего договора, подписанного 2 мая 1935 года и ратифицированного Палатой депутатов французского парламента 27 февраля 1936 года. — *Прим. пер.*

⁴⁵ Domarus M. Op. cit. S. 580.

⁴⁶ Андре Франсуа-Понсе (13.6.1887—9.1.1978) занимал пост посла в Германии с августа 1931 года до октября 1938 года. — *Прим. науч. ред.*

го груза, заверил он. Ведь строительство вермахта только начиналось, в случае серьезной схватки он мог выставить лишь горстку дивизий против почти двухсот дивизий Франции и ее восточноевропейских союзников, в состав которых теперь надо было включать и вооруженные силы Советского Союза. И если у самого Гитлера, очевидно, никакого нервного срыва, вопреки утверждению одного из участников событий, не было, нервы отказали у его сангвинического военного министра, который вскоре после начала акции возбужденно советовал отвести части назад ввиду ожидавшейся французской интервенции. «Если бы французы вошли тогда в Рейнскую область, — признал все-таки Гитлер, — нам пришлось бы с позором и бранью отходить, ибо имевшихся у нас военных сил не хватило бы даже для незначительного сопротивления»⁴⁷.

Тем не менее Гитлер не колеблясь пошел на риск, и его готовность к этому шагу была, бесспорно, связана с заметно становившейся все более презрительной оценкой Франции. Прикрытие акции он обеспечил уже отработанным способом. Он опять назначил ее на выходные дни, когда, как он знал, руководящие органы западных держав не способны принять решения. На этот раз опять сочетал двойное нарушение договоров — Версальского и Локарнского — с клятвами в благонамеренности своего поведения и головокружительными предложениями союза, в том числе даже пакта о ненападении с Францией на 25 лет и возвращения Германии в Лигу Наций. Он вновь подвел под свою акцию демократическую законную основу, проведя плебисцит, на котором он впервые получил «показатель, о котором мечтают тоталитарные режимы»⁴⁸ — 99 % голосов, «это оказало сильнейшее воздействие на людей в стране и за ее пределами», — отмечал он позже. То, что концепция внезапных насильственных действий, сопровождаемых маскирующими заявлениями, применялась сознательно, следует из его замечания в ходе одной из «застольных бесед», в котором он критиковал уступчивость Муссолини перед пап-

---

⁴⁷ Schmidt P. Op. cit. S. 320; а также: Hossbach F. Op. cit. S. 23 и S. 98. Преувеличенное, по всей видимости, и не подтвержденное другими источниками утверждение, будто Гитлер был близок к нервному кризису, принадлежит Э. Кордту: Kordt E. Nicht aus den Akten. S. 134.

⁴⁸ Bracher K.D. Diktatur. S. 325. В «застольных беседах» Гитлер признался, что «после каждой успешной акции устраивал выборы. Это оказывало сильнейшее воздействие и в стране, и за ее пределами; Hitlers Tischgespräche. Op. cit. S. 169.

ской курией: «Я бы ввел войска в Ватикан и вытащил оттуда всю компанию, а потом бы сказал: «Извините, я ошибся!» — но ее бы там уже не было!» Эту фазу, которой его тактика придавала столь характерный облик, он не без основания называл «эпохой свершившихся фактов»⁴⁹.

Речь в Рейхстаге, в которой Гитлер оправдывал ввод войск в Рейнскую область, была шедевром демагогической игры на противоречиях, страхах, желании мира, характерных и для Германии, и для Европы. Он пространно живописал «ужасы интернациональной коммунистической диктатуры ненависти», опасность с Востока, которая при попустительстве Франции нависла над Европой. Он ратовал за то, чтобы «вывести проблему общих противоречий между народами и государствами из сферы иррационального, из области страстей и рассмотреть ее спокойно в свете высшего разума». Конкретно он обосновывал свой шаг тем, что по нормам немецкого права франко-советский пакт о взаимопомощи должен рассматриваться как нарушение Локарнского договора, поскольку он однозначно нацелен против Германии. Французская сторона возражала, но доводы Гитлера все же не были лишены оснований⁵⁰, хотя именно его политика радикального пересмотра существующего порядка заставила озабоченную своей безопасностью Францию пойти на данный союз. Как бы то ни было, его аргументы и заверения произвели свое впечатление. Хотя, как теперь известно, правительство в Париже в какой-то момент подумывало о военном противодействии, но, учитывая господствовавшие в стране пацифистские настроения, побоялось объявлять мобилизацию. Англия вообще демонстрировала непонимание возбуждения французов — по ее оценке, Германия всего-навсего возвращается «в свой собственный сад». Когда Иден посоветовал премьер-министру Болдуину учесть обеспокоенность Франции и по меньшей мере установить контакты между Генеральными штабами, он получил такой ответ: «Нашим ребятам неохота заниматься этим»⁵¹. По сути дела, из союзников Франции готовность принять военные меры продемонстрировала только Польша.

---

⁴⁹ *Hoffmann H.* Op. cit. S. 82; затем: *Hitlers Tischgespräche*. S. 155, 169. В том же смысле Чиано говорил о «фашистском принципе» свершившихся фактов: «Coso fatta capo ha». См.: *Ciano G. Tagebücher*. S. 9.

⁵⁰ См. в этой связи анализ в книге Г. Мейнка: *Meinck G.* Op. cit. S. 145 ff.

⁵¹ *Lord Avon. Facing the Dictators*. London, 1962. P. 362.

Однако пассивная позиция французского правительства фактически дезавуировала ее, и в конце концов поляки попали в весьма затруднительное положение: когда об их действиях стало известно в Берлине, им пришлось искать более или менее невинно звучащее обоснование своей готовности вмешаться в события.

Таким образом, все шло по модели предшествовавших кризисов. За молниеносной акцией Гитлера последовали громкие протесты и угрозы, затем озабоченные консультации, потом конференции (с Германией и без нее), и так до тех пор, пока всплеск энергии, вызванный актом нарушения договоров, не перерос в тягучую болтовню. Хотя взволнованный Совет Лиги Наций поспешил собраться на чрезвычайное заседание в Лондоне и единогласно объявил Германию виновной в нарушении договоров, он тем не менее не преминул отметить с чувством благодарности вновь проявленную Гитлером «волю к сотрудничеству» и предложил начать переговоры с нарушителем договора, как будто данная Советом оценка случившегося была плодом всего лишь абсурдного каприза. Когда решение Совета потребовало создания в Рейнской области 20-километровой нейтральной зоны и отказа Германии от строительства укреплений в этом районе, Гитлер лаконично заявил, что он не подчинится никакому диктату и что немецкий суверенитет восстанавливался не для того, чтобы тут же позволить его ограничить или аннулировать. Державы-победительницы последний раз говорили тоном победителей, тоном одержавших ту победу, которая уже давно выскользнула из их рук. Очевидно, именно это не в последнюю очередь имела в виду лондонская «Таймс», которая, невзирая ни на что, продолжала благожелательно относиться к Германии. Она увидела в поведении Гитлера «шанс заново построить здание» международных отношений, — так была озаглавлена передовица.

Все это трудно было истолковать иначе, как неспособность или нежелание западных держав защищать далее созданную ими же в Версале и после него систему. Уже год назад, после вялой реакции на восстановление всеобщей воинской повинности, Франсуа-Понсе с озабоченностью отмечал, что Гитлер, должно быть, теперь убежден в том, что может «позволить себе все и диктовать Европе законы»⁵². Ободрен-

---

⁵² *François-Poncet A. Op. cit. S. 264.*

ный в равной степени ликованием собственного народа, а также слабостью и эгоизмом другой стороны, он, подобно альпинисту, пробирающемуся по карнизу над пропастью, подымался все выше и выше. Во время возвращения из триумфальной поездки по вновь занятой Рейнской области, после речи перед Кёльнским собором, которую предварял звон колоколов, а завершала Нидерландская благодарственная молитва и последующая пятнадцатиминутная пауза в работе радиостанций, он еще раз выразил в своем специальном поезде в небольшом кругу приближенных облегчение тем, что противная сторона была так нерешительна. «Как я рад! Господи, как я рад, что дело прошло так гладко. Да, мир принадлежит смелому. Ему помогает Бог». Во время поездки через ночной Рур, мимо зарниц домен, мимо отвалов и шахтных копров, им овладело одно из тех настроений взлета над своим обычным «Я», которое пробуждало в нем желание слушать музыку. Он попросил поставить пластинку с музыкой Рихарда Вагнера и после увертюры к «Парсифалу» впал в медитацию: «Свою религию я строю из “Парсифаля”. Служба Богу в торжественной форме... Без наигранного смирения... Богу можно служить только в одеянии героя». О том, как недалеко он ушел от своего начального этапа эволюции с его пропитанной обидами затхлостью даже теперь, когда он был избалован почти непостижимыми успехами и был еще почти оглушен ликованием, как мало спокойствия и великодушия было в нем даже в моменты счастья, свидетельствует его замечание, сделанное после того, как прозвучал траурный марш из «Гибели богов»: «Впервые я услышал его в Вене, в опере. До сих пор помню, как будто это было сегодня, какое омерзение у меня вызвал вид лопочущих между собой евреев, в их лапсердаках, мимо которых пришлось пройти, возвращаясь домой. Более резкого противоречия вообще нельзя себе представить: великолепная мистерия умирающего героя и это еврейское отребье!»⁵³

Поначалу занятие Рейнской области почти не изменило фактического соотношения сил в Европе. Но оно позволило Гитлеру получить важный форпост на Западе, который был ему безусловно необходим для достижения поставленных целей на Юго-Востоке и на Востоке. Как только волнения из-за этой акции улеглись, он начал сооружать линию укрепле-

---

⁵³ *Frank H. Op. cit. S. 204 f.*

ний вдоль западной немецкой границы⁵⁴. Германия поворачивалась на Восток.

Частью психологической подготовки поворота на Восток было усиливающееся осознание коммунистической угрозы. И как будто бы он лично руководил историческим процессом, события пошли по весьма выгодному для Гитлера руслу. Одобренная прошедшим летом Коминтерном новая тактика Народного фронта привела к впечатляющим успехам сперва в феврале 1936 года в Испании, а вскоре затем и во Франции, где победа объединенных французских левых на выборах помогла прежде всего коммунистам, которые смогли увеличить число своих мандатов с 10 до 72. 4 июня 1936 года Леон Блюм сформировал правительство Народного фронта. Шестью неделями позже, 17 июля, военный мятеж в Марокко положил начало Гражданской войне в Испании.

На обращение испанских республиканцев за помощью к французскому правительству Народного фронта и к Советскому Союзу вождь мятежников генерал Франко ответил аналогичной просьбой к Германии и Италии. В сопровождении испанского офицера два функционера отправились из марокканского города Тетуан в Берлин, чтобы передать Гитлеру и Герингу личные письма Франко. Хотя и в МИД, и в Военном министерстве отказались официально принять делегацию, Рудольф Гесс решил проводить их к Гитлеру, который находился на ежегодном вагнеровском фестивале в Байройте. Вечером 25 июля три посланца передали письма возвращавшемуся с открытой фестивальной площадки Гитлеру, и он под воздействием эйфории момента, без согласования с соответствующими министрами принял решение поддержать Франко. Геринг как главнокомандующий люфтваффе и фон Бломберг незамедлительно получили соответствующие указания. Самой важной и, может быть, сыгравшей даже решающую роль мерой было скорейшее направление нескольких транспортных самолетов Ju.52, при помощи которых Франко мог перебросить свои части через пролив и создать плацдарм в континентальной Испании. В последующие три года он получал поддержку в виде поставок военной техники, технического персонала, советников и прежде всего помощи известного легиона «Кондор». Однако немецкая помощь не оказа-

---

⁵⁴ Приказ о строительстве так называемого Западного вала вдоль границы с Францией, Нидерландами, Бельгией и Люксембургом был отдан Гитлером 28 мая 1938 года. — *Прим. науч. ред.*

ла существенного влияния на ход войны и по своим масштабам бесспорно сильно уступало численности сил, выделенных Муссолини. Изучение документов, касающихся этой войны⁵⁵, позволяет сделать весьма примечательный вывод, что Гитлер и в этом случае опять руководствовался в своих действиях прежде всего тактическими соображениями, проявляя холодный рационализм, совершенно свободный от идеологических факторов. Он годами почти ничего не предпринимал для обеспечения победы Франко, но делал все, чтобы не дать погаснуть конфликту. Он давно понял, что его шанс был связан только с кризисом. Лишь необходимость признаться в подлинных интересах, чего требует каждая критическая ситуация, разлад прежних связей, их разрыв и переориентация дают простор для игры политической фантазии. Поэтому подлинная выгода, которую мог извлечь и действительно извлек, искусно управляя ходом событий, Гитлер из Гражданской войны в Испании, состояла в той встряске, которой он подверг систему сложившихся международных отношений в Европе.

В сравнении с этим блекнут все другие положительные для Германии факторы, как бы велико ни было значение возможности опробования немецкой авиации и танковых частей в боевых условиях. Еще более важным было впервые продемонстрированное в боевых операциях превосходство над всеми соперничавшими политическими системами. В криках возмущения, наполнявших весь цивилизованный мир в связи с обстрелом порта Альмерия или бомбардировкой Герники, сквозил и трепет извращенного уважения к нечеловеческой дерзости, с которой здесь был брошен вызов коммунистической угрозе и в конце концов дан ей отпор. Это был старый (но на новом качественном уровне), приобретенный во времена побоищ в пивных Гитлером опыт, который говорил о привлекательной силе воздействия террора на массу.

Уже вскоре стало различимо то направление, в каком война толкала развитие событий: она и здесь демонстрировала давным-давно известные черты. Конечно, верно, что антифашисты создали на полях битв в Испании свою легенду⁵⁶, когда

---

⁵⁵ См.: ADAP Ser. D. Bd. 111. Итальянские вооруженные силы насчитывали свыше 50 000 человек, немецкие — всего около 6000, да и те постоянно переформировывались. Официальный набор добровольцев в Испанию был Гитлером запрещен, и само участие в войне не афишировалось, а держалось в строгом секрете.

⁵⁶ Nolte E. Krise. S. 178.

расколотые на многочисленные течения и фракции, измотанные внутренними распрями левые сплотились в интербригады, словно для того, чтобы дать последний и решительный бой, и еще раз показали, что старые мифы еще сохраняют свою силу. Однако тезис о мощи и опасности левых никогда не был чем-то более существенным, нежели легендой, и в качестве легенды он сыграл свою самую серьезную по последствиям роль: сплотил и мобилизовал силы противостоящей стороны.

Их борьба в Испании, несмотря на все срывы, имела прежде всего тот эффект, что так долго державшиеся порознь, медлительно сближавшиеся фашистские державы окончательно сплотились и создали провозглашенную 1 ноября 1936 года Муссолини «ось Берлин — Рим». Она расценивалась ими как новый элемент порядка, вокруг которого в призрачном вихре кружились декадентские демократии и человеко-ненавистнические террористические системы левого толка. Только в этот момент возник международный фашизм с излучающим гипнотическое воздействие центром власти. Одновременно впервые обрисовались и контуры расстановки сил ко Второй мировой войне.

Несмотря на все внешние побудительные импульсы, данный союз возник не без трудностей. Как у итальянской, так и у немецкой стороны имелись значительные возражения против тесного объединения. Замечание Бисмарка, что с этой южной страной, в равной степени ненадежной как в роли друга, так и врага, нельзя заниматься политикой, обрело в Первую мировую войну статус общепринятой истины. Общественному мнению разъяснить целесообразность союза с Италией было столь же трудно, как и в случае союза с Польшей. Хотя неприязнь не заходила так далеко, как предполагал Муссолини, который сказал в декабре 1934 года немецкому послу в Риме Ульриху фон Хасселю⁵⁷, что, как он чувствует, ни одна война не была бы так популярна в Германии, как война с Италией. С другой стороны, в Германии не

---

⁵⁷ Ульрих Кристиан фон Хассель (12.11.1881—8.9.1944) был назначен послом в Риме в ноябре 1932 года. Был противником заключения германо-итальянского пакта о сотрудничестве и создания «оси Берлин—Рим». Имел крупные разногласия с И. фон Риббентропом, через 12 дней после вступления его на пост министра иностранных дел 17 февраля 1938 года заменен Г. фон Макензеном. Принимал активное участие в антифашистском заговоре. Повешен по приговору Народной судебной палаты. — *Прим. науч. ред.*

были склонны верить заверениям Чиано⁵⁸, что фашистская Италия отказалась от мании поиска самых выгодных для нее комбинаций и перестала быть, как утверждало в прошлом одно бранное определение, «шлюхой демократий»⁵⁹.

Установлению столь тесных связей способствовала прежде всего личная симпатия, которая возникла у Гитлера и Муссолини друг к другу уже после неудачной встречи в Венеции. Несмотря на все различия в частностях — экстравертная подвижность Муссолини, его неосложненная рефлексией трезвость, спонтанность и жизнелюбие находились в явном противоречии с торжественной зажатостью Гитлера, — оба были весьма похожи. Воле к власти, жажде величия, раздражительности, хвастливому цинизму и театральности одного отвечали родственные черты другого. Муссолини чувствовал себя «старшим братом» и с удовольствием, не без покровительственности давал в отношениях с немцем почувствовать известное первородство итальянского фашизма. Как бы то ни было, некоторые нацистские высокопоставленные функционеры стали читать Макиавелли. В рабочем кабинете Гитлера в «Коричневом доме» стоял массивный бронзовый бюст итальянского диктатора; в октябре 1936 года, во время визита итальянского министра иностранных дел в Берхтесгаден, он совершил совсем необычный жест почтения, назвав Муссолини «ведущим государственным деятелем мира», «с которым никто даже отдаленно не может сравниться»⁶⁰.

Поначалу Муссолини воспринимал явные «ухаживания» Гитлера не без скептической сдержанности. Она была вызвана не только укоренившимся страхом перед «германизмом», но и тем, что интересы его страны имели противоположную направленность. Хотя он приобрел колониальные владения в Восточной Африке не в последнюю очередь благодаря отвлекающему воздействию мощи национал-социалистической

---

⁵⁸ Граф Галеаццо Чиано ди Кортеллаццо (1.3.1903—11.1.1944) был сыном адмирала Констанцо Чиано — крупного деятеля фашистского режима, президента Палаты фасций и корпораций, а также мужем дочери Муссолини — Эдде. С июня 1936 года по февраль 1943 года занимал пост министра иностранных дел Италии. Противник слишком тесного сближения с Германией. Голосовал за отставку Муссолини, затем бежал в Германию. Казнен по приговору фашистского трибунала. — *Прим. науч. ред.*

⁵⁹ *Ciano G. Tagebücher.* S. 46.

⁶⁰ *Ciano G. Diplomatic Papers.* Цит. по: *Bullock A. Op. cit.* S. 351.

Германии, но гарантом сохранения итальянской империи такая Германия быть не могла. Правда, это было политическим соображением, а ввиду внезапного мощного роста феномена Гитлера Муссолини хотел теперь вершить не только политику, но и историю: участвовать во взлете к величию, проявлять динамизм, пробуждать веру, удовлетворять старую «тоску по войне»⁶¹ — были и другие лозунги судьбоносного экстаза. Поэтому, какой бы зловещей ни представлялась ему на удивление мрачная фигура немецкого диктатора, смелость, с которой он вопреки всем разумным аргументам ушел из Лиги Наций, объявил о введении воинской повинности, снова и снова бросал вызов миру и взорвал устоявшиеся европейские порядки, мучили Муссолини и импонировала ему тем больше, что это и была собственно «фашистская» политика «встряски», которую демонстрировал миру нескладный гость в Венеции. Озабоченный своим реноме, Муссолини стал думать о сближении.

Самое серьезное препятствие Гитлер устранил одним тактическим маневром. Убеденный, что позже, уже будучи друзьями, они с дуче смогут уладить все по-хорошему, он внешне уступил в австрийском вопросе. В июле 1936 года он заключил с Веной соглашение, которым прежде всего признавал австрийский суверенитет, клялся в невмешательстве во внутренние дела Австрии и в обмен на это получил обещание, что «приличным» национал-социалистам не будут мешать заниматься политической деятельностью. Муссолини, естественно, расценил этот договор во многом как свой личный успех. Тем не менее он все же еще мог испугаться идеи сближения с Германией, но как раз в этот момент обстоятельства изменились в его пользу и привели к изменению его представлений о мире. Дело в том, что в июле державы — члены Лиги Наций аннулировали свое малоэффективное решение о санкциях против Италии и тем самым, признав собственное бессилие, выдали Абиссинию агрессору. Одновременно уверенность Муссолини в собственных силах укреплялась ситуацией в Испании, где его вмешательство намного превосходило помощь Гитлера и где он выступал в качестве ведущей фашистской силы. Когда Ганс Франк посетил его в сентябре и, прежде чем изложить предложение об установлении тесного сотрудничества, передал приглашение Гитлера с самыми лестными заверениями относительно до-

---

⁶¹ *Ciano G. Tagebücher.* S. 13.

минирующей позиции Италии в Средиземноморье, Муссолини реагировал все еще с явной сдержанностью. Но это было лишь демонстрацией величественной непоколебимости великого деятеля. Ибо месяцем позже он послал в Германию прозондировать обстановку своего зятя, министра иностранных дел графа Чиано. Вскоре после этого приехали Туллио Чианетти, Ренато Риччи⁶², а затем тысяча «авангардистов»⁶³ и, наконец, в сентябре 1937 года — сам Муссолини.

В честь гостя Гитлер устроил грандиозный прием со всей помпезностью, на которую был способен режим. Декорации, как заверял мюнхенский гаулейтер Вагнер, были по большей части созданы по эскизам или идеям самого Гитлера. Были уставлены бюсты римских императоров, рядом с которыми стояли лавровые деревья — тем самым дуче и основатель новой империи ставился в один ряд и объявлялся преемником славы Цезаря и Августа. Во время их первой встречи Гитлер не только наградил его высшим немецким орденом⁶⁴, но и Золотым партийным значком, который до тех пор носил только он один. В Берлине по эскизам художника-декоратора Бенно фон Арента от Бранденбургских ворот до Вест-Энда была сооружена многокилометровая триумфальная аллея, создававшая впечатляющую кулису происходившего с ее пышными драпировками, гирляндами, искусно переплетенными полотнищами знамен, ликторскими пучками, свастиками и другими эмблемами. На белоснежных пилонах по обе стороны аллеи были установлены символы обоих режимов. На Унтер-ден-Линден стояли сотни колонн, на которых возвышались позолоченные имперские орлы. В ночное время сценарий предусматривал феерии света зелено-бело-красных цветов Италии и знамени

---

⁶² Туллио Чианетти (20.7.1899—1976) с 1934 года являлся президентом Национальной конфедерации фашистских синдикатов и унтер-секретарем Министерства корпораций. Один из руководителей фашистской молодежной организации Ренато Риччи (1.6.1896—22.1.1956) в 1929—1937 годах был унтер-секретарем по подготовке молодых фашистов, а в 1939—1943 годах — министром корпораций. — *Прим. науч. ред.*

⁶³ Члены молодежной фашистской организации в Италии. — *Прим. пер.*

⁶⁴ Специально для того, чтобы наградить Муссолини 30 мая 1937 года, был учрежден Орден Заслуг Германского орла (до этого в Третьем рейхе орденов не существовало). 25 сентября 1937 года Муссолини получил Большой крест — Grosskreuz des Deutschen Adlerkreuz. — *Прим. науч. ред.*

со свастикой. Перед торжественным прибытием Муссолини в Берлин сопровождавший его Гитлер, попрощавшись, пересел на другой спецпоезд и, когда поезд итальянского диктатора достиг границы города, на параллельном пути неожиданно появился поезд Гитлера и последний участок дороги шел вровень с вагоном гостя, а потом почти незаметно опередил его. Когда Муссолини прибыл на вокзал Хеэрштрассе, фюрер уже ждал в назначенном месте, протягивая навстречу руку для приветствия. В столицу рейха дуче въезжал, стоя рядом с Гитлером в открытом лимузине. Масштабы и очевидная искренность оказанных почестей произвели на него глубокое впечатление. Выезды, парады, банкеты и митинги сменяли друг друга. На полигоне в Мекленбурге ему были продемонстрированы новейшие виды вооружения и ударная мощь вермахта, а на заводах Круппа в Эссене — возможности немецкой военной промышленности. Вечером 28 сентября на Майфельд, недалеко от олимпийского стадиона, состоялся «народный митинг ста пятинадцати миллионов», на котором Гитлер льстил самолюбию своего гостя: Муссолини, «один из немногих деятелей времени, — воскликнул он, — которые не служат истории материалом для ее экспериментов, а сами вершат ее». Явно потрясенный впечатлениями блеска и силы, которые обрушились на него в эти дни, дуче в своей произнесенной по-немецки речи противопоставил «поддельным и ложным идолам Женевы и Москвы» «сияющую правду»: завтра Европа будет фашистской. Он не успел закончить речь, как мощная гроза с проливным дождем обрушилась на толпу, которая в панике стала разбегаться, так что дуче неожиданно оказался брошенным. На Майфельд, отмечал Чиано иронически, была «чудесная хореография: много растроганности и масса дождя». Промокшему до нитки Муссолини пришлось возвращаться в Берлин. Но тем не менее визит в Германию он не забыл до конца жизни.

«Я восхищен вами, фюрер!» — воскликнул он в Эссене при виде совершенно секретного до тех пор гигантского орудия. Гитлер отвечал ему взаимностью. Хотя в остальных случаях он был мало способен на действительные сильные чувства, к итальянскому диктатору он испытывал на редкость открытую, выглядевшую почти наивной симпатию и пронес ее сквозь многообразные разочарования. Муссолини был одним из редких людей, к которым Гитлер относился без мелочности, расчетливости или зависти. При этом было немаловажно, что тот, как и он сам, был простого происхождения, и общение с ним

не вызывало у Гитлера той скованности, как при контактах с представителями старого буржуазного класса по всей Европе. Их взаимопонимание было — во всяком случае, после неудачной встречи в Венеции — спонтанным. Полагаясь на это, Гитлер отвел в протоколе на политические консультации лишь один час. Конечно, Муссолини обладал рассудительностью и политической проницательностью, но практикуемый Гитлером стиль личностной внешней политики, метод прямых договоренностей, рукопожатий, «разговора по-мужски» отвечали более сильной стороне его сущности. Он все больше и больше попадал под влияние Гитлера, демонстрируя, так же как и многие другие, странную беззащитность, подавленность и в конце концов опустошенность. Уже сейчас, купившись на лесть и грандиозные театрализованные эффекты, утратив политическую осмотрительность, он был, по сути дела, обречен и можно было предчувствовать бесславный конец на бензоколонке Пьяцца-ле Лорето⁶⁵ без малого восемью годами позже. Ибо для него было жизненно важно, несмотря на всю идеологическую общность с Гитлером, не упускать из виду фундаментальное различие интересов, существующее между слабой, насытившейся и сильной, нацеленной на экспансию властью. О том, насколько радикально он перешел под воздействием стимулирующих впечатлений визита от категории политики к неполитической категории слепой связанности судеб, свидетельствует одно из основных положений его берлинской речи, согласно которому один из главных принципов фашистской и личной морали требует от того, кто нашел друга, «идти с ним до конца»⁶⁶.

Таким образом, Гитлеру удалось на удивление быстро реализовать часть своей концепции союзов. Впервые в современной истории два государства сплотились под знаком идеологии для «единства действий... и, вопреки всем предсказаниям Ленина, это были не два социалистических, а два фашистских государства»⁶⁷. Вопрос теперь заключался в том, удастся ли

---

⁶⁵ Муссолини был расстрелян захватившими его партизанами-коммунистами 28 апреля 1945 года на вилле Бельмонто. На следующий день его труп был перевезен в Милан и подвешен вниз головой к металлическим опорам бензозаправочной станции на площади Лорето. — *Примеч. пер.*

⁶⁶ Цит. по: *Domarus M. Op. cit. S. 738*; там же приводятся и другие высказывания, сделанные во время визита.

⁶⁷ *Nolte E. Faschismus. S. 270 f.*

Гитлеру после такого союза со столь явной идеологической подоплекой завоевать на свою сторону и другого идеального, по его мнению, партнера — Англию, не сделал ли он уже тут, исходя из собственных предпосылок и целей, шаг к роковой для него развязке.

Уже вскоре после ввода войск в Рейнскую область Гитлер предпринял новый смелый демарш, чтобы привлечь Англию на свою сторону. Он опять обошел Министерство иностранных дел, которое вскоре стало играть лишь техническую роль по исполнению рутинных внешнеполитических мероприятий. Работу по достижению своих главных целей он в значительной степени переключил на себя при помощи системы специальных уполномоченных. Звездой, самобытнейшим дипломатическим талантом и экспертом по Англии после успешного заключения морского договора считался бывший торговец спиртными напитками Иоахим фон Риббентроп⁶⁸. Теперь Гитлер пустил его в дело, чтобы увенчать союзом с Англией свою великую внешнеполитическую концепцию.

Его выбор вряд ли мог быть более ошибочным, но и более показательным. Ни одна из фигур в руководстве Третьего рейха не вызывала, пожалуй, такого мощного неодобрения, как Риббентроп. И друзья, и враги не признавали за ним не только ни одной симпатичной черты, но и малейшей деловой компетентности. Та благосклонность и протекция, которыми пользовался этот ограниченный исполнитель с лета 1935 года, показывают, в какой высокой степени Гитлер нуждался уже в это время в чистых исполнителях и людях, главным достоинством которых была их личная преданность. Высокопарное чванство в отношении других сочеталось в Риббентропе с фанатичным раболепием перед Гитлером. Всегда с тенью напряженных дум на челе, он был воплощением типа мелкого обывателя, выдвинувшегося в ходе классовых сдвигов, которые происходили с 1933 года. Свои претензии и склонность к катастрофам этот тип стилизовал под демонизм исторического величия. На рукавах его вычурного дипломатического мундира, созданного вскоре по его указанию, был

---

⁶⁸ В апреле 1933 года Иоахим фон Риббентроп возглавил бюро по внешнеполитическим вопросам и в этом качестве был подчинен лично Гитлеру. С апреля 1933 года он был имперским уполномоченным по вопросам разоружения, с 1934-го — уполномоченный по вопросам внешней политики в Штабе заместителя фюрера по партии. — *Прим. науч. ред.*

вышит земной шар, над которым хозяйски расположился имперский орел.

Теперь Риббентроп обратился через посредника к английскому премьер-министру Болдуину и предложил ему лично встретиться с Гитлером: исход беседы будет «определять судьбу поколений», ее успех будет означать исполнение «самого большого желания всей жизни» рейхсканцлера. Болдуин был очень тяжелым на подъем, флегматичным человеком с милой склонностью к комфорту. Окружению премьера, как мы знаем от одного из доверенных лиц, не без труда удалось оторвать его от вечернего пасьянса и зажечь частью того энтузиазма и надежд, которые пробудила идея предложенной встречи у всех склонных к миротворчеству сил. Болдуина поначалу настораживали осложнения, с которыми был связан план, ему были не интересны как Гитлер, так и вся Европа, о которой, как метко заметил Черчилль, он мало что знал, а то малое, что было ему известно, ему, кроме того, еще и не нравилось. А если уж проводить встречу, то пусть приедет Гитлер — сам премьер не любит ни самолетов, ни морских путешествий, и, ради Бога, не надо устраивать никаких церемоний. Так, возможно, рассуждал Болдуин перед горящими энтузиазмом советниками: рейхсканцлер приехал бы в августе, чтобы встретиться в горах, в Озерном крае Камберленда. Так участники дискуссии восторженно проговорили до самой ночи. «Потом еще немного мальвернской минералки и в постель», — заканчивается рассказ. Позже прикидывали, не встретиться ли на корабле вблизи английского побережья; сам Гитлер, вспоминал его тогдашний адъютант, «сиял от радости» при мысли о предстоящей встрече⁶⁹.

Тогда же Гитлер добавил в великую концепцию союзов еще одну грандиозную идею — вовлечь в пакт Японию. Впервые он упомянул эту дальневосточную страну как возможного союзника наряду с Англией и Италией весной 1933 года. Несмотря на все моменты расовой несовместимости, она представлялась дальневосточным эквивалентом Германии: с запозданием в развитии, дисциплинированная и неудовлетворенная. Кроме того, она граничила с Россией. Согласно новой концепции Гитлера, Англия должна была лишь спокойно вести себя в Восточной Европе и Восточной Азии, тогда как Германия и Япония могли сообща, не имея угрозы за спи-

---

⁶⁹ *Wiedemann F.* Op. cit. S. 150. Об эпизоде, касающемся вечерней беседы с Болдуином, см.: *Gilbert M., Gott R.* Op. cit. S. 34.

ной, напасть с двух сторон на Советский Союз и разгромить его. Таким образом они освободили бы не только Британскую империю от острой угрозы, но и существующий порядок, старую Европу от ее самого заклятого врага и, кроме того, обеспечили бы себе необходимое «жизненное пространство». Эту идею всепланетарного антисоветского союза Гитлер стремился реализовать на протяжении двух лет, пытаясь убедить в ней прежде всего английского партнера. В начале 1936 года он изложил ее лорду Лондондерри и Арнольду Дж. Тойнби.

До сегодняшнего дня не выяснено до конца, из-за чего сорвалась запланированная встреча с Болдуином, но, по всей видимости, немаловажную роль тут сыграли энергичные возражения Идена. И хотя Гитлер, по словам человека из его окружения, был «сильно разочарован»⁷⁰ тем, что англичане отвергли и четвертую его попытку добиться сближения, он не оставлял своих планов. Летом 1936 года он назначил Риббентропа преемником скончавшегося немецкого посла в Лондоне Леопольда фон Хёша⁷¹. Он поручил ему передать англичанам предложение «прочного альянса», «причем от Англии требуется одно — дать Германии свободно действовать на Востоке». Это было, как сказал Гитлер вскоре после этого Ллойд Джорджу, «последней попыткой» объяснить Великобритании цели и необходимости германской политики⁷².

Данная попытка сопровождалась новой кампанией против коммунизма, «старого, заклеянного каиновой печатью врага человечества», как это весьма характерно выразил Гитлер теологизирующей формулой⁷³. Гражданская война в Испании обогатила его ораторский арсенал новыми аргументами и образами. Так, он живописал «жестокую массовую расправу с офицерами-националистами, сжигание облитых бензином офицерских жен, истребление детей, в том числе и грудных, чьи родители были из националистического лагеря». Он предрекал такие же ужасы Франции, где у власти было правительство

---

⁷⁰ *Wiedemann F.* Op. cit. S. 150; см. также: *Eden A.* Angesichts der Diktatoren, S. 437.

⁷¹ Назначение состоялось 11 августа 1936 года. — *Прим. науч. ред.*

⁷² *Jones Th.* A Diary with Letters 1931—1950. London, 1954. P. 251; относительно поручения Риббентропу см. его высказывание в беседе с министром — председателем Болгарии Кыосейвановым 5.7.1939: *ADAP. Ser. D. Bd. VI. S. 714*; см. также: *Burckhardt C. J.* Op. cit. S. 285, 295.

⁷³ Из выступления 13.11.1936; цит. по: *Domarus M.* Op. cit. S. 643.

Народного фронта. «Тогда Европа утонет в море крови и слез, — пророчествовал он, — на смену европейской культуре, история которой, оплодотворенная античностью, насчитывает без малого два с половиной тысячелетия, придет самое свирепое варварство всех времен». Одновременно он преподносил себя в этих любимых им апокалипсических картинах избавителем, создателем спасительного бастиона. «Даже если весь мир станет гореть вокруг нас, национал-социалистическое государство сохранится как слиток платины среди этого большевистского огня»⁷⁴.

Однако многомесячная кампания не дала ожидаемого эффекта. Конечно, и англичане осознавали наличие коммунистической угрозы, но их флегматизм, трезвость и недоверие к Гитлеру были сильнее их страха. С другой стороны, в ноябре 1936 года Берлину удалось успешно завершить обхаживание Японии подписанием Антикоминтерновского пакта. Договор предусматривал совместные меры противодействия коммунистической активности, обязывал партнеров не заключать политических соглашений с СССР и в случае спровоцированного Советским Союзом нападения не предпринимать никаких мер, которые могли бы облегчить ситуацию⁷⁵. В целом Гитлер надеялся, что вес германо-японо-итальянского треугольника скоро станет достаточно большим, чтобы подкрепить обхаживание Англии некоторым нажимом. Похоже, что он впервые в это время начал думать о том, чтобы угрозами заставить упрямый остров открыть ему дорогу на Восток. Судя по всему, с конца 1936 года он уже не исключал возможность войны с Англией, расположения которой он упорно и напрасно добивался⁷⁶.

В психологическом отношении такой поворот, бесспорно, объяснялся окрепшей самоуверенностью, которую ему придали

---

⁷⁴ Из заявления партийного съезда 1937 года. Цит. по: Ebd. S. 716. Приведенную выше цитату см.: Ebd. S. 646.

⁷⁵ В собственно Антикоминтерновском пакте речь шла исключительно об «обмене информацией» о деятельности Коминтерна. Дополнительный протокол предусматривал принятие мер против лиц, ведущих коммунистическую пропаганду или связанных с Коминтерном. А все положения, направленные против СССР (отказ от союза без взаимного согласия, неоказание помощи в случае войны) содержались в Секретном приложении. — *Прим. науч. ред.*

⁷⁶ См. в этой связи: Kuhn A. Op. cit. S. 198 ff. Весьма примечательно, однако, что поначалу на военных планах эти новые соображения никак не сказывались.

серия недавних успехов. «Мы опять стали мировой державой!» — воскликнул он 24 февраля 1937 года в очередную годовщину образования партии в мюнхенской пивной «Хофбройхаус». Во всех его речах того времени слышится новый вызывающий и нетерпеливый тон. Во впечатляющем перечне успехов четырехлетней деятельности правительства, который Гитлер изложил 30 января в Рейхстаге, он «самым торжественным образом» аннулировал подпись Германии под дискриминирующими положениями Версальского договора, затем съязвил по поводу «эсперанто — языка мира и взаимопонимания народов», на котором как раз и говорила целые годы разоруженная Германия. «Оказалось, что этот язык на международной арене понимают все-таки не так уж хорошо. Только с того момента, как у нас появилась большая армия, наш язык опять стали понимать». Он использовал старинный образ рыцаря-лебедя из «Лоэнгрина», с которым он любил себя сравнивать: «Мы идем через мир как миролюбивый, но закованный в железные латы ангел»⁷⁷. Это представление дало ему теперь уверенность демонстративно проявить свое недовольство. Хотя весной он предпринял новую попытку сблизиться с Англией, предложив гарантии безопасности Бельгии, одновременно он позволил себе бесцеремонность в отношении британского правительства, отменив, недолго думая, уже объявленный визит фон Нейрата в Лондон. Когда лорд Лотиан посетил его 4 мая 1937 года во второй раз, он не скрывал плохого настроения и резко критиковал британскую политику, которая не способна осознать коммунистическую угрозу и вообще не понимает своих интересов. Он-де всегда, еще в бытность свою «писателем», был настроен проанглийски. Вторая война между этими народами была бы равнозначна выпадению обеих держав из истории, она была бы столь же бесполезной, сколь и разорительной. Он предлагает вместо этого сотрудничество на базе четко определенных интересов⁷⁸. Гитлер еще раз на протяжении полугода ждал реакции Лондона. Когда ее не последовало, он резко изменил свою позицию.

Хотя, таким образом, в идеальном плане Гитлера одна существенная цель не была достигнута, тем не менее он осуществил свои намерения в удивительно большом объеме: Ита-

---

⁷⁷ Из выступления 24.2.1937; цит. по: *Kotze H. v., Krausnick H.* Op. cit. S. 90. 92, а также: *Domarus M.* Op. cit. S. 667.

⁷⁸ См.: *Butler J.R.M.* Lord Lothian. P. 337.

лия и Япония были на стороне Германии, Англия колебалась, ее престиж был ослаблен, Франция была скомпрометирована своим бессилием. Не менее важным был тот момент, что он разрушил принцип коллективной безопасности и восстановил в качестве торжествующего политического принципа *sacro egoismo*⁷⁹ наций. В условиях быстро меняющегося соотношения сил явно занервничали малые государства и тем еще больше ускорили распад противостоящего фронта. После Польши и Бельгия теперь также повернулась спиной к бессильному французскому альянсу, переориентировались Венгрия, Болгария и Югославия. После смертельного удара, который Гитлер нанес Версальской системе, ожили бесчисленные конфликты, которые этот порядок лишь несколько приглушил, но не устранил. Вся Юго-Восточная Европа пришла в движение. Естественно, ее государственные деятели восхищались примером Гитлера, который преодолел бессилие своей страны, положил конец оскорблению ее гордости и заставил бывших победителей жить в страхе. В качестве «нового бога европейской судьбы»⁸⁰ он вскоре увидел себя объектом многолюдного политического паломничества; его советом и помощью стали дорожить. Огромные успехи, которых он добился, казалось, доказывали более высокую дееспособность тоталитарных режимов, либеральные демократии с их говорильней, лабиринтами инстанций, священными уик-эндами и мальвернской минералкой в этом соревновании безнадежно проигрывали. Франсуа-Понсе, который в то время имел обыкновение встречаться с коллегами-дипломатами дружественных или союзных государств за обедом в роскошном берлинском ресторане «Хорхер», рассказывал, что круг участников встреч, подобно шагреновой коже в романе Бальзака, с каждым успехом Гитлера становился все меньше и меньше⁸¹.

Воздействие Гитлера на саму Германию было, естественно, значительно глубже. Оно лишало оснований для сомнений прежде всего и без того тающее как снег на солнце число скептически настроенных оппонентов режима. Работав-

---

⁷⁹ Священный эгоизм наций — лозунг итальянских фашистов, выдвигающий на передний план великодержавные националистические интересы. — *Прим. пер.*

⁸⁰ *Bullock A. Op. cit. S. 355.*

⁸¹ *François-Poncet A. Op. cit. S. 188 f.*

ший в британском посольстве в Берлине Айвон Киркпатрик описывал, каким «ужасным» эффектом обладали внутри страны благодаря западной нерешительности акции Гитлера, осуществленные в выходные дни: «Те немцы, которые призывали к осторожности, были опровергнуты. Гитлер еще больше укреплялся в своей вере, что он может позволить себе все, и вдобавок ко всему под знамена Гитлера вставало немалое число всех тех немцев, которые были против Гитлера только из-за опасений, что он приведет страну к катастрофе»⁸². Вместо этого он добивался успехов, престижа, авторитета. Все еще глубоко задетая в своем самосознании, нация наконец-то увидела, что ее представляют внушающие уважение люди, и получала жестокое удовлетворение от ошеломляющих демаршей и вызываемой ими каждый раз беспомощности столь могучих вчера победителей: удовлетворялась элементарная потребность в реабилитации.

Успехи режима внутри страны в особой степени отвечали этой потребности. Страна еще недавно была в самом жалком состоянии, ее казавшееся безвыходным отчаянное национальное и социальное положение, похоже, соединяло в себе все кризисы и беды времени — и вдруг ею стали восхищаться как примером. Столь разительные перемены Геббельс назвал в духе характерной для нацистов саморекламы «величайшим политическим чудом XX века»⁸³. Приезжали делегации со всех концов света и изучали опыт Германии по достижению экономического подъема, устранению безработицы и разветвленную и действенную социальную систему: улучшение условий труда, питание в заводских столовых и обеспечение жильем на основе государственных дотаций, сооружение спортивных площадок, парков, детских садов, соревнование между предприятиями, конкурсы на звание лучшего по профессии, систему поездок в отпуск на судах организации «Сила через радость», дома отдыха для рабочих. Проект 4-километрового гостиничного комплекса на острове Рюген, где для быстрой доставки десятков тысяч гостей предусматривалось создание собственной сети метро, получил главную премию на Всемирной выставке 1937 года в Париже. Эти достижения

---

⁸² *Kirkpatrick I.* Im inneren Kreis. S. 44.

⁸³ *Goebbels J.* Der Führer als Staatsmann. In: Adolf Hitler (издано конторой сигаретных этикеток). S. 54 f.

производили сильное впечатление и на критически настроенных наблюдателей. К.Я. Буркхардт восславлял в письме к Гитлеру «строительство автострад и систему трудовой повинности как достойные гётевского Фауста»⁸⁴.

В большой речи перед Рейхстагом 30 января 1937 года Гитлер объявил «период сюрпризов» законченным. Его последующие шаги логично вытекали из того исходного положения, которое он занимал в каждой предшествующей акции. Договор с Польшей дал ему главный ключ для броска на Чехословакию, а достижение согласия с Италией послужило основой для аншлюса Австрии. Частыми визитами польских политиков в Германию, заверениями в дружбе и заявлениями об отказе от каких-либо претензий Гитлер пытался приблизить к себе Польшу. По его указанию Геринг заявил во время визита в Варшаву, что немцев не интересует польский коридор⁸⁵, а сам Гитлер заверил польского посла в Берлине Юзефа Липского, что Данциг — этот предмет долгих споров — связан с Польшей и никаких изменений в этом плане не будет⁸⁶. Одновременно он придавал более интенсивный характер связям с Италией. В начале ноября 1937 года он уговорил ее — опять при помощи Риббентропа — присоединиться к Антикоминтерновскому пакту. Американский посол в Токио Джозеф Грю, анализируя этот «треугольник мировой политики», полагал, что его участники «не только имеют антикоммунистическую ориентацию, их политика и практика идут вразрез также и с политикой так называемых демократических держав»; налицо коалиция нищих, которые преследуют цель «опрокинуть статус-кво». Примечательно, что в беседах с Риббентропом, которые предшествовали церемонии подписания пакта, Муссолини заявил, что он устал от роли сторожа независимости Австрии: итальянский диктатор собирался пожертвовать статус-кво ради новой дружбы. Похо-

---

⁸⁴ Письмо от 23.5.1936, ВАК R 43 11/1495.

⁸⁵ Польским, или Данцигским, коридором именовалась в 1919—1945 годах узкая полоска земли, дававшая Польше доступ к Балтийскому морю и полученная ею по условиям Версальского мира. Ширина коридора не превышала 200 км (в самом узком месте — 30 км). В результате создания Польского коридора (71 км) Восточная Пруссия оказалась отделенной от основной территории Германии. — *Прим. науч. ред.*

⁸⁶ Polish White Book. P. 36 ff.; см.: *Bullock A.* Op. cit. S. 365.

же, что он не догадывался о потере своей последней карты в результате этого. «Мы не можем навязывать Австрии независимость», — говорил он⁸⁷.

В тот же день 5 ноября 1937 года, когда в Палаццо Венеция происходил этот разговор, а Гитлер в Берлине заверял польского посла в неприкосновенности Данцига, вскоре после 16 часов в Имперской канцелярии были собраны высшие чины вермахта и имперский министр иностранных дел. В четырехчасовой секретной речи Гитлер раскрыл им свои «основополагающие идеи»: старые представления о расовой угрозе, страхе за существование и нехватке пространства, из всего этого он видел «единственный и, может быть, на первый взгляд фантастический выход в завоевании нового жизненного пространства», в создании территориально замкнутой великой мировой империи. После захвата власти и нескольких лет подготовки эти идеи с удивительной последовательностью открывали период экспансии.

Глава II

ВЗГЛЯД НА БЕЗЛИКУЮ ЛИЧНОСТЬ

Он стоит, как монумент, уже превышающий масштабы земного.

*«Фёлькишер Beobachter» о выступлении
Гитлера 9 ноября 1935 года*

Обращающегося к истории современника, с его представлениями о морали и исторической литературе, наверно, смутит то обстоятельство, что, описывая те годы, мы снова и снова говорим почти исключительно об успехах и триумфах Гитлера. И все же это действительно были годы, когда он проявил исключительное превосходство и силу, всегда в нужный момент то подталкивая вперед, то проявляя терпение, угрожая, обхаявая, действуя так, что всякое сопротивление перед ним рассыпается в прах, и он притягивает к себе все внимание, все любопытство и весь страх эпохи. Эта способность подкреплялась еще уникальным умением препод-

---

⁸⁷ Ciano G. Diplomatic Papers. P. 146, а также: Sommer Th. Deutschland und Japan zwischen den Mächten 1935—1940. S. 90 f; а также: Grew E. Zehn Jahre in Japan.

нести свою силу и свои успехи во всей их подавляющей мощи и сделать их демонстрацию впечатляющим фактором своей популярности.

Это обстоятельство отвечает странному дроблению жизненного пути Гитлера. Он характеризуется столь резкими переломами, что нередко трудно найти соединительные элементы между различными фазами. В его 56-летней жизни есть не только водораздел между первыми тридцатью годами с их отупляющими, асоциальными, темными обстоятельствами, с одной стороны, и словно внезапно наэлектризованной, политической второй половиной жизни — с другой. Будет вернее сказать, что и более поздний период распадается на три четко выделяющихся отрезка. Вначале — примерно десять лет подготовки, идеологического становления и экспериментирования с тактикой, тут Гитлер выступает не более чем второразрядной радикальной фигурой, хотя и весьма изобретательной по части демагогии и политической организации. Затем следуют десять лет, когда он становится центром эпохи, в исторической ретроспективе он предстает перед нами в сплошной цепочке картин массового ликования и наэлектризованной истерии. Ощущая сказочный характер этой фазы и приметы избранности, которые, как ему казалось, выступали в ней, он заметил, что «она была не просто человеческим творением»¹. А потом следуют шесть лет с доходящими до гротеска ошибками, промахом за промахом, преступлениями, судорожными состояниями, манией уничтожения и смертью.

Все это побуждает пристальнее взглянуть в личность Адольфа Гитлера. Ее индивидуальные черты остаются в значительной степени бледными, и порой почти кажется, что тот отпечаток, который он наложил на государственные и общественные отношения, больше говорит о ней, чем факты биографии. Как будто тот монумент, в который он превратил себя со всей помпой политической саморекламы, больше говорит о его сути, чем стоящее за ним явление. Политические события периода успехов сопровождались непрерывным фейерверком грандиозных зрелищ, парадов, освящений, факельных шествий, костров в горах, маршей. Уже давно указывалось на тесную взаимосвязь между внешней и внутренней политикой тоталитарных режимов, однако она еще более тесна с поли-

---

¹ Domarus M. Op. cit. S. 704.

тикой в области пропаганды. Памятные даты, инциденты, официальные визиты, сбор урожая или смерть одного из сподвижников, заключение или расторжение договора создавали обстановку постоянной экзальтации и вне зависимости от содержания события служили импульсом для развертывания масштабных кампаний психологической обработки с целью еще большего сплочения народа и культивирования ощущения общей мобилизации.

Эта взаимосвязь в гитлеровском государстве была особенно тесной и многокрасочной, столь тесной, что порой как бы наступало смещение центра тяжести, в ходе которого политика, казалось, утрачивала свой примат и становилась служанкой грандиозных театральных эффектов. Обсуждая проект крупнейшей роскошной улицы будущей имперской столицы, Гитлер ради такого эффекта даже загорелся этой идеей и не без мечтательных ноток живописал, как бронетехника СС будет медленно продвигаться к его дворцу по проспекту шириной в 120 метров подобно гигантскому паровому катку². Его театральная натура невольно всякий раз прорывалась наружу и толкала его на то, чтобы подчинять политические категории соображениям эффектной инсценировки. В этой амальгаме эстетических и политических элементов ярко прослеживалось происхождение Гитлера из позднебуржуазной богемы и его длительная принадлежность к ней.

На его происхождение указывает и стиль национал-социалистических мероприятий. В нем видели влияние любящего пышность красочного ритуала католической церкви, но не менее очевидно воздействие наследия Рихарда Вагнера с его предельной театральной литургичностью. Макс Хоркхеймер показал большое значение помпезности и пышности для мира бюргеров — в оперной монументальности имперских партийных съездов театр бюргерства как бы достиг своих предельных возможностей. Широкое гипнотическое воздействие этих мероприятий, которое в материалах кинохроники чувствуется еще и сегодня, связано не в последнюю очередь с происхождением из этого источника. «Я провел шесть лет перед войной в период наивысшего расцвета русского балета в Санкт-Петербурге, — писал сэр Невилл Гендерсон, — но никогда не видел балета, который можно было бы сравнить с этим грандиозным зрелищем»³. Оно свидетельствовало о точ-

---

² См.: *Speer A.* Op. cit. S. 173.

ных знаниях как режиссуры массовых мероприятий, так и психологии маленького человека. От леса знамен и игры огней факелов, марширующих колонн и легко запоминающейся яркой музыки исходила волшебная сила, перед которой как раз обеспокоенному картинами анархии сознанию трудно было устоять. Сколь важен был для Гитлера каждый эффект этого действия, видно из того факта, что даже в ошеломляющих по масштабам празднествах с огромными массами людей он лично проверял мельчайшие детали. Он тщательно обдумывал каждое свое движение, каждый шаг, равно как и декоративные детали украшений из флагов и цветов и даже порядок размещения почетных гостей.

Для стиля мероприятий Третьего рейха характерно и показательно, что режиссерский талант Гитлера по-настоящему убедительно раскрывался на торжествах, связанных со смертью. Казалось, что жизнь парализует его изобретательность, и все попытки воспеть ее не поднимались выше банального крестьянского фольклора, который воспевал счастье танца под майским деревом, благословение детей или простой обычай, в то время как фольклорно настроенные функционеры лужеными глотками выводили нечто псевдонародное. Зато в церемонии смерти его темперамент и пессимизм неустанно открывали все новые потрясающие эффекты. Когда он под звуки скорбной музыки шел по широкому проходу между сотнями тысяч собравшихся почтить память павших через Кёнигсплац в Мюнхене или через нюрнбергскую площадь партийных съездов, то это было действительно кульминацией впервые разработанной им художественной демагогии. В таких действиях политизированной магии Страстной пятницы, в которых «блеск создавал рекламу смерти»⁴ — то же самое говорили о музыке Рихарда Вагнера, — воплощались представления Гитлера об эстетизированной политике.

---

³ Цит. по: *Bullock A.* Op. cit. S. 380; упомянутое выше свидетельство Макса Хоркхеймера приводится в его эссе «Эгоизм и освободительное движение»: *Horkheimer M.* Egoismus und Freiheitsbewegung. О стилистических заимствованиях из литургии католической церкви см.: *Hitlers Tischgespräche.* S. 479.

⁴ *Adorno Th.* Op. cit. S. 155. Такой культ смерти встречается во всех фашистских движениях (пожалуй, наиболее ярко — в румынской «Железной гвардии») и заслуживает, по всей видимости, более глубокого изучения.

С тем же эстетическим почитанием смерти была связана любовь к ночи. Все время горели факелы, костры, огненные колеса, которые, по утверждениям тоталитарных мастеров создания нужного настроения, якобы воспевали жизнь. На самом же деле они своим пафосом подчеркивали, что жизнь человеческая мало чего стоит на фоне апокалипсических образов, трепета перед всемирным пожаром, которому они придавали некий возвышенный смысл, и картин гибели, в том числе и собственной.

9 ноября 1935 года Гитлер провел большое торжество в честь павших в ходе марша к Фельдхернхалле, по образцу которого этот ритуал повторялся в последующие годы. Архитектор Людвиг Троост соорудил на Кёнигсплац в Мюнхене два здания в виде классических греческих храмов, шестнадцать бронзовых саркофагов должны были принять эксгумированные останки первых «мучеников за идею». Накануне вечером, пока Гитлер выступал с традиционной речью в пивной «Бюргербройкеллер», гробы были установлены в Фельдхернхалле, стены которого затянули коричневой тканью и украсили горящими светильниками. Незадолго до полуночи Гитлер проехал, стоя в открытой машине, через триумфальную арку и улицей Людвигштрассе, освещенной мерцающими огнями светильников на пилонах, к Одеонсплац. Факелы штурмовиков и эсэсовцев образовывали вдоль улицы две колышущиеся огненные линии, за ними колыхалось море людей. После того как машина медленно подъехала к пантеону, Гитлер с поднятой рукой поднялся по ступеням, устланным красной дорожкой. Погруженный в себя, он постоял перед каждым гробом, «ведя неслышимый диалог», а затем мимо покойных в гробовом молчании прошло 60 тысяч их соратников в мундирах, с бесчисленным множеством знамен и штандартов партийных формирований. Следующим серым ноябрьским утром началась процессия поминовения. По пути следования марша 1923 года были установлены сотни обтянутых кумачом пилонов, на постаментах которых золотыми буквами были начертаны имена «павших за движение». Из громкоговорителей беспрерывно звучал «Хорст Вессель», смолкавший на то время, когда колонна подходила к одному из пилонов и выкрикивалось имя павшего. Во главе колонны рядом с Гитлером шагали «старые борцы» в коричневых рубашках или форме образца 1923 года (серая куртка и лыжное кепи образца 1923 года, выданные службой по организации торжеств 8—9 ноября). Символически переписывая ис-

торию, у пантеона, где когда-то участники марша разбежались под огнем полицейских винтовок, к колонне присоединились представители вооруженных сил, и над городом прогремело шестнадцать артиллерийских залпов. Затем наступала гробовая тишина: Гитлер возлагал гигантский венок у мемориальной доски. Под торжественные звуки национального гимна «Германия, Германия превыше всего» все направились, осененные тысячами приветственно склоненных знамен, «маршем победы» на Кёнигсплац. Проходила «последняя переключка»: выкрикивались по очереди имена погибших, и толпа, словно оживший герой, произносила: «Здесь!» — это означало, что павшие стоят на «вечном посту».

Аналогично воздание почестей павшим находилось и в центре внимания нюрнбергского партсъезда, но спекулятивная идея смерти присутствовала, далеко выходя за рамки этого ритуала, почти в каждом церемониале, в речах и обращениях продолжавшегося несколько дней съезда. Черные парадные мундиры личной охраны фюрера, которые, знаменуя начало мероприятия, появлялись перед публикой прежде, чем Гитлер под колокольный звон въезжал в украшенный флагами, запруженный колышущимися толпами город. Они как бы задавали тон дальнейших торжественных актов, который проявлялся как в культе «Знамени крови» так и в церемонии в Луитпольдхейне, когда Гитлер в сопровождении двух следующих на почтительной дистанции по обе стороны от него сподвижников шагал между двумя гигантскими квадратами выстроенных штурмовиков и эсэсовцев числом много больше 100 000 по бетонной полосе — «дороге фюрера» — к монументу памяти павших. Склонялись знамена, а он долго стоял, погруженный в себя, с выражением возвышенной скорби на лице, фигура отбрасывала узкую, резко очерченную тень — наглядное воплощение понятия вождя: посреди застывших в молчании солдат партии, но в то же время «отделенный от всех непреодолимым пространством одиночества великих цезарей, которое принадлежит только ему и павшим героям, принесшим себя в жертву, веря в него и его миссию»⁵.

Для усиления магического эффекта многие мероприятия переносились на вечерние или ночные часы. На партийном

---

⁵ *Schmeer K.* Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. S. 113; там же см. подробное описание и анализ режиссуры партийных съездов в целом.

съезде 1937 года Гитлер выступил перед выстроившимися на плацу политическими руководителями около восьми часов вечера. Сразу после рапорта Роберта Лея⁶, что построение закончено, пространство внезапно залили потоки света. «Как метеоры, — говорилось в «Официальном сообщении», — лучи ста пятидесяти гигантских прожекторов врезались в покрытое черно-серыми облаками небо. На уровне облаков столбы света соединились в сияющий четырехугольник. Потрясающая картина: слабый ветер развеивает флаги на трибунах вокруг поля. Ослепительный свет выделяет главную трибуну, увенчанную сияющей золотом свастикой в дубовом венке. На левом и правом пилонах из огромных чаш полыхает огонь»⁷. Под звуки фанфар Гитлер выходит на высокую центральную кафедру главной трибуны, и по команде с трибун на другой стороне вниз на арену устремляется поток более чем 30 000 знамен, серебряные наконечники и бахрома которых вспыхивают в огне прожекторов. И как всегда, Гитлер был первой жертвой этой инсценировки из людей, света, симметрии и трагического чувства жизни. Именно в речах перед старыми сподвижниками после минуты молчания в память о погибших он нередко впадал в тон опьяненной экзальтации и в необычных выражениях совершал своего рода мистическое причащение, пока прожекторы не направлялись на середину поля, играя на кумаче, серебре и золоте знамен, мундирах и инструментах оркестров. «Я всегда ощущал, — воскликнул он в 1937 году, — что человек, пока ему подарена жизнь, должен стремиться к тем, с кем он ее строил. Чем бы была моя жизнь без вас! Вы нашли в свое время меня и поверили в меня — и это дало вашей жизни новый смысл, новую задачу! Я нашел вас — и только это позволило мне обрести настоящую жизнь и вступить в мою борьбу!» Годом раньше он сказал на такой же манифестации:

«Разве можно не почувствовать в этот час то чудо, кото-

---

⁶ В 1937 году Роберт Лей занимал одно из центральных мест в партийной организации — он был рейхслейтером, обергруппенфюрером СА, имперским организационным руководителем (с 1931 г.), президентом Прусского государственного совета, руководителем Германского трудового фронта. — *Прим. науч. ред.*

⁷ Der Parteitag der Arbeit vom 6. bis 13. September 1937. Offizieller Bericht. О том, что такие ночные мероприятия носили характер попытки уйти от действительности, писала в одной из статей и газета «Нидерэльбшес Тагеблатт» 12.9.1937, где речь шла о «часе поминовения», о «море света, защищавшем от окружающего мрака».

рое свело нас воедино! Однажды вы услышали голос, который захватил ваши сердца, пробудил вас, и вы пошли за ним. Вы шли целые годы, даже не видя человека, который говорил с вами; вы только слышали голос и шли за ним.

Когда мы собираемся здесь, нас охватывает чувство чуда этой встречи. Не каждый из вас видит меня и не каждого из вас я вижу. Однако я чувствую вас, а вы чувствуете меня! Вера в наш народ сделала нас, маленьких людей, великими, сделала нас, бедняков, богатыми, сделала нас, робких, потерявших мужество, запуганных людей, смелыми и отважными, дала заблуждавшимся прозрение и объединила нас!»⁸

Сравнимые по пышности с церковной службой имперские партийные съезды были не только высшей кульминацией национал-социалистического календаря, они были и для самого Гитлера захватывающим осуществлением монументальных мечтаний его юности о костюмированных действиях. Люди из его окружения рассказывали о том возбуждении, которое каждый раз охватывало его во время нюрнбергской недели и прорывалось наружу неиссякаемым потоком речей. Обычно за эти восемь дней он выступал по 15—20 раз, тут надо прежде всего отметить директивный доклад по вопросам культуры и большое заключительное слово, а между ними — до четырех выступлений в день: перед членами Гитлерюгенда, Национал-социалистического женского союза, Имперской рабочей службы или солдатами вермахта, как того требовал четко сложившийся ритуал партийного съезда. Кроме того, почти каждый год он удовлетворял свою страсть к строительству все новыми церемониями закладки первого камня грандиозных объектов. А потом опять марши, парады, заседания, опьянение красками. Партийные съезды приобретали значение и как место принятия политических решений: Закон об имперском флаге или Нюрнбергские расовые законы были приняты на партийных съездах, хотя они и были наскоро сымпровизированы. Можно себе представить, что этот форум с течением лет превратился бы в своего рода генеральную ассамблею тоталитарной демократии. И опять массовые манифестации, освящения штандартов, демонстрация мощи, единообразия и воли к порядку. В заключение сотни тысяч человек, волна одна за «одной, проходили на протяжении пяти

---

⁸ *Domarus M.* Op. cit. S. 641 (речь, произнесенная 11.9.1936), а также: Ebd. S. 722 (10.9.1937).

часов по средневековой Рыночной площади перед храмом Богородицы мимо Гитлера, который, словно окаменев, стоял с вытянутой вверх рукой в своем автомобиле. Вокруг него в старинном городе царил романтическое приподнятое настроение, «почти мистический экстаз, своего рода священное безумие», как отмечал один иностранный наблюдатель. Подобно ему, многие в эти дни забывали о своей критической сдержанности и могли признаться сами себе по примеру одного французского дипломата, что они становились в те мгновения национал-социалистами⁹.

Твердо установленный календарь главных праздников национал-социалистического года, который открывался Днем захвата власти 30 января и завершался 9 ноября¹⁰, включал в себя множество освящений, торжественных сборов, процессий и дней памяти. Специальное «Ведомство по организации праздников, досуга и торжеств» разрабатывало «Типовые программы торжеств национал-социалистического движения и указания по порядку проведения национал-социалистических митингов на основе сложившихся в период борьбы традиций» — так официально формулировалась его задача — и издавало специальный журнал¹¹. Кроме того, были еще многочисленные торжества по таким случаям, которые нельзя предвидеть заранее. Их кульминацией, распространившей во всем мире обманчивый образ Третьего рейха, строгого, но обеспечивающего своим гражданам благосостояние, хотя, правда, не лишнего

---

⁹ См.: *Coulondre R. Von Moskau nach Berlin. S. 473*; а также: *Stehlin P. Auftrag in Berlin. S. 56*. Предыдущее замечание принадлежит предшественнику Робера Колонде в Берлине Франсуа-Понсе, который далее пишет: «В течение всех восьми дней Нюрнберг представляет собой город, в котором царит только радость, город, который окутан каким-то волшебством, это почти город отрешенных. Такая атмосфера в сочетании с красотой зрелищ и щедрым гостеприимством производила огромное впечатление на иностранцев; и режим никогда не забывал приглашать их на эти ежегодные съезды. Немногие могли устоять против такого воздействия, так что домой они возвращались сокрушенными и покоренными». — *François-Poncet A. Op. cit. S. 308*.

¹⁰ Вслед за 30 января шли следующие официальные праздники: День памяти героев (середина марта), затем День рождения фюрера (20 апреля), День труда (1 мая), День матери (начало мая), День открытия партийного съезда (начало сентября), Праздник урожая (конец сентября — начало октября) и, наконец, 9 ноября.

¹¹ См.: *Schmeer K. Op. cit. S. 30*; упомянутый журнал назывался «Die Neue Gemeinschaft».

отдельных грубых черт, стали Олимпийские игры 1936 года. Берлин был избран местом их проведения еще до прихода Гитлера к власти. Национал-социалисты умело, с блеском использовали уникальный шанс принять у себя представителей всего мира для того, чтобы противопоставить страшному образу лихорадочно вооружающегося, решившегося на войну нацистского рейха идиллические картины мира и созидания. Уже за несколько недель до начала игр прекратились все антисемитские тирады и, например, было дано указание руководителям региональных отделов пропаганды НСДАП удалить со стен домов и заборов еще заметные следы антисемитских лозунгов, не вывешивать злых карикатур и даже добиться того, чтобы «каждый владелец дома содержал палисадник в безукоризненном порядке»¹². 1 августа под торжественный звон олимпийского колокола Гитлер открыл игры в окружении королей, принцев, министров и многочисленных почетных гостей. Когда бывший чемпион-марафонец из Греции Спиридон Луис передал ему оливковую ветвь как «символ любви и мира», хор запел созданный Рихардом Штраусом гимн, и в небо взвились стаи голубей мира. В эту картину примирившейся планеты, созданную Гитлером, вполне вписывалось то обстоятельство, что некоторые из входивших на стадион команд (в том числе и только что подвергшиеся провокации французы!), — проходя мимо трибуны, вскидывали руки в фашистском приветствии, которое они позже, наверстывая очки по части сопротивления, охотно объявили «олимпийским приветствием»¹³. На протяжении всех 14 дней непрерывный ряд блестящих мероприятий зачаровывал и восхищал гостей. Геббельс пригласил тысячу человек на ночной бал под открытым небом на Павлиньем ос-

---

¹² Из распоряжения отдела пропаганды руководства гау Южный Ганновер — Брауншвейг от 21.7.1936. Цит. по: Ursachen und Folgen. Bd. XI. S. 62. См. в этой связи также циркулярное письмо имперского наместника Гессена от 27.4.1936 (*Heyen F.* Op. cit. S. 145), согласно которому не рекомендовалось заявлять в резкой форме о нежелательности присутствия евреев в общественных местах.

¹³ Об этом свидетельствуют, например, П. Штелин (*Stehlin P.* Op. cit. S. 53), а также А. Франсуа-Понсе (*François-Poncet A.* Op. cit. S. 304). Последний даже сопровождает это (не использовавшееся никогда ни до, ни после того приветствие) таким описанием: «Выброшенная вперед рука вытягивается горизонтально на уровне плеча». Кстати, таким приветствием пользовалось большинство входивших на стадион команд, лишь англичане и японцы представляли тут наиболее заметное исключение.

трове, Риббентроп устроил прием для почти такого же числа гостей на своей вилле в Далеме. Гитлер принимал многочисленных посетителей, которые воспользовались предоставленным случаем, чтобы увидеть человека, который, как казалось, держал в руках судьбы Европы и, может быть, мира.

Острая потребность в торжествах и массовых празднествах была, безусловно, продиктована необходимостью занять фантазию населения и мобилизовать его волю для достижения единственной цели. Однако за ней проступают и мотивы, которые явно связаны с личностью и психопатологией Гитлера. Имеется в виду не только его неспособность жить буднями, его наивную потребность в музыкальных приветствиях, фанфарах и масштабных зрелищах, которая, бесспорно, владела им, не только уже отмеченная склонность рассматривать собственную жизнь как череду грандиозных выступлений на сцене, где он вновь и вновь играет роль великого героя перед затаившей дыхание публикой, рисуя величественные картины в ослепительном свете блещущих из-за кулис молний. Скорее в страсти режима к праздникам и торжествам проявлялось старое стремление прикрасить действительность грандиозными декорациями. Световой купол, высвеченный в ночном небе лучами прожекторов, как магическая стена — не только самый выразительный символ этой потребности. Альберт Шпеер рассказывал, что на это открытие его вдохновило желание скрыть при помощи комбинации темноты и разительных световых эффектов в высшей степени банальную деталь реальности — тучность разжиревших на своих теплых местах политических руководителей¹⁴.

Кроме того, повсеместная склонность к церемониям вызывает также стремление стилизовать реальное под желаемое, попытку продемонстрировать беспокойному бытию, которому снова угрожал хаос, триумф порядка. Это как бы заклинания «чур меня» напуганного сознания, и сравнения с ритуалами первобытных племен, на которые часто наводил проницательных современников вид марширующих колонн, море знамен и выстроенных в гигантские прямоугольники шеренг, отнюдь не так надуманы, как это представляется на первый взгляд. С психологической точки зрения, это была та же воля к стилизации, которая с самых ранних времен определяла существование Гитлера и побуждала его ориентироваться и

---

¹⁴ *Speer A.* Op. cit. S. 71 f.

утверждаться в мире при помощи все новых амплуа: от ранней роли юноши из хорошей семьи и студента-повесы, который прогуливался по Линцу с тросточкой и в лайковых перчатках, и далее, проходя через различные роли фюрера, гения и избранника судьбы, до стилизованного под Вагнера конца, который пытался воспроизвести в действительности оперный финал. Гитлер всегда подавал себя, занимаясь самовнушением, в чужих костюмах и «взятых взаймы» формах существования. Назвав себя после удавшегося внешнеполитического трюка с хвастливым простодушием «величайшим актером Европы»¹⁵, он отметил тем самым не только способность, но и потребность в этом.

Эта потребность порождалась опять-таки основными мотивами Гитлера — неуверенностью и страхом. Он избегал проявлять чувства столь же тщательно, сколь искусно ему удавалось изображать их. Он подавлял всякую спонтанность, но его все же выдавали отдельные, вроде бы не очень примечательные особенности — прежде всего глаза, которые никогда не приходили в спокойствие и даже в те моменты, когда Гитлер застывал как статуя, беспокойно бегали по сторонам; явно боясь открытого чувства, он смеялся, прикрывая лицо ладонью. Он не терпел, например, когда другие видели его играющим с собакой, при появлении людей, как рассказывала одна из его секретарш, он «грубо выгонял собаку»¹⁶. Он постоянно следил за тем, что бы не показаться смешным или не подорвать свой авторитет каким-нибудь промахом своего окружения, даже перед домоправительницей. Прежде чем отважиться появиться на публике в новом костюме или новом головном уборе, он фотографировался в нем, чтобы со стороны оценить производимое впечатление. Он не купался, никогда не садился в лодку («Что я забыл в лодке?!»), не катался на лошади, он вообще «не любил залихватства. Как часто оно оборачивается бедой, показывает опыт множества

---

¹⁵ Graf Schwerin v. Krosigk L. Op. cit. S. 220.

¹⁶ См.: Zoller A. Op. cit. S. 127. О судорожном смехе Гитлера и его бегающих глазах свидетельствовали многие, не раз это было запечатлено и на киноплёнке; см., например: *Hitlers Tischgespräche*. S. 227, 243; затем: Zoller A. Op. cit. S. 84, где говорится, что «никто ни разу не слышал, чтобы он смеялся от души. Если его что-то забавляло или заражало веселье других, то в лучшем случае он издавал какое-то пронзительное квохтанье». См. также наглядное описание Гитлера у Г. Бенна: *Benn G. Den Traum allein tragen*. Wiesbaden, 1966. S. 116.

хрестоматийных случаев»¹⁷, а жизнь свою он рассматривал как своего рода непрерывный парад перед гигантским собранием публики. Так, он пытался отучить Геринга от курения, обосновывая это в высшей степени характерным способом: нельзя же представить памятник с «сигарой во рту». Когда Генрих Гоффман привез осенью 1939 года из Москвы фотографии, на которых у Сталина была в руке папироса, он запретил их публикацию как бы из корпоративных интересов — чтоб не нанести ущерб монументальной картине бытия диктатора¹⁸.

По той же причине его мучил страх, что раскроются обстоятельства его частной жизни. Характерно, что не сохранилось ни одного его частного письма, даже Ева Браун получала лишь коротенькие сухие записки, которые он тем не менее, при всем своем недоверии, никогда не посылал по почте¹⁹. Та комедия, которую он до самого последнего момента разыгрывал перед своим широким окружением, должна была создать впечатление, что отношения с ней не носят близкого характера, это тоже свидетельствует о его неспособности жить без позерства. Самое личное письмо, которое осталось от него, — это, как ни парадоксально, объяснительная записка 24-летнего Адольфа Гитлера, скрывшегося от призыва, в адрес магистрата города Линца. «Особо важное правило, — говорил порой Гитлер, — подтвержденное старым жизненным опытом политических лидеров: никогда не фиксируй письменно то, что можно обсудить устно. Никогда!» Другой раз он высказывался так: «Люди слишком много пишут, начиная от любовных писем и кончая политическими. И всегда в них есть нечто, что могут повернуть против тебя»²⁰. Он постоянно следил за своим поведением, и

---

¹⁷ *Hitlers Tischgespräche*. S. 433 f.; затем: *Hoffmann H.* Op. cit. S. 196 f. О постоянной озабоченности Гитлера, как бы не сделать что-нибудь не так, см.: *Zoller A.* Op. cit. S. 126. Как-то раз Гитлер даже выразил свое крайнее удивление по поводу того, что Муссолини однажды сфотографировался в купальном костюме: «Действительно великий государственный деятель такого не делает».

¹⁸ *Hoffmann H.* Op. cit. S. 113 f.

¹⁹ Сохранилось довольно значительное количество частных писем Гитлера женщинам — в основном, правда, более раннего периода. См. *Joachimstaller A.* *Hitlers Liste*. — *Прим. науч. ред.*

²⁰ Из выступления 29.4.1937 перед крайзлейтерами в орденом замке Фогельзанг. Первое из двух замечаний сопровождается в стенограмме пометкой, что Гитлер при этом, чтобы подчеркнуть свои слова, постучал по кафедре; см.: *Kotze H. v., Krausnick H.* Op. cit. S. 154, 156. О записках, адресованных Еве Браун, см.: *Zoller A.* Op.

по свидетельству одного из окружавших его в быту людей, не говорил ни одного необдуманного слова. Он знал лишь тайные страсти, скрытые чувства, суррогаты, и широко распространенный образ не контролирующего свои эмоции, дико жестикулирующего Гитлера отражает не правило, а исключение; он был предельно сосредоточенным человеком, дисциплинированным до комплексов.

Знаменитые порывы гнева Гитлера были, очевидно, нередко тщательно продуманными сценами самовозбуждения. Один из бывших гаулейтеров описывал, как у бушующего Гитлера в один из таких приступов буквально текла слюна по подбородку — таким, совершенно не отвечающим за себя и взбешенным он казался, но его логичная, рассудительная аргументация, которую он ни на мгновение не прерывал, говорила о наигранности внешнего поведения²¹. Предположение, что он сознательно хотел вызвать у людей нечто вроде «священного трепета» перед подобным неистовством, бесспорно, заходит слишком далеко. Можно считать, что он и в таких ситуациях не терял самоконтроль и использовал собственные чувства не менее целенаправленно, чем эмоции других. Как правило, вначале был трезвый расчет, и только в ходе его реализации он «раскручивал» свой темперамент в соответствии с обстоятельствами. Он мог располагать к себе, проявлять трогательнейшее обаяние и быть жестоким и бесчеловечным, умел лить слезы, умолять и извиняться до того часто описанного неистового возбуждения, которое приводило в крайний ужас всех собеседников и так часто ломало их сопротивление: он обладал «ужаснейшей силой воздействия на людей». К этому надо добавить особую способность подавлять собеседника внушением. Руководящий состав партии, гаулейтеры и «старые борцы», которые вместе с ним достигли высот власти, бесспорно, представляли собой «сборище эксцентриков и эгоистов, каждый из которых гнул свою особую линию» и, конечно, они не были подобострастны в обычном смысле слова. То же самое можно сказать и, по меньшей мере, о части офицерства, и все же Гитлер навязывал им свою волю, как ему заблагорассудится. Причем это происходило не

---

cit. S. 125 f. — Упомянутое ниже наблюдение, что Гитлер буквально никогда не говорил необдуманно, принадлежит Я. Шахту, см.: *Schacht H. Abrechnung mit Hitler*. S. 32.

²¹ *Krebs A.* Op. cit. S. 135. Там же содержится и упомянутое предположение, что Гитлер, возможно, сознательно пытался вызвать у людей «священный трепет». См. затем также: *Speer A.* Op. cit. S. 111.

только в период апогея его власти, но и в такой же степени и раньше — когда он был периферийной политической фигурой, на которую едва обращали внимание, и в конце — когда он был всего лишь выгоревшей оболочкой некогда могущественного государственного деятеля. Некоторые дипломаты — прежде всего союзных держав — попадали под столь сильное влияние, что, казалось, они были скорее доверенными людьми Гитлера, чем представителями своих правительств²². В противоположность расхожим карикатурным описаниям, он никогда не обращался к своим собеседникам как к массовому собранию, как раз разнообразие его средств «ловца душ» придавало личным беседам нередко большую эффективность. Атмосфера же митинга по-прежнему приводила его в состояние неизменной сильнейшей экзальтации, особенно с тех пор, как он стал пользоваться микрофоном и упиваться многократно усиленным металлическим звучанием собственного голоса.

Справедливо отмечалось²³, что способность Гитлера демагогически использовать свой темперамент наиболее наглядно проявлялась в его отношении к немецким меньшинствам за границей: полностью исходя из собственных интересов, он мог или громко жаловаться на их судьбу, или забывать о них. На немцев в Южном Тироле, Польше или Прибалтике он не обращал никакого внимания, пока этого требовала его внешнеполитическая концепция, но в случае изменения обстановки он тут же заходилась неистовым гневом от «невыносимой несправедливости в отношении вернейших сынов нации». Взрывы его негодования были, очевидно, не только актерской игрой, но от более проницательных наблюдателей не укрывался содержащийся в них элемент искусственного возбуждения, он тайком использовал тот гнев, который, как казалось, безудержно охватывал его. При этом ему очень хорошо помогали его неординарная способность вжиться в образ, его актерский талант полного вхождения в роль. Нередко он демонстрировал самые разные стороны своей личности в ходе одной и той же беседы, переходя, например, от сдержанного тона, резко меняя мимику, к внезапным взрывам гнева, стучал кулаком по столу или нервно барабанил по подлокотнику кресла, а спустя несколько минут предстал надменным

---

²² См.: *Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. 1. S. 23*; а также: *Hanfstaengl E. The Missing Years. P. 266*.

²³ *Bullock A. Op. cit. S. 376*.

хозяином положения, искренним страдальцем или триумфатором. В годы, предшествующие его канцлерству, он порой копировал в узком кругу других людей, в том числе с мастерской беспощадностью показывал, как Матильда Кемниц, которая позже стала женой Людендорфа, напрасно пытается его, Гитлера, женить на себе... Гитлер словно снимал с этой светской дамы все ее оболочки набожности, философичности, научных интересов, эротики и так далее, пока от нее не оставалась одна «злая кусачая мегера»²⁴.

Он, заблуждаясь, считал себя любителем музыки, но в действительности она мало что значила для него. Он бесчисленное число раз посещал все оперы Рихарда Вагнера — только «Тристана» или «Мейстерзингеров» он слышал более ста раз. Но не проявлял почти никакого интереса к симфонической и тем более камерной музыке, зато бывал, также огромное количество раз, на представлениях «Веселой вдовы» или «Летучей мыши», тут характерно сочетание интересов к грандиозному и незатейливо-облегченному. Редко и только в случае отсутствия лучшего он слушал пластинки, ибо они лишали его возможности жить происходящим на сцене. В выборе того, что он порой слушал, ограничивался большими бравурными отрывками. Люди разного склада из его окружения подчеркивали, что после посещения оперы он говорил почти исключительно о вопросах сценической техники или режиссуры и почти никогда — о музыкальной интерпретации²⁵. Ибо, строго говоря, му-

---

²⁴ См.: *Krebs A.* Op. cit. S. 128 f.

²⁵ См., например: *Ziegler H.S.* Op. cit. S. 54, 57, 58, 64, 67, 70 и т.д. Все приводимые на указанных страницах высказывания или примеры поведения Гитлера приходилось в той или иной форме слышать или наблюдать и А. Шпееру, как он сам подтвердил это автору.

О музыкальных пристрастиях Гитлера см. кроме того: *Goebbels J.* Der Führer und die Kuenste. In: Adolf Hitler. S. 67 (издано рекламной конторой сигаретных этикеток «Реемтсма»); *Dietrich O.* Adolf Hitler als kuenstlerischer Mensch. In: NS-Monatshefte, 4. Jhg., h. 43, Okt. 1933. S. 474; далее: *Dietrich O.* Mit Hitler in die Macht. S. 198. Секретарша Гитлера фрейлейн Шрёдер тоже свидетельствует, что, наряду с Вагнером, большое впечатление на Гитлера производили в первую очередь «Летучая мышь» и «Веселая вдова», одно время он даже был «буквально захвачен» ими. «Помнится, был такой период, когда он каждый вечер, сидя у камина, крутил пластинки с записями этих оперетт. Даже и во время работы случалось, что он, стоя у окна и засунув руки в карманы брюк, отрешенно смотрел в бездонное небо и насвистывал мелодии из этих оперетт». См.: *Zoller A.* Op. cit. S. 58.

зыка была для него не более чем весьма действенным акустическим средством усиления театральных эффектов. Тут он не мог обойтись без нее, к драматургии без музыки он был безразличен. Одна из его секретарш заметила, что в его библиотеке не было ни одного произведения классиков поэзии, и даже во время многочисленных визитов в Веймар он бывал только в опере и никогда не посещал театра. Высшим оперным достижением он считал финал «Гибели богов»²⁶. Всегда, когда в Байройте в огне рушился под звуки взрыва музыки храм богов, он в темноте ложился взволнованно целовал руку сидящей рядом с ним снохе композитора — Винифред²⁷.

Эта потребность в театре проистекала из сути его личности. Он постоянно представлял себя выступающим на сцене, и поэтому ему были просто необходимы грандиозные официальные мероприятия, впечатляющие эффекты с громом и молнией и с грохотом оркестра. Одержимый извечным страхом актера стать скучным публике, он постоянно создавал новые эффектные номера и делал все, чтобы превзойти свое же прежнее выступление. Та неумимость, которая характеризует его политические действия и придает им столь ошеломляющий характер, не позволяющий противникам прийти в себя, связана с этим точно так же, как его завороченность катастрофами и мировыми пожарами, в которых его пессимистическая жажда эффектов видела возможность самого мощного воздействия на ход событий. Если вдуматься, в эффекты он верил больше, чем во все идеологии, и был, по сути дела, актером, который ощущал себя в своей среде только в тех иллюзорных мирах, которые противопоставлял действительности. Его неистребимые недостаточная серьезность, лицемерие, мелодраматичность, дешевое злодейство точно так же коренятся в этом, как презрение к реальности, которое было его сильной стороной до тех пор, пока сочеталось со своеобразным сильным ощущением действительности и методичной сосредоточенностью.

Особую роль в его действиях по подгонке себя под выбранный образ играют попытки мифологизировать собственное существование. Ялмар Шахт — один из консервативных совре-

---

²⁶ «Гибель богов» (правильнее «Сумерки богов», или «Закат богов» — *Götterdämmerung*) — третья опера тетралогии Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунга». — *Прим. науч. ред.*

²⁷ По свидетельству А. Шпеера, который часто сидел с другой стороны рядом с госпожой Вагнер и наблюдал эту сцену вблизи.

менников Гитлера, содействовавший его возвышению, заметил, что фюрер никогда не терял ощущения разрыва между своим скромным происхождением и «удачным прыжком наверх»²⁸. Как и в юные годы, он продолжал мыслить сословными категориями. Порой он пытался заглушить вызывавшее чувство стеснения сознание своего происхождения тем, что демонстративно называл себя «рабочим», а иногда даже «пролетарием»²⁹; но в общем у него преобладало стремление прикрыть низкую сословную принадлежность мифологизирующей аурой. То, что судьба избирает «одного из малых», самого обычного человека — старый, апробированный мотив политической узурпации. Во вступительной части своих речей он постоянно культивировал миф о себе, как «человеке из народа», представляя себя «неизвестным фронтовиком Первой мировой войны», избранным Провидением «человеком без имени, без денег, без влияния, без сторонников» или «одиноким путником из ниоткуда»³⁰. С этим же связана его любовь к пышным мундирам в своем окружении, на фоне которых его собственная простая униформа производила огромный эффект. Эту непритязательность, а также присущие ему строгость и мрачность, отсутствие у него женщин и замкнутость можно было превосходно объединить для общественного сознания в образ одинокого, великого, отягощенного бременем избранности деятеля, которого судьба отметила мистической печатью самопожертвования. Когда госпожа фон Дирксен порой говорила ему, что часто думает о его одиночестве, он подтверждал ее оценку: «Да, я очень одинок, но меня утешают дети и музыка»³¹.

Как свидетельствуют подобные высказывания, он не проявлял цинизма в оценке собственной личности и роли и смотрел на себя, скорее, с возвышенными чувствами. Под «Бергхофом» находился угловатый горный массив Унтерсберг, в котором, согласно преданию, спал император Фридрих³²,

---

²⁸ *Schacht H. Abrechnung mit Hitler. S. 31.*

²⁹ Так он говорил К.Я. Буркхардту: *Burckhardt C.J. Op. cit. S. 340.*

³⁰ Один из наглядных примеров содержится в секретной речи Гитлера, произнесенной перед выпускниками военных училищ 30.5.1942. Опубликовано в приложении к кн.: *Picker H. Hitlers Tischgespräche.*

³¹ *Burckhardt C.J. Op. cit. S. 153.*

³² Имеется в виду император Священной Римской империи германской нации (с 1155 годы) из династии Штауфенов Фридрих I Барбаросса (ок. 1122—10.6.1190). — *Прим. науч. ред.*

который должен однажды пробудиться, разбить врагов и выручить из беды свой народ. Не без волнения Гитлер находил в том факте, что его частная резиденция была напротив этой горы, важное знамение: «Это не случайно. Я вижу в этом выражение моей миссии». Все чаще он удалялся сюда, особенно когда хотел отдохнуть от «язвительных» берлинцев или «грубых» мюнхенцев. Он предпочитал добродушных рейнландцев и спустя годы блаженно вспоминал, как люди во время визита в Кёльн от восторга стали ритмично раскачиваться: «это была самая большая овация в моей жизни»³³. Убеждение в своей высшей избранности побуждало его отныне регулярно апеллировать к Провидению, когда он описывал суть своей исторической миссии:

«Я осознаю, на что способен человек и где пределы его возможностей, но я уверен, что созданные Богом люди должны выполнять волю Всемогущего. Бог создал народы не для того, чтобы они легкомысленно забывали о своей сути, портились и гибли... Сколь слаб в конечном счете отдельный человек во всей своей сути и действиях перед лицом всемогущего Провидения и его воли, столь неизмеримо сильным он становится в тот момент, когда действует в духе этого Провидения! Тогда в него вливается та сила, которая отличает все великие явления мира»³⁴.

Это убеждение лежало в основе его идеологических представлений и придавало им весомость религиозного принципа: оно давало ему твердость, решимость и непреклонную волю к осуществлению задуманного. Оно также разожгло культ его личности и подсказывало ему формы чистого идолопоклонства: Роберт Лей назвал его единственным человеком, который никогда не ошибался, Ганс Франк говорил, что он уникален как Христос, а один группенфюрер СС заверял, что фюрер выше того Бога, у которого было лишь двенадцать неверных апостолов, в то время как Гитлер стоит во главе спяянного клятвой народа. Пока Гитлер хладнокровно воспринимал подобные восхваления и использовал приемы культа гения лишь как психологическое средство укрепления своей власти, они служили значительным источником энергии. Когда же он не смог более справляться с задачей уравни-

---

³³ Hitlers Tischgespräche. S. 227. Ссылка на символическое значение Унтерсберга для Гитлера основана на личном свидетельстве А. Шпеера; см. также: Speer A. Op. cit. S. 100.

³⁴ Domarus M. Op. cit. S. 704 (выступление 27.6.1937 в Вюрцбурге).

вания жгучего сознания своей миссии макиавеллистской расчетливостью и сам уверовал в свою сверхчеловеческую суть, началось его падение³⁵.

Его социальная «неприкаянность» была лишь оборотной стороной этого мифологизированного взгляда на самое себя. Чем выше он поднимался, тем больше распространялся вакуум вокруг него. Он упорнее, чем когда-либо прежде, уклонялся от попыток общения со «старыми борцами», от их мучительного притязания на личную близость к нему. Он едва ли знал иные отношения, чем инсценированные, где каждый был статистом или инструментом. Люди в действительности никогда не пробуждали его интереса и его участия. Его максима, что «связи с простым народом уделяется недостаточное внимание»³⁶, выдает уже казенным стилем формулировки искусственный характер этого намерения. Характерно, что и его склонность к архитектуре ограничивалась сооружением гигантских кулис — известно, с какой скукой он знакомился с проектами застройки жилых районов.

Всего лишь другой стороной того же процесса обеднения социальных связей было то, что в его присутствии какая-либо беседа становилась невозможной: или, как свидетельствовали различные очевидцы, говорил Гитлер, и все остальные слушали, или все другие беседовали, а Гитлер сидел погруженный в свои мысли, апатичный, отключившийся от окружающей действительности, не поднимая глаз, «ужаснейшим образом ковыряясь в зубах, — как вспоминает один из бывавших у него, — или беспокойно расхаживая. Он не давал собеседнику высказаться, постоянно прерывал его, его мысли невообразимыми прыжками метались от одной темы к другой»³⁷. Его неспособность слушать других доходила до того,

---

³⁵ См. в этой связи: *Bullock A.* Op. cit. S. 386. Приведенные примеры восхваления Гитлера см.: *Fest J. C.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 76. Следует упомянуть еще и замечание Лея, что благодаря Гитлеру он оставил дарвинизм и вновь обрел «Христа»; см.: *Scholtz H.* In: *VHfZ.* 1967. Н. 3. S. 280.

³⁶ Из упомянутой речи в орденском замке Фогельзанг, см.: *Kotze H. v., Krausnick H.* Op. cit. S. 157. О растушей антипатии по отношению к «старым борцам» см., например: *Speer A.* Op. cit. S. 58.

³⁷ Свидетельство Г. Раушнинга из главы «Гитлер в личной жизни», которая не вошла в немецкое издание его книги «Разговоры с Гитлером»; эта глава теперь опубликована в кн.: *Schieder Th.* Hermann Rauschnings «Gespräche mit Hitler» als Geschichtsquelle. S. 80. См. также: *Price W.* Führer und Duce. S. 14.

что он не слушал даже выступления по радио иностранных политических деятелей³⁸, отвыкнув от возражений, он знал лишь состояние *absence*³⁹ или монологи. Поскольку он больше почти не читал и терпел в своем окружении только поддакивающих или восхищающихся, он скоро оказался в полной интеллектуальной изоляции, как бы замкнутом пространстве, которое отражало лишь его самого и доносило идущее со всех сторон эхо его непрерывного монолога с самим собой. Это была изоляция, к которой он сам стремился: он был раз и навсегда заиклен на прежних, общих тезисах, которые он ни расширял, ни менял, а лишь заострял.

Он непрестанно говорил о них, словно пьянея от собственного голоса, неограниченной свободой мысли. Воспроизведенные в книге Германа Раушнинга беседы Гитлера начала 30-х годов отражают в какой-то степени, несмотря на всю стилизацию, маниакальный тон человека, как бы замороженного собственными тирадами и, казалось бы, открывающего для себя фантастические возможности словотворчества; сходное впечатление, хотя и с заметно меньшим накалом, производят застольные беседы в ставке фюрера: «Слово, — говорил Гитлер, — наводит мосты в неизведанные области»⁴⁰. Во время официального визита Муссолини в Германию Гитлер после трапезы более полутора часов непрерывно обрушивал на гостя потоки слов, не давая ему возможности высказаться, хотя тому тоже не терпелось изложить свои мысли. В подобную ситуацию попадали почти все посетители и сотрудники — особенно во время войны, когда монолог неутомимого оратора затягивался до глубокой ночи и отчаянно борющийся со сном генералитет должен был уважительно выслушивать

---

³⁸ Еще в декабре 1932 года Гитлер отказался слушать по радио правительственное заявление Шлейхера: «Я не хочу, чтобы на меня оказывалось чье-либо влияние». См.: *Hoffmann H. Op. cit. S. 70.*

³⁹ Отсутствия (франц.). — *Прим. пер.*

⁴⁰ *Zoller A. Op. cit. S. 45.* Т. Шидер тоже считает, что Раушнинг точное уловил монотонный, самоопьяняющий ораторский стиль Гитлера (*Schieder Th. Op. cit. S. 52*). Меткую характеристику манере Гитлера говорить дал как-то и генерал Грёнер, сделав после одной из встреч с ним такую запись: «От деловых разговоров он уходит и снова начинает плести свои фантазии по всем векам истории. Он прямо-таки сам заговаривает себя до состояния транса, его взгляд становится отрешенным, и тут низвергается шквал слов, фраз, образов, без точек и запятых, пока, совершенно обессилев, не выплеснет все!» См.: *Craig G.A. Groener Papers; цит. по: Lange K. Op. cit. S. 48.*

«высокопарные рассуждения» об искусстве, философии; расе, технике или истории: ему всегда были нужны слушатели. Правда, они играли роль своего рода статистов, необходимых ему для развития идеи и самовозбуждения: он отпускал посетителей, заметил один проникательный наблюдатель, как «человек, только что сделавший себе укол морфия»⁴¹. Звучавшие порой возражения только стимулировали дальнейшие сумбурные ассоциации без предела, без порядка и без конца.

Бедность человеческих привязанностей, которая изолировала его в человеческом отношении, работала на него в политическом плане: он знал лишь фигуры, которыми можно играть. Никто не мог преодолеть ту зону, которой он отделил себя от других, люди из ближайшего окружения были удалены всего лишь на меньшую дистанцию. Характерно, что самые сильные чувства он испытывал к некоторым покойным. В личных покоях его резиденции в Оберзальцберге висел портрет матери и умершего в 1936 году водителя Юлиуса Шрека⁴², портрета отца не было, и Гели Раубал была ему после смерти также явно ближе, чем при жизни. «В известном отношении Гитлер просто не человек, он не достижим, до него не дотянешься», — отмечала Магда Геббельс уже в начале 30-х годов⁴³. Уже на вершине власти, находясь в центре внимания миллионов, он сохранял в себе нечто от того как бы бесследно исчезнувшего молодого человека венского или мюнхенского периода, обстоятельства жизни которого были неизвестны даже ближайшим родственникам. Альберт Шпеер, в ком он временами, не без сентиментальных чувств, видел воплощение своей юношеской мечты о блестящей и изящной жизни буржуа, заявил на Нюрнбергском процессе: «Если бы у Гитлера вообще были друзья, то я наверняка был бы одним из них»⁴⁴. Но и он не преодолел расстояние, отделявшее Гитлера от окружающих, и, несмотря на столь мно-

---

⁴¹ *Rauschning H. Gespräche.* S. 162; в другом месте (S. 104) он пишет, что красноречие Гитлера производит впечатление «физической необузданности».

⁴² Один из создателей и первых членов СА и СС, личный шофер и телохранитель Гитлера Юлиус Шрек умер от менингита 16 мая 1936 года. Гитлер распорядился устроить ему роскошные государственные похороны. — *Прим. науч. ред.*

⁴³ *Lüdecke K.G.W.* Op. cit. S. 378. Упоминание о портретах матери и шофера Шрека основывается на свидетельстве А. Шпеера.

⁴⁴ *IMT. Bd. XVI.* S. 476.

гие дни и ночи, проведенные за разработкой планов и самозабвенными грандиозными мечтами, он никогда не был кем-то большим, чем исполнителем, которому отдавалось предпочтение перед другими. Хотя Гитлер и называл его, воздавая необыкновенную честь, «гением», он оказывал ему доверие только в рамках решения деловых вопросов. Оно отсутствовало и в отношениях со следами эротического мотива, не было его и в связи с Евой Браун: в отличие от Гели Раубал она была лишь его любовницей, со всеми страхами, играми в прятки и унижениями, с которыми связано подобное положение. Она сама рассказывала, как она сидела три часа рядом с Гитлером во время ужина в мюнхенском отеле «Времена года», а он ей не разрешал говорить с ним и незадолго до ухода сунул ей «конверт с деньгами». Он познакомился с ней в конце 20-х годов в фотоателье Генриха Гоффмана, и это знакомство, возможно, явилось одним из мотивов, толкнувших Гели Раубал на самоубийство⁴⁵. Спустя некоторое время после смерти племянницы Ева Браун стала любовницей Гитлера. Она была простой девушкой с неприятными мечтами и мыслями, в которых центральное место занимали любовь, моды, кино и сплетни, постоянное опасение, что ее бросят, а также эгоцентрические капризы Гитлера и его замашки мелкого домашнего тирана. В своем стремлении к запретам он запретил ей загорать, танцевать и курить («Если бы я заметил, что Ева курит, я тут же бы порвал с ней»). Его ревность была сильной, но в то же время он обиднейшим образом не уделял ей внимания⁴⁶. «Чтобы не быть совсем одной», она несколько раз просила у него собачку («это было бы так чудесно»), но Гитлер делал вид, будто ничего не слышал⁴⁷. Долгое время он держал ее в почти оскорбительно скромных условиях. Дневниковые записи, оставшиеся после нее, дают представление об ее несчастном положении. Вот один характерный пассаж:

---

⁴⁵ Утверждение, что Раубал покончила с собой из-за ревности к Еве Браун, довольно широко муссируется в различных работах о Гитлере. Однако большинство современных серьезных историков эту версию опровергают. — *Прим. науч. ред.*

⁴⁶ Zoller A. Op. cit. S. 73. Относительно всего, что связано с Евой Браун, см. написанную, правда, в немалой мере на основании слухов книгу: Gun N.E. Eva Braun-Hitler. Leben und Schicksal.

⁴⁷ Тем не менее, несмотря на это утверждение, стоит заметить, что у Евы Браун было две собачки болонки. — *Прим. науч. ред.*

«Хочу только одного: тяжело заболеть и хотя бы 8 дней ничего не знать о нем. Почему со мной ничего не происходит, почему я должна терпеть все это? Лучше бы я никогда его не видела. Я в отчаянии. Теперь я опять покупаю снотворные порошки, после них я нахожусь в состоянии полутранса и думаю об этом не так много.

Почему дьявол не заберет меня к себе? У него было бы наверняка лучше, чем здесь. Я ждала три часа перед «Карлтоном» и должна была наблюдать со стороны, как он покупает цветы Ондре и приглашает ее на ужин. Я ему нужна только для определенных целей, ничего другого и быть не может.

Когда он говорит, что любит меня, то это его сиюминутное настроение. Все равно что его обещания, которые он никогда не выполняет. Почему он меня так мучает и не покончит дело сразу?»

Когда Гитлер в середине 1935 года три месяца не проявлял никаких знаков внимания, и она вдобавок к этому узнала, что с недавнего времени его постоянно сопровождает некая Валькирия («он любит такие габариты»)⁴⁸, она приобрела смертельную дозу снотворного и написала письмо, в котором ультимативно потребовала от Гитлера объяснений, хотя бы через посредника. «Боже, как я боюсь, что он сегодня не объявится, — говорится в последней записи того периода. — Я решила принять 35 доз, чтобы на этот раз все сработало наверняка. Ну хоть бы сказал, чтобы мне позволили».

Ева Браун дважды пыталась совершить самоубийство. Первый раз уже в ноябре 1932 года, выстрелив из пистолета в шею, а второй раз — в ночь на 29 мая 1935 года. Этим она значительно встревожила Гитлера, тем более что еще не была забыта история с Гели Раубал. Только когда сводная сестра Гитлера фрау Раубал, мать Гели, покинула в 1936 году Берг-

---

⁴⁸ Имеется в виду английская поклонница Гитлера Юнити Валькирия Митфорд (8.8.1914—28.5.1948). Она давно хотела познакомиться с Гитлером, и ей это удалось в феврале 1935 года. После этого он ее неоднократно приглашал на партийные мероприятия и на приватные вечеринки. В 1935—1939 годах они встречались в общей сложности более 140 раз. После того как Англия объявила войну Германии Юнити предприняла попытку самоубийства и тяжело ранила себя, что привело к полному параличу конечностей. — *Прим. науч. ред.*

хоф и Гитлер взял на ее место Еву Браун⁴⁹, напряженность в отношениях прошла. Правда, она и дальше оставалась на «полулегальном» положении, ей приходилось прокрадываться боковыми входами и служебными лестницами и довольствоваться фотографией Гитлера во время завтраков и т.п., когда он оставлял ее одну. Ей по-прежнему почти не разрешали появляться в Берлине и, как только приезжали гости, Гитлер почти всякий раз отсылал Еву в ее комнату. Но ее растущее чувство уверенности действовало на него, и она скоро уже вошла в тот самый узкий круг людей, в котором он не разыгрывал из себя великого человека, где он засыпал во время чая в кресле, ходил в расстегнутом пиджаке и приглашал других на просмотр фильмов или беседу у камина. Большая непринужденность выявляла вместе с тем его грубые, бесчувственные черты. Как-то он сказал Альберту Шпееру в присутствии своей любовницы: «Люди с очень развитым интеллектом должны выбирать себе примитивных и глупых женщин. Что было бы, если бы у меня сейчас была женщина, которая вникала бы в мою работу! В свободное время я хочу покоя»⁵⁰. В некоторых сохранившихся узкоплечных любительских фильмах можно видеть Еву Браун в обществе Гитлера на террасе резиденции «Бергхоф»: всегда в том слишком задорном настроении, чтобы в него можно было без труда поверить.

Распорядок обычного дня Гитлера неоднократно описывался: как он утром приоткрывал дверь своей спальни, которую имел обыкновение постоянно закрывать на ночь, как его рука механически нащупывала газеты, положенные на банкетке перед дверью, и опять исчезала⁵¹. Прогулки, поездки, обсуждения строительных проектов, приемы, выезды на автомобиле за город не составляли внешних рамок дня, а толь-

---

⁴⁹ Не совсем ясно, что автор имеет в виду, говоря, что Гитлер «взял Еву Браун на место своей сводной сестры». Отношения между Браун и Ангелой Раубал не сложились с самого начала и особенно обострились после партийного съезда 1935 года. После этого Ангела потеряла должность домоправительницы в Оберзальцберге и 18 февраля 1936 года была вынуждена покинуть поместье. Ева же, не находившаяся постоянно в Оберзальцберге, не могла таким образом являться домоправительницей. — *Прим. науч. ред.*

⁵⁰ *Speer A. Op. cit. S. 106*; там же содержатся и другие свидетельства, касающиеся отношений между Гитлером и Евой Браун; см.: *Ebd. S. 144*.

⁵¹ *Krause K.W. Kammerdiener, S. 12 f.*; см. также, например: *Speer A. Op. cit. S. 97 ff., 131 ff.*

Адольф Гитлер и Бенито Муссолини в Берлине

Адольф Гитлер и Франсиско Франко

День вермахта. 1937 г.
За спиной Гитлера — Вернер фон Бломберг пожимает руку
Вернеру фон Фригу, далее — Герман Геринг и Эрих Редер

Выступление Гитлера

Одно из мероприятий избирательной кампании в Граце (Австрия)
в 1938 г., Сент-Пёльтене.

В первом ряду (слева направо): Генрих Гиммлер, Артур Зейсе-
Инкварт, Адольф Гитлер, Йозеф Бюркель, Юлиус Шауб

Маневры в Сент-Пёльтене (Австрия). 1938 г.

Гитлер и Чемберлен в Мюнхене в 1938 году

Маневры. 1938 г.

Гитлер вручает
Рыцарский Крест
Эриху Хартману

Гитлер и Геринг в сопровождении высших офицеров люфтваффе

Карл Густав Маннергейм, Франц Глизер, Адольф Гитлер

Генрих Гиммлер

Мартин Борман

Здание РСХА

Гитлер в своей комнате в рейхсканцелярии в Берлине

Геринг, Кейтель, Гиммлер, Гитлер. 1941 г.

Гитлер и Паулюс

Герман Геринг: «Все мы всегда одобряем то,
что делает наш фюрер»

Генерал
Курт Штудент —
«отец» парашютных
войск

Гитлер с парашютистами, награжденными Железными Крестами.
1944 г.

Клаус Шенк фон Штауфенберг

Людвиг Бек

Франц Гальдер

Фихард Вильгельм Канарис

Гитлер и его английская поклонница
Юнити Валькирия Митфорд

Гитлер и Ева Браун

Фальшивый труп Гитлера,
представленный
фотокорреспондентам
советской администрацией

Фрагмент черепной коробки
фюрера

Разрушенное здание рейхсканцелярии.
На переднем плане — вход и караульная башня бункера фюрера

ко делили его на вереницу развлечений. Сколь оригинальным был образ, который Гитлер умел придать публичным мероприятиям, столь же безликим был его личный стиль, который складывался из всех этих действий и спонтанно реализуемых капризов дня. Частной жизни у него не было.

Его окружение состояло по-прежнему из адъютантов, секретарш, шоферов, ординарцев, «часть его сопровождения составляли эфебы»⁵², — описывает один наблюдатель, — волосы вьются мелкими кудряшками, ординарный, неотесанный народ с манерными жестами». Он продолжал предпочитать некритичную, не привыкшую много размышлять среду простых людей, к которой он привык с раннего детства, особенно если они «как он сам... были так или иначе выбиты жизнью из колеи». В их обществе он проводил в Оберзальцберге по неизменному монотонному порядку вечера, от которых у одного из участников осталось «лишь воспоминание странной пустоты»⁵³. Вначале регулярно три-четыре часа смотрели кино, Гитлер любил прежде всего комедии на современные темы с плоскими шутками и сентиментальным концом. В список его любимых лент, которые он смотрел по десять раз и больше, входили «Квакс, невезучий пилот» и «Пунш на каминных щипцах» Гейнца Рюмана, комедия Фердля о носильщике «Два тюленя», развлекательные ревю Вилли Форста, а также многочисленные иностранные фильмы, часть которых не шла в открытом прокате. Усталое и со словно налитыми свинцом конечностями общество собиралось затем у камина, настоящая беседа никогда не завязывалась. Как и за большим объединенным столом, здесь массивная, расставленная далеко друг от друга мебель мешала кому бы то ни было обмену мыслями. В то же время на окружение парализующе действовал сам Гитлер, «лишь немногие люди чувствовали себя в какие-то моменты хорошо в его присутствии», — заметил один из

---

⁵² В Афинах и некоторых других древнегреческих полисах особая возрастная категория граждан, в которую зачислялись свободнорожденные юноши, достигшие совершеннолетия, для прохождения подготовки к военной и гражданской службе. — *Прим. пер.*

⁵³ *Speer A. Op. cit. S. 107*; аналогичные свидетельства приводит и Цоллер: *Zoller A. Op. cit. S. 21*. Приведенные выше характеристики окружения Гитлера принадлежат его личному врачу профессору Брандту (см.: *Hitlers Tischgespräche. S. 47*), а также Г. Бенну, видевшему таких эфебов рядом с Гитлером при своем посещении отеля «Кайзерхоф»; см.: *Benn G. Den Traum allein tragen. S. 116*.

старых его сподвижников уже за несколько лет до описываемого периода. Час-два сидели за мучительно тянувшимся, все время обрывавшимся после пары банальных фраз разговором. Гитлер или молчал, или смотрел задумчиво на огонь, остальные смолкали из уважения и усталости. «Нужно было большое самообладание, чтобы присутствовать на этих бесконечных посиделках перед неизменно той же декорацией пляшущего огня»⁵⁴. Только после того, как Гитлер между двумя и тремя часами ночи чопорно прощался с Евой Браун и вскоре после этого уходил сам, оставшиеся, словно освободившись, оживали в недолгом лихорадочном веселье. Аналогично проходили вечера и в Берлине, только там гостей было больше и атмосфера была более напряженной. Все попытки внести какое-то разнообразие разбивались о сопротивление Гитлера, который в тривиальной пустоте этих часов старался отдохнуть от исполняемой им на протяжении дня роли. Резкой противоположностью тому был классический мотив тоталитарной пропаганды об окне, которое одиноко горит в ночи. «Каждую ночь до шести-семи часов утра был виден свет из его окна», — заявлял Геббельс. В стихотворении, которое зачитывали на праздниках молодежи, говорилось:

В твоём окне всю ночь не гаснет свет...
А мы спокойно спим, не ведая заботы.
В раздумьях ищешь ты единственный ответ.
И вдохновенный плод твоей работы —
Решенье найдено! — приветствует рассвет⁵⁵.

Упоминание фильмов, которые предпочитал смотреть Гитлер, основывается на сообщении регирунгсрата Баркхаузена (ВАК), который отвечал за обеспечение Гитлера фильмами в 30-х годах. В его же, Баркхаузена, распоряжении имеется каталог, содержащий 2000 названий, запрещенных в Германии для широкого показа фильмов. См. в этой связи также: *Hoffmann H.* Op. cit. S. 191, где приводятся и другие названия.

---

⁵⁴ *Zoller A.* Op. cit. S. 21; к приведенному выше наблюдению см.: *Lüdecke K.G.W.* Op. cit. S. 459.

⁵⁵ Перевод с немецкого А.А. Федорова.

Из программы открытия Декады Союза немецких девушек в Трире. Цит. по: *Heyen F. J.* Op. cit. S. 230. См. также: *Goebbels J.* Unser Hitler (выступление по радио по случаю дня рождения Гитлера 20 апреля 1935 года); цит. по: *Adolf Hitler.* S. 87 (издано рекламной конторой сигаретных этикеток «Реemtсма»).

Летом 1935 года Гитлер решил перестроить дом в Оберзальцберге в импозантную резиденцию и сам разработал план, виды с разных сторон и сечение нового сооружения с указанием масштаба. Проекты эти сохранились и подтверждают приверженность Гитлера к однажды разработанной схеме. Он был просто не в состоянии еще раз по-новому взглянуть на стоящую задачу: в его эскизах всегда просматривался первоначальный проект, изменения были весьма незначительны. Не менее примечательна утрата чувства пропорции, например в эскизе гигантского окна, из которого открывался вид на Берхтесгаден, гору Унтерсберг и Зальцбург и которое Гитлер позже любил представлять гостям как самое большое в мире опускающееся окно, которую Эрнст Нольте прежде всего на основе анализа неконтролируемой жажды присвоения Гитлера, того неистового и неукротимого стремления получить желаемое, которое, например, заставляло подростка Адольфа в короткий срок посетить «Тристана» 30—40 раз или побуждало рейхсканцлера на протяжении полугода не менее шести раз ходить на представление «Веселой вдовы», отметил «основную инфантильную черту в сущности Гитлера»⁵⁶. Она в не меньшей степени проявляется в этой сохранявшейся всю жизнь рекордомании. И в том и в другом случаях налицо были склонности человека, которому никогда не удалось преодолеть свою юность и ее мечты, травмы и обиды. Еще в шестнадцатилетнем возрасте он хотел удлинить 120-метровый фриз Линцкого музея на 100 метров, чтобы город стал обладателем «величайшего пластического фриза на континенте», а спустя годы он хотел осчастливить город мостом, возвышающимся над потоком на 90 метров, «не имеющим себе равных в мире»⁵⁷. Той же черте отвечала и его манера еще в предшествующий канцлерству период устраивать на шоссе гонки с другими машинами — прежде всего тяжелыми американскими автомобилями, и то упоение, которое он испытывал, вспоминая о превосходстве двигателя своего «Мерседеса». Самое большое опускающееся окно дополнялось ог-

---

⁵⁶ Nolte E. *Faschismus in seiner Epoche*, S. 358 f. О посещениях представлений «Тристана» и «Веселой вдовы» см.: *Libres propos*. P. 322, а также: *Dietrich O. Zwölf Jahre*. S. 165. По меткому замечанию Нольте, инфантильны и постоянные, преисполненные ненависти воспоминания Гитлера о школе, будто он «так и не вышел из юношеского возраста и ничему не научился у времени с его обогащающей, примиряющей и смягчающей остроту обид силой».

⁵⁷ См.: *Kubizek A. Op. cit.* S. 125, 123.

ромным столом с 6-метровой мраморной плитой, самыми высокими куполами, самыми исполинскими трибунами, грандиознейшими триумфальными арками, короче, в неразборчивом возведении гигантских аномалий в норму. Как только он слышал от кого-нибудь из своих архитекторов, что он в своем проекте «побил» размеры какого-нибудь исторически известного здания, Гитлер приходил в восторг. Мегаломанические сооружения Третьего рейха сочетали эту инфантильную одержимость рекордами с традиционным «фараоновским комплексом» тщеславных диктаторов, которые хотели компенсировать преходящий характер своего господства гигантскими стройками. В многочисленных высказываниях Гитлера эта установка звучит всякий раз именно так. Например, на партийном съезде 1937 года он сказал:

«Поскольку мы верим в вечность этого рейха, и эти сооружения должны быть вечными, то есть они предназначены не для 1940 или 2000 года — они подобно соборам нашего прошлого должны войти в грядущие тысячелетия.

И если Бог велит сегодня поэтам и певцам быть борцами, то он дал борцам архитекторов, которые увековечат успех этой борьбы в непреходящих произведениях уникального великого искусства. Это государство не должно быть исполнено без культуры и силой без красоты»⁵⁸.

При помощи огромных сооружений Гитлер, помимо прочего, хотел с запозданием удовлетворить свои былые мечтания в области искусства. В одной речи, относящейся к тому же периоду, он заявил, что, «если бы не Первая мировая война, он... вероятно, стал бы одним из лучших, если не лучшим архитектором Германии»⁵⁹. Теперь он стал ее главным распорядителем строительных работ. Вместе с несколькими отобранными архитекторами он разработал концепцию реконструкции многих немецких городов, которая предусматривала появление исполинских зданий и объектов. Их подавляющие размеры, отсутствие привлекательности и стилизованные под античность элементы формы создавали в целом впечатление помпезной укрошенной пустоты. В 1936 году он принял план превращения Берлина в столицу мира, «сопоставимую толь-

---

⁵⁸ Offizieller Bericht. S. 78. По поводу восторга Гитлера, когда ему удавалось своими собственными проектами перешагнуть исторические архитектурные сооружения, см.: *Speer A.* Op. cit. S. 83.

⁵⁹ Hitlers Tischgespräche. S. 323.

ко с древним Египтом, Вавилоном или Римом»⁶⁰. В течение примерно 15 лет он хотел преобразовать весь центр города в сплошной представительный монумент имперского величия, с широкими проспектами, сверкающими огнями гигантскими постройками, над всем этим ансамблем должно было царить сооружение в виде храма с куполом высотой почти в 300 метров — самое высокое здание мира, способное вместить 180 тысяч человек. С возвышения внутри здания, под позолоченным орлом размером с целый дом, он собирался обращаться к подданным Великогерманского рейха и диктовать законы поверженному в прах миру. Великолепная пятикилометровая улица связывала это сооружение с триумфальной аркой высотой в 80 метров, символом множества побед в основавших мировую империю войнах. «Каждый год, — мечтал Гитлер в разгар войны, — через столицу рейха будут проводить толпу киргизов, чтобы они могли представить себе мощь и величие каменных памятников столицы»⁶¹. Аналогичные размеры были у Дома фюрера, напоминавшего дворец-крепость в самом центре Берлина, под него отводилось два миллиона квадратных метров земли. Наряду с жилыми и служебными помещениями Гитлера он должен был включать в себя многочисленные залы для больших приемов, галереи, зимние сады, фонтаны и театр. Не без оснований у его архитектора-фаворита, наткнувшегося позже на старые проекты, всплывали ассоциации с «архитектурой сатрапов в фильме Сесила Б. де Милла»⁶². Эти проекты Гитлера отвечали духу времени, от которого его, как казалось, так многое отделяло. Каменные свидетельства этой незаметной для непрофессионала внутренней гармонии можно видеть еще и сегодня в Москве, и, пожалуй, также в Париже, Вашингтоне и Голливуде.

В обширных планах перестройки почти всех крупных немецких городов реализовался гитлеровский идеал художника-политика. Даже при занятости неотложными государственными делами он постоянно находил время для долгих разговоров об архитектуре. Когда его мучила бессонница, он часто рисовал по ночам планы или эскизы. Он все время хо-

---

⁶⁰ Ebd. S. 195.

⁶¹ Ebd. S. 143. Приводимое ниже замечание об «архитектуре сатрапов» содержится в воспоминаниях Шпеера — *Speer A. Op. cit. S. 174.*

⁶² Имеется в виду псевдомонументальный стиль «Клеопатры». — *Прим. пер.*

дил через так называемый министерский сквер за Имперской канцелярией в бюро Шпеера, где, стоя перед тридцатиметровой моделью «образцовой улицы», освещаемой софитами, восторгался вместе со своим более молодым собеседником фантастическими проектами, которым не суждено было воплотиться в жизнь. Среди сооружений, запланированных для того, чтобы придать Нюрнбергу «его будущий вечный облик», были и стадион на 400 тысяч зрителей, которому предназначалось стать одной из самых грандиозных построек в истории, плац для парадов с трибунами на 160 тысяч мест, улица парадов и несколько зданий для съездов — все это было объединено в гигантский храмовый комплекс, проект которого получил на Всемирной выставке 1937 года в Париже «Гран-при». Особое внимание Гитлер обращал, следуя совету Шпеера, на выбор строительного материала, чтобы сооружения даже в виде руин, заросшие плющом и с обрушившейся кладкой, свидетельствовали бы о величии его господства, как пирамиды Луксора говорят о мощи и славе фараонов. «Если однажды, — заявил он на закладке первого камня Дворца конгрессов в Нюрнберге, — движению суждено будет смолкнуть, то и спустя тысячелетия будет говорить этот свидетель. Посреди священной роши древних дубов люди будут с благоговейным удивлением восхищаться этим первым колосом среди сооружений Третьего рейха»⁶³.

Однако архитектура была лишь дисциплиной искусства, которой он отдавал предпочтение и к которой проявлял особый интерес. У него была не ослабевавшая с дней юности склонность к живописи, музыкальному театру и, собственно говоря, ко всем видам искусства. В соответствии со своим воззрением, что художественный уровень эпохи лишь отражает ее политическое величие, он видел основное доказательство законности своей государственной деятельности в свершениях в области культуры. На этом идеологическом фоне надо рассматривать самоуверенные пророчества начального периода Третьего рейха, что с его возникновением наступит «небывалый расцвет германского искусства» или же «новый художественный ренессанс арийцев». Тем больше было раздражение Гитлера, когда его мечта стать новым Периклом

---

⁶³ *Domarus M.* Op. cit. S. 527 (выступление 11.9.1935). См. по всей этой теме многочисленные свидетельства в книге А. Шпеера: *Speer A.* Op. cit.; в частности, главы 3—6, 8, 10—13.

была развеяна⁶⁴, и все усилия дали не более чем воинствующий бидермейер. Отгородившись от мира, гордясь узостью своего мирка, он культивировал псевдоромантический культ заката, который призывал сосредоточиться на основном: вспаханное поле, от которого идет пар, героизм стальных шлемов, горные вершины с шапкой вечных снегов и вновь и вновь полные сил труженики, одерживающие очередную трудовую победу. Порождаемый столь резким неприятием «фёлькише» всего «ненашего», упадок культуры был очевиден не только в литературе, но и в изобразительном искусстве. Хотя ежегодно проводившиеся выставки в Мюнхене, на некоторых из которых Гитлер сам возглавлял жюри, пытались прикрыть царившую пустоту триумфами нового, на которое не жалели средств. Злые нападки Гитлера на «ноябрьское искусство», заключавшееся в прошлом «оболванивание под видом искусства» говорят о том, как твердо он приравнивал художественные нормы к политическим. Он грозил посадить «неандертальцев от культуры» под врачебный надзор или в тюрьму и отдавал указания уничтожать «интернационалистскую художественную пачкотню», которая является не чем иным, как «порождением наглой бесстыдной претенциозности»⁶⁵. На проведенной в 1937 году выставке «Вывождающееся искусство» эта угроза была частично приведена в исполнение.

И в восприятии Гитлером искусства наталкиваешься на феномен сохранения в застывшем виде однажды выработанных взглядов, что характеризует весь мир его мыслей и представлений. Со времен Вены, когда все бури в художественном и интеллектуальном мире бесследно прошли мимо него, его критерии оценки не изменились. Холодная классическая пышность с одной стороны и помпезный декаданс — с другой, например, Ансельм фон Фейербах и Ганс Макарт были

---

⁶⁴ Со слов Шпеера автору. По его свидетельству, Гитлер видел в Перикле «своего рода параллель» самому себе. См. также: *Speer A. Op. cit.* S. 466.

⁶⁵ Выражения такого рода встречаются почти во всех так называемых выступлениях по вопросам культуры, да и в «Застольных беседах» тоже. См. также сборник, составленный Д. Штротманом: *Strothmann D. Nationalsozialistische Literaturpolitik.* S. 302. Гитлер охотно подчеркивал воспитательное значение Немецкой художественной выставки как для публики, так и для художников, она представляет собой, как он говорил, «настоящее пугало для бездарностей»; *Hitlers Tischgespräche.* S. 491.

основными ориентирами его художественного чувства, которое он с озлоблением провалившегося абитуриента Академии художеств возвел во всеобщую норму. Кроме того, он восхищался прежде всего итальянским ренессансом и искусством раннего барокко — большинство картин в «Бергхофе» относится именно к этим двум периодам. Особенно он любил картину с полуобнаженной натурой тициановского ученика Бордине и большой раскрашенный эскиз Тьеполо; художников немецкого ренессанса он отвергал из-за их лишенной пышности строгости⁶⁶. Педантичная точность воспроизведения изображаемого на его собственных акварелях позволяет предположить, что он в каждом случае требовал мастерской точности передачи. Он ценил раннего Ловиса Коринта, но его поздние произведения, созданные в своего рода гениальном старческом озарении, вызывали у него раздражение, и он приказал убрать их из музеев. Характерно, что Гитлер помимо всего этого любил сентиментальную жанровую живопись вроде изображений бражничающих монахов и толстых хозяев винных погребов Эдуарда Грютцнера: уже в юные годы, — рассказывал Гитлер своему окружению, — он мечтал о таком успехе в жизни, чтобы позволить себе приобрести настоящего Грютцнера⁶⁷. В его мюнхенской квартире на Принцрегентенплац висели многие работы этого художника, рядом с ними трогательное изображение идиллической сценки жизни маленьких людей кисти Шпицвега, портрет Бисмарка кисти Ленбаха, сценка встречи в парке Ансельма фон Фойербаха и многочисленные версии «Греха» Франца фон Штука. В «Проекте Германской национальной галереи», который он набросал на первой странице своего альбома эскизов в 1925 году, мы находим этих художников и такие имена, как Овербек, Мориц фон Швинд, Ганс фон Маре, Дефреггер, Беклин, Пилоти, Лейбль и, наконец, Адольф фон Менцель,

---

⁶⁶ Со слов А. Шпеера, который в этой связи отмечает, что неприятие Гитлером произведений, например, Лукаса Кранаха, объясняется еще и тем, что женские образы Кранаха не соответствовали его идеалу женщины с более полной фигурой; он говорил, что женщины Кранаха «неэстетичны».

⁶⁷ По свидетельству Г. Гоффмана, бывшего основным закупщиком картин для Гитлера и его ближайшим советником в вопросах искусства: *Hoffmann H.* Op. cit. S. 168. Там же (S. 175) содержится и приводимое ниже упоминание о картинах в квартире Гитлера на Принцрегентенплац; о Л. Коринте см.: *Hitlers Tischgespräche.* S. 379.

которому он отвел ни много ни мало пять залов⁶⁸. Он весьма рано начал закупать через специальных уполномоченных все значительные произведения этих художников, готовя фонды музея, который он хотел создать в Линце после достижения своих целей и которым хотел руководить лично.

Однако как все, за что он брался, мгновенно и неумолимо разрасталось до гигантских размеров, так и планы строительства Линцской галереи быстро достигли невообразимых масштабов. Поначалу он хотел собрать там только репрезентативные образцы немецкого искусства XIX века, но во время поездки в Италию в 1938 году богатство итальянских музеев произвело на него столь потрясающее впечатление, что он, как бы принимая вызов, решил построить в Линце нечто адекватное и колоссальное. В его фантазии возникла идея «величайшего музея мира», в начале войны этот замысел принял окончательный вид и был связан с планом перераспределения всего европейского художественного достояния. Согласно ему, все произведения искусства из так называемых германских зон влияния должны были быть перевезены в Германию и объединены в единую экспозицию прежде всего в Линце, которому была уготована роль своего рода немецкого Рима. Гитлер нашел компетентного специалиста-исполнителя этих планов. Им был генеральный директор Дрезденской галереи доктор Ганс Поссе⁶⁹. Вместе с большой командой помощников он прочесывал все, что предлагала европейская торговля, покупал или конфисковывал позже прежде всего в оккупированных странах все более или менее ценные художественные произведения и составлял их опись в многотомных «каталогах для фюрера». Помеченные Гитлером картины доставлялись в Мюнхен, и уже во время войны он, попав в этот город, первым делом посещал Дом фюрера, чтобы осмотреть отобранные произведения и, удалившись от действительности, забыть за долгими разговорами об искусстве. Еще в 1943/44 году для Линца было приобретено три тысячи полотен, на их покупку, несмотря на все связанные с войной трудности, было потрачено 150 млн рейхсмарок. Ког-

---

⁶⁸ См. *Hoffmann H.* Op. cit. S. 180.

⁶⁹ Ганс Поссе (1879—?) был специалистом по искусству итальянского и голландского Ренессанса и барокко. В 1913 году он занял пост директора Дрезденской картинной галереи. 26 июня 1939 года Поссе был официально назначен руководителем «особого установления Линц», которое занималось формированием коллекции для «музея фюрера». — *Прим. науч. ред.*

да помещений в Мюнхене стало не хватать, Гитлер дал указания хранить коллекции в замках, таких как Хохэншвангау и Нойшванштайн, в монастырях и горных пещерах. Только в соляной шахте XIV века Альт-Аусзее к концу войны было спрятано 6755 полотен старых мастеров, а также рисунки, произведения графики, гобелены, скульптуры и бесчисленное количество антикварной мебели — последнее выражение разросшейся до невообразимых размеров инфантильной жадности. Среди картин были произведения Леонардо да Винчи и брюггская «Мадонна» Микеланджело, знаменитые работы Рубенса, Рембрандта, Вермеера, «Гентский алтарь» братьев ван Эйк и рядом с ними, например, картина «Чума во Флоренции» Ганса Макарта, которую Гитлер принял в подарок от Муссолини по его настоятельной просьбе. Приказ взорвать хранилище, который поступил из бункера фюрера и передан по инстанции гаулейтером Верхнего Дуная Августом Эйгрубером⁷⁰, пригрозившим за неисполнение казнью, не был выполнен⁷¹.

Во внешности Гитлера всегда был какой-то странный налет неполноценности, вызывающий впечатление узости и недоведенности до конца, которое не могли вытеснить и многочисленные триумфы. Все личные черты не делали из него личности. Рассказы и воспоминания его окружения, дошедшие до нас, не дают осязаемого образа, он движется по сцене как некая безликая маска, хотя он бесспорно владел этим сценическим пространством. Будучи одним из величайших ораторов в истории, он не оставил ни одного запоминающегося крылатого выражения, точно так же нет и ни одного яркого исторического анекдота о нем, хотя он обращался с властью как ему заблагорассудится, столь бесцеремонно и произвольно, как ни один другой политический деятель после конца эпохи абсолютизма.

Именно это преобладание эксцентричного личного начала побуждало различных наблюдателей называть его дилетантом. И действительно, если считать, что суть такого типа дея-

---

⁷⁰ Австрийский нацист, обергруппенфюрер СС Август Эйгрубер (16.4.1907—28.5.1946) с мая 1938 года являлся гаулейтером Верхнего Дуная (Обердонау). После войны он был повешен по приговору американского трибунала. — *Прим. науч. ред.*

⁷¹ См. по всей этой теме: *Brenner H.* Op. cit., в частности, главу «Задание фюрера: Линц» (*Der Führerauftrag Linz. S. 154 ff.*), из которой взяты эти свидетельства.

теля определяется господством склонности над долгом и настроения — над правилом и строгим постоянством, то деятельность Гитлера означала вторжение дилетанта в политику. Уже ранние обстоятельства его жизни постоянно несли на себе отпечаток этого свойства, которое в конечном счете вывело его в политику, время его власти было прямо-таки сплошной демонстрацией нормативной силы личностного начала. С ним, этим качеством, были связаны его манера идти напролом и радикальность используемых методов, благодаря которой он добился стольких успехов. Он был настоящим *homo novus*⁷², его не обременяли ни опыт, ни уважение правил игры, он не знал сдерживающих моментов, которые существовали для специалистов, и не отступал в страхе перед непродуманным. Прежде всего он интуитивно схватывал общее направление, однако не представлял себе практических трудностей осуществления масштабных проектов, для него все было лишь детской игрой или актом воли, его смелость не осознавала самой себя. С «дилетантской отвагой в принятии решений»⁷³ он во все вмешивался, высказывал свое мнение, давал указания и предпринимал шаги, на которые другие вряд ли вообще отважились бы. Дилетантским был его страх признать ошибку и его стремление демонстрировать знание тоннажа, калибров и вообще статистики. Его эстетические склонности: восхищение гигантским, наивная любовь к трюкам, внезапным действиям и эффектам фокусника, также свидетельствуют о его дилетантской сущности. Характерно, что озарению он доверял больше, чем мыслям, а гениальности — больше, чем прилежанию⁷⁴.

Этот дилетантизм он пытался скрыть пренебрежением к чувству меры, он доводил его до монументальности, чтобы сделать невидимым. В этом смысле он был деятелем XIX века — человеком, преклоняющимся перед величием в любой форме: будь то в размерах, будь то в людях. Величие было легитимизацией всего, мир был для него экспериментальным полем или просто кулисой, и в соответствии с беспардонным высказыванием Ницше он был уверен, что народ не что иное, как обходной путь природы для создания не-

---

⁷² Новый человек, выскочка (лат.). — *Прим. пер.*

⁷³ *Speer A. Op. cit. S. 244*; он тоже подчеркивает дилетантство Гитлера.

⁷⁴ См., например: *Hitlers Tischgespräche. S. 322*, где Гитлер отмечает, что важна не кропотливая работа, а способность к «великим мыслям».

скольких великих деятелей. «Гении исключительного рода, — заявлял он, имея в виду самого себя, — не считаются с обычными людьми», их более глубокое понимание вещей, их высокая миссия оправдывают любую жестокость, в его представлениях сумма отдельных людей, копошащихся у ног гениев, претендующих на величие и славу, представлялась лишь «насеменяющими планету бактериями»⁷⁵.

В этих картинах гениальности, величия, славы, миссии и борьбы миров проявляется характерное начало мира представлений Гитлера: он мыслил мифологическими, а не общественными категориями, и его «современность» была пронизана архаическими элементами. Мир и человечество, состоящие из тысяч нитей переплетения интересов, темпераментов и энергетических зарядов, сокращались до немногих инстинктивно схваченных противоречий, были друзья и враги, добро и зло, чистое противостояло нечистому, бедные — богатым, рыцарь в сияющих латах — охраняющему сокровище дракону. Гитлер отмечал, что Розенберг избрал для своего главного произведения «неудачное заглавие»⁷⁶: национал-социализм противопоставляет собой не миф XX века духу, а «веру и знание XX века мифу XIX века»⁷⁷. В действительности же он был гораздо ближе к позиции главного философа партии, чем об этом говорят подобные высказывания. Дело в том, что рациональное в нем постоянно ограничивалось методичностью и не высвечивало темных уголков его страхов и аффектов. Отталкиваясь от менее мифологических предпосылок, он действовал с планомерной трезвостью, и только отметив эти ничем не связанные между собой холодность и заблуждения, макиавеллизм и замороженность магией, можно описать феномен в целом.

Традиционную схему немецкой истории в решающей степени определяли некоторые огрубленные, произвольно сфабрикованные положения, извлекаемые из макулатурной груды трактатов целых поколений отечественных профессоров и лжепророков. Эта схема была мифологизирована доктринами о существовании вечных врагов, сжимающих страну кольцом

---

⁷⁵ См.: *Dietrich O. Zwölf Jahre*. S. 168, или: *Frank H. Op. cit.* S. 133; см. также: *Hitler A. Mein Kampf*. S. 501.

⁷⁶ Основное произведение Альфреда Розенберга носит название «Миф XX века». — *Прим. науч. ред.*

⁷⁷ *Hitlers Tischgespräche*. S. 269; об идентификациях христианства и большевизма см.: *Ebd.* S. 169.

окружения, эти тезисы внедрили в сознание легенду об «ударе кинжалом в спину», верности Нибелунгов и радикальной альтернативе «победа или смерть». Верно, что национал-социализм не знал, в отличие от итальянского или французского фашизма, того феномена «искушения историей»⁷⁸, который относится к основным чертам фашистского мышления вообще. Он не имел идеальной эпохи, которая мобилизовала бы его тщеславие и героический порыв к подражанию. Он знал критическое отрицание истории, то есть попытку стимулировать нынешнее тщеславие карикатурной картиной бывшей слабости и раздробленности. Гитлер, безусловно, извлекал из отрицания прошлого такой же заряд динамизма, как Муссолини — из заклинания славой Римской империи. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить такие понятия, как Версаль или «период системы». Геббельс, например, дал указание руководителям пропаганды представлять период с 1918 по 1933 г. как «преступный»⁷⁹. История, заметил как-то Поль Валери, представляет собой самый опасный продукт, изготовленный химией человеческого мозга, она заставляет народы мечтать или страдать, делает их больными манией величия, тщеславными, невыносимыми, порождает у них чувство горечи; во всяком случае, ненависть и страсти народов в первой половине XX столетия гораздо сильнее возбуждались фальсифицированной историей, чем всеми расовыми идеологиями.

Гитлеру пришлось использовать средство отрицания прошлого Германии уже по той причине, что он не восхищался ни одной из его эпох: его идеалом был мир античности — Афины, Спарта («наиболее чистая форма расового государства в истории мира»), Римская империя. Он всегда чувствовал большую близость к Цезарю или Августу, чем к Арминию; их, а не неграмотных обитателей германских лесов он причислял к тем «самым светлым умам всех времен», которых он надеялся встретить на «Олимпе, ...куда я вознесусь»⁸⁰. Его все вновь и вновь занимала проблема гибели древних империй: «Я часто размышляю над тем, почему погиб античный мир». Он откровенно потешался над попытками Гимmlера воскресить разные бутафорские элементы язычества и древнейшие

---

⁷⁸ См.: *Nolte E. Faschismus in seiner Epoche*, S. 500.

⁷⁹ Цит. по: *Bracher K.D. Diktatur*. S. 286 f. Цитируемое ниже высказывание П. Валери см.: *Talmon J. L. Op. cit. Bd. 11. S. 200.*

⁸⁰ *Hitlers Tischgespräche*. S. 186; последующее высказывание см. там же. S. 171.

доисторические верования и саркастически реагировал на фольклор глиняных черепков и изыскания об использовании трав германцами, он «отнюдь не поклонник этих вещей»: «В то время, когда наши предки изготавливали каменные корыта и глиняные кувшины, с которыми теперь носятся наши исследователи доисторических времен, в Греции был построен Акрополь»⁸¹. В другом месте мы читаем: «Германцы, которые остались в Гольштейне, и спустя два тысячелетия были еще дикарями и находились на не более высокой ступени культуры, чем сейчас маори». Только перекочевавшие на юг народности пережили культурный подъем: «Наша страна была дикой... Когда нас спрашивают, кто наши предки, мы всегда должны называть греков»⁸².

Наряду с античными государствами его восхищение вызвала прежде всего Англия, подстегивая его честолюбие, поскольку она смогла объединить в себе национальную сплоченность, сознание нации господ и умение мыслить широкими категориями — она была противоположностью немецкому космополитизму, немецкой робости и немецкой узколобости. И, наконец, объектом тайного, невольного изумления и табуированных страхов выступали евреи. Их расовой самоизоляции и чистотой он восхищался не меньше, чем их сознанием собственной исключительности, их упорством и острым умом; по сути дела, он видел в них что-то вроде антипода сверхчеловека. Даже германские народы примерно той же расовой чистоты, — заявлял он в застольных беседах, — уступают им: если перебросить в Швецию пять тысяч евреев, то они в кратчайший срок завоюют все ведущие позиции»⁸³.

Из этих умозрительных элементов, какими бы неточными и эклектичными они ни были, он сконструировал идею «нового человека»: тип, который сочетал в себе спартанскую твердость и непритязательность, римский этнос, английского человека-господина и расовую мораль евреев. Эта расистская

---

⁸¹ Hitlers Tischgespräche. S. 446.

⁸² Ebd. S. 159, 173; а также: *Speer A.* Op. cit. S. 108 ff.

⁸³ *Libres propos.* P. 253. В «Майн Кампф» по этому поводу говорится: чистоту крови «еврей блюдет пуше любого другого народа на земле. Тем самым он продолжает свой губительный путь до тех пор, пока не встретит другую силу, которая в ожесточенной схватке не сбросит этого богоборца (!) назад к Люциферу». См.: *Hitler A.* *Mein Kampf.* S. 751. См. в этой связи также: *Nolte E.* *Paschismus in seiner Epoche.* S. 500 f.

фантазмагория также возникала из жажды власти, самоотдачи и фанатизма, из преследований и военного угара: «Тот, кто понимает национал-социализм только как политическое движение, — заверял Гитлер, — почти совсем не разбирается в нем. Он более чем религия: он воля к созданию нового человека»⁸⁴.

Это было его сокровеннейшей и отраднейшей мыслью, представлением, которое компенсировало все страхи и лишения, его позитивной идеей: собрать арийскую кровь, пропадающую втуне во всех садах Клингсора⁸⁵ этого мира и обеспечить сохранность этой драгоценной чаши на все времена, чтобы стать неуязвимым властелином мира. Перед видением «нового человека» замирали все расчеты тактики укрепления власти и всякий цинизм. Уже весной 1933 года Гитлер дал указание принять первые законодательные меры, которые вскоре расширились до обширного набора целенаправленно используемых средств, частично предназначенных для того, чтобы остановить так называемую деградацию расы, а частично для «возрождения нации... при помощи сознательного формирования нового человека». На партийном съезде 1929 года в Нюрнберге Гитлер заявил в заключительном слове: «Если бы в Германии ежегодно рождался миллион детей и 700—800 тысяч самых слабых уничтожались, то конечным результатом, возможно, стало бы даже укрепление наших сил». Теперь обслуживавшие режим интеллектуалы подхватили эти идеи и довели их до объявления «всемирной войны... дегенератам и зараженным». Представитель расовой философии Эрнст Бергман, по его словам, «бестрепетно устранил бы миллион экземпляров человеческого мусора, которым набиты большие города»⁸⁶. Параллельно с антисемитскими мерами проходили многочисленные акции по «обеспечению хорошей крови» — от приня-

---

⁸⁴ *Rauschning H.* Gespräche. S. 232; см. по этому поводу и в этой связи вообще: *Dörner K.* Nationalsozialismus und Lebensvernichtung. In: *VJHfZ*, 1967. Н. 2. S. 149.

⁸⁵ Персонаж в «Парсифале» злой волшебник Клингсор держал в плену женщин благородных семей. — *Прим. пер.*

⁸⁶ *Dörner K.* Op. cit. S. 131; затем: *Domarus M.* Op. cit. S. 717, где приводится одна из прокламаций партийного съезда, в которой Гитлер заявляет: «Но величайшей революцией для Германии является впервые планомерно осуществляемая в этой стране народная гигиена, а тем самым и расовая гигиена. Результаты этой немецкой расовой политики будут иметь для будущего нашего народа большее значение, чем последствия всех других законов. Ибо они создают нового человека».

тия особых законов о браке и наследственном здоровье до обширных программ стерилизации и эвтаназии⁸⁷.

Меры по линии евгеники⁸⁸ дополнялись педагогической деятельностью: ибо «духовная раса, — считал Гитлер, — есть нечто более солидное, стойкое, чем просто раса», этот тезис он обосновывал «превосходством духа над плотью»⁸⁹. Отобранная по расовым критериям элита должна была получать идеологическую закалку и разнообразную подготовку в системе образования нового типа — в национально-политических воспитательных заведениях (НАПОЛАС), школах Адольфа Гитлера, орденовских замках и прежде всего — в организованных Розенбергом высших школах, создание которых, однако, не продвинулось дальше начальной стадии. В одном из своих монологов перед немногими доверенными лицами Гитлер описывал новый тип человека, воплощенный отчасти в СС: ему присущи свойственные хищнику демонические черты, он «бесстрашен и свиреп», сам он-де испытывает ужас при его виде⁹⁰. Хотя уже с первого взгляда понимаешь, что такие схемы были выжимкой из трудов различных авторов, в них были ходульные элементы, сочиненные ради литературного эффекта. Присущие тоталитарному режиму интересы удержания власти и самосохранения не позволили бы им осуществиться; эти интересы требовали формирования не демонического, а дисциплинированного, не бесстрашного, а агрессивного типа, правда с дрессированной агрессивностью, которую можно было использовать для любых целей. Однако особенностью и поразительной силой Гитлера была способность превращать книжные схемы в реальность. Новый человек, по образу которого должна была формироваться юная

---

⁸⁷ Эвтаназия — программа насильственного умерщвления людей, страдающих наследственными болезнями. Она проводилась не в отношении «представителей низших рас», а в отношении немцев. Начала осуществляться в сентябре 1939 года, а в конце 1941 года (в основном из-за протестов населения) была свернута. Всего в рамках программы эвтаназии было умерщвлено более 70 тысяч человек. — *Прим. науч. ред.*

⁸⁸ Евгеника — наука об улучшении наследственного фонда. В нацистской Германии служила теоретическим обоснованием уничтожения не только неполноценных в умственном отношении людей, но и тотального уничтожения представителей «низших рас». — *Прим. пер.*

⁸⁹ Высказывание Гитлера 13.2.1945, см.: *Le Testament politique de Hitler*. P. 85.

⁹⁰ *Rauschning H. Gespräche*. S. 233, см. также: *Überhorst H. Elite für die Diktatur; Klose W. Generation im Gleichschritt*.

элита будущего Великогерманского рейха, был страшен не описанными выше, а совсем другими свойствами: его отличали исключительная податливость и узколобый идеализм, он был не столько свирепым, сколько механически заведенным, строго выполняющим команду, смелым в деле и исполненным сознанием своей роли господина, в основе которого лежало «стремление уничтожить других», как заявил Гитлер 13 февраля 1945 года в одном из последних записанных монологов⁹¹.

Однако пока этот тип вырисовывался лишь в контурах. Быстро возродить арийскую кровь и превосходство из материала, изрядно замутненного в расовом отношении, было нельзя. «Мы все страдаем пороком перемешанной, испорченной крови», — заявлял порой Гитлер, и действительно, в явлении нового человека нетрудно разглядеть страдание от собственной нечистоты и слабости. Он вел счет на долгие десятилетия⁹². В речи, относящейся к январю 1939 года, он говорил, что данный процесс будет продолжаться лет сто. Только после его завершения большинство немецкого народа будет располагать теми качествами, которые позволят завоевать мир и господствовать над ним. Он не сомневался в успехе дела. «Государство, — писал он уже в послесловии к «Майн Кампф», — которое в эпоху загрязнения рас уделяет внимание уходу за своими лучшими расовыми элементами, однажды должно стать властелином Земли»⁹³.

У него же самого оставалось немного времени. Как тревожно прогрессирующий упадок расы, так и сознание непродолжительности человеческой жизни гнали его вперед. Несмотря на апатичный основной настрой, его жизнь характеризуется лихорадочной неумностью. Уже в письме, датированном июнем 1928 года, он писал, что сейчас ему 39 лет, так что «в самом благоприятном случае остается лет двадцать» для выполнения его «огромной задачи»⁹⁴. Опасение, что его жизнь может пройти бесполезно, стало с этого времени постоянно дающим о себе знать доводом, его постоянно мучила мысль о преждевре-

---

⁹¹ Le Testament politique de Hitler. P. 85.

⁹² *Rauschning H. Gespräche.* S. 217.

⁹³ *Hitler A. Mein Kampf.* S. 782. Речь Гитлера перед офицерами опубликована в кн.: *Jacobsen H.-A., Jochmann W.* Op. cit., «25 января 1939 года».

⁹⁴ Письмо Артуру Динтеру; цит. по: *Tyrell A.* Op. cit. S. 205, и в начале 1935 года в беседе с англичанином Т.П. Корнуэллом-Эвансом, Гитлер тоже исходил из того, и на это нельзя не обратить внимания, что он едва ли доживет до шестидесяти лет; см.: *Jacobsen H.-A.*

менной смерти. «Время торопит, — сказал он в феврале 1934 года и продолжил: — Моей жизни не хватит... Я должен заложить фундамент, на котором после меня будут строить другие. Я не увижу завершения дела»⁹⁵. Он также боялся покушений, того, что какой-нибудь «преступник, идиот» устранил его и не даст свершить свою миссию.

Из таких комплексов страха он развил педантичную заботу о себе. Он старался продлить свою жизнь при помощи обширнейших мер — от непрерывно расширявшейся гиммлеровской системы слежки, которая, как огромный глаз, пристально следила за всей страной, до вегетарианства, к которому он перешел в начале 30-х годов, как бы неуместно ни показалось бы нам сегодня обеспечивать выполнение «огромной задачи» полицейским аппаратом и одновременно мучными супами. Он не курил, не пил, избегал даже употреблять кофе и чай, довольствуясь жидким отваром из трав. В более поздние годы — тут дело не обошлось без его личного врача профессора Морреля⁹⁶ — он попал прямо-таки в медикаментозную зависимость,

---

Nationalsozialistische Aussenpolitik. S. 375, Anm. Такие же мысли об отпущенном ему сроке жизни Гитлер высказывал и Шпееру; см.: *Speer A. Erinnerungen*, S. 117 ff.

⁹⁵ *Rauschning H. Gespräche*. S. 190. Приводимое ниже упоминание о террористе, готовящем на него покушение, содержится как в выступлении Гитлера перед командованием вермахта 22 августа 1939 года (см.: *Jacobsen H.-A. 1939—1945*. S. 115), так и в одном его высказывании в ходе беседы с польским послом Юзефом Липским, состоявшейся в то же время.

Последняя беседа Гитлера с Липским произошла 2 марта 1939 года во время приема для дипломатического корпуса в Берлине (*Lipski J. Diplomat in Berlin*. New York, 1968. P. 205) — *Прим. пер.*

⁹⁶ Доктор медицины Теодор Моррель (22.6.1886—26.5.1948) в 1935 году по рекомендации Г. Гофмана был вызван к Гитлеру. Он диагностировал у Гитлера полное истощение желудочно-кишечного тракта, вызванное переутомлением нервной системы, и прописал ему витамины, гормоны, а также инъекции фосфора и декстрозы. Вскоре у Гитлера наступило временное улучшение здоровья, улучшился аппетит. Уверовав в непогрешимость Морреля, Гитлер назначил его своим личным врачом и запретил любую критику врача. Моррель делал Гитлеру многочисленные инъекции, постоянно увеличивая дозу. Доктор Карл Брандт открыто заявлял, что Моррель медленно отравляет Гитлера. После неудачного покушения на Гитлера Моррель в июле 1944 года был отстранен от должности личного врача, и Гитлер стал пользоваться услугами Брандта и Л. Штумпфеггера. Однако до последних дней продолжал находиться при Гитлере и пользоваться его доверием. — *Прим. науч. ред.*

он непрестанно принимал какие-то средства или по меньшей мере сосал пастилки. Он с ипохондрической тщательностью наблюдал за собой. Появлявшиеся порой колики он считал симптомом надвигающегося рака. Когда один из сторонников посетил его весной 1932 года во время предвыборной кампании на пост президента в одной гамбургской гостинице, он заявил ему, поглощая овощной супчик, что у него нет времени ждать, «нельзя терять ни одного года. Я должен быстро прийти к власти, чтобы решить в остающееся мне время гигантские задачи. Должен! Должен!»⁹⁷ В высказываниях более поздних лет и отдельных речах также встречаются схожие идеи, в кругу близких к нему лично людей он постоянно говорил, что «у него осталось уже немного времени», «что скоро он уйдет отсюда», что «ему осталось жить лишь несколько лет».

Заключения врачей мало что говорят. Да, Гитлер страдал и в более поздние годы болями в желудке и жаловался порой после 1935 года на нарушения кровообращения. Но ни одно из имеющихся заключений врачей не позволяет объяснить его неумную активность иными, нежели психогенными причинами, известными по биографиям многих исторических деятелей с особо ярко выраженным сознанием своей миссии. Это предположение подтверждается его одержимостью поездками, напоминающей непрерывную попытку бегства, а также бессонницей, которая с каждым годом усиливалась, а во время войны привела к тому, что день и ночь в Ставке фюрера буквально поменялись местами. Задерганность лишала его способности заниматься какой бы то ни было регулярной деятельностью или трудом. То, что он начинал, надо было тут же довести до конца — в этом контексте правдоподобно уверение, что он вряд ли внимательно прочел до конца хоть одну книгу. Словно оглушенный наркотиком, он мог днями не делать ничего серьезного, «дремля, как крокодил в иле Нила», а потом внезапно развивать бурную активность. В относящейся к апрелю 1937 года речи в орденском замке Фогельзанг он говорил о своих «расшатанных нервах» и добавил почти заклинаяще: «Я должен привести в порядок свои нервы... Это совершенно ясно. Заботы, заботы, заботы, сумасшедшие заботы — это действительно чудовищный груз. Теперь я хочу очень многое перепоручить другим; надо привести опять в порядок

---

⁹⁷ *Krebs A.* Op. cit. S. 137; по всей совокупности вопросов, связанных с историей болезни Гитлера, см.: *Maser W.* Hitler. S. 326 ff.

нервы»⁹⁸. Стоя перед моделью своей столицы с влажными глазами, он сказал Альберту Шпееру: «Если бы только я был здоров». Многочисленные акции, молниеносный характер которых казался плодом хладнокровного расчета, были не в последнюю очередь выражением этого нетерпения, которое порождалось его предчувствиями смерти: «Я уже не увижу завершения дела!» В речи перед руководителями пропаганды он сказал в октябре 1937 года, согласно записям одного из участников:

«Ему, Гитлеру, осталось по человеческим меркам не так уж долго жить. В его семье долгожителей не было. И мать, и отец умерли рано. Поэтому необходимо развязаться с проблемами, которые требуют своего решения, как можно раньше, при его жизни. Последующие поколения с этим уже не справятся. Лишь он в состоянии осилить их. После тяжелой внутренней борьбы он освободился от еще имевшихся с детства религиозных представлений. “Я чувствую себя теперь свежим, как жеребенок на лугу!”»⁹⁹

В основе все более настойчивого нажима Гитлера был психологический мотив. Многочисленные признаки говорят о том, что у него с конца 1937 года росла озабоченность, как бы приторможенная завершением захвата власти революция не утратила в целом свою динамику и не ушла в песок. Умеренность во внутренней политике, мирные жесты направо и налево, постоянные праздники — короче говоря, весь этот маскарад режима, опасался он, люди могут принять всерьез и вследствие этого можно пропустить момент «броска к великим конечным целям»¹⁰⁰. В своей почти неограниченной вере во всемогущество пропаганды он считал ее способной превратить искусно сооруженные идиллические декорации в саму идиллию. В важной секретной речи 10 ноября 1938 года перед главными редакторами германских газет он наглядно проанализировал этот разрыв:

«Обстоятельства заставляли меня на протяжении десятилетий говорить почти только о мире. Лишь постоянно подчеркивая волю немцев к миру и их мирные намерения, я мог от-

---

⁹⁸ Цит. по: *Kotze H. v., Krausnick H.* Op. cit. S. 160; приводимую ниже цитату см.: *Speer A.* Op. cit. S. 153.

⁹⁹ Запись руководителя пропаганды гау Вальдемара Фогта, см.: *Domarus M.* Op. cit. S. 745.

¹⁰⁰ *Broszat M.* Op. cit. S. 432, где содержатся другие важные свидетельства.

воевывать пядь за пядью для немецкого народа свободу и давать ему оружие, необходимое для следующего шага. Само собой разумеется, что подобная пропаганда мира на протяжении десятилетий имеет и свои нежелательные стороны; в умах многих людей может легко закрепиться воззрение, что сегодняшний режим на самом деле решил сохранять мир при всех обстоятельствах.

Однако это привело бы не только к неверной оценке целей нашего строя, это прежде всего привело бы к тому, что немецкой нацией... овладел бы дух, который в перспективе, создавая пораженческое слюнтяйство, неизбежно свел бы на нет успехи нынешнего режима.

Я был вынужден говорить о мире. Теперь необходимо постепенно психологически перенастроить немецкий народ и без спешки объяснить ему, что есть вещи, которые, если их нельзя добиться мирными средствами, должны быть достигнуты силой... Эта работа потребовала целых месяцев; она была планомерно начата, продолжена, усилена»¹⁰¹.

Действительно, со второй половины 1937 года заблокированной было радикальной энергии была вновь предоставлена свобода, и нация стала последовательнее, чем когда-либо прежде, организовываться в соответствии с предусматривающими использование насилия намерениями режима. Только теперь начался расцвет государства СС, которое находило свое самое наглядное выражение в увеличении числа концлагерей и ускоренном формировании вооруженных эсэсовских соединений. «Красному Кресту» было дано указание готовиться к мобилизации, а Гитлерюгенду — быть готовым заменить рабочих, призываемых в армию из военной промышленности. Массивные нападки на юстицию, церкви и бюрократию создавали новые комплексы страха, в то время как Гитлер с небывалой резкостью развернул атаки на скептически настроенных интеллектуалов («эти наглые, бесстыжие писаки», совершенно ненужные в качестве «компонентов народного сообщества») и восхвалял простодушных людей. В ноябре 1937 года печать получила директиву не обсуждать публично начавшиеся во всех звеньях НСДАП призывы к «тотальной войне»¹⁰².

---

¹⁰¹ Domarus M. Op. cit. S. 974.

¹⁰² Из материалов Браммера; см.: Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Aussenpolitik, S. 435. Что касается нападков Гитлера на интеллектуалов, см. его выступления 29.4.1937 и 20.5.1937, опубликованные в кн. Kotze H. v., Krausnick H. Op. cit. S. 149 f. S. 241 f.

Подготовка в этом направлении проводилась с возрастающей последовательностью и в области экономики. Предприниматели, вопреки теории о доминировавшей роли интересов крупного капитала в Третьем рейхе, также оказались в положении угодливых исполнителей, которые «имели на политические решения не больше влияния, чем их подсобные рабочие»¹⁰³. Если они не справятся с предъявляемыми требованиями, то «погибнет не Германия, а самое большее несколько предпринимателей», заверял Гитлер уже осенью 1936 года в меморандуме, в котором была изложена его экономическая программа. Как всегда, он и тут исходил исключительно из соображений эффективности. Истолковывать экономическую политику режима в ключе ее подчиненности идеологическим моментам означало бы уже с самых первых шагов анализа не видеть свободную от доктринерства рассудочность Гитлера в подходе ко всем практическим вопросам. Хотя, по сути, налицо был капиталистический строй, он был многократно, до неузнаваемости искажен авторитарными командными структурами.

В меморандуме Гитлер впервые в качестве рейхсканцлера заявил о своих планах экспансии. Необходимость ускорить их реализацию он обосновывал тревожным положением в области снабжения Германии сырьем и продовольствием, рисуя при этом кошмарные картины чудовищно перенаселенной страны, где на одном квадратном километре проживают 140 человек — к тому времени этот образ стал расхожим штампом. Предпосылкой проведения политики расширения жизненного пространства должен был стать Четырехлетний план, разработанный по образцу советских пятилеток. Его осуществление было возложено на Германа Геринга, который, не стесняясь в средствах, не считаясь с затратами и экономическими последствиями, заставлял предприятия выполнять планы обеспечения автаркии и роста военного производства. На заседании кабинета министров, на котором был изложен меморандум Гитлера, Геринг потребовал чтобы все мероприятия выполнялись так, как если бы «над нами нависала угроза войны». Несколько месяцев спустя он на встрече с промышленниками разъяснил, что сейчас главное — не экономичность производства, а производство вообще; это была последовательная программа хищнической эксплуатации ресурсов, которая была нацелена на завоевательную войну и оправдывалась только ею: надо «постоянно помнить, — заявлял во

---

¹⁰³ Слова Э. Нольте: *Nolte E. Faschismus*. S. 325.

время войны сам Гитлер, — что в случае поражения все, как ни крути, будет потеряно»¹⁰⁴. Когда Ялмар Шахт стал критиковать эти методы, произошел разрыв, в результате которого ему пришлось вскоре уйти из кабинета министров¹⁰⁵. Теперь Гитлер считал, что время ожидания истекло. В меморандуме он заявлял, что переход экономики на военные рельсы должен проводиться «в том же темпе, с той же решимостью и, если необходимо, с той же беспощадностью», как политические и военные приготовления к войне; эта цель была сформулирована им в заключительных строках меморандума: «Я ставлю следующие задачи: первая — через четыре года немецкая армия должна быть боеспособна; вторая — через четыре года немецкая экономика должна быть готова к войне»¹⁰⁶.

Донесения с оценкой настроений того времени говорят об «известной усталости и притупленности восприятия»¹⁰⁷. Порой невыносимая заорганизованность жизни людей, политика режима в отношении церкви, нападки на национальные меньшинства, культ расы, давление на искусство и науку и самоуправство глав местной администрации вызывали озабоченность, которая, правда, выражалась лишь в осторожных высказываниях недовольства и не выливалась в какие бы то ни было серьезные формы. Большинство пыталось, насколько это было возможно, жить своей жизнью, не обращая внимания на сам режим и чинимые им беззакония. Вышеупомянутый доклад отмечает, что «германское приветствие — его распространенность может считаться индикатором колебаний политических настроений — за пределами среды

---

¹⁰⁴ Hitlers Tischgespräche. S. 142. См. в этой связи также высказывание Гитлера в его речи перед командованием вермахта 22.8.1939: «Нам нечего терять, мы только выиграем. Наше экономическое положение вследствие наших ограничений таково, что мы сможем продержаться лишь несколько лет. Геринг может это подтвердить. Нам не остается ничего другого, мы должны действовать». Цит. по: IMT, Bd. XXVI. S. 338. К высказываниям Геринга см.: IMT. Bd. XXXVI. Dok. EC-416.

¹⁰⁵ Шахт был снят с поста имперского министра экономики 26 ноября 1937 года (с 5 сентября он находился в отпуске), а 20 января 1939 года потерял пост президента Имперского банка, но остался в составе кабинета в качестве министра без портфеля. 22 января 1943 года окончательно уволен в отставку. — *Прим. науч. ред.*

¹⁰⁶ Меморандум Гитлера опубликован в: VJNfZ, 1955. Н. 2. S. 184 ff.

¹⁰⁷ Из доклада о ситуации ландрата Бад-Кройцнаха; цит. по: Heyen F. J. Op. cit. S. 290 f. Там же приводятся и другие свидетельства.

партайгеноссе и чиновников почти полностью вытеснено обычными приветствиями и отвечают на него мимоходом».

Хотя такие доклады локального характера вряд ли позволяют делать обобщающие заключения, они все же объясняют нетерпение Гитлера и определяют его задачу: вырвать общество из летаргии и создать такую ситуацию, при которой чувство тревоги, гордость и оскорбленное самосознание объединились бы так, чтобы «внутренний голос народа сам стал бы со временем требовать пустить в ход силу»¹⁰⁸.

Там, где перспективу определял Гитлер, на горизонте всегда появлялась война, — писал в это время Конрад Хейден, задаваясь в этой связи вопросом, а мог ли вообще существовать этот человек, «не ломая всего мира?»¹⁰⁹.

Глава III

«САМЫЙ ВЕЛИКИЙ НЕМЕЦ»

А теперь, деточки, каждая поцелует меня в щечку!.. Это самый великий день моей жизни.
Я войду в историю как самый великий немец!

*Адольф Гитлер — своим секретаршам,
15 марта 1939 года*

Нетерпение Гитлера и его решимость перейти к действиям нашли свое первое конкретное выражение в секретном совещании 5 ноября 1937 года, содержание которого дошло до нас благодаря записям одного из участников — адъютанта от вермахта полковника Хоссбаха. В самом узком кругу — присутствовали министр иностранных дел фон Нейрат, военный министр фон Бломберг и верхушка военного руководства: фон Фрич, Редер и Геринг¹ — он развил мысли, которые явились сенсацией не только для части присутствующих, но и позже, на Нюрнбергском процессе, ибо они свидетельствовали о решении развязать войну в самые ближайшие сроки.

Тем не менее психологическое значение выступления явно перевешивает политическое, записи Хоссбаха — не столько свидетельство новых намерений, сколько скорее все более явного

---

¹⁰⁸ Из выступления 10.11.1938; см.: Domarus M. Op. cit. S. 974.

¹⁰⁹ Heiden K. Hitler. Bd. H. S. 215, 251.

¹ Главнокомандующие сухопутными войсками, военно-морским флотом и люфтваффе соответственно. — *Прим. науч. ред.*

страха перед временем. То, что Гитлер излагал в приподнятом настроении в этой речи, продолжавшейся более четырех часов, было не чем иным, как концепцией, разработанной годы тому назад в «Майн Кампф» и которой он с того момента неуклонно придерживался во всех своих шагах и маневрах. Новым был только тон конкретного нетерпения, в котором он обращался теперь к этой концепции и соотносил ее со сложившимся политическим положением. Он просит собравшихся, заметил Гитлер во вступительном слове, рассматривать это выступление «как завещание на случай преждевременной смерти»².

Если видеть цель немецкой политики, начал он, в обеспечении и преумножении народа, то тут же наталкиваешься на «проблему пространства»: все экономические и социальные трудности, все расовые угрозы можно устранить исключительно за счет преодоления нехватки пространства, от этого просто зависит будущее Германии. В отличие от держав либеральной эпохи колониализма страна не может решить проблему, захватив заморские территории, «жизненное пространство» Германии расположено на европейском континенте. Всякая экспансия, как показывает история мировой Римской или Британской империи, связана с немалым риском; «ни раньше, ни сейчас не было и нет территории без хозяина, наступающий всегда наталкивается на владельца». Но большой выигрыш, а именно: обладающая сплошным пространством великая империя, которой владеет и которую обороняет твердое «расовое ядро», оправдывает большой риск. «Для решения германского вопроса может быть только один путь — путь насилия», — заявил он.

После того как такое решение принято, речь может идти только о времени и наиболее благоприятных обстоятельствах для применения силы, — продолжал он. Через 6—8 лет условия могут измениться только в невыгодном для Германии направлении. Поэтому если фюрер будет еще жив, то «не позднее 1943—1945 годов он намерен обязательно решить проблему пространства для Германии», если возможность представится раньше — будь то в результате тяжелого внутреннего кризиса

---

² Часто ошибочно именуемые «протоколом», в действительности же сделанные лишь 10 ноября 1937 года на основе собственных пометок, записи полковника Хосбаха опубликованы в: IMT. Bd. XXV. S. 402 ff. (Dok. 386-PS). Подробности см.: *Bussmann W.* Zur Entstehung und Ueberlieferung der «Hossbach-Niederschrift». In: VJHfZ. 1968. H. 4. S. 373 ff.

Франции или вовлеченности западных держав в какую-нибудь войну, — то он решил использовать ее. В любом случае начало должен положить захват Австрии и Чехословакии, — подчеркнул он и однозначно заявил, что он не удовлетворится требованием пересмотра границ по этническим критериям (то есть присоединением Судетской области), а ставит задачу установления контроля над всей Чехословакией, чтобы создать исходную базу для достижения далеко идущих имперских целей. Германия приобретет благодаря этому не только 12 дивизий, но и базу для обеспечения продовольствием 5—6 млн человек, если исходить из того, что «из Чехии произойдет принудительная эмиграция 2 млн, а из Австрии — 1 млн человек». Он считает вероятным, что Англия и Франция «уже втихомолку списали со счетов Чехию». Может быть, уже в следующем году произойдут конфликты, например на Средиземноморье, в которые будут втянуты западные державы. В таком случае он начнет действовать уже в 1938 году. Принимая во внимание эти обстоятельства, с немецкой точки зрения нежелательны быстрая и полная победа Франко, интересы рейха скорее требуют сохранения напряженности в Средиземноморье. Следует обдумать вопрос, не поддержать ли еще больше Муссолини в направлении дальнейшей экспансии, чтобы создать повод для войны между Италией и западными державами. Таким образом, Германия получит самую верную возможность «молниеносно» осуществить «нападение на Чехию».

У части собравшихся эти идеи явно вызвали значительную тревогу. Хоссбах отметил в описании хода конференции, что последующая дискуссия «принимала порой очень резкие формы»³. Против планов Гитлера выступили прежде всего Нейрат, Бломберг и Фрич, со всей серьезностью предостерегая от риска войны с западными державами. Гитлер собрал участников совещания главным образом для того, чтобы довести до них свое нетерпение и в особенности, как он заявил до начала встречи Герингу, «раскрутить Бломберга и Фрича», «поскольку он совершенно не доволен тем, как идет наращивание вооружения сухопутных войск»⁴. В ходе же обсуждения

³ Hossbach F. Op. cit. S. 219.

⁴ IMT. Bd. IX. S. 344; высказывание Геринга подтвердил на Нюрнбергском процессе Редер, см.: IMT. Bd. XIV. S. 44 f. Даже если желание Геринга и Редера ослабить конкретное политическое значение того, что говорил Гитлер, и придает их словам характер лишь относительной достоверности, все же высказывание Гитлера точно вписывается в общую картину боязни фактора времени.

он внезапно осознал наличие принципиальных, почти неразрешимых разногласий. Четырьмя днями позже Фрич просил Гитлера еще раз принять его, «крайне потрясенный» Нейрат также попытался, как он позже рассказывал, побеседовать с рейхсканцлером и отговорить от курса на войну. Но Гитлер вдруг решил покинуть Берлин и уединился в Берхтесгадене. Он был явно раздражен и отказался принять министра иностранных дел до своего возвращения в середине января.

Конечно, не случайно все участники совещания 5 ноября, не согласившиеся с точкой зрения Гитлера, стали жертвами грядущей кадровой чистки, при помощи которой Гитлер вскоре после совещания устранил последние оплоты консерваторов, прежде всего в армии и министерстве иностранных дел⁵. Судя по всему, именно это совещание окончательно убедило Гитлера, что его планы, требовавшие готовности к риску, крепких нервов и своего рода разбойничьей отваги, нельзя было осуществить, опираясь на осмотрительных представителей старого буржуазного слоя. Их рассудительность и стремление настоять на своем доводили его до белого каления, что еще больше усиливалось его антибуржуазными чувствами. Он ненавидел их высокомерие, их сословную претенциозность. Точно так же как он представлял себе тип национал-социалистического дипломата не в качестве корректного чиновника, а революционера, агента, «помощника по части организации развлечений», умеющего «сводничать и создавать фальшивки», так, на его взгляд, и генералитет должен был служить «волкодавом, готовым разорвать на куски чужих, когда его не держат крепко за ошейник». Было очевидно, что Нейрат, Фрич и Бломберг вряд ли отвечали этому представлению; при новом режиме они были, как сказал один из их окружения, «динозаврами»⁶.

Таким образом, характерной чертой ноябрьского совещания 1937 года стало взаимное отрезвление. Консерваторы, в особенности верхушка военного руководства, которые так и не научились думать категориями, выходящими за узкие рам-

---

⁵ Массовая чистка высшего комсостава и руководства МИДа была произведена в феврале 1938 года. — *Прим. науч. ред.*

⁶ Выражение итальянского посла Аттолико в беседе с Карлом Якобом Буркхардтом; см.: *Burckhardt C.J.* Op. cit. S. 307. Ср. также замечание Гитлера о том, что министерство иностранных дел — это «сборище тварей»: *Hitlers Tischgespräche*. S. 341. К замечанию о генералитете см.: *Schlabrendorff F.* Op. cit. S. 60, и о дипломатах: *Rauschning H.* Gespräche. S. 249 ff.

ки их целей и интересов, с изумлением констатировали, что Гитлер оказался верен своему слову и был действительно Гитлером. Сам же рейхсканцлер укрепился в своем презрительном отношении к партнерам-консерваторам, даже к тем, кто в последние годы молчал, проявлял послушание и служил — и они проявили малодушную непоследовательность: хотели величия Германии, но не желали риска, выступали за рост вооружений, но не за войну, поддерживали национал-социалистический порядок, но не национал-социалистическое мировоззрение. Исходя из этого вывода, в новом свете выступают упорные усилия консерваторов в предшествующие годы сохранить ограниченную независимость во внешнеполитическом ведомстве и армии. В том, что касается МИДа, они были менее успешны, поскольку Гитлер отчасти смог переиграть его стремление к самоутверждению благодаря системе специальных уполномоченных. А вот с гораздо более сплоченной офицерской кастой он до тех пор, несмотря на отдельные успехи, справиться не мог. Проблема оппозиции Бломберга, Фрича и Нейрата его откровениям требовала срочного решения. В критических ситуациях ему всегда приходил на помощь случай, вот и теперь ряд событий предоставил ему благоприятную возможность, которую он с его необыкновенной реакцией по части тактики мгновенно использовал. Тремя месяцами позже он поставил на решающие руководящие посты новых людей и нацелил дипломатический и военный аппарат на реализацию предстоящих задач.

Казалось бы, совсем невинным исходным пунктом дела было намерение фон Бломберга вновь жениться (его первая жена умерла задолго до этого). Правда, тут был один сомнительный момент: избранница, фрейлейн Эрна Грун⁷, как признавал сам Бломберг, была женщиной с «известным прошлым» и, следовательно, не отвечала строгим сословным критериям, существовавшим в офицерском корпусе. Нуждаясь в совете, он как коллеге доверился Герингу, последний, однако, настоятельно рекомендовал жениться и, более того, помог организовать выезд в эмиграцию соперника, за что ему были уплачены деньги⁸. 12 января 1938 года, не без определенной конфиденциальности, состоялось венчание. Свидетелями были сам Гитлер и Геринг.

---

⁷ Ее настоящее имя было Луиза Маргарета, и она работала стенографисткой в Военном министерстве. — *Прим. науч. ред.*

⁸ *Foertsch H. Op. cit. S. 85 f.*

Однако уже спустя немного дней пошли слухи, что брак фельдмаршала оказался мезальянсом, ибо новая супруга в свое время оказалась в поле зрения полиции нравов. Документы полиции скоро подтвердили, что только что молодая супруга некоторое время состояла на учете как проститутка и однажды была даже наказана за то, что подрабатывала в качестве фото-модели для непристойных фотографий. Поэтому, когда Бломберг спустя 12 дней вернулся из короткого свадебного путешествия, Геринг уведомил его, что он после такого скандала больше не может занимать свой пост, офицерский корпус также не видел оснований вступить за генерал-фельдмаршала, который так долго со столь юношеским энтузиазмом находился под очарованием Гитлера⁹. Двумя днями позже, во второй половине дня 26 января его принял с прощальным визитом Гитлер: «Эта история легла слишком тяжелым грузом на меня и на Вас, — заявил он, — я не мог больше делать вид, что ничего не случилось. Мы должны расстаться»¹⁰. В коротком разговоре о преемнике Гитлер исключил не только кандидатуру Фрича, но и Геринга, который в своем ненасытном стремлении к новым постам пустил в ход все рычаги, чтобы прибрать к рукам и это кресло. Похоже, что в ответ на это Бломберг предложил Гитлеру, в чьи намерения и входило поступить именно таким образом, занять этот пост самому. «Когда пробьет час Германии, — сказал в заключение Гитлер, — я увижу вас рядом с собой, и все бывшее будет забыто»¹¹. Пока Геринг еще усерднее интриговал, чтобы обойти соперника — Фрича, решение было, очевидно, уже принято.

Тогда совместными усилиями Геринга и Гиммлера на свет божий извлекли второе полицейское дело, в котором Фрич обвинялся в гомосексуализме. Словно в дешевом фарсе, ничего не подозревавшему главнокомандующему сухопутными войсками была устроена в Имперской канцелярии очная став-

---

⁹ Первоначально досье на Грун криминальная полиция передала полиции-президенту Берлина графу В. фон Хельдорфу. Хельдорф передал досье В. Кейтелю, который переадресовал его к Г. Герингу. 24 января 1938 года Геринг передал досье Гитлеру и потребовал отставки Бломберга. — *Прим. науч. ред.*

¹⁰ В качестве компенсации Бломберг получил 50 тысяч рейхсмарок на кругосветное путешествие. В конце января 1939 года Бломберг вернулся в Германию и поселился в Бад-Висзее, до конца жизни отвергая советы бывших сослуживцев о разводе. — *Прим. науч. ред.*

¹¹ Jodl-Tagebuch. IMT. Bd. XXVIII. S. 357.

ка с подкупленным свидетелем, чьи обвинения хотя и оказались вскоре несостоятельными, но все-таки достигли своей цели¹² — дали Гитлеру повод для обширных кадровых перестановок 4 февраля 1938 года. Пришлось также уйти и Фричу. Гитлер непосредственно, лично взял на себя командование вермахтом. Военное министерство было упразднено, его место заняло Верховное командование вермахта (ОКВ) во главе с генералом Вильгельмом Кейтелем¹³; чувствуешь себя прямо-таки тайным свидетелем гитлеровского комедиантства, когда читаешь записи в дневнике Йодля о назначении Кейтеля: «В 13 часов Кейтеля в гражданском вызывают к фюреру. Тот изливает ему сердце, как трудно ему приходится. Он становится все более одиноким... Он говорит К., что полагается на него, “как бы ни было вам трудно со мной, — держитесь. Вы теперь мое доверенное лицо и единственный советник в вопросах вермахта. Единое и последовательное

---

¹² 25 января Геринг представил Гитлеру сфабрикованное гестапо досье в котором Фрич обвинялся в гомосексуализме. Там утверждалось, что Фрич платил с 1935 года деньги бывшему уголовнику Гансу Шмидту, который шантажировал его. Несмотря на приказ Гитлера соблюдать секретность, полковник В. Хоссбах в тот же день проинформировал Фрича. 26 января тот был принят Гитлером и дал слово, что все обвинения против него являются ложью. Немедленно была устроена очная ставка со Шмидтом, который опознал во Фриче шантажируемого им гомосексуалиста. По его словам, он застал Фрича при совершении гомосексуального акта с человеком по кличке «Баварец Джо» в переулке у Потсдамского вокзала. Гитлер потребовал у Фрича подать в отставку, от чего тот отказался, потребовав, в свою очередь, разбирательства в суде чести. В тот же день он был отправлен в отпуск на неопределенный срок. Офицерский суд чести признал все обвинения против Фрича ложными, генерал Г. фон Рундштедт, как старший офицер, потребовал от Гитлера реабилитации Фрича. Гитлер отказался сделать публичное заявление и объявил о том, что обвинения ложные на закрытой встрече с высшим командным составом. 11 августа 1938 года Фрич был назначен почетным командиром 12-го артиллерийского полка и, тем самым, восстановлен в армии. После начала войны с Польшей поехал со своим полком на фронт и погиб в бою под Варшавой. — *Прим. науч. ред.*

¹³ Вильгельм Бодсвин Иоганн Густав Кейтель (22.9.1882—16.10.1946) с октября 1935 года возглавлял Военное управление — основную руководящую структуру Военного министерства. Кейтель оставался во главе ОКВ до конца войны и в 1940 был произведен в генерал-фельдмаршалы. Повешен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге. — *Прим. науч. ред.*

руководство вермахтом для меня дело святое и неприкосновенное". И тут же, без всякого перехода, в том же тоне: "Я беру вас, мне нужна ваша помощь"». Преемником фон Фрича стал генерал фон Браухич¹⁴, которого, как и Кейтеля, поставили на новый пост, учитывая его угодливость и слабохарактерность. Он заявил, что «готов на все», «что потребуют от него», особо надо отметить его заверение, что он ближе познакомит сухопутные силы с национал-социализмом¹⁵. В ходе этих перестановок 16 заслуженных генералов были отправлены на пенсию, 44 других смещены со своих постов. Чтобы смягчить разочарование Геринга, Гитлер присвоил ему звание генерал-фельдмаршала.

Одним ударом, без малейших признаков сопротивления военных Гитлер устранил таким образом последний сдерживавший его, более или менее серьезный фактор власти; это было как бы «бескровное 30 июня». Он презрительно сказал, что теперь уверен в трусости всех генералов¹⁶. Его пренебрежительное отношение было еще усилено той беспринципностью, с которой многочисленные представители генералитета уже до реабилитации фон Фрича заявляли о своей готовности занять освободившиеся посты. Этот процесс одновременно показал, что внутреннее единство офицерского корпуса было окончательно сломлено и сословная солидарность, которая уже после убийства фон Шлейхера и фон Бредова ничем себя не проявила, перестала существовать. Поникший духом генерал-полковник фон Фрич заявил «перед будущей историографией»,

---

¹⁴ Вальтер Генрих Альфред Герман фон Браухич (4.10.1881—18.10.1948) прежде занимал пост начальника 4-го армейского командования в Лейпциге. В его подчинении были сосредоточены танковые и моторизованные войска Германии. В 1938 году он возбудил дело о разводе, что было крайне редким случаем для офицерского корпуса и, как правило, влекло за собой конец карьеры и увольнение из армии. Однако его будущая жена — Шарлотта Шмидт (на которой он женился 24.9.1938) — была фанатичной нацисткой. Браухич, в июле 1940 года произведенный в генерал-фельдмаршалы, был снят с поста главнокомандующего сухопутными войсками после поражения под Москвой 19 декабря 1941 года. — *Прим. науч. ред.*

¹⁵ Ebd. S. 358 ff. Авторитет фон Браухича пострадал еще и оттого, что к моменту вступления в должность он безвозмездно получил довольно крупную сумму денег на ведение бракоразводного процесса.

¹⁶ См.: *Görlitz W., Quint H.A.* Op. cit. S. 489. Определение 4 февраля как «бескровного 30 июня» принадлежит А. Франсуа-Понсе: *François-Poncet A.* Op. cit. S. 334.

как он сформулировал для протокола, о своем возмущении таким «позорным обращением». Однако группе офицеров, для которой случившееся стало исходной точкой заговорщической деятельности и попыток установить с ним контакт, он отказал в поддержке, и тогда, и полгода спустя, фаталистически заметив: «Этот человек — судьба Германии, и эта судьба пройдет свой путь до конца»¹⁷.

Между тем перетряска не ограничилась только высшим руководством вермахта. На том же заседании, где Гитлер объявил об изменениях в военном руководстве, было сообщено об освобождении фон Нейрата с поста имперского министра иностранных дел, его место занял фон Риббентроп. Одновременно были назначены некоторые важные новые послы (Рим, Токио, Вена)¹⁸. Сколь «непринужденно» Гитлер распоряжался делами государства, видно по тому, как он мимоходом назначил Вальтера Функа министром экономики. Гитлер встретил его как-то вечером в опере и в антракте предложил ему этот пост; Геринг, заявил он, даст ему дальнейшие инструкции. На заседании 4 февраля он был представлен как преемник Шахта¹⁹. Одновременно это было последним заседанием кабинета министров в истории режима.

На протяжении кризиса Гитлер был озабочен прежде всего тем, что за граница может истолковать эти процессы как симптом скрытой борьбы за власть и увидеть в них признак слабости режима. Кроме того, он опасался новых столкновений, если разбирательство дела Фрича в Суде чести, на которое ему пришлось бы согласиться под давлением высшего генералитета, извлекло бы на свет Божий состряпанную фальшивку и реабилитировало генерал-полковника. «Если об этом станет известно в войсках, произойдет революция», — предсказывал

---

¹⁷ См.: *Foertsch H.* Op. cit. S. 179, а также: *Hassel U. v. Vom anderen Deutschland*, S. 39.

¹⁸ Посол в Риме Ульрих фон Хассель был 17 февраля отправлен в отставку и затем на его место был назначен Ганс Георг фон Макензен; в апреле 1938 года в Токио на место Герберта фон Дирксена (он был переведен в Лондон) прибыл Ойген Отт. В посольстве же в Вене изменений не произошло — на своем посту остался Франц фон Папен. В принципе основную перетряску высшего дипломатического персонала произвел не в феврале 1938 года, а несколько позже — в течение 1938—1939 годов Иоахим фон Риббентроп. — *Прим. науч. ред.*

¹⁹ Не очень ясно, что имеет в виду автор: Вальтер Эммануэль Функ был назначен имперским министром экономики 26 ноября 1937 года, а не в феврале 1938-го. — *Прим. науч. ред.*

один из посвященных. В силу этого Гитлер решил закамуфлировать один кризис другим, гораздо более масштабным. Уже 31 января Йодль записал в своем дневнике: «Фюрер хочет отвлечь внимание от вермахта, держать Европу в напряжении и вызвать назначением на различные новые посты новых людей впечатление не временной слабости, а концентрации сил. Шушниг должен не набираться храбрости, а дрожать»²⁰.

Этим была обозначена точка кризиса, на которую теперь решительно взял курс Гитлер. С июльского соглашения 1936 года он ничего не делал для улучшения германо-австрийских отношений скорее, он использовал договор только для того, чтобы, казуистически прикрываясь видимостью законности, затевать все новые ссоры. Правительство в Вене с растущей озабоченностью отмечало, как кольцо вокруг него постепенно сжимается все плотнее. Взятые им под сильным нажимом обязательства по соглашению ограничивали его свободу действий точно так же, как все более тесные отношения между Римом и Берлином. Кроме того, в стране действовало мощное национал-социалистическое подполье, поддерживаемое и финансировавшееся из Берлина; оно развило вызывающую активность. В своей страстной кампании за аншлюс²¹ оно могло опереться не только на старую мечту немцев об объединении, которое наконец стало возможным после распада двуединой монархии в 1919 году, но и на австрийское происхождение Гитлера, личность которого, казалось, предвосхищала идею единства. Пропаганда движения действовала на страну, жившую с незабытыми великодержавными воспоминаниями в плохо функционирующем государстве-обрубке, которое было ей безразлично. Униженное, во многих отношениях дискриминируемое в сравнении с другими государствами-преемниками разгромленной монархии, обедневшее и пребывавшее в оскорбительной зависимости, население Австрии в растущей степени испытывало потребность в переменах. Оно ощущало боль от существующего состояния слишком сильно, чтобы еще и задавать вопросы о реалиях будущего. С неумывавшимися чувствами этнической и исторической связи оно все больше обращало свои взоры на словно преобразившуюся, самоуве-

---

²⁰ Jodl-Tagebuch. Op. cit. S. 362; там же (S. 368) содержится и предыдущая цитата.

²¹ Термин «аншлюс» (Anschluss) — дословно «присоединение» — стал обозначать мероприятия по включению Австрии в состав Третьего рейха. — *Прим. науч. ред.*

ренную Германию, вызывавшую страх и ужас среди вчерашних высокомерных победителей.

Курт фон Шушниг, преемник убитого канцлера Дольфуса, отчаянно искал международной поддержки. После провала его попыток в начале лета 1937 года добиться гарантий со стороны Великобритании, его длительное и упорное сопротивление национал-социалистам, осуществляемое при помощи запретов и преследований, стало постепенно ослабевать. Когда фон Папен предложил ему в начале февраля 1938 года встретиться с немецким рейхсканцлером, он в конце концов скрепя сердце согласился. Утром 12 февраля Шушниг прибыл в Берхтесгаден, где Гитлер встретил его на ступенях резиденции «Бергхоф». Сразу после приветствия неожиданно разбушевавшийся Гитлер, драматически разъяряясь, обрушил на гостя град обвинений; слова о впечатляющей панораме, открывавшейся в зале резиденции, Гитлер отмел в сторону: «Да, здесь зреют мои мысли. Но мы встретились не для разговоров о красивых видах и о погоде». Потом он стал распаляться: вся история Австрии — «сплошное предательство народа. Так было прежде, так это и теперь. С этим историческим безумием надо наконец покончить, давно уже пора развязаться с этим делом. Говорю вам, господин Шушниг: я твердо решил покончить со всем этим... На меня возложена историческая миссия, и я ее выполняю, ибо меня избрало для этого Провидение... Я прошел самым трудным путем из всех, которыми когда-либо приходилось идти немцу, и я достиг самых великих свершений из всех, которые было суждено совершить немцу... Ну не думаете же вы, что можете задержать меня хоть на полчаса? Кто знает, а вдруг я за ночь войду в Вену как весенний вихрь? Вот тогда вы кое-что увидите!» Его терпение исчерпано, — продолжал он, — у Австрии нет друзей, ни Англия, ни Франция, ни Италия не пошевелят и пальцем, чтобы помочь ей. Он потребовал свободы деятельности национал-социалистов, назначения своего приверженца Зейсс-Инкварт²² министром безопасности и внутренних дел, всеобщей амнистии нацистам, а также переориентации австрийской внешней политики и экономики на рейх. Настало время обеда, и возбужденно жестикулировавший

---

²² Сын директора гимназии и активный сторонник объединения с Германией Артур Зейсс-Инкварт (22.7.1892—16.10.1946) сыграл одну из главных ролей в аншлюсе Австрии и был повешен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге. — *Прим. науч. ред.*

Гитлер превратился, по рассказам Шушнига, как ни в чем не бывало, в любезного хозяина, но во время заключительной беседы он в ответ на замечание австрийского канцлера о том, что он по Конституции своей страны не может давать никаких окончательных обещаний, распахнул дверь и, выставив Шушнига, криком, в угрожающем тоне позвал генерала Кейтеля. Когда последний вошел и, закрыв дверь, спросил, что приказывает фюрер, тот ответил: «Абсолютно ничего! Посидите здесь!» Немного позже Шушниг подписал обязательство выполнить предъявленные требования. Приглашение Гитлера на ужин он отклонил. В сопровождении фон Папена он выехал в Зальцбург²³. За всю поездку он не произнес ни слова. Зато беспечно болтал фон Папен: «Да, фюрер может быть и таким, теперь вы сами видели. Но когда вы приедете в следующий раз, говорить будет гораздо легче. Фюрер может быть обаятельным»²⁴. В следующий раз Шушниг попал в Германию уже под конвоем, путь его лежал в концлагерь Дахау.

Берхтесгаденская встреча значительно стимулировала деятельность австрийских национал-социалистов. Серией дерзких актов насилия они как бы уведомляли, что скоро придут к власти, все попытки Шушнига организовать хоть какое-то сопротивление запоздали. Чтобы оказать «в последний час» противодействие открытому распаду власти, он решил вечером 8 марта провести в следующее воскресенье, 13 марта, плебисцит, благодаря которому перед лицом всего мира хотел опровергнуть утверждение Гитлера, что за него большинство австрийского народа. Но Берлин тут же оказал на него давление, и он отказался от своего замысла. По настоянию Геринга Гитлер решил в случае необходимости принять против Австрии военные меры, после того как фон Риббентроп доложил из Лондона о нежелании Англии воевать за этот реликт Версальского договора. Без Англии, как был уверен Гитлер, не выступит и Франция. Только у Муссолини, как казалось некоторое время, захват Вены немцами мог вызвать раздраженную реакцию. После всего случившегося Гитлер направил в среду 10 марта принца Филиппа Гессенского с

---

²³ От Берхтесгадена, в окрестностях которого располагался «Бергхоф», до Зальцбурга несколько часов езды. — *Прим. науч. ред.*

²⁴ *Schuschnigg K. v. Ein Requiem in Rot-Weiss-Rot. S. 44*; там же см. и подробности встречи в Бергхофе. Хотя беседа передана и не дословно, но Шушниг сумел точно передать тон и манеру аргументации Гитлера; см. также: *Görlitz W. (Hrsg.) Generalfeldmarschall Keitel. S. 177.*

написанным от руки письмом в Рим, в котором говорилось об австрийском заговоре против рейха, угнетении патристического настроенного большинства и угрозе гражданской войны. В конце концов как «сын австрийской земли» он не может сложить руки смотреть на происходящее, продолжал он, теперь он решил восстановить законность и порядок на своей родине. «Вы, Ваше Превосходительство, поступили бы так же, если бы речь шла о судьбе Италии». Он заверял Муссолини в своей, как он писал, прочной симпатии и нерушимости границы по Бреннерскому перевалу: «Эта граница никогда не подвергнется каким-либо изменениям»²⁵. После нескольких часов возбужденной подготовки, вскоре после полуночи, была издана директива № 1 о проведении операции «Отто»:

«Я намерен, если другие средства не приведут к достижению цели, осуществить вторжение в Австрию силами вермахта, чтобы установить там конституционный порядок и пресечь дальнейшие акты насилия в отношении настроенного в пользу Германии населения. Командование всей операцией я принимаю на себя... В наших интересах провести всю операцию без применения силы, в виде мирного ввода войск, которые будут приветствовать население. Поэтому требую избегать любых провокаций. Но если будет оказано сопротивление, то приказываю сломить его силой оружия без всякой пощады... На границах Германии с другими государствами пока что никаких мер предосторожности не принимать»²⁶.

Самоуверенный, лапидарный тон документа почти полностью скрывал существовавшую на тот момент атмосферу истерии и колебаний. Все рассказы людей из окружения Гитлера говорят об исключительной путанице решений, бесполовой неразберихе, в которой оказался фюрер во время этой первой в своей карьере экспансионистской акции. Множество скоропалительных, неверных решений, холерических взрывов раздражения, бессмысленных телефонных звонков, приказов и указаний об их отмене сменяли друг друга в течение немногих часов между воззванием Шушнига и 12 марта: по всей видимости, давали себя знать «расшатанные нервы», которые Гитлер, вопреки своему намерению, не смог «привести в порядок». Он возбужденно требовал от военного руководства разработать за несколько часов план опера-

---

²⁵ ADAP. Ser. D. Bd. I. S. 468 ff.

²⁶ IMT. Bd. XXXIV. Dok. 102-C.

ции, контрпредложения Бека и позже фон Браухича он раздраженно отверг, затем он отменил свой приказ о переброске частей, а потом вновь распорядился выполнять его, и в добавление к этому — заклинания, угрозы, недоразумения: Кейтель говорил позже о «мучительнейшем времени»²⁷. И если бы Геринг в нужный момент не взял инициативу в свои руки, то мир бы, вероятно, увидел, сколько невротической неуверенности и метаний проявляет Гитлер в ситуациях, связанных с большим напряжением. Но Геринг, который, в силу своей причастности к «делу Фрича», был очень заинтересован в акции и ее эффекте дымовой завесы, энергично толкал колеблющегося Гитлера вперед. Спустя годы Гитлер со всем восхищением психически неустойчивого человека перед хладнокровной флегматичностью своего соратника, почти запинаясь, заметил: «Рейхсмаршал пережил вместе со мной очень многие кризисы, он в ситуациях кризиса холоден как лед. Лучшего советника, чем рейхсмаршал, в периоды кризиса не найти. В эти времена рейхсмаршал проявляет жестокость и хладнокровие. Я всегда замечал, что в критические, судьбоносные моменты он не останавливается ни перед чем и тверд как сталь. Лучшего советчика не найдешь, никак не найдешь. Он прошел вместе со мной через все кризисы, самые суровые кризисы, он был холоден как лед. Всегда, когда дела принимали совсем опасный оборот, он был холоден, как лед...»²⁸

На следующий день, 11 марта, Геринг ультимативно потребовал отставки Шушнига и назначения новым федеральным канцлером Зейсс-Инкварта. Во второй половине дня по команде из Берлина по всей Австрии на улицы высыпали национал-социалисты. В Вене они проникли в ведомство федерального канцлера, заполнили лестницы и коридоры, расположились в служебных помещениях. Так продолжалось до тех пор, пока Шушниг не объявил вечером по радио о своей отставке и дал указание австрийской армии не оказывать сопротивление немецким воинским частям. Когда федеральный президент Миклас твердо отказался назначить Зейсс-Инкварта новым канцлером, Геринг в ходе одного из многочисленных телефонных разговоров с Веной дал одному из доверенных лиц примечательные указания:

---

²⁷ *Görlitz W. Keitel. S. 179.*

²⁸ *Lagebesprechungen. S. 306 f. (25.7.1943).*

«Слушайте меня внимательно: главное заключается в том, чтобы Зейсс-Инкварт теперь овладел всей правительственной властью, занял радиостанцию и т.д... Зейсс-Инкварт должен прислать сюда следующую телеграмму, записывайте: "Временное австрийское правительство, которое после отставки правительства Шушнига видит свою задачу в том, чтобы восстановить спокойствие и порядок в Австрии, обращается к германскому правительству с настоятельной просьбой поддержать его в выполнении этой задачи и помочь предотвратить кровопролитие. С этой целью оно просит германское правительство как можно скорее прислать немецкие войска"».

После короткого диалога Геринг в заключение заявил: «Итак, наши войска перейдут сегодня границу... Пусть пошлет телеграмму как можно скорее. Покажите текст телеграммы и скажите ему, что это наша просьба — может, телеграмму вообще не отправлять, пусть только скажет, что он согласен»²⁹. В то время как национал-социалисты занимали общественные здания по всей стране, Гитлер, прежде чем Зейсс-Инкварт уведомил о его собственном обращении за помощью, в 20.45 отдал окончательный приказ на выступление. Поступившую позже просьбу Зейсс-Инкварт, задержать немецкие войска он отклонил. Примерно двумя часами позже поступило ожидавшееся с нетерпением известие из Рима: приблизительно в половине двенадцатого позвонил Филипп Гессенский, экзальтированная реакция Гитлера показывала, от какого напряжения освободило его сообщение принца.

Филипп Гессенский: «Я только что вернулся из Палаццо Венеция. Дуче воспринял все дело очень благосклонно. Передает вам самый сердечный привет...»

Гитлер: «Передайте, пожалуйста, Муссолини, что я ему никогда этого не забуду».

Филипп Гессенский: «Есть».

Гитлер: «Никогда, никогда, что бы ни случилось... Теперь, когда австрийское дело улажено, я готов идти с ним сквозь огонь и воду, меня ничто не остановит... Можете просто сказать ему, я ему действительно от всего сердца благодарен. Я ему этого никогда, никогда не забуду. Я ему этого никогда не забуду».

Филипп Гессенский: «Слушаюсь, мой фюрер».

Гитлер: «Этого я ему никогда не забуду, что бы ни случилось. Если он когда-нибудь окажется в беде или опасности,

---

²⁹ IMT. Bd. XXXI. Dok. 2949-PS. S. 367 f.

то может быть уверен, что я приду на помощь, чего бы это ни стоило, что бы ни случилось, пусть хоть весь мир поднимется против него»³⁰.

12 марта, во второй половине дня, Гитлер под колокольный звон пересек границу в районе своего родного города Браунау и четырьмя часами позже, проехав через украшенные цветами деревни, мимо сотен тысяч стоявших плотной толпой людей, прибыл в Линц. У черты города его ожидали министры австрийского правительства Зейсс-Инкварт и Глайзе фон Хорстенау, а также Генрих Гиммлер, который уже вечером накануне отправился в Вену, чтобы развернуть чистку страны от «предателей народа и других врагов государства». Явно растроганный Гитлер произнес с балкона ратуши краткую речь, обращенную к ожидавшей его в сумерках толпе. В ней он снова развивал идею своей особой миссии: «Если Провидение позвало меня из этого города и поставило во главе рейха, то, значит, оно возложило на меня определенную миссию, такой миссией могло быть только одно: вернуть мою дорогую Родину Германскому рейху! Я верил в эту миссию, жил и боролся ради нее, теперь, как мне думается, я ее выполнил!» На следующее утро он возложил венок на могилу своих родителей в Леондинге.

Судя по всему, до этого времени Гитлер еще не принял конкретного решения о будущем Австрии. Предположительно, он до самого последнего момента хотел выждать реакцию заграницы, увидеть, каким будет сочетание случайностей, взаимосвязей и шансов в новой ситуации, которые он надеялся использовать быстрее, чем противники. Похоже, что лишь под впечатлением триумфальной поездки из Браунау в Линц, ликования, цветов и знамен, всего элементарного упоения от объединения, которое не оставляло права мешкать или идти на альтернативные варианты, он решил на незамедлительный аншлюс. В отеле «Вейнцингер» в Линце он подписал поздним вечером 13 марта Закон о воссоединении Австрии с Германским рейхом. При этом он был, по свидетельству одного из очевидцев, очень взволнован. Он долго молчал, по его щекам катились слезы, наконец он сказал: «Да, верное политическое действие не дает пролиться крови»³¹.

---

³⁰ Ebd. S. 368 ff.

³¹ Из памятной записки Зейсс-Инкварта от 9.9.1945. IMT. Bd. XXXII. Dok. 3254-PS. S. 70.

Теперь же и на следующий день, когда Гитлер в обстановке ликования и под колокольный звон ехал из замка Шенбрунн в Вену, сбылась его самая старая мечта: оба города, которые были свидетелями его неудач, отвергали и унижали его, теперь были у его ног в восхищении, стыде и страхе. Вся бесцельность и бессилие тех лет были теперь оправданны, вся потребность в награде за перенесенное была удовлетворена в тот момент, когда он с балкона замка Хофбург «доложил» сотням тысяч собравшихся на Площади героев о «завершении самого великого дела» своей жизни: «Как фюрер и канцлер германской нации и рейха я докладываю истории о вступлении моей Родины в Германский рейх».

Сцены восторга, которые разыгрывались во время воссоединения, «не поддавались описанию», — писала одна швейцарская газета³², и хотя трудно определить, что в этом опьянении, цветах, криках и слезах было управляемой, а что спонтанной страстью, не может быть никаких сомнений, что этот процесс затронул глубочайшие чувства нации. Для людей, которые часами стояли на тротуарах улиц в Линце, Вене или Зальцбурге, в этот момент сбылась та мечта о единстве, которая в виде элементарной потребности пережила все продолжавшиеся на протяжении поколений ссоры, расколы и братоубийственные войны между немцами. Именно это чувство чествовало Гитлера как человека и преодолевшего и завершившего дело Бисмарка³³ превращало клич «Один народ — одно государство — один фюрер!» в нечто большее, чем просто пропагандистский лозунг. Лишь так можно объяснить, что эйфорией объединения были охвачены не только церкви, но и такие социалисты-великогерманцы, как Карл Реннер³⁴. Из того же сознания произрастала надежда на окончание внутривнутриполитической разобщенности и страх перед существованием в нежизнеспособном государстве — все эти чаяния подкреплялись желанием, чтобы объединенный могучей силой рейх достиг того блеска, который угас с концом монархии и, казалось, возвращался в этом блудном сыне Австрии, каким бы незаконным и вульгарным он ни был.

---

³² Neue Basler Zeitung, 16.11.1938, цит. по: *Domarus M.* Op. cit. S. 822.

³³ Бисмарковский рейх воплощал «малогерманскую идею» и не включал Австрию, правда союз с побежденной в 1866 году Габсбургской империей был одним из главных принципов внешней политики «железного канцлера». — *Прим. пер.*

³⁴ См.: *Bracher K.D.* Diktatur. S. 338.

На фоне чувства исполнения мечты, величия и восторга от всего происшедшего оставались без внимания акты насилия, которые сопровождали события. «Войсковые части были усилены вторым прибывшим эшелоном — отрядами особого назначения СС, 40 тысячами полицейских и верхнебаварским соединением «Мертвая голова», — отмечалось в служебном дневнике Верховного командования вермахта³⁵, эти части мгновенно создали систему жестокого террора. Мы проявили бы недопонимание психологии Гитлера, если бы сочли, что в опьянении от объединения растаяли его старые обиды. На самом деле, в жестокости и неистовости, с которой его команды не так как в Германии 1933 года, а открыто набросились на противников и так называемых расовых врагов, чувствуется некоторый элемент незабытой ненависти к этому отвергнувшему его городу. В доходивших порой до дикости бесчинствах прежде всего членов возвращающегося из Германии Австрийского легиона³⁶ проявилось то как бы азиатское начало, которое Гитлер привнес в либеральный немецкий антисемитизм и которое теперь здесь было «спущено с цепи» в действиях его приверженцев, одного с ним происхождения и с такой же эмоциональной структурой. «Голыми руками, — рассказывал Стефан Цвейг, — университетские профессора должны были драить улицы, набожных белобородых евреев крикливые парни загнали в храм и заставляли их делать приседания и хором кричать “Хайль Гитлер!” Невинных людей ловили на улице, как зайцев, и гнали их чистить уборные в казармах СА; все, что выдумала в своих оргиях болезненно грязная, пропитанная ненавистью фантазия за многие ночи, осуществлялось теперь в буйствах среди бела дня»³⁷. За пределы германской части Европы выплеснулась волна эмиграции, страну оставили Стефан Цвейг, Зигмунд Фрейд, Вальтер Меринг, Карл Цукмайер и многие другие, писатель Эгон Фридель выбросился из окна своей квартиры — впервые национал-социалистический режим проявился во всей откровенности.

Однако для внешнего мира эти обстоятельства значения не имели: слишком неопровержимой была ссылка на вильсоновский принцип самоопределения, который получил триум-

---

³⁵ IMT, Bd. XXVIII. Dok. 1780-PS, S. 371.

³⁶ Аналог СС в австрийской НСДАП. Большинство членов легиона бежало из Австрии в Германию, спасаясь от преследований со стороны австрийских властей. — *Прим. науч. ред.*

³⁷ Zweig S. Op. cit. S. 446 f.

фальное подтверждение в пятом и последнем плебисците режима 16 марта в виде привычных 99 %, проголосовавших «за». Западные державы, правда, изъявляли беспокойство, но Франция глубоко погрязла в своих внутренних неразрешимых проблемах, а Англия отказывалась предоставить какие-либо гарантии Франции или Чехословакии. Она отклонила и советское предложение провести конференцию по недопущению дальнейших захватов со стороны Гитлера. В то время как Чемберлен и европейские консерваторы все еще видели в Гитлере коменданта антикоммунистического бастиона, которого надо привлечь на свою сторону великодушием и укротить, левые успокаивали себя мыслью, что Шушниц не кто иной, как представитель клерикально-фашистского режима, в свое время приказавшего стрелять в рабочих, которого давно надо было скинуть. Не состоялась даже сессия Лиги Наций: обескураженный мир отказался теперь даже от символических жестов возмущения, его совесть, как писал с горечью Стефан Цвейг, «слегка поворчав, забывала и прощала»³⁸.

В Вене Гитлер оставался менее суток, трудно определить, было ли вызвано столь скорое отбытие неприязнью к «городу феаков»³⁹ или нетерпением. Легкость, с которой он реализовал задачу первого важного этапа своей внешней политики, побуждала его тут же обратиться к следующей цели. Уже спустя две недели после аншлюса Австрии он встретился с руководителем судетских немцев Конрадом Генлейном⁴⁰ и выразил свою решимость в обозримом времени разрешить чехословацкий вопрос. Еще двумя неделями позже, 21 апреля, он обсудил с генералом Кейтелем план военного разгрома Чехословакии и при этом, принимая во внимание меж-

---

³⁸ Ebd. S. 448.

³⁹ Феаки — в греческой мифологии народ, любящий наслаждения. — *Прим. пер.*

⁴⁰ Конрад Генлейн (6.5.1898—10.5.1945) в октябре 1933 года создал Германский патриотический фронт, основным требованием которого была автономия Судет в составе Чехословакии. В 1935 году после успеха фронта переименовал организацию в Судетскую немецкую партию (СНП), с этого времени СНП тайно финансировалась по линии Имперского министерства иностранных дел Германии. После Мюнхенского соглашения и присоединения Судет к Германии в октябре 1938 года назначен имперским наместником и гаулейтером Судетенланда. Покончил жизнь самоубийством в лагере для перемещенных лиц. — *Прим. науч. ред.*

дународный резонанс, отклонил «нападение без всякого повода или возможности оправдать его». Он высказался в пользу «молниеносных действий в связи с каким-либо инцидентом», в этой связи он обдумывал вариант «убийства немецкого посланника после антигерманской демонстрации»⁴¹.

Как это было и с Австрией, Гитлер мог опять и здесь воспользоваться внутренними противоречиями Версальской системы, ибо Чехословакия являлась воплощением продиктованного величайшим произволом победителей полного отрицания тех принципов, на которых основывалось ее создание. Она была не столько результатом реализации права наций на самоопределение, сколько в гораздо большей степени выражением стратегических интересов Франции и ее политики союзов. Это было маленькое многонациональное государство, осколок разбитой империи, где одно меньшинство противостояло большинству всех остальных меньшинств и беспомощно разводило руками при виде их националистического эгоизма, на который оно само в борьбе за независимость так горячо ссылалось. Не государство, а «лоскутное одеяло», как пренебрежительно отзывался о Чехословакии Чемберлен. Относительно высокая степень свободы и участия в принятии политических решений, которые предоставляло это государство своим гражданам, были недостаточны для нейтрализации действовавших в нем центробежных сил. Польский посол в Париже без обиняков называл Чехословакию «обреченной на смерть страной»⁴².

По всем законам политики с ростом могущества Германии конфликт с Чехословакией становился почти неизбежным. Три с половиной миллиона судетских немцев чувствовали себя после образования республики угнетенными и усматривали вину в своем действительно очень бедственном экономическом положении не столько в структурных причинах, сколько в пражском «иностранном господстве». И захват власти Гитлером, и выборы в мае 1935 года, в результате которых Судетская немецкая партия (СНП) во главе с Конрадом Генлейном стала ведущей политической силой земли, необычайно укрепили их самосознание, а аншлюс Австрии вызвал массовые демонстрации под лозунгом «На Родину в рейх!» Уже в 1936 году автор одного анонимного письма из

---

⁴¹ IMT. Bd. XXV. Dok. 388-PS. S. 414 ff.

⁴² *Burckhardt C.J.* Op. cit. S. 157; высказывание Чемберлена см.: *Wendt B.-J.* München, 1938. S. 26.

Судетской области заверял Гитлера, что считает его «мессией», теперь эта истерия ожидания подхлестывалась дикими речами, провокациями и столкновениями. В беседе с Генлейном Гитлер дал ему указания каждый раз предъявлять в Праге столь высокие требования, чтобы они «были неприемлемы для чешского правительства» и побуждали его занять вызывающую позицию⁴³. Так он подготавливал ситуацию, требующую иностранного вмешательства, необходимости которого он позднее якобы собирался подчиниться.

Пока же Гитлер предоставил событиям развиваться своим ходом. В начале мая он с большой свитой министров, генералов и партийных функционеров отбыл с официальным визитом в Италию. Как он пытался превзойти все, что было прежде, во время встречи дуче в Германию, так и Муссолини старался теперь принять гостя с еще большим размахом. Вечный город был празднично украшен флагами, ликторскими пучками и свастиками, дома вдоль линии железной дороги были к приезду гостя покрашены и вблизи Сан-Паоло-Фуори сооружен специальный вокзал, на котором Гитлера ожидали король⁴⁴ и Муссолини. Гость не без раздражения заметил, что дуче, согласно протоколу, сперва должен был держаться на заднем плане, фюрер как глава государства был гостем Виктора Эммануила III, которого он пренебрежительно называл «король-шелкунчик»⁴⁵. С самого начала он оскорблял короля проявлением невнимания, например, сел раньше него в королевскую карету. Его коробила реакционная и снобистская сущность двора, он еще долго обосновывал этим проявления своего недоверия к партнеру по «оси».

Зато прием и восхваления со стороны Муссолини произвели на него глубокое впечатление. В ходе пышных маршей был продемонстрирован новый «римский шаг», во время морского парада в Неаполе сто подводных лодок одновременно

---

⁴³ Из протокола переговоров между К. Генлейном и Адольфом Гитлером 28.3.1938; цит. по: *Freund M. Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten*, Bd. I. S. 20 f.; свидетельство об анонимном письме см.: *Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Aussenpolitik*. S. 350.

⁴⁴ Несмотря на то что в Италии Муссолини являлся практически ничем не ограниченным диктатором, страна продолжала оставаться конституционной монархией во главе с королем из Савойской династии Виктором Эммануилом III, находившимся на престоле с 1900 года. — *Прим. науч. ред.*

⁴⁵ *Dollmann E. Dolmetscher der Diktatoren*. S. 37.

погрузились в воду, а через несколько минут с поразительной точностью опять вынырнули. Продолжительные поездки позволили Гитлеру удовлетворить и свои эстетические склонности, и даже спустя годы после визита он с умилением вспоминал «очарование Флоренции и Рима». Как красивы, восхитителен он, Тоскана и Умбрия! В отличие от Москвы, Берлина и даже Парижа, где архитектурные пропорции не гармонируют ни в частности, ни в целом, и все скользило мимо его внимания, Рим его «по-настоящему покори́л»⁴⁶.

Поездка была для Гитлера успешной и в политическом отношении. Со времени визита Муссолини в Германию «ось» подвергалась серьезным испытаниям на прочность. Аншлюс Австрии вновь пробудил старую тревогу насчет Южного Тироля, но Гитлеру теперь удалось развеять ее. Поворот был вызван прежде всего его речью на банкете в Палаццо Венеция, свидетельствующей столько же о чувстве стиля, как и о верном психологическом инстинкте. Чиано, который говорил об имевшемся поначалу настроении «всеобщей враждебности», с изумлением констатировал, как Гитлер речами и личными контактами завоевывает симпатии другой стороны, он даже считал, что город Флоренция «отдал ему свое сердце и склонил перед ним свою мудрую голову»⁴⁷. Когда Гитлер 10 мая садился в поезд, увозивший его в Германию, казалось, что взаимопонимание опять восстановлено, Муссолини крепко пожимал ему руку: «Теперь нас больше ничто не может разъединить».

В ходе немногих политических бесед этих дней Гитлер уловил готовность Италии дать Германии свободу действий в отношении Чехословакии. Однако и западные державы призвали тем временем Прагу пойти навстречу судетским немцам. В то же время они довели до сведения Гитлера, что чехословацкий вопрос можно решить, и, как сказал британский посол в Берлине, беседуя с Риббентропом: «Германия победит по всей линии»⁴⁸. Тем большим сюрпризом для Гитлера стало распо-

---

⁴⁶ Hitlers Tischgespräche. S. 134 f.

⁴⁷ *Ciano G. Tagebücher* S. 158 f.; а также: *Kirkpatrick I. Mussolini*. S. 331 f.

⁴⁸ Слова Гендерсона, сказанные им 21.5.1938 Риббентропу, см.: *ADAP. Ser. D. Bd. II. Dok. 184*. То же самое говорил еще 22 апреля заместитель статс-секретаря Батлер представителю немецкого посольства в Лондоне. В Англии, сказал он, отдадут себе отчет в том, что Германия добьется своей ближайшей цели (назвав при этом чехословацкий вопрос); *Ebd. Bd. I. Dok. 750*.

ряжение пражского правительства, обеспокоенного слухами о подготовке немцев к нападению, провести частичную мобилизацию. Великобритания и Франция полностью одобрили этот шаг, не преминув сослаться на свои обязательства оказать помощь Чехословакии, их поддержал и Советский Союз. На срочно созванном в воскресенье 22 мая в «Бергхофе» совещании Гитлер пришел к выводу, что ситуация требует остановить все приготовления. В качестве срока нападения на Чехословакию он порой называл осень 1938 года, теперь его планы, как казалось, были нарушены. Его возмущение еще больше усилилось, когда иностранная пресса стала возносить «майский кризис» как удавшуюся наконец попытку поставить зарвавшуюся Германию на место и унижить ее. Как при аналогичном поражении в августе 1932 года, он на несколько дней уединился в своей горной резиденции, не трудно представить себе, что его обуревали те же желания отомстить, те же дикие фантазии разрушения. Позже он всякий раз вспоминал испытанный в те дни «сильный удар по престижу». Наконец в своем невротическом страхе перед проявлениями слабости он счел необходимым уведомить в специальных посланиях как Муссолини, так и британского министра иностранных дел, что «угрозами, давлением или силой» от него ничего не добьешься, «это наверняка приведет к противоположному результату и сделает его жестким и неуступчивым»⁴⁹. 28 мая он появился в Берлине на совещании с военным и внешнеполитическим руководством рейха. Развернув перед собой географическую карту, он, все еще с заметными следами перенесенных волнений, изложил свои планы уничтожения Чехословакии. Если еще последние военные инструкции по так называемому плану «Грюн» начинались предложением: «В мои намерения не входит военный разгром Чехословакии уже в ближайшее время и без наличия повода», то в новой редакции говорилось: «Моим непоколебимым решением является разбить Чехословакию в ближайшем будущем путем проведения военной кампании»⁵⁰. Из упрямства, уточняя срок, он назначил начало операции на 1 октября.

Теперь он пустил в ход все средства нагнетания напряженности. В конце июня вблизи чехословацкой границы были проведены маневры, были ускорены и работы по сооружению

---

⁴⁹ ADAP. Ser. D. Bd. VII. Anhang III H; затем: Ebd. Bd. II. Dok. 415.

⁵⁰ IMT. Bd. XXV, 388-PS. S. 422. 434.

Западного вала. В то время как Генлейн в соответствии с полученными указаниями стремился к конфронтации, Гитлер осторожно разжигал территориальные аппетиты соседей Чехословакии, в особенности венгров и поляков, западные же державы давили на правительство в Праге, требуя от него новых уступок. Как будто все их силы ушли на один-единственный решительный жест, и они опять вернулись к прежней уступчивости. Политика умиротворения приближалась теперь к своей кульминации. Сколь уважительны или понятны были ее мотивы, столь же серьезным был порок, которым она страдала: она не понимала Гитлера и не разбиралась в специфических проблемах Центральной Европы. Она испытывала и проявляла глубокую неприязнь к комплексам и самым разнообразным чувствам враждебности друг к другу, существовавшим в центре континента, и капитулировала перед невозможностью пробраться через лабиринт этнических, религиозных, расовых, культурных и исторических взаимных претензий и обид. Невилл Гендерсон не называл чехов иначе, как «проклятые чехи». Лорд Ротермир опубликовал в «Дейли мейл» статью под заголовком «До чехов нам дела нет», Чемберлен резюмировал всеобщие настроения, говоря о «далекой стране», «где спорят люди, о которых мы ничего не знаем». Направление британским правительством в Чехословакию лорда Ренсимена в августе с заданием изучить положение на месте было не в последнюю очередь признанием этого безразличия; детский стишок метко разоблачал формальный характер этой миссии: «Плачь, Дед Мороз, нашли обмен! Тебя заменит Ренсимен»⁵¹.

На этом фоне надо рассматривать и передовицу «Таймс» от 7 сентября, в которой предлагалось передать Судетскую область рейху. После многих недель, пока кризис как бы сам собой продолжал непрерывно обостряться, а Гитлер вроде бы проявлял сдержанность, весь мир ждал речи, которой он должен был завершить 12 сентября партийный съезд в Нюрнберге. Не исключено, что многочисленные симптомы уступчи-

---

⁵¹ См.: *Gilbert M., Gott R.* Op. cit. S. 99; а также: Ebd. S. 89. К высказыванию Чемберлена см. его выступление по радио 27.9.1938, опубликованное 28 сентября в «Таймс». Чехословацкий посол в Риме сказал примерно в это же время Муссолини, что «в Англии не имеют никакого представления о Богемии. Когда он учился в Лондоне, ему как-то раз на приеме сунули в руку скрипку только лишь потому, что знали, что он чех. Путают богемцев с цыганами». См.: *Ciano G.* Op. cit. S. 248.

ности содействовали тому, что речь была выдержана в особо резком и вызывающем тоне. Здесь давало о себе знать и незабытое майское унижение, к которому он неоднократно возвращался, говоря о «гнусном жульничестве», «о террористическом шантаже» и «преступных целях пражского правительства», снова негодуя на тех, кто утверждал, что он пошел на попятную, наткнувшись на решительную позицию противников, и клеймя их легкомысленную готовность развязать войну. Теперь, по его словам, он извлек из случившегося уроки, которые позволяют ему в будущем сразу же нанести ответный удар: «Я ни при каких обстоятельствах не стану с бесконечным терпением взирать на дальнейшее угнетение наших братьев в Чехословакии... Немцы в Чехословакии не беззащитны и они не брошены на произвол судьбы... Пусть это хорошо запомнят те, кого это касается».

Речь его была сигналом к приведшему к многочисленным жертвам восстанию в Судетской области. Между тем Германия развила лихорадочную военную активность, проводились учения по светомаскировке, началась реквизиция грузовиков. Какое-то мгновение война казалась неизбежной, но тут события приняли удивительный поворот. В отосланном ночью 13 сентября послании британский премьер заявлял о своей готовности немедленно, не считаясь с соображениями престижа, приехать в любой город для личной беседы с Гитлером. «Согласен прибыть самолетом и буду готов к отъезду завтра», — писал Чемберлен.

Гитлер чувствовал себя очень польщенным, хотя это предположение тормозило его очевидную тягу к столкновению. Позднее он сказал: «Я был полностью ошеломлен»⁵². Неуверенность в себе, которая всю жизнь лишала его способности совершать жесты великодушия, и на этот раз не дала ему пойти хоть в чем-то навстречу своему почти семидесятилетнему гостю, который к тому же собирался впервые в своей жизни сесть в самолет: он предложил встретиться в Берхтесгадене. Когда британский премьер-министр прибыл в «Бергхоф» во второй половине дня 15 сентября после почти семичасового путешествия, Гитлер не соизволил пройти к нему навстречу дальше самой верхней ступеньки лестницы, которая вела к резиденции. Опять он для устрашения включил в свою свиту генерала Кейтеля. Когда Чемберлен выразил желание побеседовать один

---

⁵² См.: *Namier L.B. Diplomatic Prelude*. London, 1948. P. 35.

на один, он хотя и согласился, но стал, однако, пространно обрисовывать, вероятно, чтоб еще больше утомить его, европейскую ситуацию, германо-английские отношения, готовность к взаимопониманию и свои успехи. При всем стоицизме Чемберлен вне всякого сомнения видел насквозь уловки и маневры Гитлера, в своем отчете перед кабинетом двумя днями позже он назвал его «самой что ни на есть ординарной шавкой», которую ему когда-либо довелось встречать⁵³.

Подойдя, наконец, к вопросу о кризисе, Гитлер прямо потребовал присоединения Судетской области к рейху. Когда Чемберлен прервал его и задал вопрос, будет ли он довольствоваться этим или же он хочет уничтожить Чехословакию полностью, Гитлер указал на требования поляков и венгров, но все это, заверил он, его не интересует и сейчас не время обсуждать технические проблемы развития. «Убито 300 судетских немцев, и так дело дальше продолжаться не может, надо немедленно урегулировать эту проблему. Я твердо настроен решить это дело, и мне все равно, будет ли мировая война или нет». Когда Чемберлен раздраженно возразил ему, что не понимает, зачем ему надо было ехать так далеко, если Гитлер не может сказать ему ничего другого, кроме того, что он так или иначе полон решимости использовать силу, его собеседник смягчился. Он сказал, что «подумает сегодня или завтра, нет ли все же и мирного решения вопроса», кардинальное значение имеет «готовность Англии согласиться теперь с отделением населенных судетскими немцами областей в соответствии с правом народов на самоопределение, причем он (фюрер) должен заметить, что это право на самоопределение было придумано не им в 1938 году специально для чехословацкого вопроса, а еще в 1918 году — для создания моральной основы изменений по Версальскому договору». Условились о том, что Чемберлен вернется в Англию обсудить вопрос с кабинетом министров, а Гитлер тем временем не будет предпринимать никаких военных мер.

Едва только Чемберлен отбыл, Гитлер начал форсировать кризис и продолжил свои приготовления. Уступчивость британского премьер-министра крайне озадачила его, ведь исче-

---

⁵³ *Cooper D.* Das lässt sich nicht vergessen. S. 291. Описание встречи основано, в частности, на свидетельстве П. Шмидта: *Schmidt P.* Op. cit. S. 395 ff.; см. также протокол встречи и письмо Чемберлена, опубликованные в кн.: *Freund M.* Op. cit. S. 133 ff.

зал повод для осуществления далеко идущих намерений по аннексии всей «Чехии». Но в надежде на то, что Чемберлен потерпит фиаско из-за сопротивления своего кабинета, отрицательной реакции французов или, наконец, самой Чехословакии, он продолжил свои приготовления. В то время как печать развязала дикую кампанию, рисовавшую самые страшные картины расправ над соотечественниками, по указанию Гитлера «в целях защиты судетских немцев и поддержания дальнейших беспорядков и столкновений» под руководством бежавшего в Германию Конрада Генлейна был сформирован Судето-германский легион. Гитлер подталкивал Венгрию и Польшу к предъявлению Праге территориальных требований, одновременно стимулировал стремление словаков к автономии, по его распоряжению Судето-германский легион занял два города — Эгер и Аш⁵⁴.

Тем больше было его изумление, когда 22 сентября Чемберлен сообщил ему на встрече в годесбергской гостинице «Дрезден», что как Англия с Францией, так и Чехословакия согласны на отделение Судетской области. Чтобы Германия не боялась, что Чехословацкая республика может быть использована как «острие пики» против флангов рейха, британский премьер предложил аннулировать договоры о союзе между Францией, СССР и Чехословакией, вместо них независимость страны должны были обеспечивать международные гарантии. После такого вступления Гитлер был так поражен, что переспросил, одобрено ли это предложение пражским правительством. Когда Чемберлен с удовлетворением ответил: «Да!», возникла короткая пауза замешательства, а затем Гитлер спокойно ответил: «Очень сожалею, господин Чемберлен, но с этими вещами я теперь согласиться не могу. После событий последних дней такое решение неприемлемо»⁵⁵.

Чемберлен был до предела озадачен и раздосадован. На его гневный вопрос, какие это еще события изменили в последнее время ситуацию, Гитлер ответил ссылкой на требования венгров и поляков, разразился нападками на чехов, жалобами на страдания судетских немцев, пока не нашел спасительного довода, за который он тут же уцепился: «Самое главное — действовать быстро. Решение должно быть принято в ближай-

---

⁵⁴ См.: *Broszat M.* Das Sudetendeutsche Freikorps. In: *VJHfZ*, 1961. H. 1. S. 30 ff.

⁵⁵ Протокол беседы см.: *Freund M.* Op. cit. S. 172 ff.

шие дни... Он должен подчеркнуть, что проблема должна быть полностью решена до 1 октября». После трехчасового безрезультатного спора Чемберлен вернулся в гостиницу «Петерсберг» на другом берегу Рейна. Когда и письменный обмен мнениями ни к чему не привел, он потребовал письменный меморандум с перечнем немецких требований и сообщил, что намерен уехать. Гитлер, по воспоминаниям фон Вайцзеккера⁵⁶, рассказывая об этих делах, «хлопал в ладоши, как будто речь шла об удавшемся розыгрыше». Известие о мобилизации в Чехословакии, которое ворвалось в беспорядочные, нервозные заключительные переговоры, еще более усилило чувство надвигающейся катастрофы. Правда, теперь Гитлер, как казалось, был готов пойти на некоторые незначительные уступки, в то время как Чемберлен проявлял признаки подавленности и показывал своим поведением, что больше не будет выполнять посреднические функции для Гитлера.

И действительно, британский кабинет, который собрался в воскресенье, 25 сентября, для обсуждения гитлеровского меморандума, наотрез отклонил новые требования и заверил французское правительство в поддержке Англии в случае военного столкновения с Германией. Прага, которая приняла Берхтесгаденские условия только под сильным нажимом, получила теперь свободу действий, чтобы дать отпор притязаниям Гитлера. В Англии и Франции начались военные приготовления.

Перед лицом неожиданной неуступчивости другой стороны Гитлер вновь выступил в роли обиженного. «Вести переговоры дальше хоть в какой-то форме вообще не имеет смысла, — кричал он во второй половине дня 26 сентября сэру Горацию Вильсону, который прибыл в Имперскую канцелярию с посланием Чемберлена. — С немцами обращаются как с черномазыми. Даже с Турцией не отваживаются вести себя так. 1 октября Чехословакия будет такой, какой он хочет»⁵⁷. Затем он сообщил Вильсону, что не пустит в дело свои дивизи-

---

⁵⁶ Барон Эрнст фон Вайцзеккер (12.5.1882—4.8.1951) был на тот момент статс-секретарем Имперского министерства иностранных дел. В мае 1943 года он был снят с поста и назначен на ответственный пост посла при папском дворе в Ватикане. После войны выпустил воспоминания, в которых утверждал, что не поддерживал и противодействовал внешней политике А. Гитлера, а стал членом НСДАП «в целях маскировки». — *Прим. науч. ред.*

⁵⁷ По записи А. Киркпатрика. Цит. по: *Bullock A. Op. cit. S. 463.*

зии только в том случае, если пражское правительство примет Годесбергский меморандум до 14 часов 28 сентября. В последние дни перед этим он все время колебался, взять ли курс на не связанный с каким-либо риском половинчатый успех или же на сопряженный с опасностями полный триумф. Последний вариант в гораздо большей степени отвечал его радикальному темпераменту, ему больше хотелось завоевать Прагу, чем получить в виде подарка Карлсбад и Эгер. Напряжение, которое он испытывал в эти дни, разрядилось в знаменитой речи в берлинском Дворце спорта, которая еще больше обострила кризис. Правда, он противопоставил ему заманчивую идиллию континента, который наконец-то обретет покой:

«А теперь перед нами стоит последняя проблема, которую надо решить и которая будет решена! Это последнее территориальное требование, которое я должен предъявить Европе, от него я не отступлюсь и его я, будь на то воля Божья, выполню».

Он с сарказмом вскрыл противоречия между принципом самоопределения и реальностями многонационального государства, при описании хода кризиса не преминул сыграть эффектную роль оскорбленного, с ужасом изображал террор в Судетской области, называл цифры беженцев, которые он в силу своей закомплексованности на цифрах и рекордах резко преувеличил:

«Мы наблюдаем страшные цифры: в один день — 10 000 беженцев, на другой — 20 000, на следующий — уже 37 000, двумя днями позже — 41 000, затем 62 000, потом 78 000, а теперь — 90 000, 107 000, 137 000 и сегодня 214 000. Становятся безлюдными целые районы, сжигаются населенные пункты, немцев пытаются выжить гранатами и газом. А Бенеш сидит в Праге и убежден: “Мне все сойдет с рук, в конце концов, за мной стоят Англия и Франция”. Теперь, соотечественники, настало, как мне думается, время назвать вещи своими именами... 1 октября ему придется передать нам эту область... Теперь решение за ним! Мир или война!»

Он еще раз заверил, что не заинтересован в ликвидации или аннексии Чехословакии: «Не хотим мы никаких чехов!» — воскликнул он с чувством и к концу выступления вошел в состояние экзальтации. Уставив глаза в потолок зала, подогреваемый величием момента, ликованием масс и собственным пароксизмом, он, словно отрешившись от всего, завершил речь словами:

«Я иду впереди своего народа как его первый солдат, а за мной, пусть это знает весь мир, идет народ, не тот, что в 1918 году... Он будет воспринимать мою волю как свою, точно так же как я подчиняю свои действия его будущему и его судьбе. И мы хотим укрепить эту общую волю, чтобы она была сильной, как во время борьбы, когда я, простой неизвестный солдат, вышел на поле битвы, чтобы завоевать рейх... Я прошу тебя, мой немецкий народ: вставай за мной, мужчина за мужчиной, женщина за женщиной... Мы исполнены решимости! Пусть господин Бенеш теперь делает свой выбор!»

Несколько минут бушует буря оваций. Пока Гитлер, весь вспотевший и с остекленевшим взглядом возвращается на свое место, на трибуну поднимается Геббельс. «Ноябрь 1918 года у нас больше никогда не повторится!» — воскликнул он. Американский журналист Уильям Ширер видел со своего места на галерее, как Гитлер посмотрел на Геббельса, «как будто это были те слова, которые он искал целый вечер. Он вскочил, описал правой рукой в воздухе большую дугу, ударил по столу и из всех сил прокричал с таким фанатизмом, который я никогда не забуду: “Да!” Потом он в изнеможении опустился на стул»⁵⁸. «В этот вечер Геббельс ввел в обиход пропаганды лозунг “Фюрер, приказывай! Мы идем за тобой!” Массы скандировали его еще долго после окончания мероприятия. При выходе Гитлера они начали петь: “Господь, вложивший в руку меч”».

Еще окрыленный пылом и истерией предшествующего дня, Гитлер в следующую среду еще раз встретился с сэром Горацием Вильсоном. Если его требования будут отклонены, пригрозил он, Чехословакия будет разгромлена. Когда Вильсон возразил, что Англия предпримет военные шаги, если Франция будет вынуждена поспешить на помощь Чехословакии, Гитлер заявил, что он может только принять это к сведению. «Если Франция и Англия хотят нанести удар — пусть наносят. Мне это безразлично. Я готов ко всем вариантам развития событий. Сегодня вторник, раз так — в следующий понедельник между нами будет война»⁵⁹. В тот же день он предпринял дальнейшие мобилизационные меры.

---

⁵⁸ См.: *Shirer W.L. Aufstieg und Fall*. S. 374. Речь Гитлера опубликована в кн.: *Domarus M. Op. cit.* S. 924 ff.

⁵⁹ По записи А. Киркпатрика; см.: *Kirkpatrick J. Op. cit.* S. 462; см. в этой связи также: *Schmidt P. Op. cit.* S. 409.

Однако вторая половина дня 27 сентября опять приглушила его эйфорию. Чтобы проверить, с каким восторгом население готово к войне, и поддержать всеобщий подъем, Гитлер приказал 2-й мотопехотной дивизии, двигавшейся из Штеттина к чехословацкой границе, пройти через столицу рейха по широким улицам, образующим восточно-западную ось, по Вильгельмштрассе и перед Имперской канцелярией. Вероятно, он надеялся, что этот военный спектакль, о котором было объявлено заранее, привлечет на улицы людей и пробудит в них ту воинственную лихорадку, в обстановке которой после соответствующего обращения с балкона Имперской канцелярии со всех сторон зазвучит призыв пустить в ход силу. На самом же деле картина, описанная в дневнике одним иностранцем, была такой:

«Я вышел на угол Вильгельмштрассе — Унтер-ден-Линден, ожидая, что увижу там огромные толпы народа и сцены вроде тех, которые описывали в момент начала войны в 1914 году — с криками восторга, цветами и целующими солдат девушками... Но сегодня люди быстро исчезали в метро, а те немногие, кто остался стоять, хранили полное молчание... Это была самая впечатляющая демонстрация против войны, которую я когда-либо видел.

Потом я прошел по Вильгельмштрассе к Имперской канцелярии, где на балконе стоял Гитлер, принимая торжественный марш войск. Там стояло самое большое человек двести. Гитлер нахмурился, явно обозлился и вскоре ушел, не желая принимать торжественный марш проходящих частей»⁶⁰.

Отрезвляющее действие этого эпизода было дополнительно подкреплено массой плохих известий. Они свидетельствовали о том, что военные приготовления Франции, Англии и ЧСР зашли дальше, чем ожидалось, и значительно превосходили немецкие возможности. Только Прага мобилизовала миллион человек и могла вместе с Францией выставить армию почти в три раза больше немецкой. В Лондоне начали копать укрытия-щели от воздушных налетов, освобождать

---

⁶⁰ *Shirer W.L.* Op. cit. S. 376. О том же говорят и совпадающие в целом свидетельства многих других наблюдателей, см., например: *Schmidt P.* Op. cit. S. 410; *Wiedemann P.* Op. cit. S. 176 f.; *Kordt E.* Nicht aus den Akten. S. 259 f., 265 ff. К. Я. Буркхардт писал в конце августа одному своему другу, что невозможно даже представить себе «тот ужас, то отчаяние масс, когда вдруг снова заговорили о войне.... Никогда я столь явно не ощущал, что народы не несут ответственности за преступления своих вождей»; *Burckhardt C.J.* Op. cit. S. 155.

больницы, население Парижа стало массами покидать город. Война казалась неизбежной. В течение дня Югославия, Румыния, Швеция и США высказали свои предостережения и объявили о поддержке противостоящей стороны. Поскольку через несколько часов установленный самим Гитлером срок истекал, настроение в пользу жесткого противостояния стало в Имперской канцелярии ослабевать. Поздно вечером 27 сентября Гитлер продиктовал письмо Чемберлену, в котором переходил на примирительный тон, предлагал гарантии существования Чехословакии, завершал письмо призывом к здравому смыслу. Но тем временем разворачивалась деятельность, которая, как представлялось, была способна придать событиям в самый последний момент неожиданный поворот.

В предшествующие годы развернула интенсивную деятельность небольшая, но влиятельная группа заговорщиков, в которой впервые объединились представители всех политических лагерей. Целью, ради которой они устанавливали контакты друг с другом, было сперва предотвращение войны. Но та радикальность, с которой Гитлер взял курс на развязывание конфликта, заставила их пойти в своих намерениях дальше — вплоть до планов покушения и переворота. Движущей силой и посредником между всеми группами был руководитель Центрального отдела абвера полковник Ганс Остер⁶¹. Если справедливо, что в немецкой военной традиции почти полностью отсутствовали идеи политического сопротивления, а в немецком характере, как заметил в то время итальянский посол в Берлине Бернардо Аттолико, отсутствовали все необходимые для конспирации качества — такие, как терпение, знание человеческой природы, психологии, такт и умение притворяться («Где вы хотите найти это между Розенхеймом и Эйдкуненом?»⁶²), — то Остер был одним из исключений⁶³. Человек, своеобразно

---

⁶¹ Офицер Генштаба Ганс Остер (9.8.1888—9.4.1945) возглавил Центральный отдел Абвера в сентябре 1938 года; позже был произведен в генерал-майоры. — *Прим. науч. ред.*

⁶² Цит. по: *Seabury P. Die Wilhelmstrasse*, S. 149. Об Остере, а также об участниках Сопротивления и их активности в этот период см. фундаментальную книгу Гарольда К. Дойча «Заговор против войны»: *Deutsch H. C. Verschwörung gegen den Krieg*.

⁶³ В то же время современники и более поздние исследователи постоянно отмечали в Остере слишком большую легкомысленность, неспособность к конспирации и отсутствие качеств, необходимых заговорщику. Во многом именно его несознательные просчеты привели к провалу заговора против Гитлера. — *Прим. науч. ред.*

сочетавший в себе нравственность и хитрость, изобретательность, психологический расчет и принципиальность, он уже давно стал критически относиться к Гитлеру и национал-социализму, старался приобщить к своим взглядам своих товарищей, но напрасно. Только становившийся все более явным курс Гитлера на войну и прежде всего «дело Фрича» «раскачали» офицерский корпус, привыкший заниматься только чисто военными делами. Они также пробудили силы и в других лагерях, которые Остер теперь последовательно вовлекал, расширял их и, пользуясь прикрытием аппарата Абвера и его руководителя, адмирала Канариса, формировал из них широко разветвленную группу Сопротивления.

Тактические соображения определялись пониманием того, что тоталитарный режим, который уже стабилизировался, можно переиграть только за счет взаимодействия внутренних и внешних противников. Это привело к тому, что с весны 1938 года началось прямо-таки паломничество представителей немецкого Сопротивления в Париж и Лондон, где они снова и снова пытались наладить взаимодействие, но все их усилия повисали в воздухе. В начале марта 1938 года Карл Гёрделер был в Париже, где пытался побудить французское правительство занять твердую позицию в чехословацком вопросе. Месяцем позже он съездил туда еще раз, но оба раза получил уклончивый ответ. Аналогично прошел визит в Лондон, сложность этой и всех последующих миссий ярко характеризует следующий эпизод: сэр Роберт Ванситтарт, главный дипломатический советник британского министра иностранных дел, выслушав своего немецкого посетителя, воскликнул в изумлении: да ведь то, что вы предлагаете, это измена Родине!⁶⁴

Примерно таким же был эффект поездки Эвальда фон Клейста-Шменцина, консервативного политика, который, махнув на все рукой, уехал несколько лет назад в свою усадьбу в Померании, а теперь воспользовался своими связями в Англии, чтобы поощрить британское правительство дать жесткий отпор гитлеровским экспансионистским намерениям. Гитлер, предостерегал он, не остановится на аншлюсе Австрии, есть надежная информация, что он добивается гораздо большего, нежели аннексия Чехословакии — он рвется ни много ни мало

---

⁶⁴ См.: *Hoffmann P. Widerstand, Staatsstreich, Attentat*, S. 79. Бывая в Париже весной, Гёрделер встречался прежде всего с Пьером Берто и Алексисом Леже (известен как поэт под именем Сен-Жон Перс), который был самым высокопоставленным чиновником на Кэ д'Орсе.

к мировому господству. Летом 1938 года фон Клейст сам отправился в Лондон, и начальник Генерального штаба Людвиг Бек дал ему следующее своего рода поручение: «Привезите мне твердые доказательства, что Англия будет воевать в случае нападения на Чехословакию, и я покончу с этим режимом»⁶⁵. Спустя 14 дней после фон Клейста с той же миссией и также в Лондон выехал промышленник Ганс Бём-Теттельбах. Едва он вернулся из поездки, как по инициативе конспиративной группы в МИДе, во главе которой стоял статс-секретарь фон Вайцеккер, через советника посольства в Лондоне Тео Кордта были предприняты новые шаги. Сам Вайцеккер попросил Верховного комиссара Лиги Наций в Данциге Карла Якоба Буркхардта использовать свои связи, чтобы побудить британское правительство заговорить с Гитлером «недвусмысленным языком». Эффективнее всего была бы, вероятно, посылка «незакомплексованного недипломатичного англичанина, например, генерала с плеткой», так, может быть, удастся образумить Гитлера. «Вайцеккер говорил тогда, — отметил Буркхардт, — с откровенностью отчаявшегося, который ставит все на последнюю карту»⁶⁶. В то же время Остер настоятельно советовал брату Тео Кордта, Эриху Кордту, который заведовал в МИДе аппаратом министра, найти средства и пути для того, чтобы из Лондона поступали угрозы, которые произвели бы впечатление не только на искушенных в дипломатии людей, но и на «полюбообразованного, играющего мускулами диктатора». Кроме того, передавалась масса информации и предупреждений о намерениях Гитлера — и все было напрасно. Хотя посланцы, как сказал фон Клейст Ванситарту, приезжали «с петлей на шее», все их уговоры становились жертвой рвения умиротворителей по уступкам, недоверия и самого обычного непонимания. Один из высокопоставленных офицеров британской разведки отверг инициативу офицера немецкого Генштаба, приехавшего в Лондон, как «гнусное бесстыдство»⁶⁷, а слова

---

⁶⁵ Ebd. S. 83; твердыми доказательствами считались официальные заявления о поддержке ЧСР и демонстрации военной решимости.

⁶⁶ *Burckhardt C.J.* Op. cit. S. 182.

⁶⁷ Выражение Дэвида Астора в его критическом анализе тяжелой и косной британской позиции по отношению к немецкому Сопротивлению: «20 июля 1944 года. Заговор был обречен на провал, потому что союзники не понимали сигналов», опубликовано в: *Die Zeit*, 18. VII, 1966; см. в этой связи также: *Kennan G.F. Memoirs 1925—1950*. P. 119 f.

пораженного Ванситтарта об «измене Родине» показывают, как трудно было закосневшему в своих представлениях миру понять мотивы заговорщиков. Правда, нельзя закрывать глаза на то, что некоторые из них возбуждали у собеседников скепсис склонностями к реставрации или же требованиями ревизии сложившегося положения, которые, как казалось, не очень-то отличались от гитлеровских. Немецкие консерваторы и армейские круги, от имени которых говорили почти все эмиссары, и так подозревались Западом в традиционных симпатиях к Востоку. На всех них лежала печать утонченного макиавеллизма, шок Рапалло не был забыт, как и многолетнее сотрудничество рейхсвера и Красной Армии, которому положил конец только Гитлер. Поэтому кое-кому из зарубежных собеседников могло показаться, что в движении Сопротивления заново объединяются монархические реакционные силы старой Германии, юнкеры и милитаристы. Казалось, как бы возникала альтернатива «Гитлер или Пруссия»⁶⁸, и не каждый был готов поддержать призраков вчерашнего дня против хотя и неотесанного, но зато бескомпромиссно ориентированного на Запад диктатора. «А кто нам гарантирует, что Германия не станет потом большевистской?» — таким был лапидарный ответ, который получил начальник французского Генштаба Гамелен, когда в драматический день 26 сентября поинтересовался отношением Чемберлена к немецкому движению Сопротивления. Этим Чемберлен хотел сказать, что гарантии Гитлера надежнее, чем гарантии немецких консерваторов. Тут в пользу Гитлера сработали традиционные антироссийские позиции, старый кошмар Запада, о котором еще на Святой Елене говорил Наполеон, а теперь — еще более откровенно — французский премьер-министр Даладь: «Европой будут владеть казаки»⁶⁹.

Параллельно с акциями за рубежом развивалось противодействие внутри страны, которое исходило, естественно, преимущественно от военных. Серией все более решительных докладных записок Людвиг Бек пытался противостоять твер-

---

⁶⁸ *Wendt B.-J. München. S. 72.*

⁶⁹ Слова Даладь из беседы с американским послом в Париже Булитом 27 сентября; высказывание Чемберлена в беседе с Гамеленом известно через третьих лиц, поэтому за него, строго говоря, поручиться нельзя; однако по своей логике оно вполне вписывается в общий характер британской политики того времени; см.: *Wendt B.-J. München. S. 108 f.*

дому настрою Гитлера на войну. Самой настойчивой была записка от 16 июля 1938 года, которая еще раз предостерегала от опасности мировой войны, обращала внимание на усталость немецкого населения от конфликтов, а также на незначительный оборонительный потенциал в случае схватки с Западом и резюмировала все политические, военные и экономические контрдоводы в тезисе, что Германии ни в каком отношении не выдержать той борьбы «не на жизнь, а на смерть», которая развернется, когда она бросит вызов миру. Одновременно он наседали на фон Браухича, пытаясь организовать выступление высшего генералитета: надо провести в отношении Гитлера своего рода «всеобщую забастовку» генералов и заставить его прекратить военные приготовления, пригрозив в противном случае коллективной отставкой⁷⁰.

Настойчивость Бека, казалось, в конце концов подействовала на Браухича. На специально созванном совещании генералов 4 августа он распорядился зачитать июльскую докладную записку Бека и заслушать доклад генерала Адама⁷¹ о неудовлетворительных оборонительных характеристиках Западного вала. К концу встречи собравшиеся были столь впечатлены, что почти единогласно присоединились к изложенным взглядам, только у генералов Рейхенау и Буша⁷² были некоторые возражения. Сам Браухич однозначно поддержал прозвучавшую точку зрения, однако он неожиданно воздержался от того, чтобы выступить с подготовленной Беком речью, кульминацией которой был призыв к коллективному письму протеста. Вместо этого он позже передал записку Бека Гитлеру и тем самым подставил своего начальника штаба под

---

⁷⁰ См.: *Foerster W.* Generaloberst Ludwig Beck. S. 125 Tf. Такие же, как и у Бека, мысли высказал в памятной записке примерно в то же время начальник штаба руководства морской войной вице-адмирал Гузе; см.: *Hoffmann P.* Op. cit. S. 104.

⁷¹ Генерал Вильгельм Адам (15.9.1877—8.4.1949) в 1930—1933 годах возглавлял Войсковое управление — под этим названием скрывался Генштаб, который Германия не могла иметь по Версальскому миру. С марта 1938 года — начальник 2-го командования в Касселе (в июле штаб переведен во Франкфурт-на-Майне), ему было поручено инспектирование работ по строительству Западного вала. В декабре 1938 года уволен в отставку. — *Прим. науч. ред.*

⁷² Вальтер фон Рейхенау в июле 1938 года был начальником 4-го командования сухопутных войск со штаб-квартирой в Лейпциге, а Эрнст фон Буш возглавлял VIII армейский корпус и VIII военный округ со штабом в Бреслау. — *Прим. науч. ред.*

удар. Когда 18 августа на совещании в Ютербоге Гитлер объявил, что он уже в ближайшие недели решит Судетский вопрос с применением силы, Бек подал в отставку⁷³.

Этот акт отчаяния, равно как малодушный поступок Браухича были связаны с характерными чертами «закомплексованности» немецкого военного руководства. Вместе с тем нельзя не видеть тесной взаимосвязи, которая существовала между этим поведением и успехами наступательной внешней политики Гитлера: прошение Бека об отставке было подано не в последнюю очередь под воздействием той подавленности, которую вызывали напрасные усилия добиться того, чтобы западные державы заговорили более решительным языком. Воля немецкого Сопротивления вряд ли могла быть тверже воли британского или французского премьер-министра.

Однако планы заговорщиков при преемнике Бека генерале Гальдере не застопорились. Сразу при вступлении на пост он заявил Браухичу, что точно так же, как и его предшественник, отрицательно относится к планам Гитлера развязать войну, что он полон решимости «использовать каждую возможность для борьбы против Гитлера»⁷⁴. Гальдер был не фрондером, скорее, представителем типа корректного, рассудочного генштабиста, однако Гитлер, которого он ненавидел в своеобразной эксцентричной манере и характеризовал как «преступника», «душевнобольного» или «кровопийцу», не оставлял иного выбора. Гальдер говорил, что «волей-неволей вынужден оказывать сопротивление», называя положение, в котором он оказался, «ужасным и мучительным». Будучи более холодным и последовательным человеком, чем Бек, он тут же расширил замыслы заговорщиков до плана государственного переворота, провел по инициативе Остера переговоры с Ялмаром Шахтом относительно формирования нового правительства и завершил все приготовления еще до 15 сентября⁷⁵.

---

⁷³ Официально Людвиг Бек был 27 августа 1938 года переведен в распоряжение Верховного командования сухопутных войск, а 31 октября уволен в отставку. — *Прим. науч. ред.*

⁷⁴ *Kosthorst E.* Die deutsche Opposition gegen Hitler, S. 50. По этому вопросу в целом см. также: *Mudler K.-J.* Das Heer und Hitler. S. 345 ff. Кстати, Браухич в ответ на упомянутое откровение, не раздумывая, пожал Гальдеру обе руки.

⁷⁵ Об отношении Гальдера к Гитлеру см.: *Krausnick H.* Vorgeschichte und Beginn des militärischen Widerstandes gegen Hitler. In: *Vollmacht des Gewissens.* München, 1956. S. 338, а также: *Gisevius H.B.* Bis

В момент объявления войны планировалось арестовать Гитлера и ряд ведущих нацистских функционеров, совершив военный переворот под руководством командующего берлинским военным округом генерала фон Вицлебена⁷⁶, затем предать их суду, разоблачив их агрессивные цели перед всем миром. Подобным образом участники заговора надеялись не только избежать появления нового «мифа об ударе кинжалом в спину», но и получить опору для действий против небывало популярного, окруженного блеском эйфории от единства великой Германии Гитлера и не допустить опасности гражданской войны. Как считал Гальдер, важны не мысли и моральные категории небольшой элиты, а принципиальное согласие населения. Участвовавший в заговоре советник имперского суда Ганс фон Донаньи тайно готовил с 1933 года материалы для процесса против Гитлера. Остеру также удалось вовлечь в круг заговорщиков начальника берлинской полиции графа Хельдорфа и его заместителя графа Фрица-Дитлофа фон дер Шуленбурга, довольно тесные контакты имелись с командирами воинских частей в Потсдаме, Ландсберге и Тюрингии⁷⁷, некоторыми лидерами социалистов, такими, как Вильгельм Лойшнер и Юлиус Лебер, далее с заведующим психиатрическим отделением берлинской клиники «Шарите» профессором Карлом Бонхефером, который по одному из вариантов плана путча должен был стать предсе-

---

zum bitteren Ende. S. 348 f.; свидетельство Гизевиуса имеет особое значение, поскольку он считался одним из самых рьяных критиков Гальдера. См. затем: *Ritter G. Carl Goerdeler*. S. 184.

⁷⁶ Генерал пехоты Эрвин фон Вицлебен (4.12.1881—9.8.1944) с февраля 1934 года командовал III военным округом (со штаб-квартирой в Берлине), а с октября 1934 года — также и III военным округом. Отрицательно относился к нацистам, являясь убежденным сторонником реставрации в Германии монархии. После отставки В. фон Фрича Вицлебен стал активным противником режима и сторонником его свержения вооруженным путем. С ноября 1938 года — начальник 2-го командования сухопутных войск (со штаб-квартирой во Франкфурте-на-Майне). — *Прим. науч. ред.*

⁷⁷ Так, например, с командиром 23-й дивизии в Потсдаме генералом графом фон Брокдорф-Алефельдтом, с командиром 50-го пехотного полка в Ландсберге-на-Варте полковником фон Хазе, а также с генералом Гёпнером, который должен был выступить со своей дислоцированной в Тюрингии дивизией в том случае, если бы находящийся в Мюнхене Лейбштандарт СС предпринял попытку про-
рваться на помощь Берлину.

дателем врачебной комиссии и объявить Гитлера душевно-больным. Бывший руководитель «Стального шлема» Фридрих Вильгельм Хейнц тем временем планировал как бы «заговор внутри заговора». Вицлебен поручил ему вербовать молодых офицеров, рабочих и студентов для укрепления ударного отряда штаба корпуса, задачей которого было в необходимый момент ворваться в Имперскую канцелярию, он, однако, считал идею судебного процесса и план помещения Гитлера в лечебницу совершенно нереальными: один Гитлер, заявил он Остеру, сильнее Вицлебена со всем его армейским корпусом. Поэтому он дал своим людям секретное указание не арестовывать Гитлера, а сразу пристрелить его во время стычки⁷⁸.

Так что все было подготовлено, с большей основательностью и явно большими шансами на успех, чем когда-либо до того. Ударный отряд Хейнца с вооружением и взрывчаткой был размещен, готовый к выступлению, по частным квартирам в Берлине, были приняты все военные и полицейские меры, подготовлен захват радиостанции — так, чтоб не было ни единой заминки, составлены тексты обращений к населению. Гальдер назначил сигналом к началу действий тот момент, когда Гитлер даст приказ двинуть войска на Чехословакию. Все ждало своего часа. В своем лондонском заявлении от 26 сентября, в котором говорилось, что Англия в случае нападения на Чехословацкую республику выступит на стороне Франции, другая сторона, казалось, продемонстрировала наконец ту решительную позицию, которая была крайне важной для заговорщиков. 27 сентября удалось даже вовлечь в акцию колебавшегося фон Браухича. После того как в среду Гитлер приказал провести подготовку наступления первым эшелоном войск, а несколькими часами позже распорядился мобилизовать 19 дивизий, ожидали, что на следующий день будет объявлено о всеобщей мобилизации. Эрих Кордт был наготове: при помощи фон дер Шуленбурга он должен был проследить, чтобы большая двойная дверь в Имперскую канцелярию была открыта. Примерно в полдень фон Браухич направился в Имперскую канцелярию, чтобы услышать решение Гитлера. Группа Вицлебена с нетерпением ждала в

---

⁷⁸ Судя по всему, Канарис и Остер были посвящены в этот план и одобрили его — не в последнюю очередь потому, что только таким образом можно было решить проблему верности присяге, которая вплоть до 20 июля обладала столь фатальной значимостью.

штабе округа на Гогенцоллерндамм, сам генерал был у Гальдера в здании ОКВ на Тирпицштрассе, ударный отряд Хейнца был в готовности и ждал команды на своих квартирах. И тут курьер передал начальнику Генштаба сообщение, что Гитлер согласился на посредничество Муссолини и проведение конференции в Мюнхене.

Это известие произвело эффект разорвавшейся бомбы. Каждому из участников сразу стало ясно, что тем самым весь их план оказывался невыполнимым. Заговорщиков охватило замешательство, все были словно парализованы. Только Гизевиус, один из гражданских заговорщиков, попытался, разразившись в отчаянии потоком уговоров, склонить Вицлебена к началу акции. Однако операция была построена исключительно на политическом провале Гитлера, поэтому теперь у нее не оставалось шансов на успех. Строго говоря, это было постоянной, кардинальной и, пожалуй, неизбежной дилеммой плана государственного переворота: он зависел от определенной линии поведения, будь то Гитлера, будь то западных держав. Хотя заговорщики не ошибались в оценке Гитлера, тем не менее их план провалился, потому что они не приняли в расчет то обстоятельство, что Англия по сути дела всегда была готова дать Гитлеру за счет уступок возможность быть «паинькой», как выразился Гендерсон. «Мы не могли быть с вами такими же откровенными, как вы с нами», — сказал Галифакс после Мюнхена с сожалением Тео Кордту⁷⁹.

Последствия этого шока выходили далеко за рамки конкретного момента. Уже известие о поездке Чемберлена в Берхтесгаден оказало на заговорщиков парализующее действие, теперь же рухнуло все Сопротивление в целом, от этого коллапса оно уже больше так по-настоящему и не оправилось. Конечно, на протяжении своего существования его отягощали укоры совести, проблемы, вызванные принесенной присягой, и конфликты, обусловленные лояльностью, в бесконечных раздумьях, рефлексии, спорах ночь напролет между его участниками Сопротивление снова и снова наталкивалось на порожденные воспитанием и усиленные привычками границы, перед которыми кончалась всякая мораль и действие представлялось предательством. Через всю историю немецкого Сопротивления тянется этот разлом, который тормозил по

---

⁷⁹ *Rothfels H.* Opposition gegen Hitler. S. 68; а также: *Rönnefarth H. K. G.* Die Sudetenkrise. Bd. I. S. 506.

крайней мере заговорщиков из числа военных и лишал их планы той предельной меры решимости, абсолютно необходимой для успеха. Теперь его мучила еще и мысль, что этот человек не только справляется с любой ситуацией, но и находится в союзе с обстоятельствами, обеспечивающим победу принципом, везением и случайностью, короче, с самой историей.

«Это был бы конец Гитлера», — писал Гёрделер в те дни одному американскому другу; и хотя этот прогноз оставляет открытыми некоторые вопросы, дальнейшее предсказание сбылось буквально: «Побоявшись небольшого риска, мистер Чемберлен сделал войну неизбежной. Английскому и французскому народам придется защищать свою свободу с оружием в руках, если они не предпочтут рабское существование»⁸⁰.

Уже на следующий день, 29 сентября, примерно в 12.45, началась мюнхенская конференция глав правительств Великобритании, Франции, Италии и Германии. Гитлер настоял на незамедлительной встрече, поскольку с большей, чем когда-либо раньше, решимостью хотел войти в Судетскую область, 1 октября. Чтобы предварительно договориться с Муссолини, он выехал навстречу ему в Куфштейн; судя по всему, он наполовину склонился к тому, чтобы сорвать конференцию и все-таки добиться полного триумфа. Во всяком случае, он объяснил Муссолини на карте свои планы молниеносной войны с Чехословакией и последующей кампании против Франции. Он с трудом согласился не форсировать сразу осуществление этих намерений, но не оставил никаких сомнений относительно своей позиции: «Или конференция обеспечит успех в кратчайший срок, или вопрос будет решен силой оружия»⁸¹.

Однако выдвигать столь жесткую альтернативу не было никакой нужды. Целью западных держав, в особенности Великобритании, на переговорах стало убедить Гитлера в том, что он может получить Судетскую область и без войны. Относительно этого требования между всеми четырьмя державами уже давно имелось единодушие, встреча служила толь-

---

⁸⁰ Ritter G. Op. cit. S. 198 f. Вскоре после мюнхенской конференции Н. Гендерсон писал в том же духе: «Судя по всему, сохранив мир, мы спасли Гитлера и его режим». См.: Müller K.-J. Op. cit. S. 378. И здесь Гитлер опять-таки закрепил свой успех, тут же уволив со службы ряд оппозиционно настроенных офицеров, например, генерала Адама, и лишил тем самым Соппротивление важных ключевых позиций.

⁸¹ Ciano G. Op. cit. S. 240.

ко тому, чтобы зафиксировать его⁸². Отсутствие каких-либо разногласий и созыв конференции в столь короткий срок обусловили необычайно непринужденный характер встречи. После приветствий Гитлер впереди остальных участников прошел в зал заседаний нового Дома фюрера на мюнхенской Кёнигсплац, рухнул в одно из массивных кресел, которые были расположены вокруг низкого круглого стола, и нервным жестом пригласил гостей также занять места. Он был бледен, возбужден и поначалу копировал самоуверенно державшегося Муссолини, говоря, смеясь и хмурясь, как тот. Чемберлен выглядел благородно, но еще более постаревшим, Даладье был тихим, ему было как-то не по себе. Предложение привлечь представителей Чехословакии Гитлер с самого начала отклонил, четыре державы остались между собой, и скоро Даладье, которого Гитлер обхаживал с особым вниманием, стал жаловаться на «упрямство Бенеша» и влияние «поджигателей войны во Франции»⁸³. Постепенно в зал подходили уполномоченные и сопровождающие их лица и занимали места вокруг стола переговоров в качестве слушателей, постоянно кто-то приходил, а кто-то уходил, конференция постоянно распадалась на отдельные кружки. Муссолини представил в начале второй половины дня проект соглашения, который на самом деле был составлен накануне вечером Герингом, Нейратом и Вайцзеккером, чтобы опередить Риббентропа, который толкал Гитлера на военную акцию. На этой основе между двумя и тремя часами ночи было подписано мюнхенское соглашение. Оно предусматривало оккупацию Судетской области между 1 и 10 октября, детали должна была урегулировать комиссия представителей четырех держав и Чехословакии; Англия и Франция обязывались гарантировать неприкосновенность оставшегося государства. Все участни-

---

⁸² Ebd. S. 243. Все сопутствующие обстоятельства наглядно показывают, что в действительности речь шла только о том, чтобы закрепить достигнутое по существу соглашение договором. Конечно же конференция преследовала цель, по крайней мере в глазах обоих западных глав правительств, обуздать Гитлера и затруднить его дальнейшую экспансию, однако весьма примечательно, что все заявления о гарантиях содержались лишь в частично подписанных дополнительных соглашениях.

⁸³ Ciano G. Op. cit. S. 242. О ходе конференции см.: Stehlin P. Op. cit. S. 125 ff.; Schmidt P. Op. cit. S. 415 ff., а также: François-Poncet A. Op. cit. S. 381 ff.

ки были, как казалось, на какое-то мгновение удовлетворены, только Франсуа-Понсе сказал с налетом беспокойства: «Voilà comme la France traite les seuls allies qui lui etaient restes fideles»⁸⁴. Пока чиновники еще занимались переводом текста соглашения, участники неприкаянно сидели и стояли в зале. Даладье, исчерпавший свои силы, укрылся в глубоком кресле, Муссолини беседовал с Чемберленом, Гитлер же неподвижно стоял в стороне, скрестив руки, уставившись, как рассказывал один из участников, в пространство перед собой.

Его плохое настроение сохранялось и на следующий день. Когда Чемберлен посетил Гитлера в его частной квартире на Принцрегентенплац, он был необыкновенно немногословен и не без колебаний согласился на предложение о двусторонних консультациях. Его раздражение еще более усилилось, когда он узнал, что население приветствовало оvationами британского премьер-министра, когда он проезжал по Мюнхену. Повторилась та же ситуация, что и два дня назад в Берлине; этот народ был явно еще не готов к выполнению «первоклассных задач», которые он собирался поставить перед ним, Чемберлен казался героем дня⁸⁵.

Однако Гитлера волновали не только ставшая очевидной летаргия и отрицательное отношение населения к войне. Если присмотреться к более глубоким причинам, то его досада была вызвана более серьезными мотивами. Мюнхенское соглашение было, бесспорно, его личным триумфом: не применяя откровенного насилия, Гитлер вырвал у более сильной коалиции обширную область, лишил Чехословакию прославлявшейся на все лады линии укреплений, существенно улучшил свои стратегические позиции, получил новые промышленные предприятия и заставил ненавистного президента Бенеша отправиться в эмиграцию. Действительно, «на протяжении столетий... в европейской истории не было столь глубоких перемен без войны»⁸⁶. Успех Гитлера характеризовало как раз то обстоятельство, что он получил одобрение тех великих дер-

---

⁸⁴ «Вот так Франция обращается с единственными союзниками, которые остались ей верны» (франц.). — *Прим. пер.*

Ciano G. Op. cit. S. 243.

⁸⁵ Так Гитлер выразился в своем выступлении 24 апреля 1936 года по поводу открытия орденового замка Крессинзее; см.: Hoover-Institute, Folders 19—59; затем: *Schmidt P. Op. cit. S. 417 f.; Kirkpatrick J. Im inneren Kreis. S. 110.*

⁸⁶ *Nolte E. Faschismus. S. 281.*

жав, за счет которых осуществилась эта акция. Он вновь добился классической фашистской расстановки сил — союза между революционным насилием и истеблишментом, своего рода «Гарцбургского фронта на европейском уровне». Характерно, что уже вскоре после подписания мюнхенского соглашения Чехословакия объявила о расторжении союза с СССР и запретила Коммунистическую партию.

Однако Гитлеру казалось, что все эти триумфы приобретены слишком дорогой ценой. Ему пришлось поставить свою подпись под соглашением, которое не могло надолго связать ему руки, но все же заставляло проявлять сдержанность в течение срока, достаточного для того, чтобы сорвать график и тем самым его большой план: он хотел осенью войти в Прагу, как полгода тому назад вошел в Вену. Он чувствовал, что его обманули, лишив триумфа завоевателя и возможности осуществить свои планы в намеченные сроки. «Этот Чемберлен не дал мне войти в Прагу», — сказал он однажды, по свидетельству Шахта. В совершенно таком же духе он признался, покачивая головой, венгерскому министру иностранных дел, что считал возможным «выдачу Чехословакии как на блюде ее друзьями». Уже в феврале 1945 года, размышляя в бункере о прошлом, он обрушивал свой гнев на «филистеров — крупных капиталистов»: «Надо было начать войну в 1938 году. Это был для нас последний шанс локализовать ее. Но они во всем уступали, как трусы выполняли все наши требования. Было действительно трудно взять на себя инициативу и перейти к военным действиям. В Мюнхене мы упустили уникальную возможность»⁸⁷. В этом проявлялась старая склонность идти до предельной черты, пытаться, будучи загнанным в угол, сыграть в крупную игру. Слишком гладко, слишком просто было достигнуто мюнхенское соглашение, чтобы его нервы получили удовлетворение от него, — он испытывал отвращение к легким решениям и считал «опасным мнение, что мож-

---

⁸⁷ Le Testament politique de Hitler. P. 118 f.; свидетельство Шахта см.: IMT. Bd. XIII. S. 4. Аналогичное высказывание Гитлера в сентябре 1938 года воспроизводится в «Дневниках» Гельмута Гроскурта: «Ему (Гитлеру) пришлось в сентябре отступить, не добившись своей цели. Войну надо вести, говорил Гитлер, пока он жив, ведь ни один немец никогда больше не будет пользоваться столь безграничным доверием; лишь он один способен воевать. Цели войны: а) господство в Европе, б) мировое господство на века. Войну следует начать немедленно ввиду того, что другие вооружаются». *Groscurth H. Tagebücher*. S. 166.

но дешево откупиться»⁸⁸. Такие своеобразные представления о судьбе накладывались на его рационалистическую рассудочность. Не в последнюю очередь по этой причине после Мюнхена в его уме закрепились мысли в конце концов при помощи крайнего, подкрепленного кровью вызова, бесповоротно привязать к себе упрямую нацию, которая, несмотря на ликование, оказывала ему глухое сопротивление.

В этом тройном контексте рационального расчета времени, потребности в сильных ощущениях и мифологизированных представлений о политике и следует рассматривать ставшую теперь более явной склонность к войне. Уступчивость Чемберлена «в известном смысле смешала его карты» — так он, почти извиняясь, говорил позже. Это стремление еще более усиливалось презрением, которое он проявлял с того момента к своим противникам. Перед генералитетом он издевательски обзывал их «жалкими червями», в речи, произнесенной в Веймаре 6 ноября, он, намекая на Чемберлена, говорил о «типах с зонтиками нашего прежнего буржуазного многопартийного мира» и называл линию Мажино⁸⁹ пограничной полосой народа, готовящегося к смерти⁹⁰.

Стремление Гитлера к войне находилось в примечательном противоречии с реальным соотношением сил — это можно рассматривать как первый признак начавшейся у него утраты чувства реальности. Сегодня бесспорно, что осенью 1938 года Германия могла бы продержаться в случае вооруженного столкновения лишь несколько дней. Оценки военных специалистов союзных стран и самой Германии, документы и статистические данные не оставляют никаких сомнений: «Было полнос-

---

⁸⁸ Из выступления перед командованием вермахта 23 мая 1939 года, IMT, Bd. XXXVII. S. 551. В том же духе Гитлер говорил и в традиционном выступлении 8 ноября 1938 года, посвященном ноябрьским событиям 1923 года, в пивной «Бюргербройкеллер», где он однозначно признал себя сторонником формулы Клаузевица: «Я считаю и заверяю в том этот и грядущий мир, что ложное умничанье, стремящееся уйти от опасности, я нахожу самым отвратительным из всего того, что может внушать страх и ужас». См.: *Domarus M. Op. cit.* S. 966.

⁸⁹ Линия Мажино — линия французских укреплений стратегического назначения, построенная в 1928—1940 годах на франко-германской границе, общей протяженностью 400 км. Получила название по имени ее инициатора французского военного министра Андре Мажино. — *Прим. науч. ред.*

⁹⁰ См. в указанной последовательности выступление 22.8.1939: *Domarus M. Op. cit.* S. 1234 f.

тью исключено, — заявил, например, Йодль в Нюрнберге, — чтобы пять кадровых и семь танковых дивизий могли бы устоять на линии укреплений, которая только еще строилась, перед натиском ста французских дивизий. С военной точки зрения это было невозможно»⁹¹. Тем непонятнее уступчивость и продолжавшееся самоослабление западных держав. Их поведение убедительнее всего объясняет — так истолковывал его Гитлер — выходящая за пределы политики умиротворения психология политического пессимизма. Отказ от взятых на себя союзнических обязательств, а также традиционных европейских ценностей, враждебность к которым Гитлер выражал почти в каждой речи, каждом законе, каждой акции, можно было еще, пожалуй, объяснить обстоятельствами — смесью согласия, шантажа и растерянности. Но как ни странно, западные державы, казалось, не учли политического эффекта, в особенности страшную утрату престижа, которую должно было вызвать мюнхенское соглашение. Англия и Франция почти полностью лишились авторитета, на их слова отныне, казалось, больше никто не обращал внимания, и скоро другие державы, в особенности восточноевропейские, каждая на свой страх и риск, начали пытаться поладить с Гитлером. Но прежде всего эта акция повлияла на Советский Союз: он не забыл, что западные державы проигнорировали его в Мюнхене, и уже спустя четыре дня после конференции германское посольство в Москве указало на то, что «Сталин... сделает выводы» и пересмотрит свою внешнюю политику⁹².

Тем временем Чемберлен и Даладье вернулись в свои столицы. Вместо разгневанных демонстраций, которых они ожидали, их с восторгом превозносили, как будто, по замечанию одного чиновника Форин офис, «праздновали великую победу над врагом, а не предательство союзника». Подавленный Даладье показал своему государственному секретарю на ликующих и прошептал: «Идиоты!», в то время как Чемберлен, бывший наивнее и оптимистичнее француза, размахивая при прибытии в Лондон листом бумаги, заявил, что привез «мир для нашего поколения». Сейчас, в ретроспективе, трудно понять спонтанное чувство облегчения, которое еще раз объе-

---

⁹¹ IMT. Bd. XX. S. 397. Кейтель заявил в Нюрнберге, что немецких наступательных средств не хватило бы даже для того, чтобы прогнать приграничные укрепления Чехословакии. IMT. Bd. X. S. 582.

⁹² ADAP. Ser. D. Bd. IV. Dok. 476. S. 529 f.

динило Европу, и с уважением отнестись к ее иллюзиям. В Лондоне толпа перед Даунинг-стрит, 10⁹³ запела веселую песню «Ах, какой он молодец, ах, какой он молодец!», в то время как французская газета «Пари суар» предложила Чемберлену «участок во Франции» для рыбалки и отмечала, что «более убедительной картины мира» нельзя себе и представить⁹⁴. Когда Уинстон Черчилль во время дебатов в нижней палате начал свою речь словами: «Мы потерпели полное, всеобъемлющее поражение», — поднялась буря протеста.

Когда немецкие войска в соответствии с соглашением вступили в Судетскую область и Гитлер 3 октября на «Мерседесе» повышенной проходимости пересек границу, лидер судето-немецких социал-демократов Венцель Якш вылетел в Лондон. Как это соответствовало практике завоевания последующих лет, следом за частями вермахта шли команды Службы безопасности (СД) и гестапо, чтобы «немедленно начать чистку освобожденных областей от марксистских предателей народа и прочих врагов государства». Якш просил о визах и любых видах помощи своим находившимся в угрожающем положении друзьям. Лорд Ренсимен заверил его, что мэр Лондона организует сбор пожертвований в пользу преследуемых, он сам пожертвует определенную сумму. Лондонская «Таймс» публиковала фотографии вступающих немецких частей, встречаемых ликованием, морем цветов; но дать фотографии тех, кто бежал от них, главный редактор газеты Джефффри Досон отказался. Венцель Якш никаких виз не получил. От брошенной на произвол судьбы, искалеченной страны урвали себе теперь немалые куски также поляки и венгры. История этой осени полна актами ослепления, эгоизма, слабости и предательства. Те друзья Венцеля Якша, которым удалось бежать внутрь страны, вскоре были выданы Германии пражским правительством⁹⁵.

Недовольство Гитлера исходом мюнхенской конференции, естественно, усиливало его нетерпение. Уже спустя десять дней он передал Кейтелю строго секретный перечень вопросов относительно военных возможностей рейха, по которым должны были быть подготовлены справки. 21 октября

---

⁹³ По этому адресу в центре Лондона располагается резиденция премьер-министра Великобритании. — *Прим. науч. ред.*

⁹⁴ См.: *Gilbert M., Gott R.* Op. cit. S. 144 ff.

⁹⁵ Ebd. S. 147, 150; ссылка на участие СД и гестапо взята из VB. 10.10.1938.

он дал указания о военных акциях с целью «ликвидации остальной части Чехии», «овладении Мемельской областью» и, кроме того, распорядился в дополнительном указании от 24 ноября подготовиться к оккупации Данцига. Одновременно он подталкивал словацких националистов к тому, чтобы они сыграли в новом государстве роль судетских немцев, ускорив дальнейший распад Чехословакии изнутри.

Разочарованиями последних дней были также продиктованы меры, которые он принял для усиленной психологической мобилизации общественности. Хотя воодушевление в Германии было велико, а авторитет Гитлера еще раз поднялся до головокружительной высоты, он сам чувствовал, что это ликование содержало в себе значительное облегчение в связи с тем, что войны удалось избежать. Поэтому в начале ноября он воспользовался возможностью развернуть широко-масштабную пропагандистскую акцию, когда еврейский эмигрант застрелил советника германского посольства в Париже Эрнста фон Рата⁹⁶. Покушение, которое было вызвано преимущественно личными мотивами⁹⁷, Гитлер, недолго думая, объявил «одним из тех ударов мирового еврейства», которые, как он по-прежнему считал, содействуют высшей степени сплочения. Многочасовая торжественная кампания, включающая большую траурную церемонию, музыку Бетховена и демагогические стенания по убитому, была организована вплоть до уровня школ и предприятий. В последний раз СА выступили в их когда-то апробированной, но давно уже

---

⁹⁶ По иронии судьбы, застреленный учившимся в Париже 17-летним Гершелем Грюншпаном Эрнст фон Рат (3.6.1909—9.11.1938) придерживался антинацистских настроений и в связи с этим находился под постоянным надзором гестапо, которое планировало в скором времени применить к нему санкции. — *Прим. науч. ред.*

⁹⁷ Не совсем ясно, что автор имеет в виду под «личными мотивами». Гершель Грюншпан был сыном ганноверского еврея польского происхождения. После того как правительство Польши объявило, что все лица, не перерегистрировавшие паспорта, в очень короткий срок лишаются польского гражданства, власти Германии немедленно депортировали из страны всех евреев — граждан Польши. В их числе были и родители Грюншпана. Гершель принял решение в отместку за преследование евреев (то есть это был политический теракт одиночки) нацистами убить посла Германии графа Й. фон Вельчека. Однако войдя 7 ноября 1938 года в здание посольства, он двумя выстрелами смертельно ранил (в плечо и живот) фон Рата — первого попавшегося ему на глаза сотрудника посольства. — *Прим. науч. ред.*

не исполнявшейся роли выразителя слепого народного гнева. Вечером 9 ноября повсюду в Германии запылали синагоги, были разгромлены квартиры евреев, разграблены их магазины, было убито почти сто человек и примерно 20 тысяч арестовано. Эсэсовская газета «Дас Шварце Корпс»⁹⁸ рассуждала о необходимости искоренить «огнем и мечом», «фактически и бесповоротно покончить с еврейством в Германии». Но глубоко укоренившийся буржуазный инстинкт населения можно было только напугать, а не мобилизовать бесчинствами улицы, которые вновь пробуждали потускневшие воспоминания о годах беспорядка и беззакония⁹⁹. Вера Гитлера в то, что его собственные аффекты должны оказывать и мощнейшее психологическое воздействие на общественность, была дальнейшим симптомом утраты им чувства реальности. Очевидное противоречие, которое всегда существовало между его неистовым юдофобством и вялым немецким антисемитизмом, стало еще более явственным. Характерно, что эта акция прошла с успехом только в Вене.

Безразличие масс, однако, только подхлестнуло его усилия. Время после мюнхенской конференции проходило под знаком усиленных пропагандистских акций, в которые скоро с растущей агрессивностью включился и сам Гитлер. Его раздраженное выступление 9 октября в Саарбрюккене было их составной частью, равно как речь в Веймаре 6 ноября, речь в Мюнхене 8 ноября и большой отчетный доклад за 1938 год, который был смесью гордости, ненависти, нервозности и самоуверенности, клялся в «сплоченности народа» и вновь подвергал нападкам еврейство, которому он предрекал уничтожение в Европе¹⁰⁰. Определяющим мотивом относящегося к тому же времени секретного выступления перед главными редакторами немецких газет также было стремление переключить прессу с тактики клятв в миролюбии и призывов к взаимопониманию, расслабляющее действие которых он наблюдал в Берлине и Мюнхе-

---

⁹⁸ «Das Schwarze Korps» — «Черный корпус» — «газета охранных отрядов НСДАП, орган Имперского руководства СС. Еженедельник». — *Прим. науч. ред.*

⁹⁹ См., например, донесение британского временного поверенного в делах в Берлине: Documents on British Foreign Policy, 2nd Series, Bd. III. S. 277; цитату из газеты «Дас Шварце Корпс» см.: Bracher K.D. Diktatur. S. 399. Подробности о реакции в различных частях рейха на погром см.: Steinert M.G. Hitlers Krieg. S. 75.

¹⁰⁰ Domarus M. Op. cit. S. 1058.

не, на тон агрессивной решимости: речь была как бы приказом о психологической мобилизации. Гитлер все вновь и вновь подчеркивал, как важно иметь за собой «сильный верой, сплоченный, уверенный в себе и своем будущем немецкий народ», одновременно он гневно обрушивался на критиков и разлагающих общественное мнение интеллектуалов:

«Что касается интеллектуальных слоев у нас, то должен сказать, что, к сожалению, без них не обойтись, а то можно было бы их в один прекрасный день истребить или устроить что-нибудь в этом духе. Но, к сожалению, они нужны. Когда я смотрю на эти интеллектуальные слои и размышляю над их отношением ко мне, нашей работе, то мне становится почти страшно. Ибо с тех пор, как я занимаюсь политикой, и особенно с того момента, как я возглавил рейх, у меня только успехи. И тем не менее эта публика строит из себя черт знает что. Это отвратительно, мерзко. А что случится, если у нас будет какая-нибудь неудача? Как поведут себя тогда эти курицыны дети?... Раньше моей величайшей гордостью было то, что я создал партию, которая и во времена неудач непреклонно и фанатично стояла за мной. Это было моей величайшей гордостью... и в таком духе мы должны воспитать весь наш народ. Его надо воспитать в абсолютной, непоколебимой, само собой разумеющейся твердой вере в то, что в конце мы получим все необходимое. Этого можно добиться, лишь постоянно обращаясь к силе нации, выделяя позитивные ценности народа и, по возможности, не обращая внимания на так называемые отрицательные стороны.

Для этого необходимо, чтобы именно печать совершенно слепо придерживалась принципа: руководство всегда действует правильно!.. Только так мы освободим народ от сомнений, которые лишь делают его несчастным. Широкие массы совсем не хотят, чтобы на их плечи ложилось такое бремя. Широкие массы хотят только одного: иметь хорошее руководство, верить ему, чтобы в руководстве не было грызни между собой, чтобы руководство выступало перед ними сплоченным. Поверьте мне, я знаю совершенно точно: для немецкого народа нет большей радости, чем видеть, как я выхожу на улицу, скажем, 9 ноября, а вокруг меня мои соратники, и народ говорит: это такой-то, это такой-то, а это такой-то. Людям спокойно от мысли, что все руководители держатся вместе, все они идут за фюрером, а фюрер горой стоит за них, это наши кумиры. Может быть, кое-кто из интеллектуалов этого

никак не поймет. Но простые люди... хотят именно этого! Так это было в немецкой истории и прежде. Народ всегда счастлив, когда те немногие руководители, которых жизнь поставила наверху, стоят друг за друга, тогда и народу внизу легче быть сплоченным»¹⁰¹.

Частью процесса психологической мобилизации с момента мюнхенской конференции была также все более ускоряемая Гитлером динамика самих событий, так что наблюдатель порой спрашивал себя, то ли политика не нуждалась в передышке, то ли отсутствие передышки становилось политической нормой. От недели к неделе усиливался нажим изнутри и извне на беззащитную Чехословакию. 13 марта Гитлер настоятельно потребовал от вызванного в Берлин лидера словацких националистов Тисо¹⁰² отделения от Праги, днем позже перед парламентом в Прессбурге¹⁰³ был зачитан переданный Риббентропом на словацком языке манифест о независимости. Вечером того же дня в столицу рейха прибыли чешский президент Гаха¹⁰⁴ вместе с министром иностранных дел Хвалковским. Здесь Гаха подвергся шантажу, который Гитлер позже с отдающим какой-то ущербностью удовольствием назвал «гахаизацией». Хотя гости были приняты со всеми положенными по протоколу почестями, в Имперскую канцелярию они попали только между первым и вторым часом ночи после выматывающего нервы ожидания, когда они напрасно пытались узнать о предмете переговоров. Престарелый и болезненный Гаха вместе с Хвалковским после утомительного шествия через бесконечные коридоры и залы недавно построенной новой Им-

---

¹⁰¹ Эта речь, относящаяся к ключевым документам о Гитлере, опубликована в: VJHfZ, 1958. Н. 2. S. 181 ff.

¹⁰² Католический священник монсеньор Йозеф Тисо (13.10.1887—18.4.1947) в 1938 году после смерти А. Глинки стал лидером Словацкой народной партии. 29—30 сентября 1938 года под давлением Германии Словакии была предоставлена широкая автономия в рамках Чехословакии и Тисо 6 окт. получил пост чехословацкого министра по делам Словакии, а 7 октября — премьер-министра и министра внутренних дел Словакии. — *Прим. науч. ред.*

¹⁰³ Братислава. — *Прим. пер.*

¹⁰⁴ Доктор права Эмиль Гаха (12.7.1872—24.6.1945 избран президентом Чехословакии 30 ноября 1938 года, после того как президент Бенеш сложил с себя обязанности президента. После того как германские войска оккупировали Чехию, за Гахой был сохранен почетный пост государственного президента протектората Богемии и Моравии. Умер в лагере для интернированных лиц. — *Прим. науч. ред.*

перской канцелярии попал в конце концов к Гитлеру, который ждал перед своим письменным столом в полумраке огромного кабинета, освещенного лишь несколькими бронзовыми торшерами. Рядом с ним стоял помпезный Геринг и виднелась уже апробированная по части запугивания фигура Кейтеля. Слова приветствия президента выражали всю отчаянную угодливость страны, брошенной всеми на произвол судьбы. В протоколе встречи отмечается:

«Президент Гаха приветствует фюрера и выражает свою признательность за то, что фюрер принимает его. Он уже давно хотел познакомиться с человеком, чьи замечательные мысли он часто перечитывал и изучал. Сам он до недавнего времени был неизвестен, никогда не занимался политикой, а был в свое время просто чиновником-юристом в венском управленческом аппарате... в 1918 году его вызвали в Прагу и назначили в 1925 году президентом Административного суда. В качестве такового он не имел никакого отношения к политикам, или, как бы он их точнее назвал, политиканам. Он никогда не был персоной грата. С президентом Масариком он встречался лишь раз в год на ужине, который устраивали для судей, а с Бенешем еще реже. Единственная встреча с ним была отягощена недоразумениями. В общем-то весь режим был ему чужд, сразу после перелома он задал себе вопрос, а счастье ли это для Чехословакии быть самостоятельным государством. Прошлой осенью на его долю выпала задача встать во главе государства. Он — старый человек... и он верит, что отдать судьбу [Чехословакии] в руки фюрера — значит отдать ее в надежные руки»¹⁰⁵.

Когда Гаха закончил свое выступление просьбой предоставить все-таки его народу право самостоятельного национального определения, Гитлер начал пространный монолог. Он жаловался на многочисленные проявления враждебности чехов, бессилие нынешнего правительства, указал на сохранение духа Бенеша, обрушивал упрек за упреком на молчавших, «словно окаменевших» людей, сидевших перед ним, «только по их глазам было видно, что они — живы»¹⁰⁶. Его терпение, продолжал он, исчерпано:

«В шесть часов со всех сторон в Чехию войдет немецкая армия, а немецкие ВВС займут аэродромы. Есть две возмож-

---

¹⁰⁵ Запись советника Хевеля. ADAP. Ser. D. Bd. IV. Dok. 228.

¹⁰⁶ Schmidt P. Op. cit. S. 430.

ности. Первая: вступление немецких войск будет идти с боями. Тогда это сопротивление будет жестоко подавлено силой. Другая: вход немецких войск будет осуществляться в приемлемых формах, тогда фюреру будет легче дать Чехословакии при преобразовании широкую самостоятельность, автономию и известную национальную свободу...

Вот по этой причине он попросил приехать сюда Гаху. Это приглашение — последняя добрая услуга, которую он может оказать чехословацкому народу... Проходят час за часом. В шесть часов в страну войдут войска. Ему почти неудобно говорить, что на каждый чешский батальон приходится одна немецкая дивизия. Военная операция проводится не в игрушечных масштабах».

На вопрос Гахи, почти лишившегося дара речи, как ему удержать от сопротивления весь чешский народ за четыре часа, Гитлер высокопарно ответил:

«Военная машина запущена в ход, и ее не остановить. Ему следует обратиться в пражские инстанции. Это серьезное решение, но он видит впереди возможность долгого периода мира между двумя народами. Если решение будет иным, то он предвидит уничтожение Чехословакии... Его решение бесспорно. А что такое решение фюрера — это известно».

После того как Гаху и Хвалковского отпустили вскоре после двух часов ночи из кабинета Гитлера, они попытались связаться по телефону с Прагой. Когда Геринг, ввиду того, что время уходит, пригрозил разбомбить город и с грубым «простодушием» расписывал картины разрушения, с президентом случился сердечный приступ, и какое-то мгновение присутствующие опасались самого худшего. «Тогда завтра утром весь мир скажет, что его убили ночью в Имперской канцелярии», — писал позже один из очевидцев. Однако доктор Моррель, которого предусмотрительные режиссеры держали наготове, поставил его на ноги. Таким образом удалось своевременно передать пражским инстанциям указание — не оказывать сопротивление вступлению немецких войск. Незадолго до четырех часов Гаха подписал документ, согласно которому он «исполненный доверия вкладывает судьбу чешского народа и страны в руки фюрера Германского рейха».

Едва Гаха вышел из помещения, Гитлер утратил всю свою привычную манеру держаться. Он в возбуждении рванулся в комнату своих секретарш и потребовал расцеловать его: «Детки, — крикнул он. — Гаха подписал. Это самый великий

день моей жизни. Я войду в историю как самый великий немец»¹⁰⁷. Двумя часами позже его войска перешли границу, первые части вошли в Прагу, где, несмотря на весну, мела выюга, уже в девять часов. На обочинах опять стояли ликующие люди, но это было лишь меньшинство, большинство же отворачивалось или молчало, со слезами бессилия и гнева на глазах, позади приветливо машущих руками шеренг. Уже тем же вечером в город прибыл сам Гитлер и переночевал в Градчанском замке. «Чехословакия, — объявил он, упоенный победой, — перестала существовать». Вся операция заняла два дня. Когда английский и французский послы передали 18 марта в Берлине ноты протеста, Гитлер к тому моменту уже создал протекторат Богемия и Моравия, во главе которого он ради успокоения западных стран поставил консерватора барона фон Нейрата, который считался умеренным деятелем, затем Гитлер парафировал договор о защите Словакии и отправился назад.казалось, жизнь вновь подтвердила слова Муссолини полугодичной давности, произнесенные им незадолго до Мюнхена: «Демократии осуждены проглатывать оскорбления»¹⁰⁸.

Однако захват Праги положил начало повороту: слишком глубоко было разочарование западных держав, ощущение, что их обманули и злоупотребили их терпением. Еще 10 марта Чемберлен заявлял некоторым журналистам, что угроза войны уменьшается и наступает новая эра разрядки. Теперь же, 17 марта, он говорил в Бирмингеме о «небывалом потрясении», указывал на многочисленные нарушения договоренностей, совершенные в ходе операции против Праги, и в заключение задавал вопрос, является ли «это концом старой авантюры или началом новой». В тот же день он отозвал из Берлина на неопределенное время посла Гендерсона, а лорд Галифакс сказал, что понимает вкус Гитлера к некровавым триумфам, но в следующий раз ему придется пролить кровь¹⁰⁹.

Оккупация Праги стала поворотным пунктом только для политики Запада. В апологиях умиротворителей, равно как в попытках немецких пособников режима оправдаться, появ-

---

¹⁰⁷ Zoller A. Op. cit. S. 84; приводимая ниже цитата взята из Обращения к немецкому народу от 15 марта, явно написанного еще до переговоров с Гахой; см.: Domarus M. Op. cit. S. 1095.

¹⁰⁸ Ciano G. Op. cit. S. 225.

¹⁰⁹ См.: Nolte E. Faschismus. S. 330; по поводу речи Чемберлена в Бирмингеме см.: Ursachen und Folgen. Bd. XIII. S. 95 ff.; а также: Gilbert M., Gott R. Op. cit. S. 164.

ляется вновь и вновь тезис о том, что Гитлер сам, войдя в Прагу, совершил поворот. Только в этот момент он-де встал на несправедный путь и радикально расширил цели ревизии, которые до того были вполне приемлемыми. С этого момента якобы его целью было не право на самоопределение, а слава завоевателя. Но теперь мы знаем, сколь превратно такие оценки отражают мотивы, намерения и его суть — все принципиальные решения он принял уже задолго до того, Прага была лишь тактическим этапом и Влтава¹¹⁰ конечно же не была его Рубиконом.

Операция была актом саморазоблачения. Йодль, бывший тогда полковником, порой с восторгом писал в дни продолжавшихся внешнеполитических триумфов вещи вроде следующих слов: «Этот вид ведения политики для Европы нов»¹¹¹. Действительно, динамичная комбинация угроз, лести, клятв в миролюбии и актов насилия, которую использовал до тех пор Гитлер, было необычным, парализующим средством, в западные государственные деятели могли, если судить с точки зрения морали, какое-то время заблуждаться относительно намерений Гитлера. «Во всем, что они говорят и делают, — описывал лорд Галифакс свою неуверенность, — люди всегда нащупывают свой путь подобно слепым, пытающимся найти дорогу через болото, в то время как всякий с берега кричит разные сведения о следующей опасности»¹¹². Акция Гитлера против Праги лишила, однако, ситуацию всей неоднозначности. Впервые в сознании Чемберлена и его французских партнеров стало брезжить понимание гугенберговского опыта: что этого «странного человека», как писал Галифакс, можно укротить и приручить только силой.

Прага означала своего рода поворотный пункт в карьере Гитлера, но в другом смысле: она была его первой почти за пятнадцать лет серьезной ошибкой. В тактическом плане он всякий раз достигал успехов благодаря способности придавать всем ситуациям столь многозначный характер, что этим разбивались как строй, так и воля к сопротивлению его противников. Теперь он впервые выступил во всей однозначности. Если до сих пор он всегда исполнял двойственные роли, разыгрывая, будучи противником, тайного союзника или же

---

¹¹⁰ Влтава — река на которой стоит Прага. — *Прим. науч. ред.*

¹¹¹ IMT. Bd. XXVIII. S. 377 (Dok. 1780-PS).

¹¹² См.: *Wendt B.-J.* München. S. 72.

начиная устранение определенного состояния под лозунгом его защиты, то теперь он без увиливаний показал свою самую сокровенную сущность. В Мюнхене он еще раз, хотя уже скрепя сердце, осуществил «фашистскую схему», то есть добился триумфа над одним противником при помощи другого. Ноябрьский погром 1938 года знаменовал первый отказ от этого тактического приема периода его успехов; Прага устранила все сомнения в том, что он был врагом всех.

В силу природы его тактики первая же ошибка стала непоправимой. Гитлер сам осознал позже роковое значение своего захвата Праги. Но его нетерпение, его высокомерие и далеко идущие планы не оставляли ему иного выбора. На следующий день после оккупации Праги он поручил Геббельсу проинструктировать прессу: «Использование понятия “Великогерманская мировая империя” нежелательно... оно будет использоваться позже». Готовя в апреле празднование своего пятидесятилетнего юбилея, он приказал Риббентропу «пригласить ряд зарубежных гостей, в том числе как можно больше трусливых гражданских и демократов, которым я покажу парад самой современной из всех имеющихся ныне армий»¹¹³.

Глава IV

РАЗВЯЗЫВАНИЕ ВОЙНЫ

Во мне всегда жила мысль о том, чтобы ударить.

Адольф Гитлер

Начиная с весны 1939 года обращает на себя внимание неспособность Гитлера тормозить собственную динамику. Безошибочное чувство темпа, которое он доказал несколько лет назад в ходе завоевания власти, начало теперь покидать его, уступая место неврастеническому порыву к действию. При тогдашней слабости и разрозненности своих противников он смог бы, бесспорно, реализовать все свои притязания на пересмотр существующего положения и предположительно даже

---

¹¹³ *Kordt E. Wahn und Wirklichkeit. S. 153; по поводу более поздней критики Гитлером Пражской операции см.: Le Testament politique de Hitler, p. 119 f. Поручение проинструктировать прессу, данное 16 марта 1939 года, см.: Hillgruber A. Hitlers Strategie. S. 15.*

часть своей далеко идущей концепции завоевания «жизненного пространства» при помощи тактики прикрытия со стороны консервативных держав, которая до тех пор сослужила ему столь исключительную службу. Теперь он отказался от нее — отчасти из азарта, отчасти под разлагающим воздействием своего успеха как политика, выросшего на протесте, привыкшего думать категориями «неприемлемых притязаний», отчасти из лихорадочного нетерпения. Гений фюрера заключается в умении ждать, уверяла пропаганда режима. Теперь Гитлер больше не желал ждать.

Уже спустя неделю после вступления в Прагу он отправился в Свинемюнде и, вступив на борт броненосца «Дойчланд», взял курс на Мемель¹. Небольшой портовый город у северной границы Восточной Пруссии был аннексирован в 1919 году в сумятице послевоенного времени Литвой, предъявление требований о его возврате стало теперь лишь вопросом времени. Но чтобы придать этому акту драматизм и элементы триумфа, Гитлер дал указание довести 21 марта до сведения правительства в Каунасе требования «прибыть завтра самолетом» в Берлин для подписания документа о передаче города. Сам он, еще не будучи уверенным в ответе, вышел в море. Пока Риббентроп «гахаизировал» литовскую делегацию, он, мучимый морской болезнью и плохим настроением, запрашивал двумя нетерпеливыми радиogramмами с борта «Дойчланда», может ли подойти к городу мирно или же придется прокладывать путь корабельными пушками. 23 марта, примерно в половине второго ночи, Литва согласилась отдать город, и в полдень Гитлер въехал в Мемель — вновь под ликование толпы.

Двумя днями раньше фон Риббентроп пригласил к себе польского посла в Берлине Юзефа Липского и предложил ему провести переговоры по широкому аспекту вопросов урегулирования германо-польских интересов². Не без особой настойчивости он вернулся к различным требованиям, которые

---

¹ Ныне Клайпеда на территории Литвы. — *Прим. науч. ред.*

² Здесь автор, чтобы подчеркнуть динамизм политики Гитлера после захвата Праги, смещает хронологию германо-польских отношений. Риббентроп действительно выдвинул перед Липским упомянутую программу «генерального урегулирования» двусторонних отношений, но это произошло не 21 марта 1939 года, а 24 октября 1938 года. В 20-х же числах марта в ходе нескольких встреч между Риббентропом и Липским окончательно выяснилась невозможность достичь соглашений на выдвинутых Гитлером условиях. — *Прим. пер.*

уже неоднократно предъявлялись: прежде всего вернуть вольный город Данциг и проложить экстерриториальное шоссе через Польский коридор. В качестве ответного шага он вновь предложил продление договора о ненападении 1934 года на 25 лет и предоставление формальных гарантий нерушимости границ. О том, сколь серьезным было отношение к этому предложению, свидетельствует одновременная попытка привлечь Польшу к Антикоминтерновскому пакту. Вообще линия Риббентропа при проведении всех этих переговоров была нацелена на укрепление взаимных связей с «явно выраженной антисоветской тенденцией». Один из проектов ноты МИДа довольно откровенно обещал Варшаве в виде доли добычи и вознаграждения за укрепление сотрудничества часть территории Украины. В полном соответствии с этой линией Гитлер в беседе с Браухичем 25 марта говорил о нежелательности насильственного решения Данцигского вопроса, однако считал все-таки заслуживающей обсуждения военную акцию против Польши при «особо благоприятных политических предпосылках»³.

У примечательного безразличия Гитлера к альтернативе — завоевание или союз — он хотел сохранить за собой возможность пойти и по первому, и по второму пути — была убедительная причина. Фактически Данциг его особенно не интересовал, этот город был лишь предлогом, которым он пользовался, чтобы поддерживать диалог с Польшей и, как он надеялся, наладить сотрудничество. Свое предложение он, вероятно, считал весьма заманчивым, ибо оно сулило Польше огромные приобретения в ответ на небольшую ответную услугу. Данциг был немецким городом, его отделение от рейха было уступкой в Версале потребности поляков в престиже, вес этих амбиций с годами падал, в перспективе Польша едва ли удержала бы город. Требование проложить магистраль между основной территорией рейха и Восточной Пруссией было небезосновательной попыткой как-то уладить проблему территориальной разобщенности, справедливость которой представлялась сомнительной. Однако то, чего Гитлер хотел на самом деле, было связано с последней великой целью всей его политики — завоеванием «жизненного пространства».

---

³ По всему этому комплексу вопросов см.: *Freund M. Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. Bd. II. S. 58 ff.*, а также: *Ursachen und Folgen. Bd. XIII. S. 151 ff.*

Дело в том, что одним из непреложных условий запланированного завоевательного похода на Восток была общая граница с Советским Союзом. До сих пор Германия была отделена от равнин России, на которые положил глаз Гитлер, поясом государств, простиравшимся от Балтийского до Черного морей: от стран Балтии до Румынии. Одно или несколько из них должны были стать районом стратегического развертывания сил для действий против России, иначе начать войну было невозможно. Теоретически это условие можно было осуществить одним из трех способов: он мог привлечь на свою сторону государства «Промежуточной Европы», заключив с ними союз, аннексировать некоторые из них или дать аннексировать их Советскому Союзу, который в таком случае, перешагнув старые границы, вошел бы в соприкосновение с Германией. В последующие месяцы Гитлер использовал все эти возможности. Изворотливость и хладнокровие, с которыми он на глазах лишившегося дара речи мира использовал по очереди эти приемы, в последний раз показывают Гитлера на вершине его тактических способностей.

После вторжения в Прагу, которое явно подвергло терпение западных держав суровому испытанию, он был, очевидно, решительно настроен на то, чтобы какое-то время не создавать новой напряженности и вернуться к прежнему положению при первой возможности. Он был намерен найти союзника в борьбе против СССР, так как серьезный конфликт с Западом создал бы угрозу всем далеко идущим целям. Среди государств «Промежуточной Европы» для его планов больше всего подходила, казалось, именно Польша. Она была авторитарным государством с сильными антикоммунистическими, антирусскими и даже антисемитскими тенденциями. Налицо была «надежная общность»⁴, которая могла стать основой общей экспансии под немецким руководством. Кроме того, Польша поддерживала хорошие, защищенные пактом о ненападении, отношения с Германией, которым Гитлер сам расчистил дорогу.

Вследствие этого, от ответа польского правительства на предложения Риббентропа зависело гораздо большее, чем

---

⁴ Выражение Себастьяна Хафнера из очень живого и остроумного эссе «Пакт с дьяволом», где рассматриваются также и три представленные возможными вариантами гитлеровской политики: *Haffner S. Der Teufelspakt. S. 92.*

обычная сделка, и, конечно, нечто гораздо большее, чем удовлетворение одного из планов ревизии существующего устройства. Для Гитлера на кону стояла ни много ни мало сама идея «жизненного пространства». Лишь в этом контексте становятся понятными упорство и радикальная последовательность, которые он проявил в этом вопросе. Дело для Гитлера действительно обстояло так: все или ничего.

Однако Польша была крайне озадачена немецкими предложениями, ибо они создавали угрозу всей политике, которую она проводила до сих пор, и делали ее без того критическое положение еще более сложным. До последнего времени эта страна видела условия своего благополучия в строжайшем равновесии между двумя ее соседями-колоссами — Германией и Россией, временное бессилие которых позволило ей в 1918 году не только восстановить свою государственность, но даже в последующий период расширить свою территорию за их счет. За свою долгую историю Польша поняла, что ей следует бояться дружбы с любым из двух соседей в такой же степени, как и вражды с кем-либо из них. Теперь этот урок был важен, как никогда. Немецкое предложение резко шло вразрез с этим кардинальным принципом польской политики.

Эта очень опасная ситуация требовала большей мудрости, большего чувства баланса и умения приспосабливаться, чем те, которые мог проявить романтический народ, чувствовавший себя униженным на протяжении веков. В целом Польша, будучи поставленной перед выбором, пожалуй, незначительно склонялась к Германии. Но новая Германия была беспокойнее и жаднее, чем Советский Союз, погрязший в схватках за власть, чистках и догматической схоластике. Министр иностранных дел Юзеф Бек, человек скользкий и любящий интриги, который словно отчаянный жонглер вел дерзкую игру с пятью мячами, еще больше усложнил положение, выдвинув честолюбивые планы «Третьей Европы». Он стремился к созданию нейтрального блока стран от Балтийского моря до Геллеспонта под польским руководством. Он хотел извлечь выгоду для самой Польши как раз из агрессивной политики Гитлера. Его внешне осторожная прогерманская политика была втайне нацелена на то, чтобы «методично усиливать тенденцию немцев совершать ошибки», она строилась в надежде «не только на безоговорочное включение Данцига в состав польского государства, но на гораздо большее — на всю Восточную Пруссию, Силезию, более того — на Помера-

нию..., нашу Померанию», как стали скоро говорить все чаще и откровеннее⁵.

Тайные польские великодержавные мечты были подоплекой того неожиданного резкого отказа, которым ответил Бек в конце концов на предложение Гитлера, вызываясь связав это с мобилизацией нескольких дивизий в приграничных областях. Если подходить к делу строго объективно, то вряд ли он считал немецкие требования неоправданными. Данциг, как признавал он, был для Польши своего рода символом⁶. Однако всякая уступка должна была восприниматься как отход от кардинальных установок всей польской политики — ее стремления к равновесию и ограниченной гегемонии. По этой причине исключался единственный тактический выход из сложившегося положения — выиграть время, пойдя на частичные уступки. С другой стороны, Бек и правительство в Варшаве опасались, что за первыми требованиями Гитлера последуют все новые претензии, так что обеспечить непоколебимость собственной позиции мог только принципиальный отказ. Короче говоря, Польша оказалась в своей исконной позиции: у нее не было никакого выбора.

Эта дилемма проявилась и в том, что Бек 23 марта отклонил британское предложение заключить соглашение о консультациях между Великобританией, Францией, СССР и Польшей, потому что он не хотел вступать ни в какую группировку, в состав которой входил бы Советский Союз. Он отказался от союза с рейхом, имеющим антисоветскую направленность, и еще менее был готов заключить союз антигерманской направленности с СССР. Он не видел, что в обостренной Гитлером ситуации должен был выбирать: точно так же как с этого момента от СССР была только одна фатальная защита — обратиться к Германии, так и от немецких требований его могла спасти только поддержка Советского Союза. Он хорошо знал, и СССР впервые подтвердил это подозрение в коммюнике ТАСС от 22 марта, что принять эту поддержку означало поставить на себе крест. Бек был готов скорее погибнуть, чем воспользоваться защитой векового восточного угнетателя Польши. В политическом плане его гордость ос-

---

⁵ *Burckhardt C.J.* Op. cit. S. 157.

⁶ Это следует из протокола переговоров между Бекком и Чемберленом с участием Галифакса 4.4.1939; см.: *Freund M.* Weltgeschichte. Bd. II. S. 122.

новывалась на догме о непреодолимой природе германо-советского противоречия. Но, отвергнув оба соседних государства, он, вопреки своей воле, создал предпосылки для сближения между ними. Начал формироваться фронт сил, направленных на развязывание войны.

В то же время самоуверенность Бека подкреплялась позицией британского правительства. Все еще задетый вторжением Гитлера в Прагу, Чемберлен решился в конце марта на своего рода шаг отчаяния. На основании некоторых неподтвержденных известий о внезапном немецком нападении на Данциг, он запросил Варшаву, не возражает ли Польша против объявления британской стороной о гарантиях. Вопреки предупреждениям некоторых своих более проницательных соотечественников, считавших «ребячески наивным и одновременно неджентльменским шагом предлагать государству, которое находится в таком положении, как Польша, обострение отношений с таким сильным соседом, как Германия»⁷, Бек незамедлительно согласился. Для принятия этого решения ему, как он позже заверял, потребовалось не больше времени, чем надо было, чтобы стряхнуть пепел сигареты. 31 марта Чемберлен выступил со знаменитым заявлением перед членами Палаты общин. Он заявил, что Англия и Франция «в случае какой-либо акции, которая явно угрожает польской независимости,.. считают своим долгом незамедлительно оказать польскому правительству всю имеющуюся в их распоряжении помощь»⁸.

Это обещание поддержки ознаменовало поворот в политике на этом этапе: Англия решила безусловно дать отпор экспансионистским устремлениям Гитлера, где бы, когда бы и в каком бы вопросе они ни проявлялись. Это было чрезвычайное и внушающее к себе уважение решение, которому в такой же степени не хватало мудрости, в какой оно обладало пафосом. Источник его возникновения — аффект разочарованного человека — был слишком явным, и его критики уже самого начала указали на присущую ему проблематичность: оно не требовало от поляков ответных гарантий на тот случай, если Гитлер нападет на какую-нибудь другую европейскую страну, не заставило их вступить в переговоры о помощи с СССР, участие которого должно было иметь решающее зна-

---

⁷ См.: *Freund M. Weltgeschichte*. S. 97.

⁸ *Ebd.* S. 101 f.

чение. Кроме того, оно отдавало вопрос о войне и мире в Европе на решение группке упрямых людей в Варшаве, людей с обостренными национальными чувствами, только что действовавших заодно с Гитлером против Чехословакии и предавших принципы независимости, на которые они теперь столь рьяно ссылались.

Принятое Чемберленом 31 марта решение заставляло, однако, и Гитлера по-новому взглянуть на вещи. В британских гарантиях он видел не только полномочия эксцентричным полякам втягивать, как им заблагорассудится, Германию в военные действия. Еще более существенным был тот момент, что Англия в его глазах теперь окончательно определилась как противник, который не давал «зеленый свет» на движение на Восток и явно был исполнен решимости вступить в схватку не на жизнь, а на смерть. Мандат буржуазных держав на войну с СССР — теперь это было ясно — получить было нельзя, что, следовательно, ставило под вопрос всю его великую концепцию. Судя по всему, этот последний мартовский день дал ему толчок для того радикального поворота, который намечался с конца 1936 года в различных высказываниях, но все время откладывался. Теперь он действительно переходил, как он сказал незадолго до того, к «ликвидации своего юношеского труда»⁹: он не только прекратил ухаживание за Англией, которое было отвергнуто, но и сделал вывод, что, отправляясь на завоевание «жизненного пространства» на Восток, он всегда будет встречать сопротивление Англии, и ему придется сперва победить островное королевство. Из стремления избежать войны на два фронта вытекало, таким образом, еще одно следствие: надо добиваться временного взаимопонимания с завтрашним противником. Обстоятельства сложились так, что поведение поляков открывало теперь перед ним такую возможность: союз с СССР стал достижимым.

Политика Гитлера в последующие месяцы была строго последовательным широкомасштабным маневром по осуществлению этого поворота и созданию новых фронтов в Евро-

---

⁹ Так выразился Гитлер в беседе с южноафриканским министром Пайроу 24.11.1938; ADAP. Ser. D. Bd. IV. Dok. 271: «Он всю свою жизнь боролся за взаимопонимание между Германией и Англией. Он изложил это в книге „Майн Кампф“... однако англичане ни с кем не обошлись так подло, как с ним, фюрером... В конечном счете он, скрепя сердце, стал действовать вопреки труду своей молодости, когда заметил, что Англия не идет навстречу».

пе в соответствии с его тактическими соображениями. Адмирал Канарис, который был у Гитлера, когда поступило известие об английских гарантиях для Польши, вспоминал, что Гитлер воскликнул: «Я заварю им такое сатанинское зелье, что у них глаза на лоб ползут»¹⁰. Уже на следующий день он использовал спуск на воду линейного корабля «Тирпиц» в Вильгельмсхафене для того, чтобы выступить с речью против британской «политики окружения» Германии. Гитлер угрожал «государствам-сателлитам, единственная задача которых — быть орудиями против Германии» и объявил о расторжении германо-английского морского договора:

«В свое время я заключил с Англией соглашение, морское соглашение. Оно основывается на имеющемся у всех нас горячем желании не воевать с Англией. Но это желание может быть только обоюдным. Если у Англии такого стремления больше нет, то практические предпосылки этого соглашения таким образом исчезли. Германия воспринимает это абсолютно спокойно! Мы уверены в себе, потому что мы сильны, потому что сплочены... Тот, кто не имеет мощи, лишается права на жизнь!»¹¹.

Все лично встречавшиеся с Гитлером в это время рассказывают о его яростных нападках на Англию¹². Имперское министерство пропаганды в начале апреля дало указание изображать Англию самым опасным противником Германии. Одновременно Гитлер прекратил переговоры с Польшей, статс-секретарю Вайцзеккеру он поручил передать Беку, что прежнее предложение было единственным и окончательным, тем самым делался намек на предъявление новых, пока еще неясных претензий. Словно чтобы подчеркнуть серьезность ситуации, он внезапно стал опять проявлять интерес к положению немецкого меньшинства в Польше, которым он пренебрегал в те годы, когда оно вместе с евреями было главной жертвой старых обид и шовинистического гонора поляков.

Самым серьезным выводом, который сделал Гитлер из нового положения, явилась все-таки директива вермахту от 3 апреля, которая получила кодовое название «План “Вайс”»:

---

¹⁰ По свидетельству Г. Б. Гизевиуса: *Gisevius H.B. Bis zum bitteren Ende. Bd. II. S. 107.*

¹¹ *Domarus M. Op. cit. S. 119 ff.*

¹² См., например: *François-Poncet A. Op. cit. S. 397*, а также: *Gafencu G. Derniers jours de l'Europe. P. 98 ff.* К изложенному ниже см.: *Ursachen und Folgen. Bd. XIII. S. 211 f., 214 f.*

«Позиция Польши на данном этапе требует от нас осуществления военных приготовлений, чтобы при необходимости устранить всякую угрозу с этой стороны даже в отдаленном будущем.

Отношения Германии с Польшей и в дальнейшем должны строиться с учетом нежелательности всяких трений. Но если Польша по отношению к Германии изменит свою политику, основывавшуюся до сих пор на тех же принципах, что и наша политика в отношении Польши, и займет позицию, создающую угрозу рейху, то, несмотря на существующий договор, может оказаться необходимым окончательное решение проблемы.

Целью в этом случае будет: разбить польские вооруженные силы и создать на Востоке такую обстановку, которая соответствовала бы потребностям обороны страны. Вольный город Данциг будет объявлен частью Германского рейха не позднее, чем в момент начала конфликта...

Основные цели строительства германского вермахта и в дальнейшем будут определяться враждебностью западных демократий. План «Вайс» представляет лишь предварительную меру в системе подготовки к будущей войне»¹³.

Во вводной части к этому документу была ссылка на распоряжение Гитлера, согласно которому «подготовка должна проводиться с таким расчетом, чтобы обеспечить проведение операции в любой момент, начиная с 1 сентября 1939 года.

Хотя внешне все оставалось неизменным, казалось, что Европу охватило нервное напряжение. В Германии пропагандистская кампания перевела агрессивные высказывания Гитлера в крикливую агитацию, в Польше и впервые в Англии прошли более или менее резкие антигерманские демонстрации, итальянская гордость была задета тем, что какое-то время страна не участвовала в сражах и драках Европы. Теперь о себе напомнил и Муссолини, правда акцией, которая, ввиду своей ограниченности, не должна была поставить под сомнение силы и моральный дух итальянской армии. 7 апреля 1939 года войска дуче напали на маленькую Албанию. Повторя вызывавший зависть немецкий образец, он установил над ней протекторат: ему было просто необходимо тоже «получить что-нибудь», сообщил он незадолго до этого Берлину. Вследствие этого западные державы предоставили теперь гарантии безопасности также Греции и Румынии. Когда затем Германия

---

¹³ IMT. Bd. XXXIV. S. 380 ff. (Dok. 120-C).

предостерегла малые европейские страны перед «опасностью поддаваться соблазнам британцев» и тем самым еще больше усилила нервозность, впервые после многолетней изоляции от дел мировой политики заявили о себе Соединенные Штаты. 14 апреля президент Рузвельт направил Гитлеру и Муссолини письмо с призывом дать на 10 лет гарантии ненападения в отношении перечисленных ниже 31 государства. Если Муссолини поначалу отказался вообще принимать к сведению это послание, то Гитлер испытывал глубокое удовлетворение, получив этот неожиданный вызов. Со времени своего первого выступления перед публикой он эффективнее всего проявлял свой дар оратора в полемике, а наивная демагогия рузвельтовского обращения, где перечислялись страны, с которыми ни Германия, ни Италия не имели общих границ или тем более разногласий (в том числе Ирландия, Испания, Турция, Ирак, Сирия, Палестина, Египет и Персия), чрезвычайно облегчала Гитлеру его задачу. В заявлении Германского информационного бюро, переданном по его указанию, сообщалось, что он даст свой ответ в выступлении перед Рейхстагом.

Речь Гитлера 28 апреля была одной из важнейших вех развития европейского кризиса: она фактически перевела стрелки на войну. По опробованной схеме эта речь была полна заверений в миролюбии и жестов — проявлений собственной кротости, содержала громкие клятвы в невиновности и хранила молчание о всех подлинных намерениях. Гитлер еще раз попытался сыграть роль выразителя программы ограниченной и умеренной ревизии на Востоке, обращало на себя внимание отсутствие нападок, изображающих Советский Союз сатанинской силой. Одновременно он продемонстрировал весь свой сарказм, свою гипнотическую логику и умение склонять на свою сторону, так что некоторые наблюдатели охарактеризовали речь как «вероятно, самую блестящую из всех, с которыми он когда-либо выступал»¹⁴. Свои нападки на Англию он сочетал с выражением восхищения Британской империей, заверял Польшу — вопреки всем разочарованиям — в своей неизменной готовности к переговорам и разразился резкими выпадами против «международных поджигателей войны», «provokаторов» и «врагов мира», стремящихся на вербовать «против Германии ландскнехтов из числа европейских демократий» и тех «магов Версаля,

---

¹⁴ *Shirer W.L.* Op. cit. S. 438; аналогично высказывается и Буллок: *Bullock A.* Op. cit. S. 506.

которые из злости или из безрассудства расставляют по Европе сотни пороховых бочек». И затем он подошел к кульминационному пункту: под взрывы восторга и раскаты смеха — к полемике с американским президентом.

Гитлер поделил письмо Рузвельта на 21 пункт, на которые он отвечал раздел за разделом. Американский президент, заявил он, указал на общий страх перед войной, но ведь Германия не участвовала ни в одной из 14 войн, которые прошли после 1919 года, — их вели государства «западного полушария», от имени которых выступил президент. Германия не имела также никакого отношения к 26 насильственным и кровавым интервенциям этого периода, в то время как США имели на своем счету шесть случаев военного вмешательства. Далее президент ратует за решение всех проблем с помощью конференций, но та же самая Америка выразила в самой резкой форме неверие в эффективность конференций, покинув Лигу Наций, «величайшую конференцию всех времен», куда, кстати, вероломным образом не допускали Германию. Несмотря на этот «самый горький опыт», страна только при его правительстве последовала примеру США. Президент выступает поборником разоружения, но Германия навсегда усвоила урок бессмысленности этой затеи после того, как она появилась в Версале безоружной за столом переговоров и «с ней обращались с еще меньшим уважением, чем раньше с вождями индейцев сиу». Рузвельт проявляет такой интерес к намерениям Германии в Европе, что напрашивается встречный вопрос: какие цели преследует американская внешняя политика в отношении государств Центральной и Южной Америки? Господин президент, конечно, воспринял бы такой вопрос как бестактный и сослался бы на доктрину Монро¹⁵; и хотя германское правительство сочло бы естественным поступить так же, оно обратилось к каждому из названных Рузвельтом государств и запросило, ощущают ли они угрозу со стороны Германии. Ответ был «сплошь отрицательным»; правда, издевательски продолжал Гитлер, «до некоторых из указанных

---

¹⁵ Доктрина Монро — декларация принципов внешней политики США. Имела форму послания президента США Джеймса Монро Конгрессу (2.12.1823). Объявлялось, что мир разделен на европейскую и американскую системы, причем декларировалось, что Северная и Южная Америка являются зоной интересов исключительно США, а не «объектами для будущей колонизации любой европейской державой». — *Прим. науч. ред.*

государств и наций этот мой вопрос не мог быть доведен, потому что они, как, например, Сирия, в настоящее время не свободны, а оккупированы вооруженными силами демократических государств и тем самым находятся в бесправном положении». Тем не менее германское правительство готово дать каждому из указанных государств гарантии ненападения, если они сами того пожелают. Затем он продолжил:

«Господин президент Рузвельт! Я вполне понимаю, что внушительные размеры Вашего государства и колоссальное богатство Вашей страны позволяют Вам чувствовать себя ответственным за судьбы всего мира, за судьбы всех народов. Я, господин президент Рузвельт, поставлен в гораздо более скромные и ограниченные рамки. Я не могу чувствовать себя ответственным за судьбу того мира, которому была безразлична плачевная судьба моего собственного народа. Я считал себя избранным Провидением для того, чтобы служить моему родному народу и вывести его из страшной нужды...

Я преодолел хаос в Германии, восстановил порядок, добился огромного роста производства во всех сферах нашей национальной экономики... Мне удалось опять вернуть к полезному труду все семь миллионов безработных, участь которых так волновала всех... Я объединил немецкий народ не только в политическом отношении, но и укрепил его военный потенциал, далее я стремился аннулировать страница за страницей тот договор, который в своих 448 статьях содержит самое гнусное насилие, которое когда-либо свершалось над народом и людьми. Я вернул рейху грабительски отнятые у нас в 1919 году провинции, вернул в состав Родины миллионы насильственно оторванных от нас, глубоко несчастных немцев, восстановил тысячелетнее историческое единство немецкого жизненного пространства, и все это, господин президент, я стремился делать, не проливая крови и не обрушивая на свой народ или другие нации бедствия войны.

Этого я добился, господин президент, собственными силами. Еще 21 год тому назад я был никому не известным рабочим и солдатом моего народа... Вам, господин президент, было гораздо легче. Когда я стал в 1933 году рейхсканцлером, Вы стали президентом Соединенных Штатов, с первого момента встав во главе одного из самых крупных и богатых государств мира... Поэтому у Вас, благодаря масштабам Вашей страны, было время заняться на досуге универсальными проблемами. Мой мир, господин президент Рузвельт... простран-

ственно намного уже. Он охватывает только мой народ. Но я считаю, что тем самым я, скорее всего, могу служить идеалам, дорогим нам всем: справедливости, благосостоянию, прогрессу и миру всего человеческого сообщества!»¹⁶

Речь Гитлера содержала, однако, не только риторические эффекты, но и серьезное политическое решение. Двумя днями раньше Англия ввела всеобщую воинскую повинность, и в ответ на это Гитлер расторг германо-английское морское соглашение и договор с Польшей. Несмотря на весь драматизм, это заявление не имело непосредственных последствий, оно было лишь политическим жестом. Но тем самым Гитлер аннулировал содержавшееся в соглашениях такого рода обещание решать все спорные вопросы мирным путем. Скорее всего, этот жест можно было сравнить с гарантиями, обещанными западными державами Польше, или демаршем Рузвельта — это было моральное объявление войны. Противники заняли позиции.

Свою речь Гитлер произнес 28 апреля, а 30 апреля британский посол в Париже спросил французского министра иностранных дел Бонне, «что его превосходительство думает о несколько жутковатом молчании господина Гитлера относительно России». И действительно, Советский Союз, который до сих пор постоянно маячил жутковатой тенью на периферии европейской политики, начал выдвигаться в центр событий. Сдержанность Гитлера, а так же внезапно развернувшаяся активность западных держав в отношении Москвы, были симптомами изменяющегося положения. Тем самым началось тайное соревнование за союз, подогреваемое со всех сторон недоверием, страхом и ревностью, его исход должен был решить исход в пользу войны или мира.

Первый ход сделала 15 апреля Франция, предложив Советскому Союзу переработать двусторонний договор 1935 года с учетом изменившегося положения в мире. Ибо система коллективной безопасности, которую умиротворители сначала позволили Гитлеру выбить из своих рук во времена прекраснодушных заблуждений, а теперь спешно пытались построить заново, могла обрести устрашающее действие и убедить Гитлера в бесперспективности насильственных действий только благодаря участию Москвы. Однако переговоры, к которым вскоре присоединилась и Англия, страдали от недоверия участников. Сталин не без оснований сомневался в

---

¹⁶ *Domarus M.* Op. cit. S. 1148 ff.

решимости западных держав к сопротивлению, в то время как западные державы в свою очередь, прежде всего Англия в лице Чемберлена, не могли преодолеть глубоко укоренившегося предубеждения, которое буржуазный мир испытывал к стране пролетарской диктатуры. Кроме того, заинтересованность Москвы уменьшилась, поскольку неловкая дипломатия Запада и так уже обязалась оборонять все предполье Советского Союза от Балтийского до Черного моря.

Кроме того, позиция западных держав на переговорах осложнялась постоянными помехами со стороны восточно-европейских наций, которые горячо противились всякому союзу с СССР и рассматривали его обещание гарантий как собственную неизбежную гибель. И действительно, западные дипломаты вскоре убедились, что Москву можно было привлечь на свою сторону лишь значительными территориальными и политическими уступками, которые не столь уж сильно отличались от тех, что они не желали предоставить Гитлеру. Поскольку усилия западных держав исходили из принципа защиты малых стран от экспансионистской политики больших, они должны были столкнуться с неразрешимой дилеммой. «На основании этих принципов, — верно охарактеризовал французский министр иностранных дел это сложное положение, — договор с Кремлем не заключить, ибо это не принципы Кремля. Где нет общности принципов, вести переговоры на их основе нельзя. Здесь может господствовать древнейшая форма человеческих взаимоотношений: насилие и обмен. Можно договориться о балансе интересов: есть надежды приобрести выгоды и желание избежать ущерба, есть стремление захватить добычу и не подвергнуться насилию. Все это может быть уравновешено: ход за ходом, наличное за наличное... Однако западная дипломатия являет картину пре-краснодушного и мечтательного бессилия»¹⁷.

В этом свете стоит рассматривать ход переговоров в последующие месяцы, прежде всего по-прежнему спорный вопрос: стремилась ли серьезно советская сторона к договоренности или же только намеревалась остаться в стороне от явно надвигающегося конфликта, даже подогревать его, чтобы с большими, чем когда-либо шансами на успех нести в измотанную, разрушенную Европу неизменную идею революции. Еще ведя вялотекущие переговоры, затягивающиеся из-за все

---

¹⁷ Цит. по: *Freund M. Weltgeschichte. Bd. II. S. 273 f.*

новых сомнений Запада, Советский Союз начал рискованную двойную игру с Германией. После того как речь Сталина 10 марта дала первый сигнал, СССР неоднократно обращался к правительству рейха, изъявляя заинтересованность в урегулировании отношений на новой основе, идеологические разногласия, как он объяснил, «не должны... мешать». Сталин сместил многолетнего главу внешнеполитического ведомства, человека западной ориентации и еврея по национальности Литвинова, который в национал-социалистической пропаганде фигурировал не иначе, как «еврей Финкельштейн»¹⁸. Его место занял Молотов, после чего Москва запросила Берлин, может ли эта замена позитивно сказаться на немецкой позиции¹⁹. Нет никаких оснований предполагать, что руководителям советского государства оставалась неизвестной постоянно подчеркиваемая Гитлером цель: большая война на Востоке, завоевание мировой империи за счет России. Тем не менее они, судя по всему, были готовы допустить огромное усиление мощи гитлеровской империи и в данный момент даже его первый шаг в экспансии на Восток. Среди их мотивов надо прежде всего выделить тревогу, что капиталистические и фашистские державы, несмотря на сиюминутную вражду, все-таки договорятся о том, что немецкая динамика будет направлена против общего врага на Востоке. Вместе с тем Советский Союз после окончания Первой мировой войны, когда он утратил свои западные и балтийские провинции, тоже считал себя «державой, выступающей за пересмотр сложившегося порядка»²⁰. Сталин явно ожидал, что Гитлер скорее поймет стремление Советского Союза отвоевать утраченное и отнесется к нему «сочувственнее», чем считающиеся с условностями государственные деятели Запада с их совестливостью, принципами и всей их моральной мелочной возней. Страх и стремление к экспансии — два основных мотива Гитлера, были главными и для Сталина.

---

¹⁸ Настоящие имя и фамилия Максима Максимовича Литвинова (5.7.1876—31.12.1951) были Меер-Генох Мовшевич Валлах. Пост наркома иностранных дел он потерял 3 мая 1939 года. — *Прим. науч. ред.*

¹⁹ Из записи советника-эксперта Юлиуса Шнурре 5.5.1939 о беседе с советским временным поверенным в делах в Берлине Георгием Астаховым; см.: ADAP. Ser. D. Bd. VI. S. 355; затем см. запись фон Вайцзеккера о переговорах с советским полпредом Мерекаловым 17.4.1939. Ebd. Dok. 215.

²⁰ *Bracher K.D. Diktatur. S. 345.*

В тактическом отношении инициативы Москвы оказались для Гитлера как нельзя кстати. Конечно, антибольшевизм был одной из основ его политических воззрений. Если мотив страха действительно являлся для него одной из элементарных движущих сил, то коммунистическая революция постоянно снабжала действующими на воображение картинами ужаса: он тысячи раз говорил о «фабриках по уничтожению людей» в России, «выжженных деревнях», «опустевших городах» с разрушенными церквями, об изнасилованных женщинах и палачах из ГПУ, акцентируя «колоссальную дистанцию» между национал-социализмом и коммунизмом, которая никогда не будет преодолена²¹. В отличие от не отягощенного подобными мотивами Риббентропа, который уже вскоре после сталинской речи от 10 марта стал выступать за сближение с Советским Союзом, Гитлер колебался. На него давил груз идеологии, и во время растянувшихся на месяцы переговоров он снова и снова проявлял нерешительность. Он несколько раз разрывал контакты. Лишь глубокое разочарование поведением Англии, а также огромный тактический выигрыш, возможность избежать кошмара войны на два фронта при нападении на Польшу побудили его в конце концов отбросить все сомнения. Как Сталин начинал отчаянную игру с «фашистской мировой чумой», рассчитывая в конечном счете на триумф, так и Гитлер успокаивал себя мыслью загладить вероотступничество будущей схваткой с Советским Союзом — эти намерения по-прежнему оставались в силе. Кроме того, это давало возможность создать предпосылку для войны с СССР — общую границу: «это пакт с сатаной, чтобы изгнать дьявола», — говорил он немного позднее в узком кругу. Еще 11 августа, за несколько дней до сенсационной посадки Риббентропа в Москву, одному зарубежному гостю он заявил с откровенностью, которую едва ли мыслимо понять: «Все, что я делаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, я буду вынужден договориться с русскими, разбить Запад, и затем, после его поражения, собрав все силы, обратиться против Советского Союза»²². Несмотря на весь цинизм, всю неразборчивость в

---

²¹ *Domarus M.* Op. cit. S. 509.

²² *Burckhardt C. J.* Op. cit. S. 348. О нерешительности и колебаниях Гитлера см.: *Ebd.* S. 325 f., а также: *Bullock A.* Op. cit. S. 518. Реплика о «Пакте с сатаной» прозвучала на совещании 28 августа; см.: *Halder F.* КТВ. Bd. I. S. 38.

тактических средствах, Гитлер был слишком идеологизирован, чтобы, не колеблясь, следовать только объективной логике своих планов. Он никогда не мог полностью забыть, что пакт с Москвой был лишь второсортным решением.

И как будто снова ему стала покровительствовать судьба — произошли события, значительно улучшившие его позицию. Обеспокоенный известиями о надвигающемся конфликте, Чиано пригласил в начале мая Риббентропа в Милан и заклинал его отложить начало войны по меньшей мере года на три ввиду недостаточной подготовленности Италии. Германский министр иностранных дел заверил его, что большая схватка запланирована только «после долгого периода мира в 4—5 лет». Когда же в ходе расплывчатого обмена мнениями были выявлены и другие совпадающие точки зрения, в переговоры неожиданно включился, по своей прихоти, Муссолини. Долгие годы он из глухого чувства тревоги отказывался оформить отношения с Германией в соглашении о союзе с конкретными обязательствами. Теперь же он приказал Чиано без проволочек сразу объявить, что Германия и Италия договорились о военном союзе. И если Гитлер, вероятно, мог рассчитывать на то, что этот пакт ослабит решимость западных держав поддерживать Польшу, то для Муссолини союз мог иметь только катастрофические последствия. Справедливо указывалось на то, что он был обязан завоеванием всего того, что ему позволили захватить, поддержке со стороны Германии и что теперь все его интересы должны были направляться на закрепление приобретенного соглашением с западными державами²³. Вместо этого он безусловно связал судьбу страны с более сильной, решительно настроенной на войну державой, и низвел себя до положения вассала: отныне он должен, по его продиктованным избытком чувств словам, произнесенным в Берлине, идти с Гитлером «до конца». Так называемый «Стаальной пакт» обязывал каждого из партнеров оказать военную поддержку другому в случае начала военных действий. Пакт не делал различия между агрессором и подвергавшимся нападению, между наступательными и оборонительными действиями и оговаривал военную поддержку без всяких условий. Увидев впервые немецкий проект, который позже почти без изменений стал текстом документа, Чиано сказал: «такого договора я еще никогда не читал. Это настоящий динамит». Пакт был подписан

---

²³ *Nolte E. Faschismus. S. 286.*

22 мая 1939 года в берлинской Имперской канцелярии в рамках большого церемониала. «Я увидел доброго, очень веселого, не столь агрессивного Гитлера, — записывал итальянский министр иностранных дел, — он немного постарел. Круги вокруг глаз стали темнее. Он мало спит. Все меньше и меньше»²⁴. Сам Муссолини, похоже, воспринял доклады своей берлинской делегации не без озабоченности, ибо уже восьмью днями позже он обратился к Гитлеру с памятной запиской, в которой он еще раз подчеркивал требование Италии относительно периода мира на несколько лет и рекомендовал «подрывать внутреннюю сплоченность врагов содействием антисемитским движениям, поддержкой пацифистских... подогреванием автономистских устремлений (Эльзас, Бретань, Корсика, Ирландия), ускорением разложения нравов и подстрекательством колониальных народов к восстанию»²⁵.

Муссолини не подозревал, сколь обоснованны были его тревоги. Уже на следующий день после подписания «Сталинского пакта» Гитлер собрал в своем рабочем кабинете в Имперской канцелярии главнокомандующих сухопутными войсками, ВМС и ВВС и изложил, судя по записям главного адъютанта подполковника Шмундта, свои представления и намерения. С исключительной точностью он предсказал ход первой фазы войны, ошеломляющий прорыв в Голландию и Бельгию, а затем, в отличие от стратегии Первой мировой войны, бросок не на Париж, а к портам пролива, чтобы незамедлительно развернуть блокадную войну с бомбардировками против Англии, которая в этой речи фигурировала в качестве действительно главного противника. Он сказал:

«80-миллионный народ разрешил идеологические проблемы. Должны быть разрешены и экономические проблемы... Для их решения требуется мужество. Принцип ухода от их решения путем приспособления к существующим условиям неприемлем. Наоборот, надо условия приспособлять к требованиям. Сделать это без вторжения в чужие государства или нападения на чужую собственность невозможно...

Данциг — отнюдь не тот объект, из-за которого все принимается. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на Востоке и об обеспечении продовольствием — другой возможности в Европе нет... Таким образом, воп-

---

²⁴ *Ciano G. Op. cit. S. 92, 89.*

²⁵ *ADAF. Ser. D. Bd. VI. S. 514 ff.*

рос о том, чтобы пощадить Польшу, отпадает, и остается решение при первой подходящей возможности напасть на нее.

О повторении Чехии нечего и думать. Дело дойдет до схватки. Задача — изолировать Польшу. Изоляция имеет решающее значение... нельзя допустить одновременного столкновения с Западом...

Принцип: столкновение с Польшей, начатое нападением на нее, приведет к успеху только в том случае, если Запад останется вне игры. Если это невозможно, то лучше напасть на Запад и при этом одновременно покончить с Польшей...

Война с Англией и Францией будет войной не на жизнь, а на смерть... Нас не вынудят вступить в войну, но нам самим без нее не обойтись²⁶.

С этого момента участились признаки приближающегося конфликта. 14 июня начальник 3-го командования сухопутных войск генерал Бласковиц приказал своим войскам закончить все приготовления по сосредоточению и развертыванию сил для кампании против Польши к 20 августа. Недели позже ОКВ представило план нападения, еще через два дня Гитлер отдал приказ разработать точные планы захвата целыми мостов в нижнем течении Вислы. Наконец, 27 июля была подготовлена директива по захвату Данцига. Не была установлена только дата.

Тем временем после продолжительной паузы немецкая печать вновь возобновила антипольскую кампанию. Согласно указанию Министерства пропаганды, «основной акцент надо было делать на террористических актах». Спустя несколько дней Геббельс приказал: «По-прежнему основной темой должны быть зверства поляков. Поверят ли народ и заграница в них — неважно. Главное — чтобы Германия не проиграла эту последнюю фазу войны нервов»²⁷.

Одновременно притязания рейха были расширены на весь Польский коридор, на Позен²⁸ и часть Верхней Силезии. Инцидент в Данциге, во время которого был убит один штурмовик, дал новую пищу агитации. Польское правительство реагировало с явно нарастающей непримиримостью, несдержанностью и упорствовало в том, чтобы говорить с рейхом ледяным

²⁶ IMT. Bd. XXXVII. S. 546 ff.

²⁷ См.: Booms H. Der Ursprung des Zweiten Weltkriegs — Revision oder Expansion? In: Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, 1965, H. 6. S. 349 f.

²⁸ Ныне Познань (Польша). — *Прим. науч. ред.*

тоном возмущенной великой державы. Различные признаки говорили о том, что оно постепенно начало свыкаться с мыслью о неизбежности войны. Не без демонстративных побочных намерений оно ужесточило инструкции данцигской таможенной службы, вызвав тем самым кризис, который в конце концов привел к обмену резкими нотами между Варшавой и Берлином. Провокации, предупреждения и ультиматумы сменяли друг друга, различные «цветные книги» были переполнены взаимными обвинениями. В сам Данциг стали прибывать «в качестве предвестников несчастья и бури» многочисленные любители драк, которые еще более обостряли кризис стычками или раздутыми сообщениями: «повсюду хотят катастрофы», — отмечал в отчаянии итальянский посол Аттолико. Когда 8 августа немецкий посол в Париже прощался перед отпуском с французским министром иностранных дел, оба были в пессимистическом настроении. «Когда я слушал его, — писал позже Бонне, — у меня было чувство, что все уже решено. Он стал прощаться, и я понял, что больше я его не увижу»²⁹.

Тремя днями позже в Оберзальцберг для встречи с Гитлером прибыл Карл Якоб Буркхардт, верховный комиссар Лиги Наций в Данциге. Гитлер, описывал Буркхардт³⁰ позже, выглядел сильно постаревшим и поседевшим, он производил впечатление человека, боявшегося чего-то, и казался нервным. Он изображал возмущение высокомерной позицией поляков, которая в действительности была ему на руку, рассуждал, жаловался и угрожал, что при малейшем инциденте «разгромит поляков без предупреждения, так что потом от Польши и следов не останется. Я нанесу удар молниеносно всей мощью механизированной армии». Когда его гость ответил, что такое решение будет иметь следствием всеобщую войну, Гитлер возбужденно произнес: «Ну и пусть будет так. Если мне придется вести войну, то лучше сегодня, чем завтра». Над вооруженными силами Англии и Франции он может только смеяться, русскими его не запугать, то же самое с планами польского Генштаба, которые намного превосходят «мечты Александра Великого и Наполеона». Он еще раз попытался запустить через Буркхардта идею примирения с Западом на века.

---

²⁹ *Freund M. Weltgeschichte*. Bd. III. S. 15; по поводу замечания Аттолико, а также ситуации в Данциге см.: *Burckhardt C. J. Op. cit.* S. 305, 318.

³⁰ Из отчета К. Я. Буркхардта 14.8.1939 в записи одного служащего британского МИДа: *Burckhardt C. J. Op. cit.* S. 59.

«Эта вечная болтовня о войне — она доводит народы до сумасшествия. Ведь в чем дело? Нам нужны зерно и древесина. Из-за зерна мне нужно пространство на Востоке, из-за древесины — одна колония, только одна. Мы жизнеспособны. Наши урожаи в 1938 году и в этом году были прекрасными... Но однажды почва истощится и откажется работать, как тело после того, как проходит эффект допинга. И что тогда? Я не могу допустить, чтобы мой народ страдал от голода. Не лучше ли мне оставить два миллиона на поле боя, чем потерять еще больше от голода? Мы знаем, что такое — умирать с голоду...

У меня нет романтических целей. У меня нет желания господствовать. Прежде всего я ничего не хочу от Запада, ни сегодня, ни завтра. Я ничего не хочу от регионов мира с высокой плотностью населения. Там мне ничего не надо, совсем ничего, раз и навсегда. Все идеи, которые мне приписывают по этой части, — выдумки. Но мне нужна свобода рук на Востоке»³¹.

Днем позже в «Бергхофе» появился Чиано. Он прибыл с намерением прозондировать шансы конференции по мирному урегулированию надвигающегося конфликта. Но Гитлера он застал полностью погруженным в военные проблемы, стоящим у стола, на котором были развернуты карты Генштаба. Рейх, сказал он, на Западе почти неприступен, Польша будет через несколько дней раздавлена, поскольку в будущей схватке с западными державами она все равно была бы на их стороне, он устранит одного противника до основной схватки. В любом случае он полон решимости использовать ближайшую польскую провокацию для атаки, в качестве срока он назвал «самое позднее, конец августа», потом дороги развезет — осенние дожди, — и они станут непроходимыми для моторизованных частей. Чиано, который уже накануне слышал от Риббентропа, что Германия хочет не Данциг и не коридор, а войны с Польшей, «скоро стало ясно, что тут уже делать нечего. Он, Гитлер, решил нанести удар и нанесет его»³².

---

³¹ *Burckhardt C.J.* Op. cit. S. 341 ff.

³² *Ciano G.* Op. cit. S. 122. Накануне Чиано провел день с Риббентропом и сделал об этом такую запись: «Желание начать войну непоколебимо. Он отклоняет любое решение, которое могло бы удовлетворить Германию и предотвратить войну. Я убежден, что даже если бы немцы получили больше, чем требуют, то и тогда они предприняли бы наступление, поскольку одержимы демоном разрушения».

По случайному совпадению в этот же день приступили к переговорам с СССР военные делегации Англии и Франции. Они прибыли в Москву накануне, чтобы в ходе консультаций представителей штабов договориться о военных аспектах обсуждавшегося уже на протяжении нескольких месяцев союза. Делегаты западных стран отправились в СССР 5 августа. Самолетом они долетели бы до места встречи за один день. Но они с показным пренебрежением добирались сперва до Ленинграда на грузопассажирском судне, скорость которого, как не без горечи отмечалось в одной появившейся позже советской работе, «ограничивалась 13 узлами в час», а затем проследовали в советскую столицу. Когда делегации, наконец, прибыли, было уже слишком поздно. Гитлер их опередил.

В середине июля Москва вновь захватила инициативу и возобновила прерванные Гитлером тремя неделями раньше германо-советские переговоры по экономическим вопросам. На этот раз Гитлер не колебался, поначалу хотя бы только в силу той причины, что он ожидал деморализующего воздействия этих переговоров на Англию и Польшу. Он велел восстановить и укрепить связи как в Москве, так и с советскими представителями в Берлине. Вечером 26 июля чиновник экономического отдела МИДа Юлиус Шнурре встретился с двумя советскими дипломатами на ужине, во время которого обсуждались возможности политического сближения. Когда советский поверенный в делах Астахов заметил, что в Москве никогда не могли вполне понять, почему национал-социалистическая Германия так враждебно относится к Советскому Союзу, Шнурре ответил: «Об угрозе Советскому Союзу с нашей стороны не может быть и речи... германская политика направлена против Англии». В любом случае, продолжил он, можно себе представить «далеко идущее соглашение о соблюдении взаимных интересов», тем более что нет противоречия во внешней политике «по всей линии от Балтийского моря до Дальнего Востока». Англия может предложить Советскому Союзу «в лучшем случае участие в европейской войне и вражду с Германией», в то время как Германия может гарантировать ему свободное развитие. К этому добавляется, отметил в заключение немецкий дипломат, «при всех различиях в мировоззрении один общий элемент в идеологии Германии, Италии и Советского Союза — противостояние капиталистическим демократиям Запада»³³.

---

³³ ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 729.

Тем самым были названы все решающие элементы, доминирующие с данного момента на протяжении трех недель в германо-советском обмене мнениями, который велся с нарастающей интенсивностью. Всякий раз именно Германия подталкивала ход дел вперед с неприкрытой откровенностью, в отличие от Советского Союза, который с этого времени стал затягивать процесс. 14 августа Риббентроп послал наконец послу в Москве графу фон дер Шуленбургу телеграмму с инструкцией, в которой содержалось предложение о разделе сфер интересов от Балтийского моря до Черного. Вместе с тем он указал в ней на общую враждебную позицию в отношении «капиталистических западных демократий», почти не скрывая, соблазнял скорой добычей и сообщал для ускорения «исторического поворота» о своей готовности приехать в самое ближайшее время в Москву с визитом. В хорошем настроении, ожидая положительного ответа из Москвы, Гитлер вечером того же дня сказал в кругу военачальников, что теперь «приближается к завершению весь большой спектакль»³⁴.

Однако Молотов, который мгновенно уловил, какие выгоды ему давало нетерпение немецкой стороны, начал неторопливо маневрировать в вопросах сроков и регламента, поинтересовался немецкой готовностью заключить пакт о ненападении, разработал поэтапный план сближения. Наконец, он предложил подписать «специальный протокол», который, как он с двусмысленностью оракула высказался, должен был содержать урегулирование «по тем или иным вопросам внешней политики» — фактически же замышлялось подготовить раздел Польши и ликвидацию балтийских государств. В конце концов Молотов назвал срок визита Риббентропа в Москву — 26 или 27 августа и не поддавался двум нервным попыткам немецкой стороны склонить его к пересмотру решения. «Германо-польские отношения день ото дня становятся все более острыми, — просил своего посла объяснить Москве Риббентроп, — фюрер считает, что необходимо, чтобы мы за стараниями прояснить германо-российские отношения не были застигнуты врасплох началом германо-польского конфликта. Он считает, что предварительное выяснение отношений уже потому необходимо, чтобы иметь возможность учесть

---

³⁴ Halder F. КТВ. Bd. I. S. 11; знаменитая телеграмма Риббентропа воспроизведена в: Freund M. Weltgeschichte. Bd. III. S. 143 f.

в этом конфликте интересы России». Лишь этот шаг Гитлера, который, заботясь о том, как бы не допустить срыва сроков сосредоточивания сил, отбросил в сторону всю дипломатичность, обеспечил наконец перелом в переговорах. В телеграмме «И.В. Сталину. Москва», которая была отправлена вечером 20 августа, он просил советского вождя принять Риббентропа уже 22 или 23 августа, министр иностранных дел надеялся «самыми обширными полномочиями на составление и подписание как пакта о ненападении, так и протокола». В крайнем беспокойстве, почти не владея собой, Гитлер ждал ответа. Заснуть он не мог, поэтому посреди ночи позвонил Герингу, поделился своими тревогами и излил все раздражение по поводу флегматичности русских. С начала второй половины августа он неуклонно форсировал приготовления к войне: было призвано 250 тысяч человек, собран подвижной состав, приведены в готовность для выхода в море два линкора и часть подводного флота и отменен специальным указанием намеченный на середину сентября партийный съезд — «Съезд Мира»³⁵. Быть войне или не быть, удадутся ли его планы или провалятся — это решение зависело в течение этих суток от Сталина. Наконец 21 августа в 21.35 поступил с нетерпением ожидавшийся ответ: советское правительство «согласно с прибытием господина фон Риббентропа в Москву 23 августа».

Решение было принято. Словно освободившись от невыносимого напряжения, Гитлер собрал на следующий день в 12 часов высших военных руководителей на совещание в Оберзальцберге, чтобы ознакомить их, как он сказал, с «бесповоротным решением перейти к действиям»³⁶.

В этот момент, вопреки вероятности, началось отчаянное соперничество с судьбой. Хотя СССР держал западные державы в неведении относительно происходящего, от их внимания не укрылись оживленные отношения между Москвой и Берлином, к тому же фон Вайцеккер уже на их ранней стадии проинформировал британский кабинет о развернувшихся

---

³⁵ После прихода НСДАП к власти съезды носили особые названия: Конгресс Победы (1933; *Der Kongress des Sieges*), Нюрнбергский конгресс (1934; *Der Kongress zu Nürnberg*), Съезд Свободы (1935; *Der Parteitag der Freiheit*), Съезд Чести (1936; *Der Parteitag der Ehre*), Съезд Труда (1937; *Der Parteitag der Arbeit*), Съезд Великой Германии (1938; *Der Parteitag Großdeutschlands*). — *Прим. науч. ред.*

³⁶ IMT. Bd. XXVI (Dok. 798-PS).

с дальним прицелом германо-советских контактах³⁷. Теперь все зависело от скорейшего завершения начавшихся с большим опозданием в Москве военных консультаций.

Переговоры, которые с советской стороны вел маршал Ворошилов, однако, уже вскоре завязли в казавшемся неразрешимом комплексе проблем. Польша ожесточенно сопротивлялась тому, чтобы предоставить Красной армии право прохода через свою территорию. В то время как советские делегаты упорно добивались ответа, как им, вопреки возражениям Варшавы, вообще войти в соприкосновение с противником, а представители Запада пытались успокоить их, найдя какой-нибудь обходной маневр. Польша ничтоже сумняшеся дезавуировала держав-гарантов и прямо заявила, что и не подумает допускать Советский Союз на территорию, которую она отняла у него совсем недавно — всего лишь в 1921 году. Чем тревожнее становились известия о достижениях германо-советского взаимопонимания, тем нервнее Запад нажимал на Варшаву, требуя от нее уступчивости. Бонне и Галифакс прямо-таки умоляли польского министра иностранных дел изменить позицию: вся система союзов рухнет, если Польша и дальше будет упорствовать в своем отказе. Однако Бек хранил высокомерную неприступность: Польша, заявил он 19 августа, не может допустить даже «дискуссию о том, чтобы какая-то часть нашей территории использовалась иностранными войсками. Для нас это вопрос принципа. У нас нет военного соглашения с СССР, и мы его не хотим иметь». Еще одна попытка на следующий день потерпела фиаско, даже перед лицом гибели Польша не без величественного упрямства не поступалась своими принципами. Страстно пытавшегося повлиять на события послу Франции маршал Рыдз-Смиглы³⁸ холодно возразил: «С немцами мы утратим нашу свободу. С русскими мы утратим нашу душу»³⁹. Даже драматическое известие о предстоящей поездке Риббентропа в Москву, которое поступило в ночь на 22 августа, не произвело на Польшу никакого впечатления: мировой порядок опро-

---

³⁷ *Weizsäcker E. v. Op. cit. S. 235.*

³⁸ Один из ближайших соратников Пилсудского маршал Польши Эдвард Рыдз-Смиглы (11.3.1886—2.12.1944) после его смерти в 1935 году занял пост главного инспектора (главнокомандующего) сил обороны Польши. Пользовался очень большим влиянием, возможно, большим, чем президент Польши. — *Прим. науч. ред.*

³⁹ *Bonnet G. Vor der Katastrophe. S. 255.*

кидывался, страна стояла на пороге катастрофы, а ее политики считали, что визит всего лишь показывает, в каком отчаянном положении находится Гитлер.

Встревоженная развитием событий, Франция решила, наконец, не ждать более согласия Варшавы и действовать на свой страх и риск. Вечером 22 августа генерал Думенк уведомил маршала Ворошилова, что он получил от своего правительства полномочия заключить военную конвенцию, предоставляющую Красной армии право прохождения через Польшу и Румынию. На настойчивый вопрос собеседника, может ли он предъявить свидетельства согласия Польши и Румынии, Думенку оставалось ответить лишь отговорками и повторить заявление, что он прибыл для заключения соглашения. Потом, нервно намекая на предстоящий визит Риббентропа, он добавил: «Но ведь время уходит!» Маршал иронично ответил: «Бесспорно, время уходит»⁴⁰. Участники встречи разошлись, не добившись никакого результата.

На следующий день согласие поляков также не поступило, хотя французский министр иностранных дел предпринял отчаянную попытку переубедить Бека. Примерно в полдень в советскую столицу прибыл Риббентроп и почти тут же направился в Кремль. Как будто участники встречи захотели дать миру спектакль немудреной тоталитарной дипломатии, они уже в ходе первого обсуждения, продолжавшегося всего три часа, договорились относительно пакта о ненападении и разделе сфер интересов. На запрос Риббентропа в связи с одним непредвиденным советским требованием Гитлер лапидарно телеграфировал: «Да, согласен». Только теперь Польша созрела для того, чтобы согласиться с французским требованием в замысловато сформулированном сообщении: генерал Думенк может заявить, снизошел передать Бек, что он «приобрел уверенность в том, что в случае совместной акции против немецкой агрессии не исключено сотрудничество между Польшей и СССР на технических условиях, которые должны быть определены позже». Западные державы с удовлетворением констатировали уступку Польши. Но если Гитлер своим коротким «Да, согласен» предложил Советскому Союзу половину Восточной Европы, включая Финляндию и Бессарабию, то «западные державы сулили обещание Польши предоставить русским вожакам области при определенных

---

⁴⁰ Цит. по: *Freund M. Weltgeschichte. Bd. III. S. 115.*

обстоятельствах в ограниченном режиме на ограниченное время всего лишь как базу для операций под польским контролем»⁴¹. Соперничество с судьбой провалилось.

Уже ночью 23 августа Риббентроп и Молотов подписали Договор о ненападении и Секретный дополнительный протокол, который стал известен лишь после войны, когда его подбросили немецкой защите во время Нюрнбергского процесса⁴². В нем стороны договорились поделить Восточную Европу в случае «территориально-политического переустройства» по линии сфер интересов, которая, начинаясь от северной границы Литвы, проходила по рекам Нарев, Висла и Сан. Совершенно определенно оставался открытым вопрос, «является ли в обоюдных интересах желательным сохранение Польского государства и каковы будут границы этого государства». Эти сухие формулировки обнажали империалистический по своей сути характер соглашения и неопровержимо свидетельствовали о его взаимосвязи с запланированной войной.

Об эту взаимосвязь, в конце концов, позже разбивались все советские попытки оправдаться. Конечно, Сталин мог сослаться на многочисленные обоснованные мотивы заключения пакта о ненападении. Он давал ему знаменитую «передышку», отодвигал передний рубеж системы обороны страны в западном направлении на расстояние, которое, может быть, имело решающее значение, и он давал прежде всего уверенность, что склонные к колебаниям западные державы необратимо будут находиться в конфликте с Германией, когда Гитлер вернется к своей сокровенной цели и нападет на Советский Союз. Апологеты Сталина утверждают, что он сделал 23 августа 1939 года то же самое, что Чемберлен годом раньше в Мюнхене: как Сталин теперь сдал Польшу, чтобы выиграть время, так и тот в свое время пожертвовал Чехословакией. Но ни один из этих аргументов не может заставить забыть о Секретном дополнительном протоколе, который превращал пакт о ненападении в пакт о нападении. Чемберлен же никогда не делил с Гитлером сферы интересов, несмотря на неоднократные предложения последнего, наоборот, он разбил

---

⁴¹ Ebd. S. 124; там же приводится и заявление польского министра иностранных дел от 23 августа 1939 года (S. 123), а также телеграммы, которыми обменивались Риббентроп и Гитлер (S. 165).

⁴² Советским судьям удалось все-таки добиться того, чтобы Дополнительный протокол не фигурировал в качестве документа-доказательства, так что во время процесса он не играл никакой роли.

его великую мечту: беспрепятственно навалиться на Советский Союз, руководители которого проявляли теперь гораздо меньше совестливости, чем он. Какие бы тактические и обусловленные реальной политикой элементы оправдания, поддерживающие в конце концов более или менее строгий анализ, ни использовались в советских работах, ясно, что дополнительный протокол был «недостойн идеологического движения, которое утверждало, что обладает самым глубоким пониманием исторического процесса»⁴³ и никогда не понимало мировую революцию как акт голого расширения сферы господства, а расценивало и отстаивало ее как ни много ни мало мораль всего человечества.

Примечательно, что вечер в Москве прошел почти что в дружеской атмосфере. Риббентроп сообщал позже, что Сталин и Молотов были «очень милы», он чувствовал себя «среди них словно среди старых товарищей по партии»⁴⁴. Правда, когда этой ночью речь зашла об Антикоминтерновском пакте, автором которого был он сам, Риббентроп почувствовал некоторое замешательство. Но приветливое поведение Сталина ободрило его на подшучивание над пактом. Согласно отчету одного из немецких участников, он заявил, что соглашение «направлено не против Советского Союза, а против западных демократий... Господин Сталин, — говорится далее в отчете, — бросил реплику, что Антикоминтерновский пакт напугал главным образом лондонское Сити и мелких английских торговцев. Имперский министр иностранных дел согласился с этим и шутливо добавил, что господин Сталин конечно же напуган Антикоминтерновским пактом меньше, чем лондонское Сити и мелкие английские торговцы». Далее говорится:

«В ходе беседы господин Сталин неожиданно предложил следующий тост за фюрера: “Я знаю, как сильно любит германский народ своего вождя, поэтому я хотел бы выпить за его здоровье”».

Господин Молотов выпил за здоровье имперского министра иностранных дел и посла графа фон дер Шуленбурга. Затем господин Молотов поднял бокал за Сталина, отметив, что именно Сталин своей произнесенной в марте этого года

---

⁴³ *Nolte E. Krise. S. 204.*

⁴⁴ *Rosenberg A. Das politische Tagebuch. S. 82.* «Это, — возмущенно замечает Розенберг, — пожалуй, самое наглое оскорбление, которое можно нанести национал-социализму».

речью, которая была правильно понята в Германии, положил начало повороту в отношениях. Господин Молотов и Сталин неоднократно пили за пакт о ненападении, новую эру в германо-русских отношениях и германский народ.

При прощании господин Сталин заявил имперскому министру иностранных дел буквально следующее: «Советский Союз очень серьезно относится к этому пакту, он может дать честное слово, что Советский Союз не обманет своего партнера»⁴⁵.

Казалось, что под здравицы и звон бокалов растворилась камуфлирующая завеса многолетней вражды, и только теперь, в роковой интимности этой речи, обнажилась близость двух режимов для них самих и остального мира. И на самом деле, 23 августа 1939 года всякий раз служило исходной точкой доказательства совпадения их сути, которое в гораздо большей степени было совпадением в выборе средств и, как теперь стало очевидно, руководителей этих режимов. Сталинский тост в честь Гитлера не был пустой фразой, как это часто утверждают. Свои сказанные при прощании с Риббентропом слова он соблюдал не без педантизма. Вопреки всем фактам и обоснованным предупреждениям, он без малого двумя годами позже, в июне 1941 года, до последнего момента не хотел верить в нападение Гитлера на Советский Союз, на запад мимо выдвигающихся на исходные рубежи немецких войск мчались составы с советскими поставками во исполнение обязательств по действующему экономическому соглашению. Поразительное легкоеверие недоверчивого лукавого советского властителя обусловлено не в последнюю очередь тем восхищением, с которым он относился к человеку, поднявшемуся из низов в ряд фигур исторического значения. В Гитлере он уважал единственного равного себе деятеля своего времени, и, как известно, на это чувство Гитлер отвечал взаимностью. Вся «смертельная вражда» никогда не могла ослабить взаимное чувство признания величия друг друга, поверх идеологических барьеров они чувствовали себя по-своему связанными тем рангом, который присвоила им история. Румынский министр иностранных дел Григоре Гафенку цитировал в книге воспоминаний размышления Альбера Сореля о первом разделе Польши: «Все, что отдаляло Россию от других держав, сбли-

---

⁴⁵ Из записки советника-референта Хенке от 24.8.1939; цит. по: *Freund M. Weltgeschichte*. Bd. III. S. 166 ff.

жало ее с Пруссией. Как и Россия, Пруссия была парвеню на большой мировой сцене. Ей приходилось силой прокладывать дорогу в будущее, и Екатерина видела, что Пруссия полна решимости добиться этого большими средствами, используя большие возможности и большое рвение»⁴⁶. Эти слова точно описывают как ситуацию, так и психологию обоих преемников — их беспокойную волю к изменениям, гигантские мечтания и их в корне преобразовавший мировую арену стиль, который свел их воедино в одном из самых драматических поворотных моментов истории. «Он не из тех, кто упускает исторические шансы», — говорил иногда Гитлер, выражая тем самым и мнение своего визави о нем самом. Протесты недоумевающих приверженцев их не волновали. В то время как компартии вследствие московского пакта оказались в одном из тех кризисов, которые лишили их последней привлекательности, утром 25 августа возмущенные сторонники Гитлера бросили многие сотни нарукавных повязок со свастикой через ограду «Коричневого дома» в Мюнхене⁴⁷.

В тот же день отбыли из Москвы западные военные делегации, которых провожали малоизвестные московские генералы. Накануне они просили в письме маршала Ворошилова о встрече, но ответа не получили. Ворошилов позже ссылался в свое извинение на то обстоятельство, что он был в это время на утиной охоте.

С заключением московского договора, с точки зрения Гитлера, были созданы все условия для быстрого, ошеломляющего триумфа над Польшей; происходившее далее было механическим процессом, «вроде того, как горит бикфордов шнур». Поэтому в оставшееся время все его внимание было направлено на попытку усилить свое алиби, не допустить помех и еще больше отдалить западные державы от Польши,

---

⁴⁶ *Gafencu G.* Op. cit. (здесь цит. по: *Freund M.* Weltgeschichte. Bd. III. S. 174); этот автор и дает приведенную тут ссылку. Об уважительном отношении Гитлера к Сталину см., например, ряд его высказываний, приводимых Г. Пикером в «Застольных беседах». И в рассуждениях весной 1945 года Гитлер весьма почтительно высказывался о Сталине, что примечательным образом отличалось от его абсолютно презрительного отношения к образу врага; см.: *Le Testament politique de Hitler.* P. 134, 137.

⁴⁷ *Hoffmann H.* Op. cit. S. 103. По поводу высказывания о неиспользованных исторических моментах см.: *Hillgruber A.* Staatsmänner. Bd. I. S. 122.

хотя эту дистанцию и так уже, как казалось, удалось сделать значительной. С этими тремя целями были связаны все инициативы и последние предложения оставшихся восьми дней, на которые возлагалось так много напрасных надежд.

Уже речь, с которой Гитлер выступил 22 августа в Оберзальцберге, была полностью определена этими соображениями. В превосходном настроении, уже уверенный в успехе переговоров в Москве, он, пока над горами бушевала гроза, обрисовал перед военным командованием сложившееся положение и еще раз обосновал свое бесповоротное решение начать войну: как значение его личности и ее ни с чем не сравнимый авторитет, так и экономическое положение требуют пойти на схватку. «Нам не остается ничего другого, надо действовать». Политические соображения и ситуация в стане союзов также говорят в пользу быстрого решения. «Через два-три года этих счастливых обстоятельств не будет. Никто не знает, как долго я еще проживу. Поэтому пусть столкновение произойдет лучше сейчас», — говорилось в одной из записей этой речи⁴⁸. Затем он еще раз обосновал свою убежденность в том, что не ждет от западных держав серьезных действий:

«У противника была еще надежда, что после захвата Польши в качестве врага выступит Россия. Противник не учел моей большой решительности. Наши противники — жалкие черви. Я видел их в Мюнхене. Я был убежден, что Сталин никогда не примет английское предложение. Россия не заинтересована в сохранении Польши... В связи с торговым договором мы начали политический диалог. Предложили пакт о ненападении. Затем последовало всестороннее предложение от России. Теперь Польша в том положении, в которое я и хотел ее поставить.

Блокады нам нечего бояться. Восток поставит нам зерно, скот, уголь, свинец, цинк. Это большая цель, которая требует много сил. Я боюсь лишь того, что в последний момент какая-нибудь свинья подсунет мне предложение о посредничестве».

---

⁴⁸ Что касается этой речи, то существуют в общей сложности шесть отличающихся друг от друга своим акцентом версий; см. в этой связи сравнительный анализ Винфрида Баумгарта: *VJHfZ*, 1968. Н. 2. S. 120 ff. Процитированный здесь вариант см.: *IMT. Bd. XXVI. Dok. 798-PS* (первая часть) и *Dok. 1014-PS* (вторая часть). О том впечатлении, которое произвела речь на присутствовавших, см., например: *Raeder E. Op. cit. Bd. II. S. 165 ff.*; *Manstein E. v. Verlorene Siege. S. 19 f.*

Во второй части выступления, после скромной трапезы, Гитлер выразил опасения относительно позиции западных держав: «дело может пойти и по иному руслу», поэтому нужна «железная решимость». «Не отступать ни перед чем... Борьба не на жизнь, а на смерть». Эта формула привела его в одно из тех мифологизирующих настроений, в котором история представлялась ему кровавым проспектом, полным схваток, побед и крушений. В ранней части выступления он назвал «создание Великой Германии свершением грандиозным», но вместе с тем «внушающим некоторые опасения, поскольку оно было достигнуто в результате блефа политического руководства». Теперь он заверял:

«Продолжительный мирный период не пошел бы нам на пользу... Мужественное поведение... Друг с другом борются не машины, а люди. У нас качественно более совершенный человек. Решающее значение имеют духовные факторы.

Уничтожение Польши — на первом плане. Цель — уничтожение живой силы, а не достижение определенной линии...

Я дам пропагандистский повод для развязывания войны, а будет ли он правдоподобен — значения не имеет. Победителя потом не спросят, правду говорил он или нет. Для развязывания и ведения войны важно не право, а победа.

Закрывать сердце для сострадания. Действовать жестоко. 80 миллионов человек должны обрести свое право. Следует обеспечить их существование. Право — на стороне сильного. Величайшая твердость».

Прощаясь с генералами, Гитлер заметил, что приказ о начале военных действий будет отдан позже, вероятно утром 26 августа. На следующий день генерал Гальдер записал: «День «Д» = 26.8. (суббота) окончательно. Никакого другого приказа не последует»⁴⁹.

Однако эти сроки были пересмотрены. Хотя почти все предпосылки западной политики после московского соглашения рухнули, Англия демонстрировала стоическую решимость. Польша почти была обречена на гибель, но британский кабинет сухо заявил, что последние события ничего не изменили. Демонстративно усиливались военные приготовления. В письме Гитлеру Чемберлен предостерегал от каких-либо сомнений относительно английской решимости к сопротивлению: «Это было бы самой большой ошибкой... Утверждают, что, если бы

---

⁴⁹ Halder F. KTB. Bd. I. S. 27.

правительство Его Величества, более ясно заявило о своей позиции в 1914 году, можно было бы избежать той страшной катастрофы... Правительство Его Величества полно решимости позаботиться о том, чтобы на этот раз такого трагического недоразумения не возникло». В том же тоне было выдержано выступление премьер-министра в Палате общин. В отличие от пришедшей в смятение Франции, которая лишь с трудом сохраняла решимость и смаковала сладость своего пораженчества, задавая вопрос «а чего ради умирать за Данциг?», Англия теперь не уступала ни пяди. Точно так, же как и для Гитлера, Данциг не был для Чемберлена тем объектом, на котором свет клином сошелся. Он был на самом деле «далеким городом в далекой стране», как заявил он в Палате общин. Ради него никто бы не пошел на смерть.

Однако теперь, когда после московского пакта вся ее политика, казалось, потерпела провал, Англия поняла, за что придется воевать и умирать при любых обстоятельствах. Политика умиротворения основывалась не в последнюю очередь на страхе буржуазного мира перед коммунистической революцией. По представлениям английских государственных деятелей, Гитлер играл роль воинствующего защитника от этой угрозы, именно это заставляло мириться со всеми его постоянными выходками, провокациями и бесчинствами — и только это. Договорившись с Советским Союзом, он «раскрылся»: стало ясно, что он не тот враг революции, за которого себя выдавал, что он не защитник буржуазного строя, не «генерал Врангель мировой буржуазии». Даже если считать пакт со Сталиным образцом мастерской дипломатии, все равно придется признать, что у него все же был один малопримечательный, на первый взгляд, недостаток: он лишал силы те предпосылки, на которых строилась политика отношений между Гитлером и Западом. Это была непоправимая ошибка, теперь Англия демонстрировала с редким единодушием, вплоть до самых твердых поборников умиротворения, решимость к сопротивлению.

На многократные проявления этой воли к сопротивлению Гитлер реагировал очень раздраженно. Гендерсону, передававшему письмо своего премьер-министра в Оберзальцберге, пришлось выслушать возбужденную тираду, кульминацией которой стало заявление, что он, Гитлер, «теперь окончательно убежден в справедливости представления, согласно которому Англия и Германия никогда не смогут договориться». Тем не менее двумя часами позже, в полдень 23 августа,

он еще раз сделал «большое предложение» по разделу мира: германская гарантия существования Британской империи, ограничение вооружений и официальное признание немецкой западной границы в обмен на право Германии беспрепятственно обратиться на Восток. И, как это уже не раз бывало, за непреклонным решением последовал нероновский вздох, которым он хотел показать свое безразличие к безжалостному, гнусному миру политики. «По своей натуре он артист, а не политик, когда будет разрешен польский вопрос, он посвятит остаток жизни искусству, а не войне; он не хочет превратить Германию в огромную казарму. На это он бы пошел только в том случае, если бы его вынудили поступить так. Когда будет решен польский вопрос, он отойдет от дел»⁵⁰.

Однако эта сцена, как и миссия дружившего с Герингом шведского коммерсанта Биргера Далеруса, в рамках которой он неоднократно ездил из Берлина в Лондон, служили только одному — попытке Гитлера закамуфлировать свои намерения и побудить Англию отказаться от своих обязательств. Последнее обращение к французскому премьер-министру преследовало ту же цель. Гендерсон услышал мольбу не терять времени и незамедлительно передать предложение. Но едва только посол вышел из комнаты, как Гитлер вызвал генерала Кейтеля и подтвердил приказ напасть на Польшу на рассвете следующего дня.

С аналогичными тактическими соображениями связано и то обстоятельство, что он опять заколебался несколькими часами позже, ибо не само решение развязать войну, а дата начала была поставлена под сомнения двумя известиями, которые поступили в Имперскую канцелярию во второй половине дня. Одно было из Лондона, оно свидетельствовало, что и последняя попытка разобщить Англию и Польшу провалилась. После тянувшихся целые месяцы переговоров британское правительство трансформировало временные гарантии поддержки Польши в пакт о взаимопомощи. Гитлер не мог не увидеть в этом самое решительное отклонение его последнего предложения. Одновременно тем самым устранялись все сомнения относительно решимости Англии вмешаться в ход дел. Один из присутствующих видел, как Гитлер после поступления информации «долго сидел в задумчивости за столом»⁵¹.

---

⁵⁰ Цит. по: *Freund M. Weltgeschichte*. Bd. III. S. 271.

⁵¹ *Schmidt P. Op. cit.* S. 450 f.

Более сильным ударом была для него другая новость, которая вырвала его из задумчивости. Она пришла из Рима и гласила ни много ни мало, что Италия делает приготовления к тому, чтобы тайком выйти из союза, который был лишь недавно заключен с такой помпой. Последние недели Муссолини, чем ближе, как казалось, надвигался конфликт, был подвержен резким перепадам настроения — от подъема до отчаяния, как это бывает с сангвиниками. Чиано не без иронии отмечает в дневнике колебания «на качелях эмоций»: то дуче демонстрирует решимость остаться в стороне от войны Гитлера, «потом говорит, что честь требует идти с Германией, заверяя, что хочет получить свою долю добычи в виде Хорватии и Далмации»; двумя днями позже желает «подготовить отход от Германии, но действовать осторожно», затем опять «считает все еще возможным, что демократии не станут ввязываться, и Германия с минимальными затратами провернет блестящий гешефт, и ему не хотелось бы остаться с пустыми руками. Кроме того, он боится разгневать Гитлера»⁵². В такой сумятице перечеркивающих друг друга мотивов 25 августа в 15.30 он заверил германского посла в безусловной поддержке, это обещание он аннулировал двумя часами позже телеграммой Гитлеру, выдвигая условием поддержки такой огромный перечень материальной помощи, что «им можно было убить быка», как сказал Чиано, используя не совсем удачный образ⁵³. Ссылаясь на то, что в двусторонних соглашениях война планировалась на более поздний срок и армия Италии готова к военным действиям, он пытался выкрутиться из альтернативы между гибелью и предательством.

Строго говоря, у Гитлера не было оснований обижаться. итальянцы могли чувствовать себя обманутыми, бесчисленное количество раз оскорбленными презрительным обращением. Посланное с опозданием письмо, которым Гитлер извещал о пакте с Москвой, было образцом пренебрежительной дипломатии, которая отделялась от союзника, желавшего

---

⁵² *Ciano G. Op. cit.* S. 123 ff. (13—18.8.1939).

⁵³ *Ebd.* S. 131. Речь идет о перечне, который по названию самого ценного тогда для производства вооружений материала (которого итальянцы требовали ни много ни мало, а минимум 600 тонн) стал позднее фигурировать как «молибденовый список». Этот список приводится в кн.: *Hofer W. Die Entfesselung des Zweiten Weltkriegs.* S. 256 f.

иметь реальную информацию, банальными фразами и дешевой газетной агиткой о чинимых над немцами зверствах, но ни звуком не обмолвилось об идеологических и политических последствиях, вытекавших из поворота на 180 градусов. Однако Гитлер распрощался с итальянским послом, который передал ему письмо Муссолини, с «ледяным лицом», и Имперская канцелярия опять гудела «презрительными замечаниями в адрес неверных партнеров по оси». Несколько минутами позже Гитлер отменил приказ о наступлении. «Фюрер в весьма подавленном настроении», — записал Гальдер в своем дневнике⁵⁴.

Казалось, что события драматически замедлились. Только тремя днями позже Гитлер, как рассказывали люди из его окружения, не в лучшей форме — со следами бессонных ночей, голос срывался — выступил на собрании ответственных партийных и военных руководителей и попытался оправдать поведение Муссолини. Он был в мрачном настроении и заявил, что предстоящая война будет «очень тяжелой, может быть, безнадежной». Однако он не отступил от своего решения, сопротивление, как всегда, только усиливало его упорство: «пока я жив, ни о какой капитуляции и речи быть не может»⁵⁵. В качестве новой даты для нападения он определил 1 сентября.

Вследствие этого события последних дней: страстные усилия сохранить мир, послания, поездки и развернувшаяся между столицами активность — несут на себе печать ирреальности. Перед историками они предстают отчасти как театр абсурда, с обилием диалогов между глухими и немymi, легко разгадываемой интригой и порой гротескными сценами. Напрасным было трогательное личное обращение Даладье и призывы Кулонде, который высказал Гитлеру все, «что может сказать мне мое сердце человека и француза». Напрасным был примирительный жест Англии, на который Гитлер ответил лишь новыми упреками, так что даже терпеливый Гендерсон утратил выдержку и попытался перекричать Гитлера: он, мол, не желает «слышать таких речей ни от него, ни от кого другого. Если он хочет войны, то он ее получит!» И, наконец, напрасным было заклинающее письмо Муссолини, который хотел склонить Гитлера к решению проблемы при помощи

---

⁵⁴ Halder F. KTB. Bd. I. S. 34, а также: Schmidt P. Op. cit. S. 453.

⁵⁵ Halder F. KTB. Bd. I. S. 38, 40.

конференции, заверяя, что «это не нарушит ритм Ваших замечательных свершений»⁵⁶.

Только два противника, казалось, знали, что ситуация безвыходная: Гитлер и Бек. Только они одни думали исключительно о войне, один — толкая к ней события, нетерпеливо зафиксировавшись на назначенном им самим сроке, другой — устало, фаталистически, слепо следуя своей судьбе. Гитлер был так заиклен на использовании своей военной мощи, что уже не видел политических возможностей решения проблемы. Из записок английских дипломатов видно, каких маневров ожидал Лондон и к каким уступкам он готовился. За один только отказ от войны Гитлер предположительно получил бы не только Данциг и экстерриториальную линию коммуникаций через Польский коридор, но и обещание Англии вернуть Германии ее старые колониальные владения, а также переговоры о еще более серьезном компромиссе⁵⁷.

Однако Гитлер уже не мыслил альтернативами, в этот момент впервые проявилась явно усиливающаяся в последние годы неспособность его выходить за рамки военных целей и постоянно анализировать военное положение под углом зрения его политических возможностей. Он хотя и принял английское предложение о прямых переговорах с Польшей, но тут же придал делу ультимативный характер и потребовал прибытия польского представителя, имеющего чрезвычайные полномочия, в течение суток. В этом шахматном ходе явно просматривалось намерение принудить Польшу к капитуляции или, как это было в свое время с Чехословакией, выставить ее в роли нарушителя мира. Список требований, который приготовила Германия к переговорам, был полностью нацелен на разложение фронта противостоящих сил при помощи мнимых уступок. Хотя в нем было требование возврата Данцига, он в остальном служил целям завоевания мирового общественного мнения на свою сторону. Предлагался целый набор мер: и плебисциты, и компенсации, и форма международного контроля, гарантии прав мень-

---

⁵⁶ Из послания Муссолини Гитлеру от 29.8.1939. Цит. по: *Freund M. Weltgeschichte. Bd. III. S. 328*; см. также отчет французского посла Р. Кулонде министру иностранных дел Франции о своей беседе с Адольфом Гитлером (*Coulondre R. Op. cit. S. 287*), а также донесение Гендерсона Галифаксу: *Gilbert M., Gott R. Op. cit. S. 232*.

⁵⁷ Из записок сэра Айвона Киркпатрика, сэра Орма Сарджента и лорда Галифакса. *Gilbert M., Gott R. Op. cit. S. 320 ff.*

шинств и предложения по демобилизации. Гальдер записал о беседе с Гитлером во второй половине дня 29 августа: «Фюрер надеется, что вобьет клин между Англией, Францией и Польшей... Основные идеи: выставить только демографические и демократические требования». А далее идет настоящий график:

«30.8. — поляки в Берлине. 31.8. — разрыв. 01.9. — применение силы»⁵⁸.

Однако поляки в Берлин не приехали; Бека слишком пустили тени Шушнига и Гахи. На неустанные настойчивые запросы англичан и французов, к которым присоединились также и итальянцы, он лишь подавленно и коротко отвечал, что переговоры вести не о чем. Утром 31 августа Гендерсон был проинформирован, что Гитлер отдаст приказ о нападении, если польское правительство не согласится прислать представителя до 12 часов. Опять, как совсем недавно в Москве, началась борьба с польской непреклонностью наперегонки со временем. Гендерсон попытался переубедить своего коллегу в Берлине, направив к нему двух сотрудников. Польский посол Липский принял посетителей, как рассказывал один из них, в своем рабочем кабинете, откуда была убрана часть вещей и обстановки. Он был «бледен, как полотно», взял дрожащими руками бумагу с перечнем немецких требований, посмотрел на нее отсутствующим взглядом и наконец тихо произнес, что не может разобраться в том, что там написано. Он только знает, что надо оставаться твердыми и что «брошенная своими союзниками Польша готова воевать и умереть в одиночку»⁵⁹: смерть была единственной идеей Польши. Таким же по духу было переданное в 12.40 по телеграфу указание Бека своему послу в Берлине, это был документ, свидетельствовавший о полной растерянности польской дипломатии. Примечательно только время его отправления: в ту же минуту Гитлер подписал Директиву № 1 о ведении войны, немногим позже он ответил на вопрос итальянского посла, что все уже решено⁶⁰.

⁵⁸ *Halder F.* KTB. Bd. I. S. 42. О немецком «мирном плане» см.: ADAP, Ser. D. Bd. VII. S. 372 ff.; затем: Schmidt P. Op. cit. S. 459 f.

⁵⁹ *Dahlerus B.* Der Letzte Versuch. S. 110, а также запись сэра Н. Гендерсона от 31.8.1939: цит. по: *Freund M.* Weltgeschichte. Bd. III. S. 372 f.

⁶⁰ Из записок Шмидта о беседе между Гитлером и Аттолико, состоявшейся 31.8.1939 в 19 часов; см.: *Freund M.* Weltgeschichte. Bd. III. S. 391; о Директиве № 1 см.: ADAP, Ser. D. Bd. VII. S. 397 ff.

Директива начиналась так:

«Теперь, когда исчерпаны все политические возможности устранить мирным путем невыносимое для Германии положение на ее восточной границе, я решил добиться этого силой.

Нападение на Польшу должно быть проведено в соответствии с приготовлениями, предусмотренными планом «Вайс». День наступления — 1.9.1939, время — 4.45...

На Западе ответственность за открытие военных действий следует возложить однозначно на Англию и Францию. Незначительные нарушения наших границ следует вначале ликвидировать на местном уровне. Строго соблюдать нейтралитет, гарантированный нами Голландии, Бельгии, Люксембургу и Швейцарии...»

Вечером в 21.00 все радиостанции передали перечень немецких предложений Польше, который самим полякам никогда не сообщался. Почти в то же время команда штурмбаннфюрера СС Альфреда Науioxса инсценировала нападение поляков на немецкую радиостанцию в Глейвице, передала в эфир короткое заявление на польском языке, произвела несколько выстрелов в воздух и оставила на месте акции несколько трупов отобранных для этого заключенных, переодетых в польскую одежду. Немногими часами позже, когда забрезжило утро 1 сентября, поступило донесение польского коменданта форта Вестерплатте майора Сухарского: «В 4.45 броненосец «Шлезвиг-Гольштейн» открыл из всех своих стволов огонь по Вестерплатте. Обстрел продолжается». Одновременно перешли в наступление с исходных позиций войсковые соединения, сосредоточившиеся вдоль германо-польской границы. Объявления войны не было. Вторая мировая война началась.

Вместе с тем Гитлер еще надеялся избежать большого конфликта. Незадолго до десяти часов он выехал на заседание Рейхстага в здании оперы Кролля. На улицах, по воспоминаниям очевидцев, почти не было народа, немногочисленные прохожие молча бросали взгляды на машину, в которой сидел Гитлер в серой полевой форме. Его речь была весьма краткой и отличалась лишенной ярких красок серьезностью. Он клялся в своем миролюбии и «бесконечном долготерпении», еще раз пытался пробудить надежду Запада, заверял в новой дружбе с Советским Союзом, выразил свое смущение ввиду позиций итальянского союзника и обрушил горы обвинений на польское правительство. Польша, заявил он, при-

ведя дикие выдумки о числе пограничных инцидентов в последние дни, «сегодня ночью использовала регулярные армейские части для нападения на объекты на нашей территории, эти солдаты стреляли в нас. С 5.45 открыт ответный огонь! С этого момента на каждую их бомбу ответим нашей бомбой». Теперь он хотел быть первым солдатом рейха: «Я снова надел тот мундир, который был для меня самым святым и дорогим. Я сниму его только после победы или я не дождусь этого конца»⁶¹.

Сохранявшуюся у Гитлера надежду на возможность ограничить конфликт все же только Польшей питала медлительность Запада, который не ответил на германское нападение немедленным объявлением войны, как того требовали союзнические обязательства. Решение начать войну далось мучительно трудно прежде всего французскому правительству. Оно ссылалось, пуская в ход все новые отговорки, на мнение Генштаба, на новую посредническую миссию Муссолини, на еще продолжавшуюся эвакуацию людей из больших городов и в конце концов пыталось оттянуть вступление в войну по крайней мере на несколько часов⁶². Хотя позиция Англии была решительнее, она тем не менее также отражала всю тяжесть принимаемого решения. 1 сентября Чемберлен объявил в парламенте: «Полтора года тому назад я выразил здесь горячую надежду, что на мою долю не выпадет ответственность призвать страну принять страшное решение о вступлении в войну». Теперь он собирается потребовать от правительства рейха обещания прекратить наступление в Польше и отвести войска назад. Когда один депутат громко на весь зал задал вопрос, установлен ли тому срок, премьер-министр ответил: «Если ответ на это последнее предупреждение будет отрицательным — я полагаю, что реакция будет именно такой, — послу Его Величества даны указания потребовать свои паспорта. В таком случае мы готовы».

---

⁶¹ *Domarus M.* Op. cit. S. 1312 ff. Что касается времени начала военных действий, то Гитлер оговорился; как и было намечено в Директиве № 1, наступление началось в 4.45 утра.

⁶² На переговорах с Англией Франция выразила желание начать военные действия лишь 4 сентября, а именно, как настоятельно говорил Бонне Галифаксу, в понедельник вечером; см.: *Freund M.* Weltgeschichte. Bd. III. S. 412 f.; по поводу цитируемого ниже выступления Чемберлена в Палате общин см.: *Das Blaubuch der brit. Regierung*, Basel, 1939. Nr. 105.

Однако Гитлер проигнорировал это предупреждение или сделал из него лишь тот вывод, что Англия, несмотря на наличие однозначного факта, при котором вступают в силу обязательства по союзу, все еще ставила открытие своих действий в зависимость от определенных условий. Поэтому на английскую ноту от 1 сентября он поначалу вообще не ответил. И пока Англия и Франция в ходе изматывающих переговоров пытались договориться о совместных действиях, в Польше немецкие войска стремительно продвигались вперед. Судя по всему, именно указанные признаки слабости противоположной стороны ободряли Гитлера, когда он 2 сентября отверг попытки Муссолини уговорить Германию пойти на решение проблемы за столом переговоров, используя благоприятную обстановку. «Данциг уже стал немецким, — убеждал он Гитлера, — у Германии в руках козыри, обеспечивающие выполнение ее требований. Кроме того, Германия уже получила «моральную сатисфакцию». Если бы она приняла решение относительно конференции, она достигла бы своих целей и одновременно избежала бы войны, которая, как становится видным уже сейчас, станет всеобщей и исключительно долгой»⁶³.

Ночью 2 сентября Англия в конце концов решила отказаться от совместных действий с Францией и дала указание Гендерсону передать в 9 часов утра наступающего воскресенья германскому министру иностранных дел ультиматум, срок которого истекал в 11 часов. Риббентроп поручил передать эту ноту своему старшему переводчику доктору Паулю Шмидту, который описал сцену, разыгравшуюся после того, как он привез этот документ в Имперскую канцелярию. В приемной перед кабинетом Гитлера собрались члены кабинета и многочисленные руководители партии. Шмидту с трудом пришлось протискиваться вперед. Когда он вошел в кабинет, Гитлер сидел за своим письменным столом, а Риббентроп стоял несколько в стороне у окна.

«Когда я вошел, оба бросили на меня напряженный взгляд. Остановившись на некотором расстоянии перед столом Гитлера, я стал медленно переводить ему ультиматум британского правительства. Когда я закончил, воцарилась полная тишина...

Гитлер сидел, словно окаменев, уставившись в пространство перед собой. Он не утратил самообладания, как утверж-

---

⁶³ ADAP. Ser. D. Bd. VII. S. 425.

дали позже, не бушевал, как это было по воспоминаниям других. Он сидел на своем месте совершенно тихо и неподвижно. Через какое-то время, показавшееся мне вечностью, он повернулся к Риббентропу, который остался стоять у окна, будто оцепенев. «Ну, что теперь делать?» — спросил Гитлер своего министра иностранных дел с яростью в глазах, как бы желая выразить, что Риббентроп неверно проинформировал его о реакции англичан. Риббентроп тихим голосом ответил: «Я предполагаю, что в следующий час такой же ультиматум предъявят нам и французы»⁶⁴.

Когда Кулонде примерно в полдень появился у немецкого министерства иностранных дел, Англия уже находилась в состоянии войны с рейхом. Французский ультиматум соответствовал британскому, но, что было характерно, расходился с ним в одной детали: как будто правительство в Париже даже сейчас боялось слова «война», оно грозило в том случае, если Германия откажется вывести свои войска из Польши, «выполнить те известные германскому правительству договорные обязательства, которые Франция взяла на себя в отношении Польши». Вернувшись в посольство, сам Кулонде расплакался на глазах своих сотрудников⁶⁵.

Но и Англии было трудно настроиться на войну как на совершившийся факт. Польша отчаянно ждала военной помощи или хотя бы облегчения своего положения и слишком поздно поняла, что она осталась без всякой поддержки. Неповоротливость Англии в ее действиях была, однако, вызвана не только темпераментом или недостаточной военной подготовкой. Скорее дело в том, что к гарантиям Польше в Англии никогда не относились с большой симпатией. Между двумя странами не было традиционной дружбы, Польша считалась одним из тех диктаторских режимов, которые проявляли лишь присущие авторитарному господству ограниченность и притеснения, но без театрального волшебства и гипнотического воздействия власти⁶⁶. Когда в первые дни сентября один оппозиционно настроенный консерватор настойчиво потребовал от члена кабинета помощи Польше и при этом упомянул обсуждавшийся тогда

---

⁶⁴ Schmidt P. Op. cit. S. 463 f.

⁶⁵ Stehlin P. Op. cit. S. 234, а также: ADAP, Ser. D. Bd. VII. S. 445. На указанное примечательное расхождение обратил внимание У. Ширер: Shirer W. L. Aufstieg und Fall. S. 562.

⁶⁶ См.: Gilbert M., Gott R. Op. cit. S. 284 f.; упоминаемый ниже эпизод приводится там же. S. 274.

план поджечь Шварцвальд зажигательными бомбами, он услышал в ответ: «Что вы, этого нельзя делать, это — частная ответственность. Этак вы в следующий раз попросите, чтобы мы бомбили Рурскую область». В свое время Франция взяла на себя обязательство перед Польшей до 16-го дня войны начать наступление силами 35—38 дивизий. Но полностью настроенная на оборону и сохранение своей национальной идиллии страна была не способна спланировать наступление. В Нюрнберге генерал Йодль заявил: «Если мы не потерпели крах еще в 1939 году, то лишь потому, что во время Польской кампании примерно 110 французских и английских дивизий на Западе пребывали в полном бездействии против 25 немецких дивизий»⁶⁷.

В этих условиях современная немецкая армия смогла раздавить Польшу одним победным броском. Ее совершенству, сглаженности действий и динамике другая сторона была в состоянии противопоставить, по собственному более позднему признанию, лишь попытки сопротивления, характеризовавшиеся «трогательной абсурдностью»⁶⁸.

Взаимодействие рвавшихся вперед небывалых масс танков с моторизованными частями пехоты и безраздельно господствовавшими ВВС, штурмовики которых с оглушающим воем сирен обрушивались на цели, точно работающая система информации — вся мощь этого продвигающегося вперед с механической неумолимостью колосса ставила поляков в такое положение, при котором им оставалось только проявить храбрость. В свое время Бек самоуверенно заверял, что вооруженные силы «подготовлены для гибкой, сдерживающей противника подвижной войны. Мир будет изумлен»⁶⁹.

Основное значение этой кампании заключалось в том, что в ней армия Второй мировой войны как бы сражалась с армией Первой мировой. Нет другого более яркого проявления этого неравенства сил, чем смертельное донкихотство атаки на Тухельской равнине, когда польская кавалерийская часть ринулась на немецкие танки⁷⁰. Уже в первой полови-

---

⁶⁷ IMT. Bd. XV. S. 385 f.

⁶⁸ Выражение будущего премьер-министра Польши, приведенное Фройндом, см.: *Freund M. Weltgeschichte*. Bd. III. S. 406.

⁶⁹ *Burckhardt C.J.* Op. cit. S. 164.

⁷⁰ Подобных «конных атак на танки» не было — это продукт геббельсовской пропаганды. 1 сентября 1939 года возле деревни Кроянты 18-й Поморский уланский полк полковника Машгелажя атаковал не танки, а 20-ю мотопехотную дивизию, и задержал ее продвижение

не 5 сентября генерал Гальдер записал после обсуждения военного положения, что «враг почти что разбит». 6 сентября пал Краков, днем позже правительство бежало из Варшавы в Люблин, а на следующий день немецкие передовые отряды достигли польской столицы. Уже в этот момент всякое организованное сопротивление противника начало разваливаться. В результате двух больших начавшихся 9 сентября операций охвата остатки польских вооруженных сил были окружены, а затем медленно раздавлены. Восемью днями позже, когда кампания была уже почти окончена, в уже несуществующую страну с востока вступила Красная армия. СССР, правда, принял всеобъемлющие юридические и дипломатические меры для того, чтобы его не обвинили в агрессии⁷¹. 18 сентября немецкие и советские части встретились в Брест-Литовске. Первый блицкриг был окончен; когда через несколько дней пала Варшава, Гитлер приказал семь дней подряд звонить в колокола — между 12.00 и 13.00 часами.

Тем не менее остается вопрос, принес ли ему быстрый военный триумф незамутненное удовлетворение или же все это ликование и колокольный звон не могли заглушить предчувствие, что победа, собственно говоря, уже утрачена. Во всяком случае, Гитлер видел, что его главная концепция была поставлена с ног на голову: он воевал не в том направлении, не с Востоком (что он еще как-то мог внушить себе на протяжении стремительной Польской кампании), а с Западом. Почти

на какое-то время. Всего в 1939 году польская кавалерия совершила по крайней мере шесть атак в конном строю, но только в двух случаях на поле боя находилась немецкая бронетехника (под Кроянтами) или танки (19 сентября под Вульке Венгловой), причем эта техника не являлась целью атакующих улан. — *Прим. науч. ред.*

⁷¹ Рано утром 17 сентября 1939 года польский посол В. Гжибовский был вызван к заместителю наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкину, который вручил ему подписанную Молотовым ноту. В ноте говорилось, что польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства; Польша потеряла все промышленные районы и культурные центры; польское правительство дезорганизовано — то есть польское государство перестало существовать. Советский Союз же не может безразлично относиться к судьбе украинцев и белорусов, проживающих на территории Польши, в связи с чем Красная армия перейдет границу и возьмет под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии. — *Прим. науч. ред.*

20 лет все его мышление и тактика определялись прямо противоположной идеей. Теперь его нетерпение, заносчивость и опьяняющее действие больших успехов перевесили все рациональные соображения и окончательно разбили «фашистскую схему расстановки сил»: он воевал с консерваторами, не «разгромив предварительно революционеров»⁷². Кое-что говорит о том, что он осознал эту роковую ошибку уже в те дни. В его окружении говорили, что на него находил пессимизм, что его внезапно охватывал страх, «ему хотелось вынуть голову из петли»⁷³. Вскоре после того, как стало ясно, что война с Великобританией неизбежна, он сказал Рудольфу Гессу: «Дело моей жизни сейчас разваливается. Моя книга была написана впустую». Порой он сравнивал себя с Мартином Лютером, который точно так же не хотел бороться с Римом, как он не желал сражаться с Англией. Потом он вновь внушал себе, призывая на помощь все свои знания, которых он беспорядочно нахватался там и сям, что Англия слаба и подточена декадансом демократии. Он пытался заглушить свои предчувствия, говоря, что британское правительство ведет «войну лишь для видимости», чтобы формально выполнить непопулярный в стране союзнический долг. Как только с Польшей будет покончено, заявил он в последние дни августа, «мы проведем большую мирную конференцию с западными державами»⁷⁴. На это он теперь и надеялся.

В этом контексте следует рассматривать стремление Гитлера сперва после Польской кампании, а потом после захвата Франции вести войну с Англией лишь вполсилы — в режиме усиленной угрозы войны с выматывающими силы пропагандистскими кампаниями, войны, которую в Англии называли *phoney war*⁷⁵. Почти два года его стиль ведения войны определялся все новыми попытками изменить неоднозначную расстановку сил, поставить все с головы на ноги,

---

⁷² Nolte E. Krise. S. 205.

⁷³ По свидетельству К.Я. Буркхардта: *Burckhardt C.J.* Op. cit. S. 351.

⁷⁴ *Weizsäcker E. v.* Op. cit. S. 258. О неуверенности Гитлера и его попытках самоуспокоения см. также: *Zoller A.* Op. cit. S. 156; *Hillgruber A.* *Staatsmänner*. Bd. I. S. 196, а также: *Halder F.* KTB. Bd. I. S. 39. Высказывания о слабости и декадансе Англии содержатся и в других цитированных здесь выступлениях Гитлера с 5.11.1937 по 22.8.1939.

⁷⁵ «Странная война» (англ.), буквально — «Фальшивая война». — *Прим. пер.*

вернуться к легкомысленно упущенной однажды концепции. За несколько недель до начала войны, 22 июля 1939 года, он сказал адмиралу Дёницу, что ни в коем случае нельзя допустить войны с Англией, ибо это означало бы не что иное, как «*finis Germaniae*»⁷⁶.

Теперь же он находился в состоянии войны с Великобританией.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ III:

НЕУДАВШАЯСЯ ВОЙНА

Гороскоп предвещает не мир, а войну.

Адольф Гитлер

Ответ на вопрос о том, кто несет ответственность за развязывание Второй мировой войны, совершенно очевиден. Тем не менее порой предпринимаются попытки при помощи надуманных схем представить его как дискуссионную проблему. В этих случаях объективность суждений историка приносится в жертву апологетике или же склонности испытать остроту ума в обосновании невозможного (примером тому может служить подход А. Тейлора)¹. Поведение Гитлера в ходе кризиса, его вызывающая дерзость, стремление к обострению ситуации, которое столь явно доминировало в его реакции на события, в силу чего вся воля западных держав к компромиссам оказывалась блокированной, делают всякий вопрос о виновном излишним. Эта война была детищем Гитлера в самом широком смысле: его политика последних лет, строго говоря, весь его жизненный путь были сориентированы на нее. Не будь войны, он внезапно лишился бы цели и перестал бы быть тем, кем он был в действительности.

---

⁷⁶ *Dönitz K. Zehn Jahre und zwanzig Tage. S. 45.*

¹ Автор несколько категоричен — на самом деле историки пытаются в основном ответить на вопрос: кто в большей мере способствовал (то есть своими действиями подтолкнул Гитлера) и попустительствовал (то есть не сделал всего возможного, чтобы предотвратить) началу войны. То, что войну развязал Гитлер, — сомнению в более-менее серьезных работах не подвергается. — *Прим. науч. ред.*

Он как-то сказал, что война является «конечной целью политики»². Это положение относится к основополагающим максимам его мировосприятия. Лежащие в его основе идеи он развивал снова и снова в многочисленных выступлениях, в публикациях, речах и беседах: политика, по его мнению, есть обеспечение «жизненного пространства» того или иного народа. Исполкон веков необходимое «жизненное пространство» можно было завоевать и удержать лишь при помощи борьбы; следовательно, политика была своего рода перманентным ведением войны. Вооруженное же столкновение было лишь его высшей степенью — «сильнейшей и самой классической формой» не только политики, но, как считал Гитлер, и жизни вообще. Пацифизм же испортил бы людей, «их место опять заняли бы звери», которые неукоснительно подчиняются законам природы³. «С тех пор как Земля вращается вокруг Солнца, — сказал он в декабре 1940 года поверенному в делах Болгарии в Берлине Драганову, обратившись к патетически поэтизированному стилю, — пока существуют холод и жара, плодородие и бесплодие, буря и солнечный свет, до тех пор будет существовать и борьба, в том числе среди людей и народов... Если бы люди остались жить в Эдеме, они бы сгнили. Человечество стало тем, что оно есть, благодаря борьбе». В одной из своих «Застольных бесед» во время войны он заявил, что мир, продолжающийся дольше 25 лет, вреден для нации⁴.

В этих мифологизирующих сферах его мышления право развязывать войну давали не жажда власти, потребность в славе или революционная уверенность в своей миссии спасителя, Гитлер даже назвал ведение войны ради захвата природных богатств преступлением. Лишь мотив «жизненного пространства» разрешает браться за оружие. Но в чистой форме война была не зависима и от этого, являясь просто всемогущим исконным законом смерти и жизни, завоеванием од-

---

² Так Гитлер заявил в своем выступлении в гамбургском Национальном клубе в 1919 году; цит. по: *Jochmann W. Im Kampf*. S. 83.

На самом деле выражение, что «война — это продолжение политики другими средствами», принадлежит Отто фон Бисмарку. — *Прим. науч. ред.*

³ Из выступления перед офицерами и выпускниками военных училищ 15 февраля 1942 года, цит. по: *Kotze H. v., Krausnick H. Op. cit.* S. 308, а также: *Hitlers Tischgespräche*. S. 248.

⁴ *Hitler's Table Talk*. P. 661; см. также: *Hillgruber A. Staatsmänner*. Bd. I. S. 388.

ного другим, неистребимым атавизмом: «Война — самое естественное, самое обыденное дело. Война идет всегда и повсюду. У нее нет начала, нет конца в виде мира. Война — это сама жизнь. Война — всякая схватка. Война — исконное состояние»⁵. Не поддаваясь чувству дружбы, идеологии и не считаясь с нынешними союзами, он порой заявлял в «Застольных беседах», что в отдаленном будущем, когда будет реализована задуманная Муссолини программа разведения лесов, может быть, придется воевать и с Италией⁶.

В этих представлениях следует искать причину того, что национал-социализм не располагал утопией, а обладал лишь видением: Гитлер считал образ великого, всеобъемлющего порядка в мире всего-навсего «смешной выдумкой»⁷. Даже его мечты о мировой империи достигали пика не в панораме гармонического века, — они были полны звона оружия, бунта и волнений. Сколь бы далеко ни простиралась в будущем власть Германии, где-нибудь она все равно наталкивалась бы на рубеж, где надо было бы воевать и проливать кровь, где происходила бы закалка расы и отбор лучших. «Мы оцениваем число собственных потерь, определяем масштабы возможного успеха и переходим в наступление, — писал он в своей «Второй книге», — совершенно независимо от того, остановится ли оно от нынешних рубежей в десяти тысячах или в одной тысяче километров. Какого бы предела ни достигал наш успех, он всегда будет лишь исходной точкой для новой борьбы». Эта почти маниакальная приверженность понятию и идее войны свидетельствовала о гораздо большем, чем о социал-дарвинистском подходе, — она вновь показывала, в какой степени Гитлер и национал-социализм порождены последствиями войны. Последние в равной степени определяли их чувства, их практику осуществления властных полномочий и их идеологию: мировая война, имел обыкновение непрестанно повторять Гитлер, для него никогда не кончалась. Ему и всему его поколению идея мира казалась странно нелепой, она не фигурировала в их фантазии, зачарованной борьбой и враждой. Уже вскоре после завершения процесса завоевания власти, когда внутривнутриполитические противники были устранены, Геббельс сказал одному

---

⁵ *Rauschning H. Gespräche.* S. 12; см. также: *Hitlers Tischgespräche.* S. 172.

⁶ *Hitlers Tischgespräche.* S. 328.

⁷ *Hillgruber A. Staatsmänner.* Bd. I. S. 385.

иностранному дипломату, что «часто с большой тоской вспоминает о прежних временах, когда всегда были возможности для атак», а один человек из ближайшего окружения Гитлера говорил о его «патологически бойцовской натуре»⁸. Эта потребность была столь сильной и доминирующей, что в конце концов она заглушила и поглотила все, в том числе и не в последнюю очередь так долго восхвалявшийся политический гений Гитлера.

Мысли и устремления Гитлера были почти исключительно нацелены на войну. Но та война, что началась 3 сентября объявлением войны со стороны западных держав, с ее абсурдно перепутанными фронтами, была не той войной, которой он так желал. Незадолго до вступления на пост рейхсканцлера, в дни трезвого, высокого вдохновения он объявил своему окружению, что начнет схватку с вражескими державами без каких-либо романтических аффектов, руководствуясь лишь тактическими соображениями; он не будет играть в войну и никому не позволит втянуть его в военные действия при помощи той или иной интриги. «Войну буду вести я. Выгодный для нападения момент буду определять я. Бывает только один самый выгодный момент. Я дождусь его. С железной решительностью. И я его не упущу. Я направлю всю свою энергию на то, чтобы он наступил. Это моя задача. Только если я этого добьюсь, то у меня будет право посылать молодежь на смерть»⁹.

Поставленная Гитлером перед самим собой задача явно сорвалась. Действительно ли это было его провалом? Вопрос не в том, почему Гитлер начал Вторую мировую войну или, тем более, добровольно ли он принял это решение — вопрос лишь в том, почему он, почти полностью определяя ход событий, вопреки всем своим планам оказался в *этом* момент в *этой* войне.

Конечно, он неверно оценил позицию Англии и опять сыграл вопреки всем требованиям разума. Он слишком часто выходил из подобных ситуаций с триумфом, чтобы не поддаваться соблазну увидеть своего рода закон своей жизни в возможности невозможного. В этом глубинная причина того, что он в последующие месяцы питал многие напрасные на-

---

⁸ См.: *Dietrich O. Zwölf Jahre*, S. 156. Слова Геббельса см.: *Kirkpatrick I. Im inneren Kreis*. S. 69. Приведенную фразу из «Второй книги» см.: *Hitlers zweites Buch*. S. 77.

⁹ *Rauschning H. Gespräche*. S. 16.

дежды: сперва ожидая после быстрого разгрома Польши уступчивости Англии, потом выступления СССР на стороне Германии. Одно время он делал ставку на ведении войны с «Туманным Альбионом» не в полную силу, затем на массированные бомбардировки, потом ожидал поворота после победы над «континентальной шпагой» Англии. «Исход войны решается во Франции, — заявил он в марте 1940 года Муссолини, — если будет разбита Франция... то [Англии] придется заключить мир»¹⁰. Ведь Великобритания-де вступила в войну, по сути дела, без весомой причины, лишь из-за колеблющейся позиции Италии. Каждый из перечисленных моментов казался ему достаточным для того, чтобы побудить Англию выйти из войны. Других мотивов противника он просто не видел, он был так уверен в успехе своего дела, что в так называемом плане «Z» крайне вяло форсировал и без того урезанную программу строительства подводных лодок: в месяц со стапелей сходило вместо 29 всего лишь 2 субмарины.

Однако заблуждения относительно готовности Англии к войне не могут в достаточной степени обосновать решение Гитлера начать войну. Как-никак он осознавал тот риск, на который шел при этом. Когда 25 августа Лондон заявил о своей решимости следовать договору о помощи Польше, Гитлер не в последнюю очередь под впечатлением этого известия в очередной раз отменил приказ о начале военных действий. Оставшиеся дни не давали оснований предполагать, что воля Англии к сопротивлению ослабла. Если он 31 августа все-таки подтвердил приказ о нападении на Польшу, то должен был существовать более сильный мотив, повлиявший на его решение.

В общей картине его поведения обращает на себя внимание упорное, своеобразное слепое нетерпение, с которым он рвался к схватке. Оно находится в примечательном противоречии с оттяжками, постоянными колебаниями, всегда характерными для процесса принятия решений у Гитлера. Когда в последние августовские дни Геринг заклинал его не терять

---

¹⁰ *Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 102 f.* В той же беседе Гитлер заметил, что займется подводными лодками «со всей энергией» только с осени 1940 года, «однако надеется, что до этого времени он уже расправится со своими врагами». *Ebd. S. 92 f.* Содержащийся в следующей фразе намек, что Англия, по сути дела, вступила в войну только из-за колеблющейся позиции Италии, сделан в ходе его беседы с Чиано: *Ciano G. Op. cit. S. 42.*

чувства меры, он отрезал, что всегда шел в своей жизни ва-банк¹¹. Как бы ни было верно это замечание по сути, оно резко противоречило недоверчивому, осторожному стилю, который отличал политику Гитлера во все прошедшие годы. Чтобы обнаружить истоки его неожиданного поведения летом 1939 года, напоминающего прежние провокации и трюки, надо вернуться в далекое прошлое, к раннему этапу его жизненного пути.

Действительно, все говорит о том, что в эти месяцы Гитлер словно бы отказался даже от проверенной тактики — отказался от политики как таковой, в которой он блистал 15 лет и порой не имел равного себе противника. Ему будто надоело подчиняться факторам, требующим неторопливости, вечного лавирования, искусства притворяться и плести паутину дипломатии. Он опять искал «великого, общепонятного, освобождающего действия»¹². К числу резких поворотов его жизни относится, как мы наблюдали, ноябрьский путч 1923 года: строго говоря, именно он ознаменовал вступление Гитлера в большую политику. До этого он выделялся прежде всего своим максимализмом, необъяснимой агрессивностью своих действий, радикальными альтернативами «все или ничего», которые он с мрачной выразительностью обрисовывал ночью перед маршем к Фельдхернхалле. «Когда нас позовет решительная борьба не на жизнь, а на смерть, то мы будем знать только небо над нами, землю под нами и противника перед нами». До того он знал только «фронтальные» отношения как внутри движения, так и с силами вне его. Наступательному стилю выступлений отвечал грубый командный тон председателя партии, все указания которого свидетельствовали о категорической, безоглядной решимости¹³. И лишь провал путча 9 ноября 1923 года заставил Гитлера полностью осознать смысл и возможности политической игры, тактических уловок, коалиций и заключаемых для маскировки компромиссов. Путч превратил драчливого радикала в рассуди-

---

¹¹ *Weizsäcker E. v. Op. cit. S. 258.*

¹² Так заявил Гитлер осенью 1933 года, обосновывая свое решение о выходе Германии из Лиги Наций; см.: *Rauschning H. Gespräche. S. 101 f.*

¹³ См., например, «Информационный бюллетень» от 26.4.1922; цит. по: *Horn W. Op. cit. S. 69.* Другие примеры см.: *Ebd. S. 67 ff.* Предыдущая цитата взята из обращения Гитлера к Штурмовым отрядам 16.12.1922. См.: *PND-Bericht. Nr. 393. HA 65/1483.*

тельно рассчитывающего свои ходы политика. Несмотря на весь блеск, с которым он вскоре освоил новую роль, он никогда не мог полностью скрыть, каких усилий стоило ему маскироваться под овечку, как тому сказочному волку из сказки про семерых козлят. В глубине души он был по-прежнему против обходных маневров, против установившихся правил игры, законов и, что гораздо важнее, против традиционной политики вообще.

Теперь он возвращался в свое прежнее состояние, полный решимости разорвать наконец сеть зависимостей и фальшивых согласий и вновь отвоевать для себя свободу путчиста называть политика «свиньей, предлагающей мне предложение о посредничестве». Гитлер вел себя «как природная стихия», докладывал румынский министр иностранных дел Гафенку в апреле 1939 года после визита в Берлин¹⁴ — вряд ли можно найти формулу, более метко описывающую демагога и бунтаря начала 20-х годов. Характерно, что с принятием решения о начале войны регулярно, иногда по несколько раз в одной речи опять стали появляться и чуждые политике альтернативы «победа или смерть», «мировое господство или гибель». Втайне он всегда испытывал к ним симпатию: «Всякая надежда на компромиссы — ребячество, вопрос стоит так: победа или поражение, — заявил он, например, 23 ноября 1939 года своим генералам. — Я поднял немецкий народ на недостижимую высоту, хотя сейчас нас и ненавидят в мире. Это я ставлю на карту. Я должен сделать выбор между победой и уничтожением. Я выбираю победу». Спустя несколько предложений эта мысль повторяется: «Речь идет не о каком-то частном вопросе, а о том, быть или не быть нации»¹⁵. Вполне в духе этого ухода от политики он явно возвращался в том, что касается терминологии и выразительности, на иррациональный уровень. «Только тому может сопутствовать благосклонность Провидения, кто борется с судьбой», — заметил он в той же речи. Один наблюдатель из его ближайшего окружения отмечал в последние дни августа ярко выраженную «тенденцию к смерти в стиле Нибелунгов». В то же время Гитлер ссыался в свое оправдание на Чингисхана, который также «отправил на тот свет миллионы женщин и детей». Фюрер определял войну как «роковую борьбу, которую нельзя как-то подменить или обойти посредством

---

¹⁴ *Freund M. Weltgeschichte. Bd. III. S. 189.*

¹⁵ *Domarus M. Op. cit. S. 1425 f.*

какого-нибудь хитроумного политического или тактического искусства, война — это действительно своего рода схватка гуннов... в которой или остаешься стоять на ногах, или падаешь и гибнешь — одно из двух»¹⁶. Во всех этих свидетельствах нельзя не увидеть симптомы того, что он вновь вернулся в тому периоду своей жизни, где события определялись не презренными увертками и не искусством скользких политиков, а историей и поступью судьбы.

Последующие годы показали, что отход Гитлера от политики проистекал не из преходящего каприза — по сути, он никогда не возвращался в политику. Все попытки его окружения: настойчивые заклинания Геббельса, побуждения Риббентропа или Розенберга, даже высказывавшиеся порой рекомендации таких зарубежных политиков, как Муссолини, Хорти и Лаваль, были напрасны. Регулярные встречи с руководителями государств-сателлитов, которые становились все реже по мере того, как затягивалась война, — это было все, что осталось от политики, но, по сути, и они не имели никакого отношения к политической деятельности, сам Гитлер метко окрестил их «сеансами гипноза». Эту эволюцию венчает ответ, который он дал представителю МИДа в Ставке, послу Хевелю¹⁷ весной 1945 года на его предложение использовать последнюю возможность политической инициативы: «Политика? Я политической больше не занимаюсь. Она мне так противна»¹⁸.

В остальном же он самым противоречивым образом обосновывал свою пассивность изменениями обстоятельств. В те времена, когда военная удача была на его стороне, он считал, что время работает на него, в периоды невезения он опасался ослабления своих позиций на переговорах. «Он считает себя

---

¹⁶ Так Гитлер высказался при обсуждении обстановки 31.7.1944; см.: *Hitlers Lagebesprechungen*. S. 587, также: *Weizsäcker E. v.* Op. cit. S. 258. Ссылка на Чингисхана содержится в его выступлении 22.8.1939; см.: *VJHfZ*, 1968. Н. 2. S. 139.

¹⁷ Бригадефюрер СС Отто Вальтер Хевель (25.3.1904—2.5.1945) был одним из ветеранов движения и Ударного отряда «Адольф Гитлер», в составе которого участвовал в «Пивном путче». С 1940 года — постоянный представитель министра иностранных дел И. фон Риббентропа в Ставке фюрера. Погиб в бункере Имперской канцелярии, возможно покончил жизнь самоубийством. — *Прим. науч. ред.*

¹⁸ По записи одного из старших офицеров Генштаба, опубликованной в: *Kriegstagebuch des OKW (КТВ/ОКВ)*. Bd. IV. T. 2. S. 1704. Приведенную выше реплику Гитлера см.: *Hitlers Lagebesprechungen*, S. 862.

пауком-крестовиком, — цитировали его заявление времен второго этапа войны, — который выжидает полосу везения, надо лишь быть готовым и иметь к этому моменту под рукой все необходимое». В действительности за такими картинами он скрывал свое непреходящее подозрение к политике вообще, ее ставки представлялись ему слишком незначительными, ее успехи слишком пресными, в ней не было той огненной магической субстанции, которая превращала успехи в триумфы. В различных высказываниях военных лет проходит его идея, что надо «самим отрезать себе возможные линии отхода... тогда воевать легче, а решимость крепче»¹⁹. Политика, как он теперь считал, была не чем иным, как «возможным путем отступления».

Отказавшись от политики, Гитлер вернулся и на былые принципиальные идеологические позиции. Та жесткость его образа мира, которая так долго оставалась скрытой благодаря его безграничной тактической и методической подвижности, теперь стала вновь проявляться во все более резких формах. Война положила начало процессу окостенения, который стал вскоре захватывать всю его личность и парализовывать все ее реакции. Уже неофициальное распоряжение Гитлера, отданное им 1 сентября 1939 года — в день начала войны, — подвергнуть всех неизлечимо больных эвтаназии было тревожным признаком²⁰. Наиболее осязаемой формой этого процесса стало маниакальное усиление антисемитизма, который сам по себе был проявлением мифологизирующего искажения сознания. В начале 1943 года Гитлер заявил в разговоре с одним зарубежным гостем: «Евреи — естественные союзники большевизма, они претенденты на те места, которые ос-

---

¹⁹ Высказывание в ходе беседы с членами Регентского совета Болгарии в замке Клесхейм 16.3.1944; цит. по: *Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 377*. В той же беседе Гитлер сказал, что эту войну «ведешь тем решительнее, чем меньше думаешь, что есть еще и другие пути для ее окончания». *Ebd. S. 376*.

²⁰ Это распоряжение было отдано в виде письма следующего содержания: «Рейхслейтеру Боулеру и д-ру медицины Брандту поручается под их личную ответственность расширить полномочия поименно рекомендуемых врачей до предоставления им права умерщвлять из милости тех пациентов, болезнь которых по человеческим понятиям представляется неизлечимой, а состояние — критическим. Адольф Гитлер». См.: *IMT. Bd. XXVI. S. 169*. Однако программа эвтаназии не была осуществлена в полном объеме прежде всего из-за последовавших вскоре протестов со стороны церкви.

вободятся в случае большевизации при ликвидации нынешней интеллигенции. Поэтому чем радикальнее меры против евреев, тем лучше. Предпочтительнее выдержать Саламинское морское сражение²¹, чем ждать схватки с неясным исходом, лучше сжечь за собой все мосты, ибо еврейская ненависть все равно будет колоссальной. Германии... нельзя повернуть назад с однажды избранного пути»²². Его чувство, что он вступил в окончательную великую битву, явно усиливалось, эсхатология, по его мнению, не знает фигуры дипломата.

Когда мы ищем конкретный элемент, приведший в движение все эти процессы, необходимо отметить, что отвращение Гитлера к политике, как бы органично ни вписывалось оно в психологический облик этого человека, которому постоянно претила устойчивость, конечно же не дает исчерпывающего объяснения. После войны некоторые высказывали мысль, что в структуре его личности под воздействием некой болезни произошел перелом, но конкретных данных, подтверждающих эту версию, нет. За такими рассуждениями нередко скрывается лишь попытка разочарованных приверженцев режима объяснить различие между Гитлером периода успехов и Гитлером периода неудач. Но какие бы переломы ни происходили в жизни этого человека — совершенно неизменный характер представлений и идеологии, который проявился на этой фазе и столь тесно связывает ее с ранними периодами жизни, говорит о том, что налицо не перелом, а, напротив, неизменность сути Гитлера.

Конечно, во всем играли свою роль нетерпение, потребность в драматизации происходящего, быстрое пресыщение успехами, динамика, которую он вызывал к жизни и жертвой которой он теперь стал, «непреодолимая тяга» к тому, чтобы «не оставаться в пассивном состоянии», которую отмечал Ульрих фон Хассель уже во время оккупации Рейнской области, и, наконец, феномен страха перед временем. Последний самое позднее с 1938 года придавал его образу действий характерные черты и еще более усиливался теми соображениями, что время не просто утекает у него из рук, но и работает против него. «Во время бессонных ночей, — заверял Гитлер Муссолини, —

---

²¹ Переломное сражение в ходе греко-персидской войны 500—449 годов до н.э. Произошло в 480 году до н.э. в Саламинском проливе. — *Прим. пер.*

²² Из беседы с маршалом Антонеску 13.4.1943; см.: *Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. II. S. 232 f.*

он искал ответа на вопрос, не лучше ли для Германии отложить начало войны на два года», но потом, осознавая неизбежность конфликта и растущую силу противника, «напал на Польшу осенью, не откладывая дело в долгий ящик»²³. Аналогичные вещи он говорил 27 сентября 1939 года фон Браухичу и Гальдеру, а в составленном двумя неделями позже меморандуме он отмечал: «При сложившемся положении вещей... можно считать, что время с большей вероятностью является союзником западных держав, нежели нас»²⁴. Эти соображения он развивал во всех новых аспектах, говоря не только о «счастье, что он сам может вести эту войну», но даже о ревности, которая появляется при мысли, что эту войну мог бы начать после него кто-то другой, в другом месте. Пренебрежительно оглядывая любого из своих преемников, он заявил, что не хочет, чтобы «после его смерти имели место “глупые войны”». В обобщенной форме его излюбленные рассуждения содержатся в речи 23 ноября 1939 года, в которой он призвал командование вермахта форсировать подготовку к наступлению на Западе. Проанализировав положение, он заметил:

«В качестве последнего фактора я со всей скромностью должен назвать собственную личность — я незаменим. Меня не может заменить ни гражданский, ни военный деятель. Попытки покушения могут повториться [подобно той, что была 8 ноября 1939 года в пивной «Бюргербройкеллер»]. Я убежден в силе своего разума и в своей решимости. Войны всегда заканчиваются уничтожением противника. Всякий, кто думает иначе, поступает безответственно. Время работает на противника. Сейчас соотношение сил таково, что оно уже не может улучшиться для нас, оно может лишь ухудшиться. Противник не

---

²³ Это было сказано в беседе с Муссолини на Бреннерском перевале 18.3.1940, цит. по: *Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 90*. По поводу замечания Ульриха фон Хасселя см.: *Vom anderen Deutschland. S. 27*.

²⁴ Опубликовано в: *IMT. Bd. XXXVII. S. 469 (Dok. 052-L)*; фон Браухичу и Гальдеру Гитлер заявил: «Время будет в целом работать против нас, если мы не сумеем всемерно использовать его. Экономические средства противной стороны сильнее. [Противники] в состоянии делать закупки и организовывать перевозки. И с военной точки зрения время работает не на нас... По психологическим и материальным причинам время в военном отношении работает против нас». *Halder F. KTB. Bd. I. S. 86 f.* См. в этой связи также замечание Гитлера в одном из его выступлений примерно пять лет спустя, незадолго до наступления в Арденнах, что «более удачного срока, чем в 1939 году... вообще не могло быть»; см.: *Hitlers Lagebesprechungen. S. 717*.

пойдет на заключение мира, если соотношение сил будет для нас неблагоприятным. Никаких компромиссов. Крайняя требовательность по отношению к самим себе. Я буду наступать, а не капитулировать. Судьба рейха зависит только от меня. Я буду действовать в соответствии с этими соображениями»²⁵.

К отказу от политики, который проявлялся в таких своеобразных опьяняюще рационализированных выкладках, Гитлера ободрял, однако, и весьма успешный ход начальной фазы войны. Роль полководца, которую он еще во время Польской кампании исполнял с некоторой сдержанностью, он скоро стал играть с растущим увлечением. Некая инфантильность, с которой он стремился перевести в разряд постоянного хобби все занятия, как-то однажды захватившие его, чувствовалась и в этом безмерном увлечении работой у стола с картами в Ставке фюрера. Она давала его нервам новые возбудители, вместе с тем ставила перед ним новые задачи. В профессии полководца он бесспорно видел высший экзамен не только для «силы мозга», своей жесткости и решимости, но и для своего театрального темперамента — режиссерскую задачу «самого гигантского масштаба» и смертельной серьезности. Этот момент подчеркивает его замечание, что только художественно одаренные люди обладают полководческими способностями. Первоначальные, одержанные с легкостью победы укрепили его уверенность, что он добавит к славе оратора и политика еще и лавры полководца. Война шла и шла, а слава все не приходила, и он стал гнаться за ней — неистово, упрямо, поглощенный своими фантазмагориями — вплоть до своей гибели.

Воля Гитлера к войне была, однако, не только столь сильной и безусловной, чтобы он ради нее смирился с превращением своей концепции в ее противоположность. Кроме того, он вступил в схватку, несмотря на то что подготовка к ней во всех отношениях была неудовлетворительной. Подавленное настроение населения Германии, неоднократно продемонстрированное в прошедшие месяцы нежелание людей выражать свое ликование по поводу начала войны свидетельствовали о неудовлетворительной психологической подготовке населения. В своем нетерпении Гитлер слишком мало сделал для ее улучшения. После речи в Рейхстаге 28 апреля он почти не выступал перед массами. Возможно, он исходил из того, что

---

²⁵ IMT. Bd. XXVI. S. 332 (Dok. 789-PS); к приведенным выше высказываниям см.: *Hillgruber A. Staatsmänner*. Bd. I. S. 125, 51, 57.

драматизм событий и так оказывает достаточное воздействие в плане мобилизации и пробуждения энергии населения. Но чувство удовлетворения, которое доставили немцам возвращение Рейнской области, аншлюс Австрии и присоединение Судетской области, уже окончательно исчерпало себя при оккупации Праги. Престиж нации, которая так долго чувствовала себя униженной, ни Данциг, ни Польский коридор уже не были действительно животрепещущими вопросами. Хотя война против Польши была популярнее какой-либо другой кампании Второй мировой войны, но никаких действительно серьезных мотивов для нее не было: ни раздутые сообщения о «зверствах поляков», которые убивают, пытаются и насиловать немцев, ни реальное число — примерно 7 тысяч жертв — не могли создать их. Уже спустя немного месяцев после начала войны участились выражения недовольства. Служба безопасности (СД) сообщала мнение населения, «что войну начали без достаточной подготовки». Между Рождеством и Новым годом пришлось впервые использовать полицию для разгона групп недовольных²⁶.

Решение Гитлера начать войну было вызвано и опасением, что готовность населения к войне может ослабнуть еще больше; он считал необходимым начать схватку, пока еще имелась возможность воспользоваться динамикой прошлых лет, которая падала прямо на глазах. «Тот, кто избегает битв, — заявил он как-то раньше, — никогда не наберется сил, чтобы сражаться». В одной из своих последних речей он оправдывал момент начала войны («более удачного срока, чем 1939 год... вообще не могло быть»), отмечая, что его решение было продиктовано психологическими соображениями: «Воодушевление и готовность к жертвам нельзя... разложить по банкам и законсервировать. Они возникают один раз — в ходе революции и потом постепенно затухают. Серые будни и приятные стороны жизни опять берут власть над людьми, превращая их в обывателей. То, чего мы добились благодаря огромной волне воодушевления, охватившей наш народ, нельзя было растратить просто так». Война была шансом вновь раскрутить этот маховик²⁷.

---

²⁶ Из донесения Службы безопасности о внутреннем положении от 8.1.1940; см.: *Boberach H.* (Hrsg.) *Meldungen aus dem Reich*. S. 34 f.

²⁷ Так Гитлер заявил в своем выступлении перед командирами дивизий 12.12.1944; см.: *Hitlers Lagebesprechungen*. S. 718, а также:

Однако война должна была отчасти сама создать предпосылки, необходимые для ее ведения, не только в психологической области. Строго говоря, в этом заключалась гитлеровская основная концепция схватки вообще, она, как мало что еще, опять выявила его суть азартного игрока. В начале июля 1944 года он со всей откровенностью заявил о приверженности этому принципу, признав, что данная война является «тем как бы авансовым финансированием, которое мы должны провести сегодня, чтобы иметь от него отдачу в будущем: работу, сырье, продовольственную базу. Она выступает также важнейшей школой для решения задач, которые будут вставать перед нами в будущем»²⁸.

Экономическая и военно-техническая подготовка была гораздо слабее психологической, хотя немецкая пропаганда непрестанно твердила о колоссальнейших усилиях по созданию военного потенциала. Весь мир верил ей и речам руководителей режима, согласно которым подготовка к войне была доминирующей целью германской экономики на протяжении последних лет. Полностью в этом духе Геринг, назначенный уполномоченным по четырехлетнему плану, хвастался: Германия уже воюет и только пока не стреляет²⁹. Действительность выглядела совсем иначе. Хотя страна превосходила своих противников по выплавке стали, запасам угля, ее промышленность была намного производительнее, но, несмотря на все усилия по обеспечению автаркии, зависимость от заграницы по видам сырья, имеющим решающее значение для ведения войны, была велика, составляя, например, по олову 90 %, по меди — 70 %, по каучуку — 80 %, по сырой нефти — 65 % и по бокситам — 99 %. По самым основным видам сырья страна имела запасов на один год, но медь, каучук и олово были израсходованы почти полностью уже весной 1939 года. Считается, что без мощ-

---

Hitlers zweites Buch. S. 138. Разного рода попытки Гитлера накануне войны обеспечить себе алиби во избежание обвинения в развязывании войны, то есть алиби, которое имело бы все-таки мобилизующее значение, были настолько несерьезны, что обесценивали сами себя. Позднее Гитлер прямо скажет о предложениях, сделанных им в последние дни августа 1939 года по поводу решения проблемы Данцига и Данцигского коридора: «Мне нужно было алиби главным образом в глазах немецкого народа, чтобы показать ему, что я сделал все, чтобы сохранить мир»; см.: Schmidt P. Op. cit. S. 469.

²⁸ Опубликовано в: Kotze H. v., Krausnick H. Op. cit. S. 345.

²⁹ См.: Milward A.S. Die deutsche Kriegswirtschaft 1939—1945. S. 30.

ной экономической поддержки Советского Союза Германия уже в самый короткий срок была бы парализована британской экономической блокадой. Молотов сам указал на это в беседе с Гитлером³⁰.

Немногом отличалась от этого ситуация в области вооружений. Хотя 1 сентября Гитлер и объявил в речи перед Рейхстагом, что направил на эти цели 90 миллиардов, это было одной из тех безудержных фантазий, в которые он регулярно впадал; оперируя цифрами³¹. Несмотря на все потраченные средства, Германия была готова к войне, начавшейся 1-го, а не 3 сентября. Сухопутные войска насчитывали 102 дивизии, но лишь половина из них были кадровыми и полностью боеспособными и в ходе их подготовки выявились существенные проблемы. Военно-морской флот явно уступал не только британскому, но даже французскому, не были до конца использованы возможности, которые предоставлял германо-английский договор 1935 года. Вскоре после заявления западных держав о вступлении в войну гроссадмирал Редер заявил, что германский флот или, точнее говоря, «то небольшое, что готово или еще способно вести войну, может выполнить только одну задачу — с честью погибнуть в бою»³². Только ВВС были сильнее, чем у противника (они насчитывали 3298 самолетов) однако боеприпасы к моменту завершения Польской кампании были наполовину израсходованы, так что не было возможности активно вести войну даже в течение 3—4 недель. В Нюрнберге генерал Йодль назвал имевшиеся резервы «просто смехотворными».

---

³⁰ См.: *Hillgruber A. Hitlers Strategie*. S. 31 f., где приводятся дополнительные данные о литературе, в том числе по экономическому аспекту московского договора; см. также: *Milward A. S. Op. cit.* S. 30. Упомянутое высказывание Молотова прозвучало в беседе 13.11.1940 в Берлине; см.: *Hillgruber A. Staatsmänner*. Bd. I. S. 307.

³¹ Согласно данным «Статистического справочника Германского рейха», расходы на вооружение в годы господства национал-социалистов составляли: за 1933/34 финансовый год — 1,9 миллиарда (из общей суммы расходов 8,1 миллиарда), за 1934/35 год — 1,9 миллиарда (из 10,4 миллиарда), за 1935/36 год — 4 миллиарда (из 12,8 миллиарда), за 1936/37 год — 5,8 миллиарда (из 15,8 миллиарда), за 1937/38 год — 8,2 миллиарда (из 20,1 миллиарда) и, наконец, за 1938/39 год — 18,4 миллиарда (из 31,8 миллиарда).

³² *Bensel R. Die deutsche Flottenpolitik von 1933 bis 1939*. Berlin; Frankfurt/M., 1958. S. 68. *Raeder E. Op. cit.* Bd. II. S. 172, а также: *Hillgruber A. Hitlers Strategie*. S. 35. ff., где приводятся дополнительные данные.

Запасы снаряжения по многим позициям также серьезно не дотягивали до четырехмесячного лимита, установленного Верховным командованием сухопутных войск (ОКХ). Поэтому наступление на Западном фронте даже вполсилы привело бы предположительно уже осенью 1939 года к поражению Германии и окончанию войны; специалисты подтверждают эту оценку³³.

Несомненно, Гитлер видел эти трудности и связанный с ними риск. В памятной записке от 9 октября 1939 года «о ведении войны на Западе» он обратился к этому вопросу, проанализировав его в специальном разделе «опасности в положении Германии». При этом главную тревогу вызывал вариант затяжной войны. По его мнению, Германия не была достаточно готова к ней ни в политическом, ни в материальном, ни в психологическом отношении. Но по его оценке, все эти слабости проистекали из общего положения Германии, а не из конкретной ситуации, поэтому состояние на неблагоприятных участках «за короткий срок никакими усилиями существенно не улучшить»³⁴. По сути дела, это означало не что иное, как неспособность Германии вести мировую войну в существующих условиях.

На эту дилемму Гитлер отреагировал исключительно характерным для него решением, которое продемонстрировало всю остроту его ума и изощренность даже в отношении самого себя: если Германия была не в состоянии вести широкомасштабную затяжную войну против коалиции противников, она должна разбивать врагов поодиночке короткими, отделенными друг от друга во времени концентрированными ударами и подобным образом шаг за шагом расширять

---

³³ См.: IMT. Bd. XV. S. 385 f. (показание Йодля, включавшее в себя и приведенное выше замечание; в той же связи Йодль заявил также, что «настоящее вооружение приходилось осуществлять уже в ходе самой войны»). Кроме того: *Jacobsen H.* - A. Fall Gelb. S. 4 ff.; о положении с боеприпасами см., в частности: *Halder F.* KTB. Bd. I. S. 99. В люфтваффе на 1.9.1939 насчитывалось 1180 бомбардировщиков, 771 истребитель, 336 пикирующих бомбардировщиков, 408 истребителей-бомбардировщиков, 40 штурмовиков, 552 транспортных самолета, 379 самолетов-разведчиков, а также 240 самолетов морской авиации. До конца 1939 года было произведено еще 2518 самолетов, в 1940 году — 10 392; в 1941 году — 12 392; в 1942 году — 15 497; в 1943 году — 24 795; в 1944 году — 40 593 и даже в первые месяцы 1945 года еще 7541 самолет; см.: *Hillgruber A.* Hitlers Strategie. S. 38, Anm.

³⁴ IMT. Bd. XXXVII. S. 468 f. (Dok 052-L).

свою военно-экономическую базу до тех пор, пока не сможет в конце концов вести мировую войну. Это и была стратегическая концепция блицкрига³⁵.

Идея блицкрига долгое время воспринималась лишь как тактический или оперативный метод военного уничтожения противника при помощи внезапного нападения. Но замысел блицкрига был гораздо шире: это была концепция общего ведения войны, которая учитывала специфические слабости и преимущества положения Германии и оригинально соединяла их в завоевательную практику нового типа. Используя передышки между различными военными кампаниями для дальнейшей гонки вооружений, можно было не только настраивать подготовку на того или иного конкретного противника, но и удерживать материальную нагрузку на экономику и общество в относительно ограниченных пределах, прежде чем фанфары колоссальных триумфов дадут необходимые психологические стимулы. Концепция блицкрига была не в последнюю очередь попыткой учесть прописную истину времен Первой мировой войны, согласно которой Германия выигрывала битвы, но проигрывала войны. Теперь же предполагалось просто разделить войну на серию победоносных сражений. В этом были слабое место и выражение всего самообмана авторов концепции, как бы она ни гармонировала в остальном с сутью режима и импровизирующим, определяемым мгновенным озарением стилем Гитлера. Она должна была потерпеть крушение в момент образования сильной коалиции противников и принятия ею бесповоротного решения на затяжную войну.

Гитлер так верил в свою концепцию, что никак не был готов к иному варианту большой войны. Представленное летом 1939 года Штабом оперативного руководства вермахта предложение «проработать при помощи командно-штабных учений» варианты развития ситуации в случае большого конфликта он отклонил с твердым указанием, что войну с Польшей можно локализовать³⁶. Его памятная записка от 9 октября была пер-

---

³⁵ Мысль о том, что идея блицкрига представляла собой не только возникший всего лишь из тактических соображений современный метод ведения войны, а нечто большее, впервые развил А.С. Милуорд в уже упоминавшемся исследовании «Германская военная экономика» (*Milward A. S. Die deutsche Kriegswirtschaft*). См. в этой связи также: *Le Testament politique de Hitler*. P. 106 ff.

³⁶ См.: KTB/OKW. Bd. I. S. 150 E.

вой конкретной попыткой определить обстоятельства и цели столкновения с Западом. Он также неоднократно отвергал предложения принципиального перевода экономики на рельсы затяжной войны, общий объем промышленного производства в 1940 году по сравнению с предшествующим годом слегка сократился, а незадолго до зимы 1941/42 года в ожидании предстоящих «молниеносных побед» в войне с Советским Союзом производство военной продукции было даже сокращено³⁷. В этом тоже давал себя знать опыт Первой мировой войны: Гитлер при любых обстоятельствах хотел избежать изматывающего психику населения воздействия долголетних жестких ограничений.

Взаимосвязь между Первой и Второй мировыми войнами ощущается на различных уровнях не только под углом зрения их интерпретации. Гитлер сам всякий раз настойчиво указывал на это. За его плечами всего лишь время перемирия, а перед ним — «победа, которую мы отбросили в 1918 году», — заметил он как-то. В речи 23 ноября 1939 года он сказал, имея в виду Первую мировую войну: «Сегодня разыгрывается второй акт этой драмы»³⁸. В свете этой взаимосвязи Гитлер предстает как особо радикальный представитель идеи создания Германии как мировой державы, которая восходит к последнему периоду канцлерства Бисмарка и на рубеже XIX—XX веков материализуется в конкретных целях войны. После провалившейся попытки 1914—1918 годов он с новой и еще большей решимостью попытался реализовать ее во Второй мировой войне: почти столетняя империалистическая преемственность германской истории достигла в Гитлере своей кульминации³⁹.

---

³⁷ *Milward A. S.* Op. cit. S. 17, а также: *Hillgruber A.* Hitlers Strategie. S. 45, где содержится дополнительная информация.

³⁸ *IMT. Bd. XXVI.* S. 330; см. также: *Rauschnig H.* Gespräche. S. 120, аналогичную мысль Гитлер высказал в речи 8.11.1941: «Это старый, вечный спор и старая вечная борьба. И в 1918 году она не завершилась. Тогда у нас украли победу... Но это было только начало, первый акт этой драмы, ее второй акт и финал разворачиваются сейчас, и на этот раз мы уж возместим все то, что у нас тогда украли. Пункт за пунктом, позицию за позицией мы все теперь снова включим в счет и взыщем долги»; см.: *Domarus M.* Op. cit. S. 1781.

³⁹ Так звучит прямо или косвенно высказанный тезис Фрица Фишера и его школы; см. в частности: *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht; *Fischer F.* Krieg der Illusionen; *Böhme H.* Deutschlands Weg zur Grossmacht; *Wernecke K.* Der Wille zur Weltgeltung. См. также и не-

И в самом деле, такая точка зрения имеет под собой убедительные основания. Уже общая взаимосвязь между Гитлером и предшествующим мировой войне временем, его появление из комплексов, идеологий и защитных реакций того периода придает ей весомость. Несмотря на всю новизну, он был глубоко анахроничным явлением, реликтом XIX века — в своем наивном империализме, комплексе величия, убежденности в неизбежной альтернативе между возвышением до статуса мировой державы или гибелью. В принципе, уже молодой, живший тенденциями своего времени горожанин венского периода повторил характерную эволюцию, в ходе которой ведущие консервативные слои эпохи искали спасения от социальных страхов в экспансионистской концепции, он только расширил и радикализировал ее. Если те зачастую ожидали от войны и завоеваний «оздоровления отношений» в смысле своих общественных и политических привилегий, «укрепления патриархального порядка и умонастроений»⁴⁰, то Гитлер мыслил как всегда в гигантски расширенных категориях. Он рассматривал войну и экспансию далеко выходя за рамки классовых интересов как единственный шанс на выживание нации и даже расы. Социал-империализм обычного образца своеобразно перемешивался в мышлении Гитлера с биологическим началом.

Однако и в том, и в другом случае видения превращения в мировую державу питал основной мотив находящегося под угрозой и стесненного существования. Хотя в первый раз, по меньшей мере, в случае с германским канцлером 1914 года фон Бетман-Гольвегом, проявлялись депрессия, нерешительность и слабость фаталиста, а во второй раз — одержимость и осознанная радикальность. Конечно, оба деятеля несравнимы; идея

которые порой резко противоположные мнения: *Zechlin E.* Die Illusion vom begrenzten Krieg. In: *Die Zeit*, 17.9.1965; *Stern F.* Bethmann Hollweg und der Krieg. In: *Recht und Staat*, H. 351/352; *Mommsen W.J.* Die deutsche Kriegspolitik 1914—1918. In: *Juli 1914* (немецкое издание «*Journal of Contemporary History*»). München, 1967, а также в первую очередь предисловие Карла Дитриха Эрдмана к дневникам, статьям, документам Курта Ришлера: *Riezler K.* Tagebücher, Aufsätze, Dokumente. S. 17 ff.

⁴⁰ Цит. по: *Mommsen W.J.* Die deutsche «Weltpolitik» und der Erste Weltkrieg. In: *NPL*, 1971. H. 4. S. 492; речь идет о том месте из дневника Ришлера, где тот вторит распространенным утверждениям; правда, Ришлер добавляет, что Бетман-Гольвег «возмущается подобной чепухой». См. также: *Fischer F.* Illusionen. S. 359 ff.

германской мировой империи была для Бетман-Гольвега «абсурдной, не укладывающейся в голову мыслью». Германия, подавленно говорил он иногда, «в интеллектуальном плане погибнет от своего политического господства, если она победит»⁴¹. Конечно же Гитлер даже отдаленно не знал такого порожденного внутренним надрывом скептицизма. Тем не менее Бетман-Гольвег был полон тех же пессимистических фантазий и настроений гибели с германским колоритом, что и Гитлер, хотя и в сублимированной буржуазным образованием форме. Это показывает, как глубоко укоренился мотив судьбы и катастрофы в немецком сознании; не говоря уж о разгневанных поклонниках превращения Германии в мировую державу, которые свалили Бетман-Гольвега в 1917 году.

Однако и то направление, которое придал Гитлер своим экспансионистским намерениям, отвечало давней традиции. Составной частью немецкой идеологии давно была идея, что Восток представляет собой естественное «жизненное пространство» рейха, и то, что Гитлер родился на территории двуединой монархии, еще больше усилило такой подход. Уже в 1894 году провозглашение шумного Пангерманского союза⁴² обращало интерес нации на Восток и Юго-Восток, «чтобы обеспечить германской расе те условия жизни, которые ей нужны для полного развития ее сил». На знаменитом Военном совете 8 декабря 1912 года начальник Генерального штаба граф фон Мольтке-младший потребовал довести до сознания страны «при помощи печати национальную заинтересованность в войне с Россией», и вполне в этом духе вскоре после того газета «Гамбургер Нахрихтен» потребовала неизбежной решающей борьбы с Востоком. Весь вопрос в том, подхватывала «Германия»⁴³, кто будет властвовать в Европе — германцы или славяне. Спустя немного дней после начала войны в МИДе был разработан «план создания нескольких буферных государств на Востоке», все они должны были находиться в зависимости от Германии. Еще дальше шла памятная запис-

---

⁴¹ Riezler K. Op. cit. S. 217 (11 октября 1914 г.); см. также: Ebd. S. 285 (16 июля 1915 г.), где говорится, что для Бетман-Гольвега уже сама мысль о «мировом господстве и т.д. традиционно несимпатична».

⁴² Был основан 9 апреля 1891 года в Берлине, первоначально именовался Всеобщим германским союзом, а с 1894 года — Пангерманским союзом. — *Прим. пер.*

⁴³ Основанная в 1871 году газета католического направления считалась неофициальным органом католического «Центра». — *Прим. пер.*

ка председателя Пангерманского союза Генриха Класа «О военных целях Германии», которая распространялась в виде брошюры в 1917 году. Она требовала обширных провинций на Востоке и предлагала устранение «демографической пестроты» путем обмена русских на поволжских немцев, переселения евреев в Палестину и смещения границ польского этноса на восток⁴⁴. Без проходившей во время Первой мировой войны дискуссии о целях войны, на которую накладывали свой отпечаток подобные фантазмагорические проекты, немислима гитлеровская концепция восточной политики, как бы ни оценивать влияние на нее русских эмигрантских кругов в Мюнхене и его собственную склонность к интеллектуальному утрированию.

Точно так же были предшественники у Гитлера и в отношении концепции союзов. Идея о необходимости для Германии заручиться нейтралитетом Великобритании, чтобы вместе с Австро-Венгрией вести завоевательную войну на Востоке и, может быть, одновременно против Франции, не была полностью чужда политике кайзеровской империи. Вскоре после начала войны Бетман-Гольвег уточнил эту схему, он даже считал возможным заключить после молниеносной войны на Западе союз с Великобританией, чтобы вместе с ней ударить по России, и ближе к концу войны он заявлял, что «столкновения можно было бы избежать, только договорившись с Англией»⁴⁵. Это было не что иное, как идеальная концепция Гитлера, в этой

---

⁴⁴ *Kruck A.* Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939. S. 85 и S. 44. Приведенное замечание фон Мольтке и обе цитаты из периодической печати см.: *Augstein R.* Deutschlands Fahne auf dem Bosphorus. In: *Der Spiegel*, 1969. Nr 48. S. 94; затем: *Fischer F.* Illusionen. S. 62 ff.

⁴⁵ Цит. по: *Steglich W.* Die Friedenspolitik der Mittelmächte. Bd. I. Freiburg i. Br. 1964. S. 418, а также: *Augstein R.* Op. cit. S. 100. Представление о том, что Великобритания является главным соперником Германии на пути ее устремлений, также существовало до, во время и после войны. Генерал Грёнер в докладе о сложившейся обстановке, с которым он выступил в Главной ставке 15 мая 1919 года, охарактеризовал Первую мировую войну как неудавшуюся попытку «бороться с Англией за мировое господство». Далее Грёнер сказал: «Если собираешься бороться за мировое господство, то готовиться к этому нужно заблаговременно, с учетом перспективы и с беспощадной последовательностью. Тут нельзя колебаться и проводить миролюбивую политику, а следует безоговорочно проводить политику силы. Но для этого необходимо, чтобы почва, на которой ты стоишь, оставалась как внутри, так и вовне твердой и непоколебимой. Мы же бессознатель-

схеме она впервые обозначилась в общих чертах. Гитлер, придя к власти, сразу стал стремиться к взаимопониманию с Англией и обеспечению ее нейтралитета, в то время как Веймарская республика, прежде всего при Густаве Штресемане, отдавала предпочтение примирению с Францией.

Преимущество немецкого стремления к превращению в мировую державу доказывается не только с точки зрения идеологии, геополитики и системы союзов, ее также нетрудно обосновать, рассмотрев исповедовавшие его общественные группы. Выразителями далеко идущих концепций кайзеровских времен были прежде всего консервативные правящие слои. У них же после крушения 1918 года сформировался ярко выраженный комплекс самоутверждения: с этого момента они стремились восстановить подорванное самосознание Германии, вернуть стране утраченные области (прежде всего в Польше) и в период Веймарской республики постоянно отказывались, включая даже их самых благоразумных представителей, дать гарантии нерушимости восточных границ. Например, памятная записка руководства рейхсвера, подготовленная им для МИДа в 1926 году, характеризует главное направление немецкой внешней политики (этот документ в высшей степени примечателен в рассматриваемом нами аспекте): освобождение Рейнской области и Саара, устранение Польского коридора и возвращение в состав Германии польской Верхней Силезии, аншлюс немецкой Австрии и, наконец, ликвидация демилитаризованной зоны⁴⁶. Это была, в несколько иной очередности, внешнеполитическая программа Гитлера в 30-х годах. В вожде НСДАП эти группы видели человека, способного осуществить их планы ревизии, потому что он, как никто другой, умел использовать Версальский договор и распространенные чувства унижения как средство сплочения и мобилизации нации поверх почти всех разделяющих ее барьеров. Характерно, что в начале его канцлерства они даже побуждали его пойти на обострение курса: как при уходе с конференции по

но стремились к мировому господству — об этом я могу сказать, конечно же только в самом узком кругу, однако тот, кто более или менее ясно и исторически смотрит на положение вещей, не может в этом сомневаться, не укрепившись достаточно прочно на континенте». См.: *Fischer F. Illusionen*. S. 1. Это именно то соображение, которое Гитлер положил в основу своих замыслов.

⁴⁶ См.: *Hillgruber A. Kontinuität und Diskontinuität in der deutschen Aussenpolitik von Bismarck bis Hitler*. Düsseldorf, 1969. S. 19.

разоружению и выходе из Лиги Наций, так и в вопросе разоружения консервативные члены кабинета подталкивали колебавшегося Гитлера вперед. Вплоть до Мюнхенской конференции они, по сути дела не одобряли лишь лихие методы азартного игрока, свойственные Гитлеру.

На этом, правда, преимущество заканчивалась. Ибо то, что добивавшиеся ревизии консерваторы типа фон Нейрата, фон Бломберга, фон Папена или фон Вайцзеккера считали целью, было для Гитлера даже не этапом, а лишь подготовительными мероприятиями. Он презирал нерешительных партнеров, потому что они как раз не хотели того, что приписывает им спорный тезис: «стремления к мировому господству», что было его «целью будущего», к которой он неуклонно стремился. Не новые (или тем более не старые) границы, а новые пространства, миллионы квадратных километров, более того, вся территория до Урала, а потом и еще дальше. «Мы будем диктовать Востоку наши законы. Мы завоюем шаг за шагом землю до Урала. Я надеюсь, что с этой задачей справится еще наше поколение... Тогда мы будем иметь отборных здоровых людей на все времена. Тем самым мы создадим предпосылки для того, чтобы руководимая, упорядоченная и управляемая нами — германским народом — Европа смогла выстоять на протяжении поколений в судьбоносных схватках с Азией, которая наверняка опять двинется на нас. Мы не знаем, когда это будет. Если в тот момент на другой стороне будет людская масса в 1—1,5 миллиарда, то германский народ, который, как я надеюсь, будет насчитывать 250—300 миллионов, вместе с другими европейскими народами при общей численности в 600—700 миллионов и с предпольем до Урала или же через сто лет и за Уралом, должен будет устоять в борьбе за существование с Азией»⁴⁷. От империализма кайзеровских времен этот империализм качественно отличала, разрушая преимущество, не столько жажда огромных пространств, которая уже наметилась у пангерманцев или, конкретнее с точки зрения политики силы, в восточных планах Людендорфа 1918 года, сколько, скорее, идеологический фермент, выступавший связующим элементом и придающий

---

⁴⁷ Из заявления Гимmlера в одной из его речей в Позене (4.10.1943), которая, несомненно, передает в концентрированном виде точку зрения Гитлера, выражавшуюся в это время, например, в «Застольных беседах»; см.: IMT. Bd. XXIX. S. 172 (Dok. 1919-PS).

ему ударную силу: представления об естественном отборе, расовом союзе и эсхатологической миссии. Что-то от внезапного понимания чего-то чужого, которое в большинстве случаев приходило слишком поздно, сквозит в словах одного консерватора, который охарактеризовал тогда Гитлера так: «Собственно говоря, этот человек принадлежит не нашей расе. Есть в нем нечто совершенно чуждое, что-то от вымершей прарасы»⁴⁸.

Высказывание Гитлера, что Вторая мировая война является продолжением Первой, отнюдь не общее место империалистической доктрины, как это часто считают. Оно, скорее, обозначает попытку выдать себя за выразителя преемственности, которую он не хотел обеспечивать, попытку в последний раз разыграть перед генералами и консервативными партнерами роль человека, который воплотит в реальность их несбывшиеся мечты о великой Германии, вернет им утраченную, украденную победу 1918 года. В действительности этому он отводил самое последнее место, жажда ревизии служила для него лишь идеальной отправной точкой. При недialeктическом подходе к понятию «преемственности» легко совершить ошибку в оценке характера явления: Гитлер не был Вильгельмом III⁴⁹.

Уже в «Майн Кампф» он писал, что программа, которую он представляет, «объявляет войну существующему порядку и имеющемуся мировосприятию вообще»⁵⁰. В сентябре 1939 года он лишь начал вести эту схватку силой оружия и за пределами страны. Уже Первая мировая война была, в крайнем случае отчасти, столкновением идеологий и государственных систем. Вторая стала им в несравненно более ярко выраженной, принципиальной форме. Она стала своего рода всемирной гражданской войной, которая решала не столько вопрос власти, сколько морали, которая будет господствовать впредь в мире.

У противников, которые противостояли друг другу после неожиданно быстрого разгрома Польши, не было объекта территориальных споров, целей завоевания, какое-то вре-

---

⁴⁸ Это слова Отто Хинце, сказанные Фридриху Мейнеке; см.: *Die deutsche Katastrophe*. S. 89.

⁴⁹ Имеется в виду «наследник монархии Гогенцоллернов» — последним императором Германии и королем Пруссии был Вильгельм II. — *Прим. науч. ред.*

⁵⁰ *Hitler A. Mein Kampf*. S. 508.

мя на протяжении «странной войны» той осени казалось, что боевые действия утратили свою побудительную причину. На этом основывался слабый шанс на восстановление мира. 5 октября Гитлер отбыл в Варшаву на парад победы, объявив, что на следующий день выступит с важным «призывом к миру». Вряд ли кто-либо мог догадаться, сколь беспредметными были неопределенные последние надежды, которые вновь возникли после этого заявления. Ведь уже за две недели до него Сталин уведомил германского диктатора, что не питает особых симпатий к идее существования суверенного польского государства, пусть и в усеченном виде. Гитлер, проявляя недавно появившуюся антипатию к политическим альтернативам, принял предложение провести переговоры. Когда они окончились 4 октября⁵¹, Польша в который раз была поделена между могучими соседями. Одновременно была сорвана возможность завершить войну с западными демократиями при помощи политического решения. Один иностранный дипломат сказал о речи Гитлера в Рейхстаге, что он как бы пригрозил не желающим его мира каторжной тюрьмой⁵².

С точки зрения своей общей концепции, Гитлер, однако, действовал логично: как бы ни хотелось ему опять добиться идеальной расстановки сил, предполагавшей западную поддержку, предложение Сталина было все же заманчивее. Оно давало ему наконец общую границу с Советским Союзом, ради которой он, собственно, и начинал войну с Польшей. Уже на вечернем совещании 17 октября 1939 года он дал указание начальнику ОКВ генерал-полковнику Кейтелю учесть впредь при планировании, что оккупированный польский регион «имеет для нас военное значение как передовой рубеж и может быть использован для сосредоточения и развертывания сил. Для этого надо содержать в поряд-

---

⁵¹ В этот день в Москве был подписан еще один дополнительный протокол к советско-германскому Договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года, конкретизирующий прохождение новой государственной границы обеих стран «на территории бывшего Польского государства». Важнейшей же частью переговоров явился второй визит Риббентропа в Москву (27—29 сентября), в ходе которого были заложены основы тесного сотрудничества обоих тоталитарных режимов в политической, военно-экономической и идеологической сферах, не говоря уже о чисто военных вопросах. — *Прим. пер.*

⁵² См.: Görlitz W., Quint H.A. Op. cit. S. 547.

ке и использовать для наших целей железные дороги, шоссе, линии связи. Следует устранить все попытки какой-либо консолидации в Польше». Иронически Гитлер добавил: «процветать пышным цветом должно только “польское говядотяпство”»⁵³.

Он и в моральном плане переступил ту черту, которая делала войну неотвратимой. В том же разговоре он распорядился подавлять в зародыше все усилия, которые могут «превратить польскую интеллигенцию в руководящую силу. Жизненный уровень в стране должен оставаться низким; мы хотим лишь одного — черпать оттуда рабочую силу». В состав рейха была включена территория, далеко выходявшая за границы Германии 1914 года — прежде всего область реки Варты и Верхнесилезский промышленный район⁵⁴. Остальная часть была объявлена генерал-губернаторством⁵⁵, во главе которого был поставлен Ганс Франк. Генерал-губернаторство стало объектом беззастенчивого процесса онемечивания и войны на поражение и уничтожение: Франк должен быть способен, заявил Гитлер, «завершить дьявольское дело!» Уже в последние дни сентября он поручил Генриху Гиммлеру очистить эти области от нежелательных расовых элементов. Упразднив военную администрацию 25 октября 1939 года, он дал ему зеленый свет для «этнической борьбы». Части СС и полиции положили начало режиму, основанному на терроре. Здесь арестовывали, переселяли, изгоняли, ликвидировали; один немецкий офицер, ужаснувшись, писал в письме «о банде убийц, разбойников и грабителей», а Ганс Франк мечтал об «эпохе Востока», которая начинается теперь для Германии, «времени колоссальных преобразований по колонизации и заселению»⁵⁶.

---

⁵³ IMT. Bd. XXVI. S. 378 f. (Dok. 864-PS).

⁵⁴ На этих территориях сформированы имперские гау Вартеланд (со столицей в Позене) и Данциг — Западная Пруссия; округ Цихенау был включен в состав Восточной Пруссии. — *Прим. науч. ред.*

⁵⁵ 24 октября 1939 года было создано «Генерал-губернаторство для оккупированных польских областей», которое 8 июля 1940 года переименовано в просто «Генерал-губернаторство». Столицей нового территориального образования стал Краков. — *Прим. науч. ред.*

⁵⁶ Цит. по: *Wulf J. Das Dritte Reich und seine Vollstrecker*. Berlin, 1961. S. 352 ff.; упомянутое письмо немецкого офицера приводится в: *VJHfZ*, 1954. Н. 3. S. 298 f.

Генриха Гиммлера, который в ходе усиления идеологизации того времени заметно укрепил свою власть, Гитлер иногда хвалил за то, что тот не стесняется использовать «предсудительные средства», тем самым не только наводя порядок, но и превращая других в сообщников⁵⁷. Похоже, этот психологический расчет был одной из причин, независимо от всех экономических аргументов, превращения режима во все более откровенной форме в преступную систему. Намерение связать всю нацию с режимом чудовищными преступлениями, привить людям сознание того, что все корабли сожжены — то чувство Саламинского сражения, о котором говорил Гитлер, — было наряду с отказом от всякой политики попыткой отрезать все пути к отступлению. Почти в каждой речи, произнесенной Гитлером после начала войны, присутствует, как заклинание, тезис о том, что ноябрь 1918 года не повторится. Бесспорно, он чувствовал то, что записал в дневнике 3 октября 1939 года генерал-полковник фон Лееб⁵⁸: «Плохое настроение населения, никакого воодушевления, никаких флагов на домах, все ждут мира. Народ чувствует ненужность войны»⁵⁹. Развернутая вскоре после этого политика уничтожения людей на Востоке была одним из средств сделать войну необратимой.

У Гитлера больше не было другого выхода. Он опять оказался прижатым к стенке и испытывал старые, полузабытые ощущения. Теперь конфликт, как он имел обыкновение говорить, должен быть «доведен до конца». Заместителю госсекретаря США Самнеру Уэллсу, который посетил его 2 марта 1940 года, он заявил: «Речь идет не о том, будет ли уничтожена Германия» — Германия будет защищаться до последнего, но в «наихудшем случае будут уничтожены все»⁶⁰.

---

⁵⁷ Hitlers Lagebesprechungen. S. 63 f.

⁵⁸ На тот момент Вильгельм Риттер фон Лееб (5.9.1876—29.4.1956), ставший после поражения Франции генерал-фельдмаршалом, был командующим группой армий «Ц». Надо отметить, что в Польской кампании в боях под Львовом погиб сын Леебе — Альфред, после чего он с еще большей долей сомнения стал относиться к политике Гитлера. В июне 1941 — январе 1942 года Лееб командовал группой армий «Север» на советско-германском фронте. — *Прим. науч. ред.*

⁵⁹ Цит. по: *Jacobsen H.-A. Der Zweite Weltkrieg. S. 67.*

⁶⁰ *Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 76.*

КНИГА СЕДЬМАЯ

ПОБЕДИТЕЛЬ И ПОБЕЖДЕННЫЙ

Глава I

«ВЕЛИЧАЙШИЙ ПОЛКОВОДЕЦ ВСЕХ ВРЕМЕН»

Такое может только гений!

Вильгельм Кейтель

С прошлого сентября я думаю о Гитлере как о мертвеце.

Жорж Бернанос

Еще в течение октября 1939 года Гитлер начал перебрасывать свои победоносные дивизии на Запад и заново укомплектовывать их. Как всегда, когда он уже принял какое-то решение, его охватила жажда действий, во всяком случае, понятие «сидячая война», которым обычно называют последующие месяцы нерешительного выжидания, к его поведению не относится. Еще до того как западные державы отреагировали на его «призыв к миру» от 6 октября, он вызвал к себе главнокомандующих тремя видами вооруженных сил, а также Кейтеля и Гальдера и ознакомил их со своей памятной запиской, касающейся военной обстановки. Эта записка начиналась с псевдоисторической преамбулы о враждебной

позиции Франции со времен Вестфальского мира 1648 года¹, что и являлось обоснованием решения о немедленном наступлении на Западе. Цель войны определялась как «уничтожение сил и способности западных держав в очередной раз... воспрепятствовать дальнейшему развитию немецкого народа в Европе»². Это означало, что война на Западном фронте была неизбежным маневром, чтобы после начала великого завоевательного похода на Востоке избежать угрозы с тыла. Гитлер подробно изложил примененный в Польше метод маневренной войны и рекомендовал его и для похода на Запад. Решающим, как он выразился, является массированное применение танков, дабы «обеспечить оперативное продвижение армии вперед и избежать позиционной войны, как в 1914—1918 годах». Такова была концепция, увенчавшаяся столь триумфальным успехом в мае и июне следующего года.

Как и врученная генералам одновременно Директива № 6 о ведении войны, эта памятная записка психологически была направлена на преодоление строптивости высшего командного состава вермахта. «Главное — это желание разгромить врага», — с таким заклинанием обращался к присутствующим Гитлер³. Действительно, часть генералитета считала план Гитлера «выманить французов и англичан на поле битвы и разгромить их» в одинаковой мере авантюрным и рискованным и рекомендовала вместо этого упорной обороной как бы «усыпить» войну. Один из генералов назвал плен наступления «без умным», а фон Браухич, Гальдер и в первую очередь руководитель Управления военной промышленности и вооружений ОКВ генерал Томас, а также генерал-квартирмейстер ОКХ генерал фон Штюльпнагель приводили конкретные доводы со ссылками на незначительные сырьевые запасы, истощенные резервы боеприпасов, опасность зимней кампании и силу противника. Из этих политических, военных, а в чем-то даже моральных сомнений и

---

¹ Вестфальский мир 1648 года завершил Тридцатилетнюю войну 1618—1648 годов. Швеция по нему получила устья судоходных рек Северной Германии, Франция — часть Эльзаса, за германскими князьями фактически признаны права суверенных государей. — *Прим. науч. ред.*

² IMT. Bd. XXXVII. S. 466 ff. (Dok. 052-L).

³ Слова Гитлера из его комментария к зачитанной памятной записке; см.: *Halder F.* KTB. Bd. I. S. 102.

формировались новые замыслы противодействия политике Гитлера. Обеспокоенный Йодль обратился по этому поводу в начале октября к Гальдеру, ибо интриги офицеров означают «кризис тяжелейшего рода», и Гитлер «рассержен тем, что военные не идут за ним»⁴.

Чем строптивее вели себя генералы, тем нетерпеливее настаивал он на том, чтобы начать наступление на Западе. Первоначально им был установлен срок между 15 и 20 ноября, но потом начало наступления было перенесено на 12 ноября, и это вынуждало офицеров к скорейшему принятию решения. Как и в сентябре 1938 года, они стояли перед выбором: либо готовить войну, которую сами они считали роковой, либо организовать государственный переворот. Как и тогда, фон Браухич придерживался позиции середина наполовину, а за кулисами действовали все те же актеры: полковник Остер, вышедший к тому времени в отставку генерал-полковник Бек, адмирал Канарис, Карл Гёрделер, затем бывший посол в Риме Ульрих фон Хассель и другие. Центром их действий была штаб-квартира Генштаба в Цоссене. В начале ноября заговорщики решились на организацию государственного переворота в случае, если Гитлер будет и далее настаивать на наступлении. Браухич заявил о своей готовности предпринять последнюю попытку переубедить Гитлера во время беседы с ним, назначенной на 5 ноября. Это был тот самый день, когда немецкие соединения должны были занять исходные позиции для вторжения в Нидерланды, Бельгию и Люксембург.

Беседа в берлинской Имперской канцелярии вылилась в драматическое столкновение. Гитлер с показным спокойствием выслушал сначала те сомнения, которые главнокомандующий сухопутными войсками изложил в виде своего рода «памятной записки». Ссылка на плохие погодные условия была отмечена Гитлером коротким возражением, что погода

---

⁴ *Halder F.* КТВ. Bd. I. S. 98; см. также: S. 93 ff. О «безумном наступлении» говорил командующий группой армий «Ц» генерал-полковник фон Лееб; см.: *Jacobsen H.-A.* Fall Gelb. S. 50 f.; фон Лееб высказался также и по поводу провозглашенного Гитлером «призыва к миру»: «Речь фюрера в Рейхстаге оказалась в результате лишь одурачиванием немецкого народа». Относительно альтернативного предложения «усыпить» войну см. написанный в Нюрнберге очерк генерал-полковника Йодля «Гитлер — стратег», опубликованный в: *Kriegstagebuch des OKW (КТВ/ОКВ)*. Bd. IV. Hdbd. 2. S. 1717. Об офицерской оппозиции в этот период времени в целом см.: *Deutsch H.C.* Op. cit. S. 71 ff.

одинаково плоха и для противника, опасения же относительно недостаточности боевой выучки войск он отверг замечанием, что дополнительные четыре недели тут мало что изменят. Когда же фон Браухич стал критиковать поведение армии во время Польской кампании и заговорил о нарушениях дисциплины, Гитлер воспользовался случаем и впал в один из своих припадков неопишуемой ярости. Вне себя, как это отмечается в сделанной задним числом записи Гальдера, он потребовал, чтобы были приведены конкретные доказательства, желая точно знать, в каких частях имели место такого рода явления, что было их причиной, и были ли вынесены смертные приговоры. Он заявил, что должен лично убедиться, так ли это, в действительности же все дело в том, что командование армии не желает воевать и поэтому давно уже отстают темпы вооружения, но теперь он выкорчует с корнем этот «цоссенский дух». Резким тоном он запретил фон Браухичу продолжать доклад, и главнокомандующий, растерянный, с побелевшим лицом, покинул Имперскую канцелярию. «Б [раухич] совершенно подавлен», — так охарактеризовал его состояние один из очевидцев⁵. В тот же вечер Гитлер еще раз подтвердил своим приказом срок нападения — 12 ноября.

Хотя этим, собственно говоря, уже создавалась предпосылка для государственного переворота, заговорщики так ничего и не предприняли. Хватило одной угрозы искоренить «цоссенский дух», чтобы выявились их слабость и нерешительность. «Все слишком поздно и совершенно впустую», — записал в своем дневнике один из близких к Остеру людей, подполковник Гроскурт. В предательской спешке Гальдер сжег все компрометирующие материалы и с того же часа прекратил всю текущую работу по организации переворота. Когда три дня спустя Гитлер чуть было не стал жертвой покушения в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер», организованного, по всей вероятности, каким-то одиночкой⁶,

---

⁵ *Groscurth H. Op. cit. S. 224; Kosthorst E. Op. cit. S. 96; Halder F. KTB. Bd. I. S. 120*, а также показания фон Браухича на Нюрнбергском процессе: *IMT. Bd. XX. S. 628*.

⁶ Имеется в виду взрыв в «Бюргербройкеллер», произошедший во время празднования очередной годовщины «Пивного путча». Взрыв произошел уже после того, как Гитлер покинул пивной зал; погибло 7 человек, 63 было ранено. Организатором взрыва был слесарь левой ориентации (одно время член коммунистической боевой организации) Иоганн Эльсер (4.1.1903—9.4.1945). В ходе следствия Эльсер

страх перед крупной сыскной акцией со стороны гестапо окончательно парализовал последние остатки плана государственного переворота⁷. Кроме того, случайность устранила повод для выступления заговорщиков — 7 ноября из-за плохих погодных условий сроки вторжения были передвинуты. Правда, Гитлер отложил его всего лишь на несколько дней. О том, насколько ему не хотелось идти на значительное оттягивание сроков, как этого требовало командование вермахта, говорит тот факт, что такая ситуация повторялась в общем и целом 29 раз, прежде чем наступление все же началось в мае 1940 года. Во второй половине ноября главнокомандующих снова вызывали в Берлин для идеологической накачки. С пламенными призывами обращались к ним Геринг и Геббельс, а 23 ноября перед ними выступил с тремя длившимися в общей сложности семь часов речами сам Гитлер, в них он пытался уговорить и запугать офицерский корпус⁸. Напомнив о минувших годах, он упрекнул их в недостатке веры и заявил, что «глубочайшим образом обижен» и не может «вынести, чтобы ему кто-то сказал, что с армией не все в порядке», а затем с угрозой добавил: «Внутренняя революция невозможна — ни с вами, ни без вас». Свою решимость немедленно начать наступление на Западе он назвал неизменной и отозвался о планировавшемся и критиковавшемся некоторыми офицерами нарушении голландского и бельгийского нейтралитета как о пустяке, не имеющем никакого значения («Ни один человек не задаст об этом вопроса, если мы победим») и, наконец, высказал прямую угрозу: «Я не остановлюсь ни перед чем и уничтожу каждого, кто против меня». Свою речь он закончил следующими словами:

полностью взял на себя ответственность за взрыв, настаивая, что он совершил покушение один. Расстрелян по прямому указанию Г. Гимmlера и Г. Мюллера. Официально было объявлено, что он погиб при бомбардировке. — *Прим. науч. ред.*

⁷ См.: *Hoch A. Das Attentat auf Hitler im Münchener Bürgerbräukeller 1939. In: VJHfZ, 1969. Н. 4. S. 383 ff.*

⁸ *Guderian H. Erinnerungen eines Soldaten. S. 383 ff.* Цитируемая ниже речь сохранилась в нескольких, во многом идентичных версиях; из двух взятых в данном случае за основу версий одна представляет собой документ Нюрнбергского процесса PS-789 (IMT. Bd XXVI. S. 327 ff.), другая же находится в Военном архиве во Фрейбурге (104/3); записана она предположительно Г. Гроскуртом.

«Я полон решимости вести мою жизнь так, чтобы, если мне придется умереть, я бы смог сохранить достоинство. Я хочу уничтожить врага. За мной стоит немецкий народ, чье моральное состояние может стать только хуже... Если мы успешно выдержим борьбу — а мы ее выдержим, — наше время войдет в историю народа Германии. Я либо выстою, либо погибну в этой борьбе. Я не переживу поражения моего народа. Никакой капитуляции на внешнем фронте, никакой революции на внутреннем».

Офицерский кризис осени 1939 года имел далеко идущие последствия. По самой своей природе, постоянно влекшей его навстречу всепоглощающим эмоциям, Гитлер не только не верил впредь в лояльность своих генералов, но и не доверял их профессиональным советам. То нетерпение, с которым он взял на себя роль полководца, имело своим истоком именно эти события. В свою очередь, вновь проявившаяся слабость и уступчивость генералитета, особенно Верховного командования сухопутных войск, способствовали его намерению свести органы военного руководства к уровню всего лишь исполнительных инстанций. Уже при подготовке кампании против Дании и Норвегии, в результате которой он рассчитывал обеспечить себе доступ к запасам железной руды в Швеции и военно-морские и военно-воздушные базы для операций против Великобритании, он полностью исключил из этого Верховное командование сухопутных войск. Вместо того он поручил планирование операции специально созданному штабу при Верховном командовании вермахта (ОКВ) и реализовал тем самым также и в рамках воинской иерархии систему соперничающих инстанций, относившуюся к максимум его практики господства⁹. И его расчеты блистательно подтвердились, когда начатая в апреле 1940 года чрезвычайно рискованная операция, противоречившая всем привычным принципам ведения войны на море и считавшаяся в штабах союзников просто немыслимой, увенчалась полным успе-

---

⁹ Операция против Норвегии была детищем Верховного командования ВМС — именно там была выдвинута идея операции и разработан план военных действий. В данном случае автор имеет в виду XX командование генерала Николауса фон Фалькенхорста, которое, хотя и считалось в подчинении ОКВ, фактически контролировалось лично Гитлером. Операции против Дании и Норвегии не являются характерными для действий Гитлера во время Второй мировой войны. — *Прим. науч. ред.*

хом¹⁰. Начиная с этого момента, он уже не ожидал больше никакого открытого сопротивления со стороны генералитета. Бессилие офицерского корпуса иллюстрирует тот факт, что Гальдер еще во время осеннего кризиса обратился к статс-секретарю фон Вайцзеккеру с вопросом, нельзя ли повлиять на Гитлера, подкупив одну ясновидящую, — ради этой цели он готов был раздобыть миллион марок. Что же касается фон Браухича, то тот произвел на одного из своих посетителей такое впечатление, будто он «вконец деморализован и находится в полной изоляции»¹¹.

На рассвете 10 мая 1940 года началось, наконец, долгожданное наступление на Западе. Вечером предыдущего дня полковник Остер проинформировал противоположную сторону через своего друга голландского военного атташе в Берлине полковника Г. Й. Саса о предстоявшем наутро нападении. Но когда грохот орудий и вой «Штук» разорвали предрассветную тишину, для скептически настроенных Генштабов союзников, подозревавших ловушку, это все равно оказалось полной неожиданностью. Путем ввода крупных британских и французских сил, срочно переброшенных из Северной Франции, им, наконец, удалось где-то восточнее Брюсселя приостановить немецкое вторжение в Бельгию. И у них не вызвало никакого подозрения то обстоятельство, что немецкая авиация почти не препятствовала их ответным акциям, а вот это-то и оказалось подлинной ловушкой, в которую они попали, и именно тогда эта их ошибка стоила им, по большому счету, победы.

Первоначальная немецкая концепция этой кампании опиралась на главную идею плана Шлиффена¹²: она предус-

---

¹⁰ Несмотря на утверждения автора, успех был совсем неполный. Операция против Норвегии — «Везерübung» — показала слабость германского ВМФ, а также выявила ряд промахов в подготовке войск. Фактически успех операции был обеспечен лишь началом наступления во Франции и, как следствие, отводом англо-французского ВМФ и экспедиционного корпуса. — *Прим. науч. ред.*

¹¹ *Groscurth H.* Op. cit. S. 233.

¹² Разработанный начальником германского Генштаба (в 1891—1906 гг.) графом Альфредом фон Шлиффеном (28.2.1833—4.1.1913) план предусматривал охват французской армии слева и, отрезав ее от Парижа, оттеснение в юго-восточном направлении к швейцарской границе. Ввиду этого, на правом фланге германского крыла, наносившем удар, сосредоточивалось наибольшее число войск, причем для обеспечения открытого фланга они должны были двигаться уступами. — *Прим. науч. ред.*

матривала обход французских укрепленных линий через Бельгию и нанесение удара с северо-западного направления. Конечно, германское командование создавало, что в таком плане таились свои проблемы, — у него отсутствовал элемент внезапности, поэтому была угроза, что наступление захлебнется еще раньше, чем в Первую мировую войну, и перейдет в позиционную борьбу. Кроме того, оно требовало применения крупных танковых соединений на территории, изрезанной многочисленными реками и каналами, что, казалось, препятствовало быстрому наступлению, хотя именно на этом и был построен весь военный план Гитлера. Но никакой альтернативы генералы не видели. Предложенный в октябре 1939 года начальником штаба группы армий «А» генералом фон Манштейном план был отвергнут Браухичем и Гальдером, в результате чего Манштейн даже лишился своего поста¹³. Он настаивал на том, чтобы главный удар в немецком наступлении был смещен с правого фланга в центр, — это должно было вернуть германской стратегии элемент внезапности, поскольку Арденны не были, по всеобщему мнению, подходящим местом для крупномасштабных танковых операций. По той же причине французское командование держало на этом участке фронта относительно слабые силы, но как раз на этом и базировался план Манштейна. Если только немецким танкам удалось бы преодолеть эту горную и лесистую местность, они могли затем почти беспрепятственно катиться по равнинам Северной Франции до самого побережья — они бы отрезали армии союзников, введенные в Бельгию, заставляя их занимать заведомо неудобную позицию на побережье Ла-Манша.

И то, что первоначально смутило Верховное командование сухопутных войск — неожиданный, рискованный характер этого плана, — как раз моментально захватило Гитлера. Говорили, что у него в голове уже зрели подобные задумки, когда он узнал о предложении фон Манштейна. Поэтому, побеседовав с генералом, он приказал в феврале 1940 года переработать план кампании. Это и решило исход войны на Западе.

---

¹³ Манштейн 1 февраля 1940 года был снят с поста начальника штаба группы армий «А» и назначен командиром XXXVIII армейского корпуса — это было так называемое удаление с повышением, то есть он получил более высокую должность, но отстранен от принятия важных решений. — *Прим. науч. ред.*

Ибо отнюдь не численное превосходство и не превосходство в вооружении и технике были тем, что сделало войну на Западном фронте беспрецедентным, захватывающим дыхание победоносным походом. Силы, выступившие друг против друга 10 мая, были — при небольшом превосходстве в численности у союзников — примерно равны. 137 дивизиям западных держав, к которым следовало присоединить еще 34 голландские и бельгийские дивизии, противостояли 136 немецких дивизий; авиация союзников насчитывала 2800 машин, а у немцев было почти на 1000 самолетов больше; против примерно 3000 танков и самоходных орудий противника немецкая сторона выставила 2500, правда, они были большей частью объединены в танковые дивизии (а у французов рассредоточены по всему фронту). Но решающее значение имело превосходство немецкого оперативного плана, удачно названного Черчиллем «взмахом серпа»¹⁴ и вынудившего противника к «сражению с перевернутыми фронтами».

Под напором немецкого наступления, начатого опять без объявления войны, вероломным налетом на находившуюся на аэродромах авиацию противника, через пять дней пала «крепость Голландия». Решающей явилась выдвинутая самим Гитлером идея выброски небольших, специально подготовленных подразделений парашютистов в стратегически важных местах за линией фронта. Это решило судьбу господствовавшего над льежским укрепрайоном форта Эбен-Эмаль, когда прямо на территорию крепости был высажен с грузовых планеров отряд особого назначения. А в это время последовал совершенно не ожидавшийся противником быстрый прорыв через Люксембург и Арденны, и уже 13 мая танковые соединения сумели у Динана и Седана форсировать Маас, 16 мая пал Лан, 20 мая — Амьен. В ту же ночь передовые соединения вермахта вышли к Ла-Маншу. Какое-то время продвижение вперед шло такими быстрыми темпами, что части второго эшелона потеряли связь с авангардом, и мнительный, как всегда, Гитлер уже не верил в свой триумф. «Фюрер ужасно нервничает, — записал Гальдер в дневнике 17 мая, — он боится собственного успеха, не хотел бы рисковать и поэтому охотнее всего задержал бы нас». И из записи следующего дня: «Фюрер, непонятно почему, боится за южный фланг. Он бушует и кричит, что таким образом

---

¹⁴ Churchill W.S. The Second World War. Vol. II. S. 74.

можно загубить всю операцию и оказаться перед угрозой поражения»¹⁵.

На деле же такой угрозы не было. Когда новый британский премьер-министр Уинстон Черчилль¹⁶, обеспокоенный положением на фронте, прибыл в те дни в Париж, главнокомандующий сухопутными силами союзников генерал Гамелен признался ему, что большинство его моторизованных соединений оказалось в расставленной немцами ловушке. В своем приказе по войскам 17 мая Гамелен взывал к славным воспоминаниям и дословно повторял призыв генерала Жоффра к солдатам перед Марнским сражением — не уступать ни пяди земли. Однако командованию союзников так и не удалось собрать свои отступавшие армии, организовать новую линию обороны и перейти в контрнаступление. И если бы передовые части танкового корпуса Гудериана, находившиеся всего в нескольких километрах южнее Дюнкерка, не получили приказа остановиться на достигнутом рубеже и не вступать в столкновение с противником, то поражение союзников было бы полным. Промедление же в течение 48 часов оставило в их руках гавань и дало им шанс на эвакуацию.

Примерно в течение восьми дней благодаря одной из самых авантюрных импровизаций этой войны — при помощи приблизительно 900 преимущественно небольших судов, том числе и рыбацких баркасов, прогулочных пароходов и частных яхт, — подавляющая часть войск (всего около 340 тысяч человек) была переправлена в Англию.

Ответственность за «стоп-приказ» под Дюнкерком до сего времени остается предметом дискуссий, причем иногда выдвигается мнение, будто бы сам Гитлер намеренно позволил эвакуироваться большей части Британского экспедиционного корпуса, чтобы не оставить возможность для столь вожаделенного примирения с Великобританией. Однако такое решение противоречило бы не только сформулированным им в его памятной записке целям войны, но и Директиве № 13 от 24 мая, которая начиналась следующими словами: «Ближайшей задачей операций является уничтожение окруженных в Артуа и во Фландрии франко-англо-бельгийских войск путем кон-

---

¹⁵ Halder F. КТВ. Bd. I. S. 302.

¹⁶ В обстановке военных поражений 10 мая 1940 года Чемберлен был вынужден покинуть пост премьер-министра, после чего было сформировано коалиционное правительство во главе с Черчиллем. — *Прим. науч. ред.*

центрического удара нашего северного крыла... Задача авиации заключается в том, чтобы сломить всякое сопротивление окруженных частей противника [и] воспрепятствовать эвакуации английских сил через Ла-Манш»¹⁷. Скорее всего; «стоп-приказ» Гитлера, хотя и встреченный в штыки Верховным командованием сухопутных войск, но тем не менее одобренный командующим группой армий «А» фон Рундшtedтом, был продиктован стремлением побережь уставшие в четырнадцатидневных боях танковые соединения для предстоящей битвы за Францию. Утвердили же Гитлера в его решении самоуверенные, высокопарные заявления Геринга, что он и его люфтваффе превратят гавань Дюнкерка в море огня и потопят каждое причаливающее судно. Когда же город, еще за десять дней до того лежавший перед Гудерианом незащищенным, оказался наконец 4 июня в руках немцев, Гальдер скупометил: «Дюнкерк занят, побережье достигнуто. [Даже] французы убрались вон»¹⁸.

Но не одним лишь великолепно задуманным планом операции объясняются успехи вермахта. Когда армии Гитлера после охватывающего маневра у побережья Ла-Манша повернули затем на юг, они повсюду встречали уже деморализованного, сломленного противника, чья обреченность еще больше усугублялась творившейся на севере неразберихой. Французское Верховное командование отдавало приказы соединениям, которые давно уже были разбиты, дивизиям, которые были рассеяны, дезертировали либо просто развалились сами собой. Уже в конце мая один британский генерал назвал французскую армию «скопищем черни» без малейшего намека на дисциплину¹⁹. Миллионы беженцев, тащивших за собой тележки с пожитками, запрудили все дороги, они бесцельно брели куда глаза глядят, задерживали движение французских воинских частей, втягивали их в сумятицу, оказывались в тылу немецких

---

¹⁷ *Jacobsen H.-A.* (Hrsg.) *Dokumente zum Feldzug 1940*. Göttingen; Berlin; Frankfurt/M., 1960. S. 121.

¹⁸ Halder F. KTB. Bd. I. S. 332; о заявлениях Геринга см.: *Lossberg B. v.* *Im Wehrmachtsführungsstab*. S. 80 ff. Относительно сути дискуссии по поводу «стоп-приказа» см.: *Liddell Hart B.H.* *The Other Side of the Hill*. P. 185 ff.; затем: *Bryant A.* *Kriegswende*, а также: *Jacobsen H.-A., Rohwer J.* *Dunkirchen 1940*. In: *Entscheidungsschlachten des Zweiten Weltkriegs*. S. 7 ff.

¹⁹ Выражение генерал-лейтенанта Алана Брука; цит. по: *Bryant A.* *Op. cit.* S. 142.

танков, метались в панике под бомбами и воем сирен пикирующих бомбардировщиков. В этом неопишемом хаосе любая попытка организованного военного сопротивления была обречена — страна была готова к обороне, но не была готова к гибели. У французской ставки в Бриаре для связи с войсками и внешним миром имелся один-единственный телефонный аппарат, да и тот не функционировал с 12 до 14 часов, потому что телефонистка на почте уходила в это время обедать. Когда же командующий Британским экспедиционным корпусом генерал Брук спросил о дивизиях, которые якобы должны были защищать «крепость Бретань», то новый французский главнокомандующий генерал Вейган²⁰ только удрученно пожал плечами: «Я знаю, что все это чистая галлюцинация». Подобно генералу Бланшару²¹, многие военачальники тупо глядели на оперативные карты как на белую стену — было такое впечатление, что на Францию и впрямь обрушились небеса²².

Хотя немецкий план Французской кампании едва ли предусматривал какую-либо активность со стороны противника и директивы походили скорее на указания по проведению многодневного учебного марш-броска, а не военного похода, Гитлер был тем не менее смущен скоростью продвижения собственных армий. 14 июня немецкие войска вошли через ворота Майо в Париж и сорвали с Эйфелевой башни трехцветный французский флаг. Через трое суток в течение одного дня дивизия Роммеля совершила бросок на 240 км, а когда в тот же день Гудериан сообщил, что он со своими танками дошел до Понтарлье, Гитлер запросил телеграфом, не ошибка ли это, «вероятно, имеется в виду Понтайе-сюр-Сон». Гудериан телеграфировал в ответ: «Никакой ошибки. Лично нахожусь в Понтарлье на швейцарской гра-

---

²⁰ Дивизионный генерал Максим Вейган (21.1.1867—28.1.1965) 19 мая 1940 года сменил генерала Гамелена на посту начальника штаба национальной обороны и главнокомандующего вооруженными силами Франции. — *Прим. науч. ред.*

²¹ Дивизионный генерал Жорж Морис Жан Бланшар (1877—1954) командовал 1-й французской армией, а после гибели, наверно, наиболее талантливого французского военачальника — генерала Г. Бийота — принял 26 мая 1940 года командование 1-й группой армий. — *Прим. науч. ред.*

²² Так называется книга Жака Бенуа-Мешена с подзаголовком «Трагедия Франции 1940 года»; об упомянутых выше эпизодах сообщает А. Брайян (*Bryant A. Op. cit. S. 116*), а также Р. Картье (*Cartier R. Der Zweite Weltkrieg. Bd. I. S. 175, 168*).

нице»²³. Отсюда он двинулся на северо-восток и вклинился с тыла в линию Мажино. Оборонительный вал, бывший в 30-е годы основой не только стратегии Франции, но и всего мышления французского общества, пал почти без боя.

Накануне ставшей совершенно реальной победы Германии, ей «на помощь» пришла Италия. Хотя Муссолини, как он любил говорить, ненавидел закрепившуюся за его страной репутацию ненадежного партнера и хотел путем «политики, прямой, как клинок шпаги», заставить забыть о ней, обстоятельства не благоприятствовали его намерениям. Его первоначальное решение не ввязываться в войну было поколеблено немецкими победами в Польше уже в октябре; в ноябре мысль, что Гитлер может выиграть войну, он воспринимал как «совершенно невыносимую»; в декабре в разговоре с Чиано «открыто пожелал немцам поражения» и выдал голландцам и бельгийцам сроки немецкого наступления, а в начале января направил Гитлеру письмо, в котором, пользуясь своим правом «декана диктаторов», самоуверенно растекался в советах и пытался нацелить Гитлера на Восток²⁴.

«Никто не знает лучше меня, поскольку я обладаю вот уже сорокалетним политическим опытом, что политика выдвигает тактические требования... Поэтому я понимаю, что Вы... стараетесь избежать войны на два фронта. Россия тем самым, не шевельнув и пальцем, получила от этой войны большой выигрыш в Польше и Прибалтике. Но я, будучи революционером от рождения и никогда не меняя своих взглядов, говорю Вам, что Вы не можете постоянно жертвовать принципами Вашей революции в угоду тактическим требованиям определенного политического момента. Я придерживаюсь убеждения, что Вы не можете допустить, чтобы упало антисемитское и антибольшевистское знамя, которое Вы высоко несли на протяжении двадцати лет... и я безусловно исполню свой долг, если добавлю, что один-единственный дальнейший шаг по расширению Ваших отношений с Москвой имел бы в Италии опустошительные последствия»²⁵.

---

²³ Cartier R. Op. cit. S. 177.

²⁴ См.: Ciano G. Op. cit. S. 39, 168, 179, 212. Приводимое ниже письмо Муссолини Гитлеру см.: Hitler e Mussolini, lettere e documenti. Milano, 1946. P. 35.

²⁵ Это письмо Муссолини направил Гитлеру 3 января 1940 года. — *Прим. пер.*

Однако при встрече на Бреннерском перевале 18 марта 1940 года Гитлеру без особого труда удалось погасить отрицательные эмоции Муссолини и вновь разжечь в партнере старые комплексы, связанные с жадой преклонения и добычи. «Нельзя закрывать глаза на то, что дуче очарован Гитлером, — писал Чиано, — и к тому же эта очарованность совпадает с устремлениями его собственной натуры, толкающей его к действию». Начиная с этого момента, у Муссолини растет решимость участвовать в войне. Просто недостойно, считает он, «сидеть сложа руки, когда другие делают историю. Дело не в том, кто победит. Чтобы сделать народ великим, надо послать его в бой — если потребуют обстоятельства, даже пинками в задницу. Этой политики я и буду придерживаться»²⁶. В ослеплении от успехов своего товарища по судьбе, вопреки воле короля, промышленников, армии, даже части своих влиятельных соратников по Большому фашистскому совету, он взял теперь курс на вступление Италии в войну. Когда в первые же дни июня в ответ на приказ начать наступление маршал Бадольо²⁷, возражая, заметил, что у его солдат «нет даже достаточного количества рубашек», Муссолини, отвергая его возражения, сказал: «Я уверяю вас, что в сентябре все кончится, и мне нужно несколько тысяч трупов, чтобы в качестве полноправного участника войны сесть за стол мирных переговоров». 10 июня итальянские соединения начали наступление, однако застряли уже на подступах к пограничному населенному пункту Ментоне. Возмущенный итальянский диктатор реагировал на это так: «Мне нужен материал. И Микеланджело нужен был мрамор, чтобы создать свои статуи. Если бы у него была одна глина, он стал бы всего лишь горшечником»²⁸. Но уже через неделю события не стали ждать реализации его честолюбивых планов — президент Франции Лебрен поручил формирование правительства маршалу Петэну²⁹. Первое, что тот сделал на своем новом посту, было обращение к

---

²⁶ *Ciano G.* Op. cit. S. 222, 208.

²⁷ Маршал Италии Пьетро Бадольо маркиз Саботино, герцог Аддис-Абебский (28.9.1871—31.10.1956) с марта 1925 года по декабрь 1940 года возглавлял Большой Генеральный штаб. — *Прим. науч. ред.*

²⁸ *Ebd.* S. 251; предыдущее замечание приводится в: *Cartier R.* Op. cit. S. 176; см. также: *Ursachen und Folgen.* Bd. XV. S. 150.

²⁹ Герой Первой мировой войны маршал Франции Анри Филипп Петэн (24.4.1856—23.7.1951) после нападения Германии на Францию встал во главе группировки, призывавшей к скорейшему окончанию

германскому Верховному командованию через посредничество Испании с просьбой о перемирии.

Гитлер получил сообщение об этом в маленькой бельгийской деревушке Брюли-ле-Пеш близ французской границы, где размещалась его Ставка. Кинопленка запечатлела взрыв его чувств — некую стилизованную в соответствии с сознанием собственной роли пляску радости с притопыванием правой ноги, улыбкой во все лицо, покачиванием застывшей в оцепенении головой и похлопыванием себя по бедру. И тут, не остыв еще от восторженного экстаза, Кейтель впервые провозгласил здравицу в честь «Величайшего полководца всех времен»³⁰.

Успехи же и впрямь были беспримерными. Всего три недели понадобилось вермахту, чтобы разгромить Польшу, многим более двух месяцев, чтобы поставить на колени Норвегию, Данию, Нидерланды, Бельгию, Люксембург и Францию, заставить Великобританию укрыться на своих островах и бросить достаточно эффективный вызов британскому флоту. И все это сопровождалось относительно совсем небольшими потерями — Западная кампания стоила Германии 27 000 убитых, в то время как потери противника составили почти 135 000 только убитыми. Разумеется, успех этой кампании не является одной исключительно личной заслугой Гитлера как полководца, но ни в коем случае не были они и только результатом везения или же компетентности его советников, либо полнейшего безволия противника. Значение танковых соединений осознали в 30-х годах и во Франции, и в других странах, но только Гитлер сделал из этого нужный вывод и, несмотря на встреченное им сопротивление, сформировал десять танковых дивизий. Куда точнее, чем его погрязший в устаревших представлениях генералитет, разглядел он слабость Франции и ее парализующее бессилие, и сколь

войны и заключению перемирия с Германией. 17 мая 1940 года занял пост заместителя, а 16 июня — премьер-министра. Считая, что Великобритания обречена, отклонил предложение ряда командующих продолжить борьбу, заявив при этом: «лучше стать нацистской провинцией, чем британским доминионом». — *Прим. науч. ред.*

³⁰ Zoller A. Op. cit. S. 141.

Эта фраза по-немецки звучит как Grösster Feldherr aller Zeiten. Позже, когда вермахт стал терпеть поражения, немцы стали называть Гитлера пренебрежительным сокращением из этой фразы — GröFaZ (в русской транскрипции грёфац). — *Прим. науч. ред.*

бы скромнен ни был его личный вклад в манштейновский план кампании, он сразу же оценил его значение и изменил в соответствии с ним концепцию операции. И вообще он показывал — во всяком случае, в ту пору — свое умение разглядеть и принять нетрадиционные ходы, что еще больше обострялось благодаря непосредственности, присущей самоучке. Он долго и интенсивно занимался изучением специальной военной литературы, на протяжении почти всей войны читал на сон грядущий военно-морские календари и военно-научные справочники. Благодаря поразительной памяти на военно-исторические теории и военно-технические детали он придавал своим выступлениям убедительный вид — уверенность, с которой он мог по памяти говорить о тоннажах, калибрах, дальности действия или оснащенности самых различных систем вооружения, достаточно часто повергала его окружение в изумление и замешательство. Но одновременно он умел с богатейшей фантазией применять эти свои знания. У него было удивительное чутье на возможность эффективного применения современного оружия, что соединялось с высокой степенью умения вживаться в психологию противника. Все эти способности находили свое выражение в проводившихся уверенной рукой мерах по одурачиванию противника, в точном предвидении его ответных тактических шагов, а также в молниеносном использовании предоставляющегося благоприятного случая. Дерзкая идея захвата форта Эбен-Эмаэль принадлежала именно ему, равно как и мысль об оснащении пикирующих бомбардировщиков устрашающе воющими сиренами³¹, а танков — вопреки мнению многочисленных экспертов — длинноствольными орудиями. Так что не совсем уж без оснований его называли одним из «наиболее знающих и разносторонних военно-технических специалистов своего времени»³². И конечно же не был он «дорвавшимся до командования кап-

---

³¹ Так сообщил А. Шпеер автору; см. также уже упоминавшийся очерк Йодля в: KTB/OKW. Bd. IV. Hbd. 2. S. 1718 f. Заслугой Гитлера Йодль считает, в частности, и своевременную разработку 75-миллиметрового противотанкового орудия.

³² *Hitlers Lagebesprechungen*, S. 30. См. по этому вопросу публикации, представляющие иногда противоречивые точки зрения, в частности: *Bor P.* Op. cit.; *Buchheit G.* Hitler, der Feldherr; *Jacobsen H.-A.* Fall Gelb. S. 145 ff.; *Manstein E. v.* In: KTB/OKW. Bd. IV, 2. S. 1705 ff. и 1724 ff. и, наконец: *Schramm P.E.* Hitler, Oberster Befehlshaber der Wehrmacht, als «Feldherr». In: KTB/OKW. Bd. I. S. 37 ff.

ралом», каким будут его после войны представлять высокомерные апологеты германского генералитета.

В то время, во всяком случае, пока в руках у него была инициатива, он таковым не был. Перелом наступит значительно позже и его слабости начнут затмевать бесспорно имевшиеся у него сильные стороны, и оперативная смелость превратится просто в абсурдную самонадеянность, энергия — в упрямство, а дерзость — в азарт игрока. Именно генералитет (не в последнюю очередь та его часть, что долго противилась Гитлеру) под воздействием блестящей победы над всегда внушавшим страх врагом — Францией — уверовал в итоге в его «гений» и согласился с тем, что анализ ситуации Гитлером превзошел их собственные оценки. Его анализ совершенно очевидно учитывал не только военные факторы, но и включал в себя то, что лежало за пределами узкого кругозора экспертов. Именно в этом состояла одна из причин того, порою необъяснимого доверия, с которым встречали в последующие годы как его ни на чем не основанную уверенность в победе, так и непрерывно воздвигавшиеся им снова и снова карточные домики обманчивых надежд. Самому Гитлеру триумфальное завершение Французской кампании принесло и без того уже не знавшее удержу чувство самоуверенности и дало его сознанию о своем великом призвании мощнейшую из всех мыслимых опор — победу на поле битвы.

21 июня начались германо-французские переговоры о перемирии. За три дня до того Гитлер съездил в Мюнхен, чтобы увидеться с Муссолини и постараться умерить непомерные притязания своего итальянского союзника. Ибо за свою роль статиста на поле битвы дуче потребовал ни много ни мало как Ниццу, Корсику, Тунис и Джибути, а затем Сирию, базы в Алжире, оккупацию итальянцами Франции до самой Роны, выдачу ему всего французского флота и, если возможно, то и Мальты, а также передачу английских прав в Египте и Судане. Однако Гитлер, размышлявший уже о следующем этапе войны, сумел доказать ему, что честолюбивые притязания Италии оттянут победу над Англией. И дело было не только в том, что форма и условия перемирия могли бы оказать значительное психологическое воздействие на решимость Англии продолжать борьбу. Куда больше Гитлер опасался того, что наисовременнейший французский флот, корабли которого дислоцировались в Северной Африке и Англии и были недоступны для него, воспримет сверхжест-

кие условия как повод, чтобы перейти на сторону врага, а то и вообще будет, базируясь в колониях, продолжать борьбу от имени Франции. Наконец, возможно, что им также двигало и чувство великодушия. Так или иначе, ему удалось умерить алчные вожделения Муссолини и убедить его в итоге в том, что самое главное сейчас — иметь такое французское правительство, которое пойдет на перемирие. И хотя итальянская сторона была сильно разочарована результатом этих переговоров, поведение Гитлера и его аргументы возымели свое действие. Ироничный Чиано так характеризовал его в своем дневнике: «Он говорит сегодня со сдержанностью и осмотрительностью, которые после такой победы, как у него, действительно поражают. Меня нельзя подозревать в слишком нежных чувствах к нему, но в этот момент я им действительно восхищаюсь»³³.

Правда, куда менее великодушным показал себя Гитлер в подготовке антуража церемонии подписания соглашения о прекращении огня. В своей тяге к оскорбительной символике он устроил ее в Компьенском лесу северо-восточнее Парижа, в том же месте где 11 ноября 1918 года немецкой делегации были предъявлены условия перемирия. Сюда был специально доставлен из музея салон-вагон, в котором состоялась та историческая встреча, и его установили на той самой лужайке, где он находился в 1918 году, а памятник с поверженным немецким орлом был задрапирован полотнищем. Французский текст проекта договора готовился в предыдущую ночь при свечах в маленькой церкви деревни Брюли-ле-Пеш, Гитлер время от времени навещался туда и спрашивал у переводчиков, как продвигается работа.

Сама встреча была построена так, чтобы подчеркнуть символическое восстановление справедливости. Когда около 15 часов Гитлер в сопровождении большой свиты вышел из своего автомобиля, он направился сперва к гранитному монументу в центре площадки (надпись на котором говорила о рухнувшей на этом месте «преступной гордыне Германского рейха») и остановился перед ним, широко расставив ноги и подбоченившись, — это был триумфальный жест,

---

³³ *Ciano G.* Op. cit. S. 249. О притязаниях Италии, которые позднее Муссолини охарактеризовал как «скромные», см.: ADAP. Ser. D. Bd. X. S. 207 f. (телеграмма немецкого посла в Риме фон Макензена от 17.7.1940).

жест презрения к этому месту и всему, что было связано с ним³⁴. Отдав приказ снести памятник, он вошел после этого в вагон и сел на тот стул, на котором сидел в 1918 году маршал Фош³⁵. Преамбула договора, зачитанная вслух Кейтелем членам вскоре прибывшей французской делегации, еще раз обращалась к истории: в ней говорилось о нарушении торжественно данных обещаний, о «поре страданий немецкого народа», его «обесчещении и унижении», которые брали свое начало отсюда, — и вот теперь, на том же самом месте, снимается «глубочайший позор всех времен». Еще до того как дело дошло до текста самого договора, Гитлер поднялся, отсалютовал вытянутой рукой и покинул вагон. Военный оркестр играл германский национальный гимн и «Хорст Вессель».

В этот день 21 июня 1940 года, идя к своему автомобилю по одной из звездообразно расходившихся от той поляны буковых аллей, он был в апогее своей славы. Когда-то, в дни самого начала своей карьеры, он поклялся не знать покоя, пока не будет восстановлено то, что было попорчено в ноябре 1918 года, и это нашло тогда отклик в сердцах немцев и дало ему сторонников. И вот теперь он достиг цели. Чувство старой обиды в очередной раз доказало свою силу. Ибо сами немцы, даже если сначала они считали войну бессмысленной, увидели в этой сцене в Компьене акт прямо-таки мегаполитической справедливости и праздновали не без внутреннего восторга мгновение «восстановленного права»³⁶. И многие сомнения либо потеряли в те дни свой вес, либо трансформировались в благоговение и преданность, ненависть же осталась в одиночестве. Редко когда в предыдущие годы нация столь безоговорочно отдавала свои симпатии режиму, и сам Фридрих Мейнеке писал: «Я хочу... переучиться многому, но не всему». В донесениях СД во второй половине июня говорилось о невиданной доселе внутренней сплоченности немецкого народа, даже враги-коммунисты почти полностью прекратили свою подпольную деятельность, и только церковные круги еще выражали «поражен-

---

³⁴ См. описание, данное Шпрером; *Shirer W.L. Berlin Diary*. P. 331.

³⁵ Маршал Франции Фердинанд Фош (20.10.1851—20.3.1929) с марта 1918 года являлся главнокомандующим войсками союзников на Западном фронте. — *Прим. науч. ред.*

³⁶ *Nolte E. Faschismus in seiner Epoche*. S. 435.

ческие настроения»³⁷. Что-то от этой своеобразной эмоциональной торжественности, окружавшей те события, нашло свое выражение и в поведении Гитлера. В ночь на 25 июня, незадолго до перемирия, он попросил погасить свет в его крестьянском домике в Брюли-ле-Пеш, открыть настежь окна и несколько минут смотрел в ночную темноту.

Три дня спустя Гитлер вылетел в Париж. В свою свиту он включил людей, хорошо разбирающихся в искусстве, в том числе Альберта Шпеера, Арно Брокера и архитектора Германа Гислера. Прямо с аэродрома он направился в «Гранд-Опера» и, гордый своими познаниями, сам провел экскурсию по зданию театра. Потом колонна автомобилей двинулась по Елисейским полям, задержавшись у Эйфелевой башни. Затем Гитлер долго простоял в молчании перед гробницей Наполеона в Доме инвалидов, повосхищался ансамблем площади Согласия и поехал вверх на Монмартр, где назвал уродливой церковь Сакре Кер. Поездка заняла всего три часа, но он назвал ее «сбывшейся мечтой моей жизни». Сразу же после этого он вместе с двумя бывшими однополчанами отправился в занимавшее несколько дней путешествие по полям сражений Первой мировой войны³⁸ и посетил Эльзас. В начале июля Бер-

---

³⁷ Подробнее см.: *Steinert M. G. Op. cit. S. 136 f.; Meinecke F. Ausgewählter Briefwechsel, hrsg. v. L. Dehio, u. P. Classen. Stuttgart, 1962. S. 363 f.* О состоянии подавленности среди участников Сопrotивления свидетельствует, например, дневник У. фон Хасселя (*Hassel U. v. Op. cit. S. 156 ff.*), где речь идет об «угнетенном состоянии духа» Остера, Донаньи и Гугенберга. Примерно то же самое говорится о Карле Гёрделере; согласно этому свидетельству, фон Кессель также «совершенно подавлен и собирается лучше заняться изучением археологии». Один неназванный по имени видный участник Сопrotивления даже — и это было весьма типично для распространившегося настроения — «склонялся к тому, чтобы поверить, что если уж у человека такие успехи, то на его стороне Бог». Сам же фон Хассель так сформулировал суть внутреннего конфликта многих консерваторов-оппозиционеров: «Можно было прийти в отчаяние под грузом трагической ситуации из-за того, что не можешь радоваться успехам». Об описанном ниже эпизоде в Брюли-ле-Пеш см.: *Speer A. Op. cit. S. 185 f.*

³⁸ См.: *Greiner H. Die oberste Wehrmachtführung. S. 110; Speer A. Op. cit. S. 186 f.*, а также: *Hitlers Tischgespräche. S. 134 f.*, где Гитлер, правда, заявляет, что Рим произвел на него гораздо более сильное впечатление, чем Париж, в котором «нет ничего величественного в стиле Колизея, замка Святого Ангела или Ватикана»: «Что бы я ни увидел в Париже, взор не останавливается ни на чем, а вот Рим меня просто потряс».

лин приветствовал его бурей восторга, морем цветов и колокольным звоном — это было последнее в его жизни триумфальное шествие. В последний раз наслаждался он наркотиком великой оvation, в котором так нуждался и которого ему с этих пор так будет не хватать.

Правда, большой парад войск, которым он хотел как бы формально вступить во владение французской столицей, был отменен — частью, чтобы пощадить чувства французов, частью потому, что Геринг был не в состоянии гарантировать безопасность от английских воздушных налетов. Но главное было в том, что Гитлер, как и прежде, не знал, как будут реагировать англичане, и внимательно следил за каждым их шагом. В германо-французское соглашение о прекращении огня он включил статью, содержащую в скрытом виде обращение к Лондону³⁹, а когда в начале июля на встрече в Берлине Чиано вновь изложил итальянские требования, Гитлер отклонил их, сославшись на то, что нужно избегать всего, что побуждало бы к сопротивлению по ту сторону Ла-Манша. В то время как Имперское министерство иностранных дел уже разрабатывало детальные предложения по мирному договору, сам он готовился к выступлению в Рейхстаге, в котором собирался выдвинуть «щедрое предложение». Но одновременно он говорил и о своей решимости, в случае отказа, «обрушить на англичан бурю огня и металла»⁴⁰.

Однако ожидавшегося знака снова не последовало. 10 мая, когда вермахт начал свое наступление на Западе, премьер-министра Великобритании Чемберлена сменил его давний непримиримый оппонент Черчилль. И хотя, как заявил новый глава правительства в своем первом же выступлении, он не может «предложить стране ничего, кроме крови, забот, слез и пота»⁴¹, все же оказалось, что втянутая в сложные соглашательские отношения с Гитлером и глубо-

---

³⁹ Речь идет о 8-й статье соглашения, где говорилось: «Правительство Германии торжественно заявляет правительству Франции, что оно не намеревается использовать в своих военных целях французский военно-морской флот, находящийся в контролируемых немецкой стороной портах».

⁴⁰ *Ciano G.* Op. cit. S. 257. Далее в этой связи: *Hillgruber A.* Staatsmänner, Bd. I. S. 150 ff. Относительно предложений по мирному договору, выработанных посланником д-ром Карлом Клодиусом и послом Риттером, см.: *ADAP. Ser. D. Bd. IX. S. 390 ff. u. S. 407 ff.*

⁴¹ *Churchill W.* Reden. Bd. I. Zürich, 1948. S. 333.

ко охваченная пораженческими настроениями Европа вновь обрела в лице этого человека свои нормы, свой язык и свою волю к самоутверждению. Поверх всех политических интересов он придавал противоборству великий моральный стимул и простой, понятный всякому смысл. Если правильно утверждение, что Гитлер-политик превосходил в 30-е годы всех своих противников, то столь же верно и то, что нужно видеть масштаб этих противников, чтобы судить о масштабе того, кто их превзошел. В лице Черчилля Гитлер встретил не просто противника. В охваченной паникой Европе германский диктатор олицетворял самую непреодолимую судьбу, Черчилль же вновь свел его до масштаба силы, которую можно обуздать.

Еще 18 июня, через день после того как французское правительство приняло свое, по выражению Черчилля, «меланхолическое решение» о капитуляции, английский премьер выступил в Палате общин и подтвердил свою твердую решимость продолжать борьбу несмотря ни на что. «Если Британская империя и Содружество будут существовать и спустя тысячу лет, то люди скажут: “Это был их звездный час”». И он лихорадочно занялся войной и организацией обороны Британских островов от грядущего вторжения. 3 июля, когда Гитлер еще ждал известий о смягчении британской позиции, Черчилль, в качестве доказательства своей непримиримости, отдал флоту приказ открыть огонь по вчерашнему союзнику — кораблям военно-морского флота Франции, находившегося в гавани Орана. Удивленный и разочарованный, Гитлер перенес свое объявленное на 8 июля выступление в Рейхстаге на неопределенное время. Охваченный победной эйфорией, он твердо полагал, что англичане прекратят бесперспективную борьбу, тем более что он, как и раньше, отнюдь не собирался покушаться на их мировую империю. Но Черчилль своим демонстративным жестом дал понять, что никаких попыток сторговаться не будет:

«Здесь, в этой мощной твердыне, хранящей свидетельства человеческого прогресса, — заявил он 14 июня по лондонскому радио, — здесь, опоясанные морями и океанами, где господствует наш флот... здесь ожидаем мы без страха грозящее нападение. Может быть, оно состоится сегодня. Может быть, оно не состоится никогда... Но будут ли наши муки жестокими или долгими, либо и теми, и другими, мы не пойдем на мировую, не допустим парламентаров; может

быть, мы проявим милость — но просить о милости мы не будем»⁴².

В ответ на это Гитлер созвал заседание Рейхстага на 19 часов 19 июля в помещении Оперы Кролля. В своей многочасовой речи он возражал Черчиллю и британскому правительству:

«Меня почти охватывает боль из-за того, что судьба избрала меня, чтобы разрушить то, что уже обречено на слом этими людьми. Ведь я не собирался вести войну, а хотел построить свое социальное государство высочайшей культуры. Каждый год войны отвлекает меня от этой работы. И причинами этого отвлечения служат смехотворные нули, которых в лучшем случае можно назвать политическим фабричным товаром природы. Мистер Черчилль только что вновь заявил, что хочет войны. Пусть он... на этот раз, может быть, в порядке исключения поверит мне, если я предскажу следующее: результатом будет распад великой мировой империи. Той империи, уничтожить которую, даже причинить ущерб которой никогда не входило в мое намерение. Но я отлично понимаю, что эта продолжающаяся борьба завершится только полным разгромом одного из двух ее участников. Мистер Черчилль, вероятно, думает, что это будет Германия. Я же знаю, что это будет Англия»⁴³.

Вопреки распространившимся ожиданиям речь Гитлера не содержала широкомасштабных предложений о мире, а ограничивалась лишь сформулированным в общих чертах «призывом к разуму». Эта перемена явилась первым документальным свидетельством пессимизма, вызванного отсутствием перспективы на заключение мира с Англией ввиду непримиримости позиции Черчилля. Дабы не показать признаков слабости, Гитлер объединил это выступление в Рейхстаге с показной демонстрацией своей военной мощи, произведя Геринга в рейхс-маршалы и двенадцать генералов — в генерал-фельдмаршалы⁴⁴,

---

⁴² *Churchill W.* Der Zweite Weltkrieg. Bd. II. Hibd. 1, S. 272.

⁴³ *Domarus M.* Op. cit. S. 1557 f., предыдущая цитата взята из речи Черчилля 14 июля см.: *Churchill W.* Reden. Bd. I. S. 380 f.

⁴⁴ В этот день — 19 июля 1940 года — звание генерал-фельдмаршала получили: Вальтер фон Браухич, Вильгельм Кейтель, Герд фон Рундштедт, Вальтер фон Рейхенау, Федор фон Бок, Вильгельм Риттер фон Лееб, Вильгельм Лист, Ганс Гюнтер фон Клюге, Эрвин фон Вишлебен, Эрхард Мильх, Альберт Кессельринг, Гуго Шперле (последние трое — представители люфтваффе). — *Прим. науч. ред.*

а также объявив о большом количестве других повышений. Но о крахе его надежд говорит тот факт, что еще за три дня до этого выступления он издал Директиву № 16 о подготовке десантной операции против Англии под кодовым названием «Морской лев».

Примечательно, что до этого у него не было никаких представлений о том, как вести военные действия против Великобритании, поскольку такая война не вписывалась в его концепцию, и даже изменившаяся ситуация не смогла побудить его кардинально пересмотреть свою политику. Избалованный собственным везением и слабостью своих противников, он верил в свой гений, в фортуна, в тот счастливый момент, который он научился использовать с такой молниеносной быстротой. Потому и Директива № 16 была скорее свидетельством злобной растерянности, а не выражением конкретных оперативных планов. На это указывает уже вступительная фраза: «Поскольку Англия, несмотря на свое бесперспективное в военном отношении положение, все еще (!) не проявляет никаких признаков готовности к взаимопониманию, я принял решение подготовить и, если будет необходимо (!), провести десантную операцию против Англии»⁴⁵. Следовательно, нельзя исключать того, что Гитлер никогда не думал всерьез о высадке в Англии, а использовал это намерение только как оружие в войне нервов. Еще осенью 1939 года военные инстанции, в частности главнокомандующий военно-морским флотом адмирал Редер, неоднократно и безуспешно пытались заинтересовать его проблемами десантной операции, и, едва дав свое согласие, Гитлер сразу же стал высказывать сомнения и говорить о трудностях, чего раньше с ним никогда не было. Уже через пять дней после одобрения им операции «Морской лев» он весьма пессимистически говорил о трудностях, связанных с ней. Он выдвигал требования о 40 пехотных дивизиях, о решении проблемы снабжения, об абсолютном господстве в воздухе, о создании на берегу Ла-Манша мощных позиций тяжелой артиллерии, а также о проведении крупномасштабной акции по минированию — и на все это отвел только шесть недель. «Если приготовления не будут со всей определенностью за-

---

⁴⁵ Цит. по: *Hubatsch W.* (Hrsg.) *Hitlers Weisungen*. S. 61 ff. О сохранившейся у Гитлера надежде на уступки со стороны Англии см.: *Hillgruber A.* *Hitlers Strategie*. S. 146 ff.

вершены до начала сентября, нам придется подумать о других планах»⁴⁶.

Колебания Гитлера объяснялись не только его комплексами в отношении к Англии. Скорее, его смущала главная идея мобилизованного Черчиллем сопротивления: мировая держава с далекими заморскими базами обладает богатыми возможностями самоутверждения, поэтому и вторжение в метрополию, и даже захват ее еще не означает победы. Великобритания могла, используя, например, в качестве базы Канаду, все глубже втягивать его в противоборство в как бы перевернутом пространстве и, наконец, втянуть в войну с США, чего он особенно опасался. И даже если бы удался разгром Британской империи, то выгоду от этого получила бы не Германия, а, как выразился он на совещании 13 июля 1940 года, «только Япония, Америка и другие»⁴⁷. Поэтому любое обострение войны с Англией подрывало как раз его собственную позицию, так что не только сентиментальные, но и политические доводы говорили за то, чтобы искать не поражения Туманного Альбиона, а поддержки с ее стороны. Исходя из этих соображений, Гитлер и сформулировал — не без признаков определенного замешательства — стратегию последующих месяцев: постепенно, шадящими ударами и политическими маневрами принудить Лондон к миру, чтобы в итоге, не беспокоясь за тыл, предпринять все-таки поход на Восток. Это было исстари его *idée fixe*, той идеальной расстановкой сил, добиться которой он стремился до сих пор политическим путем и которую даже сейчас, при открытом противоборстве, все еще искал, не поддаваясь угрозе потерять присутствие духа.

Ее осуществлению служила в военном плане блокада Британских островов немецкими подводными лодками, а

---

⁴⁶ «Совещания командного состава по военно-морским вопросам», обсуждение 21.7.1940; цит. по: Bullock A. Op. cit. S. 598. Еще 19 июля, сразу же после выступления в Рейхстаге, Гитлер сказал генерал-фельдмаршалу фон Рундштедту, что, несмотря на то, что отданное распоряжение, он рассматривает подготовку к высадке лишь как психологический маневр; так передает П. Э. Шрамм сообщение фон Рундштедта; см.: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 20.5.1958. См. в этой связи также: Klee K. *Das Unernehmen «Seelöwe»*. S. 244. Несколькую другую версию дает А. Хильгрубер: *Hillgruber A. Hitlers Strategie*. S. 171.

⁴⁷ *Halder F.* КТВ. Bd. 11. S. 21.

также — и в первую очередь — воздушная война против Англии. Парадоксы этой концепции проявлялись в том на удивление половинчатом вовлечении сил, на основе которого Гитлер вел это противоборство. Несмотря на все усилия военных инстанций, он так и не решился перейти к концепции тотальной воздушной и морской войны⁴⁸. «Битву за Англию» — ставшее легендарным воздушное сражение, начавшееся 13 августа 1940 года («День Орла») первыми массированными налетами на расположенные в Южной Англии аэродромы и радарные станции, — 16 сентября пришлось прервать после тяжелых потерь. Причем люфтваффе так и не добились ни одной из поставленных целей: не последовало ни ощутимого снижения британского промышленного потенциала, ни психологического подавления населения, ни даже завоевания господства в воздухе. И хотя адмирал Редер за несколько дней до того отрапортовал, что военноморской флот готов к десантной операции, Гитлер отложил ее «на потом». Директива ОКВ от 12 октября предписывала, «чтобы приготовления к высадке в Англии с настоящего времени и до весны сохранялись лишь как средство политического и военного давления на Англию»⁴⁹. Операция «Морской лев» была похоронена.

Военные действия сопровождались попыткой принудить Лондон к уступчивости политическим путем — созданием охватывающего всю Европу «континентального блока». Предпосылки для достижения этой цели были достаточно благоприятными. Часть Европы была уже фашистской, другую часть связывали с рейхом симпатии либо договоры. Еще какая-то часть была оккупирована либо побеждена, и эти поражения вынесли наверх эпигонский фашизм, едва ли имевший до того достойное упоминания количество приверженцев, но тем не менее обладавший теперь властью и возможностями для кристаллизации ее воздействий. Военные триумфы не только сделали Гитлера внушавшим страх диктатором всего континента, но и умножили магическую ауру, исходившую от него и его режима. Казалось, что он олицетворял мощь, мо-

---

⁴⁸ См.: *Hillgruber A. Hitlers Strategie*. S. 157 ff., особенно S. 165.

⁴⁹ *Klee K. Dokumente zum Unternehmen «Seelöwe»*. Göttingen; Berlin; Frankfurt/M., 1959. S. 441 f. Об упомянутом рапорте адмирала Редера, где, кстати, говорилось, что флот имеет шанс на успех десантной операции «только при условии достижения господства в воздухе»; см.: *КТВ/ОКВ. Bd. I*. S. 63.

мент истории и будущее, тогда как поражение Франции — в первую очередь — воспринималось как доказательство бессилия и конца демократической системы. Эта страна «была нравственно загублена политикой» — так сформулировал в часы краха своей страны всеобщее недовольство демократией Анри Петэн⁵⁰. На Венском арбитраже 30 августа, попытавшемся решить вновь обострившиеся пограничные распри в Юго-Восточной Европе, Гитлер выступал в роли Верховного арбитра, чьего совета ждали народы и в чьих руках находилась судьба этой части света.

Великая континентальная коалиция должна была охватить всю Европу и включить в себя Советский Союз, Испанию, Португалию, а также то, что осталось от Франции и управлялось из Виши⁵¹. Параллельно вынашивались планы нападения на периферии Британской империи и развязывания противоборства в Средиземноморье, что должно было завершиться захватом двух его «ворот» — Гибралтара и Суэцкого канала и тем самым подрывом имперской позиции Англии в Северной Африке и Передней Азии. Другие, разрабатывавшиеся одновременно с ними, планы нацеливались на захват принадлежавших Португалии островов Зеленого Мыса, Канарских и Азорских островов, Мадейры. Контакты с правительством в Дублине имели своей целью союз с Ирландией, чтобы получить дополнительные базы для налетов германской авиации на Англию.

В то лето 1940 года помимо военных возможностей перед Гитлером в очередной раз открывалась огромная поли-

---

⁵⁰ Эти слова были сказаны им сэру Эдварду Спирсу 6.6.1940; цит. по: *Ursachen und Folgen*. Bd. XV. S. 261. В точно таком же духе попытался представить это событие в своей речи перед Палатой депутатов Франции 28.11.1940 Альфред Розенберг: «Эпигоны Французской революции столкнулись с первыми отрядами великой Немецкой революции. Тем самым... эпоха 1789 года подходит теперь к своему концу. Триумфальная победа... низвергла ее, уже проигравшую, но все еще стремившуюся претендовать на роль властительницы судеб Европы и в XX веке». Цит. по: *Rosenberg A. Gold und Blut*. München, 1941. S. 7.

⁵¹ Северная часть Франции была оккупирована немецкими войсками, а власть над Южной Францией и колониями была передана в руки хотя и коллаборационистского, но национального французского правительства во главе с Анри Петэном. Резиденцией этого правительства стал курортный городок Виши на юге Франции. — *Прим. науч. ред.*

тическая перспектива, и никогда еще идея создания фашистской Европы не была столь близкой, а немецкая гегемония — столь ощутимой. Какое-то время уже стало казаться, что он осознает предоставляющийся ему шанс. Во всяком случае, осенью того же года Гитлер, словно заклиная прошлые победы своей политики, вновь развивает бешеную внешнеполитическую активность. Он несколько раз встречается с испанским министром иностранных дел, а во второй половине октября едет на встречу с Франко в Андай и прямо оттуда — на встречу с Петэном и его заместителем Лавалем⁵² в Монтуар. Но, кроме заключения 27 сентября Тройственного пакта с Японией и Италией, все его дипломатические усилия остались безуспешными. В частности, неудачей окончилась предпринятая во время визита Молотова в Берлин попытка вовлечь в Тройственный пакт Советский Союз и, переключив внимание СССР на британские владения на побережье Индийского океана, сделать его партнером по новому переделу мира. Конечно, этот провал объяснялся наступившим у Гитлера периодом пренебрежения политическими мерами, которое усилилось ощущением новых триумфов. Его искусство переговоров, как свидетельствует большинство сохранившихся протоколов, уступило теперь место властному мессианскому самомнению. Прежнее осторожное прощупывание сменилось неуклюжей неискренностью, и вместо тонко сплетенных аргументов прежних лет с подсовываемой в них полуправдой его новые партнеры по переговорам все больше и больше стали сталкиваться с откровенным эгоизмом человека, знающего один лишь аргумент — свою доминирующую силу. Но здесь, как и в случае с параллельно разрабатываемыми военными планами — операциями «Феликс» (Гибралтар), «Аттила» (превентивная оккупация вишистской Франции) и другими, — постоянно создается впечатление, будто занимается он этими акциями как-то на удивление несобранно и без интере-

---

⁵² Бывший социалист Пьер Лаваль (28.6.1883—15.10.1945) неоднократно в 1931, 1931—1932 и 1935—1936 годах занимал пост премьер-министра. После создания правительства Виши во главе с Петэном Лаваль стал вице-президентом Французского государственного совета, а в октябре 1940 года — также министром иностранных дел. В апреле 1942 года Лаваль занял пост главы французского правительства. После окончания войны расстрелян по приговору французского Верховного суда. — *Прим. науч. ред.*

са. Иной раз просто кажется, что его вообще тянет свести до минимума военную активность против Великобритании и довольствоваться химерическим эффектом идеи великого континентального блока. Куда больше его беспокоило угрожающе возрастающая опасность вступления в войну США, так это ставило под вопрос достижение его конечной цели — экспансии на Восток, без которой стали бы напрасными все его труды, жертвы и замыслы⁵³.

Начиная с лета 1940 года боязнь американского вмешательства придавала ситуации новую, угрожающую окраску и в первую очередь усиливало у Гитлера страх перед фактором времени. После разгрома Франции он тратил свою энергию на скорее вспомогательные дипломатические и военные акции. Немецкие войска стояли от Нарвика до Сицилии, а с начала 1941 года, направленные на помощь незадачливому итальянским партнером, уже и в Северной Африке. Но у всей этой активности отсутствовала определяющая идея; война неконтролируемо растекалась по произвольным направлениям. Наконец оказалось то, что Гитлер начал войну с «перевернутыми фронтами» чуть ли не как войну ради войны, не утруждая себя разработкой какого-либо генерального плана. «Фюрер явно подавлен, — отмечал в это время его адъютант после подробного разбора ситуации у Гитлера, — такое впечатление, что он в настоящий момент не знает, как быть дальше»⁵⁴.

Уже осенью, когда ход войны грозил полностью выйти из-под контроля, Гитлер начал вновь концентрировать на нем свои мысли и возвращать военным действиям концептуальность. У него было две возможности: или продолжать сколачивать мощный блок государств — это было, правда, связано

---

⁵³ Это всегда имевшее место опасение особенно усилилось после резкой, однозначно воспринятой как решительный вызов речи Рузвельта 19.7.1940; см. в этой связи заметки немецкого посла в Вашингтоне Дикхофа от 21.7.1940. ADAP. Ser. D. Bd. X. S. 213 f.; Halder F. KTB. Bd. II. S. 30 (22 июля 1940 г.). Начиная с этого момента, такое опасение находит свое выражение почти во всех беседах, касающихся стратегического планирования; см., например: Raeder E. Op. cit. Bd. II. S. 246 f.; затем: KTB/OKW. Bd. I. S. 88 ff. По всей этой тематике в целом см. также: Friedländer S. Auftakt zum Untergang. Hitler und die Vereinigten Staaten von Amerika.

⁵⁴ Из дневника Энгеля, запись от 4.11.1940; цит. по: Hillgruber A. Hitlers Strategie. S. 354. Anm.

со значительными уступками, — который благодаря включению в него Советского Союза и Японии заставил бы США в последнюю минуту повернуть на 180 градусов (но и отодвинул бы на годы запланированную экспансию на Восток), либо же, улучив первый удобный момент, обрушиться на Восток, разгромить в ходе блицкрига Советский Союз и образовать блок уже не с партнером, а покорным сателлитом. С принятием окончательного решения Гитлер колебался в течение нескольких месяцев. Летом 1940 года он был полон нетерпения поскорее покончить с бессмысленной и обременительной войной на Западе. Еще 2 июня, в дни наступления на Дюнкерк, он выразил надежду, что теперь уж Англия будет готова пойти на «заключение разумного мира» и тогда у него будут развязаны руки для выполнения своей «великой и непосредственной задачи — борьбы с большевизмом»⁵⁵. Несколькими неделями позже, 21 июля, он потребовал от фон Браухича начать «приготовления» к войне с Россией и в победном угаре тех дней даже подумывал о проведении этой кампании уже осенью 1940 года, и только памятная записка ОКВ и Штаба оперативного руководства вермахта убедили его в невыполнимости такого намерения. Но, так или иначе, с этого момента он оставил свою первоначальную идею о разграничении двух военных кампаний во времени, и сочетание войны на Западе с экспансией на Восток вылилось у него в представление о единой мировой войне. 31 июля он обосновал эту идею перед Гальдером⁵⁶:

«Надежда Англии — это Россия и Америка. Если отпадает надежда на Россию, то отпадает и Америка, потому что падение России будет иметь своим следствием невероятное усиление роли Японии в Восточной Азии... Скажи только Россия Англии, что она не хочет, чтобы Германия была великой, и тогда Англия хватается, как утопающий за соломинку, за надежду, что через 6—8 месяцев ситуация полностью переменится. Но если Россия будет разбита, то улетучивается и последняя надежда Англии. И тогда хозяин в Европе и на Балканах — Германия. Вывод: в соответствии с этим рассуждени-

---

⁵⁵ Об этом Гитлер говорил в штабе группы армий «А» (главнокомандующий — генерал-фельдмаршал фон Рундштедт) в Шарлевилле; см.: *Klee K. Das Unternehmen «Seelöwe»*. S. 189 f.

⁵⁶ Речь идет о совещании с высшим военным руководством рейха в «Бергхофе». — *Прим. пер.*

ем Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года»⁵⁷.

Однако в сентябре, а потом и еще раз в начале ноября казалось, что Гитлер опять заколебался и предпочитает все же идею союза. «Фюрер надеется, что сумеет втянуть Россию в единый антианглийский фронт», — записывает Гальдер 1 ноября. Другая запись, всего три дня спустя, уже обозначает альтернативу: Россия, фиксирует он слова Гитлера, остается «главной проблемой Европы. [Следует] сделать все, чтобы быть готовым к полному расчету с ней»⁵⁸. Кажется, это соображение окончательно взяло верх в течение декабря, и Гитлер принял решение, отвечавшее всей его сути, нетерпеливо преследовавшей его главной идее, равно как и его тогдашней непомерной переоценке самого себя, — начать войну против Советского Союза так скоро, как это только возможно. Переизбрание Франклина Делано Рузвельта президентом США, а также переговоры с Молотовым, по всей видимости, подстегнули принятие им этого решения. Во всяком случае, уже на другой день после отъезда советского наркома иностранных дел он сказал, что это «не останется даже браком по расчету», и дал поручение отыскать на Востоке место для размещения своей Ставки, а также для трех командных пунктов — на севере, в центре и на юге — и «построить их в самом спешном порядке»⁵⁹. 17 декабря он изложил Йодлю свои оперативные соображения относительно этой кампании, завершив их замечанием, «что нам следовало бы в 1941 году решить все проблемы на европейском континенте, поскольку уже в 1942 году США будут в состоянии вмешаться»⁶⁰.

---

⁵⁷ *Halder F.* КТВ. Bd. II. S. 49; аналогичные идеи Гитлер развил и на совещании с высшими чинами ОКВ и главного командования сухопутных войск 9.1.1941; см.: КТВ/OKW. Bd. I. S. 257 ff.

⁵⁸ *Halder F.* КТВ. Bd. II. S. 165, 158. Ведь и первое решение означало не отказ от войны на Востоке, а лишь ее отсрочку.

⁵⁹ Из дневника Энгеля; цит. по: *Hillgruber A.* *Hitlers Strategie.* S. 358. Апп., и в «Политическом завещании», продиктованном в начале 1945 года, Гитлер также заявил, что окончательное решение о нападении на Советский Союз он принял вскоре после отъезда Молотова из Берлина; *Le Testament politique.* S. 96.

Подготовка к строительству командных пунктов началась в первых числах октября 1940 г.; см.: *Halder F.* КТВ. Bd. II. S. 121, а именно: под Растенбургом, Спалой и Поги.

⁶⁰ КТВ/OKW. Bd. I. S. 996. Вопрос о том, когда Гитлер принял окончательное решение о нападении на Советский Союз, вызывает

Решение напасть на Советский Союз еще до того, как решилась судьба войны на Западе, часто называют одним из «необдуманных», «загадочных» и «с трудом поддающихся логике» решений Гитлера. Однако в нем было больше рациональности и в то же время отчаяния, чем это представляется на первый взгляд. Сам Гитлер укажет на все возникавшие отсюда проблемы, назвав приказ об этом нападении одним из тех многих «труднейших решений», которые ему приходилось принимать. Оглядываясь назад, он продиктует Мартину Борману в начале 1945 года в бункере под Имперской канцелярией следующий текст:

«За время войны мне не приходилось принимать более трудного решения, чем о наступлении на Россию. Я всегда заявлял, что нам следует любой ценой избегать войны на два фронта, и, кроме того, никто не усомнится в том, что я больше, чем кто-либо другой, размышлял над судьбой Наполеона в России. Так почему же эта война с Россией и почему мной был избран именно этот момент?

Мы потеряли надежду окончить войну успешным вторжением на английскую землю. Ибо эта страна, которой правили тупые вожди, не соглашалась допустить нашего господства в Европе и заключить с нами мир без победы, пока на континенте еще была держава, принципиально враждебно противостоявшая нашему рейху. Следовательно, война затягивалась на веки вечные и была чревата опасностью, что вслед за англичанами будет возрастать активное участие американцев. Значение американского потенциала, непрерывная гонка вооружений... близость английских берегов — все это говорило за то, что мы, если мы в своем уме, не можем допустить, чтобы нас втянули в затяжную войну. Ибо время — всякий раз это время! — будет все более неумолимо работать против нас. Чтобы побудить англичан сдаться, чтобы заставить их заключить мир, нужно было, следовательно, отнять у них надежду противопоставить нам на континенте противника нашего ранга, то есть Красную Армию. У нас не было выбора, это было для нас непреложной необходимостью — удалить русскую фигуру с европейской шахматной доски. Но тут была еще и вторая, столь же весомая причина, которой хватило бы

много споров; см. наряду с уже упоминавшейся литературой прежде всего: Weinberg G.L. Der deutsche Entschluss zum Angriff auf die Sowjetunion. In: VJHfZ, 1953. Н. 2. S. 301 ff., а также возражения на этот счет Серафима и Хильгрубера. Ebd., 1954. Н. 2. S. 240 ff.

и самой по себе: та колоссальная опасность, которую представляла для нас Россия уже самим фактом своего существования. Она стала бы нашей гибелью, если бы вздумала однажды напасть на нас.

Наш единственный шанс победить Россию состоял в том, чтобы упредить ее... Мы не имели права дать Красной Армии использовать преимущества на местности, предоставить ей в распоряжение наши автострасы для продвижения ее моторизованных соединений, нашу сеть железных дорог для транспортировки людей и материалов. Мы могли разгромить ее только в ее собственной стране, взяв инициативу действий в свои руки, в ее болотах и трясинах, но никак не на земле такого цивилизованного государства, как наше. Это дало бы ей трамплин для нападения на Европу.

Почему в 1941 году? Потому что никак нельзя было тянуть, тем более что наши враги на Западе неуклонно наращивали свою боевую мощь. Кроме того, ведь и сам Сталин отнюдь не бездействовал. Следовательно, на обоих фронтах время работало против нас. Поэтому вопрос должен звучать не так: «Почему же уже 22 июня 1941 года?», а так: «Почему же не раньше?» [...] В течение последних недель мне не давала покоя мысль, что Сталин может меня опередить»⁶¹.

Тем же, что сводило воедино соображения Гитлера летом и осенью 1940 года, была его тайная надежда изменить ход

---

⁶¹ Le Testament politique de Hitler. P. 93 ff. (обратный перевод с французского). В качестве еще одного аргумента Гитлер привел, наконец, и зависимость Германии от экономических поставок из России — ее Сталин мог в любой момент использовать для шантажа, главным образом в связи со своими планами насчет Финляндии, Румынии, Болгарии и Турции. Далее он сказал: «Третьему рейху как представителю и защитнику Европы не пристало приносить эти дружественные государства на алтарь коммунизма. Это обесчестило бы нас, и, кроме того, мы были бы наказаны за это. Поэтому это было бы ошибочным решением как с моральной, так и со стратегической точки зрения». См.: Ebd. P. 96. Аналогичная аргументация была высказана Гитлером 12.6.1941 и главе румынского государства маршалу Антонеску, см.: *Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 588 ff.* То, что война против Советского Союза и была «настоящей» войной Гитлера, доказывает и одно замечание, сделанное им в июле 1940 года. Войну на Востоке, говорил он, нужно начать до окончания войны на Западе, поскольку «при том настроении, которое воцарится после победы над Англией, ему вряд ли удастся подвигнуть народ на незамедлительную войну против России»; см.: *Lossberg B. v. Op. cit. S. 105.*

войны, затормозившийся и сбившийся не в то русло, с помощью внезапного, неожиданного маневра — как это ему часто удавалось в пору неудач в его жизни, — и одновременно реализовать Великую завоевательную идею. В своей буйной фантазии он уже видел кампанию против России переломом, устранявшим как по мановению волшебной палочки все трудности переломом, видел ее предпосылкой для прорыва к мировому господству. Выступая 9 января 1941 года перед высшими чинами ОКВ и ОКХ, он сказал, что Германия «будет неуязвимой. Огромные пространства России таят в себе неисчислимые богатства. Германии следовало бы установить над этими пространствами свою политическую и экономическую власть, но не присоединять их к себе. Тем самым Германия получила бы все возможности, чтобы в будущем вести борьбу на других континентах, и тогда уже никто не был бы в силах ее победить»⁶². Быстрый крах Советского Союза, — представлял он себе, — подаст знак Японии для давно запланированной, но оттягивавшейся главным образом из-за советской угрозы в тылу «экспансии в южном направлении», которая, в свою очередь, привяжет США к Тихоокеанскому региону и, следовательно, отвлечет их от Европы. И тогда Великобритании не останется ничего другого, как пойти на уступки. Путем широкомасштабного, тройного охвата — через Северную Африку, Переднюю Азию и Кавказ — он рассчитывает после завоевания России прорваться в Афганистан, чтобы оттуда поразить, наконец, самое сердце неуступчивой Британской империи — Индию. До господства над миром, как ему казалось, было рукой подать.

Слабые стороны этой концепции необозримы. До того Гитлер всегда выдвигал в качестве предпосылки для наступления на Советский Союз безопасность на Западе и видел в уклонении от конфликта на два фронта своего рода основной закон немецкой внешней политики⁶³. Теперь же он пытался добиться этой безопасности путем нанесения превентивного удара — он бросался в авантюру войны на два фронта, чтобы войны на два фронта избежать. И в той же мере, как он пере-

---

⁶² КТВ/OKW. Bd. I. S. 258; см. в этой связи также: *Hillgruber A. Hitlers Strategie*. S. 391.

⁶³ Министру иностранных дел Финляндии Виттингу он, например, заявил 27.11.1941: «Для Германии существует один закон, который гласит: при любых обстоятельствах избегать одновременной борьбы на два фронта»; см: *Hillgruber A. Staatsmänner*. Bd. I. S. 639.

оценивает собственные силы, недооценивает он и силы противника. «Через три недели мы будем в Петербурге», — заявил он в начале декабря и уверил болгарского посланника Драганова, что Советская армия — это «всего-навсего пустяк»⁶⁴. Что проступает здесь особенно рельефно, так это снова его неспособность додумать мысль до конца в ее тесной связи с действительностью: всегда, как только были намечены первые шаги, он через какое-то время уже отрывался от реальной почвы и доводил свои соображения до конца не рационально, а как видения. Показательно в этом плане, насколько спустя рукава относится он к размышлению над тем, что же должно последовать после ожидаемой победы на Востоке. Это была та же ошибка, которую он допустил при нападении на Польшу, а затем во время Французской кампании. Если бы даже ему удалось в ходе новой молниеносной кампании прорваться до наступления зимы к Москве или того дальше к Уралу, то ведь это, как он должен был бы сказать себе, еще не означало окончания войны, ибо за Москвой, за Уралом лежали огромные пространства, которые могли служить местом сбора и организации оставшихся сил. В любом случае, к той более или менее открытой границе, на которой он собирался остановиться, были бы прикованы столь крупные немецкие силы, что это неминуемо придало бы перспективу англо-американскому союзу и укрепило бы их волю к продолжению войны. Но Гитлер никогда не задумывался над столь конкретными возможностями — он упивался и довольствовался неясными формулами типа «крах» или «разгром». Когда генерал-фельдмаршал фон Бок, которого прочили на пост главнокомандующего группы армий «Центр», в начале февраля сказал, что хотя он и считает военную победу над Красной армией возможной, но не представляет, «как можно принудить Советы к миру», Гитлер неопределенно ответил, что «после захвата Украины, Москвы и Ленинграда... Советам наверняка придется пойти на мировую»⁶⁵. Эти слова выдают всю незавершенность его мыслей.

---

⁶⁴ Так доложил генерал-полковнику Гальдеру шеф-адъютант вермахта полковник Шмундт; см.: *Halder F.* KTB. Bd. U.S. 203, а также: *Hillgruber A.* Staatsmänner. Bd. 1. S. 385.

⁶⁵ Цит. по: *Hillgruber A.* Hitlers Strategie. S. 373. Вскоре после начала русской кампании Ханс Фриче, выступая перед берлинским объединением представителей зарубежной прессы, так охарактеризовал восточную концепцию Германии: «На каком-то восточном рубеже

А между тем теперь он уже не желает слушать никаких возражений и, вопреки всем аргументам и противодействиям, неуклонно готовит нападение. В октябре 1940 года, в ночь его встречи с Петэном, он получил письмо от Муссолини, где тот сообщает о своем намерении напасть на Грецию. Отчетливо представляя, какие осложнения принесет этот непредвиденный шаг немецкому флангу на Балканах, Гитлер был вынужден изменить маршрут своего путешествия и отправиться на спешно организованную встречу во Флоренцию. В свою очередь Муссолини, желая отплатить немцам за многочисленные сюрпризы такого же рода, а также за их многочисленные победы, всего за несколько часов до приезда Гитлера отдал, сломая голову, приказ о начале операции. Но и необходимость послать в Грецию немецкие соединения, когда итальянский союзник, как и ожидалось, попал в затруднительное положение, не помешала Гитлеру продолжать планирование и развертывание войск для похода на Восток. Не изменил он своих планов и тогда, когда Муссолини попал в передрагу и в Албании, и даже когда в начале декабря 1940 года рухнул итальянский фронт в Северной Африке. Все эти неприятности Гитлер принимал равнодушно, он отдавал необходимые указания и направлял туда, где возникала угроза, все новые дивизии и при этом ни на мгновение не отвлекался от своей главной цели. 28 февраля ему пришлось, используя территорию союзной Румынии, упредить Советы в Болгарии. Примерно месяц спустя он оккупировал Югославию, после того как группа офицеров, совершив государственный переворот, предприняла попытку вырвать свою страну из-под немецкого влияния. Но, несмотря на все эти требовавшие все новых действий события, он не выпускает из поля зрения кампанию против Советского Союза, а лишь откладывает ее на ставшие

немецкие войска останвятся, и тогда там мы проведем границу, которая... отделит великую Европу от Востока. Военное напряжение, да и мелкие вооруженные конфликты, возможно, будут еще продолжаться лет восемь или десять. Однако такое положение дел никак не повлияет на волю руководства немецкого государства построить европейский континент и организовать его по собственным, продиктованным Германией законам. Конечно, это будет «Европа за колючей проволокой», но эта Европа будет в экономическом, промышленном и аграрном отношении абсолютно независимой и, в принципе, неуязвимой с военной точки зрения»; цит. по: *Boelcke W.A.* (Hrsg.) *Wollt ihr den totalen Krieg?* S. 189.

потом, правда, роковыми четыре недели. 17 апреля он принял капитуляцию югославской армии, через 6 дней сдались греки, так долго и успешно оказывавшие сопротивление солдатам Муссолини. В это же время отправленный в Северную Африку корпус под командованием генерала Роммеля за 12 дней отвоевал всю потерянную итальянцами Киренаику. Вскоре вслед за тем, между 20 и 27 мая 1941 года, немецкие парашютные части захватили остров Крит, и на какое-то мгновение даже показалось, что крах всей британской мощи в Восточном Средиземноморье неминуем. Редер и Верховное командование ВМФ все с большей настойчивостью требовали начать осенью 1941 года крупное наступление на английские позиции на Ближнем Востоке, которое «было бы для Британской империи более страшным ударом, нежели взятие Лондона» (ставшие позднее известными суждения противника во многом подтвердили это предположение). Однако Гитлер опять не проявил готовности расстаться со всепоглощающей идеей экспансии на Востоке, и все старания части его окружения переубедить его оказываются безуспешными⁶⁶. Не остановила его и резко обострившаяся ситуация на Западе, где все более ощутимо стали проявляться огромные материальные возможности США и где после поражения в воздушной войне встала угроза провала и войны подводной⁶⁷.

Не приходится сомневаться в том, что Гитлер видел и учитывал все многочисленные слабые места своей новой концепции войны: риск борьбы на два фронта, опыт Наполеона, связанный с огромными пространствами России, выход из игры итальянского союзника, а также распыление собственных сил, резко противоречившее самой идее блицкрига. Но то упорство, с которым Гитлер не хотел замечать все это, объяснялось не только и не столько его концентрацией на главной

---

⁶⁶ Это были в первую очередь Редер, Роммель, фон Вайцзеккер, германский посол в Москве фон дер Шуленбург, а также тамошний германский военный атташе генерал Кёстринг. Об идее наступления на Ближнем Востоке см.: *Bullock A. Op. cit. S. 644*. Буллок считает, что не более четверти выделенных для нападения на Советский Союз сил было бы наверняка достаточно, чтобы нанести сокрушительный удар по всему британскому господству в Передней Азии.

⁶⁷ Резкое снижение тоннажа потопленных немецкими подводными лодками кораблей произошло только в июле 1941 года, однако к январю 1942 года оно восстановилось. Окончательный перелом пришелся уже на середину 1943 года. — *Прим. науч. ред.*

мысли — скорее, он сам все отчетливее сознавал, что то начинающееся лето 1941 года давало ему последний шанс для реализации его планов. Он был, как он сам скажет позже, в ситуации человека, у которого остался в ружье только один патрон⁶⁸, и особенность тут заключалась в том, что эффективность заряда со временем неуклонно снижалась. Ибо войну, как он знал, нельзя было выиграть, если бы она приняла характер битвы ресурсов и борьбы на истощение, что поставило бы Германию во все возрастающую зависимость от Советского Союза и в конечном итоге закончилось бы гегемонией Соединенных Штатов. Можно полагать, что где-то в глубине его мысли о нападении на СССР еще тлела, неотчетливо и расплывчато, надежда на то, чтобы ударом по Советскому Союзу вернуть нейтралитет консервативных держав, чье содействие он имел, но так бездарно упустил, но вот теперь, мол, вновь осознал в качестве противника общего врага. Во всяком случае, именно эта надежда побудила его старого обожателя Рудольфа Гесса 10 мая 1941 года на свой страх и риск вылететь в Англию, чтобы положить конец этой «перевернутой войне». Но встреченное им там отсутствие интереса к его миссии отчетливо показало, что и этот шанс упущен, и у Гитлера действительно нет выбора. Его решение начать войну на Востоке именно в этот момент походило на акт отчаяния — это был единственный путь, оставшийся для него еще открытым. Но этот путь вел к гибели.

Начиная с осени 1940 года есть много свидетельств, насколько ясно представлял себе Гитлер эту дилемму. Его беседы с дипломатами, генералами, политиками, помимо их значимости как таковых, являются документами процесса непрерывного самоубеждения. Недооценка и умаление силы противника играли при этом такую же важную роль, как и изображение его страшным чудовищем. С одной стороны, Советский Союз был «глиняным колоссом без головы», а с другой — «большевизированной пустыней», «просто ужасным», «мощным натиском народов и идей, угрожающим всей Европе», и заключенный когда-то договор стал ощущаться теперь «очень болезненно»⁶⁹. А потом он снова уго-

---

⁶⁸ Из беседы с Муссолини 20.1.1941; см.: KTB/OKW. Bd. I. S. 275.

⁶⁹ См.: *Hillgruber A. Staatsmänner*. Bd. I. S. 586, 384 f., 352, а также в этой связи S. 366, 385, 421, 495, 516 и др. По поводу «глиняного колосса» см.: KTB/OKW. Bd. I. S. 258.

варивал себя, что это не война на два фронта: «Теперь есть возможность, — заявил он перед генералитетом 30 марта 1941 года, — нанести удар по России, имея безопасный тыл. Еще раз подобная возможность долго не представится. С моей стороны было бы преступлением перед будущим немецкого народа, если бы я не использовал ее!» Откровенное отсутствие поддержки со стороны общественности, приветствовавшей «ревизионистские» кампании начального этапа объединения всех немцев, а в итоге и Французскую кампанию, его не смущало. Он не разделял озабоченности одного агентурного донесения о настроениях, что «частично обогнавшаяся в пропаганде грядущая роль Германии как ведущего государства Европы и непосредственное присоединение восточных территорий... пока еще едва ли доступны большей части народа»⁷⁰.

Его заклинания подкреплялись все более укреплявшейся уверенностью, что все принимаемые им решения одобрены и узаконены Провидением. Усиливающееся стремление иррационально обосновывать собственные намерения наглядно отражало то состояние обеспокоенности, в котором он, находился. Нередко акты магического самоуспокоения были вкраплениями в сугубо деловые разговоры. Например, в марте 1941 года в беседе с одним венгерским дипломатом, он после сравнения уровня вооружений Германии и Соединенных Штатов заявил: «Осмысливая свои способы действия и предложения в прошлом, он приходит к убеждению, что все это так сотворено Провидением. Ибо то, к чему он изначально стремился, при использовании мирного пути было бы лишь половинчатым решением, которое привело бы со временем к

---

⁷⁰ Правда, это донесение было составлено уже 1 августа 1941 года, то есть после начала Восточной кампании, однако такое настроение чувствовалось и раньше. Донесение, опубликованное в кн.: *Steinert M.G.* Op. cit. S. 207 f., содержит и такие многозначительные строки: «В результате предпринятого сейчас наступления на Россию, такой, как считает народ, трудноразрешимый даже для бывшей Польши, вопрос подлинного успокоения и умиротворения проживающего в этих областях населения охватит и другие области... В принципе, в общественном сознании прочно укоренилось представление о Великогерманском рейхе как о чисто национальном государстве (для которого даже Богемия и Моравия являются чужеродным телом) в ряду с другими, по сути, равноправными европейскими нациями»; см. также дневник фон Бока. In: *Hillgruber A.* Hitlers Strategie. S. 370. Anm.

новому витку борьбы. У него лишь одно особое пожелание — улучшить наши отношения с Турцией»⁷¹.

Начиная с лета 1940 года между Германией и Советским Союзом наблюдался целый ряд дипломатических неурядиц, которые не в последнюю очередь объясняется решительными попытками Москвы защитить собственное предполье от возросшей до внушавших большие опасения размеров мощи рейха. Москва, аннексировав Прибалтийские государства и Бессарабию, одновременно оказывала упорное сопротивление усилению немецкого влияния на Балканах. Правда, британский посол в Москве сэр Стаффорд Криппс⁷² полагал весной 1941 года, что Советский Союз будет «с абсолютной твердостью» противодействовать всем стараниям втянуть его в войну с Германией, даже если Гитлер сам решится напасть на него. Но при этом Криппс опасался, что Гитлер не преподнесет своим врагам такого подарка⁷³.

И все же он его преподнес. Несмотря на весь напор фатальных обстоятельств, решение Гитлера напасть на Советский Союз еще раз показало сущность его поведения, когда надо было принимать решение. Оно явилось последним и наиболее важным из тех его самоубийственных решений, что были характерны для него с самых ранних лет и разоблачали его обыкновение в отчаянных ситуациях удваивать и без того завышенную ставку. Интересно, однако, что его расчеты в итоге приводили к провалу: если он проигрывал кампанию против Советского Союза, то в результате проигрывал и всю войну, но если даже он и одерживал победу на Востоке, то это еще отнюдь не означало, что выиграна и вся война в целом, как бы ни старался он убедить себя в обратном.

В решении Гитлера напасть на СССР еще в одном отношении проявилась некая характерная для него последователь-

---

⁷¹ Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 517.

⁷² Один из лидеров левого крыла Лейбористской партии сэр Ричард Стаффорд Криппс (24.4.1889—21.4.1952) уже в предвоенные годы был сторонником противодействия Германии и укрепления коллективной безопасности (в том числе с привлечением СССР). Выступал за единый фронт всех левых организаций, включая Компартию, за что в январе 1939 года вместе с Э. Бевином был исключен из Лейбористской партии (восстановлен в марте 1945 года). С мая 1940 года до своего назначения лордом-хранителем печати в 1942 году — посол в Москве. — *Прим. науч. ред.*

⁷³ См.: Hillgruber A. Hitlers Strategie. S. 440.

ность. Московский договор был заключен на том «политическом» этапе его жизни, который теперь остался далеко позади. Этот договор представлял собой продиктованную тактическими соображениями измену его собственным идейным принципам и, следовательно, стал анахронизмом. «Честным этот пакт никогда не был, — сказал он одному из своих адъютантов, — потому что слишком глубока пропасть между мировоззрениями»⁷⁴. Теперь же на передний план вышла честность в смысле приверженности радикализму.

В ночь на 22 июня 1941 года, чуть позже трех часов, Муссолини был разбужен — поступило послание Гитлера. «По ночам я даже своих слуг не тревожу, но эти немцы просто безжалостно заставляют меня вскакивать с кровати», — недовольно пожаловался он⁷⁵. Письмо начиналось с фразы о «месяцах тревожных раздумий» и информировало далее Муссолини о предстоящей операции. «Я чувствую себя, — заверял Гитлер в этом документе, неизменно и энергично возвращаясь в нем то и дело к собственной персоне, — с тех пор как заставил себя принять это решение, снова внутренне свободным. При всей искренности стремления добиться окончательной разрядки, сотрудничество с Советским Союзом все же часто сильно обременяло меня; ибо в чем-то оно казалось мне разрывом со всем моим происхождением, моими взглядами и моими прежними обязательствами. Я счастлив, что избавился от этих душевных мук»⁷⁶.

В этом чувстве облегчения проскальзывала все же нотка озабоченности. Правда, ближайшее окружение Гитлера, особенно высшее военное командование, было настроено чрезвычайно оптимистично. «Для немецкого солдата нет ничего невозможного», — такими словами заканчивалась сводка вермахта от 11 июня 1941 года, где подводились итоги военных действий на Балканах и в Северной Африке. Только вот сам Гитлер, как сообщают очевидцы, казался подавленным и обеспокоенным. Но он был не тем человеком, который отказался бы от мечты своей жизни, когда от нее его отделяла лишь краткосрочная кампания. Всего несколько недель и будет завоевано огромное пространство на Востоке, покорится Англия и пойдет на уступки Америка, и его восславят весь мир.

---

⁷⁴ Из дневника Энгеля; цит. по: *Hillgruber A. Hitlers Strategie*. S. 369.

⁷⁵ *Ciano G. Op. cit.* S. 340.

⁷⁶ *ADAP. Bd. XII. T. 2. S. 892.*

Риск только повышал притягательность цели. Когда в ночь перед нападением вокруг него царило деловое предположительное настроение, он сказал: «У меня такое чувство, словно я распахиваю дверь в темное, никогда не виденное мной помещение и не знаю, что находится за этой дверью»⁷⁷.

Глава II

«ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА»

Когда поднимется «Барбаросса», мир затаит дыхание и замрет.

Адольф Гитлер

153 дивизии, 600 000 единиц техники, 3580 танков, 7184 орудия и 2740 самолетов — с такими силами Гитлер на рассвете 22 июня 1941 года около 3.15 начал наступление на территорию Советского Союза. Это была самая огромная сосредоточенная на одном театре военных действий армия, которую когда-либо знала история. Вместе с немецкими соединениями во вторжении принимали участие 12 дивизий и 10 бригад румынской армии, 18 финских дивизий, 3 венгерские бригады и 2,5 словацкие бригады, позднее к ним присоединились 3 итальянские дивизии и испанская «Голубая дивизия»¹. По примеру большинства предыдущих кампаний, нападение последовало без объявления войны, и опять оно было начато внезапным массированным налетом люфтваффе, одним ударом уничтожившим половину из почти десяти тысяч самолетов Советской России². Как это уже имело место в Польше и на

---

⁷⁷ Gisevius H.B. Adolf Hitler. S. 471; о подавленном состоянии Гитлера в предшествующие началу наступления дни, которое резко контрастировало с оптимизмом военного командования, см., например: Schellenberg W. Op. cit. S. 179 f.

¹ Надо отметить, что словацкие части и «Голубая дивизия» (правильнее «Синяя дивизия») являлись составной частью (инонациональными соединениями) вермахта, в то время как финские, румынские, венгерские и итальянские войска имели статус союзных армий. — *Прим. науч. ред.*

² Подобная цифра не имеет отношения к реальности. В большинстве научных работ фигурирует информация о 1200 уничтоженных советских самолетах. Однако их СССР потерял уже к 12 часам 22 июня 1941 года. К концу дня было потеряно 1811 самолетов, из

Западе, наступающие войска всей мощью своих массированных танковых формирований глубоко вклинились во вражескую территорию и, быстрыми операциями взяв противника в клещи и загнав в «котлы», громили его там. В предыдущие годы Гитлер не раз заверял, что он не планирует «похода аргонавтов» в Россию или чего-то в этом роде³, и вот теперь он двинулся в такой поход.

За военными соединениями следовали, как вторая волна, специальные подразделения — эйнзацгруппы⁴, перед которыми Гитлер еще 3 марта поставил задание истреблять «еврейско-большевистскую интеллигенцию» по возможности уже в районе боевых операций⁵. Эти зондеркоманды и придали войне с самого начала беспримерный, не имеющий аналогов характер. И если в стратегическом плане эта кампания и была в какой-то мере «традиционной» войной, то по своей сути и морали она представляла собой нечто совершенно новое — она была как бы Третьей мировой войной.

В любом случае она не соответствовала понятию «нормальной европейской войны», правилами которой определялось до сих пор все противоборство (хотя уже в Польше проявились признаки новой, более радикальной практики). И как раз тот опыт сопротивления войсковых командиров режиму террора СС в оккупированных польских областях побудил теперь Гитлера объявить имевшую идеологическую окраску борьбу на уничтожение уже в оперативной зоне вермахта. Это была — после стольких осложнений, окольных путей и перевернутых фронтов — его война, и в ней он не допускал никаких компромиссов. Он вел ее безжалостно, одержимо, все боль-

---

которых 1489 уничтожены на земле (немцы в тот день считали, что уничтожили 850 советских самолетов). Потери люфтваффе 22 июня составили 57 самолетов (по советским данным — около 200). — *Прим. науч. ред.*

³ Так было сказано в беседе с британским послом; цит. по: *Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Aussenpolitik. S. 377.*

⁴ Эйнзацгруппы (Einsatzgruppe — «группы действия») — особые карательные подразделения СД и полиции безопасности. Впервые применены при аншлюсе Австрии, но наиболее активно действовали в сентябре — октябре 1939 года в Польше. С началом войны против СССР были сформированы четыре эйнзацгруппы — «А», «В», «С», «Д». Обычно в состав эйнзацгруппы входило около 1 тысячи человек. Эйнзацгруппы подразделялись на зондеркоманды и эйнзацкоманды. — *Прим. науч. ред.*

⁵ КТВ/ОКВ. Bd. I. S. 341.

ше пренебрегая всеми другими театрами боевых действий. Он не принимал во внимание никаких тактических соображений. Он отказался, в частности, от того, чтобы при помощи каких-либо привлекательных лозунгов об освобождении привлечь местное население и добиться сперва военной победы, а потом уже развернуть процесс порабощения и уничтожения. Более того, теперь он искал только окончательных решений — и это тоже было симптомом его решительного отказа от «политического пути». 30 марта 1941 года он созвал в Имперской канцелярии в Берлине примерно 250 высших офицеров всех родов войск и объяснил им в своей длившейся два с половиной часа речи новый характер предстоящей войны. Дневник Гальдера зафиксировал следующие положения этой речи:

«Наши задачи в отношении России: вооруженные силы разгромить, государство ликвидировать... Борьба двух мировоззрений. Уничтожающая оценка большевизма: это все равно что антиобщественное преступление. Коммунизм — чудовищная опасность для будущего. Нам не следует придерживаться тут законов солдатского товарищества. Коммунист не был товарищем и не будет. Речь идет о борьбе на уничтожение.

Нужно бороться с ядом разложения. Это не вопрос военных судов. Войсковые начальники должны знать, о чем тут идет речь. Они обязаны руководить этой борьбой... Комиссары и люди из ГПУ⁶ — это преступники, так с ними и следует обращаться... Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке же жесткость — это благо для будущего.

От командиров требуется жертва — отбросить все сомнения»⁷.

И хотя никто из присутствовавших не возразил этому призыву к совершению преступлений, Гитлер все же не доверял своим связанным традиционными сословными нормами гене-

---

⁶ Термин «ГПУ» (Главное политическое управление) в данном случае употреблен как типологическое определение советских органов государственной безопасности. Уже в июле 1923 года на базе ГПУ было сформировано ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление), а в июле 1934 года его функции перешли в Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД). В феврале 1941 года НКВД был разделен на собственное НКВД и Народный комиссариат государственной безопасности СССР. После начала Великой Отечественной войны в июле 1941 года был вновь сформирован объединенный НКВД. — *Прим. науч. ред.*

⁷ Halder F. КТВ. Bd. II. S. 335 ff.

ралам и потому не довольствовался одними лишь словами. В куда большей степени все его устремления были нацелены на то, чтобы ликвидировать водораздел между ведением войны в привычном смысле и действиями зондеркоманд и чтобы все элементы соединились в общую картину единой войны на уничтожение, делающей всех ее участников военными преступниками. Серией подготовительных директив из ведения вермахта было изъято административное управление тылами — оно передается специально назначаемым имперским комиссарам⁸. Одновременно рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру было поручено организовать силами четырех эйнзатцгрупп, сформированных из личного состава полиции безопасности и СД общей численностью в 3000 человек, выполнение в районе боевых операций «специальных задач», «вытекающих из ведущейся до полной победы борьбы двух противоположных политических систем». На совещании в Прецше в мае 1941 года Гейдрих⁹ устно довел до командиров этих групп приказ об уничтожении всех евреев, всех «неполноценных азиатов», всех коммунистических функционеров и цыган¹⁰. Подписанный в это

---

⁸ В данном случае автор несколько упрощает систему управления восточными оккупированными территориями. Из компетенции вермахта управление тыловой областью, непосредственно примыкавшей к фронту, изъято не было: довольно значительная территория до конца войны оставалась в ведении командующих тыловыми районами и подчиненных им полевых комендатур. Те же оккупированные территории, которые оказывались в ходе продвижения войск, за пределами тыловых районов передавались под управление имперским комиссарам, которые в свою очередь теоретически подчинялись Имперскому министерству восточных оккупированных территорий во главе с Альфредом Розенбергом, то есть гражданской (а не военной) администрации. — *Прим. науч. ред.*

⁹ Группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Рейнгард Тристан Ойген Гейдрих (7.3.1904—4.6.1942) с сентября 1939 года являлся шефом полиции безопасности и СД, возглавляя Главное управление имперской безопасности. С сентября 1941 года одновременно заместитель имперского протектора Богемии и Моравии. Смертельно ранен в результате покушения, организованного чешскими патриотами. — *Прим. науч. ред.*

¹⁰ См.: *Krausnick H. Judenverfolgung. In: Anatomie des SS-Staates. Bd. II. S. 363 ff.*, где приводятся также дополнительные источники и литература. По поводу поручения Гиммлеру, которое, кстати, было включено в директиву ОКВ от 13 марта 1941 года по прямому указанию Гитлера и в его личной редакции, см.: *КТВ/ОКВ. Bd. I. S. 340 ff.*, см. затем: *Warlimont W. Im Hauptquartier der Wehrmacht. S. 167 ff.*

же время «указ фюрера» фактически освобождал военнослужащих вермахта от преследования за уголовные деяния в отношении советских гражданских лиц. Другое распоряжение, так называемый «Приказ о комиссарах» от 6 июня 1941 года, предусматривал, что все политкомиссары Красной армии, поскольку они являются «зачинщиками по-варварски азиатских методов борьбы, в случае их захвата на поле боя или при сопротивлении немедленно и безоговорочно уничтожаются с помощью оружия». И наконец, «руководящие указания» ОКВ, доведенные до сведения более чем трех миллионов солдат восточной армии непосредственно перед началом нападения, требовали принятия «беспощадных и энергичных мер против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев и полного искоренения любого активного и пассивного сопротивления»¹¹. Эти меры дополнялись шумной кампанией против «славянских недочеловеков», которая воскрешала картины «монгольского нашествия» и называла большевизм современным выражением вызванного к жизни еще Аттилой и Чингисханом азиатского стремления к разрушению.

Все эти элементы придавали войне на Востоке необычайный, двойственный характер. С одной стороны, это была мировоззренческая война против коммунизма, и само наступление несло на себе в какой-то степени черты Крестового похода; с другой же — она была, конечно, не в меньшей мере и колониальной захватнической войной в стиле XIX века. (Правда, войной, направленной против одной из традиционных европейских великих держав и руководствовавшейся целью уничтожить эту державу.) Идеологические обоснования, которыми определялась главным образом внешняя пропагандистская шумиха, были дезавуированы самим Гитлером, который в середине июля в самом узком кругу раздраженно отверг формулу о «войне Европы против большевизма» и пояснил: «В принципе, таким образом, речь идет о том, чтобы умело разрезать на куски этот гигантский пирог, дабы мы, во-первых, могли его покорить, во-вторых, им управлять и, в-третьих, его эксплуатировать». Однако замыслы насчет аннексии обноро-

---

¹¹ См.: Nürnberg-Dok. NOKW-1692, опубликовано в: *Jacobsen H.* -A. Kommissarbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener. In: *Anatomie des SS-Staates*. Bd. II. S. 223 f.; Ebd. S. 225 ff., а также так называемый «приказ о комиссарах». См. в этой связи и показания генералов в Нюрнберге: IMT. Bd. XX. S. 635, 663; далее: IMT. Bd. XXVI. S. 406 ff., а также: Bd. XXXIV. S. 252 ff., 191 ff.

довать пока не следует. «Все необходимые меры — расстрелы, выселения и т.п. — мы, несмотря на это, проводим и сможем, несмотря на это, проводить»¹².

В то время как вермахт неудержимо продвигался вперед, чуть ли не за две недели вышел к Днепру, а неделю спустя был уже под Смоленском, эйнзацгруппы устанавливали на захваченных территориях свой порядок террора, прочесывали города и села, сгоняли вместе евреев, партработников, интеллигенцию и вообще всех, кто потенциально мог относиться к руководящим слоям общества, и уничтожали их. Отто Олендорф, командир одной такой группы¹³, в своих показаниях на Нюрнбергском процессе рассказал, что его подразделение только за первый год ликвидировало около 90 тысяч мужчин, женщин и детей. По осторожным оценкам, за тот же период были убиты — правда, речь тут идет об особенно пострадавшем еврейском населении Западной России — примерно полмиллиона человек¹⁴. А Гитлер безжалостно наращивал акции по массовому уничтожению. В его высказываниях этого периода, помимо всех устремлений к захвату и эксплуатации ресурсов, то и дело проглядывает с радикальностью, заставляющей вспомнить о его молодых годах, его глубоко идеологический эффект ненависти: «Евреи — исчадие человечества, — заявил он 21 июля хорватскому министру иностранных дел Славко Кватернику¹⁵, — если бы евреям была открыта

---

¹² IMT. Bd. XXXVIII. S. 86 ff. (Dok. 221-L). 20 июня 1941 года Розенберг в том же духе заявил, выступая перед «непосредственными участниками решения восточной проблемы»: «С сегодняшнего дня мы ведем «крестовый поход» против большевизма не для того, чтобы на веки вечные освободить «бедных русских» от большевизма, а чтобы осуществлять германскую мировую политику и обеспечивать интересы Германского рейха». См.: IMT. Bd. XXVI. S. 614 (Dok. 1057-PS).

¹³ Группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Отто Олендорф (4.2.1907—8.6.1951) был начальником III управления Главного управления имперской безопасности, ведавшего службой безопасности (СД) внутри рейха. В июне 1941 года — июле 1942 года он также являлся начальником эйнзацгруппы «Д», действовавшей на Украине. Повешен по приговору Американского военного трибунала по делу оперативных групп СД. — *Прим. науч. ред.*

¹⁴ *Ohlendorf O. Eidesstattliche Aussage. Nürnberg-Dok. Bd. IV. S. 312 ff.*; подробнее см.: *Krausnick H. Op. cit. S. 367 f.*

¹⁵ Один из лидеров усташей маршал Славко Кватерник (1876—7.6.1947) в 1941—1942 году являлся не министром иностранных дел, а министром национальной обороны и главнокомандующим вооруженными силами Независимого государства Хорватии. — *Прим. науч. ред.*

такая зеленая улица, как в советском раю, то они осуществили бы самые безумные планы. Так Россия стала бы очагом чумы для человечества... Если даже всего одно государство по каким-то причинам будет терпеть одну еврейскую семью, то она станет очагом бактерий для нового разложения. Если бы больше не было евреев в Европе, то уже ничто не мешало бы единству европейских государств»¹⁶.

Несмотря на быстрое продвижение, немецкие войска смогли успешно провести те гигантские операции по окружению, что составляли основу оперативного плана похода на Восток, первоначально только на центральном участке¹⁷. На остальных же фронтах им удавалось лишь более или менее успешно заставлять основные силы противника отступать: впереди нас нет врага, а позади нас нет тыла — такой формулой выражалась вся особенность этой кампании. Но как бы то ни было, к 11 июля в руках вермахта оказалось около 600 000 советских военнопленных, в том числе свыше 70 000 перебежчиков. И Гитлер, и Верховное командование сухопутных войск полагали, что крах Красной армии близок. Уже 3 июля Гальдер записал в своем дневнике: «Пожалуй, я не преувеличу, если скажу, что кампания против России выиграна за 14 дней», и только упорное, обусловленное большим пространством сопротивление, считает он, отнимет у немецкой армии еще много недель. Сам Гитлер скажет несколько дней спустя, что «он не думает, что сопротивление в европейской части России продлится более шести недель. Куда потом отправятся русские, он не знает. Может быть, к Уралу или за Урал. Но мы будем их преследовать, и он, фюрер, не остановится перед тем, чтобы прорваться через Урал... Он будет преследовать Сталина, куда бы тот ни бе-

---

¹⁶ Цит. по: *Hillgruber A. Die «Endlösung» und das deutsche Ostimperium. In: VJHfZ, 1972. Н. 2. S. 142.*

¹⁷ Еще в выступлении 5 декабря 1940 года Гитлер так изложил оперативный план похода в Россию: «При наступлении на русскую армию следует избегать опасности простого отеснения русских. Наш метод начала кампании должен обеспечить расчленение русской армии и удушение ее в “мешках”. Значит, следует создать исходную позицию для проведения крупных операций по окружению». См.: *Halder F. КТВ. Bd. II. S. 214.* К вопросу о том, насколько поразительные успехи немцев на начальном этапе войны объяснялись фактором неожиданности и, несмотря на многочисленные предупреждения, недостаточной готовностью советской стороны, см. интересные данные в кн.: *Hillgruber A. Hitlers Strategie. S. 430 ff.*

жал... Он не думает, что ему придется продолжать бои до середины сентября: за шесть недель он как-нибудь справится»¹⁸. С середины июля главный упор в программе производства вооружений переносится уже на подводные лодки и авиацию, а при планировании учитывается ожидаемое через 14 дней возвращение немецких дивизий в Европу. Когда последний немецкий военный атташе в Москве генерал Кёстринг¹⁹ был с докладом в Ставке фюрера, Гитлер подвел его к оперативной карте, очертил движением руки захваченные территории и заявил: «Отсюда меня теперь никакая свинья не выгонит»²⁰.

Такому рецидиву неприкрытой вульгарности ранних лет соответствовало и удовлетворение, которое Гитлер явно испытывал при сообщениях о жестоких сражениях. Испанскому послу Эспиносе он говорил, что бои на Востоке — это сплошная «бойня», иногда противник предпринимает глубоко эшелонированные атаки в 12—13 порядков, и все они успешно отбиваются, «людей косят рядами»; советские солдаты «кто в состоянии летаргии, а кто вздыхает и стонет. Комиссары — это дьяволы, [и]... их всех расстреливают»²¹. Одновременно его охватывали продолжительные человеконенавистнические фантазии. Он планирует удушить Москву и Ленинград голодом, что вызовет «народную катастрофу»,

---

¹⁸ Из беседы с японским послом Осимой 15.7.1941; цит. по: *Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 600 ff.* Прочитываемую выше запись Гальдера см.: *Halder F. KTB. Bd. III. S. 38.*

¹⁹ Произведенный позже (в 1944 г.) Эрнст Август Кёстринг (2.6.1876—1953) был военным атташе в Москве в 1931—1933, 1935—1941 годах. Постоянно привлекался в обсуждению вопросов о сотрудничестве с населением СССР в качестве эксперта. С сентября 1942 года уполномоченный по вопросам народов Кавказа при командовании группы армий «А», а с июня 1943 года — инспектор соединений народов Северного Кавказа. В январе 1944 года он стал генералом по добровольческим соединениям. Оказывал постоянную и активную поддержку формированию Русской освободительной армии А.А. Власова. — *Прим. науч. ред.*

²⁰ См.: *Dallin A. Deutsche Herrschaft in Russland. S. 74;* о перепрофилировании производства вооружений и планировании возвращения войск из Советского Союза см. Директиву № 32—6 от 14.7.1941, опубликованную в: *Hubatsch W. Hitlers Weisungen. S. 136 ff.,* а также: *KTB/OKW. Bd. I. S. 1022 ff.*

²¹ См.: *Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 622 ff.*

которая лишит центров не только большевизм, но и всю Московию». Затем он решает сравнить оба эти города с землей и на том месте, где когда-то стояла Москва, устроить гигантское водохранилище, чтобы истребить всю память об этом городе и о том, чьей столицей он был. Он предусмотрительно отдал приказ отклонять все ожидаемые предложения о капитуляции и так объяснил его в своем кругу: «Наверное, какие-то люди схватятся обеими руками за голову и спросят: как мог фюрер разрушить такой город, как Санкт-Петербург? По своей сути я ведь отношусь к иному виду. Мне было бы приятней не причинять никому зла. Но если я вижу, что биологический вид в опасности, то меня покидает чувство холодной рассудочности»²².

В течение августа, после прорыва «линии Сталина»²³, немецким войскам все же удастся провести крупные операции по окружению на всех участках фронта. В то же время становится очевидным, что оптимистические ожидания предыдущего месяца были обманчивыми: как ни велико было количество пленных, масса вводимых в бой резервов Красной армии оказывалась еще больше. К тому же противник оборонялся куда более ожесточенно, нежели польская армия или войска западных держав, и его воля к сопротивлению, по-

---

²² Hitler's Table Talk. P. 44. О будущей судьбе Ленинграда и Москвы см.: Halder F. KTB. Bd. III. S. 53; Hitler's Tischgespräche. S. 251; Hilgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 643; KTB/OKW. Bd. I. S. 1021, 1070, Zoller A. Op. cit. S. 143. И в речи 9 ноября 1941 года Гитлер также заявил, что Ленинград не будет взят приступом, а просто задушен голодом; см. Domarus M. Op. cit. S. 1775. Как должно было выглядеть уничтожение города в деталях, указывалось в распоряжении начальника штаба руководства войной адмирала Курта Фрике от 29.9.1941: «Предполагается окружить город тесным кольцом, затем огнем из артиллерийских орудий всех калибров и постоянным применением авиации сравнять его с землей. Возможные в таких условиях просьбы города о сдаче будут отклоняться, так как мы не можем и не должны решать проблему существования и питания населения. В этой войне за существование с нашей стороны нет никакой заинтересованности в сохранении даже части населения этого крупного города»; чит. по: Ursachen und Folgen. Bd. XVII. S. 380 ff.

²³ «Линия Сталина» — система фортификационных сооружений, развернутых на линии от Баренцева до Черного моря, — включала в себя 21 укрепрайон и 4000 дотов. После начала Второй мировой войны и передвижения границы СССР на Запад линия была законсервирована. — *Прим. науч. ред.*

колебленная начальными кризисами, намного возросла, когда он осознал истребительный характер ведущейся Гитлером войны. Износ матчасти в пыли и грязи русских равнин тоже оказался выше, чем ожидалось, и каждая победа затягивала немецкие войска все глубже в бескрайние пространства. Кроме того, обнаружилось, что немецкая военная машина впервые дошла до предела своих возможностей. Промышленность, например, производила вместо необходимых 600 танков в месяц только около трети от этого количества, пехота в условиях кампании, превзошедшей все предыдущие представления о расстояниях, оказалась недостаточно моторизованной, авиация не справилась с войной на два фронта, а запасы горючего сократились до уровня месячной потребности. Ввиду всех этих обстоятельств решающее значение приобрел вопрос, на каком участке фронта могут быть наиболее эффективно введены оставшиеся резервы для нанесения удара, который решил бы судьбу войны.

Верховное командование сухопутных войск и командование группы армий «Центр» единодушно потребовали перейти в решительное наступление на Москву. Они ожидали, что противник выставит для решающего сражения у ворот своей столицы все имеющиеся в его распоряжении силы и тем самым в результате победы будет завершена вся кампания и обеспечен триумф идеи блицкрига. Гитлер, напротив, требовал наступления на севере, чтобы отрезать Советы от выхода к Балтийскому морю, а также настаивал на широкомасштабном продвижении на юге с целью захвата сельскохозяйственных и промышленных областей Украины и выхода к нефтяным месторождениям Кавказа. В этом плане очень показательно смешались и его заносчивость, и его стесненное положение. Гитлер, создавая видимость человека, столь уверенного в победе, что может игнорировать столицу противника, на самом деле пытался предупредить становящееся ощутимым перенапряжение экономики. «Мои генералы ничего не понимают в военной экономике», — не раз повторял он. Это упорное противоборство, вновь выявившее шаткие отношения между Гитлером и генералитетом, завершилось в конечном итоге директивой, которая содержала приказ группе армий «Центр» передать свои моторизованные соединения группам армий «Север» и «Юг». «Невыносимо», «неслыханно», — записал Гальдер в дневник и предложил фон Браухи-

чу вместе подать в отставку, однако главнокомандующий это предложение отклонил²⁴.

Большая победа в битве за Киев, принеся немечкой стороне около 665 000 пленных и огромное количество трофеев, казалось, вновь подтвердила военный гений Гитлера. Тем более что этот успех устранил одновременно и фланговую угрозу для центрального участка фронта, да и вообще только сейчас, благодаря этой победе, открывалась свободная дорога на Москву. И действительно, теперь Гитлер согласился с наступлением на советскую столицу; однако, будучи ослеплен непрекращающейся чередой своих триумфов и избалован военным счастьем, он полагал, что сможет одновременно добиваться и далеко идущих целей на севере и в первую очередь на юге. Этими целями было — перерезать железную дорогу на Мурманск, захватить Ростов-на-Дону и майкопские нефтяные месторождения и прорваться к находящемуся на расстоянии более 600 км Сталинграду. Он словно позабыл о своем старом главном правиле — всякий раз концентрировать все силы на одном участке — и разводил войска все дальше друг от друга. Наконец, с задержкой почти на два месяца, 2 октября 1941 года генерал-фельдмаршал фон Бок начал наступление на Москву. На следующий день в своей речи в берлинском Дворце спорта, которая была уникальным документом заурядного хвастовства, Гитлер, обругав противников «демократическими нулями», «олухами», «зверями и бестиями», объявил, «что этот противник уже сломлен и никогда больше не поднимется»²⁵.

Четыре дня спустя зарядили осенние дожди. Правда, два крупных «котла» под Вязмой и Брянском, где немецким войскам удалось окружить превосходящие силы противника, еще оставляли вермахту возможность успешного наступления на Москву, но затем все более глубокая грязь сковала технику, снабжение стало давать перебои, все больше машин и орудий

---

²⁴ *Halder F.* КТВ. Bd. III. S. 193. Гитлер изложил свои аргументы в памятной записке от 22.8.1941; см. в этой связи: *Hillgruber A.* *Hitlers Strategie.* S. 547 ff. По поводу обвинения в том, что генералитет ничего не понимает в военной экономике, см.: *Guderian H.* *Op. cit.* S. 182.

²⁵ *Domarus M.* *Op. cit.* S. 1758 ff. Неделью спустя имперский шеф прессы НСДАП Отто Дитрих по распоряжению Гитлера сообщил прессе, что исход Восточной кампании решен; см.: *Dietrich O.* *Zwölf Jahre.* S. 101 ff. См. в то же время в этой связи: *Stephan W.* *Joseph Goebbels.* S. 226.

застревало в грязи. Только когда в середине ноября ударил легкий морозец, наступление возобновилось. Танковые соединения, предназначенные для охвата Москвы с севера, приблизились наконец в районе Красной Поляны к советской столице на расстояние 30 км, а части, наступавшие с запада, были уже в 50 км от центра города. Вот тут-то и грянула русская зима, когда термометр опускался до 30, а иногда и до 50 градусов ниже нуля²⁶.

Немецкие войска были полностью неготовы к столь резкому похолоданию. Будучи уверенным, что кампания не продлится дольше 3—4 месяцев, Гитлер применил один из характерных для его решений приемов — опять уперся и не подготовил для армии зимнего снаряжения. «Зимней кампании не будет», — наставлял он генерала Паулюса²⁷, когда тот предложил принять предупредительные меры на случай зимы²⁸. На фронте тысячи солдат гибли от обморожения, машины и автоматическое оружие отказывали, в лазаретах замерзали раненые, и вскоре потери от холодов превысили боевые. «На фронте началась паника», — докладывал Гудериан, а в конце ноября он сообщил, что его войска «дошли до предела своих возможностей». Несколько дней спустя находившиеся у самой Москвы соединения предприняли при 30-градусном морозе последнюю попытку прорвать линии русских, несколько частей прорвались к пригородам столицы, в полевые бинокли офицеры уже могли разглядеть башни Кремля и то, что творилось на улицах. И тут наступление захлебнулось.

Совершенно неожиданно началось советское контрнаступление силами прибывших из Сибири отборных дивизий. Немецкие войска с тяжелыми потерями были отброшены от города. На протяжении нескольких дней завязший в снегу фронт, казалось, колебался и рушился. Все призывы генералов во избежание катастрофы путем тактического отходного

---

²⁶ По данным немецкого исследователя Московской битвы К. Рейнгардта, средняя температура воздуха в ноябре под Москвой была на уровне $-5,3^{\circ}\text{C}$, ее наибольшее понижение (до -20°C) произошло между 13 и 18 ноября (См.: *Рейнгарт К. Поворот под Москвой*. М., 1980. С. 205). — *Прим. пер.*

²⁷ На тот момент генерал-лейтенант Фридрих Вильгельм Паулюс занимал пост 1-го обер-квартирмейстера Генерального штаба Верховного командования сухопутных войск; в его ведении была разработка оперативных планов, организация работы и др. — *Прим. науч. ред.*

²⁸ *Paulus F. Ich stehe hier auf Befehl*. S. 49 f.

маневра Гитлер непоколебимо отверг. Он боялся потерять вооружение и снаряжение, боялся необозримых психологических последствий, которые неминуемо повлекли бы за собой разрушение мифа о его личной непобедимости. Короче говоря, он боялся того образа разгромленного Наполеона, который так часто был ранее предметом его презрения²⁹. 16 декабря он отдал приказ, в котором требовал от каждого солдата «фанатичного сопротивления» на каждой позиции, «невзирая на прорыв противника с фланга и тыла». Когда Гудериан высказался о бессмысленных жертвах, которые вызовет этот приказ, Гитлер ответил ему вопросом: не думает ли генерал, что гренадеры Фридриха Великого умирали с охотой? «Вы стоите слишком близко к событиям, — упрекнул он генерала, — Вы чересчур сочувствуете солдатам. Вам следовало бы держать дистанцию». До сегодняшнего дня распространено убеждение, будто бы «приказ выстоять» под Москвой и ожесточенная воля Гитлера к сопротивлению стабилизировали трещавший по швам фронт. Однако потери войск в живой силе и технике, отказ от выигрыша пространства, а также от сокращения линий снабжения вновь свели на нет все мыслимые выгоды³⁰. Кроме того, это решение указывало и на все рельефнее проступавшую неспособность Гитлера к гибкому применению своей воли. Процесс самовозвеличивания, которому он так много лет подчинял себя, явно сказался теперь на его внутренней сути и придал ей свойство патетической неподвижности памятника. И какие бы решения ни принял он перед лицом кризиса, неоспоримым было одно — у ворот советской столицы потерпел крах не только ориентированный на блицкриг план «Барбаросса», но и весь гитлеровский план войны в целом.

---

²⁹ См., например, свидетельства на этот счет в его различных беседах: *Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 64, 594, 619, 628*. По сообщению Гальдера, воспоминания маршала французского посла в Петербурге Армана де Коленкура о походе 1812 года были изъяты из продажи зимой 1941/1942 года; см.: *Dallin A. Op. cit. S. 93*.

³⁰ См. взвешенную оценку Рудольфа Гоффмана: *Hoffmann R. Die Schlacht von Moskau 1941. In: Jacobsen H.-A., Rohwer J. Entscheidungsschlachten des Zweiten Weltkriegs. S. 181 ff.*; затем критические высказывания фон Манштейна в его книге «Утраченные победы»: *Manstein E. v. Verlorene Siege. S. 310 ff.*, сам текст «приказа выстоять» см.: *KTB/OKW. Bd. I. S. 1084*. О стычке Гудериана с Гитлером см.: *Guderian H. Erinnerung eines Soldaten. S. 240 ff.*

Осознание этого, как и при всех других серьезных, отрезвляющих ударах судьбы, явилось для Гитлера тяжелейшим шоком. Это был первый тяжелый провал после почти 20 лет неизменных успехов, политических и военных триумфов. И в отчаянно отстаивавшемся им вопреки всем возражениям решении любой ценой удерживать позиции под Москвой было что-то от заклинания этого переломного момента. Он сам слишком хорошо сознавал, что его чересчур азартная игра при первом же поражении потерпит фиаско по всем статьям. Во всяком случае, уже в середине ноября он казался преисполненным пессимистических предчувствий, когда говорил в узком кругу об идее «мира путем переговоров» и в очередной раз выражал смутные надежды на влиятельные консервативные круги Англии³¹, словно забыв, что давно изменил секрету своих побед и что никогда уже больше не будет в состоянии свалить одного главного противника с помощью другого. Десять дней спустя, когда в России ударили морозы, он, кажется, впервые понял, что ему грозит нечто большее, нежели просто неудача. Генерал-полковник Йодль скажет во время одного обсуждения положения на фронте уже в конце войны, что ему, как и Гитлеру, на том этапе, когда наступила русская зима, стало ясно, что «добиться победы уже не удастся»³². 27 ноября генерал-квартирмейстер Вагнер сделал в Ставке фюрера доклад о ситуации, вывод из которого Гальдер сформулировал в следующем предложении: «Мы на пределе наших людских и материальных возможностей». А вечером того же дня, находясь в угрюмом, мизантропическом настроении, какое так часто наблюдалось у него в кризисных ситуациях жизни, Гитлер сказал одному иноземному визитеру: «Если немецкий народ когда-нибудь будет недостаточно сильным и жертвенным, чтобы платить кровью за свое собственное существование, то ему придется исчезнуть и быть уничтоженным другой, более сильной державой». Во втором разговоре — в тот же вечер и снова с зарубежным гостем — он к той же мысли

---

³¹ Halder F. KTB. Bd. III. S. 295, а также: Hillgruber A. Hitlers Strategie. S. 551 f. Весной следующего года Гитлер еще раз заявил, что «хотел бы вести эту войну против большевизма, имея партнерами английские военно-морские и военно-воздушные силы»; см.: Hitlers Tischgespräche. S. 224.

³² KTB/OKW. Bd. IV. Hbd. 2. S. 1503.

добавил еще такое замечание: «Он бы тогда по немецкому народу и слезинки не уронил»³³.

Осознанием того, что план войны в целом провалился, было продиктовано и решение Гитлера 11 декабря объявить Соединенным Штатам войну, которой он так долго опасался. За четыре дня до того 350 японских бомбардировщиков подвергли мощному бомбовому удару американский флот в Пёрл-Харборе и аэродромы в Оаху и этим неожиданным нападением начали войну на Дальнем Востоке. В Берлине посол Осима настаивал на немедленном вступлении рейха в войну на стороне Японии. Хотя Гитлер все время торопил своего дальневосточного союзника с нападением на Советский Союз или на британские владения в Юго-Восточной Азии, но давал понять, насколько несвоевременной была бы для Германии война с США, он моментально пошел навстречу японским требованиям. Он даже не поставил в вину японцам, что те скрыли от него свои планы, — в принципе он позволял такое только себе, — и без раздумий отклонил доводы Риббентропа насчет того, что, мол, Германия, если исходить из буквы Тройственного пакта, вовсе не обязана выступать на стороне союзника. Скандальный характер самого акта неожиданного нападения, которым начала это противоборство Япония, глубоко подействовал на него, он уже был готов к тому времени вдохновляться подобными эффектами. «У него стало радостно на сердце, когда он услышал о первых операциях японцев», — так сказал он Осиме³⁴. Но еще больше повлияло на решение объявить войну США понимание им того, что вся его стратегическая концепция потерпела фиаско.

В его распоряжении оставались только две одинаково фатальные альтернативы. Он должен был либо быть готовым к примирению между Японией и США, что снимало бы с американского президента беспокойство за тихоокеанские тылы и тем самым делало бы возможным активное выступление против Германии, к чему Рузвельт с его политикой ведения войны «на грани войны» (*short of war*) энергично вел

---

³³ Так это было сказано во время переговоров со датским министром иностранных дел Скавениусом, а также хорватским министром иностранных дел Лорковичем; цит. по: *Hillgruber A. Staatsmänner*. Bd. I. S. 657, 661.

³⁴ *Ebd.* S. 683.

дело уже в течение продолжительного времени, либо между Японией и Соединенными Штатами возникал конфликт, в результате чего дальневосточный партнер по союзу явно становился бы неспособным включиться в войну против Советского Союза. Естественно, Гитлер предпочитал вторую альтернативу, даже если она ранее, нежели первая, втягивала его в открытое противоборство с США. Ведь конфликт был в любом случае неизбежен, говорил он самому себе, но коль скоро он неизбежен, то его незамедлительное начало, так или иначе, давало некоторые выгоды. Это не только облегчало ведение немцами войны на море, поскольку им до этого приходилось мириться со всеми провокациями с американской стороны, — еще более важным было и то, что эффективные в психологическом плане успехи японцев последовали в нужный момент, ибо необходимо было как-то замаскировать кризис в России. И, наконец, при принятии Гитлером этого решения сыграли свою роль и его упрямство, и лопнувшее терпение, а также огорчение из-за того, что война пошла не тем путем. Она, вопреки всем планам, не стала серией молниеносных побед и, следовательно, требовала напряжения сил для судьбоносной борьбы в масштабах всего земного шара, чтобы не обернуться тем, в чем не было ни смысла, ни шанса, — войной ресурсов, войной на истощение, где решающими для исхода являются запасы сырья, индексы производства и численность населения.

Однако все эти аргументы обладали лишь небольшой силой и не могли скрыть того факта, что Гитлер шел на это противоборство, не имея настоящего стимула. Каким же слабым, думал он, обращая мыслями к прошлому, стал фундамент! Менее чем за два года он потерял доминирующую, гарантируемую силой внушения политическую позицию и заставил самые могучие державы мира, вопреки всей их прежней смертельной вражде друг к другу, объединиться в какой-то «противоестественный союз». Решение начать войну с Соединенными Штатами было еще более несвободным, еще более вынужденным, нежели решение о нападении на Советский Союз, и являлось, собственно говоря, уже не актом решимости, а жестом, продиктованным сознанием внезапно наступившего бессилия. Это была последняя значительная инициатива Гитлера, после таковых уже не будет.

Вступление в войну США сразу же сказалось на упорядочении и активизации всех действий союзников. В своем вы-

ступлении по радио в день немецкого вторжения в СССР Черчилль заявил, что он не отказывается ни от одного из своих слов, сказанных им на протяжении 25 лет в адрес коммунизма, но перед лицом той драмы, что начинает разыгрываться на Востоке, меркнет «прошлое с его преступлениями, его безумиями и трагедиями»³⁵. Однако, если в целом он все же, казалось, сохранял в себе чувство той дистанции, которая отделяла его от нового партнера по союзу, то американский президент Рузвельт на деле демонстрировал непоколебимую решимость в той мере, как этого требовали и момент, и противник. Еще за некоторое время до вступления в войну он включил в программу ленд-лиза наряду с Великобританией и Советский Союз. Теперь же он мобилизовал весь потенциал страны. В течение одного года производство танков увеличилось до 24 000, самолетов — до 48 000, к 1943 году он увеличил численность американской армии в четыре раза, доведя ее в общей сложности до 7 млн человек. Уже к концу первого военного года он поднял военное производство США на уровень трех держав «оси», вместе взятых; а к 1944 году еще раз удвоил его³⁶.

По инициативе американцев союзники начали согласовывать свою стратегию друг с другом. В противоположность державам Тройственного пакта, так и не сумевшим наладить единое военное планирование, незамедлительно организованные комиссии и штабы западных союзников на регулярно проводившихся более чем 200 совещаниях координировали совместные шаги. Им способствовало то обстоятельство, что руководствовались они согласованным, поддававшимся определению намерением, а именно: разгромить врага, тогда как Германия, Италия и Япония, всяк сам по себе, преследовали чрезвычайно туманные и одновременно чрезмерные цели в различных регионах. Этот ненасытный территориальный аппетит трех «политических голодранцев», столь же восхищенных собственным динамизмом, сколь им же и подталкиваемых, прокомментировал в конце августа 1941 года Муссолини, когда он вместе с Гитлером осматривал развалины Брестской крепости. Когда немецкий диктатор стал буйно фантазировать, захваченный одним из своих планов переде-

---

³⁵ Цит. по: *Gruchmann L. Der Zweite Weltkrieg*. S. 141.

³⁶ Статистические данные о производстве вооружений в США см.: *Jacobsen H.-A. 1939—1945*. S. 561 ff.

ла мира, воспользовавшись паузой в его излияниях, Муссолини, как рассказывают, с ироничным простодушием бросил, что в итоге для их жажды покорять не останется «уже ничего, кроме Луны»³⁷.

Эта встреча, кстати, была задумана в первую очередь как демонстрация противовеса эскизно очерчивавшемуся альянсу противной стороны. Ведь примерно за две недели до этого Рузвельт и Черчилль сформулировали в ходе встречи у побережья острова Ньюфаундленд в так называемой Атлантической хартии свои военные цели, которым партнеры по «оси» противопоставляли теперь провозглашаемые Гитлером лозунги о «новом порядке в Европе» и о «европейской солидарности». Ссылаясь на лозунг «крестового похода всей Европы против большевизма», они стремились оживить тот самый интернационализм, который в качестве никогда не продумывавшегося до конца внутреннего противоречия был присущ всем фашистским движениям. Но вскоре и здесь проявились последствия практиковавшегося Гитлером отказа от политики. Как будто это и не он являлся тем, кто всеми своими крупнейшими успехами был обязан принципу двойной тактической игры, заигрыванию, скомбинированному из запугиваний и обещаний. А тут для европейских народов у него не нашлось ничего, кроме примитивных отношений раб — господин: «Если я покоряю свободную страну, только чтобы вернуть ей свободу, то к чему это? — задаст он такой вопрос в начале 1942 года. — Тот, кто пролил кровь, имеет право осуществлять свое господство». Ему просто смешно, когда «великие болтуны думают, что содружество создается словами... Содружество создается и сохраняется как раз только силой»³⁸. Даже и потом, уже под гнетом непрекращающихся поражений, он будет отвергать все предложения, исходившие от его собственного окружения об оживлении тупой, охватившей Европу схемы подчинения идеями партнерства. В конце концов он заявит, что его охватывает «бешенство», когда ему все время напоминают о какой-то чести этих маленьких «дерьмовых государств», которые и существуют-то только потому, что «пара европейских держав не сумели договориться, кто их сожрет»³⁹. Он знал только всю ту же вечную, неизменную,

---

³⁷ Dollmann E. Op. cit. S. 27.

³⁸ Hitlers Tischgespräche. S. 50, 71.

³⁹ Hitlers Lagebesprechungen. S. 786.

лишенную фантазии концепцию — урвать и всеми силами удерживать.

Та же самая, да еще усиленная паническими настроениями из-за положения на фронте, склонность привела его к первому серьезному конфликту с генералитетом. Пока немецкие армии были победоносны, все расхождения во взглядах как-то затушевывались, а то и дело пробивавшиеся новые ростки недоверия заглушались звучными тостами в честь побед. Но когда ситуация начинала изменяться, эти долго подавлявшиеся негативные чувства проявились с удвоенной силой. Все чаще Гитлер стал вмешиваться в ход операций, отдавать распоряжения непосредственно группам армий и армиям, нередко вмешиваясь в тактические решения на уровне дивизий и полков. Главнокомандующий сухопутными войсками отныне превратился «в простого письмоносца», отметил в своем дневнике Гальдер 7 декабря 1941 года⁴⁰. Двенадцать дней спустя, в результате споров по поводу «приказа выстоять», попал в немилость фон Браухич. Он подал рапорт об отставке и получил ее⁴¹. Действуя по схеме всех предыдущих кризисов, Гитлер взял командование сухопутными войсками на себя. Это стало лишним доказательством царившей на всех уровнях руководства неразберихи. Тем самым он оказался в двойном подчинении у самого себя: в 1934 году, после смерти Гинденбурга, он принял должность (преимущественно репрезентативную) Верховного главнокомандующего, а в 1938 году, после отставки фон Бломберга, еще и реальный пост главнокомандующего вермахтом. Теперь же он обосновал свое решение замечанием, в котором, помимо его недовольства, примечательно проявляется и его стремление к усилению идеологизации: «Немножко командовать операциями может всякий, — заявляет он. — Задачей главнокомандующего сухопутными войсками является воспитание войск в духе национал-социализма. Я не знаю в армии ни одного генерала, который мог бы выполнить эту задачу. Поэтому я решил взять командование сухопутными войсками на себя»⁴².

В один день с фон Браухичем был смещен и командующий группой армий «Центр» фон Бок и на его место постав-

---

⁴⁰ Halder F. КТВ. Bd. III. S. 332.

⁴¹ Вальтер фон Браухич подал в отставку 6 декабря, а получил ее 19-го. — *Прим. науч. ред.*

⁴² Bor P. Op.cit. S. 214.

лен фон Ключе, а командующий группой армий «Юг» фон Рундштедт заменен фельдмаршалом фон Рейхенау⁴³. За нарушение «приказа выстоять» был снят со своего поста генерал Гудериан, а генерал Гёпнер даже уволен из вермахта, генерал фон Шпонек приговорен к смерти, в то время как фельдмаршал фон Лееб, главнокомандующий группой армий «Север», подал в отставку сам⁴⁴. Лишились своих постов многие командиры корпусов и дивизий. «Выражения презрения», которыми Гитлер награждал фон Браухича с конца 1941 года, отразили в принципе его новую оценку высшего офицерского корпуса в целом: «тщеславный, трусливый сброд, который... своими постоянными замечаниями и своим постоянным непослушанием полностью опозил и загубил весь план кампании на Востоке». А еще за полгода до того, в дни эйфории от победы под Смоленском, он говорил, что у него «маршалы исторического масштаба, а офицерский корпус уникален»⁴⁵.

В первые месяцы 1942 года тяжелые оборонительные бои шли на всех участках фронта. В военных дневниках то и дело отмечались «нежелательное развитие», «большое свинство», «дни диких боев», «глубокие прорывы» и «драматические сцены у фюрера». В конце февраля Москва была за более чем 100 км от линии фронта, а суммарные потери вермахта превысили 1 млн человек, или 31,4 % личного состава войск на

---

⁴³ Федор фон Бок был отправлен «в отпуск» и заменен Гансом Гюнтером фон Ключе 18 декабря 1941 года, а Герд фон Рундштедт сдал свой пост Вальтеру фон Рейхенау 30 ноября. — *Прим. науч. ред.*

⁴⁴ Гейнц Гудериан был снят с поста командующего 2-й танковой армией 26 декабря 1941 года, Эрих Гёпнер — с поста командующего 4-й танковой армией — 8 января 1942 года, Вильгельм фон Лееб — 17 января 1942 года. Командир XLII армейского корпуса генерал-лейтенант граф Ганс фон Шпонек был отстранен от командования 31 декабря 1941 года (причем его корпус действовал не под Москвой, а в Крыму). 23 января 1942 года военным трибуналом под председательством Г. Геринга он был приговорен к смертной казни. 22 февраля 1942 года приговор заменен 6 годами тюремного заключения. После неудачного покушения на Гитлера необоснованно обвинен в связях с заговорщиками и казнен. — *Прим. науч. ред.*

⁴⁵ Так говорил Гитлер послу Осиме 15.7.1941; цит. по: *Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 605*; о его оценке фон Браухича см.: *Goebbels J. Tagebücher aus den Jahren, 1942/43. S. 132.*

советско-германском фронте⁴⁶. Только весной, с началом оттепели, тяжелые бои прекратились — обе стороны были на пределе своих возможностей. Явно под влиянием этих событий Гитлер признался своему ближайшему окружению, что зимняя катастрофа на какой-то момент его просто оглушила — никто и представить себе не может, каких сил стоили ему эти три месяца и как страшно истрепали они ему нервы. На приехавшего в Ставку Геббельса Гитлер произвел «удручающее впечатление». Он нашел фюрера «сильно постаревшим» и не мог вспомнить, чтобы когда-либо видел его «таким замкнутым». Гитлер жаловался на приступы головокружения и сказал, что один вид снега доставляет ему физическую боль. Когда в конце апреля он на несколько дней поехал в Берхтесгаден и там неожиданно выпал запоздалый снег, Гитлер сломая голову бежал оттуда. «Это, так сказать, бегство от снега», — отметил Геббельс⁴⁷.

Когда же «эта зима тревоги нашей»⁴⁸ прошла и с наступлением весны вновь началось немецкое продвижение вперед, к Гитлеру возвратилась уверенность. Находясь в приподнятом настроении, он даже высказывает свое недовольство тем, что судьбой ему, мол, предназначено вести войну только со второстепенными противниками. Но какой хрупкой была эта его вера в себя и какими издерганными были его нервы, видно из одной записи в дневнике начальника Генштаба сухопутных войск. «Имевшая место недооценка возможностей врага принимает постепенно гротескные формы, — пишет тот, — о серьезной работе уже не может быть и речи. Болезненное реагирование на впечатления момента и полная несостоятельность в оценках командного аппарата и его возможностей — вот что

---

⁴⁶ Точная цифра потерь — 1 005 636 человек ранеными, убитыми и пропавших без вести, не считая больных; статистические данные см.: *Halder F.* KTB. Bd. III. S. 409. Потери в результате обморожения составили, согласно У. Ширеру, в общей сложности 112 627 человек; см.: *Shirer W.L.* Op. cit. S. 793.

⁴⁷ *Goebbels J.* Tagebücher 1942/43, S. 186; см. также: Ebd. S. 131, 133, 177. О высказываниях Гитлера см.: *Hitler's Table Talk.* P. 221, 339; *Hitlers Tischgespräche.* S. 263, 300, 363; здесь Гитлер, ссылаясь на китайцев, заявляет, что «восприятие белого цвета как цвета скорби существовало еще в древности. Сам же он по-настоящему радуется Альпам только тогда, когда с них сходят снежные массы, эти «саваны мертвецов»».

⁴⁸ *Guderian H.* Op. cit. S. 231.

характерно для этого так называемого командования»⁴⁹. Правда, план летней кампании 1942 года создавал впечатление, что опыт минувшего года Гитлера чему-то научил. Вместо того чтобы вести наступление, как раньше, тремя клиньями, теперь вся наступательная мощь сосредоточивалась на юге, чтобы «окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и в максимальной степени лишить СССР важнейших военно-экономических центров». Планировались также своевременное прекращение операций, подготовка зимних квартир и, в случае необходимости, сооружение по аналогии с «Западным валом» оборонительной линии («Восточный вал»), которая позволила бы вести хоть в течение 100 лет такую войну, «какая не доставляла бы уже нам тогда особенных хлопот»⁵⁰. Но когда во второй половине июля 1942 года немецкие войска вышли к Дону, не загнав, как планировалось, противника в большой «котел», Гитлер вновь пошел на поводу у своего нетерпения и отбросил все уроки прошлого лета. 23 июля он отдал приказ провести две одновременные наступательные операции по сходящимся направлениям: группа армий «Б» должна была через Сталинград прорваться к Астрахани на Каспийском море, а группа армий «А» — уничтожить вражеские войска под Ростовом, а затем выйти к восточному побережью Черного моря и двигаться на Баку. Силам, державшим до начала наступления фронт протяженностью в 800 км, к концу операции предстояло прикрывать линию длиной более чем в 4000 км, к тому же даже не вынудив противника вступить в сражение и уж тем более не разгромив его.

Эйфория в оценке собственных возможностей была, вероятно, продиктована обманчиво выглядевшей географической картой: к концу лета 1942 года размеры территории, на которую распространялась власть Гитлера, достигли своего апогея. Немецкие войска стояли вдоль всего побережья Атлантического океана от мыса Нордкап до испанской границы, в Финляндии, по всем Балканам, а также в Северной Африке, где уже разгромленный, по мнению союзников, генерал Роммель отбросил англичан через египетскую границу к Эль-Аламейну. На Востоке солдаты вермахта перешли в конце июля границу между Европой и Азией, где люди непривычной внешности бормотали на загадочных языках слова

---

⁴⁹ *Halder F.* КТВ. Bd. III. S. 489.

⁵⁰ *Goebbels J.* Tagebücher, 1942/43. S. 133.

приветствия. По бескрайним степям, где не было и намека на тень, войска, поднимая тучи пыли, катились вперед. В конце августа они вышли на южном направлении к охваченным огнем, разрушенным нефтеперегонным заводам Майкопа. От нефти, служившей в длинных, ожесточенных дискуссиях прошедших недель оправданием этого наступления, Гитлеру не досталось почти ничего. 21 августа немецкие солдаты подняли знамя со свастики над Эльбрусом, самой высокой горой Кавказа. Два дня спустя части 6-й армии вышли к Волге у Сталинграда.

Однако видимость большого успеха была обманчива. Для ведения набиравшей обороны войны на трех континентах, на морях и в воздухе, не хватало людей, вооружения, транспортных средств, сырья, а также командных кадров. Находясь в зените могущества, Гитлер давно уже был проигравшим. Разражавшиеся подобно ударам грома кризисы и неудачи, чьи последствия еще больше усугублялись его упрямством, демонстрировали весь ирреальный характер этой гигантски растянувшейся в географическом пространстве империи.

Первые симптомы кризиса проявились на Востоке. С началом летнего наступления 1942 года Гитлер перенес свою Ставку из Растенбурга в Винницу на Украине. Здесь, на ежедневных обсуждениях военного положения, он со все возрастающим упорством отстаивал свое решение овладеть как Кавказским регионом, так и Сталинградом, хотя захват этого города на Волге уже не имел никакого стратегического значения, разве что перекрывал судоходство на реке⁵¹. Но Гитлер уже не допускал никаких возражений своим планам. 21 августа произошла ожесточенная перепалка, когда Гальдер выразил мнение, что наличных сил для двух столь выматывающих наступлений у немцев недостаточно. Начальник Генерального штаба дал понять, что полководческие решения Гитлера игнорируют пределы возможного и, как это он сформулировал впоследствии, делают «фантазии законом действий». Когда же в ходе этих дебатов он указал на то, что

---

⁵¹ Значение Сталинграда, в свете предстоящего наступления на Кавказе и на Донбасс, было все же довольно велико. Его захват отрезал южный фронт, затрудняя переброску войск, а также создавал фланговую угрозу центральной группировке Красной армии, оборонявшей Москву. — *Прим. науч. ред.*

русские ежемесячно производят 1200 танков, взбешенный Гитлер запретил ему продолжать «идиотскую болтовню»⁵².

Спустя примерно еще две недели в Ставке фюрера произошла новая стычка, на этот раз из-за задержки наступления на Кавказском фронте. Теперь уже преданный Йодль стал тем человеком, который не только рискнул открыто защищать командующего группой армий «А» генерал-фельдмаршала Листа, но и, в дополнение ко всему, процитировал собственные слова Гитлера, чтобы доказать, что Лист лишь придерживался полученных им указаний. Вне себя от ярости, Гитлер прервал разговор. 9 сентября он потребовал от фельдмаршала, чтобы тот подал в отставку, и вечером того же дня взял командование этой группой армий на себя⁵³. Раздосадованный до глубины души, он отныне почти полностью отказался от контактов со своими штабными генералами, в течение нескольких месяцев он не подавал руки Йодлю и не переступал порога кабинета, где делались доклады о положении на фронте, — впредь обсуждения стали проходить в его маленьком бревенчатом домике, в неизменно ледяной обстановке и каждое слово пунктуально фиксировалось в стенограммах. Свое убежище Гитлер теперь покидал только с наступлением темноты, чтобы прогуляться по уединенным тропинкам. Отныне он стал обедать в одиночестве, компанию ему составляла лишь его любимая овчарка. Гости приглашались очень редко: точно так же канули в Лету и вечерние застолья, а с ними и вся мелкобуржуазная обстановка и доверительная непринужденность в Ставке. В конце сентября Гитлер, наконец, убрал и Гальдера. Еще за какое-то время до того он обратил внимание на доклады начальника штаба главнокомандующего на Западе генерала Цейтцлера. Они отличались богатством тактических идей и постоянным оптимизмом.

---

⁵² *Halder F.* Hitler als Feldherr. München, 1949. S. 50, 52. По свидетельству А. Шпеера (*Speer A.* Op. cit. S. 253), одним из внешних поводов для недовольства Гитлера было, в частности, восхождение на Эльбрус, из-за чего он «бушевал в течение нескольких часов», утверждая с характерным для него обобщением, что «эта операция загубила весь его план военной кампании».

⁵³ Фактически исполнение обязанностей командующего группой армий «А» перешло к начальнику штаба Листа генералу Г. фон Грейфенбергу. Новый командующий группой армий — им стал генерал-фельдмаршал Эвальд фон Клейст — был назначен только 21 ноября. — *Прим. науч. ред.*

Теперь ему хотелось видеть близ себя «человека, как этот Цейтшлер», заявил он⁵⁴ и назначил того начальником Генерального штаба сухопутных войск⁵⁵.

А в это время части 6-й армии со все более возрастающими потерями вступали в Сталинград и закрепились на северных и южных окраинах города. По всей видимости, на этот раз советское командование было полно решимости не отступать, а принять бой. В руки немецких войск попал приказ Сталина, в котором тот тоном озабоченного отца народов возвещал своим подданным, что отныне Советский Союз не может больше уступать свою территорию. За каждую пядь земли следует биться до последнего. Словно чувствуя в этом личный вызов себе, Гитлер потребовал, вопреки совету как Цейтшлера, так и командующего 6-й армией генерала Паулюса⁵⁶, захватить Сталинград. Этот город стал фантомом престижа, его взятие «настоятельно необходимо по психологическим причинам», как заявил Гитлер 2 октября. А восемь дней спустя он добавил, что у коммунизма надо «отнять его святыню»⁵⁷. Когда-то он сказал, что с 6-й армией он может штурмовать небеса. Теперь он вступил в кровавый бой за дома, жилые кварталы и заводские здания, в бой, обернувшийся для обеих сторон огромными потерями. Численный состав немецких войск постепенно сократился на три четверти. Весь мир с часу на час ожидал известия о падении Сталинграда.

Начиная с зимней катастрофы, когда ему впервые явился призрак поражения, Гитлер посвящал всю свою энергию — больше, чем раньше, — кампании в России и все чаще пренебрегал всеми другими театрами военных действий. Разуме-

---

⁵⁴ Warlimont W. Op. cit. S. 271.

⁵⁵ При этом Курт Цейтшлер (9.6.1895—24.9.1963) был через два дня после назначения — 24 сентября 1942 года — произведен из генерал-майоров прямо в генералы пехоты, минуя чин генерал-лейтенанта. — *Прим. науч. ред.*

⁵⁶ Не имевший опыта командования крупными воинскими соединениями Паулюс был назначен командующим 6-й армией 5 января 1942 года. По ряду сведений, после падения Сталинграда Гитлер планировал назначить Паулюса на должность начальника Штаба оперативного руководства вермахта вместо А. Йодля. — *Прим. науч. ред.*

⁵⁷ Из дневника Г. Энгеля; цит. по вступительной статье А. Хильгрубера к: КТВ/OKW. Bd. II. Hdbd. I. S. 67. Приводимое ниже замечание Гитлера см.: Schröter H. Stalingrad... bis zur letzten Patrone. Osnabrück. S. 13.

ется, он любил мыслить превосходными категориями — веками и континентами, но Северная Африка, к примеру, все равно находилась от него на очень большом расстоянии. Во всяком случае, он так никогда и не осознал стратегического значения Средиземноморья и тем самым в очередной раз показал, насколько аполитичным и абстрактным, насколько «литературным» был его широкий кругозор. Из-за неустойчивости его интереса, нехватки поставок и резервов наступательная сила Африканского корпуса оказалась утрачена. Да и подводный флот пострадал из-за сангвинической стратегии Гитлера: к концу 1941 года в боевом состоянии находилось не более 60 подводных лодок, а когда год спустя было наконец введено в строй приблизительно 100 единиц, противник, озабоченный серией крупных немецких успехов, уже наладил систему заградительных мер и заложил основу перелома в морской войне.

Изменилась теперь и картина войны в воздухе. В начале января 1941 года британский кабинет принял стратегический план воздушной войны, направленный на то, чтобы серией целенаправленных бомбардировок вывести из строя промышленность Германии, производившую синтетическое горючее, и, сломав таким образом «становой хребет», парализовать все военные действия рейха. Однако этот план, немедленное претворение в жизнь которого наверняка придало бы иной ход военным событиям, был осуществлен лишь через три с лишним года⁵⁸. В промежутке же на передний план выдвинулись другие намерения, в первую очередь — идея ковровых бомбардировок по площадям, представлявшая собой откровенный воздушный террор против гражданского населения. Этот

---

⁵⁸ См.: *Speer A. Op. cit. S. 300*. В личной беседе с автором Шпеер заявил: «Осуществление плана, направленного на то, чтобы парализовать «становой хребет», наталкивалось, как я теперь знаю от одного из членов штаба британских ВВС, на технические препятствия: скажем, невозможно было обнаружить с помощью электронных приборов цель ночью на большой высоте и, конечно, слишком небольшим был радиус действий истребителей, сопровождавших американские дневные бомбардировщики. Те попытались бомбить Швейнфурт днем без сопровождения, но понесли большие потери. Положение дел изменилось только в 1944 году». Ведение войны Германией примерно на одну треть зависело от производства синтетического бензина, а авиация зависела от него на все 100 %; см.: *Hillgruber A. Hitlers Strategie. S. 420 f.*

новый этап начался ночью 28 марта 1942 года массированным налетом Королевских военно-воздушных сил на Любек, и старый, богатый традициями бюргерский город запылал, как говорилось в официальной сводке, «как сухой хворост». В ответ на это Гитлер отозвал с Сицилии две эскадры бомбардировщиков (около 100 машин), которые в последующие недели предприняли «налеты возмездия» — так называемые «рейды по Бедекеру»⁵⁹ — на старинные английские города. Размеры произошедших перемен в соотношении сил обозначились, когда англичане уже в ночь на 31 мая 1942 года ответили первым с начала войны «налетом тысячи бомбардировщиков». Во второй половине года к ним присоединились и американцы, и начиная с 1943 года Германия подвергается уже непрерывным атакам с воздуха в виде круглосуточных бомбежек⁶⁰. Имея в виду изменившееся положение, Черчилль сказал в речи в резиденции лорд-мэра Лондона: «Это еще не конец. Это даже не начало конца. Но это, может быть, конец начала»⁶¹.

События на фронтах подтвердили эту оценку. 2 ноября, после десятидневной массированной огневой подготовки, генерал Монтгомери⁶², имея подавляющее преимущество в силах, прорвал немецко-итальянские позиции у Эль-Аламейна. Вскоре после этого, в ночь на 8 ноября, британские и американские войска высадились в Марокко и Алжире и захватили Французскую Северную Африку до самой тунисской границы. Еще через десять дней с небольшим — 19 ноября — два советских фронта в круговерти пурги перешли в контрнаступление и после прорыва плохо защищенного румынскими войсками участка фронта окружили между Вол-

---

⁵⁹ Путеводители по различным странам для путешественников и туристов. Названы по имени немецкого книготорговца К. Бедекера (1801—1859). — *Прим. пер.*

⁶⁰ Англичане (как и указывалось выше) делали ставку на ночные ковровые бомбардировки, а командование ВВС США отдавало предпочтение дневным точечным бомбардировкам. В связи с этим и получались круглосуточные бомбардировки — американцы бомбили днем, британцы — ночью. — *Прим. науч. ред.*

⁶¹ Цит. по: *Jacobsen H.-A. Der Zweite Weltkrieg. S. 210.*

⁶² Генерал Бернард Лоу Монтгомери (17.11.1887—25.3.1976) был командующим 8-й британской армией, которая объединяла британские войска в Северной Африке. За эту победу в 1946 году он получил титул 1-го виконта Монтгомери Аламейнского. — *Прим. науч. ред.*

гой и Доном группировку, насчитывающую 220 000 солдат, 100 танков, 1800 орудий и 10 000 автомашин. Когда генерал Паулюс доложил, что он окружен, Гитлер приказал ему перенести свой командный пункт в город и занять круговую оборону. «Я не уйду с Волги!» — заявил он. Еще за несколько дней до того фюрер в ответ на просьбу Роммеля дать ему разрешение отступить, телеграфировал: «В том положении, в каком вы находитесь, не может быть иной мысли, как выстоять, не отступать ни на шаг и бросать в сражение каждый танк и каждого бойца, которые еще могут найтись... В истории был не один случай, когда более сильная воля брала верх над более сильными батальонами врага. Но своим войскам вы не можете указать никакого другого пути, кроме пути к победе или смерти»⁶³.

Три ноябрьских наступательных операции стали вехами перелома в войне — инициатива окончательно перешла в руки противника. Словно желая еще раз доказать самому себе свою способность принимать достойные полководца решения, Гитлер 11 ноября отдал приказ о вводе войск в неоккупированную часть Франции. В речи, посвященной очередной годовщине ноябрьского путча 1923 года, он торжественно заявил, как будто стремясь зафиксировать публично и тем самым лишить себя свободы принятия какого-либо оперативного решения, о взятии Сталинграда как о выдающейся победе. Одновременно он застыл на позиции той особой неустойчивости, какая возникает только на почве рухнувших ожиданий. «От нас больше не будет предложения о мире», — воскликнул он. Ибо в отличие от кайзеровской Германии во главе рейха стоит теперь человек, который «всегда знал только борьбу, а вместе с нею всегда только один принцип: бить, бить и снова бить!» Выигрывает тот, «кто нанесет последний удар». Гитлер разглагольствовал:

«В моем лице они... имеют против себя такого противника, который вообще не помышляет о слове «капитулировать»! Моей привычкой всегда было, еще когда я был ребенком, — тогда, может быть, невоспитанность, а по большому счету, может быть, все же и добродетель, — оставлять последнее слово за собой. И все наши противники могут быть уверены: та Германия сложила оружие без четверти двенадцать, я

---

⁶³ Из приказа фюрера генерал-фельдмаршалу Роммелю от 3.11.1942; см.: *Jacobsen H.-A.* Op. cit. S. 352.

же принципиально всегда останавливаюсь только в пять минут первого!»⁶⁴.

Отныне его новой стратегией, пришедшей на смену всем старым концепциям, становится «Держаться! Держаться до последнего патрона!» Когда поражение Африканского корпуса было уже предрешено⁶⁵, он, одержимый своим желанием выстоять, направляет несколько соединений, в которых все время отказывал Роммелю, в Тунис, чтобы защитить уже потерянные к тому времени позиции. Настоятельные просьбы Муссолини попытаться хоть как-нибудь договориться со Сталиным отклоняются им без всяких обсуждений, точно так же отвергает он все предложения путем выравнивания линий сократить протяженность советско-германского фронта. Он хочет оставаться в Северной Африке, хочет удержать Тунис, продвинуться в Алжире, оборонять Крит, продолжать оккупировать 14 европейских стран, хочет победить Советский Союз вместе с Англией и США. И при всем этом, все чаще впадая в состояние аффекта, добиться того, чтобы именно теперь, как говорит он «в пору отступления, бегства и злосчастья», раскрыть «международное еврейство во всей его дьявольской сути»⁶⁶.

Явления интеллектуального разложения сопровождались повсеместно ощущаемым кризисом высшего командования. Вечером после начала высадки союзников в Северной Африке Гитлер произнес упомянутую выше речь в Мюнхене и затем отправился в сопровождении своих адъютантов и близких ему лиц в «Бергхоф» в Берхтесгадене. Там Кейтель и Йодль поселились в здании на окраине поместья, Штаб оперативного руководства вермахта остался в спецпоезде на станции Зальцбург, тогда как Генеральный штаб сухопутных войск, занимавшийся практическими операциями, располагался далеко отсюда, в мазурской штаб-квартире близ Ангербурга в Восточной Пруссии. В течение последующих дней Гитлер ос-

---

⁶⁴ См.: *Domarus M. Op. cit. S. 1935, 1937 f., 1941.*

⁶⁵ В данном случае автор имеет в виду, видимо, немецко-итальянские войска в Северной Африке, а не конкретный Африканский корпус. В ноябре 1942 года эти войска были объединены в немецко-итальянскую танковую армию, которая в феврале 1943 года была разделена в 1-ю итальянскую танковую армию и немецкую группу армий «Африка». — *Прим. науч. ред.*

⁶⁶ *Domarus M. Op. cit. S. 1937.*

тавался в Берхтесгадене⁶⁷, и вместо того чтобы обсуждать и организовывать меры по обороне, он испытывал чуть ли не эстетическое удовлетворение от того, что именно против него была мобилизована эта гигантская армада. Он опьянял себя возможностью — уже упущенной — развернуть крупномасштабные операции и критиковал осторожные действия противника. Сам он, по его словам, высадился бы непосредственно у Рима, что было бы эффективней и с военной, и с психологической точки зрения, и этим блокировал бы войска «оси» и в Северной Африке, и в Южной Италии, а затем уничтожил бы их⁶⁸.

А в это время кольцо вокруг Сталинграда все сжималось. Только вечером 23 ноября Гитлер возвратился в Раценбург, и так и остается неясным, то ли он недооценивал серьезность положения, то ли хотел своим демонстративным спокойствием скрыть это от себя и своего окружения. Во всяком случае, он попытался отказать Цейтцлеру, когда тот попросил о встрече, ссылаясь на необходимость принятия срочных решений, и уговаривал его перенести их разговор на следующий день. Когда же начальник Генерального штаба этому не поддался и предложил незамедлительно отдать приказ 6-й армии на прорыв из «котла», произошла одна из тех стычек, которые будут потом снова и снова повторяться до первых дней февраля, когда гитлеровская стратегия выстоять обернется сокрушительным поражением. Около двух часов ночи Цейтцлеру еще хотелось верить, что он убедил Гитлера, во всяком случае, он сообщил штабу группы армий «Б» о своем ожидании получить ранним утром подпись под приказом на прорыв из окружения. На деле же Гитлер, вероятнее всего, пообещал это лишь для видимости и тем самым положил начало многовариантным разногласиям последующих недель. Привлекая на помощь все свое искусство убеждения, то путем долгого успокаивающего молчания, то безудержными излияниями по второстепенным вопросам, то уступками в другой области, то отупляющим воздействием бесчисленного количества цифр, и притом со все более возрастающим упорством, Гитлер продолжал настаивать на своем решении. Вопреки своему обык-

---

⁶⁷ Гитлер оставил свою Ставку «Волчье логово» 7 ноября 1942 года, 8 ноября он прибыл в Мюнхен, а 12 ноября — в «Бергхоф». В «Волчье логово» он вернулся только 23 ноября. — *Прим. науч. ред.*

⁶⁸ *Speer A. Op. cit. S. 259 f.*, а также: *Warlimont W. Op. cit. S. 284 f.*

новению, он пытался порой даже подкрепить его мнением третьих лиц. Умело используя психологию, он заставил Геринга, чей престиж весьма пошатнулся и который, казалось, только и ждал случая выделиться своим оптимизмом, подтвердить, что его люфтваффе в состоянии обеспечить снабжение окруженной группировки⁶⁹. В ходе дебатов с Цейтцлером он вызвал Кейтеля и Йодля и с торжественным выражением на лице задал вопрос о точке зрения руководства ОКВ, Штаба оперативного руководства вермахта и Генштаба: «Я должен принять очень трудное решение. Прежде чем я это сделаю, я хотел бы услышать ваше мнение. Должен я отдать Сталинград или нет?» Как всегда, злополучный Кейтель подтвердил его позицию, «сверкая очами»: «Мой фюрер! Оставайтесь на Волге!» Йодль порекомендовал обождать, и только Цейтцлер вновь ратовал за то, чтобы идти на прорыв, так что Гитлер смог резюмировать: «Вы видите, господин генерал, не я один придерживаюсь этого мнения. Его разделяют оба эти офицера, которые выше вас по званию. Итак, я остаюсь при моем прежнем решении»⁷⁰. Порой создается впечатление, что Гитлер искал под Сталинградом, после столь многих половинчатых, неполноценных успехов, наконец, окончательного расчета — не только со Сталиным, не только с противниками этой ставшей почти неуправляемой войны на всех фронтах, но и с самой судьбой. Кризис, становившийся все более очевидным, его не пугал, более того, каким-то непостижимым образом он даже верил в него. Издавна, начиная с партийных дискуссий лета 1921 года, это было его постоянно триумфально подтверждавшимся рецептом успеха — искать кризисы, чтобы в их преодолении обрести новую ди-

---

⁶⁹ 6-я армия вначале делала ежедневные заявки на 700 тонн продовольствия, снаряжения и боеприпасов, затем сократила свои требования до 500 тонн. Реальные же поставки воздушным путем составляли в среднем 104,7 тонны в день; см. в этой связи насыщенное фактически данными исследование Вальтера Гёрлица: *Görlitz W. Die Schlacht um Stalingrad 1942—1943*. In: *Jacobsen H.-A., Rohwer J. Entscheidungsschlachten*. S. 303 f. В. Варлимонт (*Warlimont W.* Op. cit. S. 295 ff) указал, в частности, на то, что дебаты о Сталинграде в Ставке фюрера были отнюдь не столь ожесточенными, как это будет утверждать кое-кто впоследствии, и что значительной доли успеха Гитлер добивался своей тактикой разговоров на не относившиеся к делу темы.

⁷⁰ Свидетельство Цейтцлера; см.: *The fatal decisions*, опубликовано в: *Wieder J. Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten*. S. 307 f.

намику и уверенность в победе. Если битва за Сталинград и не была выдающимся кульминационным пунктом боев в общем ходе войны, то она была таковым для Гитлера. «Если мы поступимся им — Сталинградом, то поступимся, собственно, всем смыслом этой кампании», — заявил он⁷¹. В своей тяге к мифологизации он наверняка воспринимал как некий знак то, что этот город носит имя одного из его главных противников. Здесь хотел он победить или погибнуть.

В конце января положение стало безвыходным. Но когда генерал Паулюс, считавший крах неизбежным, попросил разрешения на капитуляцию своих совершенно измотанных холодом, эпидемиями и голодом, деморализованных солдат, Гитлер протелеграфировал ему: «Запрещаю капитуляцию. Армия должна будет удерживать позиции до последнего солдата и до последнего патрона и своей героической стойкостью внесет незабываемый вклад в построение фронта обороны и спасение Запада»⁷². В беседе с итальянским послом он сравнил 6-ю армию с тремя сотнями спартанцев у Фермопил⁷³. Нечто подобное сказал и Геринг в речи 30 января. Когда в руинах Сталинграда сопротивление уже погасло и только небольшие, отчаявшиеся и разрозненные остатки еще продолжали отбиваться, он заявил, что «после о героической битве на Волге скажут: вернешься в Германию, расскажи, что видел нас лежащими в Сталинграде, как это велел закон чести и войны».

Три дня спустя — 2 февраля — капитулировали последние осколки армии, уже после того как Гитлер за несколько дней до этого произвел Паулюса в генерал-фельдмаршалы⁷⁴ и присвоил 117 другим офицерам очередные воинские звания. Около 15 часов с совершавшего боевой вылет в район Сталинграда немецкого самолета-разведчика сообщили, что «боевых действий больше не наблюдается». 91 000 немецких солдат попала в плен; лишь 5000 из них годы спустя вернулись домой.

---

⁷¹ Warlimont W. Op.cit. S. 296.

⁷² Schröter W. Op. cit. S. 13; немного отличную версию дает в своих показаниях Паулюс; см.: IMT. Bd. VII. S. 320.

⁷³ Горный проход к югу от Фессалийской равнины, где во время Греко-персидской войны в 480 году до н.э. 300 спартанцев во главе с царем Леонидом держали оборону против персидской армии. — *Прим. науч. ред.*

⁷⁴ Это произошло 31 января 1943 года, чуть раньше — 15 января — он был награжден довольно высокой боевой наградой — Рыцарским крестом Железного креста с дубовыми листьями. — *Прим. науч. ред.*

А. Гитлер. Крестьянский дом у моста. 1910 г.

А. Гитлер. Озеро Кенигри. 1911 г.

А. Гитлер. В горах

А. Гитлер. Горное озеро. 1912 г.

А. Гитлер. Вена. Старые ворота. 1911 г.

А. Гитлер. Венская опера. 1912 г.

А. Гитлер. Венская опера. 1911 г.

А. Гитлер. Родной дом в Браунау. 1912 г.

А. Гитлер. Замок Лемберг. 1912 г.

А. Гитлер. Уголок Мюнхена

Хофбройхаус. Мюнхен. Современный интерьер

Мюнхен. Резиденцштрассе со стороны Одеон-платц.
Здесь были остановлены марширующие колонны
сторонников Гитлера

Гитлер в форме штурмовика

Плакат: «Один народ, один рейх, один фюрер»

Гитлер среди высших чинов вермахта и НСДАП

Кельштайн. Здесь, в разреженном воздухе, в роковых декорациях окружающих скал, Гитлер обдумывал свои проекты и, как он однажды заметил, принимал все свои важнейшие решения

Гитлер на одной из нацистских церемоний.
Крайний слева — Рудольф Гесс. 1938 г.

Компьер. 1940 г. Церемония подписания соглашения
с побежденной Францией о прекращении огня.
Сама встреча была построена так, чтобы подчеркнуть
символическое восстановление справедливости

Фюрер и дуче

Гитлер инспектирует войска 5 октября 1939 г.

Гитлер среди офицеров люфтваффе. 1939 г.

Гитлер с генералами вермахта и СС. 1940 е гг.

Адольф Гитлер —
фюрер и канцлер рейха

Плакат:
«Никогда рейх
не погибнет, если вы
едины и верны»

Гитлер и Блонди. Весь мир у наших ног?

Возмущение Гитлера поведением Паулюса, которому, считал он, смерть оказалась не по плечу и который потому капитулировал раньше времени, вылилось в такой пассаж при последующем обсуждении положения в Ставке:

«Какую легкую жизнь он себе выбрал!.. Настоящий мужчина должен застрелиться, подобно тому как раньше полководцы бросались на меч, если видели, что дело проиграно. Это же само собой разумеется. Даже такой человек, как Вар⁷⁵ приказал рабу: “Теперь убей меня!..” Что это значит — “жить”? Жизнь — это народ, а отдельный человек смертен, он и должен умирать. После него остается жизнь, это — народ. Но какой же страх может испытывать отдельный человек перед этим, перед этой секундой, когда он уже может освободиться от этой печали, когда долг не задерживает его больше в этой юдоли! Да уж! Паулюс... выступит в ближайшее время по радио — вот увидите. И эти Зейдлиц и Шмидт будут выступать по радио⁷⁶. Их запрут в подвал с крысами, и двух дней не пройдет, как они сломаются и тут же заговорят... Как можно быть такими трусами. Я этого не понимаю... Что тут поделаешь? Лично меня больше всего огорчает то, что я успел произвести его в фельдмаршалы. Я хотел доставить ему последнюю радость. Это был последний фельдмаршал, которого я произвел в эту войну⁷⁷. Нельзя хвалить день, пока не наступит вечер... Просто смешнее не придумаешь. Так многим людям приходится умирать, и вот появляется такой человек и в последнюю минуту оскверняет героизм столь многих. Он мог избавиться

---

⁷⁵ Римский полководец Публий Квинтилий Вар (род. ок. 46 до н.э.) в сентябре 9 года н.э. потерпел поражение в битве в Тевтобургском лесу с германскими племенами под предводительством Арминия. — *Прим. пер.*

⁷⁶ Паулюс выступил по радио с антифашистским заявлением, призвав войска выступить против Гитлера, только 8 августа 1944 года. Генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц-Курицбах (22.8.1888—28.4.1976) командовал LI армейским корпусом 6-й армии; в советском плену он уже 12 сентября 1943 года был избран председателем антигитлеровской Лиги германских офицеров. Генерал-лейтенант Артур Шмидт (25.10.1895—5.11.1987) с 20 июня 1942 года возглавлял штаб 6-й армии. 31 января 1943 года сдался в плен. — *Прим. науч. ред.*

⁷⁷ Это обещание Гитлер не сдержал: после капитуляции армии Паулюса звание генерал-фельдмаршала получили барон Вольфрам фон Рихтгофен (16.2.1943), Вальтер Модель (1.3.1944), Фердинанд Шёрнер (5.4.1945) и Роберт Риттер фон Грейм (24.4.1945). — *Прим. науч. ред.*

от всех печалей и войти в вечность, в бессмертие нации, а он предпочел отправиться в Москву. Какой тут еще может быть выбор. Это какая-то дикость»⁷⁸.

Если не в военном, то в психологическом плане Сталинград явился, конечно, одним из великих переломных пунктов войны. Как в Советском Союзе, так и у его союзников эта победа принесла очень заметную перемену в настроениях и оживила многие так часто уже казавшиеся обманутыми надежды. В стане же союзников Германии и в нейтральных странах мифу о непобедимости Гитлера был нанесен весьма ощутимый удар. И в самой Германии быстро таяло и без того уже пошатнувшееся доверие к искусству Гитлера-полководца. Геббельс, ежедневно проводивший совещания со своими сотрудниками, дал указание использовать поражение, чтобы «психологически укрепить наш народ». «Каждое слово об этом героическом сражении, — сказал он, — войдет в историю». Особое же внимание придавалось тому, как будет выглядеть сводка вермахта, — надо, чтобы это была «формулировка... которая и через столетия будет волновать сердца». В качестве образца Геббельс предлагал обращения Цезаря к воинам, воззвание Фридриха Великого к своим генералам в канун Лейтенского сражения и призывы Наполеона к Гвардии. «Может быть, мы только сейчас, — говорилось в спецвыпуске Имперского руководства пропаганды, — вступили в фридриховскую эпоху принятия великих решений. Колин, Хохкирх, Кунерсдорф — все эти три имени означают тяжелые поражения Фридриха Великого, подлинны катастрофы, по своим последствиям куда более худшие, нежели все, что случилось в последние недели на Восточном фронте. Но после Колина был Лейтен, после Хохкирха и Кунерсдорфа были Лигниц, Торгау и Буркерсдорф⁷⁹ — последняя завершающая победа». Однако несмотря на все ободряющие параллели, которые начиная с этого времени и до самого конца войны стали цитатами-заклинаниями, в сводке Службы безопасности говорилось: «Имеет место общее убеждение, что Сталинград означает перелом в

---

⁷⁸ Hitlers Lagebesprechungen. S. 126 ff.

⁷⁹ Речь идет о сражениях Семилетней войны 1757—1763 годов: при Колине (18 июня 1757 года), Лейтене (5 декабря 1757 года), Хохкирхе (14 октября 1758 года), Кунерсдорфе (12 августа 1759 года), Лигнице (15 августа 1760 года), Торгау (3 ноября 1760 года), Буркерсдорфе (21 июля 1762 года). — *Прим. пер.*

войне... Неустойчивые соотечественники склонны видеть в падении Сталинграда начало конца»⁸⁰.

Для самого Гитлера проигрыш этого сражения стал как бы началом нового мифа. С этого момента мир его фантазий все в большей степени определяется картинами инсценировок катастрофического крушения. Совещание в Касабланке, на котором Черчилль и Рузвельт провозгласили в конце января принцип «безоговорочной капитуляции» и тем самым сожгли за собой все мосты, еще более укрепило Гитлера в его мнении о будущем. Исходя из стратегии «безоговорочного удержания», которая определила весь 1943 год, Гитлер вместе с приближающимся концом все категоричнее стал развивать стратегию «грандиозного крушения».

Глава III

УТРАЧЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Из вновь приобретенных восточных областей мы должны сделать рай земной.

Адольф Гитлер

Это — большое зло, если мужи, которые определяют судьбу Земли, заблуждаются относительно того, что действительно является выполнимым, а что нет... Их упорство или, если хотите, их гений приносит им преходящий успех, но поскольку они вступают в борьбу с планами, интересами, всем нравственным бытием своих современников, то эти силы сопротивления обращаются против них. И через определенное время, очень долгое для их жертв, но очень короткое с точки зрения истории, от всех их предприятий остаются только преступления, которые они совершили, и страдания, которые они причинили.

Бенжамен Констан

С самого начала Восточной кампании Гитлер вел замкнутую жизнь. Его Ставка, служившая одновременно и Ставкой Верховного командования вермахта, после возвращения

---

⁸⁰ *Boberach H.* Op. cit. S. 346; *Boelcke W.A.* Op. cit. S. 329, а также: *Steinert M.G.* Op. cit. S. 326 ff., где содержится ряд дополнительных сведений.

из Винницы опять располагается в обширном лесном массиве близ Растенбурга в Восточной Пруссии. Густая сеть заграждений, колючей проволоки и минных полей надежно окружает систему из бетонных подземных бункеров и наземных зданий, рождающую своеобразное настроение уныния и монотонности. Современные наблюдатели метко окрестили ее смесью монастыря и концлагеря. Узкие, лишенные каких-либо украшений помещения со скромной деревянной мебелью резко контрастируют с помпезностью прошлых лет — со всеми этими просторными залами, широкими перспективами и рассчитанным на эффект расточительством в Берлине, Мюнхене или Берхтесгадене. Иной раз создавалось впечатление, что Гитлер скрылся от всех в подземной пещере. Итальянский министр иностранных дел Чиано и сравнивал обитателей Ставки с троглодитами и называл тамошнюю атмосферу удушающей: «Не видишь ни единого цветного пятна, ни единого живого оттенка. Приемные наполнены курящими, жующими, болтающими людьми. Пахнет кухней, военной формой, тяжелыми сапогами»¹.

В начальные месяцы войны Гитлер еще выезжал на фронт, бывал на полях сражений, в штабах или лазаретах. Но уже после первых неудач он стал избегать встреч с действительностью, отступая в абстрактный мир столов с оперативными картами и обсуждений фронтовой обстановки. Начиная с этого времени, он воспринимает войну почти исключительно в линейно-числовом выражении на бумажных ландшафтах. И его появления на публике становятся все реже, он испытывает боязнь перед прежними помпезными выступлениями; вместе с ним поражение отняли у него и силы, поддерживавшие стиль его поведения. Когда он впервые освободился от манеры держаться с монументальностью памятника, то почти без какого бы то ни было перехода с ним произошла резкая перемена — усталый, с опущенными плечами, подволакивая одну ногу, передвигается он по помещениям Ставки, тупо взирают лишенные блеска глаза на безжалостным, одутловатым лице, подрагивает левая рука. Теперь это заметно сдавший физически, ожесточившийся и, по его собственным словам, измученный меланхолией человек², все

---

¹ *Ciano G.* Op. cit. S. 500; *Goebbels J.* Tagebücher, 1942/43. S. 126, а также: *Speer A.* Op. cit. S. 315.

² *Frank H.* Op. cit. S. 413.

глубже увязающий в комплексах и ненависти времен своей молодости. И какой бы сильный отпечаток ни наложили на облик Гитлера его застылые, статичные черты, все же при взгляде на эту фазу невольно думаешь, что являешься свидетелем быстро прогрессирующего процесса редукции. Но в то же время кажется, что именно в редукции и проступает как раз его неискаженная, истинная сущность.

Изоляция, на которую обрек себя Гитлер после конфликта с генералитетом, еще более усилилась после Сталинграда. Он часто сидел в одиночестве, предавшись своим мыслям, погруженный в глубокую депрессию или с отрешенным взглядом предпринимал короткие бесцельные прогулки по территории Ставки в сопровождении своей овчарки. Над всеми здесь царит какая-то напряженная подавленность. «Лица застыли как маски, мы часто стояли вместе молча», — будет вспоминать потом один из участников, а Геббельс напишет: «Трагично, что фюрер так отгораживается от жизни и ведет такую несоизмеренно нездоровую жизнь. Он не бывает больше на свежем воздухе, не находит никакой разрядки, сидит в своем бункере, принимает решения и размышляет... Одиночество в Ставке фюрера и весь стиль тамошней работы, разумеется, оказывают угнетающее влияние на фюрера»³.

Гитлер и впрямь начал все более остро ощущать от своей добровольной изоляции. В противоположность годам своей молодости, жаловался он, ему «уже совершенно невозможно быть одному». Стиль его жизни, принявший с первых лет войны спартанские черты, стал еще невзыскательнее, обеды за фюрерским столом характеризовались пресловутой простотой. Лишь один-единственный раз побывал он на представлении «Гибели богов» в Байройте, а после второй русской зимы уже не желал больше слушать музыку. Начиная с 1941 года, скажет он потом, его задачей было «при всех обстоятельствах владеть нервами и, если где-то наступает крах, постоянно искать выходы и вспомогательные средства, чтобы как-нибудь поправить историю... Я уже пять лет, как отрезился от другого мира: не бываю в театре, не посещаю концертов, не смотрю фильмов. Я живу одной-единственной задачей — вести эту борьбу, потому что я знаю: если за ней не стоит натура с железной волей, то выиграна эта борьба быть

---

³ *Goebbels J. Tagebücher, 1942/43. S. 241; по поводу предыдущего наблюдения см.: Speer A. Op. cit. S. 263.*

не может»⁴. Однако остается вопрос, а не эти ли тиски, которым подчинил себя этот маньяк воли, не эта ли отчаянная сконцентрированность на военных событиях так сузили его сознание и полностью лишили его внутренней свободы?

Угнетавшее его напряжение выливалось теперь сильнее, чем когда бы то ни было, в неутолимую жажду произносить монологи. Новую аудиторию он обрел в лице своих секретарш и пытался — хоть и тщетно — с помощью пирожных и огня в камине создавать им «уютную атмосферу». Иногда он вовлекал в эту компанию своих адъютантов, врачей, Бормана или случайного гостя, которому он доверял. С тех пор как у него стали усиливаться приступы бессонницы, его монологи становятся все протяжнее, и, наконец, в 1944 году застольной компании уже приходилось, отчаянно тараща глаза, чтобы не задремать, держаться до самого рассвета. Только тогда, как свидетельствует Гудериан, Гитлер «ложился, чтобы забыться в коротком сне, из которого его часто поднимало еще до девяти часов шарканье веников уборщиц у двери его спальни»⁵.

Как прежде, он сохранял верность темам, составлявшим и раньше его постоянный репертуар и плавно перешедшим в «Застольные беседы»: его юность в Вене, мировая война и годы борьбы, история, доисторические времена, питание, женщины, искусство и борьба за существование. Он возмущался «пляской» танцовщицы Греты Палукки, «уродливой мазней» искусства модерна, фортиссимо Кнаппертсбуша, вынуждавшего оперных певцов срывать на крик, так что они «выглядели как головастики». Он говорил о своем отвращении к «тупому мещанству», к «свинарнику» в Ватикане и к «тусклым христианским небесам», и рядом с мыслями об имперской расовой державе, о ловких браконьерах, слонах Ганнибала, катастрофах ледникового периода, «жене Цезаря» или «сброде юристов» соседствовали рекомендации насчет вегетарианского питания, популярной воскресной газеты «с массой картинок» и романом, «из которого девицам есть что почерпнуть»⁶. Оглушенный таким нескончаемым

---

⁴ Hitlers Lagebesprechungen. S. 615 f.

⁵ Guderian H. Op. cit. S. 401; о попытках создать «уютную атмосферу» см.: Speer A. Op. cit. S. 309.

⁶ См. в данной последовательности: Hitlers Tischgespräche. S. 210, 212, 303, 348, 171, 181.

потоком слов, итальянский министр иностранных дел предположил, что Гитлер, вероятно, прежде всего потому так счастлив быть Гитлером, что это дает ему возможность безостановочно говорить⁷.

Правда, куда больше, чем неисчерпаемость тем его бесконечных монологов, бросалась в глаза — во всяком случае, это следует из воспоминаний — вульгарность его выражений, несомненно, отражала его происхождение. Не только его мысли, не только страхи, чаяния и цели оставались неизменными, судя по его излияниям о прошлом. Более того, теперь он отбросил и весь камуфляж и замашки государственного мужа и во все большей степени стал возвращаться к яростным и заурядным штампам демагога в пивной, а то и обитателя мужского общежития. Не без удовольствия обсуждал он каннибализм среди партизан или в осажденном Ленинграде, называл Рузвельта «душевнобольным идиотом», а речи Черчилля — «вздором беспробудного пьяницы» и со злостью обзывал фон Манштейна⁸ «обмочившимся стратегом». В советской системе он хвалит отказ от всякого рода «прекраснодушной гуманности», расписывал, как бы он, случись мятеж в Германии, ответил на него «расстрелом «отребья» в несколько сот тысяч человек», и постоянно повторял фразу: «Если кто-то мертв, то сопротивляться уже не может»⁹.

К явлениям редукции относилось и наблюдаемое у него сужение интеллектуального горизонта, отбросившее его вновь на уровень партийного руководителя местного масштаба. С конца 1942 — начала 1943 года он смотрел на войну не иначе, как под углом зрения увеличенного до глобальных размеров «захвата власти», и уж, во всяком случае, был не в состоянии следить за ее расширением, достигшим масштабов всемирного противостояния. Ведь и в «годы борьбы» — так

---

⁷ Ciano G. Op. cit. S. 501.

⁸ Генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна (24.11.1887—12.6.1973) многие исследователи называют наиболее талантливым немецким полководцем Второй мировой войны. На советско-германском фронте он командовал (с сентября 1941 г.) 11-й армией, действовавшей на Крымском направлении, затем группами армий «Дон» (ноябрь 1942 — февраль 1943), «Юг» (февраль 1943 — март 1944). — *Прим. науч. ред.*

⁹ См. в данной последовательности: Hitlers Tischgespräche. S. 355, 351, 361, 468, 258, а также: Zoller A. Op. cit. S. 174; по поводу его замечания о фон Манштейне см.: Der Spiegel, 1968. Nr. 21. S. 31.

утешал он себя, — он противостоял превосходящему противнику, был «одним-единственным человеком с маленькой кучкой сторонников». Война — это всего лишь «гигантское повторение» прежнего опыта: «За обедом... шеф указал на то, — говорится в записи одной из «Застольных бесед», — что эта война — точное подобие ситуации из «времен борьбы». То, что происходило тогда как борьба партий на внутреннем фронте, идет сейчас как борьба наций — на внешнем»¹⁰.

Одним из характерных признаков стремительного старения были его жалобы на то, что годы отняли у него страсть игры и настроение азарта¹¹. И в мыслях он все больше живет воспоминаниями: многословные возвраты к давнему прошлому, наполнявшие его ночные монологи, имели, несомненно, характер старческой ностальгии. Точно так же при принятии оперативных решений он часто ссылался на опыт Первой мировой войны, и его интересы в области вооружений совершенно определенно ограничивались системами традиционного оружия. Он не понял ни решающего значения радарной техники и расщепления атома, ни ценности ракеты типа «земля—воздух» с тепловым наведением, ни торпеды с акустической системой самонаведения, а также запретил серийное производство первого реактивного самолета Me-262. Со старческим упрямством прибегал он ко все новым, нередко не относящимся к делу возражениям, отказывался от принятия решений либо менял их, изводя свое окружение лихорадочно воспроизводимым цифровым материалом или уходя в дебри психологических аргументов. Когда вырезка из газеты, рассказывавшая о британских опытах с реактивными самолетами, все же вынудила его в начале 1944 года разрешить, наконец, запуск в производство Me-262, он, чтобы хотя бы в чем-то оставить последнее слово за собой, приказал, вопреки советам специалистов, konstruieren этот самолет не как истребитель, а как скоростной бомбардировщик. При этом он безапелляционно сослался на слишком большие физические нагрузки на летчиков, а также заявил, что как раз более быстрые машины оказываются в воздушном бою более непово-

---

¹⁰ Hitlers Tischgespräche. S. 465. Сравнение с так называемыми годами борьбы впервые, причем неоднократно, встречается в уже упоминавшемся выступлении Гитлера 8.11.1942; см.: *Domarus M.* Op. cit. S. 1935, 1936. 1937, 1941, 1943; Ebd. S. 2085, а также: Hitlers Tischgespräche. S. 364 и др.

¹¹ См., например: Hitlers Tischgespräche. S. 338.

ротливыми. К этому и свелась вся его аргументация, и в то время как города Германии превращались в руины, он не только не разрешил даже опытного использования самолета в роли истребителя, но и в конце концов вообще запретил обсуждать эту тему¹².

Естественно, дискуссии, в которые ему приходилось вступать, умножили его и без того чрезмерную недоверчивость. Нередко он через голову своих ближайших военных советников запрашивал сведения у нижестоящих штабов и иной раз даже посылал своего адъютанта по сухопутным войскам майора Энгеля самолетом на фронт для выяснения обстановки. Офицеры, прибывшие из района боевых действий, не должны были до приема в бункере фюрера ни с кем разговаривать на военные темы, в том числе и с начальником Генерального штаба¹³. Будучи одержим манией контролировать все и вся, Гитлер неоднократно подчеркивал как важнейшее свое достижение то, что на самом деле было главным недостатком, — он заявлял, что и на Восточном фронте, несмотря на его гигантскую протяженность, «нет ни одного полка и ни одного батальона, действия которого не отслеживали бы трижды в день здесь, в Ставке фюрера». И не в последнюю очередь эта парализующая, отрицавшая любую инициативу подозрительность была причиной падения столь многих генералов: всех главнокомандующих сухопутными войсками, всех начальников Генерального штаба сухопутных войск, 11 из 18 фельдмаршалов, 21 из примерно сорока генерал-полковников и почти всех командующих группами армий на Восточном театре военных действий. Пространство вокруг Гитлера все больше наполнялось вакуумом. Побывавший в Ставке фюрера Геббельс отметил, что его овчарка Блонди ближе фюреру, чем какое-либо человеческое существо.

После Сталинграда у Гитлера явно сдали нервы. До этого он лишь изредка утрачивал свой стоицизм, который, как он полагал, был непременным атрибутом великих полководцев; даже в критических ситуациях он сохранял демонстративное спокойствие. Теперь же, напротив, и сильнеешие приступы ярости выявили то постоянное перенапряжение сил, от которого он изнемогал в течение многих лет. Выслушивая док-

---

¹² *Speer A.* Op. cit. S. 372 ff.

¹³ Свидетельство Г. Пикера в: *Hitlers Tischgespräche.* S. 130, 132. Приведенное ниже замечание Гитлера см.: *Ebd.* S. 337.

лады офицеров Генштаба, он обзывает их «идиотами», «трусами», «лжецами», а Гудериан, впервые увидевший его вновь в эти недели, с изумлением констатировал «вспыльчивость» Гитлера, а также непредсказуемость его действий и решений¹⁴. Он стал подвержен и непривычным ранее приступам сентиментальности. Когда Борман рассказывал ему о родах своей жены, Гитлер реагировал на это со слезами на глазах. Чаше, чем раньше, он стал заводить речь о своем желании уйти в идилию раздумий о культуре, чтении и составлении коллекций. Кое-что говорит за то, что, начиная с конца 1942 года, он пережил крушение всей своей системы нервной устойчивости, что не проявляется открыто только благодаря его колоссальной, отчаянной самодисциплине. Генералы в Ставке фюрера почувствовали симптомы этого кризиса, хотя более поздние описания постоянно бушующего, несдержанного и потерявшего самоконтроль Гитлера относятся к области апологетических преувеличений. Частично сохранившиеся стенограммы обсуждений положения на фронтах скорее явно свидетельствуют о том, сколько энергии приходилось ему затрачивать, чтобы соответствовать тому образу, который отвечал его представлению о самом себе. В большинстве случаев ему это, несомненно, удается, хотя и стоит невероятных усилий. Распорядок дня Гитлера в Ставке был крайне напряженным: изучение сводок сразу же после пробуждения, главное совещание около полудня, а затем частные совещания, диктовки, приемы и рабочие обсуждения до самого вечера, когда вновь проходило расширенное совещание, большей частью уже ночью. Вся эта отрегулированная механика обязанностей была актом перманентного насилия над самим собой, с помощью которого он противился глубоко коренящемуся у него внутри стремлению к пассивности и безучастному ничегонеделанию. В декабре 1944 года он одним случайным замечанием набросал картину гениальности, гарантированной постоянством, которой он с немалым трудом и не без проявлявшихся отклонений так старался соответствовать. «Гениальность, — так сказал он тогда, — это нечто подобное блуждающему огню, когда она не подкреплена настойчивостью и фанатичным упорством. Это

---

¹⁴ См.: *Speer A.* Op. cit. S. 318; *Guderian H.* Op. cit. S. 402; см. затем предисловие П. Э. Шрамма к «Застольным беседам»: *Hitlers Tischgespräche.* S. 106.

самое главное, что есть в человеческой жизни. Люди, имеющие только озарения, мысли и т.п., но не обладающие твердостью характера, упорством и настойчивостью, так ничего и не добьются, несмотря ни на что. Это — рыцари удачи. Если повезет, дела у них идут в гору, а если не повезет, то они сразу же пойдут на попятную и сразу же снова все бросят. Но так историю не делают»¹⁵.

По своей строгости относительно исполнения обязанностей и по своей мрачной атмосфере в Ставке фюрера было что-то от той «государственной клетки», куда хотел поместить когда-то Гитлера его отец и где, по наблюдению юного Адольфа, люди «сидели друг на друге так же плотно, как обезьяны». Противоестественные рамки, в которые он втискивал свою жизнь, стали вскоре поддерживаться лишь искусственно. Теперь он поддерживал способность соответствовать непривычным требованиям с помощью лекарств и близких к наркотикам препаратов. До конца 1940 года эти медикаментозные меры, по всей видимости, почти не сказывались на состоянии его здоровья. Правда, Риббентроп свидетельствовал об одной якобы бурной дискуссии летом того же года, когда Гитлер упал на стул и разразился стонами, говоря, что он чувствует себя на пределе сил и что его вот-вот хватит удар¹⁶. Однако эту сцену следует — и ее описание в целом побуждает к такому выводу — все же отнести к тем его выходкам, которые, будучи наполовину порождены истерикой, а наполовину сознательно разыгранными спектаклями, являлись для Гитлера одним из средств его убеждающей аргументации. Тщательное врачебное обследование, проведенное в начале и в конце года, выявило лишь несколько повышенное кровяное давление, а также нарушения в работе желудка и кишечника, которыми он страдал с молодых лет¹⁷.

С ипохондрической педантичностью отмечал Гитлер любое отклонение в своих анализах. Он непрерывно следил за своим состоянием, щупал пульс, обращался к книгам по медицине и «прямо-таки горами» принимал лекарства: таблет-

---

¹⁵ Hitlers Lagebesprechungen. S. 779 f.; см. также: свидетельство Г. Пикера в: Hitlers Tischgespräche. S. 128, 130; *Speer A.* Op. cit. S. 255.

¹⁶ Свидетельство Риббентропа, данное им в Нюрнберге судебному психиатру Дугласу М. Келли; цит. по: *Röhrs H.-D.* Hitler. Die Zerstörung einer Persönlichkeit. S. 53 f.

¹⁷ Подробности на этот счет см.: *Maser W.* Hitler. S. 332 f.

ки снотворного, инъекции, препараты для улучшения пищеварения, средства от гриппа, капсулы с витаминами и даже постоянно находившиеся у него под рукой эвкалиптовые леденцы — все это давало ему ощущение заботы о своем здоровье. Если какое-то лекарство прописывалось ему без точного указания, когда его принимать, то он глотал его с утра до вечера почти непрерывно. Профессор Моррель — модный берлинский врач по кожным и венерическим болезням, ставший, по рекомендации Генриха Гоффмана, лейб-доктором фюрера, при всем своем врачебном старании не лишенный черт мракобесия и шарлатанства, — делал Гитлеру почти ежедневные уколы: сульфанамиды, вытяжки из щитовидной железы, глюкоза или гормоны должны были улучшать или регенерировать кровообращение, кишечную флору, а также укреплять его нервы. Недаром ироничный Геринг саркастически называл Морреля «имперским мастером по уколам»¹⁷. Естественно, чтобы поддерживать трудоспособность Гитлера, Моррелю приходилось с течением времени прибегать ко все более сильным средствам и постоянно сокращать паузы между их дозами, а затем снова прописывать противодействующие средства седативного характера для успокоения перевозбужденных нервов. Последствия этих продолжительных медицинских интервенций — иногда до 28 различных инъекций — стали заметны только во время войны, когда постоянное напряжение, плохой и недолгий сон, монотонность вегетарианской пищи, а также лемурное существование в замкнутом мирке подземного бункера еще более усилили воздействие препаратов. В августе 1941 года Гитлер жаловался на приступы слабости, тошноту и озноб, у него отекали голени; не исключено, что в этом проявилась первая противодействующая реакция годами насилюемого организма. Во всяком случае, начиная с этого времени, состояние изнеможения стало наблюдаться у него значительно чаще. После Сталинграда он через день принимал препарат, который дол-

---

¹⁷ *Speer A.* Op. cit. S. 119, см. также подтвержденное свидетельствами других очевидцев сообщение К.В. Краузе; *Krause K.W.* Op. cit. S. 56. ff.

«Имперский мастер по уколам» (*Reichsspritzenmeister*) — ирония Геринга состоит в том, что в Третьем рейхе высшие должностные лица партии и государства носили громкие звания с прибавлением приставки рейхс- (имперский) — рейхсфюрер, рейхслейтер и т.д. — *Прим. науч. ред.*

жен был снимать депрессивное состояние¹⁸. Теперь он не переносил яркого света и по этой причине велел сшить себе для пребывания вне помещения фуражку с большим козырьком¹⁹, порой жаловался, что теряет равновесие: «У меня все время такое чувство, будто я заваливаюсь в правую сторону»²⁰.

Несмотря на видимые изменения во внешности, ссутулившуюся спину, выпученные глаза, быстро седеющие волосы и становившиеся все более изможденными черты лица, он до самого конца сохранял поразительную работоспособность. Правильно считая, что его несломленная энергия — это заслуга усилий Морреля, он при этом все же упускает из виду, в какой степени он фактически жил за счет своих тающих сил. Профессор Карл Брандт²¹, также принадлежавший к личному врачебному персоналу Гитлера, заявил уже после войны, что лечение Морреля привело к тому, «что, так сказать, жизненный эликсир был заимствован и израсходован на годы вперед» и Гитлер как бы «ежегодно старел не на год, а на 4—5 лет»²². Это и было причи-

---

¹⁸ Согласно записям Морреля, см.: *Maser W.* Op. cit. S. 339; речь шла о простакрине, экстракте из семенных пузырьков и простаты. О Моррелле и применявшихся им методах лечения см.: *Trevor-Roper H.R.* Hitlers letzte Tage. S. 86 ff.

¹⁹ Автор явно следует за довольно спорными утверждениями немецкого историка Мазера. На самом деле Гитлер стал носить фуражки с широким козырьком задолго до войны (что хорошо видно на многочисленных фотографиях). Это было связано с тем, что его глаза очень болезненно реагировали на яркий свет, что было последствием отравления газами во время Первой мировой войны, когда он некоторое время почти полностью потерял зрение (о чем, кстати, в первых главах пишет сам Фест). С возрастом, естественно, болезнь глаз у Гитлера усилилась. — *Прим. науч. ред.*

²⁰ Из свидетельства врача д-ра Эрвина Гизинга от 12.6.1945; цит. по: *Maser W.* Op. cit. S. 429.

²¹ Генерал-лейтенант войск СС и группенфюрер СС, генерал медицинской службы сухопутных войск Карл Брандт (8.1.1904—2.6.1948) еще в 1934 году был назначен «сопровождающим врачом фюрера». С сентября 1943 года он также генеральный уполномоченный по здравоохранению и медицинской службе. В апреле 1944 года Брандт стал лейб-врачом фюрера, а в августе того же года — имперским комиссаром здравоохранения и медицинской службы и одновременно имперским комиссаром по санитарии и гигиене. Повешен по приговору Американского военного трибунала по делу врачей. — *Прим. науч. ред.*

²² Так он сказал бывшему сотруднику министерства Шпеера Гансу Керлю; см.: *Hitlers Tischgespräche*. S. 108 f. То же самое имел в виду и Геринг, сказавший в 1943 году, что Гитлер выглядит так, будто с момента окончания успешного этапа войны он состарился на 15 лет; см.: *Bullock A.* Op. cit. S. 720.

ной его словно бы внезапно наступившего раннего одряхления. Он стремительно превращался в развалину, что выглядело так странно и нелепо на фоне заявлений о «волшебном воздействии» принимаемых им лекарств.

Поэтому было бы также неверно сводить очевидные явления упадка, кризисы и подобные припадкам приступы Гитлера к структурным изменениям в его личности. Скорее хищническая эксплуатация возможностей и резервов собственной психики частью перекрывала имевшиеся черты, частью усиливала их, но конечно же не послужила причиной, как это иногда утверждалось, разрушения его до того совершенно здоровой личности²³. Спор относительно воздействия содержащегося в некоторых из прописывавшихся Моррелем лекарств стрихнина на этом прекратить. То же самое можно сказать и по поводу неразрешимого (ввиду полного отсутствия фактического материала) вопроса о том, не страдал ли Гитлер болезнью Паркинсона (*Paralysis agitans*), или объясняются ли дрожь в левой руке, сутулость, а также нарушения движений психогенными причинами. Все это представляет собой вторичный, а отнюдь не исторический интерес, ибо это сходное по своему внешнему виду с тенью явление когда-то было мужчиной, теперь же оно бродило с застывшим, подобно маске, выражением на лице по Ставке, опираясь на палку. Вовсе не эти изменения придают ему в его последние годы такой захватывающий дух характер, а то невероятное упорство, с которым он держался за свои прежние навязчивые идеи и воплотал их в жизнь.

---

²³ Так совершенно ошибочно утверждает Г. Д. Рёрс: *Röhrs H.D.* Op. cit. S. 121. К вопросу о том, страдал ли Гитлер одной из разновидностей болезни Паркинсона или же только так называемым синдромом Паркинсона, см.: *Ebd.*, в частности, S. 43 ff., а также S. 101 f. Кроме того, см. исследование Иоганна Ректенвальда «Чем болел Адольф Гитлер?», где автор предполагает у него наличие синдрома Паркинсона как последствия энцефалита: *Recktenwald J.* Woran hat Adolf Hitler gelitten? Далее: *Maser W.* Op. cit. S. 326 ff. *Bullock A.* Op. cit. S. 720. Вопрос о точных причинах болезни Гитлера так и останется, видимо, неразрешенным, поскольку специального исследования по этому поводу никогда не проводилось. Вследствие крайнего недостатка источников ни один из диагнозов не может быть ни достаточно подтвержден, ни отвергнут. Такой же главный симптом и болезни Паркинсона, и синдрома Паркинсона, как дрожание руки и ноги, мог быть вызван и другими самыми разными заболеваниями.

Он постоянно нуждался в искусственном снятии напряжения. Можно сказать, что в определенной степени наркотики и лекарства Морреля заменяли ему уже потерянный стимулятор — боготворение масс. После Сталинграда Гитлер чурался публики и произнес, в общем-то, всего лишь две значительные речи. Уже вскоре после начала войны он отошел от публичной жизни, и все пропагандистские старания облечь в миф это его отшельничество не смогли заменить столь укоренившееся чувство его постоянного присутствия, то чувство, с помощью которого режим ставил себе на службу латентный избыток энергии, стихийности и готовности к жертвам. И вот теперь это представление стало рушиться. Насколько редко Гитлер, заботясь о своем ореоле непреклонности, бывал в разрушенных городах, настолько же редко он выступал перед массами после судьбоносных поражений. Хотя он, скорее всего, чувствовал, что эта боязнь не только отнимает у него власть над душами, но и — в удивительной обратной связи — энергию у него самого. «Все, чем я являюсь, это только благодаря вам», — бросил он как-то в массы²⁴, выразив этим чуть ли не физическую взаимозависимость, имеющую силу закона. На протяжении всей его жизни его общение с массами — начиная с первых, еще неуверенных выступлений в пивных залах Мюнхена и кончая тяжелыми, вымученными попытками двух последних лет, — всегда служили не только для того, чтобы разбудить их силу, но и чтобы оживить свою собственную. Они были для него — помимо всех политических целей — средством самосохранения. В одной из своих последних больших речей он как бы уже заранее объяснил свое бросающееся в глаза молчание величием событий на фронте: «Разве тут требуется от меня много слов?» Но после он будет жаловаться в узком кругу, что не рискует уже выступать перед десятками тысяч людей. Он скажет, что, наверное, не сможет больше в своей жизни произнести длинную речь. Представление же о конце своей карьеры оратора ассоциировалось у него с понятием конца вообще²⁵.

---

²⁴ Слова из выступления перед 30 000 штурмовиков в берлинском парке Лютсгартен 30.1.1936; цит. по: *Domarus M.* Op. cit. S. 570; аналогичные свидетельства о таком своего рода обмене энергией см., например: *Ebd.* S. 609, 612, 643.

²⁵ См.: *Hitlers Lagebesprechungen.* S. 608, а также уже упоминавшееся выступление 8.11.1942: *Domarus M.* Op. cit. S. 1944.

С уходом с публичной сцены впервые проявилась и своеобразная слабость Гитлера-руководителя. С первых дней своего восхождения он постоянно утверждал свое превосходство с помощью харизмы лидера и богатства тактических идей, но на этой стадии войны ему нужно было быть на высоте и других требований, предъявляемых к руководителю. Принцип соперничающих инстанций, внутренней борьбы за власть и интриг — весь этот ориентированный на собственную личность и абсолютную власть административный хаос, который инсценировался им в прошедшие годы с такой макиавеллистской ловкостью, теперь, в борьбе с полным решимости противником, оказался неподходящим. Более того, он стал одной из слабостей режима, так как расходовал энергию, необходимую для внешней борьбы, в борьбе внутренней и влек за собой, в конечном счете, состояние почти полнейшей анархии. В одной только военной сфере соседствовали друг с другом театры военных действий, находившиеся в компетенции Верховного командования вермахта и Верховного командования сухопутных войск²⁶, неупорядоченность особого положения Геринга, перекрывающие все иные компетенции полномочия Гиммлера и СС, неразбериха между дивизиями всех родов сухопутных войск, народно-гренадерскими частями, авиаполевыми соединениями, войсками СС²⁷, а на заключительном этапе еще и частями народного ополчения — фольксштурма — тоже с собственной системой подчинения и командованием. И наконец, ко всему этому добавлялась подтачиваемая взаимным недоверием связь с войсками государств-партнеров. Столь же запутанной была и система управления на оккупированных территориях Европы, рождавшая всякий раз новые формы подчинения — от прямой аннексии через протекторат и генерал-губернаторство до самых разнообразных типов военной и гражданской адми-

---

²⁶ ОКХ занималось вопросами советско-германского фронта, а ОКВ — всеми остальными театрами военных действий. — *Прим. науч. ред.*

²⁷ Авиаполевые соединения формировались командованием люфтваффе, войска СС — руководством СС, народно-гренадерские дивизии — командованием Армии резерва. Тем не менее в оперативном отношении они все находились в подчинении командных структур вермахта, а авиаполевые дивизии в конце концов были и вовсе переданы в состав сухопутных войск. — *Прим. науч. ред.*

нистрации. Едва ли когда-нибудь еще попытка концентрации всей власти в руках одной личности оборачивалась в итоге столь полной дезорганизацией.

И тем не менее нет никакой уверенности в том, что Гитлер когда-либо действительно осознавал все пагубные последствия своего стиля руководства. Рациональность, целесообразность той или иной структуры, вообще любого рода упорядоченность были чужды ему в принципе. Буквально до самых последних дней войны он продолжает вновь и вновь разжигать свары в своем окружении — из-за компетенции, сфер полномочий и невероятно запутанных вопросов о рангах и званиях. Отдельные наблюдения подтверждают мысль о том, что в жажду власти и тщеславие, которые проявлялись в такого рода противоборствах, он верил больше, чем в бескорыстное поведение, потому что они занимали свое прочное место в его картине мира. И прежде всего здесь коренилось его недоверие к специалистам, вот он и пытался вести войну, в максимальной степени отказываясь от сотрудничества с ними — от их советов, аналитических материалов, точных расчетов, — в анахроническом стиле чуть ли не античного полководца-одиночки. Пытался — и проиграл.

Особенно наглядно проявилась слабость Гитлера-руководителя в ходе кампании 1943 года, когда у него еще не было стратегического представления об огромных масштабах противоборства. По единодушному свидетельству его окружения, Гитлер чувствовал себя неуверенно, был нерешителен, колебался, а Геббельс прямо говорил о «кризисе фюрера»²⁸. Он неоднократно требовал от терзаемого сомнениями Гитлера вернуть утерянную им инициативу путем решительной мобилизации всех имевшихся резервов. Вместе с назначенным в прошлом году министром вооружений Альбертом Шпеером²⁹, Робертом Леем и Вальтером Функом³⁰ Геббельс

---

²⁸ *Speer A.* Op. cit. S. 271.

²⁹ Альберт Шпеер был назначен имперским министром вооружений и боеприпасов 9 февраля 1942 года, после гибели Франца Тодта. 2 марта 1943 года его министерство было переименовано в Имперское министерство военной промышленности. — *Прим. науч. ред.*

³⁰ На тот момент: Лей — рейхслейтер, имперский организационный руководитель и главное — председатель Германского трудового фронта; Функ — имперский министр экономики и президент Имперского банка. — *Прим. науч. ред.*

разработал планы по значительному упрощению управления, беспощадному снижению личного потребления среди привилегированных слоев, по дополнительному производству вооружений, а также ряд других мер. Однако ему вскоре пришлось убедиться в том, что корпус гаулейтеров, высших чинов СА и партийных функционеров давно уже утратил готовность к самопожертвованию, заменив ее паразитарными барскими замашками. 18 февраля 1943 года Геббельс выступил во Дворце спорта с речью, в которой поставил перед слушателями свои знаменитые десять вопросов, не требовавших ответов и получивших, как он сам писал, «в кавардаке неистовства» всеобщее согласие³¹. Его речь была в первую очередь рассчитана на то, чтобы путем радикализованного призыва к массам сломить сопротивление со стороны корпу-

---

³¹ Геббельс поставил следующие десять вопросов: «Верите ли вы вместе с фюрером и нами в конечную победу немецкого народа, решили ли вы ради завоевания победы идти за фюрером в огонь и воду даже при самом большом личном бремени?.. Готовы ли вы, будучи фалангой фюрера в тылу сражающегося вермахта, продолжать эту борьбу с ожесточенной решимостью и вести ее, несмотря на все превратности судьбы, до тех пор, пока победа не будет в наших руках?.. Полны ли вы и немецкий народ решимости, если фюрер приказывает это, ежедневно работать по десять, двенадцать, а если нужно, то и по четырнадцать часов и отдать для победы свои последние силы?.. Хотите ли вы тотальной войны?.. Разве ваше доверие к фюреру сегодня не еще больше, не еще убежденнее, не еще непоколебимее, чем прежде?.. Готовы ли вы отныне отдать все свои силы и дать Восточному фронту людей и оружие, которые нужны ему, чтобы нанести большевизму смертельный удар?.. Даете ли вы фронту священную клятву, что тыл с высоким моральным духом стоит за ним и даст ему все, в чем он нуждается, чтобы завоевать победу?.. Хотите ли вы, особенно женщины, чтобы правительство позаботилось о том, чтобы женщина смогла отдать для ведения войны все свои силы и всюду, где только можно, заменила мужчин, которые нужны фронту, тем самым высвободив мужчин для него?.. Одобрите ли вы, если это понадобится, самые радикальные меры против небольшого круга дезертиров и спекулянтов, которые в разгар войны играют в мир и хотят использовать народную нужду в своекорыстных целях?.. Хотите ли вы, чтобы, как того требует программа национал-социалистической партии, именно во время войны среди нас царили равные права и равные обязанности, чтобы тыл тоже солидарно принял на свои плечи тяжкое бремя войны и чтобы все и те, кто стоит высоко или низко, и те, кто беден или богат, поровну разделяли это бремя?..» — *Прим. науч. ред.*

са высших функционеров, а одновременно и нерешительность Гитлера³².

Нежелание Гитлера согласиться на дополнительные лишения в обществе в ходе тотальной войны в чем-то определялось его реминисценциями, шоковым опытом революционного ноября 1918 года, но в чем-то — и его глубоко укоренившимся недоверием по отношению к инертным, ненадежным массам. В известной мере кажется, будто в таких реакциях проявляется его догадка, насколько же хрупко и мимолетно его господство и как труден его замысел, по его собственному выражению, «принудить к величию» страшющийся этого немецкий народ. Во всяком случае, Англия смогла вследствие своих военных усилий куда более резко, если сравнивать с рейхом, ограничить комфорт своих подданных, равно как и привлечь в военную промышленность намного больше женской рабочей силы³³.

Однако колебания Гитлера в вопросе о переходе к тотальной войне следует объяснять также и интригами Мартина Бормана, почувствовавшего в предпринятом Геббельсом и Шпеером прорыве ощутимую угрозу собственному положе-

---

³² Мотивы и подоплека этой речи интерпретируются по-разному. Одни связывали ее с выдвинутым примерно за три недели до того в Касабланке требованием о «безоговорочной капитуляции» (см., например: *Stephan W. Joseph Goebbels*. S. 256 f.), другие — с попыткой министра пропаганды возвысить свое собственное положение и заявить о намерении стать вторым человеком, когда в условиях распада личности Гитлера и одновременного падения престижа Геринга эта позиция приобретала небывалую значимость; см. в этой связи: *Semler R. Goebbels — the man next to Hitler*. P. 68 f., *Manvell R., Fraenkel H. Goebbels*. S. 275 ff.; *Heiber H. Joseph Goebbels*, S. 328 ff., а также взвешенное обобщение Гюнтера Мольмана: *Moltmann G. Goebbels' Rede zum totalen Krieg*. In: *VJHfZ*, 1964. Н. 1. S. 13 ff. По поводу плана Геббельса, Шпеера, Лея и Функа см. также: *Speer A. Op. cit.* S. 266 ff.

³³ Так, например, в Великобритании обслуживающий персонал в частных домах сократился на две трети, в то время как в Германии он даже возрос, см.: *Speer A. Op. cit.* S. 234, а также S. 548 f. Численность занятых на производстве женщин возросла в Германии во время войны лишь незначительно: с 2 620 000 на 31.7.1939 до 2 808 000 на 31.7.1943, а через год вновь упала до 2 678 000; см.: *USSBS, The Effects of Strategic Bombing on the German Economy*. См., кроме того, секретный доклад, сделанный 26.2.1943 на совещании по экономическим вопросам. ВАР 115/1942; см. также: ВАР NS 19/1963. По поводу приведенного выше замечания Гитлера см.: *Rauschning H. Gespräche*. S. 22.

нию. Путем угодничества, усердия и постоянных интриг он сумел за эти годы выбиться в «секретари фюрера» и, опираясь на эту, казалось бы, непритязательную должность, создать в рамках режима одну из сильнейших властных позиций³⁴. Его плотная, приземистая фигура в плохо сидевшей на нем коричневой партийной форме, его всегда внимательное, оценивающее либо даже настороженное выражение крестьянского лица являются постоянным атрибутом Ставки фюрера. Неясно очерченный круг его полномочий³⁵, который он неуклонно расширял, ссылаясь на якобы волю фюрера, обеспечил ему права, действительно сделавшие его «тайным руководителем Германии»³⁶, в то время как Гитлер выказывал свое удовлетворение тем, что его незаметный секретарь снял с него груз рутинной административно-технической работы. Вскоре Борман стал человеком, от которого зависели и уровень полномочий, и благожелательное отношение со стороны фюрера, и назначения и повышения в любой сфере. Он хвалил людей, изводил их придирками либо устранял и при всем этом вечно держался молча на заднем плане и постоянно внушал подозрение, что у него наготове всегда на один факт больше, чем даже у его самых могущественных антагонистов. Он ревниво контролировал список посетителей, а через него и все контакты Гитлера с внешним миром и, по свидетельству одного наблюдателя, воздвиг вокруг того «настоящую великую китайскую стену»³⁷.

Его изоляционистские старания не требовали большого труда, поскольку отвечали одновременно возраставшей по-

---

³⁴ Рейхслейтер Мартин Борман (17.6.1900—2.5.1945) 12 мая 1941 года возглавил Партийную канцелярию, на следующий день он стал секретарем фюрера, а 29 мая — имперским министром без портфеля и членом Совета обороны рейха. 12 апреля 1942 года Борман особым приказом Гитлера был назначен «личным секретарем фюрера». — *Прим. науч. ред.*

³⁵ Сам Борман так сформулировал свои обязанности: «1) Устройство личных дел фюрера. 2) Участие во всех переговорах фюрера. 3) Доклады о текущих событиях фюреру. 4) Передача решений и мнений фюрера имперским министрам. 5) Улаживание споров и определение компетенции тех или иных министерств и ведомств. 6) Переустройство города Линца. 7) Наблюдение за резиденциями Гитлера. 8) Руководство группой стенографистов при обсуждении военного положения». — *Прим. науч. ред.*

³⁶ Zoller A. *Op. cit.* S. 43.

³⁷ Ebd. S. 223.

требности в этом самого Гитлера. Как обитатель мужского общежития неизменно жил когда-то во дворцах своей фантазии, так и вынуждаемый ныне к отступлению на всех фронтах полководец создавал теперь свои призрачные миры и с упоением замыкался в них. Тяга Гитлера к уходу от реальности обрела с переломом в ходе войны все более невротические черты. Это видно на многочисленных примерах его поведения порой просто с рельефной наглядностью: например, в привычке ездить по стране в салон-вагоне с плотно зашторенными окнами и преимущественно по ночам, словно спасаясь от кого-то бегством, или даже при ясной погоде держать окна помещения в Ставке, где проходили обсуждения на фронте, закрытыми, а то и плотно занавешенными. Примечательно, что день он начинал с выслушивания обзора печати и только потом переходил к ознакомлению с новейшей информацией. Его окружение свидетельствует, что само событие он воспринимал более спокойно, нежели отклик на него, и что реальность воздействовала на него не так сильно, как ее отражение³⁸. И выливавшийся все в большей степени в монологи стиль бесед Гитлера, его неспособность слушать или воспринимать возражения, а также все сильнее проявлявшаяся потребность в чрезмерно нараставших колонках цифр, его *rage du nombre*³⁹, тоже занимают свое место в этом ряду. Еще в конце 1943 года он с презрительной насмешкой отозвался о записке генерала Томаса⁴⁰, где потенциал советских сил по-прежнему оценивается как серьезная опасность, и, не долго думая, запретил обращаться к нему впредь с записками такого рода⁴¹. Одновременно он отказался от поездок на фронт или посещения штабов действующей армии, его последнее пребывание в штабе одной из групп армий датировано 8 сентября 1943 года⁴². И многие вызывающе ошибочные решения

---

³⁸ См.: *Speer A. Op. cit. S. 311.*

³⁹ Мания чисел (*франц.*). — *Прим. пер.*

⁴⁰ Генерал пехоты Георг Томас (20.2.1890—29.10.1946) с 1934 года руководил ведомством военной экономики вермахта, к 1943 году — Управлением военной промышленности и вооружений ОКВ. После покушения на Гитлера были обнаружены документы о причастности Томаса к заговору, однако прямых доказательств не было, и он был арестован и отправлен в концлагерь. — *Прим. науч. ред.*

⁴¹ *Speer A. Op. cit. S. 315 f.*

⁴² Это было пребывание в группе армий «Юг» (под командованием фон Манштейна). До того в этом году было всего два посещения

вытекали именно из незнания реального положения, потому что значки, обозначающие на карте армии и дивизии, не несли никаких сведений о климате, степени усталости войск или психических резервах. В удивительно странной атмосфере зала, где проходили обсуждения обстановки на фронте, лишь изредка звучали реальные данные о состоянии вооружения войск или тыловом обеспечении. Сохранившиеся стенограммы свидетельствуют, помимо того, и о некритической готовности высших чинов к приспособленчеству, о том беззастенчивом угодничестве, которое, особенно после ухода Гальдера, определяло климат этих встреч. В конечном счете все обсуждения положения могли теперь именоваться «показушными положениями», как на жаргоне Ставки фюрера назывались приукрашенные доклады, делавшиеся в присутствии государственных деятелей из стран-союзниц. Попытка Шпеера как-то свести Гитлера с более молодыми офицерами-фронтовиками не увенчалась успехом, равно как и намерение побудить его посетить города, подвергшиеся интенсивной бомбежке. Напрасными оказались в этом плане и усилия Геббельса, апеллировавшего к положительному примеру Черчилля. Когда однажды спецпоезд фюрера по пути в Мюнхен по недосмотру остановился с поднятыми жалюзи рядом с эшелонном, где находились раненые, Гитлер в возбуждении вскочил и приказал персоналу немедленно зашторить все окна⁴³.

Несомненно, презрение к действительности было в минувшие годы его сильной стороной, оно вознесло его из небытия, равно как и обеспечило ему цепь триумфов и, пожалуй, какую-то часть военных успехов. Но теперь, когда страница была перевернута, неуважение к реальности возводило в превосходную степень последствия каждого его поражения. И после случавшихся и неизбежных столкновений с действительностью вновь стали звучать старые сетования, что политиком он стал вопреки своему желанию и что ему тяжело носить серый мундир, который держит его на расстоянии от планов самоувековечивания в области культуры. «Жаль, — говорил он тогда, — что

фронтовых штабов: 17 февраля в той же группе армий «Юг» и 13 марта в группе армий «Центр» (командующий фон Клюге). На 19 июня 1944 года было запланировано еще одно посещение группы армий на театре вторжения союзников, то есть штаб-квартиры Роммеля в Ла-Рош-Гюйоне, однако оно было отменено незадолго до назначенного срока; см. в этой связи: *Speidel H. Invasion*, 1944. S. 112 ff.

⁴³ *Speer A. Op. cit.* S. 259, 312, 308.

из-за этого пьянчуги [Черчилля] приходится вести войну, вместо того, чтобы служить мирным делам, скажем, искусству», а ему так хотелось бы побывать в театре или в Винтергартене в Берлине «и снова быть человеком среди людей». Порой он говорил с горечью, что вокруг один обман и предательство и что генералитет все время вводит его в заблуждение. Все безудержнее звучал непривычный тон плаксивой мизантропии: «только и делают, что обманывают»⁴⁴.

Один из тех, кто знал его еще в 20-е годы, пришел к выводу, что Гитлеру необходимо самообольщение, чтобы он вообще был в состоянии действовать⁴⁵. Недостаток решимости и полная летаргия требовали от него конструирования грандиозных призрачных миров, на фоне которых все препятствия становились незначительными, а все проблемы — тривиальными. Он был способен действовать только благодаря своего рода мании мистификации. Фантастическое перенапряжение, окружающее его личность, имеет своим истоком именно эту нарушенную связь с реальностью; только ирреальное содержание делало его реалистом. В своих высказываниях среди своего окружения, даже в усталых, бесцветных выступлениях на последнем этапе войны его голос постоянно оживал тогда, когда он говорил об «огромных задачах», «гигантских замыслах» будущего — они и были его реальной действительностью⁴⁶.

Чудовищная перспектива открывалась сидящим за столом полуночникам, когда он позволял им «заглянуть через боковые двери в рай», — гибель и преобразование целого континента путем массовых убийств, широкомасштабных акций по переселению, процессов ассимиляции и нового передела опустевших пространств. Речь шла о сознательном разрушении прошлого этой части света и ее переделке по лишенным исторической почвы чертежам. Верный своим склонностям, Гитлер вращался в не имевшей измерений обстановке, перед

---

⁴⁴ Hitlers Lagebesprechungen. S. 535, Hitlers Tischgespräche. S. 196, а также: *Goebbels J.* Tagebücher, 1942/43. S. 336.

⁴⁵ *Krebs A.* Op. cit. S. 124 ff.

Надо отметить, что этот свидетель — Альберт Кребс — в феврале 1928 года был со скандалом снят с поста гаулейтера Гамбурга в результате конфликта с высшим партийным руководством. — *Прим. науч. ред.*

⁴⁶ См.: *Kotze H. v., Krausnick H.* Op. cit. S. 331, а также текст речи: Ebd. S. 335 ff.

его устремленным в вечность взором съезжались столетия, мир становился маленьким и от Средиземного моря оставался, как он как-то сказал, один «рассол»⁴⁷. Наивный век на этом кончался — наступало тысячелетие нового, обоснованного наукой и художественным озарением познания. Его центральной идеей было избавление мира от многовековой болезни в эсхатологическом противоборстве чистой и неполноценной крови.

Свою миссию он видел в том, чтобы создать для чистой крови имперский базис — возглавляемый Германией великий рейх, охватывающий большую часть Европы, а также обширные районы Азии, рейх, который через 100 лет станет «самым сплоченным и самым колоссальным блоком мощи», какого раньше не было⁴⁸. В противоположность Гиммлеру и СС Гитлер был свободен от каких-либо псевдоромантических представлений о Востоке; «лучше я пойду пешком во Фландрию», — заявлял он и сетовал на судьбу за то, что она вынудила его в целях завоевания пространства пойти в восточном направлении. Россия — это «ужасная страна... край света»; мысленно он ассоциировал ее с дантовским адом. «Только рассудок заставляет нас идти на Восток»⁴⁹.

Покорялся же и создавался этот блок мощи, представлявший собой бастион агрессивной мессианской идеи извращения, народом господ, в подавляющей степени единым в расовом отношении, народом, который Гиммлер эмфатически называл «человечеством ариев-творцов атлантического-арийско-нордического рода»⁵⁰. Оно возникало из борьбы за существование, культа крови и расового угара, его появление было надеждой смертельно зараженного мира, а его господство возвещало наступление «истинно золотого века». Строгая социальная иерархия, которую оно порождала, пре-

---

⁴⁷ См.: *Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 647*; затем свидетельство Г. Пикера в: *Hitlers Tischgespräche. S. 127*.

⁴⁸ *Hitlers Tischgespräche. S. 356*.

⁴⁹ *Ebd. S. 174*; *Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. II. S. 130*. Уже обращаясь к своему опыту в Польше, Гитлер говорил Муссолини, что у него часто бывали моменты, когда он «спрашивал себя, не стоит ли ему лучше повернуть назад и просто оставить в покое эту безотрадную страну с ее еще более безотрадными людьми»; см.: *Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 95*.

⁵⁰ *Heiber H. (Hrsg.) Reichsführer!.. Briefe an und von Himmler. S. 201*.

дусматривала наличие трех слоев общества: выпестованную борьбой национал-социалистическую «знать», широкую элиту членов партии, образующую как бы «новое среднее сословие», и ниже — «огромную массу безымянных... коллектив прислужников, вечно несовершеннолетних». Как следовало из объяснений Гитлера, все эти три слоя были призваны властвовать «над слоем покоренных чужеплеменников... мы сможем спокойно назвать их современными рабами»⁵¹. И сколь бы ничтожной ни была убедительность этого проекта в интеллектуальном отношении, он имел — по меньшей мере, в глазах идеологов и пропагандистов национал-социализма — очарование некоего идеального строя. Как коммунизм провозглашал утопию всеобщего равенства, так и здесь имела место утопия расового иерархического общества. Только историческое предназначение господства одного класса заменялось тут «естественным» предназначением господства одной расы.

Согласно плану масштабных мер по восстановлению нарушенного естественного порядка, начало которому было положено еще в предвоенные годы приказом по СС о браках и системой пунктов отбора Главного управления расы и переселений в захваченных восточных областях, осуществлялся теперь ряд новых, более широких и более радикальных начинаний. Гитлер и экзекуторы «нового порядка» вновь исходили из сочетания позитивных и негативных мер и связывали отбор хорошей крови с искоренением тех, кто был расово неполноценным. «Они посыплются, как мошара», — говорилось в одной широко распространенной агитационной брошюре СС, а из монологов Гитлера встала картина, как он сам говорил, биологического «процесса очищения от навоза», от всего инородческого «отребья», с последующей германизацией⁵².

Как и обычно, его энергия проявлялась с наибольшей силой в разрушении. 7 октября 1939 года он секретным указом назначил рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера имперским комиссаром по вопросам консолидации германского

---

⁵¹ *Rauschning H. Gespräche. S. 45 f. О «золотом веке» см.: Griessmayr G. Das völkische Ideal (опубликовано на правах рукописи). S. 160.*

⁵² *Hitlers Tischgespräche. S. 387; приведенная выше цитата взята из опубликованной Гиммлером тиражом в 4 млн экземпляров погромной антисемитской брошюры под названием «Недочеловек» (Der Untermensch).*

народа⁵³ и поручил ему, наряду с «очищением почвы», подготовить восточные территории к осуществлению широкомасштабной программы их нового заселения. Правда, вскоре и в этой сфере наступила та неразбериха полномочий и планов, которую режим порождал повсюду, за что бы ни брался. Покоренные восточные территории так и не поднялись выше уровня экспериментальных полигонов для преисполненной дилетантских починов идеи расового отбора, и далее нескольких неудавшихся наметок нового строя дело тут не пошло.

Что же касается уничтожения, то здесь режим развернул невиданную динамику. Уже сам многозначительный лексикон, описывавший то, что происходило, показывает, насколько эта активность отвечала самой сути и назначению режима, ибо именовалась она «всемирно-исторической задачей», «славной страницей нашей истории», «высшим испытанием», благодаря которому исполнители воспитывались в духе нового героизма и душевной черствости. «Во многих случаях куда легче, — заявлял Гиммлер, — идти с ротой в бой, чем подавлять с той же ротой в каком-нибудь районе сопротивляющееся население с низким уровнем культуры, производить экзекуции, вывозить людей, убирать воющих и плачущих женщин... [Осуществлять же] эту деятельность, быть форпостами мировоззрения, быть последовательными, быть бескомпромиссными — вот это в некоторых случаях много, много трудней»⁵⁴. Речь идет, так определял он свое задание, в первую очередь о «совершенно ясном решении» еврейского вопроса, о «полном исчезновении этого народа с лица Земли». Но поскольку большинство немецкого населения еще не обладало расово просвещенным сознанием, то СС «решали это за наш народ, [мы] взяли ответственность на себя... и унесем потом тайну с собой в могилу»⁵⁵.

До сего дня так и остается невыясненным, когда же было принято Гитлером «окончательное решение», поскольку соответствующих документов не существует. Но, по всей видимости, он раньше, чем даже его ближайшее окружение, по-

---

⁵³ Название этой должности также в ряде случаев переводится как имперский комиссар по укреплению германской народности (Reichskommissar für die Festigung Deutschen Volkstums; RKFDV). — *Прим. науч. ред.*

⁵⁴ Buchheim H. Befehl und Gehorsam. In: Anatomie des SS-Staates. Bd. I. S. 338 f.

⁵⁵ Ebd. S. 329.

нял такие слова, как «устранение» или «искоренение», не только как метафоры, но и как акт физического уничтожения, потому что мысли не пробуждали у него страхов. «И здесь, — писал Геббельс, не скрывая своего восхищения, — фюрер тоже непоколебимый поборник и сторонник радикального решения». Еще в начале 30-х годов Гитлер в узком кругу выдвигал требование о выработке «техники депопуляции» и подчеркивал при этом, что имеет в виду ликвидацию целых народов. «Природа жестока, поэтому мы должны быть такими же. Если я пошлю цвет немецкой нации в стальную грозу грядущей войны, не испытывая даже малейшего сожаления о проливающейся драгоценной немецкой крови, то разве не будет у меня права ликвидировать миллионы представителей неполноценной, размножающейся, подобно насекомым, расы»⁵⁶. Даже примененный впервые в декабре 1941 года в старом уединенном замке в лесу под Кульмхофом метод уничтожения жертв отравляющим газом следует отнести на счет собственного опыта Гитлера в Первую мировую войну. Во всяком случае, в «Майн Кампф» есть пассаж с его сетованиями насчет того, что хорошо было бы тогда «12 или 15 тысяч этих еврейских растлителей народа поддержать вот так под отравляющими газами», как это испытали на фронте сотни тысяч немецких солдат⁵⁷. Но в любом случае «окончательное решение», когда бы ни было оно принято, не имело ничего общего с обострением военной обстановки. И значило бы грубейшим образом исказить всю суть устремлений Гитлера, интерпретируя бойню на Востоке как выражение его возмущенной злости на ход войны, как акт мести старому врагу. Скорее, она объяснялась неумолимой последовательностью гитлеровского мышления и была с этой точки зрения просто неизбежной. Обсуждавшийся одно время в Главном управлении расы и переселений, а также в Министерстве иностранных дел план по превращению острова Мадагаскар в своего рода гетто для примерно 15 млн евреев противоречил намерениям Гитлера в самом решающем пункте⁵⁸. Ибо коль

---

⁵⁶ *Rauschning H. Gespräche*. S. 129. В связи с замечанием Геббельса см. запись от 27.3.1942 в его дневнике 1942—1943 годов: *Goebbels J. Tagebücher*, 1942/43. 27 März 1942.

⁵⁷ *Hitler A. Mein Kampf*. S. 772.

⁵⁸ Этот план вызвал одобрение Гитлера и был отложен только после начала широкомасштабной войны, когда стало ясно, что он абсо-

скоро еврейство действительно, как он постоянно заявлял и писал, было главным носителем инфекции великой болезни мира, то не имело смысла создавать для него какую-то резервацию, а следовало уничтожить его как биологическую субстанцию.

Уже в конце 1939 года начались первые депортации в гетто на территории генерал-губернаторства, но конкретное решение Гитлера о массовых истреблениях было принято, очевидно, в период активной подготовки к походу на Россию. Речь 31 марта 1941 года, ознакомившая широкий круг высших офицеров со «спецзадачами» Гимmlера в прифронтовом тылу, представляет собой первое наглядное доказательство наличия плана массового уничтожения. Два дня спустя Альфред Розенберг после двухчасовой беседы с Гитлером не без оттенка ужаса поверяет своему дневнику: «То, что я не хочу сегодня записывать, но никогда не забуду». Наконец, 31 июля 1941 года Геринг отдал шефу СД Рейнгарду Гейдриху указание о «желательно окончательном решении еврейского вопроса»⁵⁹.

Для всех этих событий с самого начала характерно то, что их стремились засекретить. Бесконечные эшелоны, везшие с начала 1942 года систематически учитываемое и сгоняемое вместе еврейское население, шли без указания станций назначения, в сознательно распространявшихся слухах говорилось о вновь построенных, чудесных городах на завоеванном Востоке. Самим «командам смерти» постоянно давались по поводу их действий самые разные оправдательные объяснения, и евреи изображались то инициаторами сопротивления, то

лютно нереален. В целом изложение автором четких планов уничтожения евреев, якобы существовавших у Гитлера с самых первых дней его карьеры, хотя и достаточно распространено, но в целом крайне сомнительно и ставится под сомнение многими авторами. Скорее, можно говорить о том, что Гитлер считал необходимым «очищение» Германии и подвластных территорий от евреев, не конкретизируя, какие меры необходимо для этого принять. См., например, *Залесский К.А.* РСХА. М., 2004. — *Прим. науч. ред.*

⁵⁹ IMT. Bd. XXVI. S. 266 (Dok. 710-PS). Замечание Розенберга цит. по: *Kempner R.M.W.* Eichmann und Komplizen. S. 97. К вопросу о конкретной дате принятия так называемого «окончательного решения» см.: *Krausnick H.* Judenverfolgung. In: *Anatomie des SS-Staates*. Bd. II, S. 360 ff. Понятие «окончательное решение» впервые появляется в одном из распоряжений Главного управления имперской безопасности 20.5.1941; см.: IMT. Dok. NG-3104.

носителями эпидемий — кажется, даже идеологическим гвардейцам национал-социализма были не по плечу практические выводы из их собственного мировоззрения. Бросающееся в глаза молчание самого Гитлера только подтверждает это предположение. Потому что за все эти годы не встречаешь — ни в «Застольных беседах», ни в речах, ни в документах или воспоминаниях очевидцев — ни единого конкретного указания на практику истребления⁶⁰. Никто не может сказать, как реагировал Гитлер на донесения эйнзацгрупп, затребовал ли он или видел ли фильмы и фотографии и вмешивался ли в события, хотя бы с похвалой или порицанием. Тому же, кто помнит, что вообще все, что его занимало, он имел обыкновение превращать в громогласные речи и никогда не делал секрета из своего радикализма, своей вульгарности и своей готовности идти на самые крайние меры, такое молчание о главном деле его жизни — спасении мира — покажется еще более странным. Можно строить предположения по поводу мотивов, которыми он тут руководствовался, — его мания засекречивания всего и вся, остатки буржуазной морали, стремление толковать события абстрактно и не ослаблять аффект наглядностью происходящего, — но все равно смущает сама картина спасителя, скрывающего свое деяние по спасению где-то глубоко в тайниках своего сердца. Из всей руководящей верхушки режима только Генрих Гиммлер присутствовал однажды в конце августа 1942 года при одной массовой экзекуции, да и то почти потерял при этом сознание, а потом бился в истерике⁶¹. Бюрократия СС изобрела в конечном счете свой собственный эрзац-язык, где фигурировали «выселение», «спецобращение», «чистка», «перемена ме-

---

⁶⁰ Помимо упомянутого намека Розенберга и столь же туманного замечания в дневнике Геббельса имеется лишь высказывание Гитлера в его речи 8.11.1942, в которой он угрожает евреям «искоренением». При этом он мрачно добавляет, что его, бывало, «как пророка поднимали на смех». Однако «несть числа тем, кто тогда смеялся, а сегодня уже не смеется, те же, кто еще смеется сейчас, через некоторое время, видимо, перестанут это делать»; см.: *Domarus M.* Op. cit. S. 1937. О практике засекречивания см. также указание Бормана гаулейтерам: «При публичном обсуждении еврейского вопроса не допускается никакого упоминания о будущем общем решении»; см.: ВАК. NS b/vol. 344.

⁶¹ См. свидетельство обергруппенфюрера СС Эриха фон дем Бах-Зелевски: ND, NO-2653.

стожительства» и «естественное сокращение». А в реальности это выглядело так:

«Менникес и я пошли прямо к ямам. Нам никто не мешал. Теперь я слышал звучавшие один за другим в быстрой последовательности выстрелы из-за земляного холма. Сошедшие с грузовиков люди — мужчины, женщины и дети всех возрастов — должны были по требованию эсэсовца, державшего в руке плетку для лошадей или собак, раздеться догола и сложить свою одежду, обувь, верхнее и нижнее белье — все раздельно — в определенных местах. Я видел гору обуви — примерно восемьсот или тысячу пар — огромные груды белья и одежды. Эти люди раздевались без крика и плача, стояли семейными группами, целовались, прощаясь друг с другом и ожидая знака другого эсэсовца, который стоял у ямы и тоже держал в руке плетку. На протяжении четверти часа, что я стоял у ям, я не слышал никаких стенаний или просьб о пощаде. Я наблюдал за одной семьей, их было человек восемь... Старая женщина с седыми волосами держала на руках годовалого ребенка, что-то ему напевала и шекотала его. Ребенок закатывался от удовольствия. Супружеская пара со слезами на глазах смотрела на него. Отец держал за руку мальчика лет десяти и что-то тихо говорил ему. Мальчик изо всех сил старался сдержать слезы. Отец указывал пальцем на небо, гладил его по голове и, кажется, что-то ему объяснял. Тут эсэсовец у ямы крикнул что-то своему товарищу. Тот отделил человек двадцать и велел им идти за холм. Семья, о которой я говорил, тоже была в их числе. Я еще отлично помню, как одна девушка, черноволосая и стройная, проходя мимо меня, показала на себя рукой и сказала: «Двадцать три года!» Я обошел холм и оказался перед огромной ямой. В ней вплотную друг к другу лежали люди, так что видны были только их головы. Почти со всех голов на плечи стекала кровь. Часть расстрелянных еще шевелилась. Некоторые поднимали руки и крутили головой, чтобы сказать, что они еще живы... Я оглянулся на того, кто стрелял. Этот человек, эсэсовец, сидел на краю ямы на вынутом грунте, опустив ноги в яму и положив автомат на колени, и курил сигарету. Совершенно нагие люди спускались по земляным ступенькам, вырытым по склону ямы, вниз, перелезали через головы лежащих к тому месту, которое было им указано эсэсовцем. Они ложились впереди убитых или раненых людей, некоторые гладили еще живых и что-то тихо говорили им. Потом я услышал автоматную оче-

редь. Я посмотрел в яму и увидел, как еще вздрагивают тела или уже недвижно лежат головы на лежащих перед ними телах. Из затылков струилась кровь»⁶².

Такой была действительность. Но благодаря цепи высокоорганизованных фабрик смерти работа по уничтожению постепенно стала в значительной степени укрываться от глаз населения, рационализироваться и переводиться на использование отравляющих газов. 17 марта 1942 года начал функционировать лагерь Бельжец с «мощностью умерщвления» в 15 000 человек в день, в апреле — Собибор на границе с Украиной (20 000 человек), затем Треблинка и Майданек (примерно 25 000), а также вершина всего — Освенцим, ставший «крупнейшим во все времена сооружением для уничтожения людей», как сказал о нем не без налета идиотской гордости уже во время следствия его комендант Рудольф Хёсс. Весь процесс умерщвления, начиная с селекции поступивших людей и их отравления газом и до уничтожения трупов и оценки оставшихся вещей, был здесь отработан до безукоризненной системы последовательных, взаимодополняющих операций. Уничтожение проводилось спешно, с возрастающим ускорением, «чтобы не получилось, что в один из дней все застопорится», как заявил руководитель СС и начальник полиции дистрикта Люблина Одило Глобчник⁶³. Многочисленные очевидцы опишут ту обреченность, с которой шли на смерть люди: в Кульмхофе свыше 152 000 евреев, в Бельжеце — 600 000, в Собиборе — 250 000, в Треблинке — 700 000, в Майданеке — 200 000, а в Освенциме — свыше 1 000 000 человек. Помимо этого продолжались и расстрелы. По оценкам Главного управления имперской безопасности, уничтожению подлежали примерно 11 млн евреев⁶⁴, убиты были свыше 5 млн.

---

⁶² Из показаний инженера Германа Фридриха Гребе о массовом расстреле эсэсовцами и украинской вспомогательной полицией около 5000 евреев 5 октября 1942 года в Дубно на Украине; см.: IMT. Bd. XXXI. S. 446 ff. (Dok. 2992-PS).

⁶³ Цит. по: *Krausnick H.* Op. cit. S. 417 f.

⁶⁴ См.: *Bracher K.D.* Diktatur. S. 463. Об общем количестве евреев, уничтоженных в крупных лагерях смерти на Востоке, см.: *Höhne H.* Op. cit. S. 349. Высказывание Рудольфа Хёсса см. в его автобиографической книге: *Höss R.* Kommandant in Auschwitz. Stuttgart, 1958, 1961. S. 120. Здесь, кстати, с поразительно извращенным самодовольством утверждается, будто только в Освенциме было уничтожено около 3 млн человек.

Гитлер и его комиссары по «жизненному пространству» рассматривали Восток Европы как пустые, лишенные прошлого территории. Были мысли о том, чтобы славян частью выселить, а частью истребить, но в первую очередь — превратить их в народ рабов, в слуг германской расы господ. Сто миллионов человек должны были быть переселены на восточные равнины, миллион за миллионом должен будет отправляться туда, пока, как заявлял Гитлер, «наши поселенцы не превзойдут намного по своей численности туземцев». Эмиграция из Европы пойдет теперь уже не в Америку, а на Восток, и «самое позднее через десять лет он желал бы получить известие о том, что в... восточных областях живут по меньшей мере 20 миллионов немцев»⁶⁵.

«Огромный пирог» будет разделен на четыре имперских комиссариата («Остланд», «Украина», «Кавказ», «Москва»⁶⁶). Бывший когда-то ведущим идеологом партии Альфред Розенберг, постоянно переигрываемый другими и болтавшийся без дела в предвоенные годы, прежде чем стать теперь имперским министром по делам восточных оккупированных территорий и вернуть себе былое признание, безуспешно ратовал за разделение Советского Союза на политические автономии народностей. Гитлер же увидел в этом опасные зачатки новой, легитимированной этнически или исторически государственности, а вся задача как раз и заключается в том, считал он, чтобы «избегать любой государственной организации и держать представителей этих народностей на максимально низком культурном уровне». Он даже был готов, как он сам заявлял, предоставить этим народам определенную индивидуальную свободу, потому что всякая свобода отбрасывает назад, поскольку она отрицает высшую форму организации людей — государство⁶⁷. С неизменным увлечением он то и дело рисует себе детали своей имперской мечты наяву: как германские господа и славянские народы-рабы совместно наполнят ги-

---

⁶⁵ Hitlers Tischgespräche. S. 330; Hitler's Table Talk. P. 426.

⁶⁶ Также предусматривалось создание имперского комиссариата «Туркестан». Аппараты имперских комиссариатов «Кавказ», «Москва» и «Туркестан» были сформированы в 1941 году, однако к работе приступили лишь некоторые административные органы на Кавказе и в Центральной России. — *Прим. науч. ред.*

⁶⁷ Hitler's Table Talk. P. 270, где приводится такое характерное уточнение: «Стоит предоставить людям личную свободу, как они начинают вести себя как обезьяны».

гантское восточное пространство деловой активностью, не забывая при этом всемерно сохранять расово обусловленную дистанцию между собой. Перед его взором возникают немецкие города со сверкающими губернаторскими дворцами, вздымающимися ввысь храмами культуры и административными зданиями, тогда как поселения туземцев должны будут выглядеть непритязательно и ни в коем случае не иметь «каких-либо удобств или тем более украшений». Даже «глиняная штукатурка» или соломенные крыши не должны быть одинаковыми, считал он. Славянскому населению не следует давать хорошего образования, в лучшем случае пусть они знают значение дорожных знаков, название столицы рейха да несколько слов по-немецки, а вот, скажем, учить арифметике их не нужно. Совершенно правильно, сказал он как-то, генерал Йодль высказал свое недовольство плакатом, запрещавшим на украинском языке выход на проезжую часть улицы, — ведь «задают одним местным жителем меньше или больше, это нас волновать не должно»⁶⁸. В своих макиавеллистских потугах на остроумие, чему он охотно предавался в минуты отдыха, он бросил как-то раз замечание, что лучше всего было бы научить славянские народности «только языку жестов», а по радио передавать для них только то, «что им доступно: сплошную музыку... (Потому что веселая музыка стимулирует работоспособность)». Любую заботу о здоровье, любую гигиену он считал «чистейшим бредом» и рекомендовал распространять суеверие, «что прививки и все такое прочее — весьма опасная вещь». Когда в одной памятной записке он встретил предложение запретить в оккупированных областях распространение и употребление средств по прерыванию беременности, то возмутился до готовности «лично расстрелять... этого идиота». Напротив, ему кажется, что необходимо стимулировать «широчайшую торговлю противозачаточными средствами», и, снова шутя, добавил: «Только сперва, пожалуй, придется позвать на помощь еврея, чтобы быстро наладить это дело»⁶⁹.

---

⁶⁸ Приведенные выше цитаты и рассуждения см.: *Hitlers Tischgespräche*. S. 143, 270, 469 f.

⁶⁹ *Hitlers Tischgespräche*. S. 469. 190, 271 f. Именно в таком духе в памятной записке рейхсфюрера СС от 27.4.1942 по генеральному плану «Ост» предусматривалось переучить акушеров в восточных областях на «специалисток по абортam»; см.: *Heiber H. Der Generalplan Ost*. In: *VJHfZ*, 1958. Н. 3. S. 292.

Система широких автострад и подъездных путей («начало начал всякой цивилизации») — вот что сделает страну управляемой и поможет эксплуатировать ее природные богатства. Среди любимых идей Гитлера было строительство железной дороги на Донбасс с шириной колеи в четыре метра, по которой будут мчаться в том и другом направлении двухэтажные поезда со скоростью 200 километров в час. Узловые пункты главных магистралей станут центрами кристаллизации городов, выполняющих роль опорных пунктов крупных подразделений мобильных войск и находящихся в середине окружности радиусом в 30—40 км, которая образуется «кольцом прекрасных деревень» с сельским населением. В своем меморандуме от 26 ноября 1940 года Гиммлер изложил директивы по сельскому строительству на захваченных польских территориях и установил при этом иерархию среди немецких поселенцев — от простого сельскохозяйственного рабочего до представителя «местного руководства». Он педантично указывал, как обустраивать села и дворы («о толщине стен... менее 38 см не может быть и речи»), равно как и их «озеленение», которое должно будет способствовать выражению унаследованной любви немецких племен к деревьям, кустам и цветам и придаст ландшафту в целом немецкий облик. Посадка деревенских дубов и лип является поэтому столь же необходимой, как и подведение «к строениям линий электропередачи... в максимально незаметной форме»⁷⁰. Та же романтическая идиллия планировалась и в предназначенных для военных поселенцев областях России: небольшие боевые поселенческие формирования должны будут жить во враждебном окружении и утверждать себя в этой первобытной ситуации перманентной борьбы за существование.

А между тем вскоре стало очевидно, что размеры пространства превосходят все возможности по его заселению. На роль здешних новых жителей планировались в первую очередь так называемые фольксдойче⁷¹ из стран Юго-Восточной Европы и из-за океана, а также увешанные наградами участники войны и эсэсовцы: Восток принадлежит охранным отрядам, — заявил начальник Главного управления расы и поселений (РуСХА) группенфюрер СС Отто Гофман. Однако, по

---

⁷⁰ Ursachen und Folgen. Bd. XIV. S. 154 ff.

⁷¹ Фольксдойче — этнические немцы («лица германской крови»), проживавшие вне территории Третьего рейха. — *Прим. науч. ред.*

расчетам плановиков, из них не набиралось даже 5 млн новых поселенцев; и если даже предположить чрезвычайно благоприятные обстоятельства, говорилось в памятной записке от 27 апреля 1942 года, то «можно будет рассчитывать на количество в 8 млн немцев в этих районах примерно через 30 лет»⁷². Кажется, тут впервые и начала распространяться определенная агорафобия.

Решить неожиданно возникшую дилемму был призван целый набор различных мер. Так, была идея «вновь пробудить в немецком народе тягу к поселению на Востоке» и разрешить полноценным в расовом отношении народам-соседям участвовать в колонизации Востока. В меморандуме Розенберга рассматривалось его заселение не только датчанами, норвежцами и голландцами, но и «после победного окончания войны также англичанами». Все они станут «звеньями рейха», заверил Гитлер и выражал мнение, что этот процесс будет иметь такое же значение, как и объединение сто лет назад нескольких немецких государств в единый Таможенный союз⁷³. Одновременно, как это представлялось в памятной записке Имперского министерства восточных оккупированных территорий, из 45 млн жителей «российского Запада» 31 млн должен будет принудительно переселен либо уничтожен. Затем были также идеи о создании соперничающих сект, а если и этого будет недостаточно, то, как считал Гитлер, нужно будет из служащих опорными пунктами городов-хозяев «бросить тогда парочку бомб на их города — и вопрос решен»⁷⁴.

Главнейшие же надежды связывались с мерами, которые должны были восстановить хорошую кровь. Сам Гитлер не раз сравнивал свою деятельность в «годы борьбы» с действием магнита, который вытягивал из немецкого народа «всякий металлический, содержащий железо элемент». «Так же долж-

---

⁷² Этот документ см.: VJHfZ, 1958. Н. 3. S. 299. Заявление О. Гофмана см.: ND, NO-4113.

⁷³ IMT. Bd. XXVI. S. 550 (Dok. 1017-PS). Затем: VJHfZ, 1958. Н. 3. S. 298.

⁷⁴ Hitlers Tischgespräche. S. 143. О создании сект см.: Heiber H. Reichsführer!.. S. 273 f. «Если каждая деревня будет иметь свою собственную секту, — заявил Гитлер, — то мы будем это только приветствовать, так как это еще больше увеличит число деструктивных элементов на территории России»; цит. по: Dallin A. Op. cit. S. 486. Упомянутая памятная записка опубликована в: VJHfZ, 1958. Н. 3. S. 281 ff.

ны мы поступать и теперь, сооружая новый рейх, — заявил он в ставке в начале февраля 1942 года. — Где бы в мире ни находилась германская кровь, мы берем то, что хорошо, себе. С тем, что останется после этого у других, против германского рейха они не выступят»⁷⁵. Уже в Польше так называемые «расовые комиссии» проверяли отобранных лиц на их «немецкий дух» и, если он соответствовал требованиям, переселяли их, чтобы окончательно онемечить, в Германию, причем без всяких церемоний отбирались — даже главным образом — и несовершеннолетние. В будущем, как заявил однажды за ужином в Растенбурге Гиммлер, во Франции будет ежегодно организовываться «ловля крови неводом». Он же предлагал отсылать захваченных таким путем детей в немецкие интернаты, где они должны будут узнать, что их принадлежность к французской нации случайна, и где им помогут осознать их германскую кровь. «Потому что мы получим хорошую кровь, которую сможем использовать, и введем ее в наш обиход, или же — вы, господа, можете назвать это жестокостью, но ведь природа жестока, — мы уничтожим эту кровь»⁷⁶.

И за этими соображениями о «расширении базиса крови» тоже виден старый страх перед «вымиранием арийца», перед тем вторым «изгнанием из рая», о котором писал Гитлер в «Майн Кампф»⁷⁷. Но, мечтал он, если удастся сохранить рейх «в расовом отношении на высоте и в чистоте», то он «обретет твердость кристалла» и будет неуязвим. Тогда вновь вступят в свои права сила сильнейшего, отвага и варварское насилие, падут все эти лжерелигии, проповедующие разум и гуманизм, и восторжествует нарушенный природный порядок. Будучи «самым прожорливым хищником мировой истории»⁷⁸, национал-социализм имеет на своей стороне и ее саму, и ее предзнаменования, — так считал Гитлер. А в своем на удивление исковерканном осознании реальности, когда собственные видения представлялись ему явью, он видел, как в восточных «питомниках германской крови» уже через несколько лет вырастет столь желанный тип нового человека, вырастут «натуры истинных господ», «вице-короли», как восторженно говорил он⁷⁹.

---

⁷⁵ Hitlers Tischgespräche. S. 174, 475.

⁷⁶ IMT. Bd. XXXVII. S. 517; Hitlers Tischgespräche. S. 253.

⁷⁷ Hitler A. Mein Kampf. S. 421.

⁷⁸ Libres propos. P. 93; Hitlers Tischgespräche. S. 256.

⁷⁹ Ebd. S. 137.

Одновременно он поощрял предпринимаемые главным образом Гиммлером и Борманом усилия по созданию нового законодательства о браке. Те в своих рассуждениях исходили из того, что после войны нужда в приросте населения сильно возрастет, поскольку 3—4 млн женщин останутся незамужними, а этого, заметил Гитлер, если пересчитать на дивизии, «наш народ просто не вынесет». Чтобы дать этим женщинам возможность иметь детей, а «порядочным, волевым, физически и психически здоровым мужчинам» предоставить одновременно удобный случай усиленно размножаться, был специально разработан порядок ходатайств и отбора, который имел своей целью обеспечить возможность «вступления в прочные брачные отношения не только с одной женщиной, но и еще с одной». Эти изложенные Борманом в его меморандуме представления были дополнены Гиммлером, который, к примеру, предлагал закреплять привилегированное положение первой жены титулом «*Domina*» (госпожа, хозяйка). Право же на вступления во второй брак предоставлять сначала «как высокую награду героям войны», кавалерам Золотого Германского креста и Рыцарского креста. Позднее можно будет распространить это право на кавалеров Железного креста 1-го класса, а также на тех, кто имеет знак «За рукопашный бой в серебре или золоте», потому что, как любил говорить Гитлер, «лучшему воину достается самая красивая женщина... Если немецкий мужчина-солдат готов безоговорочно умирать, то он должен тогда иметь и свободу безоговорочно любить. Борьба и любовь ведь всегда были связаны друг с другом. Пусть обыватель радуется, получив то, что ему останется»⁸⁰. Особенно же эти соображения обсуждались и детализировались в рамках руководства СС. Так, например, там обдумывали возможности рационального использования половой потенции. Брак, в котором свыше пяти лет не было детей, государству придется расторгнуть, а, кроме того, «все незамужние и замужние женщины обязаны до достижения 35-летнего возраста произвести с безупречными в расовом отношении немецкими мужчинами четверых детей. Являются ли эти мужчины женатыми или нет, не играет при этом никакой роли. Каждая семья, уже имеющая четверых детей, должна предоставить мужу возможность для этой акции»⁸¹.

⁸⁰ Ebd. S. 288, а также: *Zoller A. Op. cit.* S. 105.

⁸¹ Из высказывания Кальтенбруннера, ссылавшегося на аналогичное мнение руководства СС, см.: *IMT. Bd. XXXII. S. 297 (Dok. 3462-PS)*.

Но заселение Востока задумывалось еще и как решение спорных национальных и этнических вопросов в Европе. Крым, например, считавшийся для планов заселения предпочтительным объектом, должен был быть, как однажды заявил Гитлер, «полностью очищен» и стать под старым греческим названием Таврия либо Готенланд⁸² составной частью рейха, Симферополь будет именоваться Готенбургом, а Севастополь — Теодорихсхафеном⁸³. Один из планов предусматривал превращение этого благодатного полуострова, притягивавшего к себе в течение столетий скифов и гуннов, готов и тюрков, в «огромный немецкий курорт», а по другим планам — в «немецкий Гибралтар» для владычества на Черном море. В качестве поселенцев тут рассматривались живущие в румынском Заднестровье 140 000 фольксдойче. Одно время в памятных и деловых бумагах фигурировали и 2000 немцев из Палестины, но главным образом в фантазиях об установлении нового порядка в этом регионе речь шла о населении Южного Тироля. Гитлер считал предложение гаулейтера Фрауенфельда⁸⁴, назначенного генеральным комиссаром Крыма, о том, чтобы переселить всех жителей Южного Тироля на этот полуостров, «чрезвычайно удачным». «Он полагает также, что в климатическом и ландшафтном отношении Крым вполне подходит для людей из Южного Тироля. Кроме того, этот полуостров — по сравнению с нынешним районом расселения южных тирольцев — это земля с молочными реками и кисельными берегами. Переселение южных тирольцев в Крым не представит особых трудностей ни в физическом, ни в психологическом плане. Им нужно будет всего-навсего спуститься вниз по немецкой

См. в этой связи прежде всего меморандум Мартина Бормана от 29.1.1944, опубликованный в: *Jacobsen H.-A., Jochmann W.* Op. cit. в соответствующем хронологическом разделе.

⁸² Страна готов. — *Прим. пер.*

⁸³ В честь короля остготов Теодориха (456—526); буквально «Гавань Теодориха». — *Прим. пер.*

Hitler's Table Talk. P. 110, 621. См. также заметку о беседе Розенберга с Гитлером 14.12.1941. In: IMT. Bd. XXVII. S. 272 (Dok. 1517-PS). Наименование «Таврия» отвечало пожеланию Розенберга, в то время как Гитлер предпочитал название «Готенланд».

⁸⁴ Альфред Фрауенфельд (18.5.1898—10.5.1977) в 1930—1933 годах был гаулейтером Вены. В сентябре 1942 года он был назначен генеральным комиссаром Крыма со штаб-квартирой в Мариуполе. — *Прим. науч. ред.*

реке Дунаю — и вот они уже тут»⁸⁵. У Фрауенфельда было еще и намерение построить на плато Яйла⁸⁶ новую столицу полуострова.

Однако, хотя в начале июля 1942 года уже вышла директива фюрера об эвакуации русского населения Крыма, все планы по его новому заселению потерялись в неразберихе компетенций и военных событий. Только в расположенной между Чудским и Онежским озерами Ингрии (Ингерманландии), которая рассматривалась как первая территория для заселения, поскольку, по мнению специалистов по «жизненному пространству», тут сохранился еще относительно сильный элемент германского населения, дело дошло до крупной переселенческой акции. В начале 1942 года финскому правительству было сообщено, что оно может получить назад «своих ингерийцев», и действительно до весны 1944 года, когда эта область была вновь утрачена, отсюда было выселено около 65 000 человек. И тут на примере единичного случая был продемонстрирован весь порочный характер химер нового порядка в целом: решалась несуществовавшая на самом деле проблема меньшинств, а в Финляндии создавалась новая⁸⁶.

Экспансионистская воля Гитлера устремилась, однако, не только на Восток. Хотя он не раз, вплоть до начала войны, уверял, что у него нет целей для завоеваний на Западе, тем не менее это его благое намерение столкнулось вскоре с его неспособностью возвращать назад то, что уже попало в его руки. Никто не поставит ему в укор, полагал он, если он «встанет на такую точку зрения: кто имеет — тот имеет! Ибо тот, кто отдаст назад то, что у него есть, совершает прегрешение, поскольку возвращает с трудом завоеванное, будучи более сильным на этой земле. Ведь земля — это переходящий кубок, и поэтому она всегда стремится попасть в руки более сильного. На протяжении тысячелетий все на этой земле тянут туда-сюда»⁸⁷.

---

⁸⁵ Hitlers Tischgespräche. S. 429 f.; см: также: Ebd. S. 336 и последовавшее обсуждение этого вопроса в переписке между Гиммлером и Фрауенфельдом. In: ND, NO-2417.

⁸⁶ Тюркское название главной гряды в системе Крымских гор. — *Прим. пер.*

⁸⁶ Dallin A. Op. cit. S. 293.

⁸⁷ Hitlers Tischgespräche. S. 320. Сравнение с «переходящим кубком» звучало и в других высказываниях Гитлера, например, в ходе его ночного монолога 30.1.1933; см.: Görlitz W., Quint H.-A. Op. cit. S. 367.

Его замыслы вышли вскоре за рамки всех военных целей, как те формулировались в требованиях «Фёлькише» или пангерманцев, видевших в своих мечтах Великогерманский рейх немецкой нации. Теперь этот рейх охватывал почти весь европейский континент, образуя унифицированно организованную, тоталитарную и авторитарную в экономическом отношении империю, чьи отдельные звенья держались в разных формах зависимости и служили собственным амбициям мирового господства. «Старая Европа изжила себя», — заявил Гитлер в беседе со словацким президентом Тисо. Он видел Германию в ситуации Рима непосредственно перед его победой над государствами латинян, говорил он и о «хламе мелких государств», который собирался устранить⁸⁸. Наряду с Америкой, Британской империей и основанной Японией «Великой Восточной Азией» Европа с рейхом во главе станет четвертой из тех экономических империй, которые, по его мысли, разделят между собой мир в будущем. В течение столетий, говорил он, проблему перенаселения Старого света удавалось решать или хотя бы затушевывать с помощью захвата заморских владений, но с грядущим крахом колониальной эпохи выходом может быть только слабо заселенный Восток. «Если Украиной управлять европейскими методами, — уверял Гитлер, — то из нее можно будет выжать в три раза больше. Мы могли бы неограниченно обеспечивать Европу тем, что там производится. Восток имеет все в беспредельных количествах: железо, уголь, нефть. Там есть земля, на которой можно выращивать все, в чем нуждается Европа: зерно, подсолнечник, каучук, хлопок и т.д.»⁸⁹

Еще в своей так называемой «Второй книге» Гитлер в 1928 году выразил мнение, что эта Европа будет создана не в результате объединения в федерацию, а актом подчинения ее

---

⁸⁸ Из выступления в мае 1943 года перед рейхслейтерами и гаулейтерами в Имперской канцелярии после государственной церемонии, посвященной памяти погибшего в результате несчастного случая начальника штаба СА Виктора Лютце, см.: *Goebbels J. Tagebücher, 1942/43. S. 324.* О заявлении Гитлера Тисо см.: *Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 186;* а по поводу сравнения с ситуацией Древнего Рима см., например: *Hitler A. Zweites Buch. S. 129 ff.* По всему комплексу в целом см. в первую очередь: *Kluke P. Nationalsozialistische Europaideologie. In: VJHfZ, 1955. H. 3. S. 240 ff.*

⁸⁹ *Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 655 f.*

самой сильной в расовом отношении нации. Это соображение прошлых лет все очевиднее определяло теперь его отношение к покоренным и союзным народам. Выдвигавшиеся время от времени предложения о сотрудничестве в рамках федеративно-фашистской Европы — например, в апреле 1941 года французской стороной — он воспринял как дерзость и не удостоил ответа. Правда, иной раз он охотно отклонял идею нации во имя «более высокого понятия расы». «Оно [понятие расы] растворяет старое и дает возможность новых соединений, — заявлял он. — С понятием нации Франция несла свою великую революцию через границы. С понятием расы национал-социализм пронесет свою революцию до установления нового порядка в мире»⁹⁰. На деле же он оставался узким националистом XIX века, так никогда и не сумевшим преодолеть свою прежнюю зашоренность и неотрывно прикованным к связанным с идеологией «фёлькише» аффектам самоутверждения поры своей молодости. Даже после первых крупных поражений, когда хотя бы из тактических соображений следовало противопоставить Атлантической хартии противника «Европейскую хартию держав оси»⁹¹, он остался на той же жесткой позиции народа-господина и, боясь, как бы его не заподозрили в проявлении слабости, отверг любые уступки. Ведь будущая Европа виделась ему не чем иным, как расширившимся в результате аннексий рейхом, стоящим в окружении послушных государств-сателлитов и преследующим наряду с осуществлением своей исторической миссии еще и собственную выгоду. Сразу же вслед за кампанией во Франции был при его личном участии выработан проект урегулирования границ на Западе, согласно которому территория рейха включала в себя Нидерланды, Бельгию и Люксембург и простиралась до берегов Фландрии. «Ничто на свете не заставит нас отказаться от завоеванной в Западной кампании... позиции у Ла-Манша», — заявил он. Оттуда новая граница проходила «примерно от устья Соммы, на восток вдоль Парижского бассейна и Шампани до Аргонн, затем поворачивала на юг и шла далее через Бургундию и западное Франш-

---

⁹⁰ *Rauschning H. Gespräche.* S. 218 f.; об упомянутом предложении французской стороны см.: *Jäckel E. Frankreich in Hitlers Europa.* S. 159, а также: *Kluke P. Op. cit.* S. 263 f., где приводятся и дополнительные сведения.

⁹¹ *Gruchmann L. Op. cit.* S. 213 f.

Конте до Женевского озера»⁹². Детальные экспертизы и меры по онемечиванию должны были оправдать эти приобретения исторически, Нанси предполагалось переименовать в Нанциг, Безансон — в Бизанец.

И из Норвегии, как полагал Гитлер, он тоже «уже никогда не уйдет». Он собирался сделать Тронхейм немецким городом с 250 000 жителей и крупной военно-морской гаванью и дал уже в начале 1941 года соответствующие задания Альберту Шпееру и командованию ВМФ. Создание такого рода опорных баз для обеспечения безопасности морских путей планировалось вдоль атлантического побережья Франции, а также в Северо-Западной Африке, тогда как Роттердаму отводилась роль «крупнейшей гавани германского региона»⁹³. Были мысли и о том, чтобы организовать экономику побежденных стран по образцу немецкой промышленности и с учетом ее интересов, сравнивать заработную плату и прожиточный минимум с условиями в Германии, урегулировать проблемы трудоустройства и производства в масштабах континента и перераспределить рынки. Внутренние границы Европы скоро утратят свое значение, — писал один из идеологов нового порядка, — «за исключением альпийской границы, где встречаются Германская империя Севера и Римская империя Юга»⁹⁴.

---

⁹² Из проекта, представленного статс-секретарем Штуккартом, см. протокол допроса сотрудника Штуккарта Г. Глобке от 25.9.1945, RF-602. IMT. Bd. IV. S. 472 ff., ND, NG-3572, NG-3455, кроме того, см. протокольную запись совещания о захватнических планах, состоявшегося 19.6.1940 в ставке Геринга, опубликовано в: IMT. Bd. XXVII. S. 29 ff. Как пишет Э. Кордт (*Kordt E. Nicht aus den Akten*. S. 393), Кале и Булонь должны были остаться у немцев в качестве опорных баз. О высказывании Гитлера по поводу позиций на побережье Ла-Манша см.: *Hitlers Tischgespräche*. S. 336; относительно упоминаемых далее памятных записок см.: *Kluge P.* Op. cit. S. 256. Anm.

⁹³ Таким было предложение Зейсс-Инкварта, см.: *Ursachen und Folgen*. Bd. XV. S. 435, *Hillgruber A. Staatsmänner*. Bd. I. S. 239, а также: *Speer A.* Op. cit. S. 196.

⁹⁴ *Clauss M. Tatsache Europa* Эта статья была опубликована в незадолго до того созданном журнале с примечательным, дезавуировавшим всю европейскую идеологию названием «Рейх»; см.: *Kluge P.* Op. cit. S. 252. Об экономической гегемонии см. документы в: *Ursachen und Folgen*. Bd. XV. S. 501 ff. Характерной чертой этих документов является не в последнюю очередь отражение в них безудержного стремления отдельных германских предприятий к расширению сферы своих интересов. Еще в июне 1940 года на упоминав-

Эту фантазмагорическую картину будущего украшали помпезные декорации. Их гигантские очертания были своего рода напоминанием о величии режима. В центре огромным колоссом возвышалась столица мира Германия⁹⁵, которая, по замыслу Гитлера, должна была превзойти все существовавшие города, кроме, возможно, метрополий античных империй — «древний Египет, Вавилон или Рим... а что такое Лондон, что такое Париж по сравнению с ними?»⁹⁶ Вокруг этого центра, от мыса Нордкап и до Черного моря, простиралась территория, заполненная системой гарнизонов, партийных замков, храмов искусства, лагерей и сторожевых башен, под сенью которых племя людей-господ отправляло культ арийской крови и растило нового богочеловека. В области с неполноценной кровью, например, в Баварский лес или в Эльзас и Лотарингию, Гитлер собирался перевести формирования СС и «с их помощью позаботиться об освежении крови местного населения»⁹⁷. Здесь вновь давали себя почувствовать старые, глубоко укоренившиеся в Гитлере пристрастия — он всегда связывал возникновение Новой Европы с мифом смерти. Когда закончится война и наступит час великой расплаты с церковью, Страсбургский собор превратится в памятник Неизвестному солдату, а Папа в своей тиаре и парадном облачении будет повешен на площади Святого Петра. На границах империи — от скалистых берегов Атлантики и до русских равнин — будут возведены величественные мемориальные «Тотенбурги» — «Крепости мертвых»⁹⁸.

шемся совещании в ставке Геринга рейхсмаршал заявил: «Стремления германской промышленности уже сейчас прибрать к рукам предприятия на оккупированной территории должны быть отвергнуты самым решительным образом. Въезд промышленников на оккупированную территорию допускать пока нельзя». IMT. Bd. XXVII. S. 30 (Dok. 1155-PS).

⁹⁵ Именно «Германия» (Germania), а не «Германия» (Deutschland) — если второе слово обозначает непосредственно немецкое государство, то первое — все земли, населенные «лицами германской крови». — *Прим. науч. ред.*

⁹⁶ Hitlers Tischgespräche. S. 195.

⁹⁷ Ebd. S. 334; см. также: Ebd. S. 463.

⁹⁸ С 1940 года в Германии функционировал, возглавляемый профессором Вильгельмом Крейзом, Генеральный архитектурный совет по обустройству кладбищ немецких воинов. Его главная задача формулировалась так: «На скалах Атлантического побережья

Все это было лишено каких-либо предпосылок и равнодушной к жизненным запросам и правам других народов манией планирования. Она находила выход в подобных фантастических проектах, распоряжаясь судьбами и попирая все права «народов-выродков», переселяя целые этнические группы или же, как это говорилось в уже упоминавшейся памятной записке Имперского министерства восточных оккупированных территорий, «пуская их в расход». Сам же Гитлер воспринимал конструкцию нового порядка как «нечто необыкновенно прекрасное»⁹⁹. Ведь огромные покоренные пространства, безбрежные равнины, притягивавшие его видения, должны будут избавить людей от индустриального порабощения, от атмосферы расового и нравственного упадка больших городов. Они должны вернуть немцев к самым истокам, к утраченным ими предкам. Такого рода представления выявляли опять же характерное для национал-социализма коренное противоречие — связь интеллектуального прагматизма с иррациональностью, «ледяной холодности» с приверженностью магии, научных открытий со Средневековьем. По заасфальтованному шоссе грядущей империи маршировал мировоззренческий авангард, задерживаясь то для возрождения «искусства вязания кимвров», то для культивирования корней кок-сагыза, четко следуя рекомендации, как при помощи воздержания, пеших маршей и хорошего питания гарантировать производство детей мужского пола.

поднимутся обращенные к Западу великолепные архитектурные сооружения как вечный памятник освобождению континента от британского господства и объединению Европы под руководством символизирующего ее сердце немецкого народа. Суровая и благородная красота солдатского кладбища на Фермопильском перевале — это одновременно и олицетворение унаследования немцами духа античной культуры Эллады. Мощные и устремленные ввысь башни, установленные на восточных равнинах, станут символами укрощения необузданной стихии восточных степей дисциплинированной мощью германских сил порядка — в окружении могил целого поколения воинов германской крови, которое, как это уже не раз случалось за двухтысячелетнюю историю, спасло западную культуру от разрушительных орд, пришедших из азиатских глубин». Цит. по: *Brenner H.* Op. cit. S. 128 f.

⁹⁹ *Hitlers Tischgespräche.* S. 146; об упомянутой памятной записке Имперского министерства восточных оккупированных территорий см. неоднократно цитировавшееся собрание документов «Генеральный план "Ост"». In: *VJHfZ*, 1958. Н. 3. S. 295.

Вся рациональность власти была пронизана неожиданным элементом тривиальных фантазий, углублявшимся со «священной серьезностью» овсяной кашей и компостными ямами, многолетней рожью и «жировыми отложениями на ягодицах» у женщин примитивных народов или с какой-то служившей разносчиком эпидемий мушкой¹⁰⁰, и вопросами, разрабатывавшимися, к примеру, «специальным уполномоченным рейхсфюрера СС по обеспечению поголовья собак» или «унтерфюрером по борьбе с комарами и насекомыми». И как бы ни издевался Гитлер над всякого рода нелепостями, сам он странным образом верил в такие немыслимые теории, как крушение небес, воздействие Луны и «великое обжорство народов», он обнаруживал у вислоусых чехов монгольское происхождение и планировал запретить в будущем Великогерманском рейхе курение и ввести вегетарианство¹⁰¹.

Сходные противоречия были характерны и для его великой мечты о 200 млн человек, полноценных в расовом отношении хозяев целой части света, чья власть гарантируется их монополией на военную и технологическую мощь и осуществляется по крупномасштабному плану. Сами же господа живут умеренной жизнью, всегда начеку и имеют многодетные семьи. Этот народ будет по-деловому организовывать континент и держать разделенные по строгому ранжиру нации Европы в подчинении, так что те могут «по ту сторону добра и зла вести свое скромное и самодостаточное существование». Избранный же народ будет следовать своей исторической миссии и танцевать вокруг костра в ночь на Ивана Купалу, почитать законы природы, искусство, равно как и идею величия, и в общедоступных гостиницах «Силы через радость» на Британских островах, у фьордов Норвегии или в Крыму находить в веселье народных праздников и музыке оперетт разрядку от тягот своего исторического призвания. С печалью говорил Гитлер о том, как еще далеко до осуществления этих его мечтаний — понадобится 100 или 200 лет —

---

¹⁰⁰ Эти примеры взяты из упоминавшегося тома писем Гимmlера (*Heiber H. Reichsführer!..*); см. в порядке цитирования: S. 194, 222 f., 251, 145, 95, а также предисловие Хейбера, в частности. S. 22 f.

¹⁰¹ *Zoller A.* Op. cit. S. 73, а также: *Libres propos.* P. 123. *Hitler A.* Mein Kampf. S. 723. О вере Гитлера в самые немыслимые теории см.: *Hitlers Tischgespräche.* S. 166 f., S. 333.

и что он, «подобно Моисею, лишь издали увидит эту Землю обетованную»¹⁰².

Чередой постоянных поражений, начавшихся летом 1943 года, отодвинула его мечту еще дальше. После провала немецкого наступления на Курской дуге Красная армия неожиданно перешла в контрнаступление и, вводя в бой казавшиеся неисчерпаемыми резервы, опрокинула отчаянно сопротивлявшиеся соединения вермахта. На южном участке советско-германского фронта соотношение сил было 1:7, а на участках групп армий «Север» и «Центр» — приблизительно 1:4. К этому прибавились еще и партизанские соединения, поддерживавшие по точно согласованным планам советское наступление и разрушившие, например, только в течение августа железнодорожные пути в немецком тылу на 20 000 участков. В начале августа Красная армия захватила Орел, примерно три недели спустя — Харьков, 25 сентября — Смоленск, а затем и Донбасс. В середине октября она уже была под Киевом.

Не менее фатально развивались в это время события и в Средиземноморье. Несмотря на все увещевания и уступки с немецкой стороны, с началом весны появились явные признаки того, что Италия находится на пороге краха. Муссолини, усталый и больной человек, все в большей степени терявший контроль над ситуацией, превратился в неубедительно жестикулирующую марионетку дергавших его со всех сторон группировок. В середине апреля он встретился с Гитлером в Зальцбурге и под давлением своего окружения выразил готовность назвать партнеру по «оси» те условия, на которых Италия будет продолжать войну, в частности он повторил и требование о заключении мира на Востоке, которое безуспешно выдвигал еще за несколько недель до этого. Но и тут он оказался не в состоянии противостоять гипнотизирующему потоку слов Гитлера. Как последний позже резюмировал, дуче по прибытии выглядел «сломленным старцем», а уезжая четыре дня спустя, производил впечатление «воспрянувшего, готового действовать человека»¹⁰³.

И уже через три месяца — 19 июля 1943 года — обострившееся положение вновь свело обоих в Фельтре в Северной Италии. За это время союзники захватили Тунис и Бизерту,

---

¹⁰² Hitlers Tischgespräche. S. 186; предыдущую цитату см.: *Kluge P.* Op. cit. S. 269.

¹⁰³ *Goebbels J.* Tagebücher, 1942/43. S. 319.

взяли в плен пополненные — вопреки совету Роммеля — до 250 000 человек войска в Африке и, открыв в середине июля высадкой в Сицилии Второй фронт, изготовились к «нанесению удара в мягкое подбрюшье «оси»». Теперь Муссолини намеревался получить у Гитлера согласие на расторжение союза и доказать ему, что выход Италии из войны отвечает и немецким интересам, потому что тогда вермахт сосредоточит свои силы на защите альпийской линии. Но Гитлер снова отказался от каких бы то ни было обсуждений. Применив все свое искусство убеждения, он пытался уговорить явившегося на встречу в окружении своих генералов Муссолини держаться до последнего. Три часа подряд он на немецком языке, не давая возможности говорить переводчику, непрерывно убеждал бледного и рассеянного дуче, которого куда больше волновали непрерывно поступающие, хотя и излишне драматизированные сообщения о первом большом воздушном налете на Рим, нежели рассчитанные на века перспективы Гитлера. Есть только одна возможность — либо бороться и победить, либо погибнуть — такова была единственная, упорно повторявшаяся в каждой фразе мысль Гитлера. «Если бы мне кто-то сказал, что мы можем оставить нашу задачу грядущим поколениям, то я бы ему ответил: это не тот случай. Никто не может сказать, будет ли грядущее поколение поколением гигантов. Германии понадобилось 30 лет, чтобы прийти в себя, Рим так и не поднялся. Таков язык истории»¹⁰⁴.

Однако Муссолини и тут промолчал. Манящий зов истории, сохранявший для него такое очарование на протяжении всей его жизни, казалось, уже был столь же не в силах вырвать его из подавленного состояния, как и пробудить в нем простую волю к самоутверждению. В последующие дни, после возвращения в Рим, он остался таким же застывшим в своей пассивности — при том, что, как и все его окружение, он чувствовал, что его вот-вот свергнут. Будучи в курсе намерения заговорщиков лишить его власти и заменить триумvirатом из числа высокопоставленных фашистов, он тем не ме-

---

¹⁰⁴ Hitler e Mussolini. P. S65 f.; цит. по: *Bullock A. Op. cit. S. 718 f.* Шмидт свидетельствует, что Гитлер «просто отчитал» Муссолини. Муссолини же был «настолько взволнован» известием о воздушном налете на его столицу, что, «вернувшись в Рим, он срочно затребовал отсюда мои записи бесед. Он, как нам было сказано, не все уловил». Цит. по: *Schmidt P. Op. cit. S. 567.*

нее не воспрепятствовал созыву Большого фашистского совета в ночь на 25 июля. Одного из близких ему людей, посоветовавшего ему в последнюю минуту разгромить заговор, он попросил помолчать. Молча и словно в изумлении, высидел он и тот эмоциональный, продолжавшийся в течение десяти часов суд над собой. На следующий день его арестовали¹⁰⁵. Ни один человек не вступился за дуче. Безмолвно, после столь долгого пароксизма и театрального возбуждения, Муссолини и фашизм исчезли из общественной жизни. Назначенный главой правительства маршал Бадольо распустил фашистскую партию и удалил ее функционеров со своих ответственных постов.

Хотя нельзя сказать, что Гитлер был не готов к этому, но свержение Муссолини все же глубоко потрясло его. Итальянский диктатор был единственным государственным деятелем, к кому он питал определенную личную привязанность. Правда, куда больше его беспокоили политические последствия этого события, особенно слишком явные «параллели с Германией», которые, как следовало из донесений СД, невольно возникали у общественности. «*Simul stabant, simul cadent*» («То же стояло — тот же навоз») — так охарактеризовал Чиано еще за годы до того идентичность обеих систем¹⁰⁶. Примечательно, что Гитлер отказался выступить с речью, но приказал принять решительные меры для предотвращения беспорядков. Затем он — быстро и не без осмотрительности — отдал приказ о разработке плана по освобождению Муссолини (операция «Эйхе»), по военной оккупации Италии (операция «Шварц»), а также по захвату Бадольо и короля с целью восстановления фашистского режима (операция «Штудент»). На вечернем обсуждении обстановки 25 июля он отверг предложение Йодля дождаться сначала более подробной информации:

«В одном можно не сомневаться: совершив предательство, они, разумеется, заявят, что будут продолжать борьбу, —

---

¹⁰⁵ На заседании большинство членов Большого фашистского совета (из 28 членов воздержался Д. Суардо, а против проголосовало 7 человека) выступило за отставку Муссолини. После окончания заседания Муссолини отверг предложение Э. Гальбати арестовать заговорщиков. 25 июля Муссолини был вызван в королевский дворец и арестован капитаном карабинеров Виньери и на карете «Скорой помощи» доставлен в казармы карабинеров на виа Квинтино Селла, а затем в кадетский корпус на виа Льяноно. — *Прим. науч. ред.*

¹⁰⁶ *Ciano G.* Op. cit. S. 33, а также: *Boberach H.* Op. cit. S. 424.

это же совершенно ясно. Но это — предательство, и борьбу они продолжать как раз не будут... Правда, этот тип [Бадольо] сразу же заявил: война продолжается, тут ничего не изменилось. — Им приходится так делать, потому что это — предательство. Но и с нашей стороны будет вестись точно такая же игра, будет готовиться все, чтобы молниеносно захватить весь этот сброд, убрать эту шайку. Я завтра же пошлю человека, который передаст командиру 3-й моторизованной дивизии приказ немедленно двинуться со специальной группой на Рим, арестовать правительство, короля, всю эту банду, а в первую очередь сразу же арестовать кронпринца и захватить это отребье, прежде всего Бадольо и весь этот сброд. Тогда вы увидите, как у них поджилки затрясутся, и через 2—3 дня будет еще один переворот»¹⁰⁷.

Поздно вечером, перегруппировывая находившиеся на итальянской территории соединения и выделяя дополнительные силы, Гитлер почувствовал позыв к тому, чтобы оккупировать и Ватикан. «Там ведь торчит главным образом весь этот дипломатический корпус», а все возражения он отмел лапидарным замечанием: «Все это чепуха. Тут весь сброд, вот этот сброд свинячий и вытащим». А потом, добавил он, можно будет и извиниться. Правда, в конечном счете он отказался от этой мысли. И все же ему удалось так усилить свои войска в Италии, что, когда Бадольо заключил вскоре с союзниками соглашение о прекращении огня, немцы смогли за несколько часов справиться с численно превосходившими их итальянскими войсками и занять все ключевые позиции в стране.

Муссолини же после его ареста в течение нескольких дней перевозили из одного места в другое, пока он не был вызволен командой немецких десантников из горного отеля на Гран-Сассо¹⁰⁸. Свое возвращение к власти он воспринял безучастно, так как видел, что фактически лишь изменился антураж его заключения. В октябре ему пришлось уступить Германии Триест, Истрию, Южный Тироль, Триент (Тренто) и Лайбах (Люблян), что он и сделал все с тем же безразличи-

---

¹⁰⁷ Hitlers Lagebesprechungen. S. 315; упоминаемое ниже замечание Гитлера см.: Ebd. S. 329.

¹⁰⁸ Освобождение Муссолини было осуществлено 13 сентября 1943 года отрядом парашютистов СС во главе с Отто Скорцени. — *Прим. науч. ред.*

ем. У него было, собственно, единственное желание — вернуться назад в Романью, откуда он был родом. Мысленно он уже ждал конца. Одной из почитательниц, попросившей у него еще в дни ареста автограф, он написал на своей фотографии: «Mussolini defunto»¹⁰⁸.

Однако эти события не только не убили решимости Гитлера, скорее, наоборот, укрепили ее. Человеческие слабости, половинчатость и предательство, встречавшиеся ему на его пути, лишь обостряли его чувство дистанции и придавали ему то ощущение великой трагической миссии, которая ассоциировалась у него с представлением об историческом масштабе. Как и в годы своего восхождения, когда он обрел свою убежденность в кризисные, по сути дела, периоды, так и теперь с каждым новым поражением у него возрастала вера в себя. Составной частью его чувства пессимизма было то, что свою силу и опору он черпал именно в катастрофах. «До сих пор любое осложнение обстановки оборачивалось для нас в конечном счете ее улучшением», — сказал он как-то в кругу своих генералов¹⁰⁹. Часть того воздействия, которое он по-прежнему оказывал на свое окружение, на скептически настроенных офицеров и неуверенных функционеров, шла, несомненно, от той силы убеждения, коей награждали его удары судьбы. Очевидцы описывают, как, начиная с осени 1943 года, он бродил по мрачным помещениям Ставки, окруженный стеной молчания и презрения к людям. Многим невольно приходила на ум мысль о «постепенно угасающем человеке»¹¹⁰. Но все также подчеркивают и неизменное гипнотическое воздействие, которым он по-прежнему обладал и которое находилось в удивительнейшем противоречии с его внешним обликом. Конечно, эта оценка может быть не свободна от оппортунизма, от интеллектуальной коррумпированности, а кое в чем и от потребности в самооправдании, и все же сама личность Гитлера остается примечательным феноменом энергии, умножающейся как раз при катастрофах.

Ведь все аргументы, которые он еще мог использовать, были сравнительно слабыми. Он любил напоминать о «годах борьбы», поднимая их на щит как великую параболу триум-

---

¹⁰⁸ «Муссолини — мертвец» (итал.) — *Прим. пер.*
См.: Nolte E. Faschismus in seiner Epoche. S. 299.

¹⁰⁹ Hitlers Lagebesprechungen. S. 231 (20.5.1943).

¹¹⁰ Speer A. Op. cit. S. 314.

фа воли и упорства, говорил о «чудо-оружии», с помощью которого он нанесет союзникам удар возмездия за их террор в небе Германии. Немало замыслов он связывал с ожиданием предстоящего раздора в рядах «неестественной коалиции» противника. Но весьма характерным было то, что он не был готов даже рассмотреть возможности сепаратного мира с той или другой стороной. В декабре 1942 года, а потом еще раз летом 1943 года, Советский Союз через свое представительство в Стокгольме дал понять о своей готовности вести переговоры с Гитлером о заключении сепаратного мира. Все более опасаясь, что западные державы ориентируются в своей политике на войну на истощение между Германией и Советской Россией, последняя, наконец, в осторожной форме конкретизировала в сентябре 1943 года свои предложения: восстановление германо-советских границ 1941 года, свобода действий в спорных вопросах о проливах, а также развитие широкомасштабного экономического сотрудничества. Заместитель наркома иностранных дел и бывший посол в Берлине Владимир Деканозов¹¹¹ был готов приступить к обмену мнениями в Стокгольме с 12 по 16 сентября. Но Гитлер отклонил все предложения о переговорах. Он усматривал в этом зондировании тактический маневр СССР, и, действительно, по сей день остается неясным, насколько серьезными были намерения Москвы. Что же касается Гитлера, то его соображения оставались маниакальными и застывшими, они определялись одним, раз и навсегда принятым решением. Своему министру иностранных дел, выступавшему за переговоры с Москвой, Гитлер заявил, пожимая плечами: «Знаете, Риббентроп, если я сегодня замирюсь с Россией, то завтра я начну все снова, — я просто не смогу иначе». Риббентроп справедливо выразил мнение, что Гитлер, вероятно, уже совсем не понимает смысл и возможности политики, для него существу-

---

¹¹¹ Комиссар государственной безопасности 3-го ранга Владимир Георгиевич Деканозов (1898—1953) был одним из приближенных Л.П.Берии. В мае 1938 года он стал заместителем наркома иностранных дел СССР, а с ноября 1940 года по июнь 1941 года также являлся полпредом в Германии. С сентября 1947 года — заместитель начальника Главного управления советского имущества за границей при Совете министров СССР. После смерти И.В. Сталина Деканозов занял пост министра внутренних дел Грузинской ССР. После падения Берии арестован. Расстрелян по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР. — *Прим. науч. ред.*

ют только «победа или смерть». Геббельсу Гитлер в середине сентября тоже сказал, что момент для политических контактов «максимально неподходящий», он сможет вести переговоры только после решающего военного успеха¹¹².

Однако до сих пор решающие военные успехи всегда лишь разжигали его жажду еще больших побед, а теперь о переломе уже нечего было и думать — бог войны, как заметил Йодль, давно уже отвернулся от Германии и перешел в другой лагерь. В 1938 году, в пору великих архитектурных проектов, Альберт Шпеер открыл счет для финансирования строительства исполлинских зданий в столице мира городе Германия. А вот теперь, в конце 1943 года, он, не уведомляя Гитлера, молча закрыл этот счет¹¹³.

---

¹¹² *Goebbels J.* Op. cit. S. 392 ff. По поводу слов Гитлера фон Риббентропу см.: *Ribbentrop J. v. Zwischen London und Moskau.* S. 265, а о мнении самого Риббентропа см.: *Ehlers D.* Op. cit. S. 113.

¹¹³ *Ebd.* S. 155. Замечание Йодля касалось ситуации, сложившейся к концу 1942 года, см.: КТВ/ОКВ. Bd. IV. Hbd. 2. S. 1721.

КНИГА ВОСЬМАЯ

ГИБЕЛЬ

Глава I

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Убить!

*Ответ фон Штауффенберга на вопрос,
как поступить с Гитлером; конец 1942 года*

К началу 1944 года уже развернулись кровопролитные бои за обладание «крепостью Европа» — войска Гитлера отступали на всех фронтах. На юге англо-американские армии достигли Центральной Италии. Преимущество в технике, которое они имели в первую очередь благодаря своим радиолокационным системам, дало им возможность развернуть практически круглосуточную войну в воздухе и, кроме того, вынудило Германию на какое-то время свернуть подводную войну. На Востоке Красная армия, непрерывно наступая, уже приблизилась к тем полям сражений, где немецкие армии одерживали свои первые крупные победы летом 1941 года. Линии обороны трещали и рушились на всех театрах военных действий, а Гитлер по-прежнему лишь повторял свой тезис о необходимости сопротивляться до последней капли крови, вновь демонстрируя тот факт, что его полководческий гений проявляется только в обстановке наступления. Поспешное отступление лишало его возможности осуществлять свое намерение — оставлять противнику «полностью выжженную, лежащую в руинах территорию»¹. Но все равно уже эта территория представляла собой

---

¹ Так писал Генрих Гиммлер, ссылаясь на Гитлера. Необходимо добиться, говорилось в его письме от 7.9.1943 высшему руководите-

сцену для чудовищной драмы. Вокруг гигантских костров, над которыми возвышались облитые бензином ржавые металлические конструкции, лихорадочно и в полном молчании работают люди из «специальной команды 1005», чье задание отыскивать бесчисленные массовые захоронения почти трехлетнего периода немецкого господства, выкапывать трупы и устранять все следы злодеяний². Огромные клубы черного дыма поднимались над этими кострищами. Режим отрекался от своих видений и сводил их к *idée fixe*³.

Как только проявился паралич гитлеровского режима, повсюду в Европе стало поднимать голову движение Сопротивления. Его движущей силой стали прежде всего коммунисты, но участие в Сопротивлении принимали и представители офицерских союзов, католической церкви и групп интеллигенции. В некоторых странах — в Югославии, Польше да и во Франции — партизаны объединялись в почти настоящие воинские соединения, выступавшие как «Армия Отечества» или «Внутренняя армия» и навязывавшие оккупационным властям ожесточенную кровопролитную войну⁴. На постоян-

---

лю СС и полиции на Украине Прютцману, чтобы «не осталось ни одного человека, ни одного домашнего животного, ни центнера зерна, ни одной рельсы; чтобы не сохранился ни один дом, ни одна шахта, для восстановления которой не потребовались бы годы, ни одного колодца, который не был бы отравлен. Враг должен обнаружить действительно полностью выжженную и разрушенную страну... Сделайте для этого все, что в человеческих силах». Цит. по: *Heiber H. Reichsführer!..* S. 233.

² Зондеркоманда 1005 действовала в июле 1942 — октябре 1944 года на территории Прибалтики, Белоруссии, Украины и Польши. В ее задачу входило уничтожение следов нацистских преступлений — прежде всего массовых захоронений расстрелянных евреев и местного населения. Командир — штандартенфюрер СС Пауль Блобель. — *Прим. науч. ред.*

³ См.: *Henkys R. Die nationalsozialistischen Gewaltverbrechen.* S. S24.

⁴ «Армия Отечества» (Армия Крайова) — название польской подпольной армии, контролируемой лондонским эмигрантским правительством; «Внутренняя армия» — одна из организаций французского Сопротивления. Наиболее организованной была Национально-освободительная армия Югославии (НОАК), контролируемая коммунистами. В данном случае пример Франции не совсем корректен — централизованное движение Сопротивления, превратившееся в настоящие партизанские вооруженные силы, скорее характерно не для этой страны, а для Балканских стран (и Польши), кроме упомянутой Югославии: Греция, Албания и др. — *Прим. науч. ред.*

но возраставшее число покушений и актов саботажа немцы отвечали экзекуциями, увеличивая количество заложников, — смерть одного часового каралась нередко расстрелом 20, 30 и более жертв. Акт мести, совершенный солдатами дивизии СС «Дас Рейх» в отношении жителей французской деревни Орадур-сюр-Глан (где погибло 600 ни в чем не повинных людей) ⁵ явился апогеем этой безжалостной «маленькой войны». Знаменитая операция Тито по прорыву на Неретве или Варшавское восстание лета 1944 года стали легендами европейского Сопротивления — столь же известными, как и крупнейшие сражения Второй мировой.

Одновременно вновь активизировалась оппозиция и в самой Германии. В минувшие годы она терпела поражение за поражением перед лицом сперва дипломатических, а затем военных успехов Гитлера — его победа над Францией стала кульминационной точкой этого процесса. Но теперь перелом в войне снова дал жизнь подавленным было сомнениям, которыми всегда сопровождался этот режим, в том числе и в минуты восторгов и безудержных торжеств. После Сталинграда, а затем новых поражений зимой 1943/1944 года в Германии какое-то время царило странное настроение, представлявшее собой смесь страха, усталости и апатии и

---

⁵ Летом 1944 года 2-я танковая дивизия СС «Дас Рейх» под командованием группенфюрера СС Г. Ламмердинга вела тяжелые бои на севере Нормандии. Получив задание ликвидировать партизанский отряд, действовавший в районе Лиможа, дивизия одновременно должна была деблокировать небольшой гарнизон Туля. Части полка «Фюрер» рассеяли партизан, блокировавших город, и обнаружили там изуродованные трупы 40 немецких солдат, которые сдались в плен французам и были зверски убиты. В это же время партизаны похитили двух офицеров дивизии — оберштурмфюрера СС Герлаха и штурмбаннфюрера СС Кампфе. Кампфе был застрелен, но Герлаху удалось бежать. Вернувшись, он сообщил командиру полка штандартенфюреру Штадлеру, что его держали в деревне Орадур. Расследование этого дела было поручено штурмбаннфюреру СС Дикману, которому была придана рота полка. По ряду сведений, направляясь в деревню, Дикман наткнулся на остатки немецкого полевого госпиталя, который подвергся нападению партизан: раненные были убиты на месте, а врачи и медсестры заперты в автофургоне и сожжены заживо. Прибыв в Орадур, Дикман приказал согнать всех жителей деревни на главную площадь и приступить к «экзекуции». Было расстреляно и сожжено 642 человека, в том числе 207 детей. Дикман был отдан под трибунал, но вскоре погиб в бою и дело было прекращено. — *Прим. науч. ред.*

придавшее усилиям оппозиции новый стимул и определенную надежду на поддержку общества. Озабоченность тем, как бы после стольких разочарований прошлых лет шанс не оказался в очередной раз, а значит и навсегда, сорван быстро надвигавшимся поражением, чрезвычайно укрепила решимость к активным действиям. Но в то же время это обстоятельство послужило и поводом для столь часто высказываемого упрека, будто немецкое Сопротивление было, по сути, оппортунистическим. Оно решилось пойти на свержение режима только тогда, когда тот и без того уже рушился, и являлось всего лишь обдуманым актом отчаяния нескольких националистов.

От внимательного взгляда наблюдателя не могут ускользнуть те трудности, с которыми Сопротивление столкнулось в начале 1944 года. Еще за некоторое время до этого гестапо обнаружило «Центральное бюро» Сопротивления — аппарат Остера и арестовало нескольких его ведущих сотрудников, тогда как Канарис в значительной мере растерял свои связи, а Бек из-за тяжелой болезни оказался вне игры. Кроме того, свержение Муссолини послужило для Гитлера серьезнейшим сигналом тревоги и сделало его еще более подозрительным. Намного строже, чем прежде, засекречивал он теперь все свои поездки, его персонал получал указание скрывать все, относящееся к распорядку дня фюрера, даже от таких высокопоставленных фигур, как Геринг и Гиммлер. Да и вообще, когда намечалось появление Гитлера на публике, то он в большинстве случаев резко и неожиданно менял программу — иногда буквально за минуту до выхода. Даже в Ставке он носит тяжелую, укрепленную пластинами фуражку, постоянно сползающую ему на уши. В его выступлении по радио 10 сентября, посвященном событиям в Италии, прозвучали не лишние угрожающего подтекста слова относительно лояльности его «фельдмаршалов, адмиралов и генералов». Там же Гитлер дал отпор надеждам врагов «найти сегодня предателей, как в Италии» и в немецком офицерском корпусе⁶.

Дилемма, перед которой оказались активные противники режима в Германии, была связана с трудно поддающимся расшифровке комплексом мотивов, препятствий и слабых мест. Естественно, играли тут свою роль и традиционные принципы воспитания, создававшие своеобразный фон

---

⁶ Domarus M. Op. cit. S. 2038.

конфликта. Но если в европейском Сопротивлении национальный и нравственный долг почти полностью совпадали друг с другом, то здесь имело место резкое, подчас неразрешимое столкновение норм морали. Многие главные действующие лица — в первую очередь, из рядов военной оппозиции — при всей их многолетней конспирации так и не преодолели в итоге тот последний эмоциональный барьер, за которым то, что ими планировалось, казалось им самим изменой Родине, новым «ударом кинжалом в спину» и предательством традиционных немецких ценностей. В противоположность европейскому Сопротивлению, их действия должны были первым делом принести отнюдь не свободу, а поражение и добровольную сдачу на милость ожесточившемуся противнику. Только высокомерная мораль может не считаться с этим конфликтом в среде тех, кто при всей своей ненависти к Гитлеру и при всем отвращении к совершенным нацистами преступлениям не мог забыть ни преступлений Сталина, ни ужасов «красного террора», ни страшных чисток — вплоть до жертв Катыни.

Такого рода сомнения накладывали свой отпечаток и на те бесконечные дискуссии, всю серьезность которых сегодня проследить лишь частично: о том, как скажется нарушение присяги на самом клятвопреступнике, об обязанности подчинения приказу и конечно же главным образом о покушении, которое одним представлялось неизбежным и единственно возможным, в то время как другие ставили под сомнение его безупречность в плане морали⁷ и до самого последнего момента отвергали эту идею. Но как те, так и другие в своей собственной стране находились в изоляции, а с неизбежным расширением круга посвященных усиливалась угроза слежки со стороны гестапо и СД и возрастала опасность доносов. Кроме того, свободе действий мешала зависимость планов заговорщиков от текущих событий: насколько каждая победа Гитлера ослабляла шансы государственного переворота

---

⁷ Это касается, к примеру, графа Гельмута Дж. фон Мольтке и большинства его друзей по «кружку Крейсау». Самому фон Мольтке Дж. Кеннан, например, дал такую характеристику: «Это — высоко-нравственная личность и в то же время человек с поистине глобальными и даже судьбоносными идеями, подобного которому я во время Второй мировой войны не встречал ни по эту, ни по ту сторону фронта»; см.: *Kennan G.F. Op. cit. p. 121.*

внутри страны, настолько же каждое поражение уменьшало его шансы в глазах союзнической коалиции, обойтись без поддержки которой было невозможно.

На фоне этих обстоятельств история немецкого Соппротивления — это история терзаний, противоречий и растерянности. Правда, источники порой заставляют подозревать, что добрая часть сомнений, терзавших борцов Соппротивления, была продиктована манией драматизации проблем. Они искали в этой безысходности предлог к уклонению от необходимости совершения поступка. Другие опасения, в частности среди значительной части высших офицеров, служили поводом для того, чтобы прикрыть собственную моральную инертность. Но как бы ни относиться ко всем этим обстоятельствам, бесспорным остается то, что над всеми высказываниями и делами доминирует несомненное глубокое отчаяние. В нравственном отношении оно вытекало не столько из чувства внешней немощности перед лицом террористического режима, сколько из внутреннего бессилия людей, которые осознали анахроничный, тормозящий характер своих представлений о ценностях, но все равно так и не сумели преодолеть его. Примечательно, что все эти беки, гальдеры, вицлебены и канарисы, как ни презирали они Гитлера, находили тысячу препятствий, мешавших им решиться на поступок, и после первой неудачи осенью 1938 года уже не проявляли больше никаких самостоятельных инициатив. И только вступление в дело какого-то количества молодых, не отягощенных предубеждениями офицеров придало этому измотанному доводами и контрдоводами предприятию новую энергию. Один из них — полковник фон Герсдорф — проиллюстрировал это противоречие в одной из своих записей, рассказав, как генерал-фельдмаршал фон Манштейн в ходе одного разговора всеми силами уклонялся от ответа на вопрос, готов ли он встать в ряды заговорщиков, а потом, в образовавшейся паузе, при всеобщем молчании спросил: «Вы что же, хотите его убить?!». Он получил лапидарный ответ: «Так точно, господин генерал-фельдмаршал, — как бешеную собаку!»⁸

Начиная с весны 1943 года заговорщики предпринимали новые попытки покушения. Все они провалились — то отказывает техника, то проявляется чутье на опасность самого Гитлера, то вмешивается какая-то непостижимая, никоим обра-

---

⁸ См.: *Ehlers D.* Op. cit. S. 92.

зом не могущая быть предусмотренной случайность. Два взрывных устройства, подложенных Хеннингом фон Тресковом и Фабианом фон Шлабрендорфом после посещения Гитлером штаба группы армий «Центр» в середине марта 1943 года в самолет фюрера, не сработали. Намерение фон Герсдорфа восемь дней спустя взорвать себя вместе с Гитлером и другими главарями режима во время осмотра ими выставки в берлинском цейхгаузе сорвалось, потому что Гитлер сократил свое пребывание там до 10 минут и взрыватель не успел сработать. План полковника Штиффа взорвать бомбу во время обсуждения положения на фронте в Ставке фюрера провалился из-за того, что взрыв произошел раньше времени. Чтобы избежать неудачи, постигшей фон Герсдорфа, молодой пехотный капитан Аксель фон дем Буше в ноябре заявил заговорщикам о своей готовности во время демонстрации нового военного обмундирования броситься на Гитлера, схватить его и в тот же момент дать сработать взрывателю, но за день до того бомба союзников уничтожила подготовленные для демонстрации образцы. Когда же фон дем Буше вновь появился в декабре с заново пошитым обмундированием, Гитлер неожиданно решил уехать в Берхтесгаден и сорвал тем самым не только этот план, но и намеченное на 26 декабря покушение одного полковника из Общего управления сухопутных войск, который собирался в своем портфеле пронести в Ставку фюрера бомбу с часовым механизмом⁹. Так впервые появился на сцене человек по имени Клаус Шенк фон Штауффенберг¹⁰. Так как фон дем Буше был вскоре тяжело ранен, в распоряжение заговорщиков предоста-

---

⁹ В большинстве случаев покушения терпели крах из-за нежелания покушавшихся жертвовать собой — они прежде всего полагались на технику, дававшую им возможность не погибнуть вместе с Гитлером. Авантюра фон дем Буше в данном случае исключение. Штауффенберг также не собирался жертвовать жизнью ради убийства Гитлера, что в конечном итоге и привело к провалу покушения. — *Прим. науч. ред.*

¹⁰ Полковник граф Клаус Филипп Мария фон Шенк фон Штауффенберг (15.11.1907—20.7.1944) был праправнуком генерала графа Н. фон Гнейзенау. Участвовал в оккупации Судетской области, Польской и Французской кампаниях. В 1940—1943 годах служил в Организационном отделе Генерального штаба, а в 1943 году переведен в Северную Африку. 7 апреля 1943 года его автомашина была атакована английскими самолетами и он был тяжело ранен, потерял левый глаз, два пальца левой руки и правую руку. С октября 1943 года — начальник штаба Общего управления сухопутных войск. — *Прим. науч. ред.*

вил себя другой молодой офицер — Эвальд Генрих фон Клейст, но Гитлер по неизвестным причинам на назначенной на 11 февраля демонстрации обмундирования так я не появился. Попытка ротмистра фон Брейтенбуха застрелить Гитлера во время совещания в «Бергхофе» сорвалась, потому что охранники-эсэсовцы — якобы по распоряжению Гитлера — не пустили его в большой зал¹¹. Неудачей закончился и еще ряд «покушений».

Почти столь же безуспешными были попытки заговорщиков обеспечить свою акцию во внешнеполитическом плане и получить от Западных держав определенные уступки в случае удачи государственного переворота. Непрерывные, предпринимавшиеся самыми разными путями усилия вступить с ними в контакт так и окончились ничем. Конечно, сдержанность государственных деятелей стран коалиции достаточно понятна: у них не было желания связывать себе руки накануне ставшей теперь уже очевидной победы, а также они опасались вызвать недовольство Советского Союза. Равным образом следует принять во внимание и то обстоятельство, что, будучи уже уверенными в победе, они не пытались разобраться в хитросплетении морально-политических конфликтов в среде немецких заговорщиков. Что же касается Рузвельта и Черчилля, а также некоторых из их советников, то эта сдержанность усугублялась еще и их явно антинемецкой позицией. А она как раз и была направлена против того типа немцев, которые считали себя носителями нового строя, — они были для США и Великобритании лишь олицетворением позавчерашнего строя: «милитаристы», «пруссские юнкеры», «генштаб».

Недоверие со стороны Западных держав должно было еще более возрасти, когда в 1943 году на периферии Сопротивления вдруг на какое-то мгновение всплыл не кто иной, как Генрих Гиммлер. Обеспокоенный похожим на болезнь упрямством Гитлера и подталкиваемый кое-кем из своего окружения, он получил медицинское заключение, откровенно называвшее состояние Гитлера болезнью, и вслед за этим,

---

¹¹ О многочисленных попытках покушения в 1943—1944 годах см. детальное исследование П. Гоффмана: *Hoffmann P. Op. cit. S. 309 ff.*, а также: *Ehlers D. Op. cit. S. 126 ff.*, *Zeiler E. Geist der Freiheit. S. 221 ff.*, *Schlabrendorff F. v. Op. cit. S. 88 ff.* Не до конца выясненной остается готовность Штиффа лично осуществить покушение; см. в этой связи сведения, которые приводит П. Гоффман: *Hoffmann P. Op. cit. S. 776.*

хотя и продолжая все время колебаться, согласился на то, чтобы шеф разведывательной службы СД Вальтер Шелленберг¹² прозондировал через Испанию, Швецию и различных американских посредников возможности компромиссного мира без Гитлера и против Гитлера¹³. Эти инициативы совпали с попытками ряда заговорщиков-консерваторов столкнуть друг с другом ключевые фигуры режима и расширить сеть Сопротивления вплоть до сфер СС, полиции и гестапо. 26 августа 1943 года состоялась встреча прусского министра финансов Йоханеса Попица¹⁴ с Генрихом Гиммлером, ставшая — во всяком случае, для оппозиции — свидетельством того, насколько неуверенно чувствовали себя главари режима. Но затем эти нити оборвались, причем почти одновременно везде. Всем устремлениям по достижению досрочного мирного урегулирования с максимальной решимостью противилась прежде всего Великобритания, а тем временем главные действующие лица самой оппозиции увязли в ожесточенных спорах. Конечно, Попиц и сторонники единого Сопротивления рассчитывали в случае успеха планировавшегося ими государственного переворота переиграть Гиммлера и СС и вернуться к правовому государству. Здесь в очередной раз проявились самонадеянные иллюзии консерваторов времен

---

¹² Бригадефюрер СС, генерал-майор полиции и войск СС Вальтер Шелленберг (16.1.1910—31.3.1952) в 1941—1945 годах фактически (с февраля 1943 года официально) возглавлял VI управление Главного управления имперской безопасности, занимавшееся вопросами иностранной разведки. После окончания войны приговорен Американским военным трибуналом в Нюрнберге по делу Вильгельмштрассе к 6 годам тюремного заключения. В декабре 1950 года освобожден. — *Прим. науч. ред.*

¹³ См.: *Schellenberg W.* Op. cit. S. 279 ff. О полученном Гиммлером медицинском заключении см.: *Kersten P. Totenkopf und Treue.* S. 209 ff. Ознакомившись с этой врачебной справкой, которая, правда, была составлена без проведения обследования, Керстен пришел к выводу, что Гитлеру следовало срочно отправляться в лечебницу для нервных больных, а не пребывать в Ставке фюрера. О проблеме «сопротивления» СС в целом, его побудительных мотивах и конкретных инициативах см.: *Höhne H.* Op. cit. S. 448 ff.

¹⁴ Доктор права Йоханес Попиц (2.12.1884—2.2.1945) в 1933 году назначен имперским комиссаром прусского министерства финансов и прусским министром без портфеля. После провала Июльского заговора 1944 года арестован. Повешен по приговору Народной судебной палаты. — *Прим. науч. ред.*

весны 1933 года — даже временный прагматичный союз с одной из наиболее одиозных фигур режима неминуемо компрометировал сам смысл Сопротивления. Некоторые из молодых офицеров во время дискуссии в штабе группы армий «Центр» с возмущением заявили адмиралу Канарису, что они не станут подавать ему руки, если дело дойдет до планируемого контакта с Гиммлером¹⁵.

Такие расхождения во взглядах, да и вообще весь этот своеобразный разброд настроений, доминировавший в немецком Сопротивлении, подчеркивают, что оно отнюдь не было единым и что само понятийное обобщение здесь, строго говоря, отсутствует. Сопротивление было неустойчивым союзом многочисленных, характеризовавшихся личными и групповым антагонизмами фракций, которые объединяло только их враждебное отношение к режиму. При этом наиболее четко выделяются здесь три группы: получивший название по силезскому имени графа Гельмута Джеймса фон Мольтке¹⁶ Крейсау кружок, рассматривавший себя преимущественно как дискуссионный клуб немного эмфатических друзей с обновленческими воззрениями как христианского, так и социалистического толка и, как это и соответствовало ограниченным возможностям кружка из гражданских лиц, видевший задачу переворота прежде всего в воодушевлении примером. «Нас повесят, потому что мы вместе думали», — писал фон Мольтке в одном из своих последних писем из заключения, будучи чуть ли не счастлив из-за того, что смертным приговором подтверждалась сила их духа¹⁷. Существовала также группа, состоящая из представителей консервативно-нацио-

---

¹⁵ *Schlabrendorff P.* v. Op. cit. S. 91.

¹⁶ Граф Гельмут Джеймс фон Мольтке (11.3.1907—23.1.1945) — внучатый племянник генерал-фельдмаршала Гельмута фон Мольтке; его мать Дороти Розе-Иннес — англичанка африканского происхождения, дочь верховного судьи Южно-Африканского Союза. 18 января 1944 года арестован гестапо. Повешен по приговору Народной судебной палаты. — *Прим. науч. ред.*

¹⁷ Цит. по: *Ehlers D.* Op. cit. S. 102. Распространенным заблуждением является выдвинутая впервые, видимо, А. Буллоком та точка зрения, что участники «кружка Крейсау» не шли дальше рассуждений и даже гордились тем, что с презрением относятся к насильственным деяниям любого рода (*Bullock A.* Op. cit. S. 739). См. в этой связи прежде всего: *Roon G. van.* Neuordnung und Widerstand, где на многих убедительных фактах, пожалуй, полностью доказывается вся несостоятельность такой точки зрения.

нальной элиты во главе с бывшим бургомистром Лейпцига Карлом Гёрделером и бывшим начальником Генерального штаба сухопутных войск Людвигом Беком. Они, не имея правильного представления о фатальных последствиях гитлеровской политики, по-прежнему претендовали на руководящую роль Великой Германии в Европе. Они даже оспаривали право считаться любой альтернативой имперскому экспансионизму Гитлера, в то время как сами они — в первую очередь, в силу своих авторитарно-государственных амбиций — рассматривали себя как продолжение антидемократической оппозиции веймарских времен. Это, кстати, дало фон Мольтке повод обозвать их «гёрделеровским дерьмом»¹⁸. И, наконец, группа молодых офицеров, куда входили фон Штауффенберг, фон Тресков, Ольбрихт и другие. Они едва ли были твердыми приверженцами какой-либо идеологии, хотя прежде всего искали контакт с левыми и в противоположность, скажем, Беку и Гёрделеру — рассчитывали путем государственного переворота добиться сближения не с Западными державами, а скорее — с Советским Союзом. Бросается в глаза, что многие из них происходили из старой прусской аристократии, были среди них также служители церкви, профессора, высокопоставленные чиновники. Если говорить в целом, то двигало ими отнюдь не представление о Соппротивлении с изначально консервативных или либеральных позиций (хотя были тут и несколько социал-демократов). Дело в том, что левые еще не оправились от преследований, да и к тому же они боялись союза с офицерами как «пакта с дьяволом»¹⁹. Примечательно, что среди всего Соппротивления не нашлось ни одного крупного государственного деятеля Веймарского периода. Не было тут и представителей низших групп среднего сословия, равно как и предпринимателей. Одни застыли в тупой лояльности маленького человека, не ввязывающегося в то, что не касается его лично. Другие признавали традиционный немецкий альянс интересов промышленников и политической власти, во все

---

¹⁸ См. *Ehlers D.* Op. cit. S. 93; о принципиальных возражениях относительно заговорщиков из числа немецких националистов см., например: *Arendt H.* *Eichmann in Jerusalem*. S. 134 f.

¹⁹ Это свидетельство Густава Дарендорфа. Цит. по: *Ehlers D.* Op. cit. S. 93. Герман Маас тоже заявил, что социалисты рассматривали сотрудничество с генералами и консервативными элементами лишь как временное. В случае успеха государственного переворота они немедленно взяли бы власть в свои руки.

времена внемлющий призыву общности предпринимательства и государства, который хотя и обернулся выдающимися достижениями в экономике, но в то же время привел их потом на скамью подсудимых на нюрнбергских процессах²⁰. Наконец, в рядах Сопротивления почти не было рабочих — хотя их оппозиция и была намного шире, чем это отмечалось историографией вплоть до сегодняшнего дня. Тем не менее она оказалась намного меньше, чем этого требовала роль «великого исторического антагониста». В принципе то, что они совершали, вообще было не настоящим Сопротивлением, а скорее рядом демонстраций — бессловесным, лишенным какого-либо плана и словно бы так и оставшимся парализованным с момента поражения 1933 года и крушения прекрасной мечты о мощи и роли пролетариата²¹. К тому же и те, и другие были запуганы, были физически и психологически изму-

---

²⁰ Имеются в виду процессы Американского военного трибунала в Нюрнберге по делу концернов Круппа, Флика и «ИГ Фарбенинду-стри». Надо отметить, что приговоры были не очень суровыми (тем более что большинство подсудимых было освобождено досрочно). — *Прим. науч. ред.*

²¹ Опросы среди рабочих, проведенные по инициативе члена «кружка Крейсау» иезуитским священником Альфредом Дельпом, показали весьма неутешительные результаты. Меморандумы фон Тротты также свидетельствовали о большой пассивности рабочих; см.: *Mommsen H. Gesellschaftsbild und Verfassungspläne des deutschen Widerstands*. In: *Schmitthenner W., Buchheim H.* (Hrsg.) *Der deutsche Widerstand gegen Hitler*. S. 75. Опрос общественного мнения, организованный социал-демократами в 1942 году, привел их к такому выводу: «Мы не сможем вывести массы на улицы»; см.: *Henk E. Die Tragödie des 20. Juli 1944*. Heidelberg, 1946. S. 21 ff., а также: *Duties A.W. Verschwörung in Deutschland*. S. 138. К вопросу о левом Сопротивлении в целом см. прежде всего: *Weissenborn G. Der lautlose Aufstand*. Кстати, сколько-нибудь заметное сопротивление левых радикалов в годы войны проявилось только после нападения на Советский Союз. Центром этого сопротивления была так называемая «Красная капелла» под руководством обер-лейтенанта Харро Шульце-Бойзена и старшего правительственного советника Арвида Харнака, которые в том числе занимались и шпионажем в пользу СССР. В августе 1942 года было арестовано около 100 человек, связанных с этой организацией, и вскоре большинство из них казнено. Другая группа под руководством Антона Зефкова была арестована в начале июля 1944 года. Как это будет показано ниже, она сыграла определенную роль в принятии Штауффенбергом решения о незамедлительном переходе к действиям.

чены войной. То, что имеет право называться Соппротивлением, было Соппротивлением «сверху».

Оно оставалось изолированным со всех сторон. Помимо всего прочего, в феврале был арестован фон Мольтке, чем был положен конец «кружку Крейсау». Незадолго до того были взяты под стражу оппозиционеры в абвере, так что каждый день следовало ожидать раскрытия заговора. Последняя попытка Гёрделера и Бека остановить неумолимо уходящее время вылилась в апреле 1944 года в направленное в адрес США предложение, в котором заговорщики выражали свою готовность после государственного переворота открыть Западный фронт и дать возможность парашютным частям союзников высадить десант на территории рейха. Ответа вновь не последовало²². Таким образом, уже не оставалось иного пути, как устранить режим, не связывая это ни с какими стратегическими и политическими соображениями, а перейдя целиком и полностью на уровень моральной аргументации. Некоторые из заговорщиков склонялись как будто к мнению, что уже нельзя, да и не следует отказываться от гибели влассителей, — теперь они должны будут испить чашу до дна.

Тем, кто окончательно рассеял возникавшие новые сомнения, был Штауффенберг. Он вовлек в заговор новых людей и, вопреки всем преградам, несмотря на неуклонное требование антигитлеровской коалиции о безоговорочной капитуляции, несмотря на риск возникновения новой легенды «об ударе кинжалом в спину» и упреков в расчетливом оппортунизме, неуклонно держал курс на покушение и государственный переворот. Будучи сам родом из южногерманской аристократической семьи и находясь в родственных отношениях с семьями Йорков и Гнейзенау, он в молодости был близок окружению Стефана Георге, и, если это даже всего лишь легенда, рассказывали, что 30 января 1933 года в Бамберге он шел во главе охваченной восторгом толпы. В любом случае революционное начало и ранние успехи Гитлера он встречал не без одобрения. Однако под впечатлением еврейских погромов 1938 года этот талантливый офицер Генерального штаба впервые стал относиться к режиму скептически, а в ходе войны — в первую очередь, в связи с оккупационной и антиев-

---

²² *Duties A.W.* Op. cit. S. 171; см. также: *Bell G.K.A.* Die Ökumene und die innerdeutsche Opposition. In: *VJHfZ*, 1957. Н. 4. S. 374.

рейской политикой на Востоке — превратился в принципиального противника национал-социализма. Ему было 37 лет, на Североафриканском театре военных действий он потерял правую руку, два пальца на левой и один глаз. Предприятию, прозябавшему в бесчисленных разглагольствованиях и исканиях, он придал организационный фундамент и на место устаревших понятий, заведших многих офицеров в непроходимые дебри сталкивающихся друг с другом ценностей, он поставил почти что революционную решимость. «Давайте посмотрим *in medias res*²³, — начал он разговор с одним из заговорщиков-офицеров, — я при помощи всех имеющихся в моем распоряжении средств занимаюсь государственной изменой»²⁴.

Время торопило. Весной заговорщикам удалось в лице Роммеля привлечь на сторону своих планов не только генерал-фельдмаршала, но и одного из самых популярных полководцев. Примерно в то же время Гиммлер сказал Канарису²⁵, что ему точно известно о планируемом в кругах вермахта мятеже и что он в нужный момент нанесет удар по заговорщикам. Кроме того, со дня на день ожидалось вторжение союзников, которое неминуемо поставило бы крест на любых политических намерениях заговорщиков, а главное — дало бы заостренному в своих традиционных предрассудках офицерам старшего поколения повод для новых сомнений. Когда же, наконец, гестапо арестовало Юлиуса Лебера и Адольфа Рейхвейна²⁶ при их попытке расширить сеть ячеек Сопротивления путем контактов с группой коммунистов

---

²³ В самую суть дела (лат.). — *Прим. пер.*

²⁴ *Ehlers D.* Op. cit. S. 143. Биографию Штауффенберга см.: *Müller Ch.* Oberst i. G. Stauffenberg. Кстати, в день кончины Стефана Георге 4 декабря 1933 года в Минузио под Локарно Штауффенберг с обоими своими братьями и еще восемью друзьями Георге находился у постели умирающего.

²⁵ К этому времени Канарис уже не возглавлял Абвер — 11 февраля 1944 года большая часть абвера была переподчинена Главному управлению имперской безопасности, а Канарис временно изолирован и через два дня назначен на ничего не значащую должность для особых поручений при главнокомандующем вермахта. — *Прим. науч. ред.*

²⁶ Бывший депутат Рейхстага от СДПГ Юлиус Лебер (16.11.1891—5.1.1945) входил в «кружок Крейсау». При составлении заговорщиками списка будущего правительства кандидатура Лебера рассматривалась на пост рейхсканцлера и министра внутренних дел. Он был арестован.

Антон Зэфкова, события потребовали незамедлительного принятия решения.

Даже Штауффенберг, кажется, начал проявлять на какой-то момент сомнения. В своем послании, раскрывавшем одновременно и внутренние побуждения заговорщиков, Тресков²⁷ заклинал Штауффенберга отставить все мысли об успехе или провале и не ждать более. «Покушение должно осуществиться, *coute que coute*²⁸. Даже если их ждет неудача — несмотря ни на что нужно начать операцию в Берлине. Речь идет уже не о достижении какой-либо практической цели, а о том, чтобы участники немецкого движения Сопротивления перед лицом всего мира и истории поставили на карту свои жизни. Все остальное по сравнению с этим — пустяки»²⁹.

В ночь на 6 июня 1944 года из портов Южной Англии в направлении континента двинулся флот вторжения. Армада из 5000 кораблей направлялась к берегам Нормандии, в то время как на флангах предполагавшейся зоны десанта уже высаживались подразделения британских и американских парашютистов. Около трех часов утра за несколько километров от берега были спущены на воду первые десантные лодки, и вскоре, при сильном волнении на море, оставив позади транспортные суда, они устремились вперед. Три часа спустя, когда уже совсем рассвело и они приблизились к берегу, над этой полоской нормандского побережья появились тысячи самолетов, начавшие утюжить немецкие позиции. Одновременно открыли шквальный огонь крупнокалиберные орудия боевых кораблей. В некоторых местах, прежде всего на полуострове Котантен и у устья Орна, сопротивление немцев оказалось

стован 5 июля 1944 года. Повешен по приговору Народной судебной палаты.

Бывший профессор истории Галльской педагогической академии и сторонник социал-демократов Адольф Рейхвейн (8.10.1898—20.10.1944) с 1939 года возглавлял отдел школ и музеев Государственного музея германского фольклора в Берлине. Повешен по приговору Народной судебной палаты. — *Прим. науч. ред.*

²⁷ Активный заговорщик генерал-майор Хенниг фон Тресков (10.1.1901—21.7.1944) занимал пост начальника штаба действовавшей на советско-германском фронте группы армий «Центр». Узнав о провале попытки переворота 20 июля 1944 года, Тресков вышел на ничейную полосу и покончил жизнь самоубийством, симитировав гибель в бою. — *Прим. науч. ред.*

²⁸ Во что бы то ни стало (*франц.*). — *Прим. науч. ред.*

²⁹ *Schlabrendorff P. v. Op. cit. S. 138.*

неожиданно слабым, и высадка прошла успешно. Только на центральном участке, у Вьервилля, американцы натолкнулись на немецкую дивизию, случайно поднятую по тревоге для проведения учений, и попали под ожесточенный заградительный огонь. Обороняющиеся вели стрельбу «по ковру из людей», как было сказано в одном донесении, вдоль всего берега полыхали танки, самоходные орудия и корабли, он был усеян убитыми и ранеными³⁰. К вечеру американцы захватили два небольших плацдарма, а англичане и канадцы — прилегающий участок побережья площадью примерно 300 кв. км. Но главным было то, что союзники уже имели в районе высадки численный перевес.

Неспособность оборонявшихся успешно противостоять войскам союзников вновь продемонстрировала их слабость как в материальном, так и в военном плане. Даже достоверных сведений о предполагаемом времени и месте вторжения Ставке фюрера получить не удалось. Немецкая авиация не сумела обнаружить скопления войск и судов в районе их развертывания в Южной Англии, а сигналы абвера, точно предсказавшего дату высадки, услышаны не были³¹. Главнокомандующий на Западе генерал-фельдмаршал фон Рундштедт еще 30 мая докладывал Гитлеру, что никаких признаков предстоящей высадки не наблюдается, а Роммель, ответственный за оборону побережья³², 5 июня оставил свой штаб и отправился на совещание к Гитлеру в Берхтесгаден. К тому же немецкое военное руководство было убеждено в том, что нападения противника следует ожидать в самом узком месте Ла-Манша, у Па-де-Кале, и поэтому главные силы были сосредоточены именно там. Гитлер же, напротив, руководствуясь своей удивительной «интуицией», говорил, что Нормандия представляет собой не менее подходящий для вторжения район, однако в конечном счете пошел на поводу у своих военных специалистов, тем более, что их мнение, как казалось, подтверждалось действиями противника.

Однако куда более примечательным оказалось замеша-

---

³⁰ См.: *Cartier R.* Op. cit. Bd. II. S. 753.

³¹ См.: *Warlimont W.* Op. cit. S. 452 f. Именно в указании точной даты высадки Гитлер усмотрел доказательство попытки дезинформации; см.: *Speer A.* Op. cit. S. 364.

³² Генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель был в это время командующим группой армий «Б» в Нидерландах. Ему подчинялись 7-я и 15-я немецкие полевые армии. — *Прим. науч. ред.*

тельство немецкого руководства, которое выявило это вторжение. Оно наметилось еще тогда, когда Гитлеру не удалось свести противоположные взгляды своих генералов на способы противодействия высадке союзников в какую-то единую концепцию³³. В конечном итоге расплывчатые компромиссы, усугубленные царившей неразберихой в компетенциях, создали в сфере принятия решений ситуацию, полностью парализовавшую все операции³⁴. 6 июня рассыпанные по всему Берхтесгадену инстанции военного руководства, каждая из которых не могла функционировать в полном объеме без другой, целых полдня только и были заняты тем, что вели друг с другом телефонные переговоры и спорили главным образом о том, перебрасывать ли на Запад четыре дивизии из резерва. В это время сам Гитлер после очередной ночи со своими длинными пустыми монологами отправился спать лишь под утро, и поначалу никто не хотел его будить. Только вскоре после полудня состоялось, наконец, что-то наподобие обсуждения обстановки. Причем Гитлер попросил его участников отправиться в находившийся примерно в часе езды на автомобиле замок Клессхейм, где он ожидал в тот день венгерского премьер-министра Стояи. С миной, не позволявшей понять, считает ли он действия западных держав обманным маневром или сам хочет обмануть свое окружение, Гитлер подошел к столу с военными картами и легкомысленным тоном сказал на диалекте: «Вот так-то, пошло-поехало». Спустя несколько минут, когда ему разъяснили создавшееся на новом театре военных действий положение, он поднялся для «более наглядного знакомства с обстановкой» в помещения этажом выше³⁵. Наконец, около 17 часов он отдал распоря-

---

³³ См.: *Norman A.* Die Invasion in der Normandie. In: *Jacobsen H.-A., Rohwer J.* Entscheidungsschlachten des Zweiten Weltkrieges. S. 419 ff. Речь при этом шла прежде всего о том, не следует ли, используя мобильные резервы, встретить противника максимально близко к воде и сбросить его в море, как предлагал, например, Роммель, или же отдать предпочтение плану Рундштедта, по которому централизованные резервы должны были ликвидировать плацдарм «из глубины». Помимо этих точек зрения существовало еще несколько альтернативных предложений.

³⁴ Сведения о разногласиях по поводу использования находившихся в полной боевой готовности на Западе четырех дивизий резерва см.: *Warlimont W.* Op. cit. S. 455.

³⁵ Ebd. S. 457.

жение «уничтожить противника на плацдарме уже вечером 6.6. вечером».

Это на удивление сомнамбулическое и не соответствовавшее реальности спокойствие первого дня сохранилось у Гитлера почти на всем протяжении начального этапа вторжения. А ведь он постоянно повторял в минувшие месяцы, что наступление на Западе решает вопрос о победе или поражении. «Если вторжение не будет отбито, то война для нас проиграна». Теперь же, свято веря в собственную непогрешимость, он не хотел видеть того, что вторжение действительно было вторжением, что он держит между Сеной и Шельдой значительные силы, напрасно ожидающие высадки тех призрачных дивизий, которые появились в результате хитроумной операции по дезинформации противника (операция «Фортитюд»). Одновременно он, как это всегда бывало, стал вмешиваться в ход боевых действий, отдавая приказы даже на уровне подразделений, и принимать решения, не учитывающие реального положения на фронте. 17 июня, уступив настояниям фон Рундштедта и Роммеля, Гитлер прибыл на совещание в тыловой район Западного фронта.

Это совещание состоялось в Ставке фюрера «Волчье логово II»³⁶ в Марживале севернее Суасона, построенной в 1940 году во время подготовки вторжения в Англию. Гитлер выглядел «бледным и усталым от бессонницы, — писал потом начальник штаба Роммеля генерал Шпейдель³⁷, — он нервно перебирал свои очки и разноцветные карандаши, которые держал между пальцами. Только он один сидел, сгорбившись, на табурете, тогда как фельдмаршалы стояли. Казалось, что вся его прежняя гипнотическая сила улетучилась. После короткого, ледяного приветствия он выразил, громко и желчно, свое недовольство тем, что высадка союзников удалась, и стал говорить об ошибках здешнего командования». Ссылка Ром-

---

³⁶ Размещенная в Суассоне Ставка фюрера именовалась не «Волчье логово» (Wolfsschanze), а «Волчье ущелье» (Wolfsschlucht). — *Прим. науч. ред.*

³⁷ Генерал-лейтенант Ганс Шпейдель (28.10.1897—28.11.1984) с апреля 1944 года возглавлял штаб группы армий «Б». Шпейдель был одним из самых активных участников антигитлеровского заговора. В сентябре 1944 года он был арестован, но следствие по его делу не было завершено до конца войны. В 1957—1963 годах Шпейдель был командующим сухопутными войсками НАТО в Центральной зоне Европы. — *Прим. науч. ред.*

меня на огромное превосходство противника была им отвергнута точно так же, как просьба дать разрешение на вывод немецких войск с полуострова Котантен, где им грозила опасность полного уничтожения, и на переброску, наконец, — резервов из Па-де-Кале. Вместо этого он со все возрастающим нажимом заговорил о «решающих для исхода войны» ракетах «Фау», пообещал «армады реактивных истребителей», которые очистят небо от вражеской авиации и поставят, наконец, Англию на колени. Когда же Роммель попытался перейти к политическим вопросам и, указав на серьезность положения, высказал настоятельное требование об окончании войны, Гитлер резко оборвал его и сказал: «Вы должны беспокоиться не о дальнейшем ходе войны, а о своем фронте, на котором произошло вторжение»³⁸.

Выявившиеся в ходе этой встречи расхождения во взглядах еще более усугубили и без того сильное недоверие Гитлера к офицерскому корпусу. Весьма показательно, что незадолго до своего прибытия он приказал окружить этот район подразделениями СС и стал есть из одного котла со своими фельдмаршалами фон Рундшtedтом и Роммелем только после того, как те попробовали пищу. На всем протяжении обеда за его стулом стояли два эсэсовца. Когда стали прощаться, генералы попытались уговорить Гитлера послушать в штабе Роммеля доклад нескольких прибывших непосредственно с фронта командиров. Гитлер с трудом согласился посетить штаб 19 июня. Однако сразу же после отъезда Рундшtedта и Роммеля из Марживаля он отдал приказ о возвращении Берхтесгаден³⁹.

Примерно десять дней спустя союзники — главным образом, благодаря «искусственным гаваням», давшим им возможность решить все трудности с транспортировкой, на ко-

---

³⁸ *Speidel H.* Op. cit. S. 113 ff. Весьма примечательно, что Гитлер известил обоих фельдмаршалов о месте и времени встречи лишь за несколько часов до ее начала.

³⁹ Причиной внезапного возвращения Гитлера называют иногда то, что вскоре после отъезда Рундшtedта и Роммеля сбившаяся с курса ракета «Фау-1» взорвалась в районе Ставки фюрера. На самом деле в этом можно усмотреть в лучшем случае лишь предлог, которым Гитлер воспользовался, чтобы избежать конфронтации; как будто ракета, разорвавшаяся по ошибке в Марживале, делала встречу, назначенную в расположенном далеко отсюда Ла-Рош-Гюйоне, более опасной. О самом ходе этих событий см.: *Speidel H.* Op. cit. S. 119.

торые так надеялся Гитлер, — высадили уже почти миллион солдат и выгрузили пятьсот тысяч тонн снаряжения. Но даже теперь обоим фельдмаршалам, прибывшим в Берхтесгаден, так и не удалось получить от Гитлера хотя бы свободу рук в принятии оперативных решений. Он с ледяным видом выслушал их соображения и отклонил просьбу о беседе в узком кругу; вместо этого он просто снял фон Рундштедта с его поста⁴⁰. Его преемником Гитлер назначил генерал-фельдмаршала фон Клюге, который уже своим первым выступлением продемонстрировал, насколько обманчивой и искаженной была действительность в окружении Гитлера. До этого Клюге был в течение 14 дней гостем в «Берхтоффе» и, хотя он, пусть с колебаниями, относился к Гитлеру критически, за это время успел перенять убеждение, что в командовании Западного фронта преобладают пораженческие настроения. В неллицеприятном разговоре сразу же после своего прибытия на фронт он упрекнул Роммеля в том, что тот подавлен материальным превосходством противника и срывает своим упрямством исполнение правильных распоряжений Гитлера. Возмущенный до глубины души «берхтесгаденским стилем» нового главнокомандующего, Роммель предложил ему собственными глазами увидеть, что действительно происходит на фронте. Как и следовало ожидать, через два дня фон Клюге, побывав на фронте, протрезвел. 15 июля Роммель отправил через фон Клюге телеграмму Гитлеру. «Неравная борьба приближается к своему концу, — написал он и присоединил к этим словам призыв, — я прошу Вас незамедлительно сделать выводы из этой обстановки». А Шпейделю он сказал: «Если он [Гитлер] не сделает никаких выводов, то действовать будем мы»⁴¹.

Действовать теперь решился и Штауффенберг, тем более, что было уже видно, как под ударами начавшегося советского летнего наступления рушится и весь Восточный фронт. На помощь замыслам Штауффенберга пришло счастливое обстоятельство: 20 июня он был назначен начальником штаба командующего Армией резерва генерал-полковника Фридриха Фромма и получил с этого момента до-

---

⁴⁰ Рундштедт был снят с поста 2 июля 1944 года, одновременно он был награжден Рыцарским крестом с дубовыми листьями. — *Прим. науч. ред.*

⁴¹ *Speidel H. Op. cit. S. 155 ff.*

ступ на совещания в Ставке фюрера. 1 июля, вступая в должность, он заявил Фромму, что из соображений лояльности должен уведомить его о планируемом им государственном перевороте. Фромм выслушал это признание молча, а затем попросил своего начальника штаба приниматься за работу⁴².

6 и 11 июля фон Штауффенберга вызывали на совещания в «Бергхоф». После столь многих неудачных акций он решил теперь взять на себя организацию как самого покушения, так и общее руководство государственным переворотом. Оба раза ему удалось пронести на совещание пакет со взрывчаткой и после этого спокойно вернуться в Берлин. Но оба раза он отказывался от совершения покушения, потому что в помещении, где проходило совещание, не было Геринга и Гиммлера, которых он намеревался устранить вместе с Гитлером. Попытка 15 июля сорвалась, так как Штауффенберг не смог до начала совещания вставить во взрывное устройство запал. Как 11, так и 15 июля войска, которые должны были занять Берлин, были уже подняты по тревоге, но оба раза приказы пришлось отменить, а все вызывающие подозрения моменты — устранить.

Через два дня после первой попытки — 17 июля — заговорщики узнали, что уже подготовлен приказ об аресте Гёрделера. Они отнюдь не были уверены, как это имело место с Лебером, Рейхвейном, фон Мольтке или Бонхефером, что гестапо при допросе не сумеет достаточно быстро заставить его говорить. Штауффенберг воспринял это известие как приказ о проведении акции — Рубикон перейден, считал он. Его не остановило и сообщение, что в тот же день шедший на бреющем полете самолет обстрелял машину Роммеля и фельдмаршал был тяжело ранен. В результате его игры вышла одна из ключевых фигур, так как существовавший к тому времени план предусматривал, что пользующийся уважением даже у противника фельдмаршал сможет заключить соглашение о прекращении огня на Западном фронте, вывести с захваченных территорий армии и использовать ее для поддержки операции заговорщиков. Штауффенберг заявил, что станет действовать теперь при любых обстоятельствах, однако добавил, что это будет его последней попыткой⁴³.

---

⁴² *Hoffmann P.* Op. cit. S. 445.

⁴³ *Ebd.* S. 462 f.

За несколько дней до того Гитлер вновь переехал из Берхтесгадена в Растенбург⁴⁴. Конвой уже был готов отправляться, все, кто должен был ехать, уже заняли места в вагонах, а тут Гитлер еще раз переиграл и направился назад в «Бергхоф». Он прошел в жилую комнату, постоял у большого окна, а затем медленно, неверной походкой прошелся по помещению. На несколько мгновений он задержался перед картиной Ансельма Фейербаха «Нана». Одному из тех, кто оказался с ним рядом, он дал понять, что, может быть, уже никогда не вернется сюда⁴⁵.

Штауффенберг был вызван на 20 июля с докладом в Растенбург.

Покушение и драматические события этого дня уже многократно описаны: и неожиданный перенос совещания в барак, где действие взрывной волны оказалось менее эффективным; и опоздание Штауффенберга после того, как кто-то вошел, когда он в соседнем здании сдавливал плоскогубцами ампулу кислотного взрывателя; и поиски Штауффенберга, когда тот, оставив бомбу около Гитлера под тяжелым столом с военными картами, вышел из помещения; и взрыв в тот самый момент, когда Гитлер, перегнувшись далеко через стол и упершись подбородком в ладонь, следил за докладом Хойзингера по карте. Выйдя из барака, Штауффенберг остановился невдалеке у заранее подготовленного автомобиля и увидел, как взметнулось вверх облако огня и дыма, разбрасывая обломки досок и бумаги, а из разрушенного здания стали выскакивать люди. Он был абсолютно уверен, что Гитлер убит. Затем был полет в Берлин, отнявший столько драгоценного времени.

Как и все, кто был рядом в момент взрыва, Гитлер ощутил «адски яркое пламя» и разрывающий барабанные перепонки грохот. Когда он с покрытым черной копотью лицом и опаленным затылком поднялся из-под горящих, дымящихся обломков, к нему с криком «Где фюрер?» бросился Кейтель и помог ему выйти из помещения. Брюки Гитлера превратились в лохмотья, сам он был с ног до головы покрыт пылью, но получил лишь незначительные ранения. На правом локте у него появился небольшой синяк, на тыльной стороне правой ладони — небольшие ссадины, и хотя он был сильно контужен, уже через корот-

---

⁴⁴ Гитлер переехал из «Бергхофа» в «Волчье логово» (близ Растенбурга) 14 июля 1944 года. «Попытка» переезда в Растенбург, о которой говорится ниже, произошла 9 июля. — *Прим. науч. ред.*

⁴⁵ Об этом рассказала автору баронесса фон Белов.

кое время его слух начал восстанавливаться. Тяжелее всего досталось его ногам — в них впилося бесчисленное множество мелких щепок. Но в то же время он, к своему собственному изумлению, обнаружил, что дрожь в левой ноге почти полностью прошла. Из 24 человек, находившихся в момент взрыва в помещении, где проходило совещание, были тяжело ранены только четверо⁴⁶. Самого Гитлера защитила прежде всего тяжелая крышка стола, над которым он склонился, когда сработало взрывное устройство. Он был возбужден, но казался в то же время странным образом испытывающим какое-то облегчение. Не без удовлетворения он то и дело повторял своему окружению, что давно уже знал о существовании заговора и вот теперь может, наконец, разоблачить изменников. Он всем показывал разорванные в клочья брюки, а также китель с зиявшей квадратной дырой на спине⁴⁷.

Его самообладание вытекало в первую очередь из чувства «чудесного спасения». Казалось даже, что он был благодарен этому предательству за то, что оно укрепило в нем сознание собственного призвания. Во всяком случае, именно эту мысль выразил он во второй половине того же дня Муссолини, который прибыл с заранее объявленным визитом в Растенбург. «Когда я снова восстанавливаю в памяти все это, — сказал Гитлер при совместном осмотре разрушенного помещения, где проходило совещание, — то мне думается, что это ведь не в первый раз, когда я чудесным образом избегаю смерти... После моего сегодняшнего спасения от смертельной опасности я больше, чем когда бы то ни было, убеждаюсь в том, что мне суждено довести теперь до счастливого конца и наше общее великое дело!» Явно тронутый Муссолини провозгласил: «Это было знаком небес!»⁴⁸

---

⁴⁶ В результате взрыва на месте погиб стенографист Генрих Бергер, трое (начальник Генштаба люфтваффе генерал авиации Гюнтер Кортен, заместитель Хойзингера полковник Гейнц Брандт, шеф-адъютант Гитлера генерал пехоты Рудольф Шмундт) вскоре скончались от ран. Тяжелые ранения получили представитель Геринга в Ставке генерал авиации Карл Боденшатц, адъютант Гитлера по сухопутным войскам подполковник Генрих Боргман, начальник штаба сухопутных войск при начальнике ОКВ генерал пехоты Вальтер Буле и уполномоченный по написанию истории ОКВ генерал-майор Вальтер Шерф. — *Прим. науч. ред.*

⁴⁷ *Zoller A. Op. cit. S. 184.* Гитлер попросил послать эти вещи «фрейлейн Браун в “Бергхоф” и тщательно хранить их».

⁴⁸ *Schmidt P. Op. cit. S. 582.*

Однако во второй половине дня его нервы все же не выдержали. Когда Гитлер вместе со своим гостем около 17 часов появился в своем бункере, он встретил там Геринга, фон Риббентропа, Дёница, Кейтеля и Йодля. Разговор снова зашел о спасении Гитлера, но вскоре перешел во взаимные, все более резкие упреки. Дёниц пожаловался на предательское поведение армии, Геринг его поддержал. Но Дёниц тут же обрушился и на авиацию, результаты действий которой казались ему слишком незначительными. Геринг в ответ на это набросился на фон Риббентропа и его провалившуюся внешнюю политику и в возбуждении стал даже, если верить сохранившемуся свидетельству, угрожать тому своим маршальским жезлом. Фон Риббентроп, к которому Геринг обращался, опуская его дворянскую приставку, возмущенно заявил, что он — имперский министр иностранных дел, и его фамилия — «фон Риббентроп». Гитлер же, казалось, был какое-то время занят собственными мыслями, он сидел в своем кресле с выражением апатии на лице и сосредоточенно сосал прописанные ему Моррелем пестрые пастилки. Только когда кто-то из споривших упомянул «аферу Рёма», он, как рассказывают, вскочил и начал внезапно буйствовать. Он кричал, что суд, который он устроил тогда над изменниками, будет ничем по сравнению с тем возмездием, которое будет уготовано нынешним заговорщикам, он сотрет их с лица земли вместе с их женами и детьми и, раз они противятся Провидению, никто пощады не получит. В то время как он заходил в крике, прислуга из эсэсовцев молча двигалась между рядами стульев и под этот монолог о мести, крови и истреблении сервировала стол к чаю.

Многokrатно описаны уже и события в Берлине со всеми их кульминационными моментами, кризисами и расстрелами: и непонятная задержка с осуществлением плана операции «Валькирия», и неудавшаяся информационная блокада Ставки фюрера, и телефонный разговор Ремера⁴⁹ с Гитлером («Майор Ремер, вы слышите мой голос?»), и арест Фромма. описа-

---

⁴⁹ Кавалер Рыцарского креста с дубовыми листьями майор Отто Эрнст Ремер (18.8.1912—4.10.1977) командовал охранным батальоном «Великая Германия» (Берлин). По приказу Гитлера двинувшись со своим батальоном на Вильгельмштрассе, Ремер взял под контроль комендатуру на Унтер-ден-Линден и арестовал заговорщиков. Войну Ремер закончил генерал-майором и командиром дивизии сопровождения фюрера. — *Прим. науч. ред.*

ны постоянные старания Штауффенберга воодушевить и побудить к действию неожиданно оказавшийся столь тяжеловесным механизм, и появление разгневанного фельдмаршала фон Вицлебена на Бендлерштрассе, и сообщение около 21 часа по радио, что Гитлер выступит этим вечером с обращением к немецкому народу. Затем появились первые признаки растерянности в среде заговорщиков и последовал арест коменданта города фон Хазе. Штауффенберг пытался ободрить товарищей страстными, но уже словно обращенными в пустоту, речами, но затем он впал в подавленное состояние и, сняв повязку с изувеченного глаза, бесцельно бродил по помещению. Потом было театральное возвращение Фромма, заставившего вдруг снова функционировать казавшийся парализованным аппарат, на который заговорщики возлагали так много надежд, и в конце концов последовала волна арестов, несколько неудачных попыток Бека покончить с собой, спешно организованная экзекуция перед кучей песка во внутреннем дворе, освещенном фарами подогнанного грузовика. А в заключение — громкий выкрик Фромма «Да здравствует фюрер!»

Около часу ночи все немецкие радиостанции разнесли голос Гитлера: «Немцы, соотечественники и соотечественницы! Я не знаю, в какой уже раз было организовано и осуществлено покушение на меня. И если я выступаю сегодня перед вами, то это происходит по двум причинам: во-первых, чтобы вы слышали мой голос и знали, что я жив и здоров. И, во-вторых, чтобы вы узнали также подробно о преступлении, подобного которому не было в истории Германии.

Ничтожнейшая клика честолюбивых, лишенных стыда и совести и в то же время глупых офицеров-преступников устроила заговор, чтобы устранить меня и вместе со мною одновременно уничтожить штаб Верховного командования германского вермахта. Бомба, подложенная полковником графом фон Штауффенбергом, взорвалась в двух метрах от меня. Ею был очень тяжело ранен ряд дорогих мне сотрудников, один из них умер. Сам я совершенно невредим, если не считать нескольких небольших ссадин, ушибов, ожогов. Я вижу в этом подтверждение возложенной на меня Провидением миссии — продолжать осуществление цели моей жизни, как я это делал до сих пор...

Эти узурпаторы фактически не представляют никого кроме самих себя. Они не имеют ничего общего с вермахтом и, главное, с Германской армией... На этот раз мы уже рас-

считаемся с ними так, как это в обычае у нас, национал-социалистов»⁵⁰.

В ту же ночь начались массовые аресты всех подозреваемых, независимо от того, были ли они связаны с неудавшимся государственным переворотом или нет. Вторая волна, примерно месяц спустя (акция «Гроза»), захватила еще раз несколько тысяч предполагаемых оппозиционеров, прежде всего членов распущенных партий⁵¹. Созданная Специальная комиссия по событиям 20 июля, в которую вошли 400 человек, вплоть до самых последних дней режима расследовала любой подозрительный факт и все новыми рапортами об успехах демонстрировала широту Сопротивления. Изматывающее давление, пытки и шантаж принесли в скором времени наглядные доказательства наличия многолетней, основательно подготовленной теоретически, но неспособной к действиям оппозиции: в частности, изобилие писем и дневников, придающих ей характер перманентного разговора с самой собой. О том, к каким средствам прибегало следствие, видно на примере Хеннинга фон Трескова, покончившего с собой 21 июля на фронте и с похвалой упоминавшегося даже в сводке вермахта в качестве одного из наиболее выдающихся генералов. Как только выявилась его причастность к заговору, его труп под бранные слова приведенных родных и близких был извлечен из семейной усыпальницы и отправлен в Берлин, где его демонстрировали на допросе в случае упорного сопротивления его друзей, чтобы привести их в шоковое состояние⁵².

Вообще же режим развернул — совершенно вопреки своему идеалу бесстрастной, чуть ли не равнодушной расправы — поразительно жестокую деятельность, спровоцированную лично Гитлером. Он и раньше, даже во времена контролировавшихся им реакций, демонстрировал свое бросающееся в глаза стремление самым жесточайшим образом мстить за любое неповиновение, любое противодействие. Политика истребления в Польше, например, в своих безудержных, терро-

---

⁵⁰ *Domarus M.* Op. cit. S. 2127 f.

⁵¹ Акция «Гроза» началась подобно «удару грома» 22 августа 1944 года и затронула около 5000 парламентариев и функционеров бывших партий, в том числе, например, Конрада Аденауэра и Курта Шумахера; см.: *Hammer W.* Die Gewitteraktion vom 22.8.1944. In: *Freiheit und Recht*, 1959. Nr. 8—9. S. 15 ff.

⁵² *Zeiler E.* Op. cit. S. 455; о других способах пыток см.: *Hoffmann P.* Op. cit. S. 620 ff.

ристических побочных явлениях отвечала не столько уже имевшейся концепции отношения к восточным народам, сколько сиюминутной потребности в возмездии тому из этих народов, кого Гитлер до этого безуспешно обхаживал, желая сделать его союзником при осуществлении мечты своей жизни — великом походе на Советский Союз. Когда Югославия весной 1941 года после офицерского путча захотела выйти из навязанного ей Тройственного пакта, он пришел в такую ярость, что приказал бомбить с летящих на низкой высоте самолетов в течение трех дней и ночей беззащитную столицу этой страны, назвав свою акцию операцией «Наказание». Теперь же он заявил на одном из совещаний, посвященных обсуждению обстановки, всего через несколько дней после покушения: «С этим пора кончать. Так дело не пойдет. Все эти наиподлейшие твари из числа тех, кто когда-то в истории носил военный мундир, весь этот сброд, спасшийся от прежних времен, нужно обезвредить и искоренить». По поводу юридического решения вопроса об антигосударственном заговоре он сказал так:

«На этот раз я расправляюсь с ними безо всяких колебаний. Эти преступники предстанут не перед военным судом, где сидят затягивающие процесс их пособники. Они будут вышвырнуты из вермахта и предстанут перед Народной судебной палатой. Они не получают честной пули, а будут повешены как подлые изменники! Суд чести вышвырнет их из вермахта, и тогда их можно будет судить как гражданских лиц, так что они не запятнают престижа вермахта. Судить их следует молниеносно; не позволять им произносить никаких речей. И приводить приговор в исполнение в течение двух часов после его вынесения! Их следует вешать тут же без всякой жалости. И самое главное — не давать им времени для длинных речей. Ну, Фрейслер⁵³ уж об этом позаботится. Это — наш Вышинский»⁵⁴.

---

⁵³ Роланд Фрейслер (30.10.1893—3.2.1945) с августа 1942 года являлся президентом Народной судебной палаты (НСП). При нем НСП осталась жестким внесудебным органом, проводником нацистского правосудия. Председательствуя на заседаниях НСП, приговаривал к смертной казни подсудимых, фактически не считаясь с фактами. Руководил всеми процессами по делам участников антигитлеровского заговора. Погиб, председательствуя на заседании НСП во время американской бомбардировки. — *Прим. науч. ред.*

⁵⁴ *Scheldt W. Gespräche mit Hitler*; цит. по: *Zeiler E. Op. cit. S. 538*; см. также: *Hitlers Lagebesprechungen. S. 588*.

Так и поступали. Суд чести под председательством фельд-маршала фон Рундштедта (членами суда были фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник Гудериан, генералы Шрот, Шпехт, Крибель, Бургдорф и Майзель), впервые собравшийся 4 августа, без заслушивания самих обвиняемых с позором изгнал из армии 22 офицера, в том числе одного фельдмаршала и восемь генералов. С момента начала допросов Гитлер ежедневно получал подробные донесения об их результатах, а также информацию об арестах и казнях, которую он «жадно проглатывал». Он вызвал председателя Народной судебной палаты Роланда Фрейслера к себе в Ставку и потребовал, чтобы к осужденным не приглашали священника и чтобы они вообще были лишены всего, что каким-либо образом облегчило бы их участь. «Я хочу, чтобы их повесили — повесили, как скотину», — так звучало его указание⁵⁵.

8 августа первые восемь заговорщиков были казнены в тюрьме Плётцензее. Облаченные в одежду каторжников и деревянные башмаки, они по одному выходили в имевшее два маленьких окна, пропускавших тусклый свет, помещение, где происходила казнь. Их проводили мимо гильотины и подводили к крюкам, укрепленным на свисавшем с потолка рельсе. Палачи снимали с них наручники, набрасывали им на шею петлю и раздевали их до пояса. Затем они вздергивали осужденных вверх, затягивали петлю и, когда те уже начинали биться в конвульсиях, стягивали с них штаны. Как правило, протоколы отмечают, что казнь длилась не более 20 секунд, хотя инструкция требовала, чтобы смерть наступала не так быстро. После каждой экзекуции палач и его помощники подкреплялись из бутылки со шнапсом, стоявшей на столе в центре помещения. Все это снималось на кино пленку, и уже в тот же вечер Гитлеру демонстрировали казнь со всеми подробностями — вплоть до последних конвульсий осужденных⁵⁶.

---

⁵⁵ Цит. по: *Ehlers D.* Op. cit. S. 113; а также: *Zeiler E.* Op. cit. S. 461.

⁵⁶ Так утверждает Джон У. Уилер-Беннетт на основе опроса свидетелей, см.: *Wheeler-Bennett J.W.* Die Nemesis der Macht. S. 705; см. также *Hoffmann P.* Op. cit. S. 628 f., а также: *Speer A.* Op. cit. S. 404. Первыми восемью жертвами стали фельдмаршал фон Вицлебен, генералы Гёпнер, Штифф, фон Хазе, подполковник Бернардис, капитан Клаузинг, обер-лейтенант Йорк фон Вартенбург, обер-лейтенант Хаген. Позднее некоторым осужденным стали отрубать головы. Одним из немногих офицеров, которых расстреляли по приговору военно-полевого суда, был генерал-полковник Фромм.

Чрезмерной жестокостью характеризовалась не только интенсивность, но и широта преследований: идеологически окрашенная ответственность за деяния каждого из заговорщиков возлагалась на всех его близких. Через две недели — 3 августа 1944 года — после неудавшегося государственного переворота Генрих Гиммлер, выступая на совещании гаулейтеров в Позене, заявил:

«Затем мы введем абсолютную ответственность всей семьи. Мы уже так поступали... и пусть никто не приходит и не говорит нам: то, что вы делаете, это большевизм. Нет, вы уж на нас не обижайтесь, это совсем не большевизм, а очень старый и практиковавшийся еще нашими предками обычай. Почитайте-ка хотя бы германские саги. Когда они подвергали какую-то семью остракизму и объявляли ее вне закона или когда в какой-то семье была кровная месть, тут уж они были беспредельно последовательными. Когда семья объявляется вне закона и предается анафеме, они говорили: этот человек совершил измену, тут плохая кровь, тут кровь изменника, ее следует истребить. А при кровной мести истреблялся весь род до последнего колена. Семья графа Штауффенберга будет уничтожена до последнего человека»⁵⁷.

В соответствии с этим принципом были арестованы все оказавшиеся в пределах досягаемости родственники братьев Штауффенбергов⁵⁸ — начиная с трехгодовалого ребенка и кончая 85-летним отцом одного из кузенов. Сходная судьба постигла и членов семей Гёрделера, фон Трескова, фон Зейдлица, фон Лендорфа, Шверина фон Шваненфельда, Йорка фон Вартебург, фон Мольтке, Остера, Лебера, фон Клейста и фон Хефтена, а также многих других. Фельдмаршалу Роммелю пригрозили карами против его семьи и судом над ним самим, если он откажется уйти из жизни добровольно. Генералы Бургдорф и Майзель, передавшие ему это требование Гитлера, вручили ему одновременно и ампулу с ядом. Спустя полчаса они доставили труп в одну из больниц в Ульме и запретили производить какое-либо вскрытие. «Не прикасайтесь к трупу, — сказал Бургдорф главному врачу, — все уже согласовано с Берлином». Казни продолжались до апреля 1945 года.

⁵⁷ Эта речь опубликована в: VJNfZ, 1953. Н. 4. S. 357 ff., а цитату см.: S. 384 f.

⁵⁸ Брат Клауса — майор Бертольд Шенк фон Штауффенберг (15.3.1905—10.8.1944) — также принимал активное участие в разработке и осуществлении планов переворота. Повешен по приговору Народной судебной палаты. — *Прим. науч. ред.*

Так следы предпринятой 20 июля попытки государственного переворота затерялись в бараках, где проходили казни, и в моргах, куда привозили трупы. Среди причин провала заговора на первое место следует поставить, пожалуй, все то же внутреннее сопротивление поступком, который шел наперекор слишком уж многим стереотипам мышления и освященным традициями рефлексам. Это был заговор офицеров со всеми предрассудками этой социальной группы, в которой происхождение и кодекс чести стоят на первом месте. Наиболее решительному ядру заговорщиков эта проблема была знакома до отчаяния. Часть неудач, преследовавших заговорщиков с самого начала, имела своей причиной то, что операция «Валькирия» была связана фикцией «легального государственного переворота» ради преодоления офицерским корпусом комплексов верности присяги и неприятия бунта. Одно из главных действующих лиц, генерал Гёпнер, даже 20 июля принял командование над Армией резерва только после того, как получил запрошенный им письменный приказ, однозначно подтверждавший легальность перехода к нему командования⁵⁹. Подобные случаи придают этой попытке государственного переворота на удивление неуклюжий и при всей ее серьезности в моральном плане чуть ли не пародийный характер. Многие эпизоды и детали воскрешают в памяти что-то от донкихотства генерал-полковника фон Фрича, который собирался в 1938 году, после своей спровоцированной интригами Гимmlера отставки, вызвать рейхсфюрера СС на дуэль. Старый мир столкнулся здесь с лишенной предрассудков группой революционеров и в лице своих отдельных еще не коррумпированных представителей смог породить лишь беспомощную и вызывающую удивление реакцию. Так, Гёрделер, будучи последовательным противником идеи покушения, верил, что, случись у него разговор с Гитлером, он смог бы его вразумить. А Штауффенберг и ряд других заговорщиков собирались после восстановления правопорядка добровольно предстать перед судом⁶⁰.

---

⁵⁹ См. стенографическую запись процесса Народной судебной палаты 7 и 8 августа 1944 года: Bd. XXXIII. S. 403 f. (Dok. 3881-PS).

⁶⁰ См.: Ehlers D. Op. cit. S. 123, а также: Hoffmann P. Op. cit. S. 437. О вызове фон Фричем Гимmlера на дуэль см.: Foertsch H. Op. cit. S. 134. Автор ссылается на свидетельство фон Рундштедта, который, в свою очередь, якобы отговаривал фон Фрича от этого намерения.

Подобный подход демонстрировало большинство заговорщиков и после провала операции. Оцепенело ожидали они своих преследователей, будучи неспособными бежать, чтобы продолжить свое дело. «Не ударяться в бега, а выдержать», — такими словами оправдывает свое решение явиться с повинной капитан Клаузинг, один из главных персонажей событий на Бендлерштрассе. Теодор Штельцер даже возвратился из Норвегии, а генерал Фельгигель отклонил протянутый ему непосредственно перед арестом револьвер замечанием, что так не поступают⁶¹. Вся эта манера поведения, с ее старофранкскими и трогательными чертами, видна и в решительном поступке Карла Гёрделера, который собрал рюкзак, взял в руки дорожную трость и пустился в бега. И во время допросов некоторые из заговорщиков больше пытались доказать серьезность и решительность Сопротивления, чем защитить самих себя. Другие по моральным соображениям запрещали себе лгать, несмотря на то, что их гордость может быть только на руку следователям. Один из руководителей Специальной комиссии по событиям 20 июля так и заявил, что «мужественная позиция идеалистов тотчас же пролила какой-то свет на эту тьму»⁶². С этой же нравственной позицией связан и тот факт, что попытка путча прошла без единого выстрела, и в результате неизбежно был упущен ряд шансов на успех. Уже сам исходный постулат — действовать с помощью военных приказов — покоился на таком обосновании: надо отдавать команды, а не стрелять. И прав был Ганс Бернд Гизевиус, задавший вопрос, почему же главарь эсэсовцев и верный Гитлеру войсковой командир, преградившие путчистам дорогу на Бендлерштрассе,

---

⁶¹ *Hoffmann P.* Op. cit. S. 611 и 438 f.; о Клаузинге см.: *Ehlers D.* Op. cit. S. 31 f.

⁶² Так заявил руководитель службы по обработке данных д-р Георг Кизель, добавив, правда, при этом: «Хотя они и пытались выгораживать своих товарищей, однако для опытных криминалистов не составляло особого труда кирпич за кирпичом возвести все здание»; цит. по: *Hoffmann P.* Op. cit. S. 607. О том же в большей или меньшей степени свидетельствуют так называемые доклады Кальтенбруннера, опубликованные под названием «Зеркало заговора». Другой оценки заслуживает, однако, готовность к даче показаний со стороны Гёрделера, который, как замечает его биограф Герхард Риттер, хотел пролить свет на правду, поскольку рассчитывал на просветление Гитлера, после того как тот узнает, насколько широка и многочисленна была оппозиция; см.: *Ritter G.* Op. cit. S. 442 ff.

были лишь арестованы, а не «тут же поставлены к стенке», дабы уже с самого начала продемонстрировать непоколебимую решимость заговорщиков и придать своим действиям характер вызова, готового на все⁶³. Здесь проявилось то, что 20 июля и было-то именно путчем офицеров — в том плане, что у них не было солдат, которые бы стреляли, арестовывали и осуществляли захват. В свидетельствах того дня то и дело сталкиваешься с маленькими офицерскими отрядами, готовыми к выполнению особых задач: даже поздним вечером на Бендлерштрассе не было караульной команды, а полковник Егер тщетно просил генерала фон Хазе дать ему боевую группу, с которой он мог бы захватить Геббельса. В принципе у операции отсутствовала какая-либо ударная сила, а сами офицеры, стоявшие во главе заговора, в большинстве своем олицетворяли интеллектуальный тип штабного офицера, а не того бесстрашного вояки, коим был, например, Ремер. Две неудачные попытки Бека в конце этого дня покончить с собой как бы символизировали всю горькую неспособность заговорщиков к решительным поступкам. И, наконец, у путча не было опоры в народе: когда Гитлер вечером 20 июля провожал Муссолини из Ставки на вокзал, он задержался у группы строителей и сказал: «Я с самого начала знал, что это были не вы. Я глубоко убежден в том, что мои враги — это носящие приставку «фон» и называющие себя аристократами»⁶⁴. Он всегда прямо-таки вызывающим образом был уверен, что простые люди поддерживают его и что он и сейчас знает их желания, их поведение, их потолок. И, действительно, общественность поначалу чуть ли не механически отреагировала на попытку государственного переворота как на преступление против государства и встретила это известие со смешанным чувством равнодушия и неприятия. Конечно, такая реакция имела своим истоком и все еще немалую когерентность государства, а также — и подавляющим образом — сохранявшийся престиж Гитлера. Он все еще обладал большой психологической властью. Хотя мотивы здесь за последнее время и изменились: это уже было не столько восхищение про-

---

⁶³ Имеются в виду оберфюрер СС Губерт Ахамер-Пифрадер и командующий III военным округом Берлин — Бранденбург генерал фон Корцифлейш. Генерал-полковник Фромм тоже был арестован, а затем отпущен под честное слово в свою служебную квартиру, из которой он в конечном счете сбежал и получил возможность приступить к арестам заговорщиков.

⁶⁴ *Domarus M. Op. cit.* S. 2127.

шлых лет, сколько тупое, окрашенное фатализмом чувство связанности судеб, которое приумножалось как собственной, так и западной пропагандой, угрожающе приближающейся Красной армией, а также органами устрашения в лице гестапо, сети шпиков и СС. Надо всем этим витала смутная надежда на то, что, как это уже не раз бывало в прошлом, этот человек найдет средство, чтобы отвести беду. Неудача покушения и быстрый провал попытки государственного переворота избавили народ от необходимости делать выбор, перед которым хотели поставить его заговорщики, собираясь раскрыть ему глаза на преступный характер режима, на то, что творилось в концлагерях, на сознательно ориентированную на войну политику Гитлера и на практику истребления. Гёрделер был убежден, что тогда у общества вырвется крик возмущения и вспыхнет народное восстание⁶⁵. Но этот выбор народу предоставлен не был.

Таким образом, 20 июля стало решением и делом немногих одиночек. Этот день стал не только финалом путча: это был — в первую очередь, для прусского дворянства, составлявшего ядро заговора, — крах того богатого традициями слоя, который представлял собой «может быть, единственную, наверняка наиболее мощную, способную к господству и образованию государства силу, порожденную Германией в новое время», и который один только обладал тем, «в чем нуждается правящий класс и чего не было и нет ни у немецкой высшей аристократии, ни у немецкой буржуазии, ни, как представля-

---

⁶⁵ Более подробно см. в этой связи: *Ehlers D.* Op. cit. S. 182, где автор в «сослагательном наклонении» усматривает суть вопроса о национальной вине. Оптимизм Гёрделера, кстати, разделяли не все заговорщики. Цезарь фон Хофаккер, например, заявил в беседе с Эрнстом Юнгером, что Гитлера нужно «разнести в клочья. До тех пор, пока мы не помешаем этому парню высказываться к микрофону, ему будет достаточно пяти минут, чтобы снова обратить массы на свою сторону». В ответ на это замечание, которое явно не учитывало снизившуюся силу гипнотического воздействия Гитлера на массы, Юнгер сказал: «Значит, вам и у микрофона нужно быть сильнее. До тех пор, пока у вас нет этой силы, вы не сможете обрести ее, сколько бы вы ни совершали покушений». Это замечание характерным образом не учитывает моральные побуждения заговорщиков, а также тот факт, что они вовсе и не собирались соперничать с Гитлером в демагогии. См.: *Juenger E. Werke.* Bd. III (Strahlungen). Stuttgart, 1962. S. 251. По этой же причине, будучи обеспокоенными все еще достаточно большим авторитетом Гитлера, заговорщики долгое время планировали замаскировать покушение под несчастный случай.

ется, у немецкого рабочего класса: единством, стилем, волей к господству, пробивной мощью, верой в себя, самодисциплиной, моралью»⁶⁶. Конечно же этот слой уже был коррумпирован Гитлером, лишен власти и обличен в своих паразитических амбициях. Но ликвидирован он был им только теперь. С ними, носителями многих звучных имен, ушла одновременно со сцены и старая Германия. И если даже она давно уже утратила свою славу, растеряла ее в оппортунистическом и близоруком альянсе с Гитлером, то все равно следует сказать, что решимость разорвать этот заключенный в прошлом союз исходила от этих людей. А в безудержной реакции Гитлера в очередной раз проявилось никогда не затухавшее в нем чувство неприязни к старому миру, тот аффект ненависти, который отличал и его двойственное отношение к буржуазии. «Я уже часто горько жалел, что не подверг мой офицерский корпус чистке, как это сделал Сталин», — говорил он⁶⁷. В этом смысле 20 июля и последующие им события были завершением национал-социалистической революции.

Редко какому социальному слою «уход из истории»⁶⁸ удавался столь впечатляюще и выигрышно, и все же в целом он принес жертву только ради себя самого. Да, его движущей идеей была мысль о «священной Германии», как это патетически воскликнул перед расстрелом Штауффенберг, но за ней всегда стояла и убежденность, что надо действовать как класс и как единый класс подчиняться особому моральному императиву, который давал право на сопротивление и делал тиранобийство его долгом. «Мы очищаем самих себя», — ответил генерал Штифф на вопрос, как решился он участвовать в деле со столь неопределенным исходом⁶⁹.

Из сознания этого и черпались ими все главные мотивы. По сравнению с ним упрек в государственной измене, нарушении присяги или «ударе кинжалом в спину» уже не был таким весомым, равно как фальсификации и обвинения, к которым они были готовы. «Теперь на нас набросится весь мир и будет поливать нас грязью, — сказал Хеннинг фон Тресков незадолго до смерти одному из своих друзей, — но я, как и раньше, непо-

---

⁶⁶ Это слова С. Хаффнера из его рецензии на книгу К. фон Хаммерштайна «Разведгруппа» (*Hammerstein K. v. Spähtrupp*), опубликованной в: *Konkret*, 1964, № 2.

⁶⁷ *Heusinger A. Befehl im Widerstreit*. S. 367.

⁶⁸ См.: *Siedler W.J. Behauptungen*. S. 11.

⁶⁹ Цит. по: *Rothfels H. Op. cit.* S. 79.

колебимо убежден, что мы действовали правильно»⁷⁰. И, действительно, национал-социалистическая пропаганда и пропаганда союзников с фатальным единодушием, которое на этом этапе войны стало проявляться все чаще, обрушили на заговорщиков поток подозрений и обвинений. И та, и другая сторона были заинтересованы в том, чтобы продолжал сохраняться тезис о монолитном характере режима, о тождестве народа и фюрера. Союзники придерживались этого тезиса и долгое время после окончания войны, а оккупационные власти запрещали публикации о немецком Сопротивлении. И скорее вынужденное уважение, которое теперь демонстрируется по отношению к заговорщикам, сохраняет в себе ту же былую неприязнь. Во всяком случае, ничего из их идей и представлений о ценностях современность не унаследовала. Они почти не оставили после себя никаких следов, и ирония истории только подчеркнула это: трупы казненных были переданы анатомическому институту Берлинского университета, а руководитель этого института, у которого были близкие друзья среди заговорщиков, распорядился кремировать их без вскрытия и захоронить урны на одном из деревенских кладбищ. А там, во время налета авиации союзников, большинство урн было уничтожено бомбами⁷¹.

События 20 июля лишний раз послужили для режима радикализирующим импульсом. Если нацистский режим когда-либо отвечал полностью понятию тоталитарного государства, то это было именно в месяцы после 20 июля, принес-

---

⁷⁰ *Schlabrendorff F. v. Op. cit. S. 154.* Об упомянутом ниже запрете уже оккупационными властями публикации книг о Сопротивлении см.: *Rothfels H. Werden die Historiker dem 20 Juli gerecht? In: Die Zeit, 18.7.1966.*

⁷¹ Так, во всяком случае, утверждает Э. Целлер: *Zeiler E. Op. cit. S. 539.* Руководителем института был профессор д-р Г. Штиве, на показании которого и основывается это свидетельство. В отличие от него Вальтер Хаммер утверждает, что урны по указанию Гитлера были переданы в распоряжение министра юстиции Тирака, который «позаботился затем об их исчезновении и якобы потихоньку предавал их земле на какой-то лесной просеке, выезжая по выходным дням в свое имение в районе Тельтов» (*Ebd.*). Возможно, что имело место и то, и другое, если учесть большое количество казненных (около 200 человек). Кстати, тела тех пяти заговорщиков, которые еще 20 июля расстреляны по приказу Фромма, то есть фон Штауффенберга, фон Хефтена, Ольбрихта, Мерца фон Квирнхейма и Бека, по приказу Гиммлера были эксгумированы и сожжены, а пепел развеян по ветру.

шие больше жертв и разрушений, чем весь предыдущий период войны. Уже в день покушения Гитлер назначил рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера командующим Армией резерва и таким актом изощренного унижения офицерского корпуса передал ему тем самым одну из ключевых позиций в вермахте⁷². Геббельс получил в соответствии с его настоятельным требованием пост имперского уполномоченного по ведению тотальной войны и под девизом «Народ этого хочет» моментально издал целую серию распоряжений об ограничениях, запретах и сокращениях. Были закрыты почти все театры и варьете, все академии, хозяйственные и торговые учебные заведения, отменены все отпуска, введена трудовая повинность для женщин в возрасте до 50 лет и т.д. 24 августа им была объявлена тотальная мобилизация, и вскоре всех годных к несению службы мужчин в возрасте от 15 до 60 лет стали призывать в фольксштурм⁷³. «Понадобилась бомба у Гитлера под задницей, чтобы он уловил суть», — так выразился Геббельс⁷⁴.

В то же время военное производство достигло самых высоких показателей за время войны. И хотя недопоставки и непрерывные бомбежки постоянно создавали все новые и новые трудности, Шпееру все же удалось с помощью изобретательных и энергичных импровизаций справиться с ними. Производство орудий увеличилось с 27 000 в 1943 году до более чем 40 000, танков — с 20 000 до 27 000, а самолетов — с 25 000 до почти 38 000. Но этот рост производства безжалостно пожирал все резервы сил и словно звал на самый «последний и решительный бой». Ни сохранить, ни как-то поддержать на том же уровне, ни тем более повторить этот успех было

---

⁷² Армия резерва занималась подготовкой обученного контингента для пополнения действующей армии, а также обеспечением ее материальных и технических потребностей; кроме того, на нее возлагались задачи охраны тыла. — *Прим. науч. ред.*

⁷³ В фольксштурм входили все граждане германской крови в возрасте 16—60 лет, не находящиеся в заключении, не служащие в вооруженных силах или в Имперской рабочей службе. В его рядах числилось около 6 млн человек, разделенных на 10 180 батальонов. Оружие членам фольксштурма начали выдавать 23 марта 1945 года. Задачей подразделений фольксштурма была борьба с десантами противника, разведывательными и диверсионными группами, обеспечение охраны стратегических объектов. Кроме того, отряды фольксштурма могли включаться в состав частей вермахта. — *Прим. науч. ред.*

⁷⁴ Цит. по: *Bullock A. Op. cit. S. 760.*

уже невозможно. Поэтому он лишь приближал крушение, тем более что союзники перешли к тем систематическим бомбардировкам заводов, производивших горючее, которые они когда-то планировали, но временно отложили. В результате тут же стало проявляться сокращение производства авиационного бензина — со 156 000 тонн в мае 1944 года до 52 000 тонн в июне, 10 000 тонн в сентябре и, наконец, всего до 1000 тонн в феврале 1945 года⁷⁵. Тем самым начали исчерпываться все возможности для продолжения войны: недопоставки и бомбардировки имели своим следствием ощутимую нехватку сырья, а это, в свою очередь, вело к падению производства и снижало качество вооружений. Последнее, в свою очередь, приводило к новым территориальным потерям и давало, со своей стороны, возможность противнику размещать базы своей авиации все ближе к территории собственно рейха. Теперь почти все оперативные решения стали приниматься с оглядкой на состояние военной техники, на каждом разборе положения на фронтах речь шла о сырьевых ресурсах, трудностях транспортировки, дефиците материалов. С осени 1944 года к взрывчатым веществам начали подмешивать 20 % соли, на аэродромах готовые к вылету истребители стояли с пустыми баками. В одной из своих памятных записок того времени Шпеер отметил, что «с учетом времени складирования и прохождения в перерабатывающей промышленности... зависящее от хрома производство, то есть все производство вооружений, к 1 января 1946 года будет свернуто»⁷⁶.

В это время советские войска прорвали фронт на центральном участке и вышли к Висле, где продолжили из-за ожесточенной тактики Гитлера на удержание отрезать и окружать все новые немецкие соединения. На некоторых разборах обстановки на фронте выяснялось, что у немцев вдруг стали пропадать целые дивизии. Сходным образом складывалась и ситуация на Западе, особенно после того как союзники начали с конца июля вести маневренную войну. Гитлер, сам когда-то успешно применявший такой метод операций, теперь не мог организовать ему противодействие. Как и прежде, он упорно отклонял все предложения о гибкой обороне, настоятельно делавшиеся ему новым начальником Генерального

---

⁷⁵ См. статистический материал в: *Jacobsen H.-A.* 1939—1945. S. 561 ff.

⁷⁶ *Speer A.* Op. cit. S. 414 f.

штаба генералом Гудерианом⁷⁷. Вместо этого он, словно за-
циклившись на своих наступательных концепциях, постоянно разрабатывал планы все новых операций, в которых детально расписывались участки, деревни, мосты, дороги, по которым войска должны продвигаться вперед⁷⁸. И хотя в составе вермахта насчитывалось более 9 млн человек, немецкие войска были рассредоточены на половине континента — от Скандинавии до Балкан. Стремление Гитлера удерживать имевшиеся позиции, а также необходимость сохранить постоянно сокращавшуюся сырьевую базу подавляли всякую оперативную свободу. В августе Красная армия захватила Румынию с ее нефтяными месторождениями, в сентябре — Болгарию, а когда немецкие линии на Балканах были прорваны почти без сопротивления, из войны вышла и измотанная Финляндия. Примерно в то же время англичане высадились в Греции и вошли в Афины. До конца августа союзники заняли и Северную Францию, захватив при этом огромное количество трофеев — снаряжения и вооружений, а также множество пленных. В первые дни сентября их танковые соединения вышли к Мозелю, а неделю спустя — 11 сентября — американский патруль впервые перешел западную границу Германии. И хотя немного позже немецким войскам удалось отразить предпринятый русскими прорыв в Восточной Пруссии, всем теперь стало ясно: война пришла на территорию Германии.

Несмотря на все это, Гитлер и не думал сдаваться. Первые же проявления разложения в вермахте подавлялись им драконовскими методами. Так, например, в начале сентября

---

⁷⁷ Генерал-полковник Гейнц Гудериан был назначен начальником Генерального штаба сухопутных войск вместо Цейтцлера 21 июля 1944 года. — *Прим. науч. ред.*

⁷⁸ Пример такого рода вмешательства в ведение конкретных операций на местах приводит генерал Блюментрит, бывший начальник штаба у фон Клюге: в начале августа, когда американские войска создали «коридор» под Авраншем, Гитлер приказал начать наступление с целью отсечения этих частей. «Мы получили разработанный до мельчайших деталей план. В нем назывались конкретные дивизии, которые мы должны были использовать... Точно обозначался участок, на котором должно было начаться наступление, а также те дороги и деревни, по которым должны были продвигаться войска. Весь этот план подготовили в Берлине по картам. С генералами в самой Франции никто не посоветовался».

он устами Гимmlера пригрозил всем дезертирам наказанием не только их самих, но и их семей. Гитлер продолжал рассчитывать на разногласия в стане союзников, на силу вновь подтвердившегося 20 июля «Провидения», на какой-то внезапный перелом в войне. «Они плетутся к своей гибели», — заявил он на одном из совещаний в Ставке, которое выявило его решимость продолжать войну при любых обстоятельствах.

«Пожалуй, я вправе сказать, что большего кризиса, чем тот, что мы уже пережили в этом году на Востоке, невозможно себе представить. Когда фельдмаршал Модель прибыл в группу армий «Центр», ее фронт и вправду был одной сплошной дырой. Он был больше дырой, нежели фронтом, а потом, наконец, стал больше фронтом, нежели дырой... Мы будем сражаться, если понадобится, даже на Рейне. Мы при всех обстоятельствах будем продолжать эту борьбу, пока, как сказал Фридрих Великий, один из наших проклятых противников не устанет бороться и пока мы не получим мир, который обеспечит немецкой нации жизнь на ближайшие 50 или 100 лет и который, самое главное, не покроет во второй раз нашу честь позором, как это случилось в 1918 году... Если бы моя жизнь оборвалась [20 июля], то для меня лично это было бы — я вправе это сказать — освобождением от забот, от бессонных ночей и тяжелой нервотрепки. Ведь всего лишь какая-то доля секунды — и ты избавлен от всего и имеешь свой покой и вечный мир. И все-таки я благодарен Провидению за то, что остался в живых»⁷⁹.

Однако тем не менее кажется, что его организм стал теперь реагировать на перманентное перенапряжение сильнее и нетерпеливее, чем это было раньше. После 20 июля Гитлер покидал бункер еще реже, чем прежде, он избегал свежего воздуха, стал бояться инфекций и террористов. Он не слушал уговоры своих врачей, советовавших оставить душные, маленькие помещения с их гнетущей атмосферой. Более того, разочарованный и терзаемый своими горькими чувствами, он все глубже погружался в этот бункерный мир. В августе он начал жаловаться на постоянные головные боли, в сентябре вдруг заболел желтухой, мучился зубной болью, а в середине месяца, вскоре после того как впервые крупные соединения союзников вступили на территорию рейха, у него случился сердечный приступ. По сохранившимся свидетельствам, он лежал

---

⁷⁹ Hitlers Lagebesprechungen. S. 615, 620 (31.8.1944).

в апатии на своей походной кровати, в его голосе слышалась легкая дрожь, и какое-то время казалось, что воля к жизни покинула его. Головокружения, приступы потливости и боли в желудке следовали друг за другом. Все это было связано с какой-то тяжелой инфекцией, а лежавшее на поверхности подозрение в истерическом характере этого букета болезней усиливалось тем, что и теперь, как и осенью 1935 года, понадобилась операция на голосовых связках. 1 октября, в ходе врачебной процедуры, Гитлер на какое-то время потерял сознание⁸⁰. Только после этого боли начали утихать, но одновременно усилилась дрожь в конечностях, участились нарушения равновесия, а однажды, во время одной из его редких прогулок, на которые он в конце концов дал себя уговорить, он, словно направляемый чьей-то рукой, стал клониться в сторону. Надо полагать, что одной из причин этой в целом внезапной регенерации явилось давление на него тех принципиальных решений, принимать которые он был теперь, перед лицом надвигающейся катастрофы, просто вынужден.

В стратегическом плане у Гитлера оставались всего лишь две альтернативы: он мог, используя старую идею «бастиона Германии», собрать воедино все оставшиеся силы на Востоке и укрепить таким образом растянутый фронт обороны, либо же попытаться еще раз нанести удар на Западе. Такой была, так сказать, военная формулировка встававшего начиная с лета 1943 года вопроса, где же все-таки следует искать шанс — на Востоке или на Западе? Насколько бы неудачным и по сути своей беспочвенным ни был этот вопрос, в начале 1944 года в одном из выступлений по радио Гитлер попытался вновь повторить свое притязание на роль спасителя Европы от «большевистского хаоса». Он сравнил свою миссию с миссией Греции и Рима и заявил, что высшим смыслом этой войны является борьба не на жизнь, а на смерть между Германией и СССР и что она представляет собой сопротивление новому вторжению гуннов, угрожающему всей Западной Европе и Америке. Если победит Советская Россия, то «десять лет спустя старейший культурный континент утратит характерные черты своей жизни, сотрется ставшая всем нам такой дорогой картина художественного и материального развития, а народы — носители этой культуры, ее представители... де-

---

⁸⁰ Подробности и ссылки на источники см.: *Maser W. Hitler. S. 344 ff.*

радируют где-то в лесах и болотах Сибири, если судьба их не будет до того решена выстрелом в затылок»⁸¹. Теперь же, несколько месяцев спустя, он решился на наступление на Западе, пойдя на ослабление находящегося в чрезвычайно тяжелом положении Восточного фронта.

Это решение часто рассматривается как акт последней великой демаскировки, как саморазоблачение этого беспринципного циника, и даже кажется, что оно и впрямь срывает с него покрывало, которое скрывало того революционера-нигилиста, каким увидел его Герман Раушнинг, — человека, не интересующегося ни идеей, ни программой, ни целью, а использующего идеи, цели и программы ради увеличения объема власти и усиления ее действенности. Бесспорно, стесненное положение, в котором он в тот момент находился, высветило какие-то стороны его сути: его вероломство по отношению к идеям и убеждениям и его презрение к принципам. И конечно же оно показывает в тусклом свете и без того замызганный стяг «борьбы против большевизма». Строго говоря, это решение компрометировало его больше, нежели Московский договор, который Гитлер мог еще оправдывать как тактический маневр. Теперь же ни о каких «маневрах» речь идти не могла.

И все же решение о наступлении на Западе отнюдь не отрицает того, что было характерным для Гитлера в течение всей его жизни и что носило одержимый, чуть ли не маниакальный характер. И доказательств этому буквально несть числа. От внимательного наблюдателя не ускользнет и последовательность его решения. Разумеется, здесь свою роль играет и упрямство, и отчаяние, и неугасимая ненависть к Западу, разрушившему его великий план. На заключительном этапе войны Гитлер еще раз открыл для себя, насколько же ближе ему Сталин, этот, как он часто говорил, «гениальный мужик», к которому следует относиться «с безусловным уважением»⁸². Но в целом это решение, принятое Гитлером в тот момент, когда он стоял уже на краю гибели, было более продуманным, чем этого можно было ожидать от него.

Вначале он считал, что его восхищение Сталиным позволит ему точно спрогнозировать, как поведет себя вождь

---

⁸¹ Из выступления по радио 30.1.1944; цит. по: *Domarus M. Op. cit.* S. 2083.

⁸² *Hitlers Tischgespräche.* S. 468; см. также: *Ebd.* S. 376.

СССР. Величие — он знал как никто другой — неумолимо по своей сущности, оно не допускает ни колебаний, ни той уступчивости, что стала уделом буржуазных политиков. Поэтому новое наступление на Востоке могло бы, возможно, оттянуть крах, но уж никак не могло предотвратить его. Напротив, наступление на Западе, как казалось Гитлеру, было способно своей неожиданностью вызвать у неустойчивых — так он считал — американцев и англичан настоящий шок. Это возвращало ему утерянную инициативу и давало тем самым тот выигрыш во времени, который возрождал лелеемую им надежду на распад вражеской коалиции. В этом смысле наступление было своего рода последним отчаянным предложением западным союзникам объединиться ради общего дела. Но прежде всего ему казалось, что наступление вообще возможно только на Западе. Эта уверенность перевесила почти все остальные аргументы: здесь он мог еще раз добиться успеха, мог еще раз подтвердить свой, проявлявшийся как раз во время наступлений полководческий талант. Растянутый до бесконечности Восточный фронт с его исполинскими пространствами, где Гитлер не мог сориентироваться даже во времена своего взлета, давал куда меньше оперативных исходных и конечных ориентиров, нежели Запад. Там наступление можно было вести, помимо всего прочего, с опорой на систему укреплений Западного вала, на более коротких расстояниях и с меньшим расходом горючего. Кроме того, Гитлер полагал, что его соединения на Восточном фронте будут оказывать отчаянное сопротивление. На Востоке его союзником был страх, в то время как на Западе он мог предполагать рост пораженческих настроений. Хотя попытки специалистов по пропаганде использовать только что ставшие известными планы американского министра финансов Генри Моргентау-младшего по расчленению Германии и превращению ее в аграрную страну⁸³ в качестве сти-

---

⁸³ Еврей по национальности, Генри Моргентау (11.5.1891—6.2.1967) был специалистом по сельскому хозяйству. В ноябре 1933 года назначен секретарем казначейства (министром финансов) в правительстве Рузвельта. Занимавший крайне жесткую позицию, Моргентау выступил главным инициатором замораживания в 1941 году японских активов в американских банках, что стало одной из причин начала войны на Тихом океане. В сентябре 1944 года на конференции союзников в Квебеке выдвинул план послевоенного устройства Германии. Этот документ предусматривал превращение Германии после войны в аг-

муляторов по нагнетанию страха и имели определенный эффект, но ожидавшегося дикого ужаса они отнюдь не породили. Наступление же должно было придать войне на Западе некоторые элементы решимости и непримиримости, которые имели место на Востоке.

За несколько дней до начала наступления, 11 и 12 декабря, Гитлер приказал созвать войсковых командиров Западного фронта в штабе фельдмаршала фон Рундштедта⁸⁴. После того как у них отобрали оружие и портфели, их еще в течение получаса куда-то везли, прежде чем колонна автомашин остановилась перед входом в большой бункер, который оказался Ставкой фюрера «Орлиное гнездо» неподалеку от Бад-Наухейма. Затем сквозь строй эсэсовцев командиров провели к Гитлеру. Один из участников рассказывал, что он с изумлением увидел «согбенную фигуру с бледным, оплывшим лицом, съежившуюся на стуле, с дрожащими ладонями, старательно прячущую левую, сводимую сильной судорогой руку». За каждым стулом стоял вооруженный телохранитель, а еще один из участников потом говорил, что «никто из нас не посмел бы даже достать носовой платок»⁸⁵. В своей двухчасовой речи, где оправдания соседствовали с призывами, Гитлер познакомил собравшихся с планами операции «Осенний туман»⁸⁶. Войска должны были развивать наступление через Арденны на Антверпен — главный порт, через который шло снабжение союзников, а затем разгромить находившуюся севернее группировку противника. Гитлер упомянул, что его план «рискованный» и может показаться «в известной степени не соответствующим силам и их состоянию», но теперь он вынужден рисковать: в последний раз

рарное государство (в том числе путем демонтажа большинства промышленных предприятий с последующим отведением земли, на которой они находились, под пашню). — *Прим. науч. ред.*

⁸⁴ Главнокомандующий на Западе Ганс Гюнтер фон Клюге оказался замешанным в заговоре и 18 августа 1944 года покончил жизнь самоубийством. 4 сентября 1944 года Герд фон Рундштедт вновь возглавил немецкие войска на Западном фронте. — *Прим. науч. ред.*

⁸⁵ Об этом свидетельствует генерал Байерлейн; цит. по: *Cartier R. Op. cit.* S. 918. Описание Гитлера дано генералом фон Мантейфелем; цит. по: *Shirer W.L. Aufstieg und Fall.* S. 997.

⁸⁶ Наступление в Арденнах именовалось операцией «Вахта на Рейне» (*Wacht am Rhein*), операцией же «Осенний туман» (*Herbstnebel*) именовались действия группы армий «Б» в развитие этого наступления. — *Прим. науч. ред.*

он соблазнился мыслью поставить все на одну карту. Расхваливая преимущества наступательной стратегии именно в условиях общей оборонительной ситуации, он призвал офицеров «показать противнику следующее: что бы он ни делал, он не может рассчитывать на капитуляцию — никогда, никогда». Вновь он вернулся к своей все более крепнущей надежде:

«В мировой истории не было еще коалиций, которые, как коалиция наших противников, состояли бы из столь несовместимых элементов с такими абсолютно разными целями... Это — государства, цели которых уже сегодня с каждым днем все больше расходятся. А тот, кто, я бы сказал, сидя как паук в гнезде, наблюдает за этим процессом, видит, как с каждым часом эти противоречия обостряются все больше и больше. Если нанести здесь еще парочку тяжелых ударов, то в любой момент может случиться так, что этот искусственно поддерживаемый общий фронт вдруг с оглушительным грохотом рухнет... однако при условии, что в этой борьбе Германия ни при каких обстоятельствах не проявит даже минутной слабости... И вот теперь, господа, я пошел на такие жертвы на других фронтах, пошел на них, чтобы создать здесь условия для новых наступательных действий»⁸⁷.

Четыре дня спустя, 16 декабря, в условиях тумана и низкой облачности, что затрудняло действия авиации противника, на фронте шириной в 120 км началось наступление. Гитлер снял с Восточного фронта несколько наиболее боеспособных дивизий и сумел с помощью радиоигр ввести противника в заблуждение. Чтобы не привлекать внимания шумом, часть тяжелого снаряжения доставлялась гужевым транспортом, низко летящие штурмовики имели своей задачей заглушить лязг и гул в районе развертывания. Надо сказать, что эффект внезапности был полностью достигнут, и немецкие соединения прорвали оборону сразу во многих местах. И все-таки уже через несколько дней стало ясно, что

---

⁸⁷ Hitlers Lagebesprechungen. S. 721 ff. Об истории наступления в Арденнах см. также исследование Германа Юнга: *Jung H. Die Ardennenoffensive, 1944/45. Ein Beispiel für die Kriegsführung Hitlers.* Göttingen; Zürich; Frankfurt/M., 1971; а также описание наступления с точки зрения одного из непосредственных участников высокого ранга: *Manteuffel H. v. Die Schlacht in den Ardennen, 1944—1945.* In: *Jacobsen H.-A., Rohwer J. Op. cit.* S. 527 ff.

это наступление и без ожесточенного сопротивления американцев было обречено на неудачу просто вследствие истощения сил и резервов. У одного танкового подразделения закончилось горючее, когда до огромного американского склада с почти 15 млн литров бензина оставалось менее 2 км, другая часть безрезультатно ждала горючего и подкреплений на высотах близ Динана, чтобы спуститься вниз по склонам к находившейся всего в нескольких километрах реке Маас. Помимо всего прочего, перед самым Рождеством погода переменилась. Появившиеся в синем, безоблачном небе плотные ряды самолетов союзников совершили за считанные дни 15 000 боевых вылетов и буквально разнесли на куски немецкие коммуникации. 28 декабря Гитлер вновь собрал у себя в Ставке командиров дивизий и обратился к ним с новой речью:

«Никогда в своей жизни я не знал такого понятия — «капитуляция». Я один из тех людей, кто начинал свой путь с нуля. Так что для меня ситуация, в которой мы сегодня находимся, не представляет ничего нового. В прошлые годы мне доводилось бывать в совсем других, намного худших ситуациях. Я говорю это лишь для того, чтобы вы поняли, почему я с таким фанатизмом преследую свою цель и почему ничто не сможет меня сломить. Как бы ни терзали меня заботы и как бы ни разрушалось, наверное, в том числе и заботами мое здоровье, это ни на йоту не изменит моей решимости бороться»⁸⁸.

А в это время на Востоке Красная армия начала готовить наступление на широком фронте, и 9 января Гудериан еще раз попросил Гитлера об аудиенции, чтобы убедить его в грозящей опасности. Но тот нетерпеливо возразил начальнику Генштаба: все его мысли заняты только его собственным наступлением. Гитлер с раздражением защищал вновь обретенную возможность планировать и проводить операции, называя все не отвечающие его мнению предостережения «совершенно идиотскими» и потребовав запереть начальника разведки на Востоке, на чьи данные опирался в своих словах Гудериан, «немедленно в сумасшедший дом». На замечание Гитлера, что Восточный фронт никогда еще не получал так много резервов, как сейчас, начальник Генераль-

---

⁸⁸ Ebd. S. 740.

ного штаба ответил: «Восточный фронт — это карточный домик. Если фронт будет прорван хотя бы в одном месте, то он рухнет»⁸⁹.

12 января, непосредственно перед тем, как наступающие в Арденнах немецкие войска после еще двух попыток прорыва, предпринятых южнее, были с большими потерями отброшены на исходные позиции, войска под командованием маршала Конева начали наступление с Баранувского плацдарма и первым же ударом без труда прорвали немецкие позиции. Через день армии маршала Жукова форсировали Вислу по обе стороны польской столицы, тогда как севернее еще две армии прорвались в Восточную Пруссию и начали наступление в направлении Данцигского залива. Тем самым пришел в движение весь советский фронт от Балтийского моря до Карпат — исполинская военная машина при превосходстве в пехоте 11:1, в танках — 7:1 и в артиллерии — 20:1. Эта гигантская людская лавина проходила катком по разрозненным, пытавшимся оказать хоть какое-то сопротивление немецким частям. Уже к концу месяца была потеряна Силезия и советские войска вышли к Одеру. Теперь Красная армия находилась всего в 150 км от Берлина. По ночам жители города могли слышать гул выстрелов тяжелых орудий.

30 января 1945 года, через 12 лет после назначения рейхсканцлером, Гитлер произнес по радио свою последнюю речь. В ней он в очередной раз говорил об угрозе «наводнения из глубин Азии» и выражениях на удивление усталых и неубедительных апеллировал к духу сопротивления каждого немца. «Каким бы тяжелым ни был нынешний кризис, — сказал он в заключение, — мы, несмотря ни на что, в конечном счете справимся с ним благодаря нашей непреклонной воле, благодаря нашей самоотверженности и нашему умению. Мы переживем и эту беду»⁹⁰.

В тот же день Альберт Шпеер направил Гитлеру памятную записку, в которой говорилось, что война окончательно проиграна.

---

⁸⁹ *Guderian H.* Op. cit. S. 350 f.; тем генералом, которого Гитлер приказал немедленно отправить в сумасшедший дом, был Рейнгард Гелен.

⁹⁰ *Domarus M.* Op. cit. S. 2198.

Глава II

ГИБЕЛЬ БОГОВ

Короче говоря, ведь тому, кому завещать свой дом некому, не остается ничего другого, как спалить этот дом со всем, что там находится, — получится превосходный костер.

Адольф Гитлер

Известие о начале крупного советского наступления заставило Гитлера вернуться в Имперскую канцелярию. Огромное серое здание, которое виделось когда-то прообразом новой архитектуры, к тому времени было окружено ландшафтом из горбитого кирпича, воронок и руин. Бомбы повредили многочисленные коммуникации, раскололи порфир и мрамор, выбитые окна были наскоро заделаны досками. Лишь та часть здания, где находились жилые и рабочие помещения Гитлера, не подверглась еще разрушениям, даже окна этого флигеля оставались пока чуть ли не повсюду целыми. Однако почти непрерывные бомбежки скоро стали вынуждать Гитлера то и дело спускаться в заложенный в саду на глубине восьми метров бункер¹, и через какое-то время он решил перебраться туда совсем. К тому же такой уход под землю отвечал все явственнее проявлявшимся главным чертам его натуры: страху, недоверию и отрицанию реальности. Даже в верхних помещениях, где Гитлер еще в течение нескольких недель имел обыкновение принимать пищу, гардины были всегда плотно задернуты². А снаружи в это время рушились фронты, пылали города и тянулись нескончаемые потоки беженцев — хаос разрастался.

И все же во всем этом виделась какая-то направляющая энергия, которая вела не просто к крушению рейха, а к его гибели. Ибо с самого начала своей политической карьеры Гитлер не уставал в высокопарных формулировках, которые он так любил, заклинять альтернативой — мировое господство или гибель. Не было никакого повода сомневаться в том, что о гибели он говорил в не менее буквальном смысле, нежели о своей — теперь уже рухнувшей — страсти к мировому

---

¹ Если быть более точным — 7,6 м. — *Прим. науч. ред.*

² *Zoller A. Op. cit. S. 203.*

господству. Действительно, отсутствие драматического конца дезавуировало бы всю его прошлую жизнь, его оперный, очаровывающийся грандиозными эффектами темперамент. Если мы не победим, заявил он еще в начале 30-х годов, распространяясь в одной из своих фантазий насчет предстоящей войны, «то, погибая сами, мы увлечем с собой в бездну еще и половину мира»³.

Конечно, дело тут было не только в его тяге к театральности и не только в его упрямстве и отчаянии — они лишь подталкивали к катастрофе. Скорее, дело тут было в том, что Гитлер видел в этом максимальный шанс для выживания. Штудирова историю, он понял, что только грандиозная гибель и развивает ту мифотворческую силу, благодаря которой остаются в памяти потомков чьи-то имена. Вот и теперь он вкладывал всю свою оставшуюся силу в инсценировку своего ухода. Когда в конце января ставший к тому времени генерал-майором Отто Эрнст Ремер⁴ спросил его, почему же он, несмотря на неминуемое поражение, все еще стремится продолжать борьбу, Гитлер мрачно ответил: «Из тотального поражения вырастает новый урожай». Нечто подобное сказал он примерно неделю спустя и Борману: «Отчаянная борьба сохранит свою вечную ценность в качестве примера. Во всяком случае, это не наш стиль — дать себя прирезать, как овец. Пусть нас, может быть, и уничтожат, но безропотно привести себя на бойню мы не позволим»⁵.

Это соображение придавало поведению Гитлера на всем заключительном этапе безысходную последовательность и послужило, в частности, основой для его последней концепции ведения войны — стратегии «грандиозной гибели». Еще осенью 1944 года, когда армии союзников подошли к границам Германии, он распорядился о применении практики «выжженной земли» уже и на территории рейха и потребовал, чтобы противнику оставляли лишь пустыню. Но то, что казалось поначалу хоть как-то оправданным оперативными

---

³ *Rauschning H. Gespräche.* S. 115.

⁴ Ремер был произведен в генерал-майоры 31 января 1945 года. — *Прим. науч. ред.*

⁵ *Le Testament politique de Hitler.* P. 67; предыдущая цитата основывается на личном сообщении О.Э. Ремера автору. В ходе разговора с Гитлером Ремер напомнил ему о том, что несколько недель тому назад тот назвал наступление в Арденнах последним шансом в этой войне, и если оно не удастся, то и война в целом будет проиграна.

соображениями, превратилось вскоре в бесцельную, прямо-таки абстрактную манию разрушения. Ликвидации подлежали не только промышленные предприятия и базы снабжения, но и все учреждения, необходимые для поддержания жизни: продовольственные склады и канализационные системы, подстанции, кабели связи и радиомачты, телефонные станции, распределительные схемы и склады запасных частей, документация отделов прописки и бюро актов гражданского состояния, а также все банковские документы. Та же участь ожидала даже уцелевшие после бомбежки памятники искусства: исторические здания, дворцы, церкви, драматические и оперные театры. Вандалистская суть Гитлера, всегда жившая в нем под тонким слоем буржуазной культуры, этот его синдром варварства, проявилась теперь во всей своей наготе. На одном из последних совещаний, где обсуждалась обстановка, он вкупе с Геббельсом, вернувшимся на свои начальные радикальные позиции и ставшим по этой причине в те недели ближе к Гитлеру, чем когда бы то ни было, сожалел, что они не развернули революции в классическом стиле и что как захват власти, так и аншлюс Австрии оказались полны «изъянов» из-за отсутствия сопротивления. Мы «разгромили бы все», — усердствовал министр пропаганды, а Гитлер посетовал на свои многочисленные уступки: «Всегда потом жалеешь, что был таким добрым»⁶.

Действуя именно в таком духе, он, по свидетельству Гальдера, еще в самом начале войны настоял, вопреки мнению генералитета, на бомбардировке и обстреле уже готовой сдать Варшавы и эстетически наслаждался картинами разрушений: апокалипсически черным небом, миллионом тонн бомб, вздыбливающимися от взрывов стенами зданий, паникой и гибелью людей⁷. Во время похода на Россию он с нетерпением ожидал уничтожения Москвы и Ленинграда, летом 1944 года — гибели Лондона и Парижа, а после с наслаждением рисовал себе картину того ужасающего эффекта, который принесла бы бомбардировка с воздуха улиц-ушей Манхэттена. Только ни одному из этих ожиданий и видений

---

⁶ Hitlers Lagebesprechungen, 27.4.1945. Опубликовано в: Der Spiegel, 1966. Nr. 3. S. 42; о планировавшихся разрушениях см.: *Speer A.* Op. cit. S. 412.

⁷ См.: *Trevor-Roper H.R.* Hitlers letzte Tage. S. 96.

так и не суждено было сбыться⁸. Но зато теперь он мог почти без каких-либо ограничений пойти на поводу своего первобытного аффекта разрушения, без труда сочетавшегося не только с особой стратегией гибели, но и с революционной ненавистью к старому миру. Все это вместе и придавало лозунгам заключительного этапа тот тон экстатического гибельного восторга, которым пронизаны все крики возмущения и который представляется актом крайнего саморазоблачения. «Под развалинами наших опустошенных городов окончательно погребены последние так называемые достижения буржуазного XIX века, — чуть ли не ликуя, писал Геббельс. — Вместе с памятниками культуры рушатся и последние препятствия для выполнения нашей революционной задачи. Теперь, когда все лежит в развалинах, нам придется отстраивать Европу заново. В прошлом частное владение принуждало нас к буржуазной сдержанности. Теперь же бомбы вместо того, чтобы убить всех европейцев, лишь отполировали тюремные стены, в которых они были заперты... Врагу, стремившемуся уничтожить будущее Европы, удалось только уничтожение прошлого, и это означает конец всему старому и изжившему себя»⁹.

Бункер, в который удалился Гитлер, доходил до сада Имперской канцелярии и заканчивался там круглой бетонной башней, служившей также и запасным выходом¹⁰. В двенадцати помещениях верхнего этажа, так называемого предбун-

---

⁸ См.: *Speer A.* Op. cit. S. 433; 20 июля 1944 года Гитлер заявил Муссолини о своем «твердом намерении» использовать ракеты «Фау-2», чтобы «полностью сравнять Лондон с землей. Обстрел Лондона будет продолжаться до тех пор, пока не будет разрушен весь город». См.: *Hillgruber A.* Staatsmänner. Bd. II. S. 470 f. Приказ удержать Париж или превратить его в руины был отдан непосредственно перед освобождением города 23 августа 1944 года, но не был выполнен генералом фон Хольтицем; см. в этой связи репортаж Лэрри Коллинза и Доминика Лапьера «Горит ли Париж?»: *Collins L., Lapierre D.* Brennt Paris? Bern; München; Wien, 1964. Сам приказ опубликован в: *Jacobsen H.-A.* 1939—1945, S. 587 ff.

⁹ Это высказывание И. Геббельса цит. по: *Trevor-Roper H.R.* Hitlers letzte Tage. S. 80.

¹⁰ Эта информация не верна. На поверхности выход имел вид квадратного бетонного блока (6,6 × 6,6 м, высотой 4,6 м) со стальной дверью. Наблюдательная башня находилась в нескольких метрах от него. В башню можно было попасть из бункера по винтовой лестнице. — *Прим. науч. ред.*

кера, размещалась часть обслуживающего персонала, диетическая кухня Гитлера, а также находилось несколько хозяйственных комнат. Винтовая лестница вела оттуда в расположенный ниже бункер фюрера, который состоял из двенадцати помещений, связанных широким коридором. Дверь справа вела к комнатам Бормана, Геббельса, эсэсовского врача д-ра Штумпфеггера, а также в несколько комнат канцелярии, слева располагалась анфилада из шести комнат, в которых обитал Гитлер, через пару метров коридор заканчивался большим помещением, где проходили совещания. В течение дня Гитлер находился в своей жилой комнате, где висел большой портрет Фридриха Великого и стояли всего лишь маленький письменный стол, деревянная софа и три кресла¹¹. Нагота и узость этого лишенного окон помещения создавали гнетущую атмосферу, на что жаловались многие посетители, но эта его последняя остановка из бетона, тишины и электрического света, несомненно, очень точно выражала нечто, что было присуще самому естеству Гитлера, — изолированность и искусственность его существования.

Все, кто был видел Гитлера в эти дни, единодушно в своих описаниях фюрера и отмечают в первую очередь его согбенную фигуру, серое лицо с синяками под глазами и становившийся все более хриплым голос. Его обладавший раньше такой гипнотической силой взгляд был теперь опустошенным и усталым. Он все более явно переставал сдерживать себя, казалось, самопринуждение к стилизации в течение стольких лет мстило теперь за себя. Его китель часто был заляпан остатками еды, на впалых старческих губах виднелись крошки от пирожных, а когда он, слушая доклад, брал в трясущую левую руку очки, то слышно было, как они постукивают по крышке стола. Иной раз, словно уличенный в чем-то, он откладывал их тогда в сторону. Держался он только благодаря

---

¹¹ См. описание бункера у А. Цоллера: *Zoller A. Op. cit. S. 149 ff.* Впрочем, обитатели отдельных помещений, расположенных справа от центрального коридора, неоднократно менялись; например, спальня Геббельса принадлежала до этого Мореллю, а предназначенная для оказания первой медицинской помощи комната д-ра Штумпфеггера служила одно время пристанищем камердинеру Гитлера Линге.

Кроме того, в комнате Гитлера находились небольшой столик с радиоприемником и две банкетки. Кроме портрета Фридриха кисти Антона Графа над софой висел натюрморт голландского художника. — *Прим. науч. ред.*

своей силе воли, а из-за дрожи в конечностях мучился не в последнюю очередь именно потому, что она противоречила его убеждению, будто железная воля может превозмочь все. Один из офицеров Генштаба так описывал свои впечатления:

«Физически он представлял собой ужасную картину. Он с трудом передвигался, бросая вперед верхнюю часть туловища и подтягивая за ней ноги, из своего жилого помещения в помещение для совещаний в том же бункере. У него было нарушено ощущение равновесия, и если его останавливали на этом коротком пути (метров 20—30), то ему приходилось садиться на одну из приготовленных для этого у обеих стен скамеек или же держаться за своего собеседника... Глаза его были налиты кровью; хотя все предназначенные для него бумаги печатались на специальных «фюрерских машинках» с особым увеличенным втрое шрифтом, он мог читать их только с помощью сильных очков. Из уголков рта часто капала слюна»¹².

Изменение режима уже смешало к этому времени все представления о дне и ночи, последнее совещание заканчивалось зачастую около 6 часов утра. Вконец измученный, Гитлер ждал после этого, лежа на диване, прихода своих секретарш, чтобы дать им указания на день. Как только они входили в комнату, он грузно поднимался. «С дрожащими ногами и трясущейся левой рукой, — расскажет потом одна из них, — он какое-то время стоял перед нами, затем в изнеможении падал на диван, а прислуживающий ему человек утираивал ему ноги повыше. Он лежал в глубокой апатии, занятый только одной мыслью... шоколад и пирожные. Его страсть к пирожным приняла прямо-таки болезненный характер. Если раньше он съедал не больше трех штук, то теперь ему трижды в день подавали наполненную до краев тарелку... Никаких разговоров он не вел»¹³.

Несмотря на прогрессировавшее все более быстрыми темпами разложение, Гитлер и теперь не выпускал из своих рук командование операциями. Смесь из упрямства, недоверия, сознания своей миссии и волевого запала все еще подхлестывала его. Один из его врачей, не видевший Гитлера с начала

---

¹² Опубликовано в: KTB/OKW. Bd. IV. Hbd. 2. S. 1701 f.; см., например, также описание Гитлера у Герхарда Больдта: *Boldt G. Die letzten Tage.* S. 15.

¹³ *Zoller A. Op. cit.* S. 150.

октября 1944 года, был в середине февраля 1945 года просто потрясен его видом и отметил, в частности, его слабеющую память, отсутствие сосредоточенности и частые провалы в сознании. Его реакция становилась все более непредсказуемой. Когда в начале октября Гудериан предложил, вопреки мнению Гитлера, план по углублению одной из линий обороны на Восточном фронте, тот не сказал ни слова, а лишь тупо уставился на карту. Затем он медленно поднялся и, сделав несколько неверных шагов, остановился с устремленным в пустоту взглядом, после чего кивком отпустил присутствовавших. Никто не может сказать, насколько такого рода явления были продиктованы его потребностью в лицедействе. Несколько дней спустя какое-то несогласие со стороны начальника Генерального штаба спровоцировало у Гитлера один из сильнейших приступов. «С пылающими от гнева щеками, с поднятыми кулаками, стоял предо мной этот дрожащий всем телом человек, вне себя от ярости и полностью потеряв самообладание. После каждого всплеска гнева Гитлер делал несколько шагов туда и обратно по кромке ковра, потом снова останавливался вплотную ко мне и бросал мне свое очередное обвинение. При этом он заходился в крике, его глаза выходили из орбит, а жилы на висках наливались кровью»¹⁴.

Такие перепады настроения были характерны для этих недель. Людей, которые годами находились с ним рядом, Гитлер неожиданно отстранял, а других столь же неожиданно приближал. Когда лечивший его много лет врач д-р Брандт вместе со своим коллегой фон Хассельбахом предпринял попытку ослабить влияние Морреля и избавить Гитлера от наркотической зависимости, тот без раздумий избавился от него самого, приговорив его вскоре после этого к смертной казни¹⁵. Так же резко он отстранил от себя Гудериана, Риббентропа, Геринга и

---

¹⁴ *Guderian H.* Op. cit. S. 376; также: *Boldt G.* Op. cit. S. 26 f. В случае с упомянутым врачом речь идет о д-ре Гизинге; см. его рассказ у В. Мазера: *Maser W.* Hitler. S. 350 f.

¹⁵ Приказ об аресте Брандта и отдачи под суд военного трибунала был подписан Гитлером не в связи с выступлениями против Морреля. При наступлении союзников в апреле 1945 года Брандт, когда всему руководству было приказано эвакуироваться в центральные районы Германии, оставил свою семью в Тюрингии, чтобы они дождались прихода американцев. Это и стало причиной гнева Гитлера. 16 апреля Брандт был арестован и 17 апреля приговорен к смертной казни; приговор в исполнение не был приведен. — *Прим. науч. ред.*

многих других. Он часто впадал в бесплодные раздумья, как это было столь характерно для него в годы формирования его личности. С отсутствующим видом сидел он тогда на своем диванчике со щенком от последнего помета Блонди на коленях, которого он называл «Волком» и сам дрессировал. Только с заверениями в собственной невинности и со словами о незаслуженном вероломстве возвращался он назад к действительности. В каждой неудаче, в каждом отступлении он видел измену. Человечество настолько плохо, посетовал он как-то, «что не стоило бы и жить дальше»¹⁶.

Еще больше усилилось и отмечавшееся выше стремление компенсировать свою мизантропию безвкусными издевками над окружением. Тогда он, например, утверждал в присутствии женщин, «что губная помада изготавливается из нечистот Парижа», или отпускал во время обеда, упомянув что Моррель пускает ему кровь, такую шуточку по адресу своих сотрапезников-невегетарианцев: «Я велю из излишков моей крови приготовить для вас кровяные колбаски как дополнительное питание. А почему бы и нет? Вы же так любите мясо!» Одна из его секретарш рассказывает, как он однажды после привычной жалобы насчет великого предательства с горечью заговорил о том, что будет после его конца: «Если со мной что-то случится, то Германия останется без вождя, так как у меня нет преемника. Первый сошел с ума [Гесс], второй растратил симпатии народа [Геринг], а третьего не захотят партийные круги [Гиммлер]... и он полностью чуждый искусству человек»¹⁷.

И все-таки ему как-то удавалось уходить от мрачных чувств, часто стимулом для него становилась какая-то случайность, имя любимого военачальника или какая-нибудь иная звучная, но несущественная мелочь. По стенограммам последних совещаний можно проследить, как охотно он подхватывал какое-то слово, какой-то факт, переиначивал и раздувал его, чтобы в конечном итоге зажечься от него эйфорической верой в победу¹⁸. Порой он конструировал свои иллюзии

---

¹⁶ Zoller A. Op. cit. S. 230. «Время от времени, — говорится далее, — Гитлер поднимал глаза на портрет Фридриха Великого, который висел над его письменным столом, и повторял его изречение: “Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак”».

¹⁷ Ebd. S. 204, 232.

¹⁸ Характерным примером является обсуждение обстановки в полдень 27 января 1945 года, когда одно упоминание о том, что знаменитую моторизованную дивизию «Великая Германия» планируется ис-

с далеко идущими последствиями. Так он распорядился начиная с осени 1944 года формировать на базе хорошо зарекомендовавших себя фронтовых частей многочисленные народно-гренадерские дивизии¹⁹, но в то же время приказал остатки разбитых дивизий не расформировывать, а заставлять их продолжать сражаться и так постепенно «обескровливать» себя, поскольку он считал, что деморализующее воздействие поражения преодолеть невозможно²⁰. Но это его распоряжение имело своим следствием, что и при растущих потерях он все еще мог тешить себя мыслью об исполинской растущей военной мощи. К картинам ирреального мира бункера как раз и относится манипулирование дивизиями-призраками, которые он то и дело формировал для наступательных операций, обходных маневров, и, наконец, решающих сражений, которые так никогда и не состоялись.

Его окружение и теперь почти безоговорочно следовало за ним в становившуюся все более прозрачной паутину из самообмана, искажения реальности и мании. С трясущимися руками и ногами, поникший сидел он за столом для совещаний, водя по карте непослушными пальцами. Когда неподалеку от Имперской канцелярии падала бомба и электрический свет в бункере начинал мигать, его взгляд скользил по застывшим лицам стоящих перед ним навывтяжку офицеров: «Близко упала!»²¹ Но вопреки своему болезненному состоянию и слабости, делавшей его похожим на призрак, он все еще сохранил что-то от своей гипнотизирующей власти. Конечно, какие-то отдельные явления разложения сказались и на его окружении: налицо были признаки беспорядка и ослабления дисциплины,

---

пользовать на одном из критических участков фронта в Восточной Пруссии, заметно подняло настроение Гитлера, и это несмотря на замечание Гудериана, что для проведения намечаемой перегруппировки у дивизии нет горючего; см.: *Hitlers Lagebesprechungen*. S. 839.

¹⁹ Приказом 20 июля 1944 года только что сформированные гренадерские дивизии, некоторые пехотные дивизии были переименованы в народно-гренадерские, новые народно-гренадерские дивизии получили номера разбитых пехотных дивизий. То есть это никак не было связано с тем, что подобные части «отличились» на фронте. В строевом и дисциплинарном отношении народно-гренадерские дивизии должны были подчиняться рейхсфюреру СС, они должны были стать основой национал-социалистической армии — правда, из этого ничего не вышло. — *Прим. науч. ред.*

²⁰ *Speer A.* Op. cit. S. 408.

²¹ *Zoller A.* Op. cit. S. 152.

нарушения протокола и выдававшая истинное положение вещей фамильярность персонала. Когда Гитлер входил в зал для совещаний, редко кто прерывал разговор и приветствовал его вставанием. Но все это было небрежением по дозволению, доминировала же призрачная атмосфера придворного общества, теперь скорее даже усугубившаяся ирреальностью подземного антуража. Один из участников совещаний скажет потом, что «эти флюиды раболепия, нервозности и лживости были почти невыносимы не только для души, они ощущались и в прямотакти физическом недомогании. Ничто не было там настоящим, кроме страха»²². И все-таки Гитлеру все еще удавалось вселять в окружающих веру и пробуждать самые абсурдные надежды. Его авторитет, несмотря на все ошибки, ложь и неверные выводы, буквально до последних часов, когда у него не осталось ни власти казнить и миловать, ни силы навязывать свою волю, оставался абсолютно непререкаемым. Иной раз кажется, что он был в состоянии каким-то непостижимым образом разрушать связь с реальностью у каждого, кто оказался близ него. В середине марта в бункере появился охваченный отчаянием гаулейтер Форстер²³: 1100 советских танков подошли к Данцигу, у вермахта же оставалось всего четыре «Тигра», и Форстер был твердо намерен, — так провозглашал он в приемной, — с полной откровенностью описать Гитлеру «всю пагубность положения» и заставить его «принять ясное решение». Но после короткой беседы он вернулся от Гитлера «полностью преображенным»: фюрер пообещал ему «новые дивизии», он спасет Данциг, «и в этом можно не сомневаться»²⁴.

Такого рода случаи позволяют сделать и обратный вывод: насколько же искусственной и зависимой от перманентного личного воздействия была вся система лояльности в окружении Гитлера. Его безграничное недоверие, выливавшееся в

---

²² См.: КТВ/OKW. Bd. IV. Hibd. 2. S. 1700.

²³ Альберт Форстер (26.7.1902—28.2.1952) с октября 1939 года являлся гаулейтером Данцига — Западной Пруссии и имперским наместником Западной Пруссии, а с ноября 1942 года также и имперским комиссаром обороны Западной Пруссии. — *Прим. науч. ред.*

²⁴ Zoller A. Op. cit. S. 29 f. В январе, во время одного из совещаний Гитлер размышлял о том, «не стоит ли приступить к созданию нового снаряда» (Hitlers Lagebesprechungen. S. 867), а когда 18 апреля его посетил генерал войск СС Карл Вольф, Гитлер распространялся перед ним о своих «планах на ближайшее будущее»; см.: Dollmann E. Op. cit. S. 235.

последние месяцы в столь же болезненные, сколь и гротескные формы, как бы находит тут свое дополнительное подтверждение. Еще до начала наступления в Арденнах он ужесточил и без того строжайшие предписания о режиме секретности одной необычной мерой: потребовал от всех командующих армий подписку о неразглашении тайны. Затем 1 января 1945 года жертвой этого недоверия стала сколоченная в очередной раз из последних резервов истребительная авиация: крупное соединение, состоявшее примерно из 800 машин, совершило в этот день на низкой высоте неожиданный налет на аэродромы союзников в Северной Франции, Бельгии и Голландии и за несколько часов уничтожило почти 1000 вражеских самолетов, потеряв около 100 машин (операция «Каменная плита»). Из-за чрезмерных предписаний по сохранению тайны при возвращении истребители попали под огонь собственной зенитной артиллерии и потеряли свыше 200 самолетов. Когда в середине января была сдана Варшава, Гитлер приказал арестовать и привезти под дулами пистолетов причастных к этому офицеров, а генерал, исполнявший обязанности начальника Генерального штаба, был подвергнут многочасовому допросу у Кальтенбруннера и шефа гестапо Мюллера²⁵.

Наверное, с этим недоверием связан и тот факт, что он снова ищет общества своих старых соратников, словно желая в очередной раз почерпнуть силу в былой бесшабашности, радикальности и уверенности. Уже сам факт назначения имперскими комиссарами по обороне гаулейтеров явился актом закаливания старой боевой дружбы. Вспомнил он теперь и о Германе Эссере, находившемся в опале почти 15 лет, доверив ему 24 февраля, в день 25-й годовщины провозглашения программы партии, зачитать в Мюнхене соответствующее воззвание, в то время как сам он принял в тот день в Берлине делегацию партийных функционеров. В своем выступлении он пытался воодушевить их идеей героической германской борьбы до последнего человека: «Если моя рука и дрожит, — заявил он собравшимся, которые были поражены его видом, — и даже если будет дрожать голова, — сердце мое никогда не дрогнет»²⁶.

Два дня спустя советские войска вышли через Западную Померанию к побережью Балтийского моря, показав тем самым,

---

²⁵ *Guderian H.* Op. cit. S. 360.

²⁶ Цит. по: *Görlitz W., Quint H.A.* Op. cit. S. 616; а также: *Domarus M.* Op. cit. S. 2202 ff.

что они уже готовы захватить Германию. На Западе союзники преодолели в начале марта «Западный вал» на всем его протяжении от Ахена до Пфальца, захватили 6 марта Кёльн и создали у Ремагена плацдарм на правом берегу Рейна. Затем Красная армия развернула крупное наступление в Венгрии и обратила в бегство отборные эсэсовские части Зеппа Дитриха. Почти одновременно перешли в наступление и партизанские соединения Тито, тогда как западные союзники еще в нескольких местах форсировали Рейн и стремительно продвигались в глубь страны. Война вступила в завершающую стадию.

Гитлер реагировал на крушение всех фронтов все новыми приказами держаться, вспышками ярости и созданием летучих военно-полевых судов. Он в третий раз отправил в отставку фон Рундштедта, лишил элитные части Зеппа Дитриха манжетных лент с вышитыми на них названиями дивизий и 28 марта снял с поста начальника Генерального штаба Гудериана, без объяснений предложив ему немедленно взять на полтора месяца отпуск для поправки здоровья. Как свидетельствуют сохранившиеся протоколы совещаний, он уже потерял всякую ориентацию и только напрасно расходовал время в бессмысленных препирательствах, упреках и воспоминаниях. Его постоянное нервное вмешательство лишь ухудшало существующее положение. В конце марта, например, он отдал приказ направить подразделение из резерва в составе 22 танков в район Пирмазенса, затем, получив тревожное известие с Мозеля, передислоцировал эту часть «в область Трира», после чего изменил приказ на движение «в направлении Кобленца» и в конечном итоге, по мере поступления новых донесений об обстановке, надавал столько распоряжений по изменению маршрута движения, что никто не был в состоянии даже выяснить, где же находятся эти танки²⁷.

Но главное — стратегия гибели вступила теперь в стадию своего осуществления. Конечно, речь шла не о какой-то системе хладнокровно спланированного самоуничтожения, а о череде мероприятий, сопровождающихся безрассудством, вспышками гнева и истерическими припадками, — его сердце все-таки дрогнуло. Но за всем этим все равно почти в каждый момент ощущалось довлеющее над ним стремление к катастрофе.

---

²⁷ См.: *Boldt G. Op. cit.* S. 38. Об отставке Гудериана см. его воспоминания: *Guderian H. Erinnerungen.* S. 386 ff.

Чтобы создать атмосферу жесточайшей непримиримости, Гитлер еще в феврале дал Имперскому министерству пропаганды указание так подвергать нападкам и оскорблять в личном плане государственных деятелей коалиции, «чтобы они были лишены возможности сделать немецкому народу какое-либо предложение»²⁸. Теперь, когда все мосты были сожжены, он шел на последний бой. Целая серия приказов начиная с 19 марта («Нероновский приказ»²⁹) предписывала «уничтожать... все имеющие военное значение транспортные, коммуникационные, промышленные и коммунально-бытовые сооружения, а также материальные ценности на территории рейха, которые могут быть каким-либо образом немедленно или в обозримое время использованы врагом для продолжения им борьбы». В соответствии с этими приказами были приняты незамедлительные меры по подготовке к разрушению шахт и подземных сооружений, к выводу из строя водных артерий (были затоплены груженные цементом суда), а также по эвакуации населения в глубь страны, в Тюрингию и в области на среднем течении Эльбы. Оставляемые вермахтом города должны были, как гласил один из призывов дюссельдорфского гаулейтера Флориана³⁰, предаваться огню. Так называемый «приказ о флагах» предписывал, что в тех домах, где будут вывешены белые флаги, все лица мужского пола подлежат расстрелу на месте. Вышедшая в конце марта Директива Верховного главнокомандующего требовала организовать фанатичное сопротивление надвигающемуся врагу. При этом какие-либо ссылки на обеспечение безопасности населения в настоящее время приниматься во внимание быть не могут³¹. Всему этому противоречили предпринимавшиеся одно время усилия по спасению свезенных со всех концов континента произведений искусства и неоднократно засви-

---

²⁸ *Speer A.* Op. cit. S. 433.

²⁹ Римский император Нерон (37—68) по легенде организовал в 64 году грандиозный пожар, уничтоживший 10 из 14 районов Рима. — *Прим. пер.*

³⁰ Обергруппенфюрер СА Фридрих Карл Флориан (4.2.1894—24.10.1975) был гаулейтром Дюссельдорфа с 1930 до 1945 года, одновременно с ноября 1942 года — имперский комиссар обороны гау Дюссельдорф. — *Прим. науч. ред.*

³¹ Упомянутый «приказ о флагах» опубликован в: *Jacobsen H.-A.* 1939—1945. S. 591 f.; см. также: *Speer A.* Op. cit. S. 586, 451. Так называемый Нероновский приказ опубликован, например, в: *КТВ/OKW. Bd. IV. Hlbd. 2. S. 1580 f.*

детельствованные хлопоты Гитлера о будущем города Линца — это были последние и тщетные заклинания в бозе почившей мечты о «государстве красоты».

С приближением краха значительно четче проступили и тенденции к мифологизации. Штурмуемая со всех сторон Германия уподобляется им теперь одинокому герою. Он в очередной раз мобилизует глубоко укоренившуюся в немецком сознании тягу к идеализируемому презрению к жизни, к романтике поля брани. Укрепления и заграждения, которые по приказу Гитлера должны были сооружаться повсюду и удерживаться до последнего, символизировали идею «забытого отряда», которая в миниатюре олицетворяла всю Германию в целом и которая издавна имела смутную притягательную силу для пессимистического эмоционального мира Гитлера. Вагнеровские мотивы, германский нигилизм и какая-то романтика гибели входили сюда пестрой и похожей на оперную постановку составной частью. «Лишь одного еще хочу я — конца, конца!» Разумеется, неслучайно Мартин Борман в своем последнем сохранившемся письме из Имперской канцелярии, написанном в начале апреля 1945 года, напомнил своей жене о гибели «доброй памяти Нибелунгов в зале короля Этцеля», и вполне можно предположить, что старательный секретарь и этот образ перенял у своего патрона³². И для Геббельса, несмотря на все навалившиеся беды, снова наступили счастливые дни. Акты бессмысленного варварства — превращенные в руины Вюрцбург, Дрезден и Потсдам — не только оправдали прогноз Гитлера, что демократии в этой войне явно потерпели поражение, потому что пошли на предательство собственных принципов, — более того, эти бомбардировки работали на его собственные деструктивные замыслы. В воззвании от 24 февраля Гитлер даже заявил, что сожалеет, что «Бергхоф» в Оберзальцберге не стал еще жертвой авиационных бомб. Через некоторое время последовал налет, и 318 четырехмоторных бомбардировщиков «Ланкастер» за считанные минуты превратили эту местность, по свидетельству одного очевидца, в «лунный ландшафт»³³.

---

³² The Bormann Letters, ed. by H.R. Trevor-Roper. P. 198.

³³ Свидетельство начальника Службы безопасности в Берхтесгадене Франка; см.: Koller K. Der letzte Monat. S. 48 ff. К высказыванию Гитлера о том, что демократии предали сами себя, см.: Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 463.

Пожалуй, не соответствует действительности представление, будто Гитлер стремился уберечь собственную персону в этой столь рьяно нагнетавшийся круговерти гибели. Куда вернее было бы сказать, что это были для него недели и дни реализации переплетавшихся в нем чувств. Безысходный инстинкт самоубийцы, сопровождавший его всю жизнь и сделавший его готовым пойти на самый большой риск, достиг, наконец, своей кульминации. В очередной раз он оказался припертым к стене, только теперь игра была окончена и уже нельзя было удвоить ставку. В этом финале есть какой-то элемент возбужденного самоудовлетворения, и именно он и объясняет наличие той все еще значительной энергии, которую умела проявлять эта «пожирающая пирожные человеческая развалина», как называл Гитлера тех недель один из обитателей бункера³⁴.

Однако решение привести Германию к гибели вдруг натолкнулось на неожиданное сопротивление. Альберт Шпеер, товарищ и наперсник в былых архитектурных мечтаниях, стал еще с осени 1944 года, опираясь на свой авторитет имперского министра вооружений, противодействовать начатым по приказу Гитлера акциям по разрушению зданий и коммуникаций в оккупированных странах и приграничных немецких областях. Правда, при этом Шпеера терзали сомнения, ибо, несмотря на наступившее между ними отчуждение, он не мог заглушить в себе чувство, что обязан личной симпатии Гитлеру огромными художественными возможностями, влиянием, славой, властью. Но когда Шпеер получил приказ разрушить промышленные предприятия, его чувство ответственности, окрашенное как чисто деловыми, так и романтическими мотивами, оказалось в конечном счете сильнее чувства личной преданности. В своих многочисленных памятных записках он пытался убедить Гитлера в бесперспективности войны и противопоставить рожденным в пещерах Ставки химерам реалистический анализ ситуации. Правда, от Гитлера он не добился ничего, кроме раздражения, хотя и в некотором «сентиментальном преломлении». Наконец, «придя в отчаяние», Шпеер составил план умерщвления обитателей фюрерского бункера путем пуска в вентиляционную систему бункера отравляющего газа, однако затеянная в последнюю минуту переделка вентиляционной шахты сорвала этот план и в

---

³⁴ Zoller A. Op. cit. S. 150.

очередной раз спасла Гитлера от покушения. Когда же Шпеер передал ему 18 марта новую памятную записку, в которой предсказывал «с уверенностью окончательный крах немецкой экономики» в самое ближайшее время и напоминал об обязательстве фюрера «в случае проигранной войны уберечь народ от героического конца», произошла, наконец, их резкая стычка. Преисполненный своими темными, катастрофическими настроениями, Гитлер противопоставил тут словам Шпеера свою концепцию гибели, нацеленную теперь уже не на эффектный уход со сцены, а на саморазрушительную сдачу на милость первобытной власти законов природы. Шпеер в своем последующем письме к Гитлеру передает суть их разговора следующим образом:

«Из Ваших слов, сказанных мне... в тот вечер — если я правильно их понял — ясно и недвусмысленно следовало: если война проиграна, то погибнет и немецкий народ. Такова неотвратимость судьбы. Не следует обращать внимание на то, что может понадобиться народу для его примитивнейшего дальнейшего существования. Напротив, лучше самим разрушить все это. Ибо этот народ показал себя слабым, и будущее теперь принадлежит более сильному восточному народу. Если что и останется после борьбы, так это лишь неполноценные люди, ибо все достойные погибли.

Я был чрезвычайно потрясен этими словами. И когда день спустя прочитал приказ о разрушениях, а вскоре вслед за ним приказ об эвакуации, я увидел в них первые шаги по осуществлению этих намерений»³⁵.

Хотя приказ о разрушениях лишил Шпеера власти и отменял все его распоряжения, он совершил поездку в прифронтовые районы, чтобы убедить местные власти в бессмысленности полученных ими приказов, отдал указание топить в воде взрывчатку и обеспечил руководителей жизненно важных предприятий автоматами, чтобы те могли защищаться от прибывших команд подрывников. Призванный Гитлером к ответу, он вновь напирал на то, что война проиграна, и отказался от настойчивого предложения уйти в отпуск. В ходе этой драматической сцены Гитлер потребовал от него демонстрации уверенности, что война еще не проиграна, а поскольку Шпеер настаивал на своем мнении, — заявления о вере в конечную

---

³⁵ Письмо Шпеера Гитлеру; цит. по: КТВ/OKW. Bd. IV. Hibd. 2. S. 1581 ff.

победу и, наконец, стал, сдерживая свои амбиции, чуть ли не умолять того хотя бы выразить надежду на «успешное продолжение» войны. «Если бы Вы, по меньшей мере, сохранили надежду, что для Вас еще не все потеряно! — заклинал Гитлер своего министра. — Вы же должны иметь надежду!... Я уже этим был бы доволен». Но Шпеер продолжал молчать. Резким тоном, дав ему на размышление 24 часа, Гитлер отпустил Шпеера, спасшегося от роковых последствий только изъявлением своей личной преданности фюреру — тот был так растроган, что вернул ему даже часть отобранных полномочий³⁶.

Примерно в это же время Гитлер в последний раз покидает бункер и выезжает на позиции на Одере. В «Фольксвагене» он добрался до замка близ Фрейенвальде, где его ожидали офицеры и генералы штаба 9-й армии. Старый, ссутулившийся человек с седыми волосами и изрезанным морщинами лицом с трудом выдавливал из себя подобие улыбки, которая должна была вселять уверенность. Стоя у покрытого картами стола, он говорил окружающим его офицерам, что советское наступление на Берлин должно быть остановлено. Дорог каждый день, каждый час, чтобы выпустить страшное оружие, которое и переломит ход войны, — таким был смысл его призывов. Один из офицеров подумал при том, что Гитлер похож на человека, вышедшего из могилы³⁷.

Хотя наступление советских войск действительно удалось на какое-то время приостановить, Западный фронт рухнул уже окончательно. 1 апреля была окружена в Рурской области группа армий генерал-фельдмаршала Моделя³⁸, и уже 11 апреля американцы вышли к Эльбе. За два дня до того пал Кёнигсберг. А на Одере советские войска готовились к штурму Берлина.

В те лишенные какой-либо надежды дни Геббельс, как свидетельствовал он сам, читал вслух павшему духом фюреру, чтобы его подбодрить, «Историю Фридриха Великого» Карлейля, выбрав как раз ту главу, где описывались тяжелые дни короля в зиму 1761/62 года:

---

³⁶ *Speer A. Op. cit. S. 456 ff.*

³⁷ См.: *Görlitz W., Quint H.A. Op. cit. S. 618.*

³⁸ Группировка Моделя (немногим более 300 тысяч человек) продолжала сопротивление еще более 20 дней. 21 апреля 1945 года, не видя возможностей для дальнейшей борьбы, генерал-фельдмаршал застрелился. — *Прим. науч. ред.*

«Про то, как сам великий король не видит больше выхода, не знает больше, что ему делать, как все его генералы и государственные мужи убеждены в его поражении, как враги уже переходят от побежденной Пруссии к своим повседневным делам, как будущее представляется ему беспросветным и он в своем последнем письме министру графу Финкенштейну устанавливает для себя срок: если до 15 февраля не наступит перелом, то он бросит все и примет яд. И далее Карлейль пишет: «Отважный король, погоди еще немного, и твои мучения кончатся, уже восходит за тучами солнце твоего счастья, которое вот-вот покажется». 12 февраля умерла царица³⁹, и свершилось чудо Бранденбургского дома. У фюрера, сказал Геббельс, были слезы на глазах»⁴⁰.

С приближением конца склонность искать мифические знаки и надежды вышла за рамки литературы, заполнила все вокруг и в очередной раз продемонстрировала покрытую флером современности иррациональность национал-социализма. Лей сделался в эти первые дни апреля страстным ходатаем за некоего изобретателя «лучей смерти», Геббельс проштудировал два гороскопа. В то время как американские войска вышли уже в предгорья Альп, отрезали Шлезвиг-Гольштейн и взяли Вену, из положения планет, восходов светил и их двойных прохождений вновь мерцали надежды на великий перелом, который должен произойти во второй половине апреля. И вот, будучи еще во власти этих параллелей и прогнозов, вернувшийся во время воздушного налета после поездки на фронт Геббельс, поднимаясь при свете пожарища по ступенькам своего министерства пропаганды, узнал, что умер американский президент Рузвельт. «Он был в экстазе», вспоминал потом один из офицеров, и тут же приказал соединить его с бункером фюрера. «Мой фюрер, я поздравляю Вас, — кричал он в трубку. — Звезды предсказывают, что вторая половина апреля принесет нам переломный момент. Сегодня — пятница, 13 апреля. Это перелом-

---

³⁹На самом деле императрица Елизавета Петровна умерла 5 января 1762 года (по новому стилю). — *Прим. пер.*

⁴⁰Из неопубликованного дневника графа Лутца Шверина фон Крозига; цит. по: *Trevor-Roper H.R. Hitlers letzte Tage*. S. 116. Тревор-Роупер обратил внимание на то обстоятельство, что на самом деле министром Фридриха Великого, которого имеет в виду Шверин фон Крозиг, был граф д'Аржансон.

ный момент!»⁴¹ В самом же бункере Гитлер собрал уже в это время министров, генералов и функционеров, всех этих скептиков и маловеров, которых в последние месяцы ему приходилось то и дело принимать, чтобы преподать им «сеанс гипноза», и, захлебываясь, по-старчески путаясь в словах, довел до них известие: «Вот! А вы не верили»⁴². Еще раз ему показалось, что Провидение демонстрирует свою волю и удостоверяет этим последним великим вмешательством закономерность тех многочисленных счастливых стечений обстоятельств, что случались в его жизни. В течение нескольких часов в бункере царило шумное праздничное настроение, в котором перемешались облегчение, благодарение и чуть ли не снова уверенность в победе. Но долго удержаться это чувство уже не могло. Как вспоминает Шпеер, «Гитлер сидел в своем кресле опустошенный, словно испытывший освобождение и одновременно вновь оказавшийся в плену. И все же он производил впечатление безнадёжного человека».

Один из забытых министров-консерваторов, входивший еще в кабинет образца 1933 года, слышал даже в тот день «шелест крыльев ангела истории, пролетевшего через комнату»⁴³. Едва ли можно найти более подходящие слова, чтобы охарактеризовать проявлявшуюся почти на всех уровнях столь явную отчужденность от реальности. Смерть Рузвельта не оказала никакого воздействия на ход военных событий. Три дня спустя советские войска, введя в бой 2,5 млн солдат, 41 600 орудий, 6250 танков и 7560 самолетов, начали наступление на Берлин.

20 апреля, в день 56-летия Гитлера, руководство режима в последний раз собралось вместе: Геринг, Геббельс, Гиммлер, Борман, Шпеер, Лей, Риббентроп, а также высшие чины вермахта⁴⁴. За несколько дней до того неожиданно приехала и Ева Браун, и каждый знал, что должно было означать

---

⁴¹ Со слов фрау Хаберцеттель, одной из секретарш министра пропаганды, см. ее рассказ в книге Тренора-Роупера: *Trevor-Roper H.R. Hitlers letzte Tage*. S. 118. О «лучах смерти» Лея см.: *Speer A. Op. cit.* S. 467 f.

⁴² *Speer A. Op. cit.* S. 467; отсюда же взят и последующий рассказ о состоянии Гитлера.

⁴³ Из дневника Шверина фон Крозига; см.: *Op. cit.* S. 117.

⁴⁴ На этом приеме, проведенном в форме совещания о военном положении, присутствовали генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, генерал-полковник Альфред Йодль, генерал пехоты Ганс Кребс,

ее прибытие. Все же в бункере царил наигранный оптимизм, сам Гитлер во время церемонии пытался поднять его еще больше. Он произнес пару коротких речей, хвалил, ободрял, делился воспоминаниями. В саду — в последний раз в присутствии кинооператоров и фотографов — он обошел группу членов гитлерюгенда, отличившихся в боях с быстро приближающимися советскими войсками, ласково поговорил с ними и вручил награды. Примерно в это же время приводились в исполнение и последние связанные с событиями 20 июля 1944 года казни.

Первоначально Гитлер выражал намерение покинуть в тот день Берлин и возвратиться в Оберзальцберг, чтобы продолжить борьбу из «Альпийской крепости», под сенью овечьей легендами горы Унтерсберг. Туда уже была отправлена часть персонала. Но в канун своего дня рождения он вновь заколебался. В первую очередь Геббельс страстно уговаривал его возглавить это решающее исход войны сражение у ворот Берлина и, если так случится, искать свой конец на развалинах столицы, как это и подобает его прошлому, его былым клятвам и его историческому рангу. В Берлине, говорил Геббельс, еще можно добиться «всемирной моральной победы». В то же время остальные настаивали на том, чтобы он покинул обреченный город и бежал, воспользовавшись еще оставшимся узким коридором — кольцо вокруг Берлина должно было сомкнуться со дня на день, а то и с часу на час. Но Гитлер все никак не мог принять решения и согласился только на учреждение Северного и Южного командований на случай, если Германия в ходе продвижения противника вперед окажется разделенной⁴⁵. «Как смогу я призывать войска к решающей битве за Берлин, — сказал он, — если сам буду в этот момент

генерал пехоты Вильгельм Бургдорф, гроссадмирал Карл Дёниц, рейхсмаршал Герман Геринг, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, министр пропаганды Йозеф Геббельс, министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп, министр вооружений Альберт Шпеер, имперский руководитель молодежи Артур Аксман и Мартин Борман. — *Прим. науч. ред.*

⁴⁵ 20 апреля 1945 года последовало разделение на две части Штаба оперативного руководства вермахта на оперативный штаб «Север» (А) (Führungsstab Nord) и оперативный штаб «Юг» (В) (Führungsstab Süd). Командовать на севере должен был — в случае, если Гитлер окажется в южной части страны, — гроссадмирал Карл Дёниц; на юге — в случае, если Гитлер останется в северной части, — генерал-фельдмаршал Альберт Кессельринг. — *Прим. науч. ред.*

в безопасности!» Наконец он заявил, что отдает решение в руки судьбы⁴⁶.

Великий исход начался уже вечером того же дня. Гиммлер, Риббентроп, Шпеер и почти вся верхушка командования военно-воздушных сил присоединились к длинным колоннам грузовиков, готовившихся к отъезду в течение всего дня. Бледная и потная, распрощался Геринг, он ссылаясь на какие-то «наисрочнейшие задачи», но Гитлер смотрел на этого грузного человека как на пустое место⁴⁷. Есть основания предполагать, что презрение Гитлера к слабости и оппортунистической расчетливости, которые он обнаружил вокруг себя в этот час, уже тогда предопределило его решение.

Во всяком случае, он отдал приказ — провести крупное наступление всеми имеющимися в наличии силами и отбросить вступившие уже в город советские войска. В бой должен был быть брошен каждый солдат, каждый танк, каждый самолет. Любое ослушание каралось строжайшим образом. Руководство наступлением он поручил обергруппенфюреру СС Феликсу Штейнеру⁴⁸, однако приказ частям о наступлении он отдал лично. Сам же он определил их исходные позиции и сам выделил для готовящегося последнего сражения дивизии, которые уже давно перестали ими быть. Один из очевидцев высказал позже подозрение, что новый начальник Генштаба генерал Кребс⁴⁹, в отличие от Гудериана, перестал

---

⁴⁶ *Speer A.* Op. cit. S. 477; позиция Геббельса подтверждается многочисленными свидетельствами, приведенное здесь высказывание было сделано при обсуждении обстановки 23 апреля 1945 года, см.: *Der Spiegel.* Op. cit. S. 34.

Из воспоминаний А. Йодля. Гитлер изменил свое решение и остался в Берлине 22 апреля 1945 года, см. *ZS 678 J.f.Z. München und «Wehrwissenschaftliche Rundschau».* 1966 (11). S. 525. — *Прим. науч. ред.*

⁴⁷ *Speer A.* Op. cit. S. 477.

⁴⁸ Кавалер Рыцарского креста с дубовыми ветвями и мечами обергруппенфюрер СС и генерал войск СС Феликс Штейнер (23.5.1896—17.5.1966) с конца марта 1945 года командовал армейской группой «Штейнер». Приказ Гитлера он проигнорировал и вывел свои войска на Запад, где 3 мая 1945 года сдался английским войскам. — *Прим. науч. ред.*

⁴⁹ Генерал пехоты Ганс Кребс (4.3.1898—1.5.1945) после смещения Гудериана 29 марта 1945 года был назначен исполняющим обязанности начальника Генерального штаба сухопутных войск. — *Прим. науч. ред.*

снабжать Гитлера конкретной информацией и занимал его как бы «играми в войну», которые сохраняли фюреру его иллюзии, а всем остальным — нервы⁵⁰. Наглядное впечатление о путанице в руководстве операциями в те дни дают записки начальника Генерального штаба люфтваффе Карла Коллера⁵¹:

«21 апреля. Рано утром звонок Гитлера: «Вы знаете, что Берлин под артиллерийским огнем? Центр города». — «Нет». — «Вы не слышите?» — «Нет, я нахожусь в Вердере».

Гитлер: «В городе большое возбуждение из-за огня дальноточной артиллерии. Наверное, речь тут идет о батарее крупного калибра, установленной на рельсах. Русские навели, вероятно, железнодорожный мост через Одер. Авиация должна обнаружить и подавить эту батарею».

Я: «У противника нет железнодорожного моста через Одер. Может быть, ему удалось захватить немецкую тяжелую батарею и повернуть стволы на город. Но, вероятно, речь все же идет о русских полевых орудиях среднего калибра, чей огонь достает уже до центра города». Продолжительные дебаты, есть ли у русских железнодорожный мост через Одер, или нет, и может ли полевая артиллерия русской армии обстреливать центр города...

Вскоре после этого Гитлер снова самолично у аппарата. Хочет знать точные цифры, сколько боеспособных самолетов в данный момент южнее Берлина. Я отвечаю, что информацию такого рода, поскольку связь с войсками функционирует отнюдь не безукоризненно, сразу дать невозможно. Придется довольствоваться текущими утренними и вечерними сводками, поступающими автоматически; это его сильно обозлило.

Спустя какое-то время снова его звонок и возмущение, что реактивные истребители не прибыли вчера с их аэродромов под Прагой. Я объясняю, что над аэродромами постоянно находились вражеские истребители, так что наши самолеты... не могли взлететь. Гитлер ругается: «Тогда реактивные самолеты больше ни к чему, и люфтваффе тоже не нужны»...

В своем раздражении Гитлер упоминает письмо промышленника Рёхлинга и кричит: «Того, что он пишет, мне уже

---

⁵⁰ *Speer A.* Op. cit. S. 463.

⁵¹ Генерал авиации Карл Коллер (22.2.1898—22.12.1951) стал последним в истории Третьего рейха начальником Генерального штаба люфтваффе 1 ноября 1944 года после смещения Вернера Крейпе. — *Прим. науч. ред.*

достаточно! Все командование люфтваффе следовало бы немедленно повесить! »

Вечером между 20.30 и 21.00 он снова у телефона. «У рейхс-маршала в Каринхалле целая личная армия. Немедленно рас-пустить ее и... отправить людей обергруппенфюреру СС Штей-неру», — и с этими словами бросает трубку. Пока я обдумываю, что же все это должно значить, Гитлер звонит опять: «Всех имеющих в наличии военнослужащих люфтваффе в районе между Берлином и побережьем, вплоть до Штеттина и Гамбур-га, привлечь к организованному по моему приказу наступле-нию северо-восточнее Берлина»... На мой вопрос, где же будет организовано наступление, ответа не последовало, он уже по-весил трубку...

В ряде разговоров по телефону я пытаюсь добиться ясно-сти. Так я узнаю через майора Фрейганга из штаба генерала Конрада⁵², что он слышал, будто обергруппенфюрер Штейнер должен начать наступление из района Эберсвальде в южном направлении. Но пока в Шёнвальде прибыл только Штейнер с одним офицером. Где предназначенные для наступления войсковые части — неизвестно...

В телефонный разговор с бункером фюрера, где я только в 22.30 добиваюсь генерала Кребса и прошу более подробной информации о планируемом наступлении... вмешивается Гитлер. Вдруг в трубке слышится его возбужденный голос: «Вы что, сомневаетесь в моем приказе? Мне кажется, я выра-зился достаточно ясно»... В 23.50 снова звонок Гитлера. Он спрашивает о мерах люфтваффе в связи с наступлением Штейнера. Я докладываю. При этом я подчеркиваю, что у этих войск совершенно нет боевого опыта, их не готовили к наземным боям и они не имеют необходимого снаряжения, к тому же у них нет тяжелого вооружения. Он читает мне корот-кую лекцию об обстановке⁵³.

Нужно знать все эти обстоятельства, чтобы понять абсо-лютно фантастический характер наступления Штейнера, на которое Гитлер возлагал такие далеко идущие надежды. «Вот увидите, — заявил он Коллеру, — русские потерпят у ворот Берлина самое большое поражение, самое кровавое пораже-ние в своей истории». В течение всей первой половины сле-

---

⁵² Генерал-лейтенант Герхард Конрад (21.4.1895—28.5.1982) являл-ся инспектором военных пополнений в Лейпциге. — *Прим. науч. ред.*

⁵³ Koller K. Op. cit. S. 19 ff.

дующего дня он нервно и со все возрастающим отчаянием ожидал известий о ходе операций. В три часа, к началу совещания, посвященного обсуждению обстановки, никаких донесений от Штейнера все еще не было. Зато стало ясно: вчерашние распоряжения так запутали положение и оголили фронт, что Красная армия смогла прорвать внешнее оборонительное кольцо на севере Берлина и ее передовые танковые части ворвались в город. Наступление Штейнера так никогда и не состоялось.

Во время обсуждения военной ситуации разразилась буря, сделавшая это совещание 22 апреля памятным событием. После короткого, задумчивого молчания, не в силах смириться с тем, что надежды оказались обманутыми, Гитлер начал бушевать. Это было что-то вроде глобального обвинения всего мира в трусости, подлости и измене. Его осипший за последние месяцы почти до шепота голос еще раз обрел что-то от своей былой силы. Привлеченные шумом, в проходах и на лестницах столпились обитатели бункера, а он кричал, что все бросили его в тяжелый момент. Он проклинал армию, кричал о коррупции, слабости, лжи. Вот уже много лет его окружают одни предатели и трусы. Он потрясал кулаками, слезы бежали по его щекам. Как это было всегда, когда в его жизни случались крупные катастрофы, сопровождавшиеся исчезновением чар, вместе с одной-единственной, истерической, доведенной до высшего предела ставкой для него рухнуло все. Теперь все кончено, сказал он, больше предпринять он ничего не может, остается одна только смерть; он встретит ее здесь, в городе. Кто хочет, может пробиваться на юг, сам же он останется на своем посту в Берлине. Все протесты и просьбы окружающих, которые снова обрели дар речи, когда Гитлер в изнеможении умолк, были им отвергнуты: он не позволит себя тащить еще куда-то, ему не следовало бы в свое время покидать «Волчье логово». Попытки уговоров, предпринятые по телефону Гиммлером и Дёницем, остались безрезультатными. Риббентропа он просто не захотел выслушать. Вместо этого он вновь заявил, что останется в Берлине и встретит смерть на ступенях Имперской канцелярии. Захваченный такой столь же драматичной, сколь и святотатственной картиной, он, по свидетельству одного очевидца, повторил это 10 или 20 раз. Продиктовав текст телеграммы со своим решением о том, что принимает руководство обороной города на себя, он зак-

рыл совещание. Было 8 часов вечера. Все участники были потрясены и измотаны⁵⁴.

Позднее, в личных покоях Гитлера и в узком кругу, дебаты вспыхнули еще раз. Сначала Гитлер вызвал Геббельса и предложил ему переселиться со всей семьей в фюрерский бункер. Затем он стал просматривать свои личные бумаги и, как обычно, когда решение уже было принято, распоряжался быстро, без колебаний. Приказав сжечь документы, он предложил Кейтелю и Йодлю отправиться в Берхтесгаден, их же просьбы об отдаче оперативных приказов были им отклонены. В ответ на их новые настояния он заявил, подчеркнув неизменность своего решения: «Я никогда не покину Берлин — никогда!» Какое-то время оба офицера независимо друг от друга даже раздумывали, не следует ли им силой вывезти Гитлера из бункера и переправить в «Альпийскую крепость», однако эта идея была невыполнима. После этого Кейтель отправился в расположенный примерно в 60 км юго-западнее Берлина, в лесничестве «Старая пещера», штаб армии Венка⁵⁵, которая теперь стала предметом преувеличенных надежд. Йодль несколько часов спустя так рассказывал о состоявшейся беседе:

«Гитлер принял... решение остаться в Берлине, принять на себя руководство его обороной и застрелиться в последний момент. Он сказал, что сражаться он не сможет физически и лично в бой вступать не будет, так как в этом случае появится опасность быть раненым и попасть в руки врага. Все мы пытались изо всех сил отговорить его и предложили снять войска с Западного фронта для продолжения борьбы на Восточном. На это он сказал, что все развалилось, что делать этого он не может и пусть это сделает рейхсмаршал. На прозвучав-

---

⁵⁴ Свидетелями этих событий были, в частности, Кейтель, Йодль, генерал Кристиан, полковник фон Фрейтаг-Лорингхофен, Лоренц, полковник фон Белов и секретарша Бормана фрейлейн Крюгер. Описание событий основывается преимущественно на их передаче Х.Р. Тревором-Роупером, который сверил высказывания упомянутых свидетелей друг с другом и там, где они совпадают, свел их в единое целое; см.: *Trevor-Roper H.R. Hitlers letzte Tage. S. 131 f.*; свидетельство стенографиста Герхарда Херпгезелля см. в: *КТВ/ОКВ. Bd. IV. Hibd. 2. S. 1696 f.*

⁵⁵ Генерал танковых войск Вальтер Венк 10 апреля 1945 года был назначен командующим 12-й армией, созданной Гитлером из разрозненных частей с целью обороны Берлина с запада. — *Прим. науч. ред.*

шее замечание, что ни один солдат не будет сражаться на стороне рейхсмаршала, Гитлер сказал: «Что значит — сражаться? Теперь уже сражаться много не придется»⁵⁶.

Казалось, он, наконец, сдался. Лишь изредка скрываемое, но остававшееся непоколебимым непреклонное сознание своей миссии, всегда бывшее у него, сменилось глубокой депрессией. «Он утратил веру», — написала под впечатлением этих событий своей подруге Ева Браун. Еще раз в течение вечера Гитлер пришел в возбужденное состояние: во время совещания, когда обергруппенфюрер СС Бергер⁵⁷ упомянул во время разговора народ, который «так преданно и долго выносил все», Гитлер, «с налившимся синевой и кровью лицом», стал кричать что-то о лжи и предательстве⁵⁸. Но после, прощаясь со своим адъютантом Юлиусом Шаубом, двумя секретаршами, стенографистами и многими другими лицами из своего окружения, он казался уже успокоившимся. А когда вечером следующего дня, движимый «противоречивыми чувствами», Шпеер еще раз прилетел в окруженный, полыхающий Берлин⁵⁹, чтобы проститься с Гитлером, тот тоже произвел на него впечатление неестественно спокойного, сосредоточенного человека. О предстоящем конце он говорил как об избавлении: «Мне это дается легко». Даже на признание Шпеера, что тот уже в течение месяцев срывает его приказы, Гитлер отреагировал спокойно и казался скорее пораженным, что кто-то может себе позволить такую вольность⁶⁰.

---

⁵⁶ Так это передано в записи его рассказа Карлом Коллером; см.: *Koller K.* Op. cit. S. 31. См. также: *Görlitz W.* Keitel. S. 346 ff.; Ebd. S. 352, где упоминается и об идее вывезти Гитлера силой.

⁵⁷ Обергруппенфюрер СС и генерал войск СС Готтлоб Бергер (16.7.1896—5.1.1975) был командующим резервными войсками и руководителем всей службы по делам военнопленных Германии, а с сентября 1944 года одновременно занимал пост начальника штаба германского фольксштурма. — *Прим. науч. ред.*

⁵⁸ Цит. по: *Trevor-Roper H.R.* Hitlers letzte Tage. S. 138. Относительно письма Евы Браун от 22 апреля см. его репродукцию в: *Gun N.E.* Op. cit. (страница не указана).

⁵⁹ Альберт Шпеер на самолете «Физелер Шторх» приземлился на берлинской «оси Восток — Запад». Впоследствии Шауб рассказывал: «Что особенно растрогало Гитлера — Шпеер не только лично поздравил его с днем рождения, но и прибыл еще раз к нему, чтобы попроситься». На следующее утро, около 3.30, Шпеер улетел из Берлина. — *Прим. науч. ред.*

⁶⁰ *Speer A.* Op. cit. S. 483; см.: Ebd. S. 488.

Однако в нем уже копилась новая ярость. Оставшиеся часы его жизни наполнены столь бросающимися в глаза резкими сменами настроения — состояния эйфории без какого-либо перехода сменялись глубокими депрессиями, — что невольно возникает мысль: а не было ли это проявившейся в конце концов реакцией на многолетние злоупотребления моррелевской психофармацевтикой. Правда, Гитлер распрощался со своим врачом вечером того же дня со словами: «Мне уже не помогут никакие наркотики»⁶¹. Но и после ухода Морреля он продолжал принимать его лекарства, и конечно же, в общем и целом, то состояние, в котором он теперь находился, вовсе не было философским равнодушием. Будучи далеким от какой-либо слепой покорности судьбе, он даже в депрессии неизменно сохранял ту отталкивающую презрительность, которая могла погибнуть только вместе с ним. Одно из последних запротоколированных совещаний передает эту характерную для него смесь иллюзорной эйфории, подавленности и презрения:

«У меня нет сомнений: сражение достигло своей кульминации. Если это действительно правда, что в Сан-Франциско у союзников возникнут разногласия — а они возникнут, — то перелом может наступить только в том случае, если я в одном месте нанесу удар большевистскому колоссу. Тогда, может быть, остальные придут к убеждению, что есть только один человек, который в состоянии остановить большевистский колосс, и это — я, моя партия и нынешнее германское государство.

Если же судьба распорядится иначе — я бесславно исчезну со сцены всемирной истории. Но я считаю, что было бы в тысячу раз трусливее покончить жизнь самоубийством в Оберзальцберге, нежели остаться пасть здесь. Нельзя говорить: Вы, будучи фюрером... Я — фюрер, пока я действительно могу вести за собой. А я не могу никого вести, если буду сидеть где-то высоко в горах... Не для того пришел я в этот мир, чтобы защищать только мой “Бергхоф”.

После этого он с удовольствием указал на потери противника, который “израсходовал большую часть своих сил” и истечет кровью в уличных боях за Берлин. “Я лягу сегодня спать немного более спокойным, — сказал он затем, — и хотел бы, чтобы меня разбудили, если у моей каморки появит-

---

⁶¹ Цит. по: *Trevor-Roper H.R. Hitlers letzte Tage*. S. 139.

ся русский танк”. Потом он посетовал, что с его смертью умрут все его воспоминания, и, пожав плечами, встал: “Но какое значение имеет все это. Ведь когда-то надо смывать эту киноварь”»⁶².

Отныне так все и будет. Вечером 23 апреля Геринг из Берхтесгадена запросил телеграфом, вступает ли в связи с решением Гитлера остаться в Берлине в силу Закон от 29 июня 1941 года, согласно которому преемником фюрера становится он, рейхсмаршал. Сперва Гитлер воспринял эту составленную в лояльном тоне телеграмму⁶³ спокойно. Однако Борману, старому врагу Геринга, удалось представить инициативу последнего как своего рода государственный переворот и своими нашептываниями довести Гитлера до сильнейшего припадка. Упрекая Геринга в лени и неспособности, Гитлер обвинил его в том, что тот своим примером «сделал возможной коррупцию в нашем государстве», обозвал его наркоманом и в конечном счете в продиктованной с подачи Бормана радиogramме лишил всех полномочий. После этого, изнуренный, но не без видимого злого удовлетворения, он вернулся в свое апатическое состояние, презрительно бросив: «Ну и ладно, пусть себе Геринг ведет переговоры о капитуляции. Коли война проиграна, то не все ли равно, кто это делает»⁶⁴.

У него не было больше резервов. Чувства бессилия, страха и жалости к самому себе овладели им и не нуждались уже в патетическом камуфляже, за которым он так долго скрывался. Вероятно, его отчаяние частично шло и отсюда: на протяжении всей жизни он нуждался в ролях и искал их. Теперь же он больше не находил для себя ни одной — та же роль, например, его

---

⁶² Опубликовано в: *Der Spiegel*. Op. cit. S. 42 (совещание 25.4.1945).

⁶³ «Мой фюрер, согласны ли Вы, чтобы я, после того, как Вы решили остаться в крепости Берлин, на основании закона от 29.6.41, принял на себя общее руководство рейхом со всеми полномочиями во внутренней и внешней политике? Если до 22 часов я не получу ответа, то буду считать, что Вы лишены свободы действий и что условия, указанные в Вашем законе, наступили, и буду действовать по собственному усмотрению в целях обеспечения интересов нашей страны и народа. Что я чувствую в этот тяжелейший час в моей жизни, я не могу описать. Да защитит Вас великий Боже, и я надеюсь, что Вы еще приедете сюда из Берлина. Ваш верный Герман Геринг»; см.: *Groehler O.* «Das Ende der Reichskanzlei», VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, Berlin, 1978. S. 15. — *Прим. науч. ред.*

⁶⁴ См.: *Speer A.* Op. cit. S. 486.

кумира Фридриха Великого не давала потерпевшему поражение никаких патетических эффектов, а на роль вагнеровского героя, позу которого он пытался принять, сил у него уже не осталось. Отсутствие опоры, находившее свое выражение в судорогах, приступах ярости и засвидетельствованных многими очевидцами приступах неудержимых рыданий, обозначало не в последнюю очередь именно дилемму утраченной роли.

Это проявилось еще раз, когда вечером 26 апреля в окруженный город прибыл вместе с летчицей Ханной Рейч⁶⁵ генерал-полковник Риттер фон Грейм⁶⁶, выбранный им в качестве преемника Геринга на посту главнокомандующего люфтваффе. Гитлер непременно хотел, чтобы это назначение было произведено им лично. На глазах у него, как рассказывала Ханна Рейч, были слезы, голова падала на грудь, а лицо было мертвенно бледным. Он говорил об «ультиматуме» Геринга. «Теперь уже ничего не осталось, — сказал он, — ничто не минуло меня, а теперь вот еще и это. Все кончено. Нет такой несправедливости, какой бы мне не пришлось испытать». Тем не менее у него еще оставалась одна надежда, правда ничтожная, но в непрерывных разговорах с самим собой он возводил ее в ранг фантазмагорической достоверности. Ночью он попросил Ханну Рейч зайти к нему и сказал, что то великое дело, ради которого он жил и боролся, кажется, теперь погибнет, — если армия Венка, которая уже близко, не прорвет кольцо окружения и не деблокирует город. Он дал ей капсулу с ядом: «Но я все еще надеюсь, дорогая Ханна. Армия генерала Венка подходит с юга. Он должен — и сделает это — отбросить русских достаточно далеко, чтобы спасти наш народ»⁶⁷.

---

⁶⁵ Ханна Рейч (29.3.1912—28.8.1979) была самой известной летчицей Германии. Она установила большое число мировых рекордов. С 1937 года — пилот, во время войны — летчик-испытатель. Рейч — одна из двух женщин, которые во время войны были награждены Железным крестом 1-го класса. С 1943 года она дружила с фон Греймом. — *Прим. науч. ред.*

⁶⁶ Роберт Риттер фон Грейм (22.6.1892—24.5.1945) был убежденным нацистом и до этого назначения командовал 6-м воздушным флотом. Одновременно с назначением главнокомандующим люфтваффе Грейм был произведен в генерал-фельдмаршалы. — *Прим. науч. ред.*

⁶⁷ См. рассказ Ханны Рейч в: N.B. 3734-PS. Армия Венка состояла из трех сильно потрепанных дивизий и находилась примерно в 60 км к юго-западу от Берлина. Подробнее см.: *Kurowski F. Armee Wenck.*

В ту же ночь первые советские снаряды стали рваться на территории Имперской канцелярии, и бункер вздрагивал, когда наверху рушились стены. В некоторых местах наступавшие были уже на расстоянии примерно 1 км.

На следующий день был схвачен уже переодевшийся в гражданскую одежду личный представитель Гимmlера в Ставке фюрера группенфюрер СС Фегелейн⁶⁸, и в бункере начались новые сетования по поводу непрерывного роста числа измен. Под подозрением были теперь уже все. «Бедный, бедный Адольф, — воскликнула Ева Браун, находившаяся в родстве с Фегелейном в результате его женитьбы на ее сестре Гретль, — все тебя покинули, все тебя предали!»⁶⁹ В принципе подозрение не коснулось только Геббельса и Бормана. Они и образовали ту «фалангу последних», которую высокопарно расхваливал Геббельс в одном из своих апофеозов гибели еще много лет назад. Чем больше предавался Гитлер своей меланхолии, тем теснее он приближал к себе этих немногих. С ними он проводил чаще всего вечера после своего возвращения в Имперскую канцелярию, иногда приглашали еще и Лея. Различные признаки указывали на какие-то их секретные занятия, которые стали вскоре привлекать любопытство других обитателей бункера⁷⁰.

Годы спустя стало известно, что в ходе этих встреч с начала февраля до середины апреля Гитлер проводил своего рода генеральную инвентаризацию и как бы подводил итоги своей жизни. В серии продолжительных монологов он еще раз бросал взгляд на пройденный им путь, на предпосылки и цели своей политики, равно как и на упущенные шансы и заблуждения. Как всегда, свои соображения он излагал многословно и бессистемно, но в целом эти страницы, составляющие один из основополагающих документов его жизни, содержат нечто от его прежней силы мысли, хотя и ослабевшей, но все

---

⁶⁸ Группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС Герман Фегелейн (30.10.1906—28.4.1945) командовал на советско-германском фронте кавалерийской бригадой СС и дивизией СС «Флориан Гейер», был награжден Рыцарским крестом с дубовыми листьями и мечами. С сентября 1943 года — представитель рейхсфюрера СС в Ставке фюрера. На сестре Евы Браун — Грстль — он женился в июне 1944 года. — *Прим. науч. ред.*

⁶⁹ Так это передано в упоминавшемся рассказе Ханны Рейч.

⁷⁰ См.: *Speer A. Op. cit. S. 433 f.* Приведенное высказывание Геббельса см.: *Heiber H. Joseph Goebbels. S. 398.*

еще ощутимой. В то же время в них видны и его старые навязчивые представления.

Исходным пунктом его соображений была незажившая рана, вызванная крушением идеи германо-британского альянса. Еще в начале 1941 года, распространялся он, можно было бы покончить с этой бессмысленной, ошибочной войной, тем более что Англия «доказала свою волю к сопротивлению в небе над Лондоном» и, кроме того, «имела в своем активе позорные поражения итальянцев в Африке». Тогда можно было бы в очередной раз удержать Америку от вмешательства в европейские дела и принудить показавшие свою слабость мировые державы — Францию и Италию — к отказу от их «несвоевременной политики величия», а одновременно и сделать возможной «смелую политику дружбы с исламом». Англия — и это все еще было сердцевиной его великого плана — могла бы посвятить себя «полностью благополучию империи», а Германия, имея безопасный тыл, — своей истинной задаче, «цели моей жизни и основе, на которой возник национал-социализм: искоренению большевизма»⁷¹.

Когда он разбирал причины, погубившие эту концепцию, он опять наткнулся на того противника, который с самого начала вставал всякий раз на его пути и силу которого он в свое время не оценил по достоинству. Это и было, как констатировал он, оглядываясь назад, приведшей к тяжелым последствиям ошибкой: «Я недооценил мощного влияния евреев на англичан во главе с Черчиллем». А в одном из своих бесконечных антисемитских выпадов, то и дело пронизывающих этот его самоотчет, он жаловался: «Вот если бы судьба подарила стареющей и закостеневшей Англии нового Питта

---

⁷¹ Le Testament politique de Hitler. P. 61 (4.2.1945). Так как тексты оригиналов этих записей до сих пор недоступны, они здесь повсюду даны в обратном переводе с французского. Видимо, с этим связано некоторым образом и то обстоятельство, что все высказывания достаточно точны в языковом и смысловом отношении, что в целом Гитлеру свойственно не было. Необходимо, наверное, также учитывать, что речь явно идет об обработанной рукописи и что процитированные здесь отрывки представляют собой своего рода выжимки из странного текста, изобилующего отступлениями и чрезмерным многословием. Кроме того, в беседе с автором Альберт Шпеер высказал ту точку зрения, что Геббельс сильно отредактировал рукопись, а может, даже местами что-то сочинил сам. Во всяком случае, в целом текст напоминает скорее стиль министра пропаганды, чем Гитлера.

вместо любящего выпить и обьевреившегося полуамериканца!»⁷² По этой же причине он ненавидел обитателей этого острова, которых он так безуспешно склонял к союзу, больше чем кого-либо из других своих противников, и не скрывал своего удовлетворения тем, что в ближайшем будущем они уйдут из истории и затем, в соответствии с законом жизни, должны будут погибнуть. «Английский народ вымрет от голода или туберкулеза на своем проклятом острове»⁷³.

Война с Советским Союзом, в очередной раз подчеркивал он, не была продиктована какими-либо волюнтаристскими соображениями: это была основополагающая цель вообще. Конечно, опасность фиаско присутствовала всегда, но отказ от этой войны, считал он, был бы хуже всякого поражения, ибо это было бы равнозначно акту предательства. «Мы были обречены на эту войну, и нашей задачей могло быть только одно — по возможности, выбрать наиболее удачный момент для ее начала. В то же время само собой разумелось, что мы никогда не откажемся от нее, после того как мы уже решились на это».

Что же касается срока, то тут Гитлер был далеко не так уверен в правоте. Тот явный пыл, с которым он говорил об этом в ходе нескольких вечеров, разбирая его стратегические и тактические аспекты и приводя всякого рода оправдательные аргументы, указывает на то, что здесь он усматривал одну из главных своих ошибок, в результате которой и создал столь характерным для него образом безвыходную ситуацию.

«Роковым для этой войны является то, что она началась для Германии, с одной стороны, слишком рано, а с другой — несколько поздно. С военной точки зрения, мы были заинтересованы в том, чтобы начать годом раньше. Мне следовало проявить инициативу в 1938 году, а не доводить дело до того, что мне навязали ее в 1939 году, когда у она уже в любом случае была неизбежной. Но я ничего не мог поделать, поскольку англичане и французы согласились в Мюнхене со всеми моими требованиями.

Так что в этом плане война на какое-то время запоздала. Но в смысле нашей моральной подготовки она началась слишком рано. У меня не было времени сформировать людей

---

⁷² Мать Черчилля Дженни Джером была дочерью американского дельца. — *Прим. пер.*

⁷³ *Le Testament politique de Hitler*. P. 57 ff. (4.2.1945).

соответственно моей политике. Мне понадобилось бы 20 лет, чтобы вырастить новую элиту, такую элиту, которая впитала национал-социалистический образ мыслей как бы с молоком матери. Драма немцев состоит в том, что у нас никогда не бывает достаточно времени. На нас всегда давят обстоятельства. А времени нам не хватает главным образом потому, что нам не хватает пространства. Русские на своих огромных равнинах могут себе позволить роскошь не спешить. Время работает на них. Но оно работает против нас...

Роковым образом мне приходится совершать все это на коротком отрезке одной человеческой жизни... Там, где у других в распоряжении вечность, у меня лишь какие-то жалкие несколько лет. Другие знают, что у них будут наследники, которые подхватят дело именно там, где они его оставили, которые тем же плугом будут пахать те же борозды. Я спрашиваю себя, найдется ли среди моих непосредственных преемников человек, который призван к тому, чтобы подхватить факел, выпавший из моих рук.

Другим моим роком является то, что я служу народу с трагическим прошлым, такому непостоянному народу, как немецкий, столь переменчивому, впадающему с удивительной невозмутимостью, в зависимости от обстоятельств, из одной крайности в другую»⁷⁴.

Таковыми были предпосылки тех принципиальных помех со стороны объективного положения вещей и материала, с которыми он должен был мириться. Но и им самим были допущены ошибки, порожденные роковым безумием. Он шел на уступки, не диктовавшиеся ни заинтересованностью, ни необходимостью, и весьма знаменательно, что теперь, бросая назад испытующий взор, он дезавуировал одно из немногих сохранявшихся человеческих действий своей жизни и причислил это к своим заблуждениям:

«Рассматривая события трезво и без всякой сентиментальности, я должен признать, что мою неизменную дружбу с Италией и с дуче можно отнести к числу моих ошибок. Можно без преувеличения сказать, что альянс с Италией больше шел на пользу нашим врагам, нежели нам самим... и в конеч-

---

⁷⁴ Ebd. P. 87 ff., 129 ff. (14 и 25.2.1945). Абсолютно то же самое Гитлер говорил и в ходе совещания 5.3.1943, см.: *Hitlers Lagebesprechungen*. S. 171. См. также замечание, приведенное Г. Раушнингом: *Rauschning H. Gespräche*. S. 115.

ном итоге будет способствовать тому, что мы — если мы не одержим все же победу — проиграем войну...

Итальянский союзник мешал нам почти повсюду. Он помешал нам, к примеру, проводить революционную политику в Северной Африке... потому что наши исламские друзья вдруг увидели в нас вольных или невольных сообщников своих угнетателей... В них все еще жива память о варварских мерах возмездия по отношению к членам ордена сенуситов⁷⁵. Помимо того, смешная претензия дуче на то, чтобы в нем видели «меч ислама», вызывает сегодня такой же хохот, как и до войны. Этот титул, приличествующий Мухаммеду или такому великому завоевателю, каким был Омар, был присвоен Муссолини несколькими печального вида парнями, которых он подкупил или запугал. Был шанс ведения большой политики по отношению к исламу. Он упущен — как многое другое, что мы проворонили из-за нашей верности союзу с Италией...

С военной точки зрения, дело едва ли обстоит лучше. Вступление Италии в войну почти сразу же принесло нашим противникам первые победы и дало Черчиллю возможность дать своим соотечественникам новое мужество, а англофилам всего мира — новую надежду. Хотя итальянцы уже показали свою неспособность удержать Абиссинию и Киренаику, у них хватило нахальства, не спрашивая нас, даже не поставив нас в известность, начать бессмысленный поход на Грецию... Это заставило нас, вопреки всем нашим планам, ввязаться в войну на Балканах, что имело опять же своим последствием катастрофическую задержку войны с Россией... Мы смогли бы напасть на Россию еще 15 мая 1941 года и... завершить кампанию до наступления зимы. И все было бы по-другому!

Из чувства благодарности, потому что я не мог забыть позицию дуче во время аншлюса, я все время отказывался от того, чтобы критиковать или обвинять Италию. Напротив, я всегда старался обращаться с ней, как с равной. Законы жизни демонстрируют, к сожалению, что это ошибка — обращаться, как равный, с тем, кто на самом-то деле равным не является... Я сожалею, что не внимал голосу разума, который мне предписывал по отношению к Италии жестокую дружбу⁷⁶.

---

⁷⁵ Мусульманский религиозно-политический орден, основанный в 30-х годах XIX в. Мухаммедом эс-Сенусси в Северной Африке. — *Прим. пер.*

⁷⁶ *Le Testament politique de Hitler*. P. 101 ff. (17.2.1945). Начало Восточной кампании было действительно отложено на несколько недель,

Если говорить в целом, то он сожалел тут о своей уступчивости вообще, о недостатке жестокости и самообладания, что и привело его, как он полагал, к краху, после того как он был так близок к своему триумфу. В этом последнем документе он свидетельствует сам о столь присущем ему безальтернативном радикализме. Только в одном пункте он всегда оставался верен себе: «Я боролся с евреями с открытым забралом, начало войны было последним предупреждением им»⁷⁷. Что же касается остального, то он сожалел, что не обошелся более безжалостно с немецкими консерваторами, что в Испании поддержал не коммунистов, а Франко, аристократию и церковь, а во Франции не использовал возможности для освобождения рабочего класса из рук «ископаемой буржуазии». В колониях, говорил он, следовало бы разжечь пламя национального восстания, провозгласить пробуждение угнетаемых и эксплуатируемых наций, подтолкнуть к бунту египтян, иракцев, весь Ближний Восток, с ликованием встретивший немецкие победы. Так что не из-за его агрессивности и его ненасытности гибнет сейчас рейх, а из-за его неспособности к радикализму, из-за его моральной скованности: «подумать только, какие были у нас возможности!» — говорил он удрученно. Хью Р. Тревор-Роупер скажет о «характерной ясности», с которой Гитлер в этих разговорах с самим собой осмысливает шанс и крушение своей идеи мирового господства по такому принципу: он сознавал, что над Европой господствовать могла только такая континентальная держава, которая бы контролировала западную часть России, черпала резервы из Азии и одновременно взяла бы на себя роль защитницы колониальных народов, чего можно было бы достичь соединением политической революции и лозунгами социального освобождения. Он знал также, что его борьба с Советским Союзом и была борьбой именно за

однако это решение было связано не только с нападением Муссолини на Грецию. Свою роль сыграли также погодные условия, время, необходимое для развертывания войск союзников, и т.д.; см. исследование, находящееся в архиве Фрейбургского научного центра по изучению военной истории «Задержали ли действия англичан в Греции нападение Германии на Россию?» См. в этой связи также: *Hillgruber A. Hitlers Strategie*. S. 506. Впрочем, Гитлер как-то раз высказался — по крайней мере, перед Муссолини — в другом смысле; см. свидетельство, которое приводит Нольте: *Nolte E. Faschismus in seiner Epoche*. S. 586.

⁷⁷ *Le Testament politique de Hitler*. P. 78.

этот шанс. Решающим в этом противоборстве явилось то, что Гитлер не вел его со всей последовательностью революционной войны, он пошел на это противоборство в союзе с традиционными дипломатами и военными старой школы, с помехой в виде дружбы с Муссолини, и ни от того, ни от другого он так и не сумел освободиться. Его радикализм оказался недостаточным, он позволил себе слишком много буржуазных сантиментов, буржуазной половинчатости, сам оказался с червоточиной — таким был результат его размышлений: «Жизнь не прощает слабости»⁷⁸.

Решение покончить счеты с жизнью Гитлер принял в ночь на 29 апреля. Около 22 часов, когда он беседовал с фон Греймом, их разговор был прерван слугой Гитлера Гейнцем Линге, который передал ему сообщение агентства Рейтер, что рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер вступил в контакт со шведским графом Бернадотом на предмет переговоров о капитуляции на Западном фронте⁷⁹.

---

⁷⁸ Ebd. P. 108 (17.2.1945). К высказыванию Х.Р. Тревора-Роупера см. р. 46 f. Мнение Гитлера, кстати, удивительным образом совпадает с замечанием французского поэта Дрие ла Рошеля, который еще в конце 1944 года, незадолго до своего самоубийства, так объяснял причины поражения: «Причина краха немецкой политики заключается не в ее неумеренности, а в ее недостаточной решимости. Немецкая революция не продвинулась достаточно далеко ни в одной сфере... Немецкая революция чересчур мягко обошлась со старыми деятелями экономики и рейхсвера; она слишком щадила старую бюрократию. Эта двойная ошибка стала очевидной 20 июля. Гитлеру следовало бы со всей жестокостью расправиться с отщепенцами слева, но также беспощадно и с отщепенцами справа. Так как он либо не сделал этого вовсе, либо не довел дело до конца, то последствия, которые уже невозможно было исправить, стали в ходе войны приобретать все более роковой характер: во всех оккупированных странах Европы немецкая политика оказалась отягощенной всяческими предрассудками старых методов ведения войны и устаревшей дипломатии. Она не сумела использовать новизну и широту великолепной задачи, которая ей представилась; она показала себя неспособной превратить завоевательную войну старого стиля в войну революционную. Она полагала, что сможет свести жестокость ведения войны до минимума, чтобы тем самым расположить к себе европейское общественное мнение, а столкнулась с тем, что это мнение обернулось против нее, поскольку не было предложено ничего нового и действительно необходимого». См.: *Nolte E. Faschismus*. S. 380.

⁷⁹ Эта информация была получена из утреннего сообщения радио Стокгольма 28 апреля 1945 года. Гитлер отреагировал на сообщение

Потрясение, последовавшее за этим известием, было для его души более сильным, чем все испытания последних недель. Гитлер всегда считал Геринга оппортунистом и коррупционером: поэтому измена рейхсмаршала явилась лишь подтверждением его правоты. Напротив, поведение Гиммлера, всегда называвшего своим девизом верность и гордившегося своей неподкупностью, означало крах всех принципов. Для Гитлера это был самый тяжелый удар, который только можно было себе представить. «Он бесновался, как сумасшедший, — описывала дальнейший ход событий Ханна Рейч, — лицо его стало багрово-красным и изменилось почти до неузнаваемости»⁸⁰. Но в отличие от предыдущих приступов силы на этот раз очень скоро отказали ему и, сопровождаемый Геббельсом и Борманом, он удалился для беседы за закрытыми дверями.

И снова, начав с одного, он принимает и все остальные решения. Для удовлетворения своей жажды мести он приказал сперва подвергнуть короткому допросу Фегелейна, которого считал соучастником Гиммлера, а затем расстрелять его, что и было сделано его охранниками в саду Имперской канцелярии. После этого он разыскал Грейма и приказал ему попытаться выбраться из Берлина и арестовать Гиммлера. Никаких возражений он не слушал. «Предатель не может быть моим преемником на посту фюрера, — сказал он. — Позаботьтесь, чтобы он им не стал!»⁸¹ Затем он занялся улаживанием личных дел.

Было приказано спешным образом подготовить помещение для совещаний к проведению брачной церемонии. Из находившегося поблизости подразделения фольксштурма вызвали некоего гаумтслейтера, которого звали Вальтер Вагнер⁸², и попросили его зарегистрировать брак фюрера с Евой Браун. Свидетелями на бракосочетании были Геббельс и Борман. Брачующиеся выразили просьбу, чтобы, с учетом особых обстоятельств, бракосочетание было проведено по законам военного времени, то есть незамедлительно. Они заявили, что

уже в 16.50, направив Дёницу запрос, является ли эта информация достоверной. Таким образом, это было лишь подтверждением уже имевшейся информации. — *Прим. науч. ред.*

⁸⁰ N.B. 3734-PS.

⁸¹ Ebd.

⁸² Вальтер Вагнер был также городским советником и работал чиновником ЗАГСа управления Имперской столицы Берлин. — *Прим. науч. ред.*

имеют безупречное арийское происхождение, а также не страдают наследственными болезнями, и в брачном протоколе отмечено, что их просьба удовлетворяется, и заявление «проверено и признано надлежаще обоснованным». После чего Вагнер, как следует из того же документа, обратился к вступающим в брак со следующими словами:

«Теперь я перехожу к торжественному акту бракосочетания. В присутствии вышеназванных свидетелей... я спрашиваю Вас, мой фюрер Адольф Гитлер, согласны ли Вы вступить в брак с фрейлейн Евой Браун. В таком случае прошу Вас ответить «да».

Теперь я спрашиваю Вас, фрейлейн Ева Браун, хотите ли Вы вступить в брак с моим фюрером Адольфом Гитлером. В таком случае прошу Вас ответить «да».

После того, как теперь оба брачующихся подтвердили свое желание вступить в брак, я в соответствии с законом объявляю о заключении брака».

Затем участники церемонии поставили свои подписи в свидетельстве, новобрачная была так взволнована, что начала подписываться своим девичьим именем, но тут же зачеркнула начальную букву «Б» и написала: «Ева Гитлер, урожд. Браун». После чего все перешли в личные покои Гитлера, где собрались секретарши, диет-повар фрейлейн Манциали⁸³, а также несколько адъютантов, чтобы немножко выпить и меланхолически повспоминать о былых временах.

Кажется, что с этого момента все события и управление ими вышли из-под контроля Гитлера. Можно предположить, что заключительный акт он хотел инсценировать как зрелище более грандиозное и катастрофическое, с большей затратой пафоса, стиля и страха. Вместо этого то, что теперь происходило, создавало впечатление удивительной беспомощности, импровизации, словно он, помня о многих подобных чуду поворотах в своей жизни, вплоть до этого момента никогда и не думал всерьез о возможности непоправимого финала. Во всяком случае, ужасная идея этой свадьбы для двойного самоубийства — словно он боялся некоего незаконного смертного одра — свидетельствует о тривиальном уходе и демонстрирует, насколько же он был опустошенным и впрямь утратившим свою страсть к эффектам. Даже пробуждавшая вагнеровские

---

⁸³ Кроме того, новобрачных поздравили генералы Кребс и Бургдорф, а также полковник фон Белов. — *Прим. науч. ред.*

мотивы ассоциация с объединяющей смертью могла еще придать в его глазах этому событию примиряющую черту трагического крушения. Но что бы ни связывалось еще с его именем, — это был конец, который разоблачал миф.

Возможно, теперь он расставался с чем-то большим, нежели с жизнью, которая всегда понималась им как исполнение каких-либо ролей. Несмотря на все обстоятельства, это бракосочетание, если рассматривать его в ином аспекте, явилось не только жестом признательности по отношению к единственному существу, которое, как однажды заметил Гитлер, помимо овчарки Блонди, оставалось верным ему до конца, — скорее, оно означало также и акт окончательного признания краха. Будучи фюрером, — об этом он говорил не раз, — он не имел права быть женатым. Мифологическое представление, которое он вкладывал в понятие «фюрер», не выносило никаких человеческих черт; и вот теперь он прощался со своей ролью. Здесь можно предположить, что он уже не верил в то, что национал-социализм будет продолжать жить. И он действительно заявил своим гостям, что идея скончалась и не оживет больше никогда⁸⁴.

Приняв поздравления, Гитлер оставил общество, чтобы в одной из соседних комнат продиктовать свою последнюю волю.

Гитлер составил два завещания — политическое и личное. В первом преобладают безудержные обвинения в адрес евреев, уверения в собственной невинности и призывы к духу сопротивления. «Пройдут столетия, но из руин наших городов и исторических памятников будет возрождаться ненависть против того, в конечном счете ответственного народа, которому мы всем этим обязаны: международному еврейству и его пособникам». Минуло 25 лет, за его плечами были беспримерные взлеты, немыслимые триумфы, а потом приступы отчаяния и крушение, но, как это с изумлением констатировал еще друг его юности Август Кубицек, когда они увиделись снова в 1938 году, он лишь постарел, но нисколько не изменился. Идеологические пассажи политического завещания прямо-таки текстуально можно было бы считать взятыми из первого документального свидетельства его карьеры — написанного в 1919 году письма Адольфу Гемлиху или из одной из речей начинающего агитатора в пивных. Тот феномен

---

⁸⁴ См.: *Trevor-Roper H.R. Hitlers letzte Tage*. S. 173.

изначальной закованности, отрицания всякого опыта, что столь характерен для Гитлера, находит в этом документе свое последнее подтверждение. В отдельной его части он изгонял Геринга и Гиммлера из партии и со всех постов. Своим преемником на посту рейхспрезидента, военного министра и Верховного главнокомандующего вермахтом он назвал гросс-адмирала Дёница. Содержащуюся в завещании ссылку на то, что на флоте еще живет понятие о чести, которому чужда даже сама мысль о капитуляции, следовало, несомненно, понимать как задание продолжать борьбу и после его смерти — вплоть до окончательной гибели. Одновременно он назвал состав нового Имперского правительства во главе с Геббельсом. Этот документ, в котором не было и признака понимания, солидарности, великодушия и даже приличествовавших моменту пафосных слов, заканчивался следующей фразой: «Я обязываю руководство нации и подчиненных прежде всего к неукоснительному соблюдению расовых законов и к беспощадному сопротивлению мировому отравителю всех народов — международному еврейству»⁸⁵.

Личное завещание Гитлера было значительно короче. Если политический документ претендовал на место в истории, то здесь слышится голос сына чиновника из Леондинга, каковым он всегда и оставался под всеми своими масками:

«В связи с тем, что я не мог нести бремя супружества в годы борьбы, я решил теперь, перед концом моей земной карьеры, жениться на той, которая после долгих лет верной дружбы приехала в этот осажденный город, чтобы разделить мою судьбу. По ее собственной просьбе она умрет вместе со мной как моя жена. Смерть вознаградит нас за то, чего мы были лишены тогда, когда я нес службу на благо моего народа.

---

⁸⁵ Как политическое, так и личное завещание Гитлера воспроизведены в: N. B. 3569-PS. Имперское правительство, возглавляемое Геббельсом, имело следующий состав: Борман — министр партии; Зейсс-Инкварт — министр иностранных дел; Ханке — рейхсфюрер СС и шеф немецкой полиции; Гислер (гаулейтер Верхней Баварии) — министр внутренних дел; Заур — министр вооружений; Шёрнер — главнокомандующий сухопутными войсками; Лей, Функ и Шверин фон Крозиг сохраняли за собой свои прежние посты.

Кроме того, автор не упомянул следующие назначения, сделанные в завещании: министр Тирак оставался министром юстиции, Шеель назначался министром культов, а доктор Науман — министром пропаганды. — *Прим. науч. ред.*

Все, что является моей собственностью, если представляет какую-либо ценность, — принадлежит Партии; или, если она перестанет существовать, — Государству. Если же и Государство будет разрушено, то дальнейшее распоряжение с моей стороны представляется необязательным.

Произведения искусства, купленные мною, никогда не приобретались для личных целей; они покупались исключительно ради создания галереи в моем родном городе Линце на Дунае. Мое важнейшее желание, чтобы этот пункт моего завещания был полностью исполнен.

Своим душеприказчиком я назначаю моего самого верного партийного товарища — Мартина Бормана. Ему дается полное право принимать все решения. Ему разрешается выдать моим братьям и сестрам все то, что представляет какую-либо ценность как персональная память или, если необходимо, помочь им в поддержании скромного уровня жизни; то же надлежит сделать и в отношении матери моей жены и моих секретарей (мужчин и женщин), фрау Винтер и всех других, кто на протяжении многих лет поддерживал меня своими трудами.

Моя жена и я предпочитаем умереть, чтобы избежать позора капитуляции. Наше желание, чтобы наши тела были сожжены немедленно здесь, где я выполнял основную часть своей ежедневной работы в течение тех двенадцати лет, когда я служил своему народу».

Оба документа были подписаны 29 апреля, в 4 часа утра. С них сделали три копии и пытались в течение дня разными путями вынести из бункера. Одним из курьеров был полковник фон Белов, адъютант Гитлера от люфтваффе, взявший еще и письмо для фельдмаршала Кейтеля, это было последнее письменное послание Гитлера, и кончалось оно весьма примечательными фразами:

«Народ и вермахт отдали в этой долгой и суровой борьбе все до последнего. Это было гигантской жертвой. Но многие злоупотребили моим доверием. Измена и предательство подрывали силу сопротивления в течение всей войны. Поэтому мне не суждено привести мой народ к победе. Генеральный штаб сухопутных войск был несравним с Генеральным штабом времен Первой мировой войны. Его усилия далеко отстают от усилий действующей армии...

Усилия и жертвы немецкого народа в этой войне были так велики, что я не могу поверить, что они могли оказаться на-

прасными. И впредь целью немецкого народа должно оставаться завоевание пространства на Востоке»⁸⁶.

Не раз в течение последних недель Гитлер высказывал опасение, как бы ему не пришлось стать «экспонатом в Московском зоопарке» или же главным действующим лицом в «поставленной евреями пьесе»⁸⁷. Эти опасения еще более усилились, когда днем 29 апреля пришло известие об обстоятельствах смерти Муссолини. За два дня до того дуче был схвачен партизанами в деревушке близ озера Комо и без долгих разбирательств расстрелян вместе со своей любовницей Кларой Петаччи⁸⁸, их трупы привезли в Милан и повесили вверх ногами у бензоколонки на Пьяццале Лорето, где кричащая толпа осыпала их ударами, оплевывала и забрасывала камнями.

Под впечатлением от этого известия Гитлер начал готовиться к самоубийству. Со многих лиц в своем окружении, в том числе со своего слуги Гейнца Линге, своего шофера Эриха Кемпки и командира личного самолета Ганса Баура, он взял обещание позаботиться о том, чтобы его останки не попали в руки врагу⁸⁹. Предпринимавшиеся им приготовления производили эффект последней демонстрации присущего ему на протяжении всей его жизни стремления к самозасекречиванию. Едва ли мыслим больший контраст, нежели между подготавливаемой сейчас Гитлером смертью чуть ли не исподтишка и концом Муссолини, который призвал еще оставшихся у него сторонников занять вместе с ним позиции в Вальтелине и «умереть там с солнцем на лице»⁹⁰.

Гитлер опасался также, что приготовленный яд не принесет быстрой и гарантированной смерти. Поэтому он прика-

---

⁸⁶ Оригинал этого документа был уничтожен и передается здесь в интерпретации фон Белова так, как это воспроизведено Х. Р. Тревор-Ропером: *Trevor-Roper H.R. Hitlers letzte Tage*. S. 188.

⁸⁷ См.: *Besymenski L. Der Tod des Adolf Hitler*. S. 92; затем: *Trevor-Roper H.R. Hitlers letzte Tage*. S. 189.

⁸⁸ Кроме того, коммунисты вместе с ними расстреляли 15 человек, захваченных ранее. — *Прим. науч. ред.*

⁸⁹ Автор в данном случае основывается на непроверенной информации, почерпнутой из мемуаров вышеперечисленных лиц. На самом деле приказ об уничтожении тела был передан адъютанту Гитлера Отто Гюнше через Мартина Бормана, а затем подтвержден Гюнше лично Гитлером. — *Прим. науч. ред.*

⁹⁰ См.: *Nolte E. Faschismus in seiner Epoche*. S. 306.

зал проверить действие снадобья на своей овчарке⁹¹. Около полуночи Блонди заманили в туалет бункера, фельдфебель Торнов, собаковод Гитлера, раскрыл ей пасть, а профессор Хаазе, входивший во врачебный персонал, сунул туда ампулу с ядом и щипцами раздавил ее. Минуту спустя зашел Гитлер и безучастно оглядел труп собаки⁹². После этого он попросил сотрудников собраться для прощания в зале совещаний. С отсутствующим видом он обошел всю шеренгу, молча протягивая каждому руку; кто-то что-то говорил ему, но он не отвечал или же беззвучно шевелил губами. Утром, в три часа с небольшим, он велел отправить телеграмму Дёницу, содержащую сетования на недостаточную активность войск и в очередной раз требовавшую — что имело вид какого-то запоздалого жеста — «немедленно и решительно выступить против всех предателей».

Однако это было, по всей вероятности, лишь новой попыткой еще раз оттянуть приближение конца, прожить еще несколько часов в ожидании ответа, построить еще одну, самую последнюю фикцию: из всех «тяжелейших решений» его жизни предстоящее — хоть он не раз называл это пустяковым делом — было, надо думать, самым тяжелым. Как обычно, в конце дня он провел совещание. Безучастно было им принято к сведению, что советские войска уже заняли территорию Тиргартена, Потсдамерплац, а также метро у Фосштрассе в непосредственной близости от Имперской канцелярии. Затем он приказал достать 200 литров бензина. В 2 часа ночи он поел в обществе своих секретарш и кухарки; это был как раз тот момент, когда два советских сержанта под немецким заградительным огнем водрузили красное знамя на куполе находящегося поблизости Рейхстага. Когда с обедом было покончено, Гитлер велел созвать своих ближайших сотрудников, в том числе Геббельса, Бормана, генералов Бургдорфа и Кребса, а также своих секретарш — фрау Кристиан и фрау Юнге — и нескольких ординарцев. Вместе с женой он пожал каждому

---

⁹¹ Причиной отравления Блонди была не проверка яда (это автор взял у Тревора-Роупера), а то, что Гитлер не мог допустить, чтобы его собака попала в руки русских. «Даже сама мысль об этом, — сказал он однажды своему секретарю Кристе Шрёдер, — может привести меня к болезни». — *Прим. науч. ред.*

⁹² Отто Гюнше пишет в своих воспоминаниях: «Я лично присутствовал при этом. Гитлер не был в комнате, но пришел сразу после смерти собаки и простился с ней». — *Прим. науч. ред.*

руку, а затем, молча и ссутулившись, исчез за дверью своей комнаты. И вот, как будто бы эта жизнь, которая столь во многом определялась постановочными замыслами и строилась в расчете на яркие эффекты и не могла не завершиться безвкусным финалом, как раз в этот момент, если верить свидетельствам очевидцев, в столовой Имперской канцелярии начались танцы, которые, наверное, должны были таким насильственным путем снять нервное напряжение последних недель⁹³. И даже неоднократные настойчивые напоминания, что фюрер готовится к смерти, были не в силах остановить их⁹⁴. Было 30 апреля 1945 года, около половины четвертого⁹⁵.

А что случилось затем, однозначно выяснить уже невозможно⁹⁶. По показаниям большинства из оставшихся в живых обитателей бункера, раздался один-единственный выстрел. Сразу же после этого начальник команды охранников СС Раттенхубер⁹⁷ зашел в комнату. Гитлер сидел, скорчившись и с залитым кровью лицом, на диване, с ним рядом — его жена, на ее коленях лежал револьвер, которым она не пользовалась; она приняла яд⁹⁸. Советские авторы, напротив, как правило, утверждают, что Гитлер покончил с собой, приняв яд. Однако их противоречивые доказательства, с одной стороны, полностью отрицающие наличие каких-либо следов

---

⁹³ Данное утверждение не соответствует действительности: фюрер лег спать и, естественно, никто не должен был шуметь, не то что танцевать. Надо отметить, что Тревор-Роупер, чью информацию использует Фест, вообще очень часто пользуется непроверенной информацией (что неоднократно отмечается во многих работах современных историков). — *Прим. науч. ред.*

⁹⁴ *Trevor-Roper H.R. Hitlers letzte Tage. S. 190.*

⁹⁵ Вслед за Тревор-Роупером Фест допускает серьезную ошибку. Удалившись к себе, Гитлер проспал около 3 часов, затем выслушал доклад коменданта «Цитадели» Монке, провел совещание. А покончил он с собой 30 апреля 1945 года, но не в 3 часа 30 минут, а в 15 часов 30 минут — то есть в полчетвертого, но не ночи, а дня. — *Прим. науч. ред.*

⁹⁶ Наиболее детально, на фактическом материале ход событий восстановлен в книге Антона Иоахимсталера «Смерть Адольфа Гитлера. Легенды и документы» (М., 2005). — *Прим. науч. ред.*

⁹⁷ Это был не Раттенхубер, а Гюнше. — *Прим. науч. ред.*

⁹⁸ Показания свидетелей несколько расходятся, но все же наиболее вероятно, что Гитлер сидел не на софе, а в кресле, а Ева Браун полусидела на софе. Два пистолета же (оба принадлежавших Гитлеру) валялись на полу. Ева Браун не предполагала их использовать. — *Прим. науч. ред.*

пули в обнаруженных остатках черепа, а с другой — попытки выяснить, кто же из окружения Гитлера получил задание «пристрелить из милости», ради гарантии, что он будет мертв, заставляет предположить, что вся теория такого самоубийства продиктована политическими мотивами. Она производит впечатление последнего отголоска тех неоднократно предпринимавшихся еще при жизни Гитлера попыток принизить его путем презрительного к нему отношения: как будто уже недостойна сама мысль, что у морально испорченного человека могут быть какие-то способности и сила. Как когда-то полученный им Железный крест, его дарование политика, тактика, а затем государственного деятеля, теперь задним числом подвергается сомнению и мужество, которое требуется для конечно же более тяжелой смерти от пули⁹⁹.

Во всяком случае, Раттенхубер распорядился вынести трупы во двор¹⁰⁰. Там он велел облить их уже приготовленным для этого бензином и пригласил присутствовавших выйти на траурную церемонию наверх. Но едва они собрались, русский артобстрел загнал всех назад во вход бункера. Затем адъютант Гитлера эсэсовец Отто Гюнше бросил на оба трупа горящую тряпку, и когда взметнувшееся вверх пламя охватило тела, все

---

⁹⁹ В деле № 12 судебно-медицинской экспертизы, проведенной советской комиссией, утверждается, что в полости рта покойного, предположительно Гитлера, обнаружены осколки раздавленной ампулы с ядом; однако в заключении не отмечается наличие характерного запаха горького миндаля, присущего цианистым соединениям, что установлено у остальных обнаруженных трупов. Немецкие эксперты отрицали возможность обнаружения осколков стекла в столь сильно обгоревшем трупе; см.: *Maser W. Hitler. S. 432 f.* Учитывая озабоченность Гитлера возможным неудачным исходом самоубийства, не исключено и предположение, что он раздавил ампулу с ядом и одновременно нажал курок. Попытка Безыменского исключить такую возможность ссылкой на «известного советского судебного эксперта» неубедительна уже по своей форме; *Besymenski L. Op. cit. S. 91 f.* Об упомянутых показаниях свидетелей из окружения Гитлера см.: *Trevor-Roper H.R. Hitlers letzte Tage. S. 35 f.*

Факт наличия во рту остатков ампулы в настоящее время практически полностью опровергнут. — *Прим. науч. ред.*

¹⁰⁰ По собственным показаниям Раттенхубера, он не видел ни мертвого Гитлера в его рабочей комнате, ни выноса тел в сад, а также не занимался сожжением Гитлера и Евы Браун-Гитлер и уничтожением останков. Тела Гитлера и Евы Браун выносили Линге, Борман и несколько сотрудников Имперской службы безопасности. — *Прим. науч. ред.*

вытянулись по стойке «смирно» и отсалютовали поднятой рукой. Один из охранников, проходивший мимо места этой церемонии полчаса спустя, опознать Гитлера «уже не смог, потому что он здорово обгорел», а когда он еще раз был там около 12 часов, то, как он потом рассказывал, «по ветру летели только отдельные хлопья». Около 23 часов несгоревшие части трупов были, по свидетельству Гюнше, завернуты в брезент, который «опустили в одну из воронок перед входом в бункер, засыпали землей и утрамбовали деревянной трамбовкой»¹⁰¹. В одной из утрированных картин, которые Гитлер любил рисовать в начале карьеры, он видел себя человеком, окруженным всеобщим ликованием, чья готовность к собственной гибели диктуется решимостью «лучше быть мертвым Ахиллом, чем живой собакой»¹⁰². Мысль о собственной смерти всегда была у него насыщена подобного рода преувеличенными представлениями. Свою гробницу он видел в форме огромной крипты внутри башни с колоколами планировавшегося гигантского комплекса на берегу Дуная в Линце¹⁰³. И вот он обрел ее — среди гор щебня, остатков стен, бетономешалок и разбросанного мусора, в воронке от разорвавшегося снаряда.

Это был еще не конец истории. Два дня спустя, после того как Геббельс, предпринявший безуспешную попытку, используя как предлог «общий праздник Первомай», склонить русских к сепаратным переговорам, покончил с собой, а Борман вместе с другими обитателями бункера сумел вырваться наружу, советские войска захватили покинутый бункер и тут же принялись искать труп Гитлера. Судебно-медицинское обследование сильно обгоревшего мужского тела от 8 мая 1945 года пришло к заключению, что обнаружен «предположительно труп Гитлера». Однако сделанные вскоре другие заявления

---

¹⁰¹ Из показаний Отто Гюнше; цит. по: *Maser W. Hitler. S. 432*. Приведенные выше высказывания принадлежат охраннику Герману Карнау; его подробное свидетельство см.: *Fest J. C. Op. cit. S. 431*.

¹⁰² VB, 8—9.4.1923.

¹⁰³ Так сообщил автору А. Шпеер. Другой архитектор, которому Гитлер также благоволил, — Герман Гислер, отрицает, однако, желание Гитлера быть захороненным внутри башни с колоннами, которую планировалось соорудить на берегу Дуная под Линцем; там, по его словам, должна была быть захоронена только мать Гитлера. Тем не менее Шпеер уверенно заявил, что помнит о высказываниях Гитлера, согласно которым тот хотел быть похороненным в Линце именно в этом месте.

опровергали это утверждение, потом советские инстанции сообщили все же об идентификации Гитлера по челюсти, после чего это заявление было снова поставлено под сомнение и появилось утверждение, будто британские власти укрывают его в своей зоне. На Потсдамской конференции 1945 года Сталин сказал, что никакого трупа найдено не было, и Гитлер укрывается в Испании или Южной Америке¹⁰⁴. В конечном итоге Советам удалось окружить этот вопрос такой таинственностью, что о конце Гитлера стали ходить самые невероятные легенды. Одни утверждали, будто он был расстрелян в берлинском Тиргартене командой немецких офицеров, другие подозревали, что он бежал на подводной лодке на какой-то отдаленный остров, говорили, будто он живет в одном испанском монастыре либо на каком-то ранчо в Южной Америке. При жизни Гитлер был всегда обязан своими успехами в значительной части тому или иному из своих противников, вот и теперь нашелся кто-то, кто создал ему возможность задним числом — и как бы запоздало демонстрируя все заблуждения эпохи — какое-то время вести полумифическую жизнь и после ее конца.

И пусть даже это явление не имело никаких последствий, но оно было символом. Достаточно ясно подчеркивало оно еще раз, что само появление Гитлера, условия его взлета и его триумфов имели своим истоком предпосылки, выходящие далеко за узкие рамки чисто немецких обстоятельств. Конечно, каждая нация сама несет ответственность за свою историю. Но только такое сознание, которое вышло из перипетий эпохи, так ничему и не научившись, назовет его человеком одной нации и откажет себе в постижении того, что в нем

---

¹⁰⁴ Лев Безыменский объясняет нагнетание секретности советской стороной в этом вопросе тем, что обнародование результатов судебно-медицинской экспертизы придерживалось на тот случай, «если кто-нибудь вздумает претендовать на роль «чудом спасшегося фюрера» и, кроме того, желанием исключить какую-либо ошибку. Первый довод не заслуживает серьезного обсуждения, поскольку такое умалчивание, напротив, должно было провоцировать на такого рода действия и на самом деле спровоцировало; второй аргумент также вряд ли убедителен, поскольку результаты вскрытия оттого, что пройдет много времени, не могут стать более достоверными, см.: *Besymenski L.* Op. cit. S. 86. По поводу различных слухов см.: *Trevor-Roper H.R.* *Hitlers letzte Tage.* S. 5 f. Этот же автор подробно рассказывает о безуспешных попытках получить разъяснения от советской стороны или побудить ее к сотрудничеству.

сфокусировалась мощнейшая тенденция времени, под знаком которой находилась вся первая половина века.

Так что Гитлер разрушил не только Германию, он положил конец и старой Европе с ее национализмами, ее конфликтами, наследственными распрями и ее неискренними императивами, равно как и со всем ее блеском и величием. Возможно, он заблуждался, утверждая, что она «изжила себя»¹⁰⁵. И потребовались его уникальная радикальность, его видения, его мессианская лихорадочность и — как их порождение — беспримерный взрыв энергии, чтобы добить ее. Но в конечном итоге совершенно непреложным является тот факт, что разрушить Европу без содействия самой Европы он не сумел бы.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ IV:

НЕСПОСОБНОСТЬ К ВЫЖИВАНИЮ

Как-то один человек мне сказал: «Послушайте, если вы это сделаете, то тогда через шесть недель Германия погибнет». Я говорю: «Что вы имеете в виду?» — «Тогда Германия развалится». Я говорю: «Что вы имеете в виду?» — «Тогда Германии конец». Я ответил: «Немецкий народ в былые времена выдержал войны с римлянами. Немецкий народ выдержал Великое переселение народов». После немецкий народ выдержал большие войны раннего и позднего Средневековья. Немецкий народ выдержал затем религиозные войны Нового времени. Немецкий народ выдержал потом Тридцатилетнюю войну. После немецкий народ выдержал наполеоновские войны, освободительные войны, он выдержал даже мировую войну, даже революцию — и меня он тоже выдержит!

Адольф Гитлер, 1938 год

Почти без перехода, в одно мгновение, со смертью Гитлера и капитуляцией исчез и национал-социализм, как будто он был движением, состоянием опьянения и катастрофой,

---

¹⁰⁵ См.: Hillgruber A. Staatsmänner. Bd. I. S. 187.

которую он же и породил. Не случайно в сообщениях весны 1945 года нередко фигурируют выражения о вдруг улетучившихся «чарах», о растаявшем «призраке». Такого рода магические формулы наглядно характеризовали как на удивление ирреальный характер режима, так и внезапную природу его краха. Специалисты гитлеровской пропаганды неустанно твердили об «альпийских твердынях», «редутах сопротивления», а также о многочисленных подразделениях вервольфов-«оборотней» и предсказывали продолжение войны и после ее окончания. Все это оказалось блефом. Еще раз выяснилось, насколько же национал-социализм — да и фашизм вообще — в своей сути зависел от превосходящей силы, амбициозности, триумфа, и каким неподготовленным оказался он, в сущности, к поражению. Недаром же указывалось на то, что Германия была единственной побежденной в ходе Второй мировой войны страной, не породившей никакого движения Сопротивления¹.

Это отсутствие прочности не в последнюю очередь прослеживается и в поведении ведущих действующих лиц и функционеров режима. Прежде всего ход Нюрнбергского процесса, а также последующих судебных разбирательств продемонстрировал, за весьма немногими исключениями, явные старания идеологически дистанцироваться от того, что происходило. Преступные же деяния, которые вчера только имели эсхатологический смысл, они пытались преуменьшить или оспорить, дабы в конечном счете все — насилие, война, геноцид — обрело характер некоего страшного и случайного недоразумения. Все это создавало впечатление, будто национал-социализм вовсе не был явлением, охватывающим целую эпоху, а явился порождением жадности власти у одного-единственного человека, а также комплекса зависти и ненависти у одного беспокойного, жаждущего завоеваний народа. Если бы национал-социализм имел глубокие корни в обществе и был одной из неперенных идеологий своего времени, то военное поражение не смогло бы устранить и так резко опустить на него ночь забвения.

А ведь он всего лишь за какие-то 12 лет придал миру новый облик — даже слепому видно, что столь мощные процессы едва ли могут быть достаточным образом объяснены капризом дорвавшегося до власти одиночки. Подобные события

---

¹ *Trevor-Roper H.R. Hitlers letzte Tage. S. 74 f.*

становятся возможными только, если этот одиночка является фигурой, интегрирующей разнообразнейшие эмоции, страхи или интересы, и если влекут его вперед мощные, приходящие из дальних далей энергии. В таком свете еще раз вырисовывается роль и значение Гитлера по отношению к окружающим его силам: существовал гигантский, неупорядоченный потенциал агрессивности, страха, самоотдачи и эгоизма, лежавший втуне и нуждавшийся лишь в том, чтобы некое властное явление разбудило, сфокусировало и использовало его. Этому явлению этот потенциал был обязан своей ударной силой и легитимностью, с ним праздновал он свои колоссальные победы, но с ним же вместе он и рухнул.

Однако Гитлер был не только фигурой, объединившей столь многие тенденции времени. В еще большей степени он и сам придавал событиям их направление, масштабы и радикальность. Благоприятствовало ему при этом то, что его мысли не были отягощены какими-либо предварительными условиями и что буквально все — антагонизм, противников, партнеров, нации, идеи — он столь же хладнокровно, как и маниакально подчинял своим чудовищным целям. Его экстремизм соответствовал той внутренней дистанции, которую он сохранял по отношению ко всем силам. Еще Август Кубицек подметил склонность своего друга «не раздумывая бросаться тысячелетиями»². Если даже и не придавать слишком большого значения такого рода воспоминаниям, то все равно в поведении Гитлера, какой период его жизни ни возьми, явно есть что-то от той инфантильной безоглядности в обхождении с миром, на которую намекают приведенные выше слова. Да и его, Гитлера, собственное замечание, что он смотрит «на все с чудовищным, ледяным хладнокровием, лишенным каких бы то ни было предрассудков»³, говорит, по сути, о том же самом. Многие говорят за то, что он, вопреки его относящимся еще к юношеским годам претензиям, так никогда и не осмыслил, что есть история. Он видел в ней своего рода настежь открытый для честолюбцев храм славы. Смысла же и правоты происходящего он не осознавал совершенно. Несмотря на все настроение буржуазного распада, несмотря на окружающую его атмосферу тления,

---

² Kubizek A. Op. cit. S. 100.

³ Rauschning H. Gespräche. S. 212.

он был *homo novus*. И именно таким образом, с абстрагированной беспечностью, шел он на осуществление своих замыслов. В то время как другие государственные деятели учитывали реальность существующего соотношения сил, он отталкивался от несуществующего. Точно так же, как начал он без оглядки на реальное положение вещей проектировать новый мегаполис Берлин, планировалась им и полная перестройка Европы и всего мира; не только он сам пришел из ниоткуда — из ниоткуда шли и его мысли. Не обращая внимания на границы на географической карте Европы, закрепившиеся в результате войн и изменения соотношения сил, он переделал эту карту на свой лад, разрушил державы и помог подняться новым силам, вызвал революции и положил конец веку колониализма. В конечном итоге он гигантским образом расширил эмпирический горизонт человечества. Перефразируя слова Шопенгауэра, которого он по-своему почитал, можно сказать, что Гитлер дал миру урок, который тот уже не забудет никогда.

Доминирующим мотивом, давшим ему возможность в полной мере использовать исторические силы, было неизменное чувство угрозы: страх перед лицом процесса уничтожения. Жертвой этого страха на протяжении веков стали многие государства и народы, но только теперь, на этом перекрестке всей истории, он приобрел универсальную, угрожающую всему человечеству мощь. На одном из снимков, сделанных в новом здании Имперской канцелярии, виден лежащий на письменном столе Гитлера фолиант с названием «Спасение мира»⁴. На различных этапах его жизненного пути хорошо видна настойчивость, с которой он все время стремился к роли спасителя. Она была для него не только призванием и «циклопической задачей», но и представляла собой в этой донельзя театрализованной жизни ту великую, образцовую сольную партию, которая ассоциировалась у него с воспоминаниями о любимой опере его молодости — «Лоэнгрин»⁵ и мифическими образами каких-то героев-освободителей и «рыцарей-лебедей».

Идея спасения была для него неразрывно связана с самоутверждением Европы, рядом с которой не существовало никакой иной части света, никакой иной сколь-нибудь значи-

---

⁴ Этот снимок имеется в распоряжении автора.

⁵ Kubizek A. Op. cit. S. 233 f.

тельной культуры. Все другие континенты были лишь географическими понятиями, источником рабов и ресурсов, были пустыми пространствами, лишенными истории: *hie sunt leones*⁶. Да и сам феномен Гитлера был одновременно и последним гиперболизированным выражением европейского притязания оставаться хозяином собственной, а тем самым и всей истории вообще. В его картине мира Европа, в конечном счете, играла ту же роль, что и немецкий дух в сознании поры его молодости: это была находившаяся под угрозой, уже почти утраченная высшая ценность. У него было острое чувство на опасность растворения, угрожавшую континенту, на угрозу его внутренней сути как извне, так и изнутри. Эта угроза исходила от неудержимо размножающихся, заполняющих и буквально душащих земной шар «неполноценных рас» Азии, Африки и Америки, а также от собственных, отрицающих традицию, историю и величие Европы демократических идеологий.

И хотя сам он был явлением демократического века, но олицетворял собой лишь его антилиберальный вариант, характеризовавшийся сочетанием манипуляции голосами избирателей путем плебисцитов и харизмы вождя. Одним из непреходящих горьких уроков Ноябрьской революции 1918 года было осознание того, что существует неясная взаимосвязь между демократией и анархией, что хаос является неподдельным выражением подлинного народовластия, а произвол — его законом. Поэтому нетрудно увидеть в стремительном взлете Гитлера последнюю отчаянную попытку сохранить старой Европе ее привычное величие. Парадоксом феномена «Гитлер» является и то, что он с помощью разрушения пытался защитить чувство стиля, порядка и авторитета перед лицом восходящей эпохи демократии с ее правами решающего голоса для масс, эгалитаризацией плебейства, эмансипацией и распадом национального и расового самосознания. Он также стал выразителем и долго копившегося протеста против презренного эгоизма крупного капитала, против коррумпирующей мешанины буржуазной идеологии и всепроникающих идей «Золотого тельца». Он считал, что континенту грозит огромная двойная угроза, чреватая чуждым Европе засильем и ее поглощением «бездушным» американским капитализмом, с одной стороны,

---

⁶ «Тут водятся львы» (*лат.*) — надпись на средневековых географических картах. — *Прим. пер.*

и «бесчеловечным» русским большевизмом — с другой. И вполне правомерно суть выступления Гитлера была обозначена как «борьба не на жизнь, а на смерть»⁷.

Не составляет труда, расширив эти представления до глобального уровня, распознать в них парадигматическую ситуацию раннего этапа обретения фашизмом своих приверженцев. Это те массы среднего сословия, которые — на фоне общих панических настроений — видели себя в медленно удушающих их объятиях, с одной стороны — профсоюзов, а с другой — крупных универсальных магазинов, в объятиях коммунистов и анонимных концернов. И, наконец, феномен Гитлера можно понимать и как попытку утверждения своего рода третьего пути — нечто среднее между господствующими силами эпохи, между левыми и правыми, между Востоком и Западом. Это и придало Гитлеру ту двойственность, которую нельзя охарактеризовать однозначными дефинициями — нацепляемыми на него ярлыками вроде «консервативный», «реакционный», «капиталистический» или «мелкобуржуазный». Не подходя ни под одну из этих позиций, он в то же время принадлежал к ним всем одновременно и узурпировал их существеннейшие элементы, сводя их к собственному, неподражаемому феномену. С его приходом к власти пришел конец и борьбе за Германию, начало которой было положено после Первой мировой войны Вильсоном и Лениным⁸, когда один пытался привлечь ее на сторону парламентской демократии и идеи мира между народами, а другой — на сторону дела мировой революции. Лишь 12 лет спустя это противоборство возобновилось вновь и завершилось якобы соломоновым решением о разделе страны.

Предлагаемая Гитлером альтернатива должна была захватить весь континент, а ее энергетическим ядром должна была стать Германия: современная миссия рейха заключалась в том, чтобы дать уставшей Европе новые стимулы и использовать ее как резервуар сил для мирового господства Германии. Гитлер рвался наверстать упущенное Германией на империалистической стадии развития и выиграть главный из возможных призов — возможность гигантской экспансии на Востоке и господство над Европой, а благодаря этому — над всем миром. Он вполне логично исходил из того, что поделенный земной шар

---

⁷ Nolte E. Faschismus in seiner Epoche. S. 507.

⁸ См.: Ursachen und Folgen. Bd. IX. S. XXXIX.

вскоре уже не даст возможности завоевать какую-нибудь империю. Поскольку он всегда мыслил категорическими альтернативами, то ему представлялось, что удел Германии — либо стать мировой державой, либо же «завершить существование... как вторая Голландия и как вторая Швейцария», а может быть, даже и «исчезнуть с лица земли или стать народом-рабом, обслуживающим других»⁹. То соображение, что его замысел до предела перенапрягал силы и возможности страны, никак не могло сколько-нибудь серьезно беспокоить его. Он считал, что задача здесь заключается в первую очередь в том, чтобы «заставить колеблющийся перед лицом своей судьбы немецкий народ пойти своим путем к величию». Мысль о связанном с этим риске гибели самой Германии вызвала у него во время войны лишь замечание на жаргоне его молодости, что так для него характерно: тогда, мол, будет «все равно»¹⁰.

Следовательно, и национализм Гитлера также не был односторонним, ибо он, не задумываясь, готов был поступиться интересом нации. Но тем не менее этот национализм был достаточно интенсивным, чтобы вызвать всеобщее сопротивление. Потому что хотя Гитлер частично и выражал защитные эмоции всей эпохи и континента, а его мессианские лозунги оказывали воздействие и далеко за пределами страны, так что к Германии Гитлера относились с уважением и даже — удивительным образом — с завистью¹¹, ему так никогда и не уда-

---

⁹ Hitlers Zweites Buch. S. 174; *Hitler A. Mein Kampf*. S. 732. См. также: *Le Testament politique de Hitler*. P. 62 f. (4.2.1945), где говорится: «У Германии не было выбора... Мы не могли удовлетвориться мнимой независимостью. Это могло быть достаточным для шведов или швейцарцев, которые всегда готовы довольствоваться пустыми обещаниями при условии, что при этом набиты их карманы. И Веймарской республике не требовалось большего. Однако Третий рейх не мог удовлетвориться столь скромными притязаниями. Мы были обречены на то, чтобы вести войну».

¹⁰ Hitlers Tischgespräche. S., S. 273; *Rauschning H. Gespräche*. S. 105.

¹¹ Наиболее известным является высказывание Уинстона Черчилля, которое часто цитируется, преимущественно в немецкой апологетической литературе: «Можно презирать систему Гитлера и все же восхищаться его патриотическим достижением. Если наша страна будет побеждена, то я надеюсь, что у нас тоже найдется столь достойный восхищения вождь, который вновь вселит в нас мужество и вернет нам наше место среди других наций». (*Churchill W. Great Contemporaries*. New York, 1937. P. 226) См. далее реплику Ллойд Джорджа после посещения им Оберзальцберга, когда его дочь при-

лось придать этому своему оборонительному началу нечто большее, нежели узкий и жесткий национальный профиль. В ходе своих бункерных медитаций весной 1945 года он как-то назвал себя «последним шансом Европы» и попытался в этой связи оправдать применение насилия по отношению к народам континента: «Она не могла быть покорена шармом или силой убеждения. Чтобы ее заиметь, нужно было ее изнасиловать»¹². Но вот именно шансом Европы, даже в виде иллюзии или в плане тактического расчета, Гитлер и не был. Не было такого момента, когда он смог бы, перешагнув через себя, войти в игру в роли реальной политической альтернативы. Разве только во время войны, когда речь шла о предположительно не лишенной перспективы попытке придать кампании против Советского Союза всеевропейское значение, он раскрылся как тот заклятый враг «интернационализма», каким он начинал, — человеком из глубокой европейской провинции, с неизменной фиксацией на антагонизмах ушедшей в небытие эры.

Тем самым наш взор еще раз обращается к противоречивому месту Гитлера в истории. Несмотря на всю свою в принципе оборонительную позицию, он долгое время считался прогрессивной по своей сути фигурой эпохи. Окружавший его ореол нацеленности на будущее был в сознании большинства его современников столь же неоспоримым, как и та анахроническая природа, каковую мы видим в нем сегодня. Современными и отвечавшими духу времени казались в 20-х и 30-х годах и техника действий, и коллективные представления о порядке, и монументальные пропорции, и воинственные позиции, и гордость человека из массы, и аура вождя. Одной из причин успеха национал-социализма было также и то, что он ловко присвоил себе все эти элементы. В том же ряду стоял и командный стиль поведения вождей. Время взлета и успехов Гитлера в значительной степени протекало под знаком цезаристских тенденций, доходивших до тоталитарного культа вождя в сталинском Советском Союзе, да и отражавшихся характерным образом в авторитарном стиле руководства Рузвельта. На этом фоне Гитлер, откры-

ветствовала его у гостиницы в Берхтесгадене ироническим возгласом «Хайль Гитлер!»; «Вот именно, Хайль Гитлер. То же говорю и я, ибо это действительно великий человек»; см.: *Schmidt P. Op. Cit. S. 340.*

¹² *Le Testament politique de Hitler. P. 139 (26.2.1945).*

то и с принципиальной остротой заявивший о своей принадлежности к такому типу властителя, казался признаком новых времен: он был рекламным щитом тех великих трибунов «века масс», приход которых предвещал Шпенглер. Примечательно, что для публики Гитлер и подчеркивал всегда оптимистический, обращенный к будущему характер национал-социализма, а не его регрессивные, окрашенные ностальгическим культурным пессимизмом черты, которые стали предметом забот главным образом Гиммлера, Дарре, а также множества эсэсовских чинов.

На самом же деле Гитлер побаивался будущего; в «Застольных беседах» в Ставке фюрера он как-то заявил, что рад, что ему довелось жить только в начале технического века — более поздние поколения уже не будут знать, «как прекрасен был когда-то этот мир»¹³. Несмотря на всю свою ориентированную на прогресс позу, он был натурой, приверженной в основном образам, нормам и инстинктам XIX века, который он и воспринимал, наряду с классической античностью, как наиболее значительный период в истории человечества. Да и в самой его смерти, какой бы тривиальной и театральной она ни показалась, отразились те две стороны эпохи, которая его восхищала и которую он сам представлял. Здесь было нечто от ее гремучего блеска, нашедшего свое выражение в отрежиссированном им по мотивам «Гибели богов» финале, но было и нечто от ее пошловатого характера, когда на манер потерпевшего фиаско игрока эры шапокляков его труп лежал на диване в бункере рядом с метрессой, ставшей его официальной женой. Этот финал продемонстрировал его полное выпадение из времени и еще раз раскрыл всю архаичность самой его сути.

Феномен застылости, который проявлялся в течение всей жизни Гитлера, обретает именно на таком фоне свое истинное значение. Он хотел остановить то неповторимое мгновение, какое являл собой мир в пору его, Гитлера, становления. В отличие от вождей фашистского типа — от Муссолини, Морраса или даже Гиммлера — Гитлер был соблазнен не историей, а тем, что пережил в период своего формирования, — ознобом счастья и страха поры полового созревания. Поэтому и спасение, которое он стремился принести, непременно должно было идти под знаком великого XIX века. Вся карти-

---

¹³ Hitlers Tischgespräche. S. 489.

на мира Гитлера, его маниакальные представления о борьбе за жизнь, о расе, пространстве, как и сохранившееся у него до самого конца восхищение идолами и великими мужами его молодости, да и вообще великими мужами, чьими свершениями и представлялась ему история вплоть до последних его дней, до абсурдных надежд, связанных со смертью Рузвельта в апреле 1945 года, — именно это, как и многое другое, и характеризует всю меру его фиксации. То же самое скрывается и в многочисленных трудностях, мешавших ему представить себе горизонты текущего века. Постоянно всплывавшая в его выступлениях пугающая цифра — 140 жителей на один квадратный километр, — которой он стремился оправдать свои притязания на расширение «жизненного пространства», раскрывает его неспособность найти современные по своей сути решения, направленные на завоевание, так сказать, внутреннего жизненного пространства, срывает с него маску поборника модернизации, по крайней мере частично. В целом же мир, уже стоявший тогда на пороге атомного века, оставался в его представлении идентичным тому, на который — так заявлял он не без оттенка благодарной признательности еще в феврале 1942 года — когда-то открыл ему глаза Карл Май¹⁴.

Да и суть величия как такового он понимал на лубочный лад, в стиле старых приключенческих романов, — в образе сверхчеловека-одиночки. К константам его картины мира относится тот момент, что он хотел быть не просто великим, а великим в манере, стиле и темпераменте человека искусства, и когда он в одной из своих речей провозгласил «диктатуру гения»¹⁵, то явно имел при этом в виду право на господство людей искусства. Примечательно, что свое представление о величии он основывал на образах Фридриха Великого и Рихарда Вагнера — двух явлений, равным образом связанных с

---

¹⁴ *Libres propos*. P. 306. Беспокойство по поводу перенаселенности Германии до 140 человек на один квадратный километр находит свое выражение во многих речах Гитлера; см., например, его высказывания в первые месяцы войны: *Domarus M.* Op. cit. S. 1177 (28.4.1939); *IMT*. Bd. XLI. S. 25 (22.8.1939); *Domarus M.* Op. cit. S. 1422 (23.11.1939); S. 1456 (30.1.1940) и т.д. Характерно то обстоятельство, что и так называемую внутреннюю колонизацию Гитлер отвергал с самого начала; см., например: *Hitler A.* *Mein Kampf*. S. 145 ff.

¹⁵ См. тезисы Гитлера к речи «Отечество или колония». In: *Maser W.* *Zeugnisse*. S. 341.

художественной и политической сферой. Величие должно было быть «героическим», и его самый тяжкий упрек своему антагонисту ранних лет Густаву фон Кару состоял именно в том, что тот «не был героическим явлением»¹⁶. В принципе он рассматривал величие как категорию, выражающую статичность и нашедшую наилучшее воплощение в монументах. Не требуется никаких особых исследований, чтобы обнаружить здесь психопатический характер — проявляющуюся в этих представлениях наивную, ребяческую черту, при одновременно напряженном, форсируемом естестве. Отпечаток этого лежал на всем поведении волевого человека, как оно было усвоено им. Но давайте вспомним, сколько же скрывалось за этим апатии, нерешительности и нервозности, какие искусственные импульсы постоянно нужны были Гитлеру для значительных проявлений энергии, при которых все равно всегда присутствовало что-то от механической конвульсии гальванизированной мышцы. Подобным же образом искусственной и натуженной выглядела его аморальность, которой он охотнее всего придал бы холодность свободной, обладающей грубой силой натуры — натуры человека-господина, чтобы скрыть, сколько тайной страсти к возмездию переполняло его. Несмотря на всю свою макиавеллистскую вольность, чем он так нравился самому себе, он конечно же не был свободен от вмешательства со стороны той самой морали, которую презрительно называл «химерой»¹⁷. Озноб и расстройства пищеварения — эти симптомы легко позволяют отнести подверженного им типа, даже в плане состояния его организма, к XIX веку; слабость нервов, компенсируемая повадками сверхчеловека, — и в этом распознается связь Гитлера с поздней буржуазной эпохой, временами Гобино, Вагнера и Ницше.

Однако характерным для этой связи является как раз то, что она была полна изломов и необычного, недаром же Гитлера с полным основанием называли «*detache*» («отрезанный ломоть»)¹⁸. Несмотря на все свои мелкобуржуазные склонности, он в действительности не принадлежал к этому миру,

---

¹⁶ *Hoffmann H.* Op. cit. S. 254; затем: Adolf Hitler in Franken. S. 26.

¹⁷ *Rauschning H.* Gespräche. S. 212.

¹⁸ *Nohe E.* Faschismus in seiner Epoche. S. 409, 693. Из выступления Гитлера 26 февраля 1924 года на процессе в Мюнхенском народном суде; см.: *Boepple E.* Op. cit. S. 110.

во всяком случае, его корни никогда не достигали тут достаточной глубины, чтобы он разделял присущую мелкой буржуазии ограниченность. По этой же причине его оборонительная реакция была преисполнена таких неприязненных чувств, и потому-то он довел этот мир, о защите которого постоянно говорил, до полного разрушения.

И все же поразительным образом этот обращенный в прошлое, совершенно очевидно сформированный XIX веком человек вывел Германию, равно как и немалую часть зараженного его динамизмом мира, в XX столетие. Место Гитлера в истории куда ближе к великим революционерам, нежели к тормозившим ее, консервативным властью имущим. Конечно, свои главные силы Гитлер черпал из стремления воспрепятствовать приходу новых времен и путем внесения великой, всемирно-исторической поправки вернуться к исходной точке всех ложных дорог и заблуждений: он — как это он сам сформулировал — выступил революционером против революции¹⁹. Но та мобилизация сил и воли к действию, которых потребовала его операция по спасению, чрезвычайно ускорила процесс эмансипации, а достигнутое им перенапряжение авторитета, стиля, порядка как раз и ослабило взятые ими на себя обязательства и привело к успеху те демократические идеологии, которым он противопоставлял такую отчаянную энергию. Ненавидя революцию, он стал, на деле, немецким феноменом революции.

Конечно, самое позднее уже с 1918 года в Германии шел процесс кардинальных перемен. Но этот процесс проходил половинчато и чрезвычайно нерешительно. И только Гитлер придал ему ту радикальность, которая и сделала процесс по сути революционным и полностью изменяла застывшую и удерживаемую в рамках определенных авторитарных социальных структур страну. Только теперь, под воздействием притязаний фюрерского государства, рухнули почтенные гражданские институты, были вырваны из привычных связей люди, устранены привилегии и разрушены все авторитеты, не связанные с самим Гитлером или не санкционированные им. При этом ему удалось либо погасить страхи и аффекты перемен, которые сопровождают обычно разрыв с прошлым, либо преобразовать их в энергию на пользу обществу, поскольку он

---

¹⁹ Так Гитлер заявил 26.2.1924 на заседании Мюнхенского народного суда; см. *Boepple E. Op. cit. S. 110.*

умел достаточно достоверным образом преподнести себя массам в качестве всеобъемлющего эрзац-авторитета. Но главным здесь явилось то, что он ликвидировал наиболее конкретную форму проявления страха перед революционным будущим — левые марксистские силы.

Конечно, было пушено в ход насилие. Но он никогда — с самого начала — не делал ставку только на грубую силу. С намного большим успехом Гитлер противопоставил мифу о мировой революции и об определяющей ход истории силе пролетариата свою собственную, конкурирующую с этим идеологию. Клара Цеткин видела приверженцев фашизма в первую очередь в разочарованных людях всех слоев, в «наиболее усердных, сильных, решительных, отважных элементах всех классов»²⁰, а Гитлеру удалось объединить их всех в новом мощном массовом движении. И даже ненадолго, но тем не менее на какой-то ошеломляющий момент лозунг «Адольф Гитлер пожрет Карла Маркса», с которым Йозеф Геббельс начал борьбу за «красный» Берлин, оказался отнюдь не столь уж дерзким, как это могло показаться вначале. Во всяком случае, идеологическая инициатива в 30-е годы перешла на некоторое время от Москвы к Берлину. Утопия о классовом примирении оказалась настолько явно сильнее утопии о диктатуре одного класса, что Гитлер смог привлечь на свою сторону значительные отряды даже вызывавшего такой страх пролетариата и включить их в пестрый состав своих сторонников, где были люди всех классов, всех категорий сознания и имущественного положения. И в этом плане он действительно соответствовал своему притязанию на роль «разрушителя марксизма». По меньшей мере, он открыл уязвимость марксизма и то обстоятельство, что этот противник отнюдь не имеет на своей стороне законов истории. Во всяком случае, Гитлер вовсе не был последней, отчаянной попыткой уходящего со сцены капитализма сохранить свою власть, как это представляют некоторые находящиеся в состоянии ослепления идеологии историки.

---

²⁰ См. протоколы расширенного пленума исполкома Коминтерна, Москва, 12—13.6.1923, опубликованные в: *Nolte E. Theorien*. S. 92. Это выступление интересно не в последнюю очередь тем, что в нем, в отличие от всех вошедших позднее в оборот левых теорий заговора, фашизм со всей серьезностью рассматривается как сборный пункт для разочаровавшихся в социализме масс.

Как фигура социальной революции Гитлер, следовательно, представляет собой амбивалентное явление. Его неоднократно отмечавшаяся «двойная суть» не проявляется нигде столь явно, как именно в этой связи. Ибо нельзя сказать, что революция, которая была делом его рук, произошла якобы вопреки его намерениям: революционная мысль об «обновлении», о преобразовании государства и общества в свободную от конфликтов, по-боевому сплоченную «народную общность» доминировала всегда. Обладая Гитлер и волей к переменам, и представлением о цели, и готовностью к соединению воедино того и другого. Тот, кто сравнит его с политиками Веймарского периода — Гугенбергом, Брюнингом, Папеном, Брейтшейдом и конечно же с вождем коммунистов Тельманом, — не может, помимо всего прочего, не назвать его несомненно более современным явлением. Да и сопутствовавшие обстоятельства национал-социалистической революции, ее тупая радикальность и кажущаяся лишенной программы всеядность легко могут служить основанием для того, чтобы назвать ее вдохновителем и руководителем революционером, ибо с более близкого расстояния почти все процессы насильственных преобразований видятся «патетическим и кровавым шарлатанством»²¹. Поэтому и господство Гитлера следует рассматривать не изолированно, а как террористическую, в определенном смысле якобинскую фазу в ходе той широкомасштабной социальной революции, которая привела Германию в XX век и до сих пор не получила еще своего завершения²².

И все-таки тут не может не звучать и голос сомнения: не была ли эта революция в большей степени случайной, слепой и лишенной цели, нежели это представляется задним числом аналитикам-интерпретаторам? Было ли в основе перемен долгое размышление или всего лишь волюнтаризм и безоглядность Гитлера, недостаточное понимание им того, чем была Германия в плане ее социального, исторического и психологического своеобразия? Не имел ли он в виду, взывая к ярким образам прошлого, всего-навсего пустой традиционализм, помогавший ему скрывать за декорациями в фольклорном духе ужас перед будущим?

---

²¹ *Nietzsche F. Werke.* Bd. I. S. 1258.

²² Книга Феста вышла в свет в середине 1970-х годов. — *Прим. науч. ред.*

Не в последнюю очередь эти сомнения порождаются склонностью национал-социализма идеологически рядиться в максимально «консервативные» одежды. Вопрос здесь заключается в том, не был ли он подобен тому коммунару, который брызгал в свой керосин несколько капель святой воды. Что он не намеревался делать ни при каких обстоятельствах, так это реставрировать доиндустриальное государство привилегий. Никакие маскарады не могут затушевывать тот факт, что он — вопреки своим амбициям восстановить немецкое прошлое, его достоинство, его пасторальное очарование, его аристократию — с помощью радикального насилия втолкнул страну в современность и раз и навсегда отрезал обратные пути в то авторитарно-государственное прошлое, которые благодаря охранительному темпераменту немцев оставались открытыми, несмотря на все социальные изменения. Парадоксально, но только с ним в Германии завершился XIX век. И какое бы впечатление анахронизма ни производил Гитлер, он был современнее или хотя бы решительнее по своей ориентации на современность, нежели все его внутривнутриполитические антагонисты. Трагичность консервативного Сопротивления как раз и заключается в том, что у его участников понимание морали во многом превосходило понимание политики: здесь авторитарная, глубоко погрязшая в своей романтической запоздалости Германия вела бесперспективную борьбу с современностью²³. Превосходство Гитлера над всеми его соперниками, включая и социал-демократов, основывалось именно на том, что он острее и решительнее их осознал необходимость перемен. Отрицание им современного мира

---

²³ См. в этой связи прежде всего: *Dahrendorf R. Gesellschaft und Demokratie in Deutschland*. S. 431 ff. О консервативном Сопротивлении нельзя вспоминать, не испытывая двойственных чувств. В период между 30 июня 1934 года и 20 июля 1944 года «Ancien regime» потерял в Германии свой руководящий слой, а позднее — в утраченных восточных областях и в ГДР — лишился значительной части своей экономической и общественной базы, в результате же проявившихся во множестве фактов коррупции и некомпетентности полиняла и память о его безупречности. Его уход имел множество последствий. Он неизбежно означал сужение и обеднение сцены; он привел к тому, что позиция консерваторов в ФРГ осталась незанятой. Однако вместе с тем этот уход уберек государство от воинствующего антагонизма и тем самым от многих бед, которые в немалой степени способствовали краху Веймарской республики.

проходило как раз под знаком современности, а своему эффекту он придал черты духа времени. Да и тот разлад, чьей вынужденной жертвой стал он как революционер, вполне им осознавался. Скажем, с одной стороны, он воздавал должное заслугам германской социал-демократии за то, что в 1918 году была устранена монархия, но, с другой стороны, говорил о «тяжких страданиях», которые причиняются любым общественным поворотом²⁴. А в конечном же счете внутреннее желание назвать его революционером целиком связано с тем, что идея революции представляется сознанию в тесном единстве с идеей прогресса. Но господство Гитлера не оставило незатронутой и терминологию, и одним из последствий этого не в последнюю очередь является и то, что понятие революции лишилось той моральной амбиции, на которую оно долго претендовало.

Однако национал-социалистическая революция захватила и разрушила не только устаревшие социальные структуры. Не менее глубокими были ее психологические последствия, и, возможно, именно в этом и заключается ее важнейший аспект: она коренным образом изменила отношение немцев к политике. На страницах этой книги было наглядно продемонстрировано, насколько немецкий мир чурался политики и ориентировался на частные вкусы, привязанности и цели; успех Гитлера был частично связан с этим. А бросающееся в глаза на протяжении длительных периодов отсутствие людей, выступающих лишь при случае и как пассивный элемент, как

---

²⁴ Из речи 25.1.1939; см.: *Jacobsen H.-A., Jochmann W.* Op. cit. S. 9 (в соответствующем хронологическом разделе). Его замечание по поводу германской социал-демократии см.: *Libres propos*, p. 36. Чтобы уйти от по-своему морально отягощенной терминологической проблемы, американские социологи ввели в дискуссию понятие «Modernization» («модернизация»). Согласно этому термину, фашистские системы в Италии или Германии предстают прежде всего как этапы в процессе вытеснения традиционных общественных структур. Правда, при этом далеко не в полной мере учитывается то обстоятельство, что это может быть лишь одним из многих аспектов толкования и что фашизм нельзя определить исключительно его отношением к процессу индустриализации, урбанизации и рационализации. Более глубокое и всестороннее исследование тут еще отсутствует; см.: *Apter D.* The Politics of Modernization. Chicago, 1965; *Turner H.A.* Faschismus und Antimodernismus, In: *Faschismus und Kapitalismus in Deutschland*. S. 157 ff., где есть дополнительная библиография.

инструмент или декорация, отражает что-то от традиционного немецкого воздержания от политики, что в психологическом плане играло на руку режиму и было умело им использовано. В целом нация, которой разрешалось только маршировать, вскидывать руки в нацистском приветствии и аплодировать, воспринимала себя не столько выключенной Гитлером из политики, сколько избавленной от нее. Всему набору ценностей — таких как Третий рейх, народная общность, вождизм, судьба или величие — были гарантированы массовые рукоплескания не в последнюю очередь как раз потому, что они означали отказ от политики, от мира партий и парламентов, от уловок и компромиссов. Мало что воспринималось и понималось столь радостно, как склонность Гитлера мыслить категориями героики, а не политики, трагедии, а не социальной и замещать вульгарную заинтересованность возвышенными мистическими суррогатами. О Рихарде Вагнере сказано, что он писал музыку для людей, не обладающих музыкальным слухом²⁵, с тем же правом можно сказать, что Гитлер делал политику для аполитичных.

Враждебное отношение немцев к политике Гитлер использовал двояким образом. Вначале он непрерывной тотальной мобилизацией включил людей в общественную сферу, и хотя это в подавляющей степени шло под знаком одурманивающих массовых празднеств, как раз и имевших своей целью свести на нет весь интерес к политике, он все же не мог воспрепятствовать тому, что тем самым была порождена новая сфера переживаний: впервые нация начала постепенно отрекаться от своего частного мирка. Пусть режим допускал или требовал лишь ритуальных форм участия, но сознание общества он все-таки изменил. В результате же в подрывных действиях социальной революции рушился и весь привычный немецкий интерьер, вся сфера личного довольства бытием с ее мечтами, ее отчужденным от всего мирского счастьем и тоской по политике без политики.

Но, с другой стороны, шок политической и моральной катастрофы, уготованный Гитлером стране, повлиял на изменение ее сознания; Освенцим явился символом фиаско частного немецкого мирка и его эгоцентрической самозабвенности. Конечно, большинство немцев ничего не знало о том, что творилось в лагерях уничтожения и уж, во всяком случае, было

---

²⁵ *Adorno Th.W.* Op. cit. S. 28.

куда хуже осведомлено об этом, нежели мировая общественность, с конца 1941 года непрерывно получавшая все новые тревожные свидетельства массовых преступлений²⁶. С немецкой стороны это подтверждается и уже приводившейся фразой Гиммлера о том, что, мол, немецкая общественность является политически недостаточно зрелой, чтобы понять меры по истреблению, и, следовательно, СС обязаны «унести тайну с собой в могилу». Отсутствие у людей реакции на слухи нельзя понять, не принимая во внимание традицию, которая издавна считала сферу политики исключительной компетенцией государства.

В той же плоскости лежит и одна из причин тяги немцев к тому, чтобы забыть все, что было до 1945 года. Вытеснение из своей памяти Гитлера означало — хотя бы частично — преодоление какой-то формы жизни, расставание с личным мирком и тем типом культуры, который продолжительное время он представлял. Лишь более молодое поколение осуществило такой разрыв и отрезало, будучи свободным от сантиментов, предрассудков и воспоминаний, связующие нити, ведущие к прошлому. Парадоксальным образом оно тем самым как бы и довело до конца революцию Гитлера. Оно мыслит в непривычном для Германии масштабе политическими, общественными, прагматическими категориями. Оно — если не принимать во внимание некоторые шумные романтические, но маргинальные группы — отреклось и от любого рода интеллектуального радикализма, от любого рода асоциальной страсти к великой теории и оставило прошлому то, что столь долго было присуще немецкому мышлению: системность, глубокомыслие и пренебрежение реальностью. Это поколение обладает трезвыми и деловыми аргументами и, действительно, не ведет больше, если воспользоваться тут знаменитой фразой Бертольда Брехта, разговора о деревьях²⁷. Сознание этого поколения в высшей степени современно, для него

---

²⁶ Первой ласточкой была знаменитая статья в «Нью-Йорк пост» от 20.12.1941 об умерщвлении в газовых камерах тысяч варшавских евреев.

²⁷ *Brecht B. Gedichte. Bd. IV. S. 143.* Из стихотворения Б. Брехта «К потомкам». В контексте это звучит так:

Сейчас пришли такие времена,
Что даже о деревьях разговоры
Уже в вину поставить можно нам
Как укрывательство бесчинства этой своры.

нет больше царств никогда не существовавшего прошлого и химерического будущего, впервые страна начинает жить в ладу с реальностью. Но вместе с тем немецкая мысль утратила и нечто от своей тождественности, она упражняется эмпирически, готова к компромиссам и ориентирована на общую пользу. «Немецкий сфинкс», о котором говорил Карло Сфорца незадолго до прихода Гитлера к власти²⁸, расстался со своей загадкой, и миру от этого стало лучше.

И все-таки в Германии, да и в других странах тоже, фашистские или родственные им тенденции продолжают жить: в первую очередь некоторые психологические предпосылки, пусть и не имеющие легко распознаваемой связи с национал-социализмом или даже выступающие под непривычными, большей частью левыми знаменами, равно как и определенные социальные и экономические условия. Наименее живучими оказались идеологические предпосылки, такие как, например, национализм межвоенной поры, обеспокоенность по поводу утраты статуса великой державы или панический антикоммунизм. В качестве реакции на переход от стабильных, фиксированных порядков к лишенному твердых гарантий будущему современных обществ отдельные факторы, благоприятствовавшие фашистской идеологии, будут встречаться до тех пор, пока будет продолжаться кризис приспособляемости. И еще не очень ясно, как можно ответить на него наиболее эффективным образом. Ведь опыт национал-социализма не только не способствовал рациональному анализу причин кризиса, но, скорее, на протяжении длительного времени препятствовал такому анализу. Гигантская тень, которую отбрасывали лагеря уничтожения, затмевала познание того, в какой мере явления связаны с эпохальными или даже всеобщими потребностями людей, со страхами перед будущим, мотивами сопротивления, с эмоциональным преображением примитивности, с пробуждением преисполненных страсти атавизмов, чтобы все могло стать по-другому и восстановилось своего рода естественное состояние.

Эти аспекты событий долгое время оставались в тени. Нравственное возмущение заслоняло понимание того, что те, кто шел за Гитлером, кто организовывал торжества и варварские преступления, были людьми, а не чудовищами. А прокатившиеся по всему миру в конце 60-х годов волнения вновь

---

²⁸ Sforza C. Europäische Diktaturen. S. 131.

выявили многие элементы, с которыми то и дело встречаешься в описаниях обстановки предфашистских времен: аффект, направленный против цивилизации, тягу к стихийности, эйфории и образности, безудержность молодежи и эстетизация насилия. Верно, конечно, что тут все равно сохраняется огромная дистанция, да и все совпадения между этими явлениями и теми ранними движениями кончаются там, где встает вопрос о слабых и угнетенных — вопрос, на который у фашизма нет ответа²⁹. Когда Гитлер назвал себя «величайшим освободителем человечества», то он примечательным образом сослался на «избавляющее учение о ничтожности отдельно взятого человека»³⁰. Однако не следует также забывать, что в прошлом фашистский синдром едва ли выступал когда-либо в чистой, содержащей все его элементы форме и что возможен его резкий переход в новые разновидности.

Поскольку фашизм уходит своими корнями в чувство кризиса эпохи, он останется латентным и найдет свою смерть только вместе с самой эпохой. Так как он в столь значительной степени представляет собой реакцию и отчаянный оборонительный рефлекс, то самой его природе присуще, что предпосылки, на которых он базируется, являются всего лишь предпосылками, то есть фашистские движения нуждаются больше, нежели иные политические группировки, в выдающемся вожде. Именно он аккумулирует все отрицательные эмоции, называет конкретных врагов, обращает депрессию в опьянение и приводит бессилие к осознанию им своей силы. К наиболее внушительным достижениям Гитлера и относится как раз то, сколь большие перспективы сумел угадать он в кризисе нервов и использовать их как никто другой. Он сумел взнудать идеологические и динамические возможности межвоенных лет. Но с его смертью все это неизбежно рухнуло, и возведенные в степень, сфокусированные и целеустремленно вводившиеся в действие чувства немедленно вернулись к своему расслабленному, неупорядоченному первоначальному состоянию.

Эта неспособность к выживанию ощутима на всех уровнях. Как бы ни подчеркивал Гитлер надличностный аспект своей задачи, как бы ни напирал он на свою миссию и как бы ни выдавал себя за орудие Провидения, выше своего време-

---

²⁹ См.: *Nolte E. Theorien*. S. 71.

³⁰ *Rauschning H. Gespräche*. S. 212.

ни он так и не поднялся. Поскольку он не мог дать ни внушающей веру картины грядущего состояния мира, ни надежды, ни вдохновляющей цели, то ни одна из его мыслей не пережила его. И идеи, которые он всегда использовал лишь в качестве инструментов, остались после него потрепанными и скомпрометированными. Этот великий демагог не оставил после себя ни единого слова, ни единой запоминающейся формулы. Точно так же не дошло до сегодняшнего дня ни единого его строения³¹, а он ведь столь жаждал стать величайшим архитектором всех времен; не осталось даже запланированных им величественных руин. Среди всех документов, свидетельствующих о психической силе его феномена, немногого встретишь сверх того, что говорит о воздействии его голоса, вызывающего сегодня скорее чувство смущения, нежели очарования. В очередной раз тут проявилось романтическое недоразумение, лежавшее в основе соображений, которые уже вскоре после так называемого захвата власти стали выдвигаться наиболее рьяными радикалами в рядах НСДАП: мол, «мертвый Гитлер... движению [нужнее], чем живой»; мол, когда-нибудь ему следовало бы исчезнуть в тумане легенды, и его труп не должен быть найден, дабы он «для верующих масс завершился тайной»³². Нет, вновь подтвердилось — и это стало особенно ясным на переломном этапе войны, — что без катализирующей силы Гитлера не было бы ничего, а без личного присутствия великого «фюрера» мгновенно рухнуло все: воля, цель, сплоченность. У Гитлера не было тайны, которая выходила бы за рамки его непосредственного настоящего. Люди, чья приверженность и восхищение были им завоеваны, шли не за видением — они всегда шли за силой, и в ретроспективе эта жизнь представляется непрерывным выбросом гигантской энергии. Воздействие этой энергии было огромным, страх, который она внушала, — беспримерным, но сверх этого в памяти мало что осталось.

---

³¹ В современном Мюнхене можно встретить довольно много примеров нацистской архитектуры, в том числе, например, хорошо сохранившийся комплекс зданий на Кёнигсплац. — *Прим. науч. ред.*

³² *Rauschning H. Gespräche.* S. 150, 262, 264.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ, СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ

Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945, Serie D: 1937—1945. Baden-Baden, 1950 ff. (сокр. ADAP).

Documents on British Foreign Policy 1919—1939, Second Series (1930 ff.). London, 1950 ff.

Dokumente der deutschen Politik. Hrsg. von Paul Meier-Benneckenstein. Bd. I—VII. Berlin, 1937—1940.

Dokumente der deutschen Politik und Geschichte. Bd. I—III. Berlin; München, s.a.

Hitler und Kahr: Aus dem Untersuchungsausschuss des bayerischen Landtags. München, 1928.

Das Deutsche Reich von 1918 bis Heute. Hrsg. von Cuno Horkenbach. Berlin, 1930 ff. (сокр. C. Horkenbach).

Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Hrsg. von Percy Ernst Schramm. Bd. 1—7. Frankfurt/M., 1961 ff. (сокр. KTB/OKW).

Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof: Sitzungsprotokolle und Beweisurkunden. Bd. I—XLII. Nürnberg, 1947—1949. (сокр. IMT).

Spiegelbild einer Verschwörung: Die Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler über das Attentat vom 20. Juli 1944. Stuttgart, 1961.

Ursachen und Folgen: Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Hrsg. von Herbert Michaelis und Ernst Schraepfer. Berlin, 1958 ff.

Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte: Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958, 1966. (сокр. VJHfZ).

ЛИТЕРАТУРА

Abendroth, Wolfgang (Hrsg.). Faschismus und Kapitalismus: Theorien über die sozialen Ursprünge und die Funktion des Faschismus. Frankfurt/M., 1967.

Adorno, Theodor W. Versuch über Wagner. München, 1964.

Andics, Hellmuth. Der ewige Jude: Ursachen und Geschichte des Antisemitismus. Wien, 1965.

Arendt, Hannah. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Frankfurt/Main, 1955.

Arendt, Hannah. Eichmann in Jerusalem. München, 1964.

Baden, Prinz Max v. Erinnerungen und Dokumente. Stuttgart, 1968.

Benn, Gottfried. Gesammelte Werke in vier Bänden. Hrsg. von Dieter Wellershof. Wiesbaden, 1961.

Bennecke, Heinrich. Hitler und die SA. München; Wien, 1962.

Bennecke, Heinrich. Wirtschaftliche Depression und politischer Radikalismus. München, 1968.

Besymenski, Lew. Der Tod des Adolf Hitler. Hamburg, 1968.

Bloch, Charles. Hitler und die europäischen Mächte 1933/34: Kontinuität oder Bruch. Frankfurt/M., 1966.

Boberach, Heinz (Hrsg.) Meldungen aus dem Reich: Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939—1944. Neuwied, 1965.

Böhme, Helmut. Deutschlands Weg zur Grossmacht. Köln; Berlin, 1966.

Boelcke, Willi A. (Hrsg.) Wollt ihr den totalen Krieg?: Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1939—1943. Stuttgart, 1967.

Boepple, Ernst. Adolf Hitlers Reden. 3. Aufl. München, 1933.

Boldt, Gerhard. Die letzten Tage der Reichskanzlei. Hamburg, 1947.

Bonnet, Georges. Vor der Katastrophe. Köln, 1951 *Bor, Peter.* Gespräche mit Halder. Wiesbaden, 1950.

Bouhler, Philipp. Kampf um Deutschland: Ein Lesebuch für die deutsche Jugend. Berlin, 1938.

Bracher, Karl Dietrich. Die Auflösung der Weimarer Republik: Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie. Stuttgart; Düsseldorf, 1955. (сокр. Auflösung)

Bracher, Karl Dietrich. Deutschland zwischen Demokratie und Diktatur. Bern; München, 1964.

Bracher, Karl Dietrich. Die deutsche Diktatur: Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus. Köln; Berlin, 1969. (сокр. Diktatur).

Bracher, Karl Dietrich, Sauer, Wolfgang u. Schuiz, Gerhard. Die nationalsozialistische Machtergreifung: Studien zur Errichtung des totalitären Herrschaftssystems in Deutschland 1933/34. Köln; Opladen, 1960. (сокр. Machtergreifung)

Brecht, Arnold. Vorspiel zum Schweigen: Das Ende der deutschen Republik. Wien, 1948.

Brenner, Hildegard. Die Kunstpolitik des Nationalsozialismus. Reinbek, 1963.

Bronder, Dietrich. Bevor Hitler kam. Hannover, 1964.

Broszat, Martin. Der Staat Hitlers. München, 1969.

Brüning, Heinrich. Memoiren 1918—1934. Stuttgart, 1970.

Bryant, Arthur. Kriegswende. Düsseldorf, 1957.

Bryant, Arthur. Sieg im Westen 1943—1946. Düsseldorf, 1960.

Bucher, Peter. Der Reichswehrprozess: Der Hochverrat der Ulmer Reichswehroffiziere 1929/30. Boppard, 1967.

Buchheim, Hans. Die SS — das Herrschaftsinstrument: Befehl und Gehorsam // Anatomie des SS-Staaten. Olten; Freiburg i. Br., 1965.

Buchheit, Gert. Hitler, der Feldherr: Die Zerstörung einer Legende. Rastatt, 1958.

Bullock, Alan. Hitler: Eine Studie über Tyrannei. Düsseldorf, 1959.

Burckhardt, Carl Jacob. Meine Danziger Mission 1937—1939. Zürich; München, 1960.

Burckhardt, Jacob. Gesammelte Werke. Basel, 1956.

Burke, Kenneth. Die Rhetorik in Hitlers «Meim Kampf» und andere Essays zur Strategie der Überredung. Frankfurt/M., 1967.

Butler, James R.M. Lord Lothian «Philipp Kerr» 1882—1940. London; N.Y., 1960.

Butler, Rohan D'O. The Roots of National Socialism. N.Y., 1942.

Calic, Edouard. Ohne Maske: Hitler-Breitung. Geheimgespräche 1931. Frankfurt/M., 1968.

Carsten, Francis L. Der Aufstieg des Faschismus in Europa. Frankfurt/M., 1968.

Cartier, Raymond. Der Zweite Weltkrieg. Bd. 1—2. München, 1967.

Chamberlain, Houston Stewart. Die Grundlagen des 19. Jahrhunderts. 6. Aufl. München, 1906.

Churchill, Winston. Der Zweite Weltkrieg. Bern, 1954.

Ciano, Galeazzo. Tagebücher 1939/43. Bern, 1946.

Cooper, Duff. Das lässt sich nicht vergessen. München, 1954.

- Coulondre, Robert.* Von Moskau nach Berlin. 1936—1939. Bonn, 1950.
- Crankshaw, Edward.* Die Gestapo. Berlin, 1959.
- Czihon, Eberhard.* Wer verhalf Hitler zur Macht? Köln, 1967.
- Dahlerus, Birger.* Der letzte Versuch. München, 1948.
- Dahrendorf, Ralf.* Gesellschaft und Demokratie in Deutschland. München, 1965.
- Daim, Wilfried.* Der Mann, der Hitler die Ideen gab. München, 1958.
- Dallin, Alexander.* Deutsche Herrschaft in Russland 1941—1945: Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1958.
- Deakin F.W.* Die brutale Freundschaft: Hitler, Mussolini und der Untergang des italienischen Faschismus. Köln, 1962.
- Delmer, Serton.* Die Deutschen und ich. Hamburg, 1963.
- Deuerlein, Ernst.* Der Hitler-Putsch: Bayerische Dokumente zum 8./9. November 1923. Stuttgart, 1962.
- Deuerlein, Ernst.* Der Aufstieg der NSDAP 1919—1933. Düsseldorf, 1968. (cokp. Aufstieg)
- Deutsch, Harold C.* Verschwörung gegen die Krieg: Der Widerstand in den Jahren 1939—1940. München, 1969.
- Diels, Rudolf.* Lucifer ante portas. Zürich, s.a.
- Dietrich, Otto.* Mit Hitler in die Macht. München, 1934.
- Dietrich, Otto.* 12 Jahre mit Hitler. München, 1955.
- Dönitz, Karl.* Zehn Jahre und zwanzig Tage. Frankfurt/M.; Bonn, 1964.
- Dollmann, Eugen.* Dolmetscher der Diktatoren. Bayreuth, 1963.
- Domarus, Max.* Hitler: Reden und Proklamationen 1932—1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. Bd. 1—2. Würzburg, 1962—63.
- Drexler, Anton.* Mein politisches Erwachen. München, 1919.
- Duesterberg, Theodor.* Der Stahlhelm und Hitler. Wolfenbüttel, 1949.
- Dulles, Allen Welsh.* Verschwörung in Deutschland. Kassel, 1949.
- Eckart, Dietrich.* Der Bolschewismus von Moses bis Lenin: Zwiegespräche zwischen Adolf Hitler und mir. München, 1925.
- Eden, Anthony.* Angesichts der Diktatoren. Köln; Berlin, 1964.
- Ehlers, Diter.* Technik und Moral einer Verschwörung. Frankfurt/M.; Bonn, 1964.
- Eyck, Erich.* Geschichte der Weimarer Republik. Bd. 1—2. Zürich, 1954.

- Fabry, Philipp W.* Mutmassungen über Hitler. Düsseldorf, 1969.
- Feiling, Keith.* The life of Neville Chamberlain. London, 1946.
- Fest, Joachim C.* Das Gesicht des Dritten Reiches. München, 1963.
- Fischer, Fritz.* Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf, 1961.
- Fischer, Fritz.* Krieg der Illusionen; Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969.
- Foerster, Wolfgang.* Generaloberst Ludwig Beck: Sein Kampf gegen den Krieg. München, 1953.
- Foertsch, Hermann.* Schuld und Verhängnis: Die Fritschkrise im Frühjahr 1938 als Wendepunkt in der Geschichte der nationalsozialistischen Zeit. Stuttgart, 1951.
- Forsthoff, Ernst.* Der totale Staat. Hamburg, 1933.
- Fraenkel, Ernst.* The Dual State. London; N.Y., 1941
- François-Poncet, André.* Botschafter in Berlin 1931—1938. Berlin; Mainz, 1962.
- Frank, Hans.* Im Angesicht des Galgens: Deutung Hitlers und seiner Zeit auf Grund eigener Eriebnisse und Erkenntnisse. 2. Aufl. Neuhaus, 1955.
- Franz-Willing, Georg.* Die Hitlerbewegung: Der Ursprung 1919—1922. Hamburg; Berlin, 1962.
- Friedensburg, Ferdinand.* Die Weimarer Republik. Hannover; Frankfurt/Main, 1957.
- Friedländer, Saul.* Auftakt zum Untergang: Hitler und die Vereinigten Staaten von Amerika. Stuttgart, 1965.
- Freund, Michael.* Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. Bd. 1—3. Freiburg, 1954—56. (сокр. Weltgeschichte)
- Freund, Michael.* Abendglanz Europas. Stuttgart, 1967.
- Funke, Manfred.* Sanktionen und Kanonen: Hitler, Mussolini und der Abessinienkonflikt. Düsseldorf, 1971.
- Gafencu, Grigore.* Derniers jours de l'Europe. Paris, 1946.
- Gessler, Otto.* Reichswehrpolitik in der Weimarer Zeit. Stuttgart, 1958.
- Gilbert, Martin; Gott, Richard.* Der gescheiterte Frieden: Europa 1933 bis 1939. Stuttgart, 1964.
- Gisevius, Hans Bernd.* Bis zum bitteren Ende. Bd. 1—2. Zürich, 1946.
- Gisevius, Hans Bernd.* Adolf Hitler: Versuch einer Deutung. München, 1963.
- Goebbels, Joseph.* Das Tagebuch von Joseph Goebbels 1925/26: Mit weiteren Dokumenten herausgegeben von Helmut Heiber. Stuttgart, s.a. (сокр. Goebbels-Tagebuch)

Goebbels, Joseph. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei: Eine historische Darstellung in Tagebuchblättern. München, 1934. (сокр. Kaiserhof)

Goebbels, Joseph. Die Zweite Revolution: Briefe an Zeitgenossen. Zwickau, s.a.

Goebbels, Joseph. Tagebücher aus den Jahren 1942/43: Mit anderen Dokumenten herausgegeben von Louis P. Lochner. Zürich, 1948. Цит. как Tagebücher 1942/43)

Göring, Hermann. Aufbau einer Nation. Berlin, 1934.

Görlitz, Walter. (Hrsg.) Der deutsche Generalstab: Geschichte und Gestalt. Frankfurt/M., 1963.

Görlitz, Walter. (Hrsg.) Generalfeldmarschall Keitel: Verbrecher oder Offizier? Erinnerungen, Briefe, Dokumente des Chefs OKW. Göttingen; Berlin; Frankfurt/M., 1961.

Görlitz, Walter und Quint, Herbert A. Adolf Hitler: Eine Biographie. Stuttgart, 1952.

Gordon, Jr., Harold J. Hitlerputsch 1923: Machtkampf in Bayern 1923 bis 1924. Frankfurt/M., 1971.

Govern, W.M. From Luther to Hitler. London, 1946.

Greiner, Helmuth. Die oberste Wehrmachtführung 1939—1943. Wiesbaden, 1951.

Greiner, Josef. Das Ende des Hitler-Mythos. Zürich; Leipzig; Wien, 1947.

Grew, Joseph C. Zehn Jahre in Japan. 1932—1942. Stuttgart, 1947.

Gritzbach, Erich. Hermann Göring: Werk und Mensch. 2. Aufl. München, 1938.

Groener-Geyer, Dorothea. General Groener, Soldat und Staatsmann. Frankfurt/M., 1955.

Groscurth, Helmut. Tagebücher eines Abwehroffiziers 1938—1940. Hrsg. von Helmut Krausnick und Harold C. Deutsch. Stuttgart, 1970.

Gruchmann, Lothar. Der Zweite Weltkrieg. München, 1967.

Guderian, Heinz. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951.

Gumbel, Emil Julius. Verräter verfallen der Feme. Berlin, 1929.

Gun, Nerin E. Eva Braun-Hitler: Leben und Schicksal. Velbert; Kettwig, 1968.

Gutmann, Robert W. Richard Wagner: Der Mensch, sein Werk, seine Zeit. München, 1970.

Haffner, Sebastian. Der Teufelspakt: 50 Jahre deutsch-russische Beziehungen. Reinbek, 1968.

- Haffner, Sebastian.* Der Selbstmord des deutschen Reiches. Bern; München; Wien, 1970.
- Hagemann, Walter.* Publizistik im Dritten Reich. Hamburg, 1948.
- Halder, Franz.* Kriegstagebuch: Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabs des Heeres 1939—1942. Stuttgart, 1962—64. (сокр. КТБ)
- Hale, Oron J.* Presse in der Zwangsjacke. Düsseldorf, 1965.
- Hallgarten, George W.F.* Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt/M., 1955.
- Hallgarten, George W.F.* Dämonen oder Retter. München, 1966.
- Hammerstein, Kunrat v.* Spähtrupp. Stuttgart, 1963.
- Hammerstein, Kunrat v.* Flucht: Aufzeichnungen nach dem 20. Juli. Olten, 1966.
- Hanfstaengl, Ernst.* The Missing Years. London, 1957.
- Hanfstaengl, Ernst.* Zwischen Weissem und Braunem Haus. München, 1970.
- Hassell, Ulrich v.* Vom anderen Deutschland: Aus den nachgelassenen Tagebüchern 1938—1944. 2. Aufl. Zürich; Freiburg, 1946.
- Hauser, Oswald.* England und das Dritte Reich. Bd. 1. Stuttgart, 1972.
- Heiber, Helmut.* Adolf Hitler: Eine Biographie. Berlin, 1960.
- Heiber, Helmut.* Joseph Goebbels. Berlin, 1962.
- Heiber, Helmut.* (Hrsg.) Hitlers Lagebesprechungen. Stuttgart, 1962.
- Heiber, Helmut.* (Hrsg.) Reichsführer!.. Briefe an und von Himmler. Stuttgart, 1968.
- Heiden, Konrad.* Adolf Hitler: Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Eine Biographie. Bd. I—II. Zürich, 1936—1937.
- Heiden, Konrad.* Geburt des Dritten Reiches: Die Geschichte des Nationalsozialismus bis Herbst 1933. 2. Aufl. Zürich, 1934. (сокр. Geburt)
- Heiden, Konrad.* Geschichte des Nationalsozialismus: Die Karriere einer Idee. Berlin, 1932. (сокр. Geschichte)
- Henkys, Reinhard.* Die nationalsozialistischen Gewaltverbrechen. 2. Aufl. Stuttgart, 1965.
- Heusinger, Adolf.* Befehl im Widerstreit. Tübingen; Stuttgart, 1950.
- Heuss, Theodor.* Hitlers Weg: Eine Schrift aus dem Jahre 1932. Neu hrsg. von Eberhard Jäckel. Stuttgart, 1968.
- Heyen, Franz Josef.* Nationalsozialismus im Alltag. Boppard, 1967.

- Hildebrand, Klaus.* Deutsche Aussenpolitik 1933—1945: Kalkül oder Dogma? Stuttgart, 1971.
- Hillgruber, Andreas.* Hitlers Strategie: Politik und Kriegführung 1940 bis 1941. Frankfurt/M., 1965. (coкр. Strategie)
- Hillgruber, Andreas.* (Hrsg.) Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler: Vertrauliche Aufzeichnungen über Unterredungen mit Vertretern des Auslands. Bd. 1—2. Frankfurt/M., 1967—70. (coкр. Staatsmänner)
- Hitler, Adolf.* Mein Kampf. 37. Aufl. München, 1933.
- Hitler, Adolf.* Adolf Hitler in Franken: Reden aus der Kampfzeit. Hrsg. von Heinz Preiss. s.l., s.a.
- Hitler, Adolf.* Libres propos sur la guerre et la paix. Version Française de Francois Genoud. Paris, 1952. (coкр. Libres propos)
- Hitler, Adolf.* Hitler's Table Talk. 1941—1944. London, 1953.
- Hitler, Adolf.* Le testament politique de Hitler, Ed. par H.R. Trevor-Roper. Paris, 1959.
- Hitler, Adolf.* Hitlers zweites Buch: Ein Dokument aus dem Jahre 1928. Hrsg. von G. L. Weinberg. Stuttgart, 1961.
- Hitler, Adolf.* Hitlers Lagebesprechungen: Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942—1945. Hrsg. von Helmut Heiber. Stuttgart, 1962. (coкр. Lagebesprechungen)
- Hitler, Adolf.* Hitlers Weisungen für die Kriegführung. Hrsg. von Walther Hubatsch. Frankfurt/M., 1962.
- Hitler, Adolf.* Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941—1942. Hrsg. von Henry Picker. Stuttgart, 1965. (coкр. Tischgespräche)
- Hoegner, Wilhelm.* Hitler und Kahr: Die bayerischen Napoleonsgrößen von 1923. München, 1928.
- Hoegner, Wilhelm.* Die verratene Republik. München, 1958.
- Höhne, Heinz.* Der Orden unter dem Totenkopf: Die Geschichte der SS. Gütersloh, 1967.
- Hofer, Walther.* Die Entfesselung des Zweiten Weltkriegs. Frankfurt/M., 1960.
- Hoffmann, Heinrich.* Hitler was my friend. London, 1955.
- Hoffmann, Peter.* Widerstand, Staatsstreich, Attentat: Der Kampf der Opposition gegen Hitler. München, 1969.
- Hofmann, Hanns Hubert.* Der Hitlerputsch: Krisenjahre deutscher Geschichte 1920 bis 1924. München, 1961.
- Horn, Wolfgang.* Führerideologie und Parteiorganisation in der NSDAP 1919—1933. Düsseldorf, 1972.
- Hossbach, Friedrich.* Zwischen Wehrmacht und Hitler 1934—1938. Wolfenbüttel; Hannover, 1949.

Hubatsch, Walther. Hindenburg und der Staat. Göttingen, 1966.

Huber, Ernst Rudolf. Verfassungsrecht des Grossdeutschen Reiches. Hamburg, 1939.

Ingrim, Robert. Hitlers glücklichster Tag. Stuttgart, 1962.

Jacobsen, Hans-Adolf. Fall Gelb: Der Kampf um den deutschen Operationsplan zur Westoffensive 1940. Wiesbaden, 1957.

Jacobsen, Hans-Adolf. 1939—1945: Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. 5. Aufl. Darmstadt, 1961.

Jacobsen, Hans-Adolf. Der Zweite Weltkrieg: Grundzüge der Politik und Strategie in Dokumenten. Frankfurt/M.; Hamburg, 1965.

Jacobsen, Hans-Adolf. Kommissarbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener // Anatomie des SS-Staates. Olten; Freiburg i. Br., 1965.

Jacobsen, Hans-Adolf. Nationalsozialistische Aussenpolitik 1933—1938. Frankfurt/M.; Berlin, 1968.

Jacobsen, Hans-Adolf. und Jochmann, Werner. Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus 1933—1945. Bielefeld, 1961.

Jacobsen, Hans-Adolf; Rohwer, Jürgen. (Hrsg.) Entscheidungsschlachten des Zweiten Weltkriegs. Frankfurt/M., 1960.

Jäckel, Eberhard. Frankreich in Hitlers Europa. Stuttgart, 1966.

Jäckel, Eberhard. Hitlers Weltanschauung: Entwurf einer Herrschaft. Tübingen, 1969.

Jaspers, Karl. Die geistige Situation der Zeit (1931). Berlin, 1947.

Jenks, William A. Vienna and the Young Hitler. New York, 1960.

Jetzinger, Franz. Hitlers Jugend: Phantasien, Lügen — und die Wahrheit. Wien, 1956.

Jochmann, Werner. Im Kampf um die Macht: Hitlers Rede vor dem Hamburger Nationalklub von 1919. Frankfurt/M., 1960.

Jochmann, Werner. Nationalsozialismus und Revolution: Ursprung und Geschichte der NSDAP in Hamburg 1922—1933. Frankfurt/M., 1963.

Joll, James. Three Intellectuals in Politics. New York, 1960.

Kallenbach, Hans. Mit Adolf Hitler auf der Festung Landsberg. 4. Aufl. München, 1943.

Kempner, Robert M.W. Eichmann und Komplizen. Zürich; Stuttgart; Wien, 1961.

Kennan, George F. Memoirs 1925—1950. Boston, 1967.

Kersten, Felix. Totenkopf und Treue: Heinrich Himmler ohne Uniform. Aus den Tagebuchblättern des finnischen Medizinalrats Felix Kersten. Hamburg, s.a.

Kessler, Harry Graf. Tagebücher 1918—1937. Frankfurt/M., 1961.

Kirkpatrick, Sir Ivone. Im inneren Kreis: Erinnerungen eines Diplomaten. Berlin, 1964.

Kirkpatrick, Sir Ivone. Mussolini. Berlin, 1965.

Klages, Ludwig. Der Geist als Widersacher der Seele. München; Bonn, 1954.

Klee, Karl. Das Unternehmen Seelöwe. Göttingen; Berlin; Frankfurt/M., 1958.

Klemperer, Klemens v. Konservative Bewegungen zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München; Wien, s.a.

Knickerbocker, H.R. Deutschland so oder so? Berlin, 1932.

Koerber, Viktor v. Hitler, sein Leben und seine Reden. München, 1923.

Koktanek, Anton Mirko. Oswald Spengler in seiner Zeit. München, 1968.

Koller, Karl. Der letzte Monat. Mannheim, 1948.

Kordt, Erich. Wahn und Wirklichkeit: Die Aussenpolitik des Dritten Reiches. Versuch einer Darstellung. Stuttgart, 1948.

Kordt, Erich. Nicht aus den Akten: Die Wilhelmstrasse in Frieden und Krieg. Eriebnisse, Begegnungen und Eindrücke 1928—1945. Stuttgart, 1950.

Kosthorst, Erich. Die deutsche Opposition gegen Hitler zwischen Polen- und Frankreichfeldzug. 3. Aufl. Bonn, 1957.

Kotze, Hildegard v.; Krausnick, Helmut. Es spricht der Führer: Sieben exemplarische Hitler-Reden. Gütersloh, 1966.

Kracauer, Sigfried. Die Angestellten. Neuaufl. Allensbach, 1959.

Krause, Karl Wilhelm. Zehn Jahre Kammerdiener bei Hitler. Hamburg, s.a.

Krausnick, Helmut. Judenverfolgung // Anatomie des SS-Staates. Olten; Freiburg i. Br., 1965.

Krebs, Albert. Tendenzen und Gestalten der NSDAP: Erinnerungen an die Frühzeit der Partei. Stuttgart, 1959.

Kruck, Alfred. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939. Wiesbaden, 1954.

Kubizek, August. Adolf Hitler, mein Jugendfreund. Graz; Göttingen, 1953.

- Kuehni, Reinhard.* Die nationalsozialistische Unke 1925—1930. Meisenheim am Glan, 1966.
- Kuhn, Axel.* Hitlers aussenpolitisches Programm. Stuttgart, 1970.
- Kurowski, Franz.* Armee Wenck. Neckargemünd, 1967.
- Lange, Karl.* Hitlers unbeachtete Maximen: «Mein Kampf» und die Öffentlichkeit. Stuttgart, 1968.
- Laqueur, Walter.* Deutschland und Russland. Berlin, 1965.
- Lepsius, Rainer M.* Extremer Nationalismus: Strukturbedingungen vor der nationalsozialistischen Machtergreifung. Stuttgart, 1966.
- Liddell Hart, Basil Henry.* The Other Side of the Hill. London, 1951.
- Lossberg, Bernhard v.* Im Wehrmachtsführungsstab. Hamburg, 1949.
- Lüdecke, Kurt.* I Knew Hitler. London, 1938.
- Lukacs, Georg.* Schriften zur Literatursoziologie. Neuwied, 1961.
- Lukacs, Georg.* Die Zerstörung der Vernunft. Neuwied, 1962.
- Mann, Golo.* Deutsche Geschichte des neunzehnten und zwanzigsten Jahrhunderts. Frankfurt/M., 1958.
- Mann, Thomas.* Gesammelte Werke in zwölf Bänden. Frankfurt/M., 1956. (сокр. GW)
- Mann, Thomas.* Betrachtungen eines Unpolitischen. Frankfurt/M., 1956.
- Manstein, Erich v.* Verlorene Siege. Frankfurt/M., 1963.
- Manvell, Roger; Fraenkel, Heinrich.* Goebbels: Eine Biographie. Köln; Berlin, 1960.
- Maser, Werner.* Die Frühgeschichte der NSDAP: Hitlers Weg bis 1924. Frankfurt/M.; Bonn, 1965. (сокр. Frühgeschichte)
- Maser, Werner.* Hitler's Mein Kampf. München; Esslingen, 1966.
- Maser, Werner.* Adolf Hitler: Legende, Mythos, Wirklichkeit. München; Esslingen, 1971. (сокр. Hitler)
- Matthias, Erich; Morsey, Rudolf* (Hrsg.) Das Ende der Parteien 1933. Düsseldorf, 1960.
- McRandle, James H.* The Track of the Wolf. Evanston, 1965.
- Meier-Welcker, Hans.* Seeckt. Frankfurt/M., 1967.
- Meinck, Gerhard.* Hitler und die deutsche Aufrüstung 1933—1937. Wiesbaden. 1959.
- Meinecke, Friedrich.* Die deutsche Katastrophe: Betrachtungen und Erinnerungen. 5. Aufl. Wiesbaden, 1955.

Meissner, Hans Otto; Wilde, Harry. Die Machtergreifung. Stuttgart, 1958.

Meissner, Otto. Staatssekretär unter Ebert-Hindenburg-Hitler: Der Schicksalsweg des deutschen Volkes von 1918—1945, wie ich ihn erlebte. 3. Aufl. Hamburg, 1950.

Mend, Hans. Adolf Hitler im Felde 1914—1918. Giessen, 1931.

Milosz, Czeslaw. Verführtes Denken. Köln; Berlin, 1953.

Miltenberg, Weigand v. [i.e. Herbert Blank] Adolf Hitler — Wilhelm III. Berlin, 1930—31.

Milward, Alan S. Die deutsche Kriegswirtschaft 1939—1945. Stuttgart, 1966.

Mosse, George L.; Laqueur, Walter (Hrsg.) Internationaler Faschismus 1920—1945. München, 1966.

Müller, Christian. Oberst i. G. Stauffenberg: Eine Biographie. Düsseldorf, 1970.

Müller, Karl Alexander v. Mars und Venus: Erinnerungen 1914—1919. Stuttgart, 1954.

Müller, Karl Alexander v. Im Wandel einer Welt: Erinnerungen 1919—1932. München, 1966.

Müller, Klaus-Jürgen. Das Heer und Hitler: Armee und nationalsozialistisches Regime 1933—1940. Stuttgart, 1969.

Neumann, Franz Leopold. Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism. 2nd ed. New York, 1944.

Neumann, Sigmund. Die Parteien der Weimarer Republik. Stuttgart, 1965.

Nicolson, Harold. Tagebücher und Briefe 1930—1941. Frankfurt/M., 1969.

Niedhart, Goltrried. Grossbritannien und die Sowjetunion 1934—1939. München, 1972.

Niekisch, Ernst. Gewagtes Leben: Begegnungen und Begebnisse. Köln; Berlin, 1958.

Nietzsche, Friedrich. Werke in drei Bänden. Hrsg. v. Karl Schlechta. München, 1954—56.

Nolte, Ernst. Der Faschismus in seiner Epoche: Die Action Française, der italienische Faschismus, der Nationalsozialismus. München, 1963. (cokp. Epoche)

Nolte, Ernst. Der Faschismus von Mussolini zu Hitler: Texte, Bilder, Dokumente. München, 1968. (cokp. Faschismus)

Nolte, Ernst. Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen. München, 1968 (cokp. Krise)

Nolte, Ernst. (Hrsg.) Theorien über den Faschismus. Köln; Berlin, 1967. (cokp. Theorien)

- Nyomarkay, Joseph.* Charisma and Factionalism in the Nazi Party. Minneapolis, 1967.
- Oertzen, Friedrich Wilhelm v.* Die deutschen Freikorps 1918—1923. München, 1936.
- Olden, Rudolf.* Hitler. Amsterdam, 1936.
- Orlow, Dietrich.* The History of the Nazi Party 1919—1933. Pittsburg, 1969.
- Papen, Franz von.* Der Wahrheit eine Gasse. München, 1952.
- Paulus, Friedrich.* Ich stehe hier auf Befehl: Lebensweg des Generalfeldmarschall Friedrich Paulus. Hrsg. von Walter Görnitz. Frankfurt/M., 1963.
- Picker, Henry.* Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941—1942. Bonn, 1951. (сокр. Tischgespräche)
- Pulzer, Peter G.J.* Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Oesterreich 1867—1914. Gütersloh, 1966.
- Raeder, Erich.* Mein Leben. 2. Bd. Tübingen, 1956—57.
- Rauschning, Hermann.* Die Revolution des Nihilismus: Kulisse und Wirklichkeit im Dritten Reich. 5. Aufl. Zürich; New York, 1938.
- Rauschning, Hermann.* Gespräche mit Hitler. Zürich; Wien; New York, 1940. (сокр. Gespräche)
- Reck-Malleczewen, Friedrich P.* Tagebuch eines Verzweifelten: Zeugnis einer inneren Emigration. Stuttgart, 1966.
- Recktenwald, Johann.* Woran hat Adolf Hitler gelitten? München; Basel, 1963.
- Reichmann, Eva Gabriele.* Die Flucht in den Hass: Die Ursachen der deutschen Judenkatastrophe. Frankfurt/M., s.a.
- Ribbentrop, Joachim von.* Zwischen London und Moskau: Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen. Leoni, 1953.
- Riezler, Kurt.* Tagebücher, Aufsätze, Dokumente. Hrsg. von Karl Dietrich Erdmann. Göttingen, 1972.
- Ritter, Gerhard.* Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1954.
- Röhm, Ernst.* Die Geschichte eines Hochverrätters. 5. Aufl. München, 1934.
- Röhrs, Hans-Dietrich.* Hitler: Die Zerstörung einer Persönlichkeit. Neckargemünd, 1965.
- Rönnefarth, Helmuth K.G.* Die Sudetenkrise in der internationalen Politik 1938. Bd. 1—2. Wiesbaden, 1961.
- Roon, Ger van.* Neuordnung im Widerstand: Der Kreisauer Kreis innerhalb der Widerstandsbewegung. München, 1967.

Rosenberg, Alfred. Letzte Aufzeichnungen. Göttingen, 1955.

Rosenberg, Alfred. Das politische Tagebuch Alfreds Rosenbergs aus den Jahren 1934/35 und 1939/40. Hrsg. und erläutert von Dr. Hans-Günther Seraphim. Göttingen, 1956.

Rosenberg, Arthur. Entstehung und Geschichte der Weimarer Republik. Frankfurt/M., 1955.

Rossbach, Gerhard. Mein Weg durch die Zeit. Weilburg, 1950

Rothfels, Hans. Die deutsche Opposition gegen Hitler: Eine Würdigung. Frankfurt/M., 1958.

Sauer, Wolfgang, Bracher K.D., Schulz G. Die nationalsozialistische Machtergreifung. Studien zur Errichtung des totalitären Herrschaftssystems in Deutschland 1933/34. Köln; Oplander, 1960. (сокр. Machtergreifung)

Schacht, Hjalmar. Abrechnung mit Hitler. Hamburg; Stuttgart, 1948.

Schacht, Hjalmar. 76 Jahre meines Lebens. München, 1953.

Schellenberg, Walter. Memoiren. Köln, 1956.

Scheringer, Richard. Das grosse Los: Unter Soldaten, Bauern und Rebellen. Hamburg, 1959.

Schieder, Theodor. Hermann Rauschnings «Gespräche mit Hitler» als Geschichtsquelle. Opladen, 1972.

Schirach, Baldur v. Ich glaubte an Hitler. Hamburg, 1967.

Schlabrendorff, Fabian v. Offiziere gegen Hitler. Frankfurt/M.; Hamburg, 1959.

Schmeer, Karlheinz. Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. München, 1956.

Schmidt, Paul. Statist auf diplomatischer Bühne 1923—1945: Eriebnisse eines Chefdolmetschers im Auswärtigen Amt mit den Staatsmännern Europas. Bonn, 1950.

Schmitthenner, Walter; Buchheim, Hans (Hrsg.) Der deutsche Widerstand gegen Hitler: Vier historisch-kritischen Studien. Köln; Berlin, 1966.

Schoenbaum, David. Die braune Revolution: Eine Sozialgeschichte des Dritten Reiches. Köln; Berlin, 1968.

Shubert, Günter. Anfänge nationalsozialistischer Aussenpolitik. Köln, 1963.

Schüddekopf, Otto-Ernst. Das Heer und die Republik: Quellen zur Politik der Reichswehrführung 1918—1933. Hannover; Frankfurt/M., 1955.

Schüddekopf, Otto-Ernst. Unke Leute von rechts. Stuttgart, 1960.

Schuschnigg, Kurl v. Ein Requiem in Rot-Weiss-Rot. Zürich, 1946.

- Schwerin-Krosigk, Lutz Graf v.* Es geschah in Deutschland: Menschenbilder unseres Jahrhunderts. Tübingen; Stuttgart, 1951.
- Schwertfeger, Bernhard.* Rätsel um Deutschland. Heidelberg, 1948.
- Seabury, Paul.* Die Wilhelmstrasse: Die Geschichte der deutschen Diplomatie 1930 bis 1945. Frankfurt/M., 1956.
- Semler, Rudolf.* Goebbels — the Man Next to Hitler. London, 1947.
- Severing, Carl.* Mein Lebensweg. Bd. II. Köln, 1950.
- Sforza, Carlo.* Europäische Diktaturen. Berlin, 1932.
- Shirer, William L.* A Berlin Diary. London, 1941.
- Shirer, William L.* Aufstieg und Fall des Dritten Reiches. Köln; Berlin, 1961.
- Siedler, Wolf-Jobst.* Behauptungen. Berlin, 1965.
- Silone, Ignazio.* Die Kunst der Diktatur. Köln; Berlin, 1965.
- Smith, Bradley F.* Adolf Hitler: His Family, Childhood and Youth. Stanford, 1967.
- Sombart, Werner.* Die Juden und das Wirtschaftsleben. München; Leipzig, 1920.
- Sonuner, Theo.* Deutschland und Japan zwischen den Mächten 1935—1940. Tübingen, 1962.
- Sommerfeldt, Martin H.* Ich war dabei: Die Verschwörung der Dämonen 1933—1939. Darmstadt, 1949.
- Sonthheimer, Kurt.* Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik: Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München, 1962.
- Speer, Albert.* Erinnerungen. Berlin, 1969.
- Speidel, Hans.* Invasion 1944. Tübingen; Stuttgart, 1961.
- Spengler, Oswald.* Preussentum und Sozialismus. München, 1919.
- Springer, Hildegard.* Es sprach Hans Fritzsche. Stuttgart, 1949.
- Stampfer, Friedrich.* Die vierzehn Jahre der ersten deutschen Republik. Offenbach, 1947.
- Stehlin, Paul.* Auftrag in Berlin. Berlin, 1966.
- Steinert, Marlis G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. Düsseldorf; Wien, 1970.
- Stephan, Werner.* Joseph Goebbels: Dämon einer Diktatur. Stuttgart, 1949.
- Stern, Fritz.* Kulturpessimismus als politische Gefahr. Bern; Stuttgart; Wien, 1963.
- Stoltenberg, Gerhard.* Politische Strömungen im schleswig-holsteinischen Landvolk 1918—1933. Düsseldorf, 1962.

- Strasser, Gregor.* Kampf um Deutschland. München, 1932.
- Strasser, Otto.* Hitler und ich. Konstanz, 1948.
- Strasser, Otto.* Mein Kampf. Frankfurt/M., 1969.
- Strothmann, Dietrich.* Nationalsozialistische Literaturpolitik: Ein Beitrag zur Publizistik im Dritten Reich. Bonn, 1960.
- Talmon, J.L.* Politischer Messianismus. Bd. 1—2. Köln; Opladen, 1961—63.
- Tobias, Fritz.* Der Reichstagsbrand: Legende und Wirklichkeit. Rastatt, 1962.
- Treue, Wilhelm.* Deutschland in der Weltwirtschaftskrise in Augenzeugenberichten. Düsseldorf, 1967.
- Treviranus, Gottfried Reinhold.* Das Ende von Weimar. Düsseldorf, 1968.
- Trevor-Roper, Hugh Rewald* (ed.). The Bormann Letters: The Private Correspondence between Martin Bormann and His Wife from January 1943 to April 1945. London, 1954.
- Trevor-Roper, Hugh Rewald* (ed.). Hitlers letzte Tage. Frankfurt/M., 1965.
- Tucholsky, Kurt.* Gesammelte Werke. Bd. 1—3. Hrsg. von Mary Gerold-Tucholsky, Fritz Raddatz. Hamburg, 1961.
- Turner, Henry Ashby.* Faschismus und Kapitalismus in Deutschland. Göttingen, 1972.
- Tyrell, Albrecht.* Führer befiehl... Selbstzeugnisse aus der «Kampfzeit» der NSDAP. Düsseldorf, 1969.
- Vienot, Pierre.* Ungewisses Deutschland: Zur Krise seiner bürgerlichen Kultur. Frankfurt/M., 1931.
- Vogelsang, Thilo.* Reichswehr, Staat und NSDAP. Stuttgart, 1962.
- Wagner, Richard.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1907.
- Warlimont, Walter.* Im Hauptquartier der Wehrmacht 1939—1945. Bonn, 1964.
- Weisenborn, Günther.* Der lautlose Aufstand: Bericht über die Widerstandsbewegung des deutschen Volkes 1933—1945. Hamburg, 1953.
- Weizsäcker, Ernst von.* Erinnerungen. München; Leipzig; Freiburg, 1950.
- Wendt, Bernd-Jürgen.* München, 1938: England zwischen Hitler und Preussen. Stuttgart, 1965.
- Wendt, Bernd-Jürgen.* Appeasement 1938: Wirtschaftliche Rezession und Mitteleuropa. Frankfurt/M., 1966.
- Wendt, Hans.* Hitler regiert. Berlin, 1933.

Wernecke, Klaus. Der Wille zur Weltgeltung. Düsseldorf, 1969.

Wheeler-Bennett, John W. Die Nemesis der Macht: Die deutsche Armee in der Politik 1918—1945. Düsseldorf, 1954.

Wiedemann, Fritz. Der Mann, der Feldherr werden wollte. Velbert; Kettwig, 1964.

Wieder, Joachim. Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten. München, 1962.

Zeiler, Eberhard. Geist der Freiheit: Der 20. Juli. 4. Aufl. München, 1963.

Ziegler, Hans Severus. Hitler aus dem Frieden dargestellt. 2. Aufl. Göttingen, 1964.

Zoller, Albert. Hitler privat: Erlebnisbericht seiner Geheimsekretärin. Düsseldorf, 1949.

Zweig, Stefan. Die Welt von gestern. Frankfurt/M., 1949.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЯТАЯ ЗАХВАТ ВЛАСТИ

Глава I

ЛЕГАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 3

Первые шаги. — Перед генералами. — Преемственность целей. — Концепция захвата власти. — Первые чрезвычайные распоряжения. — И опять предвыборная борьба. — Перед предпринимателями. — Пожар Рейхстага. — Основной закон Третьего рейха. — Выборы 5 марта. — Революция СА. — «Национальное восстание». — День Потсдама. — Закон о чрезвычайных полномочиях. — Самоотречение Гинденбурга. — Революция на открытой сцене. — Бесславные закаты. — Внутреннее расставание с Веймарской республикой.

Глава II

НА ПУТИ К ФЮРЕРСКОМУ ГОСУДАРСТВУ 51

Гитлер и власть. — «Я не диктатор!» — Революция на тормозах. — Ориентация нации. — Антисемитский бойкот 1 апреля. — Национальное единение. — Культурная унификация. — Интеллигенты. — Социальная мобилизация. — Прагматический отказ от программы. — Преодоление экономического кризиса. — Рабочие. — Первые внешнеполитические шаги. — Удар по Лиге Наций. — «Справедливость на стороне Герма-

нии!» — Договор с Польшей. — Умение Гитлера вести переговоры. — Никчемность и гениальность. — Вынужденное примирение.

Глава III

«АФЕРА РЁМА» 105

*Революция без врагов. — Лозунг «Второй революции». — «Адольф предает нас!» — Гитлер и рейхсвер. — Приговор Рёму вынесен. — Выступление перед гаулейтерами. — Облава начинается. — Последний разговор с Рёмом. — Речь Палена в Марбурге. — Инспирированный путч СА. — «Рём, ты арестован!» — Круг заданий расширяется. — Пикник в саду 1 июля. — Гитлер в Рейхстаге. — *Les institutions perissent par lews victoires*. — Возвышение СС. — Смерть Гинденбурга. — Полнота власти. — Начало тихой революции.*

КНИГА ШЕСТАЯ ГОДЫ ПОДГОТОВКИ

Глава I

ОТВОЕВАННАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА 156

Цели Гитлера и европейские народы. — Довлеющее настроение: антикоммунизм. — Слабости иного рода. — Гитлер и Англия. — Хрупкая европейская солидарность. — Соглашение с Англией о флоте. — Абиссинский конфликт. — Муссолини изменяет курс. — Захват Рейнской области. — Гражданская война в Испании. — Гитлер и Муссолини. — Новое обхаживание Англии. — Союз с Японией. — Внутриполитическое эхо.

Глава II

ВЗГЛЯД НА БЕЗЛИКУЮ ЛИЧНОСТЬ 200

Сломленный жизненный путь. — Режиссерский талант Гитлера. — Эстетическое преображение смертью. — Праздники и массовые гуляния. — Психологическая взаимосвязь. — Утверждение стилей своего поведения и страх. — Театральный темперамент Гитлера. — От-

ношение к музыке. — Планы насчет Линца. — Мифологизация собственной жизни. — Отсутствие социальных корней. — Женщины. — Окружение. — Инфантильность Гитлера. — Искусство и архитектура. — Античное и германское. — Новый человек. — Боязнь времени. — Болезни.

Глава III

«САМЫЙ ВЕЛИКИЙ НЕМЕЦ» 248

Совещание 5 ноября 1937 года. — Дело Бломберга. — Кризис Фрича. — Присоединение Австрии. — Чехословакия: «Приговоренная к смерти страна». — Поездка Гитлера в Италию. — Чемберлен в Берхтесгадене. — Годесберг. — Немецкое Сопротивление. — Мюнхенская конференция. — Недовольство Гитлера. — Психологическая мобилизация. — Конец Чехословакии. — Поворотный пункт.

Глава IV

РАЗВЯЗЫВАНИЕ ВОЙНЫ 303

Предложение Польше. — Отклонение его Беком. — Англия обещает поддержку. — «План Вайс». — Стрелки переведены на войну. — На сцену выходит Советский Союз. — Стальной пакт. — Выступление Гитлера 23 мая 1939 года. — Московская инициатива. — Наперегонки с бедой. — Пакт с Москвой. — Перед генералами. — Отложенная война. — Директива № 1 о ведении войны. — Нападение. — Объявление войны западными державами. — Первый блицкриг.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ III:

НЕУДАВШАЯСЯ ВОЙНА 349

Война как конечная цель политики. — Перевернутый фронт. — Заблуждение относительно позиции Англии. — Расставание с политикой. — Те же путчистские замашки. — Ужесточение идеологии. — Мотивы. — Импровизированная война. — Концепция блицкрига. — Последовательность стремления Германии стать мировой державой. — Нарушение последовательности. — Гитлер — это не Вильгельм III. — Раздел Польши и разгул террора в ней. — Война, ставшая необратимой.

КНИГА СЕДЬМАЯ

ПОБЕДИТЕЛЬ И ПОБЕЖДЕННЫЙ

Глава I

«ВЕЛИЧАЙШИЙ ПОЛКОВОДЕЦ ВСЕХ ВРЕМЕН» 376

Строптивые генералы. — Западная кампания. — Изменение плана операции. — Дюнкерк. — Обрушившееся небо. — Вступление Италии в войну. — Капитуляция Франции. — Гитлер — полководец. — Компьен. — Гитлер в Париже. — Черчилль. — Гитлер предлагает мир. — «Битва за Британию» и операция «Морской лев». — Идея континентального блока. — Дипломатическое фиаско. — Новая концепция — блицкриг на Востоке. — Война на Балканах. — Полет Рудольфа Гесса в Англию. — Самооговоры. — Решение принято.

Глава II

«ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА» 417

Двойственный характер войны. — Приказ о комиссарах и эйнзатцгруппы. — Уверенность в победе. — На пределе сил. — Москва или Украина? — Зимняя катастрофа. — Контрнаступление Красной армии. — План войны рушится. — «Ни слезинки немецкому народу». — Пёрл-Харбор. — Объявление войны Соединенным Штатам. — «Европейская солидарность». — Новые наступления. — Раздоры с генералитетом. — Переломный момент войны. — Концепция «как выстоять». — Сталинград. — Концепция гибели.

Глава III

УТРАЧЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ 451

Международная изоляция. — Застольные беседы. — Явления редукции. — Лекарства и болезни. — «Кризис фюрера». — Нет тотальной войне. — Мартин Борман. — Уход от реальности. — Подлинная действительность. — «Поистине золотой век». — Окончательное решение. — Мечты о жизненном пространстве. — Новое законода-

тельство о браке. — Аннексии. — Коренное противоречие национал-социализма. — *Mussolini defunto*. — У Гитлера растет решимость.

КНИГА ВОСЬМАЯ

ГИБЕЛЬ

Глава I

СОПРОТИВЛЕНИЕ 501

Европейское Сопротивление. — Дилемма немецкого Сопротивления. — Попытки покушения. — Сдержанность Западных держав. — Группы и противоречия. — Штауффенберг. — Вторжение. — 20 июля 1944 года. — Реакция не заставляет себя ждать: пытки, казни, аресты родственников. — Причины неудачи. — Государственный заговор, не оставивший следа. — Радикальные меры. — Решение о наступлении на Западе. — Наступление в Арденнах. — Большое наступление с Востока.

Глава II

ГИБЕЛЬ БОГОВ 547

Возвращение в Имперскую канцелярию. — Стратегия грандиозной гибели. — Распад явления. — Перепады настроений. — Подозрительность. — Наступление на всех фронтах. — Тенденции мифотворчества. — Противодействие Шпеера. — 20 апреля 1945 года. — Несостоявшееся наступление Штейнера. — Совещание 22 апреля и решение умереть в Берлине. — «Предательство» Геринга. — Бункерные медитации. — Гиммлер — тоже предатель. — Бракосочетание и завещания. — Конец. — Судьба трупа.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ IV:

НЕСПОСОБНОСТЬ К ВЫЖИВАНИЮ 594

Бесперспективность режима. — Спасение мира. — Самоутверждение Европы. — Модернизм и анахронизм Гитлера. — Связь с XIX веком. — Немецкий образ революции. —

Разрушение личного мира. — Изменение немецкого отношения к политике. — Сохраняющиеся фашистские тенденции. — Неспособность к выживанию.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ,	
СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ.....	615
ЛИТЕРАТУРА	616

Научно-популярное издание

ФЕСТ Иоахим

**ГИТЛЕР. БИОГРАФИЯ.
ТРИУМФ И ПАДЕНИЕ В БЕЗДНУ**

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Научный редактор *К.А. Залесский*

Корректор *Г.Н. Страхова*

Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

Верстка *М.А. Виноградов*

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.П.001857.12.03 от 08.12.2003 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 21.01.2006. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «НьютонС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 20. Тираж 5000 экз. Заказ 3-74

Отпечатано в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс» в полном
соответствии с качеством предоставленных диапозитивов.
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

ООО «ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ВЕЧЕ»

129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Тел.: (495) 188-88-02, (495) 188-16-50, (495) 188-65-10.

Тел./факс: (495) 188-89-59, (495) 182-60-47

Интернет/ Home page: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «Вече».

Тел.: (495) 188-66-03.

E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «Вече» вы можете приобрести в издательстве
и в наших филиалах по адресам:

ООО «Вече-НН»:

г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 50.

Тел.: (8312) 64-93-67, (8312) 64-97-18

ОАО «Новосибирсккнига»:

г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, д. 1.

Тел.: (3832) 10-24-95, (3832) 10-39-67.

E-mail: sales@nkniga.ru

ООО «Вече-Казань»:

г. Казань, ул. Дементьева, д. 2в.

Тел./факс: (843) 571-33-07.

E-mail: veche-kaz@nm.ru

ООО «Вече-Украина»:

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (38-044) 537-29-20, (38-044) 407-22-75.

E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «Вече»

в московских книжных магазинах:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Новый книжный».

«Гитлер. Биография» Иоахима Феста — известного немецкого историка Третьего рейха, многие годы являвшегося редактором авторитетной газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг», — по праву считается одной из лучших биографий Гитлера. В свое время эта книга стала сенсацией. Несмотря на внушительный объем и высокую цену, первое издание разошлось почти мгновенно. За первым последовал ряд других изданий, книга была переведена на многие языки и даже экранизирована. Центральной фигурой талантливо и увлекательно написанной книги является Адольф Гитлер. По мнению Феста, чудовищная по своим масштабам воля Гитлера к власти обусловила установление нацистской диктатуры и продемонстрировала «поразительную силу влияния личности на исторический процесс». Книга «Триумф и падение в бездну» посвящена двенадцатилетнему правлению Гитлера, ставшему для Германии величайшей трагедией.

ISBN 5-9533-1179-6

9 785953 311793

